

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КРАСАВИЦЫ

Антология современной
китайской драмы

Составитель и ответственный редактор
Д. И. Маяцкий

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 82-21

ББК 84(5)

К78

*Рекомендовано к изданию Научной комиссией
по направлению «Востоковедение и африканистика»
Санкт-Петербургского государственного университета*

Красавицы: антология современной китайской драмы / пер.
K78 с кит.; сост., отв. ред. Д. И. Маяцкий; вступ. ст. Е. Н. Емельчен-
ковой, Д. И. Маяцкого, В. А. Муравьевой и др. СПб.: Изд-во
С.-Петерб. ун-та, 2022. — 448 с.
ISBN 978-5-288-06228-5

В сборник вошли шесть ранее не переводившихся на русский язык творений выдающихся современных драматургов Китая — Тянь Ханя, Го Шисина, Го Цихуна, Хэ Ципин, Цзоу Цзинчи и Лю Хэна. В пьесах рассказывается о жизни и борьбе китайцев в оккупированном во время Второй мировой войны Шанхае («Красавицы»), о жизненных перипетиях прославленного поэта VIII века Ли Бо («Ли Бо»), об обычаях и нравах жителей современного Пекина («Птичники», «Первый терем в Поднебесной»), проблемах китайского общества в поворотную эпоху начала XX века («Пампушечный двор»), любви и вероломстве («Я люблю цветы персика»). Эти произведения позволяют проследить процесс эволюции китайской драмы с середины XX по начало XXI века.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся литературой, культурой и историей Китая.

УДК 82-21

ББК 84(5)

*Издание подготовлено при поддержке ДОП «Институт Конфуция в СПбГУ»,
Фонда международного преподавания китайского языка
и Столичного педагогического университета (КНР)*

ISBN 978-5-288-06228-5

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2022

ШЕДЕВРЫ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ДРАМЫ

Современная драма, называемая китайцами также новой драмой, разговорной или драмой европейского, или западного, типа, — это особый род китайской литературы и театрального искусства, который проник в Китай из-за рубежа сравнительно недавно, на рубеже XIX–XX веков, через переводную литературу.

Согласно широко распространенному в Китае мнению, первым поставленным на китайском языке спектаклем была «Дама с камелиями» А. Дюма-сына. Третий акт этой пьесы, написанной, как известно, по мотивам одноименного романа Дюма-сына, публично демонстрировался весной 1907 г. творческим коллективом любительской студии «Чунъюшэ» («Весенняя ива»). Студия была создана в 1906 г. обучавшимися в Японии китайскими студентами. Чуть позже, 1 и 2 июня 1907 г., участники «Чунъюшэ» поставили для массового зрителя еще один спектакль — «Черный раб зовет к небу». То была сценическая адаптация романа «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, выполненная китайским писателем-эссеистом, драматургом, переводчиком и активным популяризатором европейской литературы Линь Шу (1852–1924). Несмотря на то, что впоследствии историками были обнаружены сведения о более ранних показах спектаклей новой драмы на китайском языке, именно 1 июня 1907 г. официально признается в Китае днем рождения китайского драматического театра.

Со времени появления на китайской земле разговорная драма (кит. *хуацзюй*) обычно противопоставляется традиционной музыкальной (*сицзюй*), имеющей тысячелетнюю историю, отличающейся невероятным богатством жанровых форм (всего известны названия около 600 живых и мертвых ее жанров), а также тем, что в ней органично переплетаются многообразные средства художественной изобразительности с элементами жанров китайской классической и простонародной литературы. Крайне сложный своими меняющимися от региона к региону эстетическими ус-

ловностями, обладающий глубокой философской основой и тесной связью с многовековой местной культурой, традиционный театр Китая давно уже стал одним из ярких культурных символов этой страны и как будто полностью затмил собой современную драму. В результате за пределами Среднего государства (в том числе в России) интеллигент если еще и скажет, что имеет хотя бы отдаленное представление о традиционном китайском театре и его жемчужине — пекинской опере *цзинцзюй* — или назовет несколько китайских фильмов и снимающихся в них китайских актеров, то уж, как правило, признается, что ничего не знает о современной драме. Поэтому что ее произведения на иностранных языках выходят гораздо реже, чем демонстрируются китайские фильмы или традиционные спектакли за рубежом. На русском языке за последние 30 лет издавались всего лишь два сборника: «Современная китайская драма» (1990) и «Китайская драма XX–XXI вв.» (2019) — с переводами 11 пьес выдающихся авторов прошлого и нынешнего столетий. И если тираж первого сборника был 15 тысяч экземпляров, то второго — уже только тысяча. Оба они фактически стали библиографической редкостью.

Между тем современная драма Китая — хоть и имеет западные корни, на порядок моложе и беднее традиционной драмы — все же по-своему уникальна и заслуживает отдельного внимания. Представлявшая собой на первых порах не всегда удачное подражание западной драме, за чуть более чем вековую историю существования она прошла значительный путь развития, глубоко укоренилась, впитала эстетику традиционной духовной культуры Китая, идеи, темы и сюжеты из китайской истории, классической литературы, традиционного театра и т. д. Все это причудливым образом соединилось с достижениями западной литературной мысли и современными веяниями. Трудом многих драматургов, нередко являющихся авторами сценариев для известных на весь Китай (а то и мир) фильмов, китайская драма обрела зрелость, заняла особое место в мировой литературе и искусстве, заявила о себе как о самобытном, обладающем ярко выраженными национальными чертами виде искусства, уже успевшем полюбить также и многим зарубежным зрителям. И теперь все чаще слышны голоса специалистов, называющих китайскую театральную систему третьей мировой после систем Б. Брехта и К. С. Станиславского.

Желая хоть немного восполнить образовавшийся пробел и познакомить отечественного читателя с китайской драмой ближе, мы решили подготовить данный сборник, включив в него по одному прежде не переводившемуся на русский язык яркому творению шести авторитетных драматургов. Наш выбор в некоторой степени случаен: весьма непросто отобрать толику среди множества шедевров. У сборника нет общей идеи или связующей темы. Есть только желание показать, какой драма была накануне образования Китайской Народной Республики и каких высот

достигла к началу нового столетия. На примере пользующихся в Китае высокой популярностью пьес отразить, какие думы волновали или волнуют драматургов, чем живут, о чем говорят их герои.

Сборник открывает пьеса «**Красавицы**» **Тянь Ханя** (настоящее имя Тянь Шоучан, 1898–1968) — основоположника современной китайской драматургии и театра, создателя нового литературного языка и эстетики драмы. Тянь Хань был не только выдающимся драматургом, но также поэтом, переводчиком, оперным реформатором, композитором, кинематографистом и государственным деятелем, занимавшим высокие посты в народном правительстве. Его перу принадлежит текст «Марша добровольцев» (1935), ставшего с 1949 г. государственным гимном Китайской Народной Республики.

Первая драма Тянь Ханя — «Ночь в кафе» — была написана в 1920 г. Всего же за 48 лет творчества он создал больше ста произведений. Выступив первопроходцем, Тянь Хань решал в них вопросы художественного языка, основанного на разговорной речи, намечал проблемы эстетики новой драмы. Он писал, что при видимом дистанцировании от традиции, стремлении противопоставиться ей, современная драматургия все же сохранила прочную глубинную связь с национальным культурным наследием. Присущий ей эпический характер уходит корнями в классическую драму, но акцент смещен в сторону рационалистического, а не чувственного начала, хотя второе, тем не менее, тоже присутствует. Творческой интенцией автора является стремление через штрихи и намеки, скрывающие за собой целокупную картину (ее необходимо домыслить), сделать зрителя причастным к художественному познанию действительности. Этим обусловлено особое внимание к событийной стороне произведения. Многоактные произведения Тянь Ханя складываются из множества эпизодов, не обязательно выходящих один из другого. Действие развивается медленно через размеренно текущие диалоги. Характеры героев раскрываются также медленно, как правило, в ситуациях необходимости осуществления трудного выбора, в результате чего достигается психологическое напряжение и обнажается их натура. Пьесы наполнены восходящими к традиции символами и аллегориями, глубоким философским подтекстом. Нередко звучат древние пословицы и поговорки, цитируются строки из классических стихов, задействуются приемы старого сказительского искусства (к нему близка, например, манера повествования Рассказчика в «Красавицах»).

Над пьесой «Красавицы» Тянь Хань работал с конца 1946 до весны 1947 г. Поводом для ее написания послужили два резонансных события, произошедших тогда в Пекине и Шанхае, — дело Шэнь Чун и инцидент с лоточниками. Первое — уголовное дело об изнасиловании 25 декабря 1946 г. пекинской студентки Шэнь Чун. Несмотря на то, что совершившие преступление два американских моряка были схвачены и вину признали,

оба в конечном счете избежали наказания, что вызвало справедливое народное возмущение. Второе же событие было связано с объявленным в июле 1946 г. гоминьдановским правительством Шанхая запретом на уличную торговлю. Запрет привел к арестам полунищих шанхайцев, которые, не имея возможности прокормить свои семьи другим способом, на последние или взятые в долг деньги покупали нехитрый ходовой товар (обычно американские консервы и другие продукты питания) и торговали им на оживленных улицах. Их ловили, товар изымали и не возвращали, лишая тем самым несчастных людей последних средств к существованию. Всю вторую половину 1946 г. коммунистическое подполье Шанхая устраивало частые многолюдные акции мелких торговцев и добивалось освобождения брошенных в тюрьмы лоточников.

Премьера пьесы «Красавицы» состоялась в самый разгар Гражданской войны в марте 1947 г. в городе Уси провинции Цзянсу в исполнении Девятой труппы фронтового театра. В 1957 г. она была опубликована в майском выпуске ежемесячника «Цзюйбэнь» («Пьесы»).

Го Цихун, автор «**Ли Бо**» — второго произведения сборника, — родился 6 июня 1940 г. недалеко от Чаочжоу в провинции Гуандун. В 1961 г. он окончил факультет китайской словесности Чжуншаньского университета, где посещал лекции видного филолога Ван Цзисы (1906–1996). После университета трудился в Китайском театре оперы пинцзюй (музыкальная драма провинции Хэбэй), Пекинском театре столичной оперы и Северном театре оперы куньцзюй (музыкальная драма провинции Цзянсу) — в них он писал либретто и занимал административные должности. На данный момент Го Цихун возглавляет Пекинскую ассоциацию драматургов, как приглашенный профессор читает лекции в Академии китайского традиционного театра и других университетах, пишет сценарии для Пекинского народного художественного театра — главного драматического театра страны.

Начав литературную деятельность в 16 лет и опубликовав первое произведение в 1959 г., Го Цихун выступил автором свыше 800 произведений разных жанров, 28 из них были отмечены 55 государственными и региональными наградами.

Писать разговорные драмы Го Цихун начал довольно поздно. Первым его творением в этом жанре была законченная в 1988 г. автобиографическая пьеса «Пурпур», в основу сюжета которой легла история жизни его семьи в годы Культурной революции. Другими значимыми произведениями драматурга были: «Госпожа Хуа Жуй» (1988), посвященная жившей в IX в. наложнице; пьеса «Ли Бо» (1991), повествующая о сложной судьбе прославленного поэта VIII века; «Баловень небес» (1995), рассказывающая о крупном деятеле эпохи Троецарствия (220–280) Цао Цао и его не менее выдающихся сыновьях Цао Пи и Цао Чжи; драма «Монолог мужчины» (2003), знакомящая читателей с актуальными проблемами совре-

менной интеллигенции и чиновничества; пьеса «Верные друзья» (2009), воспевающая трогательную заботу многочисленных друзей о незаслуженно приговоренном к ссылке на север холодной Маньчжурии поэте Гу Чжэньгуане (1637–1704) и т. д. Перевод «Верных друзей» на русский язык выходил в 2019 г. в сборнике «Китайская драма XX–XXI вв.».

Нетрудно заметить, что Го Цихун в основном писал пьесы на исторические темы. В этом нет ничего удивительного. Получив классическое филологическое образование, он на протяжении всего творчества ориентируется на него, стремится обращаться к богатому историческому прошлому и культурному наследию Китая, переосмысляет судьбы героев разных эпох не только в пьесах разговорной драмы, но также и в других жанрах. Язык его исторических произведений довольно сложен: поскольку героями в них выступают носители высокой культуры, содержание и стилистика их речи соответствующие.

Хэ Ципин — единственная в сборнике представительница малочисленной женской когорты драматургов. Она родилась в 1951 г. в Пекине. В 1982 г. окончила Центральную театральную академию, некоторое время состояла в штате сценаристом Пекинского народного художественного театра. В 1989 г. переселилась в Гонконг. Там в 1997 г. была приглашена на работу в Гонконгский театр современной драмы. Хэ Ципин продолжает сотрудничать с Пекинским народным художественным театром, на сцене которого регулярно ставятся ее пьесы: «Апарт-отель “Хаоюнь”» (1984), «Первый терем в Поднебесной» (1988) и «Удачной торговли! Успешной работы!» (2004). «Первый терем в Поднебесной» считается лучшей ее драмой. В 1989 и 1990 гг. этот спектакль ставился в Китае свыше 200 раз, а в 2016 г. количество постановок превысило 500. Пьеса показывалась также зрителям Японии, Южной Кореи и США, где неизменно производила фурор.

Го Шисин родился 11 ноября 1952 г. в Пекине. Журналист по профессии, в 1980-е годы он работал театральным критиком в газете «Бэйцзин ваньбао» («Вечерний Пекин»). Вероятно, именно в те годы и начал формироваться художественный вкус драматурга. Однако, по словам самого Го Шисина, впервые желание написать собственную пьесу возникло у него в 1985 г., когда он в качестве рецензента принимал участие в театральном фестивале, посвященном творчеству У. Шекспира. Первое произведение Го Шисина — пьеса «Рыбаки» — было написано в 1989 г., вместе с ним на сегодняшний день из-под пера автора вышло десять пьес и четыре киносценария. В 2007 г. имя драматурга было внесено в список Плеяды выдающихся театральных деятелей Китая последнего столетия. Некоторые его работы были переведены на английский, французский, немецкий, японский, корейский и другие языки, спектакли по ним ставились во Франции, Германии, Японии, Израиле.

Представленная в данном сборнике пьеса «Птичники» вышла из-под его пера в 1991 г. — это второе по счету произведение в творчестве Го Ши-

сина. Вместе с упомянутой ранее пьесой «Рыбаки» и созданной в 1994 г. пьесой «Шахматисты» она входит в трилогию под названием «Досужие люди». Премьера «Птичников» состоялась в 1993 г. в Пекинском народном художественном театре при полном аншлаге и стала настоящей сенсацией в театральном мире столицы. С тех пор пьеса ставилась более 130 раз и до сих пор пользуется огромной популярностью у китайского зрителя.

Действие пьесы разворачивается в конце 1980-х годов на одном из птичьих рынков Пекина, где собираются главные герои повествования — любители птиц. Держать птиц в Китае принято издавна; считается, что эта традиция уходит корнями во времена правления маньчжурской династии Цин (1644–1912), когда мода на певчих птиц распространилась сначала среди аристократии, а потом была перенята и простым народом. При этом существовали строгие правила дрессировки птиц, их следовало обучать определенным мелодиям и порядку исполнения. Обученные соответствующим образом пернатые питомцы были гордостью хозяев и высоко ценились. В силу своих истоков данная традиция лучше всего закрепилась именно в столице Срединного государства и считается преимущественно частью старой пекинской культуры. Обычай проводить время с птичками был настолько массовым и популярным, что в пекинском наречии китайского языка путунхуа для обозначения проведения этого вида досуга появилось особое глагольное сочетание — «лю няор» (遛鸟儿/溜鸟儿, букв. «выгулять птичку»). И по сей день пожилые мужчины с клетками в руках, собирающиеся обычно по утрам на свежем воздухе, чтобы выгулять своих певчих птиц и заодно провести время за беседой, — образ, знакомый каждому жителю Пекина настолько, как нам могут быть привычны пенсионеры, играющие во дворе в шахматы или домино.

Таковы и герои пьесы Го Шисина. Однако для них держать птиц не просто хобби, а дело их жизни, что прежде всего отражается в названии произведения (в оригинале оно звучит как «Няожэнь» (鸟人) и состоит из двух иероглифов: «птица» и «человек»), — устами одного из персонажей, психоаналитика Пола Дина, автор поясняет, что для птичников в этом мире все утратило ценность и смысл — все, кроме их птиц. Дин делает птичников объектом своего исследования, для чего превращает птичий рынок в центр психологической реабилитации. Он изобличает их пороки, обвиняет в узости мышления. При этом в конце концов оказывается, что и другие герои: помешанный на поисках редкой птицы орнитолог Чэнь Даочжун, заинтересованный в защите лишь определенных видов птиц наблюдатель от Совета по охране птиц Чарли, да и сам Пол Дин, одержимый историями чужих жизней, — мало чем от них отличаются и так же зажатые в тесных рамках своих собственных миров. Не случайно даже сцену и зрительный зал по задумке Го Шисина должна обрамлять декорация в виде гигантской птичьей клетки.

Другим не менее важным символом традиционной культуры старого Пекина, отраженной в пьесе, является пекинская опера. Драматург проводит своего рода параллель между дрессировкой птиц и обучением артистов: обеим традициям свойственны и строгие правила, и каноничность, и преемственность... Так, один из главных героев, бывший актер пекинской оперы Мастер Сань, не найдя достойного ученика, отдает все силы дрессировке певчих птиц. Кроме того, для птичников пекинская опера — такая же часть повседневности, культурной среды, которой они принадлежат. В пьесе мы можем встретить большое количество отсылок к разнообразным произведениям пекинской оперы, названия амплуа, имена персонажей и известных артистов, цитаты и т. д. Более того, в третьем акте само действие переносится в импровизированную оперную постановку, служащую своего рода развязкой пьесы.

Вероятно, секрет успеха этого произведения кроется прежде всего в необычном сюжете, отличающемся некоторой причудливостью и абсурдностью, благодаря которым достигается высокий уровень комизма. Го Шисин мастерски изображает свой родной город Пекин через типичные образы его жителей, однако происходящая с ними история далека от обыденных повседневных событий. Все это порождает и неповторимое своеобразие языка пьесы, в котором можно условно выделить три слоя: современный стандартный путунхуа, старый язык произведений пекинской оперы и подражания им, а также разговорный пекинский диалект, одобренный лексикой, характерной для любителей птиц, и терминами из пекинской оперы. С помощью этих средств в «Птичниках» Го Шисин с юмором и иронией касается проблем, присущих китайскому обществу конца 80-х — начала 90-х годов XX в., однако конфликты, стоящие за сюжетом, по сути, носят общечеловеческий характер и спустя более чем 30 лет не теряют актуальности: это столкновение культур и мировоззрений, противоречие между прошлым и будущим, традицией и прогрессом, искусством и наукой, мечтой и действительностью. При этом автор не навязывает зрителю какое-либо мнение, каждый волен интерпретировать происходящее на сцене по-своему, выбирая подходящий для себя пласт значений и смыслов.

Цзоу Цзинчжи (родился в 1952 г. в провинции Цзянси, г. Нанчан) — еще один яркий современный китайский писатель, поэт, драматург, сценарист и продюсер. Он лауреат множества китайских и международных премий, большинство которых получил за лучшие киносценарии. В 2013 г. благодаря полученным за год гонорарам на сумму в 12 млн юаней (около 120 млн рублей) он оказался на 11-м месте в рейтинге наиболее высокооплачиваемых писателей-сценаристов КНР (в 2014 г. в таком же рейтинге он занимал 9-ю строчку, но с 10 млн юаней). Начиная свою писательскую карьеру Цзоу Цзинчжи с написания повестей, рассказов и стихов. Первым его драматургическим произведением стала пьеса

«Я люблю цветы персика», перевод которой на русский язык представлен в этом сборнике.

Имея некоторый опыт написания киносценариев, Цзоу Цзинчжи решил выступить в роли драматурга в 2003 г. по просьбе режиссера труппы Пекинского народного художественного театра. Именно для этого театра и была написана пьеса, впоследствии несколько доработанная автором. В то время вряд ли кто-то мог предположить, что «Я люблю цветы персика» так полюбится и актерам, и публике. Впрочем, уже название говорит о многом: издревле в Китае цветы персика символизировали любовные чувства. В пьесе причудливо переплелись две любовные истории — случившиеся в древности и в наши дни. До сих пор в Китае каждый год увеличивается количество драматических театров, ставящих эту пьесу.

В основе сюжета лежит странная история, рассказанная автором эпохи Мин (1369–1644) в сборнике повестей «Слова, служащие образцом для [всего] мира»: во времена династии Тан (618–907) гуляка по имени Фэн Янь соблазнил жену военного чиновника Чжан Ина. В один из вечеров Чжан Ин вернулся домой раньше обычного, и хотя его проворной жене и удалось спрятать тайного возлюбленного в коробе для риса, но пьяный Чжан Ин, повалившись спать, придавил собой шапку Фэн Яня, которая, будучи обнаруженной, могла стать опасной уликой и доказательством прелюбодеяния. Обескураженный Фэн Янь из укрытия пытался указать возлюбленной на шапку, но та, пытаясь прочесть его жесты, увидела лишь меч на поясе супруга. Внезапно ужасная догадка сменилась уверенностью, и она с величайшим трепетом извлекла меч из ножен и подала возлюбленному, который вовсе не этого хотел. Фэн Янь потрясен, он в отчаянии — ведь та, которую он считал своей любимой, оказалась способна на вероломство. Таков сюжет спектакля, который репетируют актеры — герои «Я люблю цветы персика». Зритель видит их на сцене, как ему кажется, перед моментом кульминации. Однако сама кульминация странным образом не наступает. Согласно сюжету минской повести, Фэн Янь принимает меч из рук возлюбленной и тут же убивает ее на месте. Он становится главным героем дальнейшего повествования, наряду с ничем не подозревающим мужем, на которого падает подозрение в убийстве. Но современный Фэн Янь не в силах поступить подобным образом, и причина тому — любовные чувства, связывающие уже современных нам героев. В попытке найти новое решение извечной проблемы три «соучастника» действия остаются в театре до поздней ночи в надежде не только спасти пьесу, но и найти выход из собственной непростой ситуации. Сюжет повести развивается на фоне чувств и мыслей современных людей, а роли в классическом любовном треугольнике смещаются — ведь оба наших героя не свободны. В финале действия появление на сцене жены современного Фэн Яня, окончательно вернув зрителя к реальности, дает

в то же время прочувствовать вымышленную театральность и современной любовной истории. Автор, чей полный иронии голос то и дело звучит за кадром, посмеивается над своими героями, не принимая никого из них всерьез. Он не только критически переосмысляет сюжет минской повести, но и вплетает в ткань пьесы цитаты из классической поэзии, в которых декламирующие их актеры как будто случайно делают вовсе не случайные ошибки, заставляя древние стихотворения звучать по-новому. Этот голос за кадром обращается не столько к читателю или зрителю, сколько к актерам и режиссеру — к тем, кому предстоит воплотить пьесу на сцене; он даже более реалистичен, чем финальная сцена. Пьеса, действие которой развивается не только в разных временных отрезках, но и на разных уровнях реалистичности, держит зрителя в постоянном напряжении и одновременно поддается различным интерпретациям, что показывает опыт ее постановок на территории Китая. Возможно, в этом и есть секрет успеха первого драматического произведения Цзю Цзинчжи.

Лю Хэн родился в мае 1954 г. в Пекине. В своей жизни ему довелось сменить много занятий: был он и фермером, и фабричным рабочим, и даже солдатом, а писательский путь начал в 1970-е годы. Главными героями в его реалистических произведениях стали простые люди, многие типажы которых Лю Хэн встречал на жизненном пути. В 1977 г. писатель опубликовал первый рассказ «Маленький жёрнов», позже стал работать редактором в журнале «Бэйцзин вэньсюэ» («Литература Пекина»). В 1986 г. Лю Хэн вступил в Союз китайских писателей, а уже в 2000 г. за один из рассказов получил литературную премию имени Лао Шэ. Кроме того, с 1990 г. он не раз проявил себя как талантливый сценарист, принял участие в создании таких известных в Китае фильмов, как «Цзюй Доу» (1990), «Цю Цзю идет в суд» (1992), «Во имя чести» (2007), «Цветы войны» (2011) и др.

«Пампушечный двор» (2009) — это писательский дебют Лю Хэна в жанре разговорной драмы. Пекинский народный художественный театр предложил писателю, выросшему в одном из районов Пекина — Мэньтоугоу, рассказать подлинную историю о жизни в старом Бэйпине — так Пекин назывался с 1928 по 1949 г.

Согласно изначальному замыслу Лю Хэна, пьеса «Пампушечный двор» должна была охватывать события со времени Синьхайской революции (1911–1912) до образования КНР в 1949 г. В одном из интервью драматург рассказывал, что задумывал масштабную эпопею со сложным сплетением человеческих судеб и отношений, с чередой постоянно меняющихся обстоятельств. Но позднее автор решил не мучать зрителей столь запутанным сюжетом, на раскрытие которого требовалось несколько часов, и выбрал только самые важные линии и эпизоды. Получившаяся в итоге пьеса показывает всего год жизни одного пекинского

двора. Действие происходит в 1948 г. — за год до провозглашения КНР. В течение трех действий мы наблюдаем жизнь простых людей, их радости и горести, надежды и сомнения.

На вопрос, есть ли у главных героев конкретные прототипы, Лю Хэн четко отвечает, что все герои вымышлены и основаны на собирательном образе людей, когда-то встречавшихся автору в жизни. Образы писались под конкретных актеров, поэтому Лю Хэн старался также выделить яркие стороны каждого исполнителя. Кроме того, писатель является блестящим знатоком пекинского диалекта, отчего пьеса изобилует редкими выражениями, знакомыми лишь коренным пекинцам. Многие зрители после ее просмотра отмечали, что фразы в диалогах удивительно меткие, точные, но в то же время едкие и язвительные, что герои говорят на настоящем пекинском наречии, эти особенности вызвали у них ассоциации с произведениями Лао Шэ (1899–1966).

Стоит отметить, что в целом пьеса получала горячий отклик среди китайских зрителей, дававших ей самую высокую оценку. Многие сообщали, что во время просмотра ощущали смену эмоций, передававшихся им от героев: вместе с ними зрителям хотелось то плакать, то смеяться, то размышлять о высоком. Среди отзывов были и такие слова: «Если вы никогда не видели разговорных драм и впервые идете в театр, вам нужно купить билеты именно на “Пампушечный двор”: поверьте, билет будет стоить своих денег!»

Очень надеемся на то, что представленные в сборнике переводы доставят российскому читателю эстетическое удовольствие, помогут почувствовать красоту и силу каждого произведения, увидеть в них то, что видят китайские зрители и читатели, найти для себя что-то новое.

*Е. Н. Емельченкова,
Д. И. Маяцкий,
В. А. Муравьева,
Е. Г. Орлова,
М. Я. Пономарева*

Тянь Хань

КРАСАВИЦЫ

Пьеса в 21 акте

Перевод Ю. Ю. Булавкиной

Действующие лица (в порядке появления)

Рассказчик.
Лю Цзиньмэй.
Первый японский солдат.
Второй японский солдат.
Лян Жоин.
Ван Чжунъюань.
Лиин.
Ли Синьцюнь (Ли Юнь).
Мэн Нань.
Бэйбэй.
Матушка Лю.
Юшэн.
Чжан Юйлян.
Лю Дагэ.
Чжоу Фань (Чжоу Шичжэнь).
Юй Фанцзы.
Первый и Второй тайные агенты в штатском.
Двое полицейских из личного состава японской военной полиции¹.
Юй Дашэн.
Группа рабочих.
Сестрица.
А-ту.
Хулиган.
Человек в темных очках.
Еще один хулиган.
Еще одна группа рабочих.

¹ Кэмпэйтий — корпус безопасности сухопутных войск Императорской армии Японии в период 1881–1945 гг., по сути — военная полиция европейского образца.

Девочка.
Сестрица Хуан.
Японский военный полицейский.
Икэда.
Симада.
Третий тайный агент в штатском.
Половой в чайной.
Домовладелица.
Гао Моу.
Ребенок.
Полицейский из марионеточной полиции.

Акт первый

Рассказчик. Весенним вечером 1944 года в отрезанном в ту пору от страны Шанхае, на укромной улочке близ какого-то парка произошел случай.

Опустив голову, по улице идет Цзиньмэй. Впереди появляются два японских солдата, поравнявшись с ней, они переговариваются между собой.

Первый японский солдат. Yamamoto, kirei josei! (По-японски: Ямамото, эта бабенка неплоха!)

Второй японский солдат. Nani? (По-японски: Что?)

Первый японский солдат. Да как смазлива та девка, что сейчас прошла!

Второй японский солдат. На вид заводская рабочая, недурно.

Первый японский солдат. Не упускай ее!

Второй японский солдат. Пошли!

Солдаты следуют за Цзиньмэй.

За кулисами раздается жалобный крик Цзиньмэй: «Ах, спасите!»

Рассказчик. Мы никогда не забудем этот горестный зов. Мы еще не знаем, кто эта девушка, но понимаем, сколько скорби принесет ей в будущем это внезапное, но столь нередкое для того времени нападение.

Неподалеку от того парка живет семья банкира по фамилии Ван. Как раз в этот час чета Ван сидит у теплой печки и слушает по радио музыку.

Угол достаточно богато обставленной гостиной Ван Чжунъюаня.

Ван Чжунъюань переключает радио. Его красавица-жена, Лян Жоин, поглощена чтением газеты.

Лян Жоин (*нахмурившись*). Хватит уже это слушать!

Ван Чжунъюань (*с миролюбивой улыбкой*). Давай станцуем разок!

Жоин отворачивается.

Ван Чжунъюань. Ну давай же!

Лян Жоин (*указывая на газету*). Который час?

Ван Чжунъюань (*демонстративно глядя на часы*). Три часа двадцать пять минут. Самое время для чая и танцев.

Лян Жоин. Ты и в самом деле...

Ван Чжунъюань. «Живу словно в пьяном угаре, не ведая ни стыда, ни совести»? Не так ли? Ха, за двадцать четыре часа в сутки ты вспоминаешь об этом мире только тогда, когда читаешь газету.

Лян Жоин (*не удостоив мужа взглядом*). По крайней мере, я пробуждаюсь хотя бы когда читаю, а ты?

Ван Чжунъюань. Говоря по совести, я тоже все прекрасно понимаю, дорогая. В начале Войны сопротивления Японии² я со всеми участвовал в создании движения за национальное спасение, разве нет? Но то, как складывались события, заставило пасть духом. Раньше хотя бы еще надеялись, что положение на фронте стабилизируется и нам удастся одержать победу, пусть даже и пиррову. А что сейчас? Проигрывают одно сражение за другим — того и гляди наши войска оттеснят к Гималаям. Гнев так и рвется наружу каждый день, когда читаешь газету. Поэтому мне и страшно пробуждаться последние несколько лет. «Старайся жить весело, ничего не воспринимай всерьез» — таков мой девиз и секрет, помогающий жить дальше. Что же тут поделать?

Лян Жоин. Но мы же китайцы, мы же интеллигенция! Ты сам меня когда-то убеждал в том, что все должны хоть как-то интересоваться государственными делами. Ведь нельзя же вовсе не читать газет, чтобы оградить себя от неприятных эмоций!

Ван Чжунъюань. Ха! Недурно сказано! И вправду, с кем поведешься, от того и наберешься. Уже пахнет влиянием Ли Синьцунь.

Лян Жоин. А разве плохо? Мне до нее еще ой как далеко.

Ван Чжунъюань. Если бы ты подражала ей во всем, мы бы не жили вместе. Сказать по правде, я побаиваюсь этой твоей сокурсницы.

Лян Жоин. Чего же ее бояться? Разве она плохо к тебе относится?

Ван Чжунъюань. Я знаю, что она пытается завоевать мое доверие... Хорошо, как скажешь. Послушаем, что в мире происходит. (*Включает радиоприемник.*)

² Или Вторая китайско-японская война 1937–1945 гг. Началась перед Второй мировой войной после инцидента на мосту Лутоу 7 июля 1937 г.

Объявление по радио: «Уважаемые соотечественники, вот уже почти семь лет длится Война сопротивления Японии, вражеские войска слабеют, а наши, напротив, усиливаются. Хотя мы и уступили часть территории, однако народная поддержка всегда на нашей стороне. В древности говорили: “Пусть в царстве Чу останутся хотя бы три семьи, царство Цинь уничтожат именно они”³. Сейчас на передовой сражаются американские, британские и прочие войска. Наша борьба с японскими захватчиками слилась с мировой антифашистской войной. Если мы будем сохранять единство, в конце победа будет за нами...»

Лян Жоин (*испытывает приятное удивление, подходит*). Ой! Ты смог поймать эту волну! Эх... Одно и то же!

Ван Чжунъюань. Тебе тоже показалось, что они переливают из пустого в порожнее?

Ван Чжунъюань продолжает слушать нанкинское радио: «Уважаемые слушатели, наступает решающий этап в нашей священной восточноазиатской войне. Японская императорская армия подобно сметающему все на своем пути осеннему ветру ворвалась в провинции Хунань и Гуанси⁴. Политическая власть в Чунцине с минуты на минуту рухнет». Лян Жоин, встав, выключает радиоприемник.

Ван Чжунъюань. Что ты делаешь?

Лян Жоин. Ты слышал это!

Ван Чжунъюань. Послушали сообщение из Чунцина, почему бы не узнать, что говорят по нанкинскому радио? Ты же знаешь, я люблю быть справедливым.

Лян Жоин. Ох уж эта твоя «справедливость» китайца из высшего общества. Если в силах слушать такое дальше — продолжай!

Ван Чжунъюань. В таком случае, что предложишь включить, дорогая?

Лян Жоин. Давай уж тогда оперу Цилиньтуна⁵ «Хуэйцзун и Циньцзун»⁶.

Ван Чжунъюань. Еще не время. Да и наши предпочтения в опере расходятся: ты обожаешь арии лаошэна, а я — циньи и хуадань⁷. Ладно, давай отдохнем немного. Как говорится, с глаз долой —

³ Китайский фразеологический оборот. Обозначает, что даже слабые, объединившись вместе, могут добиться успеха. Царство Цинь в III веке до н.э. захватило другие китайские царства и создало первую в истории Китая империю. Обычно у китайцев оно ассоциируется с агрессором.

⁴ Две южные провинции современного Китая.

⁵ Сценический псевдоним Чжоу Синьфана (1895–1975) — знаменитого актера пекинской оперы.

⁶ Опера по имени двух императоров эпохи Северная Сун, написана и исполнена Чжоу Синьфаном для поднятия боевого духа соотечественников во время Войны сопротивления.

⁷ Три амплуа традиционной китайской оперы. Лаошэн — мужской персонаж чаще всего почетного возраста или статуса; циньи — роль главной героини, благодетельной девы; хуадань — роль красивой молодой служанки, кокетки.

из сердца вон. *(Встает, смотрит на книжную полку, вытаскивает том из полного собрания сочинений Лу Синя, обнаруживает, что это лишь пустой футляр.)* Ой! Куда подевался один том?

Лян Жоин. Кое-кто одолжил.

Ван Чжунъюань. Кто? Синьцунь?

Лян Жоин. Отгадал.

Ван Чжунъюань. Ну, конечно же, она. Не давай ей больше книги! Как неприглядно смотрится пустой футляр.

Лян Жоин. А кто знает, что он пуст? В любом случае ты лишь корчишь из себя умника. Не вынуждай меня говорить: «Не смотри, что старина Ван неуч, зато дома у него есть полное собрание сочинений Лу Синя». Тебя ведь не интересует содержание книги, не лучше уж тогда отдать ее кому-нибудь другому, чтобы не находящие применения вещи приносили пользу.

Ван Чжунъюань. Вижу, ты вновь заблистала красноречием. Но, к сожалению, ты слишком субъективна. Откуда ты знаешь, читаю я или нет? Если бы не читал, как бы я выяснил тогда, что в книжке лежит любовное послание тебе? Или хранить в полном собрании сочинений Лу Синя любовное письмо — это тоже своего рода способ извлечь пользу из не находящихся применения вещей?

Лян Жоин *(испуганно)*. Ах, точно. Недавно друг прислал письмо, я не успела прочитать и сунула в подвернувшуюся под руку книгу. *(Быстро перелистывает книгу.)*

Ван Чжунъюань. Зачем так волноваться, оно здесь. *(Передает ей письмо.)*

Лян Жоин *(увидев, что письмо уже вскрыто, гневно)*. Кто его вскрыл?

Ван Чжунъюань. Я!

Лян Жоин. А остальное?

Ван Чжунъюань *(демонстрирует последний лист)*. Это не письмо.

Лян Жоин. Почему ты открываешь мои письма?

Ван Чжунъюань. Я твой муж, имею право.

Лян Жоин. В современном обществе муж не должен нарушать свободу переписки своей жены, ты в курсе?

Ван Чжунъюань. Ты забываешь, Китай сейчас — колония, модернизация общества еще не состоялась.

Лян Жоин. Мы же интеллигентные люди, ты должен понимать, что вскрывать чужие письма — это преступление.

Ван Чжунъюань. Ха! Нынче даже вторгнуться в чужой дом не считается преступлением. Ты разве не читала гоголевского «Ревизора»? Я, подобно гоголевскому почтмейстеру, был движим любопытством, всего-то!

Лян Жоин. Верни мне тот лист.

Ван Чжунъюань. Его содержанием я еще хочу понаслаждаться.

Лян Жоин. Отдай! По правде говоря, мне нечего от тебя скрывать. Юйлян — мой бывший муж, а Бэйбэй — его дочь, ты это знаешь. Теперь он вернулся из материкового Китая и хочет повидаться с дочерью. Что тут скрывать?

Ван Чжунъюань. Верно, тогда почему ты так раздражаешься?

Лян Жоин. Я не раздражаюсь, я отстаиваю права женщины.

Ван Чжунъюань. Я должен уважать твои права, а ты можешь посягать на мои? Мы же равны, разве не так?

Лян Жоин. Когда это я посягала на твои права?

Ван Чжунъюань (*резко*). Почему позавчера ты вскрыла мое письмо?

Лян Жоин. Я этого не делала.

Ван Чжунъюань (*вытаскивает письмо*). Кто его вскрыл?

Лян Жоин. А-а, это письмо от той бесстыдницы.

Ван Чжунъюань. Хах, еще вопрос, кто тут бесстыж.

Лян Жоин. Ты прекрасно знаешь, кто она такая и с какими людьми водит связи. Я беспокоюсь за тебя в последнее время. Как бы то ни было, ты вот уже почти пять или шесть лет работаешь без устали на «одиноким острове»⁸. Не попадись в ее сети, не прыгни с головой в пучину.

Ван Чжунъюань. Я не маленький ребенок, прекрасно понимаю, кто хороший, а кто плохой. Честно говоря, как по мне, все женщины одним миром мазаны.

Лян Жоин (*гневно*). Что? Ты сравниваешь меня с ней? Ты оскорбляешь меня!

Ван Чжунъюань. Ладно, ладно. (*Подходит к ней.*) Не сердись ты так, женушка.

Лян Жоин. Уйди!

Ван Чжунъюань. Это мой дом, куда прикажешь уйти?

Лян Жоин. Тогда уйду я!

Ван Чжунъюань. Чего ради? Сегодня возвращается Бэйбэй, нужно приготовить ей чего-нибудь поесть. Почти месяц как она уехала, разве не следует встретить ее радушно? И еще. (*Вытаскивает*

⁸ Так в период оккупации японскими войсками называли Шанхай, а точнее территорию иностранных концессий (Международного селтльмента и Французской концессии), которые фактически стали островком без войны и японской оккупации (1937–1941 гг.). Китайская часть города с конца 1937 г. находилась под властью Японии. 8 декабря 1941 г. японские войска вступили на территорию иностранных концессий, с этого момента «одиноким остров» прекратил свое существование.

письмо.) Твой бывший муж хочет, чтобы вы с Бэйбэй встретились с ним завтра в два часа пополудни, по адресу улица Дунхайлу, дом 25, строение 2.

Лян Жоин выхватывает у мужа письмо, Ван Чжунъюань тут же отбирает его обратно. В комнату входит молодая служанка Ли ин.

Ли ин. Сестрица Ли приехала.

Лян Жоин *(сидя, вытирает слезы)*. Попроси ее войти.

Ли Синьцзюнь, учительница лет двадцати трех — двадцати четырех, прелестная и с прекрасными манерами, с разноцветной авоськой в руках поспешно входит в комнату. Сначала здоровается с Ван Чжунъюанем.

Ли Синьцзюнь. Господин Ван.

Ван Чжунъюань. О! Синьцзюнь пожаловала. Присаживайся.

Ли Синьцзюнь *(смотря на Лян)*. Жоин, что случилось? *(Вновь поворачивается к Ван Чжунъюаню.)*

Ван Чжунъюань. Она рассердилась. Ты пришла как раз кстати, успокой ее. У меня дела, мне нужно идти. Сегодня возвращается Бэйбэй, поэтому поужинай у нас.

Ли Синьцзюнь. Нет, я тоже занята. Скоро должна уходить.

Ван Чжунъюань. Старый друг семьи, чего смущаться? Я ухажу. Оставляю тебя на попечении моей жены. *(Поспешно надевает пальто и шапку, выходит. Вновь возвращается и обращается к Жоин.)* Улица Дунхайлу, дом 25, строение 2. Не забудь, хорошо? *(Бросает на нее взгляд и снова уходит.)*

Раздается звук автомобильного мотора и отъезжающей машины.

Ли Синьцзюнь *(молчит недолго, снова обращается к Жоин)*. Жоин, что произошло?

Лян Жоин *(поднимает голову, хватается за волосы, вытирает слезы, еле улыбается)*. Ничего не произошло. *(Но тут же снова начинает плакать.)*

Ли Синьцзюнь. Ты поругалась с ним?

Лян Жоин. Он унижает меня!

Ли Синьцзюнь *(тихо)*. Расскажи мне, в чем дело?

Лян Жоин *(тихо)*. Юйлян прислал письмо, а тут пришел Чжунъюань. Я не успела прочитать, сунула его в попавшую под руку книгу, как раз в «Полное собрание сочинений Лу Синя». Не знаю, как он узнал об этом, но он вскрыл письмо и оставил у себя последний лист, так и не вернул мне его.

Ли Синьцзюнь *(задумчиво)*. Что было написано в письме?

Лян Жоин. Откуда же мне знать! Чжунъюань сказал, Юйлян хочет увидеться со мной и Бэйбэй завтра после полудня.

Ли Синьцзюнь. Ты пойдешь?

Лян Жоин. Как я могу не пойти? Но я боюсь.

Ли Синьцзюнь. Боишься, что он последует за тобой?

Лян Жоин. Ты знаешь, что сейчас творится в Шанхае. Боюсь, что Юйлян приехал в этот раз не просто попутешествовать, если же что-то случится...

Ли Синьцзюнь. Да. *(Помолчав какое-то время.)* Как думаешь, что может случиться, если туда явится господин Ван?

Лян Жоин. В последнее время он стал водиться со странными людьми и выражаться как-то не так, как прежде, тебе так не показалось?

Ли Синьцзюнь. Да, он действительно теперь немного другой. *(Помедлив.)* Сестрица, ты все еще любишь Юйляна?

Лян Жоин. Синьцзюнь!

Ли Синьцзюнь. Если ты не любишь его, то лучше бы тебе не ходить на встречу с ним.

Лян Жоин. Ты же знаешь, что мы с ним много лет состояли в браке. После того, как он уехал на материк, я два года не получала от него вестей, уж было думала, что он погиб. И только потом узнала, что он целых два года провел в тюрьме. А мы с Бэйбэй как горемыки болтались здесь, по Шанхаю, не зная, куда бы податься. Я не могла найти работу и поневоле сошлась с Чжунъюанем. Знаю, что совершила ошибку, но...

Ли Синьцзюнь. Сестрица, я слышала твою историю в общих чертах. Скажи честно, в силах ли ты расстаться с Чжунъюанем?

Лян Жоин. Я и с Чжунъюанем прожила четыре года, не могу сказать, что не испытываю к нему чувств.

Ли Синьцзюнь *(слегка посмеиваясь)*. И что же тогда делать? Юйляну известно про Чжунъюаня?

Лян Жоин. Сначала, скорее всего, не знал, он дважды приходил туда, где мы жили раньше. Потом мог проводить, но в письме он ни в чем меня не винил, не высказывал никаких претензий, лишь просил встречи с Бэйбэй.

Ли Синьцзюнь. О, думаю, тебе стоит выполнить его просьбу. И, если можно, отпустить Бэйбэй с ним.

Лян Жоин. Да, мне его так жаль. Едва приехал на материк, как тут же стал жертвой ложных обвинений и попал в тюрьму. Вышел оттуда, не щадя себя, по колено в грязи и воде несколько лет боролся с захватчиками. А сейчас, вернувшись в Шанхай, обнаружил, что у него ничего не осталось. *(Утирает слезы.)*

Ли Синьцзюнь *(раздумывая)*. Нехорошо будет, если ты завтра не пойдешь к нему. Однако улица Дунхайлу — место не очень подходящее.

Давай так: сперва я схожу туда вместо тебя повидаться с ним, передам ему твои слова и условлюсь с ним о вашей встрече в другом месте.

Лян Жоин. Хорошая идея, Синьцунь, полагаюсь на тебя.

Ли Синьцунь (*смотрит на авоську*). Ах, чуть не забыла. Возвращаю тебе книги, которые брала.

Лян Жоин. Ничего страшного, можешь пока поддержать у себя, почитать еще.

Ли Синьцунь. Нет, я все прочла.

Лиин поспешно поднимается.

Лиин. Госпожа, господин Мэн приехал.

Ли Синьцунь. Мэн Нань приехал?

Лян Жоин. Почему же ты не приглашаешь его войти?

Лиин. С ним еще женщина.

Лян Жоин. Женщина? Кто?

Лиин. Не знаю, кто. Не приходила раньше. Вся в слезах.

Ли Синьцунь. Вот как? Пригласи их внутрь.

Входит Мэн Нань, журналист тридцати с небольшим лет, видный и крепко сложенный, но изможденный работой.

Мэн Нань. Госпожа Ван.

Лян Жоин. О, господин Мэн. (*Пожимает руку.*)

Ли Синьцунь. Что стряслось? Кого ты привел?

Мэн Нань. Только что я проходил мимо небольшого сада и заметил, как в рощице одна женщина пыталась покончить с собой. Я остановил ее, но она все равно полна решимости наложить на себя руки. Я привел ее сюда. Прошу вас, поговорите с ней.

Лян Жоин. Где она?

Мэн Нань. На улице. Она отказывается входить.

Лян Жоин. С чего вдруг она решила покончить с собой?

Мэн Нань. Когда она проходила там, дорогу ей преградили японские черти⁹ и надругались над ней.

Лян Жоин. Пойдем посмотрим. (*Вместе выходят.*)

Лиин входит, ставит стул. Жоин ведет за собой работницу; плача, в комнату заходит хорошо одетая и миловидная женщина. Синьцунь поддерживает ее сзади. Работница садится, по-прежнему рыдает, прикрыв лицо руками.

Ли Синьцунь (*поглаживая ее волосы*). Как вас зовут?

Лю Цзиньмэй (*всхлипывая*). Моя фамилия Лю, зовут Цзиньмэй.

⁹ «Японские черти» или просто «черти» — крайне распространенные среди китайского населения ругательства в адрес японских захватчиков периода Войны сопротивления Японии.

Ли Синьцзюнь. Не стоит так убиваться, Цзиньмэй. Здесь нет твоей вины. Немало китайских женщин столкнулось с этой бедой. Наступит еще день...

Лян Жоин. Кто еще есть в твоей семье?

Лю Цзиньмэй. Мама и муж. *(Плача.)*

Лян Жоин *(повернувшись, обращается к Лиин)*. Принеси мой гребень и зеркало.

Лиин уходит.

Лян Жоин. Цзиньмэй, не горюй так, отдохни немного. Мы проводим тебя до дома.

Цзиньмэй плачет.

Ли Синьцзюнь. Мы все расскажем твоей матери и мужу. Ты ведь не виновата, да и не только твое это горе. Где ты живешь?

Лю Цзиньмэй. На улице Яншупу. *(Подумав об ужасающих последствиях, она снова расплакалась.)*

Ли Синьцзюнь. Цзиньмэй, не огорчайся. Мы сможем убедить твоего мужа, он совершенно точно не будет ни в чем тебя винить.

Лю Цзиньмэй. Нет, мой муж это так не оставит. *(Громко плача.)*

Лян Жоин. Цзиньмэй, Цзиньмэй!

Ли Синьцзюнь. Не плачь, Цзиньмэй. Твой муж простит тебя.

Лю Цзиньмэй. Я сгораю от желания загрызть насмерть этих японских чертей!

Ли Синьцзюнь. Да, мы должны их загрызть, выдворить из нашей страны!

Лиин возвращается с гребнем.

Лян Жоин. Давай я тебя расчесу. *(Расчесывает волосы Цзиньмэй, обращается к Лиин.)* Сходи посмотри, вернулась ли Бэйбэй.

Лиин уходит.

Лю Цзиньмэй. Ах, госпожа Ван! Я всю жизнь буду помнить ваше добро. Я боюсь мужа и не смогу дальше жить. Муж никогда меня не простит. *(Плача.)*

Ли Синьцзюнь. Нет, если твой муж разумен, он не будет тебя винить. Чем он занимается?

Лю Цзиньмэй. Мы рабочие. Я работаю в прядильном цехе на фабрике «Юнфэн», а он на металлургическом заводе «Тунмаочжи».

Ли Синьцзюнь. Хорошо, мы проводим тебя домой.

Лю Цзиньмэй. Спасибо вам. Только я не могу вернуться. *(Садится, плачет.)*

Ли Синьцунь *(помогает ей подняться)*. Не переживай так, Цзиньмэй.

Мэн Нань заходит в комнату, вызывает по телефону трицикл.

Мэн Нань. Мы убедим твоего мужа. Гарантирую, что все будет в порядке.

Лян Жоин *(небрежно красится, накидывает черное шерстяное пальто, подходит к остальным)*. Вот именно, мы вместе тебя проводим, успокойся.

Мэн Нань *(подходит)*. Не могу дозвониться! Давайте на улице придумаем, как поступить!

Появляется Ли ин.

Ли ин. Маленькая госпожа вернулась.

Лян Жоин. О, Бэйбэй вернулась, я не могу пойти с вами. *(Снимает пальто.)* Синьцунь, Мэн Нань, проводите ее вдвоем.

Ли Синьцунь. Хорошо, проводим. *(Пожимает руку.)* Цзиньмэй, пойдем.

Лю Цзиньмэй *(поднимается, обращаясь к Жоин)*. Спасибо, госпожа. *(Пожимает руку Жоин.)*

Лян Жоин. Цзиньмэй, успокойся, они смогут убедить твоего мужа.

Мэн Нань *(пожимает руку Жоин.)* До свидания. *(Уходит.)*

Снаружи слышится, как Бэйбэй зовет тетюшку Ли.

Красивая, подвижная девочка вприпрыжку вбегает в комнату.

Лян Жоин *(зовет)*. Бэйбэй! *(Идет встречать.)*

Бэйбэй. Мама! *(Бросается в объятия матери.)*

Лян Жоин. Доченька, как же я соскучилась! Ты целый месяц не возвращалась домой.

Бэйбэй. А где папа? Он не дома?

Лян Жоин. Папа? Ты хочешь увидеться с папой? *(Обеими руками придерживая лицо Бэйбэй.)* Твой папа вернулся.

Бэйбэй. Где же он?

Лян Жоин. Он вернулся в Шанхай.

Бэйбэй. Что ты имеешь в виду?! И где же он?

Лян Жоин. Он только вернулся в Шанхай и хочет тебя увидеть. Ты любишь папу?

Бэйбэй. Люблю.

Лян Жоин. Ну вот и славно, завтра вместе сходим повидаться с ним.

Бэйбэй. Почему не сегодня?

Лян Жоин. Сегодня?

Ван Чжунъюань входит.

Ван Чжунъюань. О, Бэйбэй вернулась? Бэйбэй!

Бэйбэй. Мама, ты меня обманываешь, папа же здесь! *(Разворачивается и обнимает Ван Чжунъюаня.)*

Ван Чжунъюань. Верно, папа здесь. *(Взглянув на Жоин, вынимает игрушку и отдает Бэйбэй.)* Посмотри, что это?

Бэйбэй *(радостно запрыгав)*. Ой! Лягушонок! Да еще и может прыгать! Папа, спасибо вам.

Жоин удрученно молчит.

Занавес опускается.

Акт второй

Рассказчик. Ли Синьцунь и Мэн Нань провожают домой ставшую жертвой насилия, обесчещенную врагами Цзиньмэй. Когда ее мать узнает об этом, как же горестно ей будет?

А как станет страдать и гневаться ее муж? Сможет ли он ее простить?

Раздается гудок автомобиля. Меняется цвет сигнала светофора. Действие переносится в деревянный дом, расположившийся в рабочем районе Яншуну.

Мэн Нань. Здесь?

Лю Цзиньмэй. Да.

Седоволосая пожилая женщина выходит поприветствовать дочь.

Матушка Лю *(глядя на эту необыкновенную сцену)*. Что случилось? Это...?

Лю Цзиньмэй *(плача)*. Мама!

Матушка Лю *(глядя на Синьцунь)*. Что стряслось, доченька?

Мэн Нань. Вы матушка Цзиньмэй?

Матушка Лю. Да, господин. Что с ней произошло?

Мэн Нань. Уже темно, когда я проходил мимо небольшого парка на улице Чанъаньлу. Я увидел, как она в рощице пытается наложить на себя руки и удержал ее. Когда она проходила там, над ней надругались двое японских чертей. Она не могла заставить себя пойти домой. Мы долго ее уговаривали и вот, наконец, привели сюда.

Матушка Лю. Что? Правда?

Лю Цзиньмэй. Мама! *(Горько плачет, обнимая мать.)*

Ли Синьцунь. Матушка, ее нельзя ни в чем винить. Можно винить только наше никчемное государство. Все мы превратились в мясо на разделочной доске у захватчиков, но однажды настанет день...

Матушка Лю (*обращаясь к Цзиньмэй*). Тебя отправили на мост Дунсицяо, как ты оказалась на улице Чанъаньлу?

Лю Цзиньмэй. Семейство Чжан переехало на улицу Чанъаньлу.

Матушка Лю. Одолжила деньги?

Лю Цзиньмэй. Одолжила. (*Вытаскивает из кошелька.*)

Матушка Лю (*указывая на кровать*). Отдай их Юшэну.

Лю Цзиньмэй (*робко передавая деньги больному человеку на кровати*). Я заняла деньги, Югэ¹⁰.

Человек на кровати резко поднимается, смахивает деньги из протянутой к нему руки на пол.

Юшэн. Что же ты не сбежала?

Лю Цзиньмэй. Я пыталась, но не смогла оторваться.

Юшэн. Почему не сопротивлялась?

Лю Цзиньмэй. Я не смогла их одолеть.

Юшэн. Почему не кусала?

Лю Цзиньмэй. Кусала, но они заткнули мне рот.

Юшэн. Тогда почему не умерла?

Лю Цзиньмэй. Я как раз пыталась покончить с собой, но этот господин спас меня.

Юшэн. У тебя еще хватило наглости явиться сюда, но мне будет стыдно смотреть людям в глаза. Мать, я ухожу. (*Он поднимается и идет к выходу. Цзиньмэй пытается его удержать, но он, вырывается, дает ей затрепину и ударом сбивает ее с ног.*) Бесстыжая!

Лю Цзиньмэй. Бей меня, пинай, Югэ, забей до смерти! Только бы ты мог прокормить матушку... (*Согнувшись, громко плачет.*)

Матушка Лю. Юшэн! (*Закрыв лицо, плачет.*)

Мэн Нань. Приятель, помилуй свою жену. Здесь нет ее вины. Да и не смогла бы она оказать сопротивление. В такие годы над всеми женщинами висит угроза быть обесчещенными врагами. Кого нельзя прощать, так это диких зверей, что вторглись в нашу страну! Мы — мужчины, это наш долг — защищать наших женщин. Когда враги бесчестят женщин, они бесчестят и нас. Перекладывая на женщин всю вину, ты тем самым прощаешь врага.

Юшэн. Господин, я неотесанный деревенщина... Я...

Мэн Нань. Она отказывалась возвращаться домой и только после наших длительных уговоров наконец набралась смелости и пришла. Мы тебе ни братья, ни сватья и по-хорошему не имеем права все

¹⁰ Здесь и далее Цзиньмэй обращается к мужу Югэ, где «Ю» — первый иероглиф его имени, а «гэ» — обращение «старший брат». То есть Цзиньмэй называет мужа очень уважительно.

это говорить, но прошу от лица всех попавших в невзгоды жителей Китая простить свою жену.

Лю Цзиньмэй. Юшэн, прости!

Юшэн (*опустив голову, скрежещет зубами*). Я не прощу чертей! (*Обращается к Мэн Наню и Ли Синьцзюнь.*) Присаживайтесь. (*Поворачивается к Цзиньмэй.*) Вставай, вставай!

Юшэн отворачивается, валится на кровать и горько плачет.

Занавес опускается.

Акт третий

Рассказчик. Юшэн сказал правду. Мы не простим чертей, не извиним бандитов, вторгшихся на нашу землю! Друзья, если в один прекрасный день мы не прогоним этих бандитов, то не видать нам и дня спокойной жизни. И именно поэтому бесчисленное количество китайцев, несметное число представителей китайской образованной молодежи приняли участие в Войне сопротивления Японии. Бывший муж Лян Жоин, Чжан Юйлян, как раз один из них; проработав семь лет на материке, он вернулся в Шанхай и отправился на встречу со своим старым другом Лю Дагэ.

Чжан Юйлян разговаривает с Лю Дагэ в его кабинете.

Чжан Юйлян. Все, кто остался на «одиноким острове», хорошо потрудились. Эти несколько лет я смог прожить только благодаря вам.

Лю Дагэ. До того как развернулся Тихоокеанский театр военных действий¹¹, жить на территории иностранных концессий было еще относительно неплохо, но после стало значительно тяжелее. Борьба обострилась, стала открытой, но и тактика врага претерпела определенные изменения. Они по-азиатски всячески пытаются заманить китайцев в свою ловушку, заставляют плясать под их дудку и вместе с ними сражаться против Великобритании и США. Поэтому помимо прямых угроз и принуждения они все чаще пытаются прибегать к материальным соблазнам, подкупам, ведут так называемую психологическую войну. Кстати, мы здесь тоже беспокоились за вас после того, как ситуация на фронте ухудшилась; жить на «одиноким острове» было тяжело, да и на материке едва ли было легче и веселее.

¹¹ Имеются в виду боевые действия на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане, активно развернувшиеся с 7 декабря 1941 г. в рамках Второй мировой войны.

Чжан Юйлян. Как бы не так! На начальном этапе войны все были преисполнены энтузиазма, и несмотря на то что имелись противоречия, они еще не были так заметны. Однако чем дальше, тем больше возникало трудностей.

Лю Дагэ. Ты, видимо, говоришь о столкновениях интересов различных народностей, проживающих на внутренних территориях, которые затмили даже борьбу против врага. Про это нам здесь кое-что тоже известно.

Чжан Юйлян. Дагэ, как ты думаешь, какой оборот примет война с агрессором?

Лю Дагэ. Думаю, хоть и немало у нас внутренних разногласий, но врагу все-таки тяжелее. В настоящее время военные действия в Европе развиваются по благоприятному сценарию. Советский Союз уже вступил в фазу контрнаступления. Похоже, и наша борьба с захватчиками не затянется надолго, но, разумеется, каждому из нас необходимо приложить все возможные усилия.

Чжан Юйлян. Товарищи с материка считают так же. В этот раз я приехал с надеждой на то, что под твоим руководством смогу совершить много дел. Когда я проезжал Гонконг, слышал от Лао¹² Яна следующее: «Работа в Шанхае все еще имеет большие перспективы, только вот лица некоторых наших товарищей слишком уж примелькались врагу, утратили свое значение для нашей работы. Я же много лет не был в Шанхае, и они решили, что я подхожу на эту роль, поэтому я и приехал. К тому же моя жена и дочь остались в Шанхае, я и так хотел с ними встретиться.

Лю Дагэ. Твоя жена и дочь в Шанхае, и, в теории, будучи друзьями, мы должны активнее помогать друг другу. Но, откровенно говоря, твоей жене крайне сложно угодить. Рекомендовал ее в среднюю школу, но ей не хватило опыта в преподавании; представил в начальную школу — она была недовольна низким положением и отказалась. Чжоу Цзяньгуну стоило невероятных трудов рекомендовать ее в банк Хуашэн на должность делопроизводителя, но и там ей не нравилось каждый день вовремя заступать на службу. Она не захотела продолжать там работать. Однако как раз потому, что проработала в банке два месяца, она познакомилась с Ван Чжунъюанем. Он изначально занимал там должность начальника отдела и вот недавно был повышен до вице-председателя банка. Изначально он был близок к нам,

¹² В китайском языке зачастую перед фамилией человека старшего возраста, но при этом хорошо знакомого говорящему, употребляется элемент «лао», что означает «старший, старый, уважаемый». Также достаточно часто используется именно как показатель уважения, безотносительно возраста упоминаемого человека.

часто присутствовал на наших совещаниях, выступал с докладами по экономическим вопросам и отличался разумностью. Потом отношения между Ван Чжунъюанем и твоей супругой вышли за рамки дружеских. Мы неоднократно призывали ее все тщательно обдумать. А еще — знаком ли ты с Ли Синьцзюнь?

Чжан Юйлян (*подумав*). Ли Синьцзюнь? Не помню.

Лю Дагэ. Университетская однокурсница твоей жены, а сейчас наш активный товарищ. Она оказывает нам посильную помощь в издании книг, газет и журналов.

Чжан Юйлян. Ты говоришь о Ли Юнь?

Лю Дагэ. Как ее называли раньше, я, право, не знаю. В последние же несколько лет имя Ли Синьцзюнь у многих на слуху. Она тоже убеждала твою жену. Лян Жоин на словах дала обещание ни в коем случае не совершать того, что бы тебя оскорбило. Но сама вскоре переехала из района Сянъюньли в Цзинсинцзюнь и стала официально сожительствовать с Ван Чжунъюанем.

Чжан Юйлян (*тяжело вздохнув*). Приехав в этот раз в Шанхай, я первым делом помчался в Сянъюньли на прежнее место жительства, сразу же поднялся на верхний этаж, но мне преградила дорогу служанка. Я было посетовал на то, что она новая и не знает меня, разозлился. Но тут же узнал, что в доме давно сменился хозяин. Я не сдавался, позже еще несколько раз приходил туда и бродил за дверью. Помнишь то персиковое дерево, что растет во дворе? Я посадил его своими руками в день нашей с Жоин свадьбы. Сейчас оно уже такое большое.

Лю Дагэ молчит.

Чжан Юйлян (*вздохнув*). Ну, да и ладно. Возможно, она сделала правильный выбор...

Лю Дагэ. Вероятно, материально она теперь живет лучше, только вот душевных страданий у нее прибавилось.

Чжан Юйлян. Почему?

Лю Дагэ. Банкиры каждый день имеют дело с деньгами, и, само собой, со временем в них естественным образом формируется исключительно меркантильное отношение к жизни. В их глазах все завязано на деньги, и любовь не исключение. Разве может такой человек уважать женщину? Я слышал, что у него на стороне есть любовница.

Чжан Юйлян. Правда? Вот горе! Бэйбэй хорошая девочка, не испортили бы еще и ее. Ты видел Бэйбэй? Она, верно, подросла?

Лю Дагэ. Видел, маленькая взрослая девушка. Слышал, что Ван Чжунъюань очень ее любит, а Бэйбэй считает его своим отцом. Стоило бы хорошенько объяснить ей, что к чему.

Чжан Юйлян. Я написал Жоин два письма, в которых пояснил, что ни на что не претендую, хочу лишь увидеть Бэйбэй, но она все еще не ответила. Как думаешь, позволит ли она мне увидеть Бэйбэй?

Лю Дагэ. Думаю, что позволит, она ведь и сама по тебе скучает. Только вот Ван Чжунъюань не расстанется так легко с твоей женой.

Чжан Юйлян. Не говори об этом, не говори. Что бы ты ни говорил, а я все равно должен увидеть дочь.

Лю Дагэ. Не волнуйся. Я помогу тебе что-нибудь придумать.

Чжан Юйлян (*чтобы отогнать невеселые мысли, меняет тему*). Кажется, твоя газета неплохо расходуется?

Лю Дагэ. Очень хорошо! Продажи уже перевалили за двадцать тысяч копий.

Чжан Юйлян. Кто бы мог подумать, что в Шанхае будет издаваться такая прогрессивная газета! Очень даже неплохо.

Лю Дагэ. Все благодаря успешному использованию противоречий между империалистическими режимами. Кроме того, у шанхайцев как-никак есть революционная традиция. Стоит лишь затронуть темы, которые у всех в сердцах или в головах, как все бросаются раскупать газету. Есть народная поддержка — есть и капитал.

Чжан Юйлян. «Голос Китая»?

Лю Дагэ. За газету отвечает Мэн Нань. Он очень напорист и энергичен. Его недостаток лишь в том, что временами он чересчур резок. За последнее время он уже несколько раз ожесточенно порицал преступные деяния японской военной полиции. Результат хорош, но, судя по всему, это приведет к неприятностям.

Чжан Юйлян. Все-таки стоит с ним поговорить. Наша работа должна быть не только актуальной, но и продолжительной.

Лю Дагэ. Все верно. Но, учитывая нынешнее положение дел, кто угодно может потерять самообладание. Некоторые события способны довести до белого каления. (*Вспомнив о чем-то.*) А кстати, Юйлян, как лицо, приехавшее в Шанхай, ты должен оформить удостоверение горожанина¹³.

Чжан Юйлян. Удостоверение горожанина? Стоит с этим ознакомиться.

Лю Дагэ (*вынимает картонную карточку*). Вот посмотри, такое. Оно необходимо для проживания в Шанхае, и его нужно постоянно иметь при себе. Ни в коем случае нельзя терять.

¹³ По сути, удостоверение личности, которое выдавалось в период войны сопротивлению китайским жителям оккупированных Японией районов. Его также называют свидетельством о благонадежности.

Чжан Юйлян (*смотрит удостоверение*). «Коммерческие круги». Как интересно!

Лю Дагэ. Завтра попробуем и тебе оформить. К какой профессиональной сфере ты относишься? Журналистские круги? Ученые круги? Ха-ха-ха! (*Смеются. Слышат звонок.*) Входите. (*Обращается к Юйляну.*) Вероятно, Синьцзюнь пришла.

Но в комнату входит молодой человек по имени Чжоу Фань.

Чжоу Фань. Дагэ, ты меня звал?

Лю Дагэ. Да. Вчера вечером Чжи Чао и другие благополучно сели в лодку?

Чжоу Фань. Да, все в порядке. Не беспокойся. На борту лодки я поздоровался с Лао Се, никакой неожиданности случиться не должно.

Лю Дагэ. Не будь понапрасну слишком самоуверен, молодой человек. Именно случайности я и боюсь.

Чжоу Фань. Хорошо, впредь буду еще более осторожен. Больше ничего? (*Собирается уходить.*)

Лю Дагэ. Ах, да, подготовь товарищу Юйляну удостоверение горожанина. Сяо¹⁴ Ван передал тебе? Фотографию и что там еще?

Чжоу Фань. Все получил. Будет сделано. (*Увидев Чжан Юйляна, приятно удивляется.*) Ой, господин Чжан! Когда же вы вернулись? Как же хорошо! Столько лет вас вспоминал!

Чжан Юйлян (*дружелюбно*). О, а ты Чжоу...

Чжоу Фань. Чжоу Шичжэнь.

Чжан Юйлян. Точно, Чжоу Шичжэнь, учился на втором курсе университета Шанчжи?

Чжоу Фань. У вас отличная память. Я не закончил обучение, просто бросил.

Лю Дагэ. Что? Вы знакомы?

Чжоу Фань. Я ученик господина Чжана.

Лю Дагэ. Так даже лучше. Как следует заботься о товарище Юйляне.

Чжоу Фань. Обязательно. Дагэ, у меня важное дело, я пойду. Господин Чжан, до встречи.

Только он доходит до двери, как сталкивается с входящей Ли Синьцзюнь.

Чжоу Фань. О! Синьцзюнь! Уже несколько дней как не приходила! (*Горячо пожимает руку девушке, оборачиваясь к Лю Дагэ докладывает.*) Синьцзюнь пришла!

¹⁴ Так же, как элеменет «лао», «сяо» часто ставится перед фамилией, но уже применительно к лицам младшего возраста. Обозначает молодой, маленький. Чаще всего не несет негативной коннотации.

Лю Дагэ. Заходи скорее!

Ли Синьцзюнь входит.

Ли Синьцзюнь *(пожимает руку Лю Дагэ)*. Дагэ.

Лю Дагэ. Давайте я вас представлю. *(Указывая на Юйляна.)* Это Чжан Юйлян. Он только с материкового Китая. *(Обращается к Юйляну.)* А это Ли Синьцзюнь.

Ли Синьцзюнь. А, господин Чжан. Мы знакомы с вами с тех пор, как вы женились на Жоин. Я ее сокурсница, в те времена я была еще очень юна. Прошло больше десяти лет, все помнится уже довольно смутно.

Чжан Юйлян. Да, действительно. О тебе только что упоминал Лю Дагэ. Говорят, последние годы ты отлично работаешь.

Ли Синьцзюнь. Слишком уж молода и ни на что не способна.

Чжан Юйлян. Не скромничай. *(Смеется.)*

Ли Синьцзюнь. Вы написали письмо Жоин, в котором просили встретиться с вами по адресу улица Дунхайлу, дом 25, ведь так?

Чжан Юйлян. Да. Она получила письмо?

Лю Дагэ *(обращаясь к взволнованно смотрящему на Синьцзюнь Чжоу Фаню)*. Ой, разве у тебя не было какого-то срочного дела?

Чжоу Фань. Ой! *(Слегка покраснев.)* Да, я пошел. *(Уходит.)*

Ли Синьцзюнь. Жоин получила ваше письмо, она тоже хочет вас увидеть. Но дом 25 по улице Дунхайлу — неподходящее место. Не хотите договориться о встрече в другом месте?

Чжан Юйлян *(смотря на Лю Дагэ)*. Дагэ, как считаешь?

Лю Дагэ *(обращается к Синьцзюнь)*. Где именно?

Ли Синьцзюнь. У меня дома. *(Повернувшись к Юйляну.)* Мэн Нань тоже хочет с вами повидаться.

Лю Дагэ. Хм, хорошо. Но нужно быть особенно осторожными. Я считаю, что временами Мэн Нань недостаточно осмотрителен.

Ли Синьцзюнь. Знаю, я уже поговорила с ним об этом.

Чжан Юйлян *(обращается к Синьцзюнь)*. Я смогу увидеть Бэй-бэй?

Ли Синьцзюнь. Возможно, она тоже придет.

Чжан Юйлян. Вот и отлично, прямо сейчас пойдем?

Ли Синьцзюнь. Да, прямо сейчас.

Лю Дагэ. Тогда ступайте скорее. Не забудь послезавтра зайти за удостоверением горожанина. До встречи. *(Пожимает на прощание руку Юйляна.)*

Занавес опускается.

Акт четвертый

Рассказчик. Юйлян в мрачном настроении следовал за Синьцюнь. Он думал о своей жене, нет, о бывшей жене Жоин и их дочери Бэйбэй. Когда он покидал Шанхай, Бэйбэй было всего лишь пять лет, а с тех пор прошло уже семь лет. Он не мог представить, как сейчас выглядит его дочь, но так хотел ее увидеть! Он шел, и размышлял, и так в раздумьях дошел до входа в кинотеатр.

Перед кинотеатром.

Ли Синьцюнь. Господин Чжан, давненько не ходили в кино?

Чжан Юйлян. Отнюдь, частенько смотрел в Гуйлине. (*Указывая на рекламный плакат.*) Вот эту кинокартину посмотрел два года назад.

Ли Синьцюнь. Да, после того как разгорелась война в Тихом океане, американские кинокартины больше не завозят. Японские же фильмы наши соотечественники не жалуют, это вызвало подъем драматического театра и местных музыкальных драм. И даже враги не могут не признать, что жителям Цзяннани¹⁵ куда как приятнее звуки собственной речи.

Чжан Юйлян. Везде так. Китайцы должны иметь свой собственный язык.

Они идут, разговаривая. Сзади Бэйбэй окликает Синьцюнь.

Бэйбэй. Тетушка Ли!

Ли Синьцюнь (*обернувшись*). Кто? (*Увидев Бэйбэй.*) Ой! Ты здесь! Иди сюда, твой папа... (*Как раз собирается представить девочке Чжан Юйляна.*)

Бэйбэй. Папа привел меня посмотреть фильм.

Ли Синьцюнь. А мама? Она тоже пришла?

Бэйбэй. Нет, она пошла проведать друга. Тетушка Ли, вы тоже пришли посмотреть кино?

Ли Синьцюнь. Нет, у меня дела, нужно идти домой. А твой папа?

Бэйбэй. Папа покупает фрукты.

Ван Чжунъюань с корзиной фруктов в руках поспешно подходит.

Ван Чжунъюань. О, Синьцюнь, и ты тут. Пойдешь посмотреть кино? Этот фильм очень неплох. Староват, но сейчас нечасто увидишь фильм, затрагивающий такие правильные темы. Главную жен-

¹⁵ Регион на правом побережье нижнего течения реки Янцзы, где расположен Шанхай, а также Нанкин, Ханчжоу, Нинбо и другие крупные города.

скую роль мастерски исполняет Тао Лоси. Она ведь, кажется, тебе тоже очень нравится?

Ли Синьцунь. Нет, сегодня не могу. Меня ждет друг.

Ван Чжунъюань (*смотря на Юйляна*). Зайдем вместе. Билетов уже нет, но я знаком с хозяином. Могу попросить добавить еще одно место.

Ли Синьцунь. Спасибо, я в другой раз. Жоин не пришла?

Ван Чжунъюань. Нет. (*Многозначительно.*) Сегодня у нее назначена другая встреча.

Ли Синьцунь. Ну, тогда до свидания. (*Поспешно тянет за собой Юйляна.*)

Выходит танцовщица Юй Фанцзы, очаровательно одетая.

Юй Фанцзы. Чжунъюань, идем, вот-вот начнется сеанс. Чего же вы там копаетесь?

Ван Чжунъюань. Я покупал фрукты для Бэйбэй.

Юй Фанцзы. Ты так балуешь свою драгоценную доченьку.

Ван Чжунъюань. А что? А ты разве нет?

Юй Фанцзы. Ладно, довольно. Куда мне до тебя. (*Подходит и тянет Бэйбэй за руку.*) Пойдем, девочка.

Уходят внутрь, ведя за собой Бэйбэй. Декорации меняются. Продолжают раздаваться звуки шагов мужчины и женщины. На улице.

Чжан Юйлян. Синьцунь, кто это был?

Ли Синьцунь. Что, ты с ним незнаком?

Чжан Юйлян (*качает головой*). Незнаком.

Ли Синьцунь. Нынешний муж твоей жены.

Чжан Юйлян. Ван Чжунъюань?

Ли Синьцунь. Именно.

Чжан Юйлян. А та девочка? Та, которая называла тебя тетужкой Ли?

Ли Синьцунь. Ой! Вы что, не поняли? Это же Бэйбэй!

Чжан Юйлян. Неужели? Она и есть Бэйбэй?!

Ли Синьцунь. Да! Давайте поторопимся, как-нибудь я обязательно организую вам встречу с Бэйбэй. Здесь много людей, идемте! (*Легонько тянет Юйляна за собой, уходит.*)

Чжоу Фань следует за Синьцунь на большом расстоянии. Один тайный агент в штатском, в свою очередь, следит издали за Чжоу Фанем. Друг за другом удаляются со сцены.

Занавес опускается.

Акт пятый

Р а с с к а з ч и к . Разве могла узнать родного отца Бэйбэй, не видевшая его с пятилетнего возраста? Из-за злой ревности Ван Чжунъюань не пожелал, чтобы Бэйбэй отправилась вместе с матерью на встречу с родным отцом, а вместо этого привел ее в кинотеатр смотреть кино и ко всему прочему пригласил еще свою любовницу Юй Фанцзы. Упустивший возможность провести время с дочерью Юйлян следовал за Синьцунь. В это же самое время Жоин, уже давно прибывшая к Синьцунь домой, ждала бывшего мужа.

Дом Синьцунь загроможден книгами, журналами и газетами, а также имеется что-то похожее на ротатор¹⁶. Лян Жоин в красивом туалете разговаривает с Мэн Нанем.

Лян Жоин (*смотря на часы*). Почему их еще нет?

Мэн Нань. Скоро будут!

Лян Жоин. Не иначе как Синьцунь слишком занята и напрочь забыла об этом деле.

Мэн Нань. Такого не может быть. Она всегда четко планирует время.

Лян Жоин (*встала, сделала несколько шагов по комнате*). Много дел в редакции газеты?

Мэн Нань. Терпимо, в любом случае вечером рукописи отправляются в издание. Уж если Синьцунь и занята, то не обязательно из-за дел в издательстве. Читала статью о происшествии с Цзиньмэй?

Лян Жоин. Читала. Хорошо написано, твое слово безжалостно обрушивается на врагов. А так вообще можно? Японцы ничего против этого не говорят?

Мэн Нань. Приходили, сделали предупреждение, сказали, что надо исправить, но мы этого еще не сделали.

Лян Жоин. У них наверняка раскалывается голова от китайских деятелей культуры. Юйлян часто говорил: «В трудных обстоятельствах у китайского народа всегда прорезается свой голос».

Мэн Нань. Жаль только, что голос этот слишком тих. Однако если бы даже и его не было, было бы совсем плохо.

Лян Жоин. Так и есть. В тот день я собиралась было с вами проводить Цзиньмэй, но приехала Бэйбэй, и я не пошла. В статье ты написал, что муж Цзиньмэй сначала хотел ее побить, но после ваших длительных уговоров он в итоге простил ее, так?

¹⁶ Или мимеограф — специальный аппарат трафаретной печати, предназначенный для оперативного размножения машинописного или рукописного текста, предварительно набранного на восковой бумаге в качестве трафарета.

Мэн Нань (*кивнув*). Ее муж прямой и душевный человек. Настоятельно пытался угостить нас. Мы боялись, что это будет слишком обременительно для него и хотели уйти, но он не сдавался, и нам ничего не оставалось, кроме как согласиться. Как же вкусно нас потчевали!

Лян Жоин. Как-нибудь своди меня к ним, хорошо?

Мэн Нань (*смеясь*). Почему бы и нет, но путь неблизкий, живут они в рабочем районе, дом маленький и грязный, боюсь, что для современной дамы место неподходящее.

Лян Жоин. Опять надо мной смеешься?

Мэн Нань. Сколько лет ты не виделась с Юйляном?

Лян Жоин. Он покинул Шанхай в тот год, когда началась Война сопротивления Японии. Бэйбэй тогда было пять лет, а в этом году ей исполнилось двенадцать.

Мэн Нань. Семь лет. А Юйлян разве не хочет увидеться с Бэйбэй? Почему ты не взяла ее с собой?

Лян Жоин. Чжунъюань поступил нечестно, после ужина тут же увел Бэйбэй с собой. А я уже договорилась с Юйляном, поэтому не могла не прийти. Теперь уже только в следующий раз удастся привести Бэйбэй.

Мэн Нань (*прислушивается*). Кто-то поднимается по лестнице, возможно, Юйлян пришел.

Синьцзюнь открывает дверь и входит внутрь.

Ли Синьцзюнь (*увидев Жоин*). О, ты пришла. (*Обернувшись, обращается к человеку за дверью*.) Господин Чжан, заходите, пожалуйста.

Входит Юйлян, приветствует кивком головы Жоин, подходит к Мэн Наню.

Ли Синьцзюнь (*представляет*). Это Мэн Нань.

Чжан Юйлян. О! Давно хотел с вами познакомиться!

Мэн Нань. Добро пожаловать, добро пожаловать! (*Сердечно жмут руки*.) Давно приехали?

Чжан Юйлян. Лишь несколько дней назад.

Мэн Нань. Вы здорово потрудились на материке.

Чжан Юйлян. Да нет, это вы, товарищи, кто ведет борьбу на этом «одиноким острове», потрудились на славу.

Мэн Нань. Увы, не можем похвастаться никакими достижениями. Садитесь. (*Смотрит на Жоин*.) Вы не виделись семь лет, так что общайтесь, а у нас дела. Отойдем ненадолго.

Чжан Юйлян. Да нет, ничего страшного.

Лян Жоин. Господин Мэн, вы...

Ли Синьцзюнь (*притягивает их обоих и усаживает рядом*). Мы скоро вернемся, здесь чай и лучшие в Шанхае сигареты. Мэн Нань специально для вас купил.

Лян Жоин. Синьцюнь, ты...

Супруги Мэн Нань и Синьцюнь уходят, закрывают за собой дверь. Юйлян и Жоин молча сидят друг напротив друга несколько минут. Юйлян протягивает руку, Жоин поднимается и пожимает ее. Взволнованная, она тут же бросается в его объятия, Юйлян легонько гладит ее, но тут же отстраняется. Он передает ей сигарету, Жоин принимает ее. Чиркнув зажигалкой, поджигает ему ее.

Чжан Юйлян (*затягивается несколько раз, внимательно смотрит на Жоин, печально спрашивает*). Ну и как? Все нормально?

Лян Жоин молчит, опустив голову.

Чжан Юйлян. Не болела за эти годы?

Лян Жоин плачет, прикрыв лицо платком.

Чжан Юйлян. Понял, только когда приехал в Шанхай. Не могу тебя в этом винить, разве можно было что-то сделать? Эта война, которая длится вот уже семь лет, высосала все мои силы. И хотя я часто вспоминал вас, но не мог вернуться, не до этого было. Скажу лишь прописную истину: во всем виноваты японские черты.

Лян Жоин (*подняв голову, вся в слезах*). Слышала, что по приезде на материк ты сразу же попал под суд, прошел через множество невзгод, ведь так?

Чжан Юйлян. Да, а кто бы на моем месте не хлебнул горя подвергшись судебному преследованию? Как только я прибыл в Шанжао¹⁷, Гу Чжутун¹⁸ тут же посадил меня под замок.

Лян Жоин. И никто тебе не помог?

Чжан Юйлян (*покачивая головой*). Там меня никто не знает, кроме одного только угрюмого парня, которого я как-то обругал в Шанхае. Только вот он оказался любимчиком Гу Чжутуна, видно такова моя несчастная судьба.

Лян Жоин. Тебе не стоило ехать.

Чжан Юйлян. Нет, я должен был.

Лян Жоин. Ты не должен был, но ты уехал. Заставил страдать меня, Бэйбэй, намучался сам. (*Плача.*)

Чжан Юйлян. Лишения для человека — это способ его закалить. Только вот вопрос, кто способен вынести такую закалку.

Лян Жоин. Я знаю, что ты имеешь право меня винить. (*Плача.*)

Чжан Юйлян. Нет, я только что сказал, что во всем произошедшем тебя винить нельзя.

¹⁷ Городской округ в современной провинции Цзянси.

¹⁸ Гу Чжутун (1893–1987) — военный и политический деятель Гоминьдана, активно участвовал в антикоммунистической деятельности.

Лян Жоин. После того как ты уехал, не было и дня, чтобы Бэй-бэй не вспоминала папу.

Чжан Юйлян (*горько усмехнувшись*). Однако сейчас она меня даже не узнаёт.

Лян Жоин. Что? Ты видел ее?

Чжан Юйлян. Да, только что наткнулся на нее по пути. Она вместе с нынешним папой пошла смотреть кино.

Лян Жоин. И ты не окликнул ее?

Чжан Юйлян. Она теперь называет папой другого мужчину, как я мог ее окликнуть? К тому же она так выросла, если бы Синьцюнь не сказала мне, я бы даже не узнал ее.

Лян Жоин. Когда ты покинул нас, она была еще слишком мала.

Чжан Юйлян. Ты не рассказывала ей обо мне?

Лян Жоин (*не смея смотреть на Юйляна*). Он не позволяет мне говорить о тебе ребенку.

Чжан Юйлян. И даже втайне от него не говорила обо мне?

Лян Жоин. Несколько раз хотела, но не посмела. Дочь очень умна, я боялась задеть ее чувства.

Чжан Юйлян (*горько усмехнувшись*). А ты не боялась ранить мои чувства?

Лян Жоин. А ты... почему ты тогда покинул Шанхай?

Чжан Юйлян. А ты спроси японских чертей, зачем они напали на Китай!

Лян Жоин. Я... я ненавижу тебя!

Чжан Юйлян. Ты ненавидишь меня? А разве ты сейчас не счастлива?

Лян Жоин. Счастлива?

Чжан Юйлян. Как минимум в материальном плане. (*Внимательно осматривая ее наряд.*)

Лян Жоин. Ты совсем не думал о моих страданиях! Совсем не думал, что ты тоже несешь ответственность за мои страдания!

Чжан Юйлян. Нет, я думал. Не отрицай, и у нас с тобой были счастливые дни, я относился к тебе, как к императрице. И несмотря на то, что я бедный писатель, бедный профессор, я всегда прикладывал силы к тому, чтобы удовлетворить все твои желания. А сейчас? Материальными благами ты, конечно, обеспечена намного лучше, но духовными — все-таки недостаточно. И страдания твои не больше, чем неизбежно создаваемые прекрасными мгновениями и живописными пейзажами смутные, прохладные воспоминания о прошлом. А видела ли ты мириады беженцев, лишившихся крова и болтающихся по белому свету? Вспоминала ли ты когда-нибудь о женщинах и детях, что скитаются под ветром и проливными дождями, под артиллерий-

скими обстрелами и бомбардировками? Если подумать об этом, то все твои горести не больше чем блажь.

Лян Жоин. Юйлян, за те несколько лет, что мы не виделись, ты стал жесток.

Чжан Юйлян. Отнюдь. Должен сказать, что беспощадная реальность сделала меня более милосердным и сильным. Я не тот человек, что не знает слез. Я пролил реки слез и не спал много ночей, думая о вас с Бэйбэй. Только вот теперь я могу думать не только о себе и своей семье, но чуть более масштабно, вот и все.

Лян Жоин. Кто знает, сколько раз я плакала о тебе, особенно когда узнала, что тебя посадили в тюрьму. Юйлян, как думаешь, есть ли у нас еще будущее?

Чжан Юйлян. Отчего же нет? Если есть надежда на благоприятный исход войны, то и у нас тем более есть шансы на будущее.

Лян Жоин. Я говорю о нашей любви.

Чжан Юйлян. Любви? Жоин, не веди себя как ребенок, разве ты сейчас не госпожа Ван?

Лян Жоин. Нет, Юйлян. Ты не можешь так обо мне думать. Ты действительно очень жесток! Почему ты так говоришь? *(Плача.)*

Чжан Юйлян *(отстраняясь)*. Жоин, не волнуйся так. Я прямо написал тебе в письме, что просто хочу увидеть Бэйбэй, и все. Если ты сможешь придумать, как мне увидаться с Бэйбэй, как поцеловать собственного ребенка, я буду тебе очень благодарен.

Стук в дверь.

Заходит Первый тайный агент.

Первый тайный агент. Господин Мэн дома? *(Осмотрев Юйляна и Жоин, обращается за дверь.)* Входи!

Входит Второй тайный агент.

Первый тайный агент *(суровым голосом обращается к Юйляну и Жоин)*. Поднять руки! Встать! *(Второму тайному агенту в штатском.)* Обыскать их.

Второй тайный агент обыскивает Жоин и Юйляна.

Лян Жоин. Грабители!

Первый тайный агент. Хм, верно! Пришли, чтобы задержать вас — бандитов! Вы — антияпонские элементы, верно? Соппротивление Японии — это и есть преступление. Встать! Отвернуться! Не двигаться!

Лян Жоин *(не отворачиваясь, оправдывается)*. Нет, вы ошиблись и схватили не тех. Моя фамилия не Мэн, я госпожа Ван. Мы пришли навестить друзей.

Первый тайный агент. Поменьше болтай чушь. Здесь не может быть ошибки. (*Обращаясь ко второму тайному агенту в штатском.*) Нашел что-нибудь?

Второй тайный агент. Нашел печатные материалы.

Первый тайный агент. Важные доказательства, забирай.

Второй тайный агент. Слушаюсь.

Заходят двое японских военных полицейских.

Первый тайный агент. Надеть на них наручники!

Сцепляют Юйляна и Жоин одними наручниками.

Чжан Юйлян (*горько усмехнувшись*). Кто бы мог подумать, что мы снова окажемся вместе, Жоин. Это ведь тоже своего рода ирония судьбы.

Лян Жоин. Я ненавижу тебя.

Чжан Юйлян. Почему? (*Серьезно.*) Давай вместе пройдем еще одно испытание.

Лян Жоин. Вот не везет!

Первый тайный агент. Вперед!

Японские полицейские уводят под конвоем Юйляна и Жоин.

Занавес опускается.

Акт шестой

Рассказчик. Вот так Юйлян и Жоин были задержаны. Хотя и для Юйляна такой поворот событий был жесток, но, уже отсидев два года в тюрьме на материке, он воспринял все лишь как очередное испытание. Какое же влияние оказало задержание на привыкшую к комфортной жизни Жоин? Этого мы пока не знаем. Обратимся лучше к Мэн Наню, которого в этот день собирались, но не смогли арестовать японские тайные агенты в штатском.

В доме Лю Дагэ.

Ли Синьцунь (*топнув ногой*). Не думала я, что так все сложится. Выглядит так, будто мы их умышленно подставили.

Лю Дагэ. Я давно говорил вам, что следует проявлять осторожность, но вы были недостаточно бдительны.

Ли Синьцунь (*опустив голову*). Будь все проклято. Я была слишком неосмотрительна, полагая, что пока можно не придавать всему особого значения.

Лю Дагэ. Японцы давно обратили внимание на Юйляна, посмотри вот это. (*Показывает японскую газету.*) У них уже были сведения

о возвращении Юйляна в Шанхай. В этот раз его совершенно точно так просто не отпустят. Мы обязаны его спасти, чего бы нам это ни стоило, в противном случае бремя нашей ответственности будет слишком тяжелым.

Мэн Нань. Верно. Поручите эту миссию мне. Большая часть ответственности за это лежит на мне.

Лю Дагэ. Нет, судя по обстановке, тебе необходимо уехать. Лао Хуан сказал мне, что насчет тебя японцы полны решимости.

Мэн Нань. Но куда ехать?

Лю Дагэ. На материк.

Мэн Нань. Но кто тогда будет редактировать целую кучу газет и журналов здесь?

Лю Дагэ. Само собой, они будут издаваться и дальше, но тебя это заботить уже не должно.

Мэн Нань. Но я на самом деле не могу бросить работу, в которой так хорошо разбираюсь. *(Покачив головой.)* К тому же уехать на материк звучит как-то уж слишком неопределенно.

Лю Дагэ. Повсюду есть организации и подразделения. Если действовать согласно инструкциям, все будет четко. *(Ищет письма.)* Мы уже все для тебя подготовили. Сначала ты отправишься в Ухань, затем оттуда в Куньмин¹⁹. Здесь несколько рекомендательных писем.

Мэн Нань. Но...

Лю Дагэ. Отбрось нерешительность. Скорее готовься к отъезду.

Входит Чжоу Фань. Он кажется чем-то озадаченным,
не таким энергичным, как раньше.

Лю Дагэ. Шичжэнь, купил билет на паром?

Чжоу Фань. Купил. Отчаливает от пристани Цзянсинь. Место в каюте, посадка на паром в девять вечера. *(Передает билет.)*

Лю Дагэ *(обращается к Мэн Наню)*. Держи билет.

Мэн Нань *(видит, что билет только один)*. Только один! А как же Синьцзюнь?

Лю Дагэ. Хм, если хотите, можете поехать вдвоем.

Мэн Нань. Я подумаю...

Лю Дагэ. Тогда, Сяо Чжоу, сходи купи еще билет.

Чжоу Фань *(с неохотой)*. Хорошо, я пошел.

Ли Синьцзюнь. Погоди. *(Останавливает Чжоу Фаня, обращается к Мэн Наню)*. Я остаюсь.

Мэн Нань. Остаешься?

¹⁹ Город на юго-западе Китая, современная столица провинции Юньнань.

Ли Синьцунь. Да. Думаю, если я останусь, то смогу еще в чем-то быть полезной. Дагэ прав, несмотря ни на что, мы должны спасти Юйляна и Жоин. Они подверглись испытанию вместо нас. Даже если в организации придумают, как их спасти, все станут нас критиковать, если мы при этом просто уедем, как ни в чем не бывало.

Мэн Нань. Ты права. Дагэ, позволь мне остаться. Только в этом случае моя душа будет спокойна.

Лю Дагэ. Тебе не следует оставаться. Это вопрос не твоего душевного спокойствия, а рационального использования человеческих ресурсов. *(Немного подумав.)* Но я не буду возражать, если Синьцунь хочет остаться. Нет никого, кто смог бы в одночасье заменить ее.

Ли Синьцунь. Да, здесь я смогу позаботиться о Юйляне, похлопывать за него. Я собираюсь сходить к старику Икэда, возможно, это нам как-то поможет. А еще Дагэ поддерживает меня в идее организовать младшую школу, я уже присмотрела помещение.

Лю Дагэ. Верно, нужно как можно скорее учредить ее, сделав опорным пунктом организации.

Мэн Нань *(со страданием в голосе)*. Ладно, оставайся. Надеюсь, мы еще увидимся. Война не затянется надолго и притом завершится поражением противника. В этом не стоит сомневаться. Но люди изменчивы, а мы еще молоды, и работа наша связана с большими рисками...

Ли Синьцунь *(взволнованно)*. Довольно, не продолжай. Мэн Нань, не беспокойся. Я не Жоин, ты не потеряешь меня. Не имеет значения, насколько жестоки удары судьбы, в худшем случае она разлучит лишь наши тела, но не наши сердца.

Мэн Нань. Синьцунь! *(Горячо обнимает ее.)* Я знаю, что ты можешь позаботиться о себе, тем более есть еще Дагэ.

Лю Дагэ. Все верно, я буду ей помогать.

Мэн Нань *(обращаясь к Лю Дагэ)*. Спасибо тебе, Дагэ! *(Крепко пожимает его руку.)*

Лю Дагэ. Не беспокойся.

Мэн Нань *(заметив Чжоу Фаня)*. О, Шичжэнь, рассчитываю, что ты поможешь Синьцунь, и заранее благодарю.

Чжоу Фань *(пожимает Мэн Наню руку)*. Не стоит благодарности. Синьцунь наш хороший товарищ.

Мэн Нань снова пожимает руку Синьцунь, обнимает.

Лю Дагэ *(смотрит на часы)*. Мэн Нань, пора идти. Горечь расставания пусть даст вам сил, товарищи. Будь то в Шанхае или на материке — мы везде так или иначе сражаемся за освобождение народа. Да и разве моя супруга сейчас тоже не на северо-западе Китая?

Мэн Нань. Ты прав.

Входит Юй Дашэн.

Юй Дашэн: Дагэ, ты меня звал?

Лю Дагэ. О, ты пришел. Подожди немного. *(Поворачивается к Мэн Наню.)* Ну что ж, Мэн Нань, пора. *(Вытаскивает кожаную сумку.)* Здесь деньги на проезд и документы. Обстановка на материке тоже сложная, поэтому во всех делах нужно быть осторожным и осмотрительным.

Мэн Нань *(серьезным тоном)*. Да. Ну что ж, я ухожу. Когда доберусь до Уханя, отправлю вам письмо. И вы тоже берегите себя. Прощайте.

Ли Синьцзюнь *(поднялась, чтобы попрощаться)*. Я провожу его. Можно?

Лю Дагэ. Не стоит. Сяо Чжоу, помоги Мэн Наню сесть на паром. Будьте осторожны. Как только паром отчалит, сразу же сообщи мне.

Чжоу Фань. Хорошо.

Лю Дагэ *(обращается к Мэн Наню)*. Не беспокойся о делах здесь. Желаю тебе счастливого пути! *(Снова крепко пожимает ему руку.)*

Синьцзюнь уходит проводить Мэн Наня.

Лю Дагэ тоже выходит на улицу, вскоре возвращается.

Лю Дагэ *(обращается к вернувшейся в комнату Синьцзюнь, которая утирает слезы платком)*. Синьцзюнь, не горюй. Давай ускорим подготовку к открытию школы. Я осмотрел то место, о котором ты говорила. Очень неплохое. *(Дает ей деньги.)* Арендуй это помещение, купи мебель.

Ли Синьцзюнь. Поняла.

Лю Дагэ. Однако последние дни были для тебя психологически слишком трудными, сперва отдохни здесь немного, не изматывай себя.

Ли Синьцзюнь. Ничего страшного, я не устала. Я пойду, Дагэ. *(Она прощается с Лю Дагэ, кивает на прощание Юй Дашэну и энергичной походкой выходит.)*

Лю Дагэ, проведив взглядом ее силуэт, поворачивается и смотрит на ожидавшего длительное время Юй Дашэна, жестом руки приглашает того присесть.

Юй Дашэн *(сев напротив Лю Дагэ)*. Я написал заметку о происшествии на улице Яншупу, вы видели?

Лю Дагэ. Читал, очень хорошо написано. Прошел слух, что фабрика «Юнфэн» закрывается, это так?

Юй Дашэн. Они уже не могут это терпеть. Находиться под гнетом империализма — одно дело, но когда под этим предлогом напа-

дают на рабочих — это уже совсем другое. Как раз сейчас назревает совместная забастовка на пяти заводах.

Лю Дагэ. Все правильно. Обязательно нужно поднять как можно больше заводов и фабрик, чтобы поддержать эту борьбу. С частью твоих взглядов, выдвинутых в статье, мы согласны. Сейчас рабочие живут в условиях, близких к катастрофическим, поэтому нам, с одной стороны, нужно вызвать их гнев, пробудить их сознательность, а с другой стороны, позаботиться о жизни рабочих, мобилизовать их силы, приучить к оказанию взаимной поддержки, облегчить их страдания и по возможности сократить количество трагедий, которых можно избежать. Давай тщательно изучим эти проблемы.

Занавес опускается.

Акт седьмой

Рассказчик. Чуть позже, в один из дней, в рабочем районе Яншупу на неизвестной улочке произошло следующее событие.

Раздается звук, сигнализирующий конец рабочего дня. Глухой переулочек.

Цзиньмэй идет вслед за другой девушкой-работницей, которую она называет сестрицей.

Лю Цзиньмэй. Сестрица, остановись, давай поговорим.

Сестрица. Ты разве не говорила, что тебе нужно домой?

Лю Цзиньмэй. Да, матушка заболела. Мне срочно нужно идти за доктором. От кого ты слышала, что наша фабрика закрывается?

Сестрица. Все об этом знают. Господин Сунь с фабрики тоже так говорит.

Лю Цзиньмэй. Почему? Дела идут плохо?

Сестрица. Говорят, наша пряжа дороже, чем у других, и хозяин больше не может терпеть убытки.

Лю Цзиньмэй. А разве мы не работаем на японцев? Какая разница?

Сестрица. Японцы требуют отдать им фабрику целиком, но хозяин не соглашается, хотя бы часть хочет оставить себе. Из-за этого японцы всячески вставляют ему палки в колеса, да и банк тоже не идет на уступки. А он не хочет по старинке сокращать убытки за счет рабочих, тем самым принося их в жертву. Судя по всему, закрытие фабрики уже неизбежно. Сестрица Лю говорит, что даже если и так, то, по крайней мере, нужно потребовать зарплату еще за один месяц.

Лю Цзиньмэй. Ох! А если и в самом деле закроется, что делать? Да еще и мама моя заболела, останется только жить на зарплату мужа.

Сестрица. Если фабрика действительно закроется, то в беде окажется не только твоя семья.

Лю Цзиньмэй. Да уж. Сестрица, а ведь ты, кажется, знаешь, как выкрутиться из этой ситуации?

Сестрица. Ты спрашиваешь, что можно сделать? Я вот отправила младшего брата торговать с лотка, такая мелкая торговля приносит небольшой доход.

Лю Цзиньмэй. Торговля чем?

Сестрица. Сначала продавали лепешки и хворост²⁰, потом узнали, что иностранные консервы обходятся дешевле лепешек и хвороста, и стали перепродавать их. Как оказалось, не так уж и плохо.

Лю Цзиньмэй. Ох! Если бы были деньги, которые можно в это дело пустить, было бы хорошо.

Сестрица. Ха! У кого же они имеются? Разве не все мы имеем лишь то, во что одеты, и еду на один прием пищи? Ничего не поделать, приходится под два процента занимать деньги на покупку товара у ростовщиков.

Лю Цзиньмэй. В любом случае все готовы давать тебе займы, а нам, даже если деньги и есть, займы не дадут.

Сестрица. Не обязательно. Ты в самом деле хотела бы заняться мелкой торговлей?

Лю Цзиньмэй. Хочу попробовать, если не сделаю этого, чтобы заработать хоть что-то, жить действительно будет не на что.

Сестрица. Хорошо, я поспрашиваю за тебя у ростовщиков.

Лю Цзиньмэй. Сестрица, заранее благодарна тебе за одолжение.

Цзиньмэй, расставшись с сестрицей, только собирается повернуть за угол, как мужчина хулиганского вида подходит и бесцеремонно лапает ее.

Лю Цзиньмэй *(ударив в ответ)*. Ты кто?

А - т у. Ой, кто я? Даже меня позабыла, Цзиньмэй?

Лю Цзиньмэй *(гневно)*. Да кто знает, кто ты такой?

А - т у. Я! Я А-ту!

Лю Цзиньмэй. И чего ради ты распускаешь руки?

А - т у. Да что ты о себе возомнила? Японцам можно трогать, а мне нельзя?

Лю Цзиньмэй. Нахал! *(Сверля его гневным взглядом, продолжает идти.)*

А - т у. Мать твою!

Появляются Человек в темных очках и снимает еще один хулиган.

²⁰ Ютяо — мучные полоски без начинки, обжаренные в масле.

Человек в темных очках. А-ту, с кем ты тут ругаешься?

А-ту. Эта девка отдалась японцам и при этом задирает тут нос.

Человек в темных очках. Ты говоришь о Лю Цзиньмэй? О, последние дни ее восхваляют в газетах, вот и зазналась!

А-ту. Всего лишь работница на прядильной фабрике, какого хера зазнается?

Юшэн, проходя мимо, услышал их разговор.

Юшэн. И что? Если работница прядильной фабрики, значит, должна терпеть оскорбления?

А-ту. Ой! А тебе-то какое дело?

Юшэн. Я — рабочий, если ты говоришь о рабочих, значит, и ко мне это имеет отношение.

Человек в темных очках. Эта девка сношалась с японцами, уронила наше, рабочих, достоинство, можно говорить о ней что угодно!

Юшэн. Откуда тебе знать, что она добровольно с японцами спала?

Человек в темных очках. А ты, бля, откуда знаешь, что она этого не делала?

Юшэн. Войска японских чертей творят бесчинства и безобразия, насилуют китайских женщин, а китайские мужчины не говорят справедливые слова, не встают на защиту обиженных, а наоборот, принимают сторону чертей и оскорбляют соотечественниц. Вот дрянь! Неудивительно, что Китай скоро рухнет. Вот когда японцы изнасилуют ваших баб и сестер, только тогда вы, наконец, будете довольны.

Человек в темных очках. Да ну его, страна уже погибла, многих баб испортили солдаты Императорской армии²¹, что же тут говорить об одной какой-то работнице. А ты, негодяй, чем-то недоволен и собираешься бузу поднять?

Юшэн. Ах ты подлец, Императорская армия, говоришь? Бесстыжий, ты вообще хоть считаешь еще себя китайцем?

Еще один хулиган (*указывая на Юшэна, говорит человеку в темных очках*). Так он и есть муж Лю Цзиньмэй.

А-ту (*громко смеясь*). Ха-ха-ха, скандалил тут полдня, а сам-то рогоносец!

Юшэн (*одним ударом отправляет А-ту на землю*). Ты, сукин сын, что тут говоришь?

Человек в темных очках. Вот дерьмо!

²¹ Самоназвание японской армии.

А-ту, Человек в темных очках и Юшэн в пылу драки сливаются в кучу. Разъяренный Юшэн еще более распаляется. Цзиньмэй, услышав шум драки, спешит к месту событий.

Лю Цзиньмэй (*кричит*). Югэ! Югэ! (*Повернув голову*.) Быстрее все сюда! Здесь избивают Юшэна! Все сюда!..

Во время ожесточенной борьбы Юшэна с А-ту Человек в темных очках хватает пачку извести и бросает в глаза Юшэну. Волной накатывается толпа рабочих, трое хулиганов с позором обращаются в бегство.

Группа рабочих. Бейте их, забейте насмерть этих ублюдков! (*Несколько человек продолжают преследовать хулиганов*.)

Юшэн (*обеими руками прикрывает глаза, говорит с мукой*). Черт побери! Мне конец!

Лю Цзиньмэй (*спешно подходит к мужу чтобы удержать его от падения*). Югэ, ничего страшного? Все хорошо?

Юшэн. Невыносимо больно. Твою мать, только бы не ослепнуть. (*От боли трет глаза руками*.)

Подходит Юй Дашэн.

Юй Дашэн. Юшэн, сейчас же перестань тереть глаза, будет только хуже. Мы сводим тебя к доктору.

Лю Цзиньмэй. Точно, скорее к доктору. (*Шепотом, в нерешительности*.) Только вот у нас мало денег. Что делать, Лао Юй?

Юй Дашэн. Ничего, у меня есть знакомый доктор. Если есть хоть сколько-то, мы придумаем что-нибудь.

Лю Цзиньмэй. Вот и хорошо. Помоги. (*Поддерживает Юшэна*.)

Группа рабочих. Идите быстрее!

Юшэн (*со страданием и гневом в голосе*). Никак не думал, что столкнусь с такой подлостью, твою ж мать!

Юй Дашэн. Я говорил тебе, что это жестокая борьба. Ну же, иди. Цзиньмэй тебя поддержит.

Лю Цзиньмэй. Обопрись на меня, Югэ.

Рабочие, придерживая Юшэна, уходят.
Занавес опускается.

Акт восьмой

Рассказчик. Юй Дашэн и Цзиньмэй, поддерживая Юшэна, отправились к доктору. Надеемся, что его глаза снова увидят свет. А сейчас посмотрим, как полная энтузиазма девушка-боец Ли Синьцзюнь после отъезда Мэн Наня, забыв еду и сон, решительно, но осторож-

но выполняет работу, доверенную ей Лю Дагэ. В один из дней она настороженно идет по улице, сзади ее окликает Чжоу Фань.

Чжоу Фань. Синьцзюнь! *(Увидев, что она не откликается, снова зовет.)* Синьцзюнь!

Ли Синьцзюнь *(повернувшись, испуганно оглядывается)*. Кто? *(Увидев, что это Чжоу Фань.)* А, это ты, Шичжэнь. *(Осмотревшись по сторонам, говорит тихим голосом.)* Называй меня впредь Ланьшэн, не Синьцзюнь. Разве Лю Дагэ тебе не говорил?

Чжоу Фань. Точно! Больше не буду. Куда идешь?

Ли Синьцзюнь. Возвращаюсь домой.

Чжоу Фань. Зачем ты снова ходила к Ван Чжунъюаню?

Ли Синьцзюнь. Не к нему, а к Бэйбэй, чтобы позвать ее к отцу. Но, к несчастью, пришлось выслушивать вразумления от Ван Чжунъюаня.

Чжоу Фань. И что именно он сказал?

Ли Синьцзюнь. Сказал, что арест Чжан Юйляна в любом случае был бы только делом времени и не стоит об этом вообще говорить, но мы втянули в это его жену. Он хочет, чтобы я ее вернула.

Чжоу Фань. Бессовестный тип!

Ли Синьцзюнь. Но мы и в самом деле совершили ошибку. Мне грустно от того, что вот так опрометчиво один из наших влиятельных товарищей оказался в тюрьме. Никогда себя за это не прощу.

Чжоу Фань. Не грусти так. Ведь это... ведь не только ты одна несешь за это ответственность.

Ли Синьцзюнь. А кто же тогда еще?

Чжоу Фань *(с жалким видом)*. Да это я так. Лю Дагэ же говорил, что все в ответе за это.

Ли Синьцзюнь *(осторожно интересуется)*. Сяо Чжоу, откуда ты знаешь, что я ходила к Ван Чжунъюаню?

Чжоу Фань молчит.

Ли Синьцзюнь. Ты следил за мной? Ты часто так делаешь, не так ли?

Чжоу Фань. Я... я беспокоюсь о тебе, боюсь, что может произойти что-то плохое. Помнишь, когда уезжал Мэн Нань, он доверил мне заботу о тебе.

Ли Синьцзюнь. Да, Дагэ говорил, что в тот вечер Мэн Наня едва было не обнаружили враги и именно ты его прикрыл. Я очень тебе признательна. Но я хочу спросить тебя кое о чем, Чжоу Фань. Глубоко в душе я храню воспоминания о лучших днях, хотя я никогда не говорила об этом.

Чжоу Фань *(оживленно)*. Ну же, говори. Что хочешь спросить? Синь...

Слышно, как кто-то бьет девочку, спрашивая ее: «Ты зачем тайком съела нашу еду? Будешь и дальше воровать?» — «Я проголодалась». — «Если проголодалась, значит, можешь воровать еду?» Раздаются звуки побоев, плач.

Ли Синьцунь. Ладно, поговорим в другой раз. Пойду посмотрю, что там.

Чжоу Фань. Я с тобой.

Ли Синьцунь (*пожимает ему руку*). Не стоит...

Плач Девочки становится душераздирающим, Синьцунь удаляется быстрой походкой.

Чжоу Фань (*взволнованно провожает взглядом силуэт Синьцуня, невольно произнося тихим голосом*). Синьцунь!

Из темноты кто-то хлопает его по плечу.

Повернув голову, Чжоу Фань смотрит на человека и не узнает его.

Чжоу Фань. Кто вы?

Человеком во тьме оказывается уже знакомый нам Первый тайный агент.

Первый тайный агент (*с холодной усмешкой*). Что такое? Мы ведь уже много раз сталкивались, а ты все еще меня не узнаешь?

Чжоу Фань (*поднимаясь*). Кто это с тобой сталкивался? Кто тебя знает? (*Собирается уходить*.)

Первый тайный агент (*неожиданно выхватывает пистолет и останавливает его*). Ты меня не знаешь, но я тебя знаю. Не спеши, садись, поговорим.

Чжоу Фань (*поневоле садится*). О чем нам разговаривать?

Первый тайный агент. Мы на шанхайской набережной, поговорим о торговле.

Чжоу Фань. Я ничего не смыслю в торговле.

Первый тайный агент. Тогда поговорим о торговле, которую ты понимаешь. (*Дает ему сигарету*.) Да, для прошлой сделки ты сильно постарался, должен тебя поблагодарить.

Чжоу Фань (*недоуменно*). В чем это я постарался для вас? Как странно!

Первый тайный агент. Что? Приложил усилия, а сам не знаешь? Разве не ты привел нас на улицу Шаньхайгуань? Как бы я сам смог обнаружить и арестовать участников такой большой организации? Позже выяснилось, что задержали мы Чжан Юйяна, что делает твою заслугу еще более значимой.

Чжоу Фань (*содрогнулся от страха*). Как? Что? Вы?.. Как я мог вас туда привести?

Первый тайный агент. Ты следовал за своими, а мы — за тобой. И говоришь, это не я вас привел? Совершил подвиг и отказываешься от лавров — да ты поистине велик! Ха-ха-ха!

Чжоу Фань (*яростно*). Ты, оказывается, подонок!

Первый тайный агент (*снова приставив к Фаню дуло пистолета*). Не двигайся! Мы ведь соблюдаем приличия. Даже если пошевелишься, попытаешься удрать от меня, то не вырвешься из плотного кольца оцепления вокруг Шанхая, понимаешь? Не беспокойся, пока мы не будем трогать твоих товарищей, ведущих антияпонскую деятельность. Ты тоже, невзирая ни на что, по-прежнему искренне выполняй работу в своей организации. Понял? Очень недурно водить с тобой знакомство. Ты весьма ценен: у тебя много связей, будешь нашими глазами и проводником. Мы тебя очень ценим. Пойдем поговорим обо всем в доме. Не волнуйся, другие ничего не узнают. О тебе знаю только я, понял? (*Заметив, что Чжоу Фань не двигается.*) Что? Почему не идешь?

Чжоу Фань (*думает, как бы улучшить момент, чтобы опрокинуть врага*). Иди первым.

Первый тайный агент (*холодно усмехнувшись, вытаскивает пистолет*). Послушай, парень, ты еще молод. Давай как обычно: ты идешь впереди, а я следую за тобой. Пройди вперед и садись в джип. (*Чжоу Фаню ничего не остается, кроме как следовать указаниям.*)

Занавес опускается.

Акт девятый

Рассказчик. Синьцзюнь в тот вечер спасла Девочку, что подверглась побоям из-за украденных чужих объедков. Впоследствии Девочка становится первой ученицей в ее школе.

Большое высокое здание, выходящее прямо в проулок²², служебное помещение новой школы, ставшее местом работы и жительства Синьцзюнь. Синьцзюнь старательно вырезает на металлической пластине²³ текст. Снаружи дети играют с мячом, кожаный мяч залетает в окно. Синьцзюнь поднимает его, подходит к окну и, крикнув: «Сяо Чжан, лови!» — бросает его. Но мяч отскакивает от черепицы и приземляется на другой улочке.

Ли Синьцзюнь. Ой, извините. Мяч улетел в тот переулок.

Снизу детским голосом отвечают: «Ничего страшного, я пройду через заднюю дверь и заберу его». В комнату входит Девочка с письмом.

²² Или лунтан — так назывались улочки в жилых районах старого Шанхая с характерной застройкой в стиле шикумэнь (представляет собой смешение европейской и китайской архитектурной традиции, малоэтажные здания из серого кирпича с внутренним двором).

²³ Очевидно, Синьцзюнь вырезает письменные знаки на тонкой металлической пластине для последующей печати листовок или газет.

Девочка. Барышня, письмо.

Ли Синьцзюнь (*принимая письмо*). О, спасибо тебе, Девочка. Не называй меня больше барышней, обращай ко мне «учительница», хорошо?

Девочка. Хорошо, учительница Ли. Я пойду.

Ли Синьцзюнь. Ах да, не ссорься с детьми на улице. Ты скоро станешь моей ученицей, я каждый день буду учить тебя новому иероглифу, хорошо?

Девочка. Хорошо.

Ли Синьцзюнь (*показывает на конверт*). Вот смотри, это иероглиф «слива»²⁴.

Девочка. Позвольте мне зачитать вслух. «Лично в руки учительнице Ли Ланьшэн».

Ли Синьцзюнь (*радостно*). Как? Ты знаешь иероглифы!

Девочка. Я ходила во второй класс начальной школы.

Ли Синьцзюнь. А почему же не ходишь сейчас?

Девочка. Папа умер при авиабомбардировке японскими чертями, мама вышла замуж повторно, я никому не нужна. Я жила в доме у тети, жены папиного младшего брата, но она ничего не могла поделать, еды не хватало... (*Заплакала.*)

Ли Синьцзюнь. Ладно, не плачь. Ты будешь мне как дочь. Я научу тебя читать и всему остальному.

Девочка. Хорошо. Тогда я не буду называть вас учительницей, а буду говорить «матушка», вы согласны?

Ли Синьцзюнь. Не то слово! Дочка, принеси полотенце, я вытру руки.

Девочка. Да, матушка! (*Проворно подносит полотенце.*)

Ли Синьцзюнь (*радостно гладит Девочку*). Действительно мой ребенок, и все у нее спорится.

Девочка. Матушка, переоденьтесь, я постираю вам одежду.

Ли Синьцзюнь. Правда? А высохнет?

Девочка. Высохнет, очень быстро.

Ли Синьцзюнь (*обнимает ее*). Ты и впрямь моя отличная помощница, дочка!

Входит Лю Дагэ.

Лю Дагэ. Синьцзюнь!

Ли Синьцзюнь. О, Дагэ.

Лю Дагэ. Из Куньмина пришло письмо от Мэн Наня. (*Вручает письмо.*)

²⁴ Понятие «слива» записывается по-китайски тем же иероглифом, что и фамилия Ли. Чтение остается неизменным.

Ли Синьцунь. Неужели? *(Взволнованно читает письмо.)* Ох, в Куньмине он встретил несколько старых друзей, они передают тебе привет.

Лю Дагэ. Ну как, ты теперь спокойна?

Ли Синьцунь *(смеясь)*. Да. Еще его беспокоит ситуация с Юй-ляном.

Лю Дагэ. Кстати, чем увенчались твои хлопоты в эти дни? Есть какие-то результаты?

Ли Синьцунь *(кивнув)*. Есть. Икэда сказал, что завтра сводит Бэйбэй навестить их, никаких проблем.

Лю Дагэ. Да, это хорошо. Действуйте. А я сегодня вечером снова постараюсь поискать способы, попросить нужных людей.

Ли Синьцунь. Хорошо.

Лю Дагэ. Когда будет готова агитлистка о противостоянии врагу?

Ли Синьцунь. Сегодня к вечеру.

Лю Дагэ. Давай пораньше. Вот еще один набросок статьи. Ты принесла ротатор?

Ли Синьцунь. Нет еще. Если что-то срочное, я схожу напечатать в прежнее место.

Лю Дагэ. Тоже можно, но будь осторожна. Я ухожу.

Ли Синьцунь. Поняла.

Внезапно раздается визг полицейских свистков и звуки выстрелов.

Ли Синьцунь *(испуганно)*. Что происходит?

Лю Дагэ. Вероятнее всего, снова ловят патриотов.

Ли Синьцунь. А что, если разыскивают нас?

Лю Дагэ. Тоже возможно. Поэтому ты должна всецело следовать инструкциям, которым тебя обучили, быть в два раза более бдительной. Представь, что они прямо сейчас поднимаются сюда, вот насколько это опасно!

Ли Синьцунь *(стремительно собирает и прячет металлические пластины, восковую бумагу²⁵, печатные материалы и другие вещи)*. Да, Дагэ, я непременно буду очень осторожна. Но я не боюсь, ведь, занимаясь делами революции, невозможно рассчитывать на полную безопасность.

Лю Дагэ. Ты права. Я доверяю тебе. Но не забывай, что безопасность — превыше всего.

²⁵ Специальная бумага, применяемая для создания трафаретов для последующего копирования текстов, изображений и т. д. с помощью ротатора.

Ли Синьцюнь. Да, Дагэ. *(Обращается к Девочке.)* Спускайся вниз.

Девочка уходит.

Ли Синьцюнь *(крайне серьезным тоном спрашивает у Лю Дагэ)*. Дагэ, вы доверяете Чжоу Фаню?

Лю Дагэ *(настороженно)*. А что такое? Ты что-то заметила?

Ли Синьцюнь. Пока сложно сказать. Но я должна поделиться с вами своими соображениями, посоветоваться. Иначе ситуация может оказаться очень опасной.

Лю Дагэ. Вот как? Говори.

Ли Синьцюнь. Вы заметили? Сяо Чжоу уже давно меня преследует.

Лю Дагэ. Преследует? Он признался тебе в этом?

Ли Синьцюнь. Нет. Но я заметила, что он постоянно следует за мной. Он говорит, что ему это поручил Мэн Нань, что беспокоится о моей безопасности. Однако я замечала его преследования еще до этого, особенно в тот день, когда схватили Юйяна. Когда мы с Мэн Нанем вышли из дома, я увидела сзади человека, фигурой очень похожего на Фаня.

Лю Дагэ. Что? Он там был? Почему ты раньше ничего не говорила?

Ли Синьцюнь. Потому что я не была уверена, что это был он. Возможно, у него не было злых намерений, но, мне кажется, его заметили враги.

Лю Дагэ. Хм. *(Немного подумав.)* Ты верно подметила. Нет сомнений, что он заинтересован тобой, я уже давно это заметил. Когда уезжал Мэн Нань, я изначально поручил ему купить два билета на паром, но он возразил, что тебе лучше остаться здесь.

Ли Синьцюнь. И вы оставили меня здесь, прислушавшись к его мнению?

Лю Дагэ. Нет, я просто поразмыслил над этим еще. Однако он явно был рад такому решению.

Ли Синьцюнь. Ах, вот оно как. *(Неожиданно замечает конверт.)* Только что пришло письмо, кажется, от него. *(Поспешно вскрывает конверт.)*

Лю Дагэ. Дай мне посмотреть. *(Вместе внимательно читают письмо.)*

С улицы доносится звук полицейского свистка.
Занавес опускается.

Акт десятый

Рассказчик. В то время патриоты постоянно подвергались жестокому гонению со стороны японских захватчиков и их марионеток. Синьцзюнь же, с одной стороны, трудилась во благо государства, а с другой, невзирая на опасность, храбро и рьяно заботилась о других людях, пыталась уменьшить их страдания и горести.

Синьцзюнь, хлопотавшая за Юйяна и Жоин, водит с собой Бэйбэй. Синьцзюнь стоит на остановке в ожидании транспорта, в одной руке у нее одежда и продукты, другой она держит за руку Бэйбэй.

Бэйбэй. Тетушка Ли, почему вы раньше не водили меня к папе?

Ли Синьцзюнь. Нелегко было найти эту лазейку, Бэйбэй. Сколько трудов нам стоило придумать для тебя возможность встретиться с ним.

Бэйбэй. Тетушка Ли, в тот день возле входа в кинотеатр человек, с которым я случайно встретилась, и был мой папа?

Ли Синьцзюнь. Да. Почему ты совсем не узнала его?

Бэйбэй. Он показался мне как будто немного знакомым, но откуда я могла знать, что папа вернулся?

Ли Синьцзюнь. Что сказал Ван Чжунъюань, когда прочитал письмо твоей мамы?

Бэйбэй. Он сказал, что они, наконец, оказались вместе в тюрьме, зачем им еще я?

Ли Синьцзюнь. Как думаешь, сможет ли он спасти твою маму?

Бэйбэй. Я слышала, как он кому-то звонил, но говорил только о маме, не упоминал папу.

Ли Синьцзюнь. Твой папа очень уважаемый человек, Бэйбэй. А что ты будешь делать, если Ван Чжунъюань спасет только твою маму? Вы так и будете по-прежнему жить у него?

Бэйбэй. Нет-нет, я больше не буду жить вместе с Ваном, я пойду осуществлять революцию с папой.

Ли Синьцзюнь. Ишь ты! Только вот твой папа все еще в тюрьме.

Бэйбэй. Я вместе с ним буду сидеть в тюрьме.

Ли Синьцзюнь *(похлопав ее)*. Какая хорошая девочка, с твердым характером! Ой, почему же так долго нет автобуса? Давай вызовем трицикл. Тебе не холодно?

Бэйбэй. Немного холодно, я не часто бываю на улице в плохую погоду.

Ли Синьцзюнь. Я пойду за трициклом. *(Проходит мимо лоточницы.)*

Лю Цзиньмэй. Ой, сестрица Ли, вы ли это?

Ли Синьцюнь. Ты кто? *(Внимательно разглядывает.)* Ой! Цзиньмэй! Что ты здесь делаешь?

Лю Цзиньмэй *(сконфуженно)*. Да вот... мелкой торговлей занимаюсь.

Ли Синьцюнь. Отчего же не работаешь на фабрике?

Лю Цзиньмэй. Дела на фабрике шли не очень. Ее закрыли.

Ли Синьцюнь. Как твоя матушка? У нее все хорошо?

Лю Цзиньмэй. Спасибо за заботу. Мама дома, мучается от болезней.

Ли Синьцюнь. А в лечении мужа есть успехи?

Лю Цзиньмэй *(удрученно качает головой)*. Все так же. К счастью, Юй Дашэн с товарищами помогают нам, ищут доктора.

Ли Синьцюнь. Получается, вся семья на твоих плечах?

Лю Цзиньмэй. Да, именно так. *(Вытирает слезы.)*

Ли Синьцюнь *(подумав)*. Ноша твоя нелегка, Цзиньмэй, крепись. Не горюй, мы все тебе поможем. Сегодня у меня дела, но как-нибудь я загляну навестить тетюшку и твоего мужа. Ох, автобус приехал. Еще увидимся. *(Тянет за собой Бэйбэй.)* Бэйбэй, идем! *(Кивает на прощание Цзиньмэй. Спешит.)*

Неподалеку парнишка тоже торгует с лотка. Неожиданно, заметив краем глаза приближение полицейского, ребенок быстро собирает товар.

Ребенок. Быстрее, он приближается. *(Поспешно убегает.)*

Лю Цзиньмэй. Кто приближается?

Замечает подошедшего полицейского, не успевает собрать вещи, сгребает часть товара в охапку и бежит. Но полицейский все-таки хватает ее.

Полицейский. Твою мать, говорили же тебе убираться отсюда, а ты снова тут разложилась!

Схватив брошенную ребенком авоську, нагружает в нее консервы Цзиньмэй и уносит с собой.

Лю Цзиньмэй *(следуя за ним)*. Господин, верните мне! Верните! Я пойду торговать в другом месте, верните!

Полицейский. Вернуть тебе? Тебе в участке вернут!

Лю Цзиньмэй *(ухватившись за него)*. Господин, я же деньги взаймы взяла, чтобы торговать. У меня дома больная мать, у мужа глаза повреждены. Это все, что у меня есть, чтобы как-то выжить.

Полицейский. Ничем не могу помочь, должен отнести все в участок!

Лю Цзиньмэй *(все еще удерживая его)*. Господин, если вы их заберете, моей семье не на что будет жить. Я правду вам говорю, мы не выживем. Я вам в ноги упаду, господин! Господин, ведь мы же с вами

китайцы, пожалейте меня, проявите милость! Помогите! *(Беспрерывно отбивает земные поклоны.)*

Полицейский *(хихикнув)*. Какая назойливая! Сказал же, иди в участок, там вернут. *(Отмахнувшись от Цзиньмэй, уходит.)*

Лю Цзиньмэй. Господин! Господин! Боже, нам не выжить. Господин! Господин! *(Следует за ним.)*

Занавес опускается.

Акт одиннадцатый

Рассказчик. И вот так товар Цзиньмэй был конфискован. Как же теперь будет жить ее семья? Но об этом, как говорили в старину, пока рассказывать не будем. Тем временем Синьцунь везла Бэйбэй к водившему дружбу с китайскими деятелями культуры старику-японцу по фамилии Икэда, который должен был отвести девочку в тюрьму при японской военной полиции, чтобы навестить родителей. Позвольте для начала познакомить вас с той ситуацией, в которой оказалась Жоин.

В женской камере темно и мрачно, как в преисподней. Сквозь стальные прутья можно разглядеть другую тюремную камеру. Жоин и еще одна арестантка по фамилии Хуан ведут беседу.

Лян Жоин. Как же не везет. В таком маленьком помещении спят сразу три человека, и имеется всего лишь два прохудившихся армейских одеяла. Я тут умру от холода.

Сестрица Хуан. Это еще ничего. Несколько дней назад в этой комнате были закрыты восемнадцать студенток и так же было только два прохудившихся армейских одеяла. Только подумай, насколько тесно. Как селедка в бочке. Даже дышать было нечем. Не знаю как, но в один вечер всех выпустили. *(Шепотом.)* Говорят, что все эти студентки были одгруппницами и состояли в антияпонской организации, а лидером у них была красивая девушка лет девятнадцати, да еще, поговаривают, была она членом коммунистической партии. Как только она здесь оказалась, полицейские снова и снова допрашивали ее, много раз пытали электричеством, а студентка эта не только не сознавалась, так еще и проклинала полицаев, называя бандитами-захватчиками. Черти разозлились, и, говорят, всем этим студенткам пришел конец.

Лян Жоин. Правда? Ох, как же жестоко! Во что превратился этот мир!

Сестрица Хуан. А вы как здесь оказались? И почему вас, госпожа Ван, называют то госпожой Мэн, то урожденной Ли²⁶?

Лян Жоин. Я пошла навестить подругу, но ее не было дома, и тут вломилось несколько человек. В суматохе и неразберихе меня и схватили, приняли меня за госпожу Ли, жену господина Мэна. Только подумай, как несправедливо!

Сестрица Хуан. Справедливо или нет, будучи китайкой, в любом случае станешь виновна.

Лян Жоин. Ну как же так можно — не разобравшись, арестовывать кого ни попадя? Неужто у них напрочь отсутствует здравый смысл?

Сестрица Хуан (*смеясь*). Если бы японские черти имели здравый смысл, они бы и не вторглись в Китай, госпожа Ван.

Лян Жоин. А ты как сюда попала, сестрица Хуан?

Сестрица Хуан. Я из драматической труппы шанхайского театра. Мы ставили на сцене пьесу под названием «Дождевые облака». В ней описывается засуха в провинции Хэнань во времена династии Мин²⁷, когда посевы завяли без воды, а народ возжигал фимиам, моля о дожде. Мы целую неделю выступали без проблем, но внезапно в один день к нам явился большой отряд японской военной полиции. Всех нас схватили, сказав, что мы показываем антияпонскую пьесу. Мы спорили с ними, говорили, что эта пьеса — историческая, в ней вообще не упоминается Япония. На что они ответили: «В тексте пьесы есть реплика “Когда же закатится солнце?”²⁸, явственно ругающая Японию». А еще заявили, что сама пьеса называется «Дождевые облака», как в старой китайской поговорке: народ смотрит на него, как на дождевое облако во время засухи. Это проявление явной ненависти к Императорской армии Японии и надежда на то, что коммунистическая партия придет вас освободить. Мы спросили: «Откуда вы это взяли?» А они нам ответили, что когда крестьяне в пьесе смотрят с надеждой на облака в небе, их лица обращены на север, и если это не намек, что они смотрят туда, где находятся основные силы комму-

²⁶ Традиционно в Китае при замужестве женщина не меняет фамилию, поэтому, чтобы четко обозначить роль женщины, сначала называют фамилию ее мужа, а затем ее девичью фамилию.

²⁷ Династия Мин — династия, правившая в Китае с 1368 по 1644 г.

²⁸ Данная цитата из древнего текста «Клятвы правителя Тана» (книга о военных законах династии Шан 1046 г. до н.э.), где в завуалированной форме через понятие солнца говорится о жестоком тиране и деспоте, последнем правителе мифической династии Ся (примерно 2070–1600 г. до н.э.) по имени Цзе. Так как иероглиф «солнце» входит в самоназвание Японии, то в данном случае фразу можно понять как «когда же придет конец Японии».

нистической партии, то что же это тогда такое? Вот уж воистину было бы желание обвинить человека, а вина всегда найдется. Разумеется, это было по доносу предателя родины.

Лян Жоин. Верно. Если бы не донесли, они сами бы не додумались до такого. Когда вас арестовали, тоже поместили всех вместе?

Сестрица Хуан. Раньше были вместе, а несколько дней назад нас разделили.

Лян Жоин (*смерив взглядом*). Я, кажется, видела ваше выступление. Неудивительно, что твое лицо показалось мне знакомым.

Сестрица Хуан. Тебе тоже нравится смотреть пьесы разговорной драмы²⁹?

Лян Жоин. Я поклонница разговорной драмы. Когда ставят новый спектакль, всегда хожу смотреть. Вы, случаем, не ставили три года назад пьесу «Живой труп»³⁰?

Сестрица Хуан. Ставили, я исполняла роль Катюши.

Лян Жоин. Как тебе моя память? Я даже выучила несколько предложений из той длинной реплики, где ты ругала другого героя. Какая удача — наткнуться на тебя здесь. (*Смеется.*) Возможно, тебе не следует больше играть роль Катюши, а лучше написать пьесу о заключении в тюрьму.

Издалека доносится стук кожаных ботинок.

Сестрица Хуан. Тсс, тише.

Лян Жоин (*отходит*). Ох-ох, как же мне пережить эти дни? Посмотрите на мои волосы. Они превратились в какое-то гнездо из курятника. У вас есть гребень?

Сестрица Хуан. Откуда у нас такие вещи? Расчесываемся пальцами, а если одалживать у надзирательниц, то нужно платить деньги.

Лян Жоин (*ощупывает свою одежду*). Как только попала в тюрьму, все вещи конфисковали. За пазухой ни гроша, какое несчастье! (*Смотрит на руки.*) Посмотри, во что превратились мои руки!

Сестрица Хуан (*смеясь*). Надеюсь, вы не собираетесь «красить ногти», госпожа Ван.

Лян Жоин. Не шути так, откуда ж тут взяться лаку для ногтей?

Сестрица Хуан. Я не шучу, так здесь называется один из способов пытки при допросах! Вышивальную иглу загоняют под ноготь. В женских тюрьмах это называется наносить лак, потому что стоит только проступить крови, как ноготь окрашивается в красный цвет.

²⁹ То есть пьесы в европейском стиле. Вплоть до начала XX века в Китае была распространена аутентичная музыкальная драма, предполагающая исполнение большей части реплик в форме арий.

³⁰ Пьеса Л. Н. Толстого (1900).

Лян Жоин. Ох, это разве не смертельно больно?

Сестрица Хуан. «Человеческие пальцы соединены с сердцем³¹», разве может быть не больно?

Лян Жоин. О небо! Меня бросает в дрожь даже просто при упоминании этого. Правдой или неправдой, но нужно покинуть это место.

Доносится чей-то плач.

Сестрица Хуан (*побледнев*). Ох, бедняжка Юй снова хлебнет лиха.

Лян Жоин. Что же делать? На вид она так слаба...

Сестрица Хуан. Хотя тело ее и немошно, но характер тверд. Незвизрая ни на какие пытки, она ни разу никого не выдала.

Лян Жоин. Сестрица Хуан, какие есть еще пытки помимо «нанесения лака»?

Сестрица Хуан. Очень много. Чаще всего применяют голландскую пытку водой³², хлещут резиновой плетью, сажают на «тигровую скамью³³»...

Раздается стук шагов японских полицейских.

Сестрица Хуан. Быстрее садись. Чертовы полицейские идут. Они не позволяют нам стоять, нужно сидеть. Вот так, на коленях. (*Садится в нужную позу.*)

Вражеские полицейские ведут за собой старика Икэда и Бэйбэй.

Японский полицейский (*в сторону камеры*). Чжан Юйлян, иди сюда!

В мужской тюремной камере постепенно зажигается свет.

Чжан Юйлян в тюремной одежде выходит из темного угла.

Икэда. Господин Чжан, ваша дочь пришла навестить вас. Японская военная полиция разрешила вам свидание на пять минут.

Чжан Юйлян (*взволнованно вцепившись в тюремную решетку*). Что? Моя дочь пришла меня навестить?

Бэйбэй (*мчится к решетке, истошно вопит*). Папа!

³¹ По китайским представлениям нервы на кончиках пальцев непосредственно соединены с сердцем.

³² Имеется в виду средневековая пытка, широко распространенная в Европе. В человека вливали большое количество воды, иногда по 10–15 л, растягивая желудок, что сдавливало сердце, легкие.

³³ Тигровой скамьей называли орудие пыток. Человеку с вытянутыми ногами и зафиксированными на скамье бедрами, подкладывали под пятки кирпичи. Колени сгибалось в обратную сторону, причиняя нестерпимую боль.

Чжан Юйлян *(схватив руку девочки)*. Ты Бэйбэй! Бэйбэй! Ах, доченька!

Бэйбэй. Это я! Папа, ты так настрадался.

Чжан Юйлян. Ты теперь узнаешь папу?

Бэйбэй. Узнаю. В тот день возле кинотеатра, когда я вас встретила, я не знала, что это вы. Мама сказала мне: «Папа вернулся в Шанхай». Но я не поняла. Я спросила: «А разве папа не в Шанхае?» Я тогда еще считала того дурного человека папой. Папа, простите меня.

Чжан Юйлян. Доченька, я давно тебя покинул, в чем же тут можно тебя винить? Спасибо и на том, что ты сейчас узнаешь меня. Папа все время беспокоился о тебе и хотел увидеть тебя, не мог думать ни о чем другом, кроме как о тебе. И вот я тебя увидел, теперь могу покоиться с миром.

Бэйбэй. Папа! *(Плачет, ухватившись за тюремную решетку)*.

Чжан Юйлян. Доченька, ты видела маму?

Бэйбэй. Еще нет.

Чжан Юйлян. Когда вернетесь домой, хорошенько учись под руководством тетюшки Ли, она сможет хорошо о тебе позаботиться.

Бэйбэй. Я знаю, папа. Берегите себя!

Чжан Юйлян. Доченька, папа позаботится о себе. Они могут убить тело папы, но никогда не сломят его дух. Они могут презирать китайскую интеллигенцию, но мы своими действиями покажем им, что кости китайских революционных интеллигентов крепки!

Японский полицейский. Время!

Бэйбэй. Папа, берегите себя. Я еще приду вас навестить.

Икэда. Время закончилось, пойдём, девочка! *(Тянет за собой Бэйбэй, уходит.)*

Чжан Юйлян. Доченька, береги себя! Хорошо учись!

Бэйбэй *(дойдя до двери, вновь устремляется к решетке камеры)*. Папа!

Японский полицейский яростно оттаскивает Бэйбэй. Свет в мужской камере постепенно меркнет. Икэда говорит что-то на ухо японскому полицейскому.

Японский полицейский. Госпожа Мэн, урожденная Ли, твоя дочь пришла навестить тебя.

Свет в женской камере постепенно загорается.

Сестрица Хуан *(обращается к Жоин)*. К тебе пришли.

Японский полицейский. Госпожа Мэн, урожденная Ли!

Лян Жоин. Здесь, я здесь!

Икэда. Твоя дочь Бэйбэй пришла проведать тебя.

Бэйбэй выходит из мрака, хватается за стальные прутья камеры.

Бэйбэй. Мама!

Лян Жоин. Ах! Бэйбэй! (*Обнимая дочь, громко плачет.*) Твоя мама страдает!

Японский полицейский оттягивает Бэйбэй.

Японский полицейский. Нельзя приближаться!

Лян Жоин. Бэйбэй, быстрее скажи папе, чтобы приехал меня забрать. Скажи ему, что мама здесь мучается, и если он меня скоро не спасет, то мама умрет. Ты поняла меня, доченька?

Бэйбэй. Да, поняла. Но разве мой папа тоже не здесь? Почему ты не взяла меня с собой в тот день, когда ходила на встречу с ним, мама?

Лян Жоин. Какое счастье, что не повела тебя с собой, иначе и тебя бы схватили и упрятали в тюрьму.

Бэйбэй. Уж лучше бы я вместе с вами обоими была в тюрьме.

Лян Жоин. Глупышка, ты думаешь, что в тюрьме хорошо? Мама больше не может терпеть эти мучения. Доченька, послушай меня, быстрее иди к папе и скажи, чтобы он меня спас.

Бэйбэй. Но он сказал, что ему нет до вас дела.

Лян Жоин. Попроси его, доченька. Он послушает тебя, потому что любит.

Бэйбэй (*разочарованно*). Да, хорошо. Я принесла немного еды. Тетушка купила, но они все отобрали.

Лян Жоин. Ах, придумай, как пронести ее в следующий раз, и снова приноси.

Японский полицейский. Пошли, время истекло.

Икэда. Девочка Бэйбэй, пойдем.

Бэйбэй. Мама, я еще приду тебя навестить.

Лян Жоин. Доченька, обязательно скажи папе, что я молю его спасти меня. Пусть проявит немного жалости и спасет меня. Я и секунды дольше не могу здесь находиться, я умру так. Он непременно должен меня спасти, ты слышишь меня? Здесь совсем ничего нет. В следующий раз принеси расческу, зеркало, частый гребень, белье. Ты поняла меня? Доченька, не забудь.

Бэйбэй (*разочарованно*). Да, я поняла. (*Уходит вслед за Икэда.*)

Лян Жоин. Заставь папу всенепременно вытащить меня отсюда, для мамы здесь один день что год. Ты слышала меня или нет? Доченька?..

Сестрица Хуан. Успокойтесь, госпожа Ван. Ваша дочь уже ушла далеко.

Лян Жоин. Ах, Бэйбэй!

Занавес опускается.

Акт двенадцатый

В доме Цзиньмэй. На столе затухающая, но еще не погасшая лампа.

Юшэн спит на кровати, Матушка Лю занимается шитьем.

Юшэн (*разговаривает во сне*). Ублюдок, ты еще узнаешь, кто я такой! Ты еще узнаешь!

Матушка Лю. Юшэн! Юшэн! (*Встряхивает его.*)

Юшэн. А! А!

Матушка Лю (*снова встряхивает его*). Юшэн, проснись! Проснись!

Юшэн (*очнулся*). Ой, почему еще не спишь? Вернулась так поздно, что же ты делала?

Матушка Лю. Это я, Юшэн!

Юшэн. А-а, теща. Почему же вы не спите?

Матушка Лю. Шью одежду!

Юшэн. Вы нездоровы, ложитесь пораньше. Что можно сшить со слабым старческим зрением? Лучше пусть Цзиньмэй это делает.

Матушка Лю. У нее свои дела. Эту работу мне дали в магазине. Только когда увидели, что я неплохо шью, позволили мне за это взяться. У меня теперь, считай, есть хоть какие-то средства существования.

Юшэн. Который час, матушка?

Матушка Лю. Только что у соседей часы отзвонили три часа.

Юшэн (*нервно*). Цзиньмэй все еще не вернулась?

Матушка Лю. Нет еще. (*Помедлив.*) И вправду, не было еще такого, чтобы в столь поздний час она не была дома.

Юшэн. Эх, вся семья сейчас живет за ее счет. Она изменилась.

Матушка Лю. Это невозможно, Юшэн, она не такая. Сегодня на-верняка что-то произошло, какая-нибудь неприятность. Последние дни ходят слухи, что партизанские отряды собираются пробиться в Шанхай.

Юшэн (*в сердцах ударив по кровати*). Эх! Какая досада, что мое зрение почти пропало. Я давно уже хотел вступить в партизанский отряд, но, обремененный семьей, сделать этого не мог. Если бы давно ушел, и с глазами бы такого не произошло.

Матушка Лю. Лечись себе спокойно. Ты разве не слышал, Лао Юй сказал, скольких бы денег это ни стоило, твои глаза непременно вылечат.

Юшэн (*горько усмехнувшись*). Лао Юй и другие по доброте душевной заботятся о нищем друге, но и они сами трудятся на пределе своих сил. Как же я могу постоянно полагаться на них? Да и в больницах для простого народа нет выдающихся врачей, напрасно они потратили столько денег, мои глаза все равно ничего не видят.

Мат у ш к а Лю. Будь терпеливее, Юшэн. Врачи в больнице тоже стараются изо всех сил. А что еще остается делать?

Ю ш эн. Что сделать? Остается только умереть! Но я не хочу умирать. Я еще молод, во мне бьется горячее сердце. Ах, как же мне быть! *(Заплакал.)*

Мат у ш к а Лю. Не надо, Юшэн, не плачь, сделаешь только хуже глазам. Я вижу, как часто ты утираешь слезы в последнее время. Не хорошо это, дитя мое.

Ю ш эн. Матушка, ты не знаешь, насколько это невыносимо!

Мат у ш к а Лю. Ну как же не знаю? Но доктор говорит, что если хочешь поправиться, то нужно успокоиться.

Ю ш эн. Успокоиться? Так ясно же как божий день он хочет, чтобы я оставил всякую надежду на выздоровление, только и всего. Но ведь это так сложно. Неужели я закончу вот так, матушка? *(Плача.)*

Мат у ш к а Лю. Посмотри, ты снова плачешь! Ну как тут поправиться!

Ю ш эн. Ты знаешь, я обычно никогда не лью слезы. Какой бы тяжелой ни была жизнь, я все терплю. Какой бы тяжелой ни была ноша на моих плечах, я никогда не просил пощады. Однако теперь для меня все закончилось. А ведь я из того, что хотел сделать, даже толики не успел. Эти паршивые собаки не только испортили мне зрение, они еще и по сердцу моему прошлись. Молодой крепкий мужик, я теперь полностью на содержании своей жены!

Мат у ш к а Лю. Да что ты несешь! Ты же содержал меня и жену, теперь она возвращает заботу обратно. Разве так не должно быть? Эти годы ты хорошо относился ко мне, как к родной матери.

Ю ш эн. Ведь зять — это же половина сына. Даже при жизни моей матери ни у кого за меня так душа не болела, как у тебя.

Мат у ш к а Лю. У меня, кроме дочери, других детей нет. Я всю старость полагалась на твою заботу.

Ю ш эн. Кто знал... А теперь, чтобы выжить, мне приходится полагаться на твое шитье...

Мат у ш к а Лю. Ну, посмотрите, опять такое заговорил! Лечись себе со спокойным сердцем. Вдруг глаза твои еще вылечатся. А если какое-то время они еще будут болеть, все равно выдюжим. Свет клином не сошелся — всегда найдется путь, который выведет. Сколько же на белом свете людей с больными глазами, и для них какая-то работа находится.

Раздается стук в дверь.

Ю ш эн *(спрашивает в ответ)*. Кто там? *(Обращается к теще.)* Скорей откройте, может, она вернулась!

Матушка Лю (*встает*). Дочка, ты?

Голос. Да!

Матушка Лю открывает дверь. Цзиньмэй поспешно влетает.

Матушка Лю (*тихо*). Почему ты так поздно?

Цзиньмэй устало опускается на пол, закрывает лицо и плачет.

Юшэн от волнения вскакивает, потом опять ложится.

Матушка Лю. Товар весь продала?

Лю Цзиньмэй (*через силу кивает*). Угу!

Матушка Лю. Всё продала?

Лю Цзиньмэй (*смотрит на кровать и снова с усилием кивает*). Да, всё продала!

Матушка Лю. Так здорово же! А вернулась чего так поздно? Сейчас который час, ты знаешь?

Лю Цзиньмэй рыдает.

Юшэн. Твою мать! Что ты продала? Я спрашиваю, что ты продала? Ты себя продала, ведь так? Уж лучше бы ты не возвращалась! Ты думаешь, я слеп и меня можно дурить!

Лю Цзиньмэй плачет еще горестнее.

Матушка Лю. Юшэн!

Юшэн. Ты понимаешь, что мы, не смыкая глаз, ждали тебя до-поздна?

Лю Цзиньмэй. Ну как не понимать.

Юшэн. Раз понимаешь, почему не возвращалась?

Лю Цзиньмэй. Не могла вернуться.

Юшэн. Почему не могла вернуться? Стыдно было возвращаться? Не было кому проводить? Ведь так?

Лю Цзиньмэй. Почему ты меня так унижаешь?!

Юшэн (*бьет кулаком по кровати*). Кто еще кого унижает? Я вступился за твою честь и заплатил тем, что те ублюдки меня ослепили. А теперь ты делаешь из меня настоящего рогоносца. Так это я тебя опозорил или все-таки ты меня? Говори же!

Лю Цзиньмэй (*громко плачет*). О боже!

Матушка Лю. Не плачь! Вы меня так в могилу сведете. Дитя мое, скажи уже, наконец, почему ты так поздно вернулась? Куда ходила? Или тебя кто-то обидел?

Лю Цзиньмэй. Сегодня я расположилась с товаром на большой улице, сначала торговля шла неплохо, продала четыре-пять банок. Потом пришел патрульный разогнать нас, но я не успела убежать, и товар весь конфисковали. Я просила его вернуть мне консервы, го-

ворила, что дома у меня больные матушка и муж да и товар куплен на ссуду ростовщика. Умоляла, просила о снисхождении, кланялась до земли. Но тот чертов патрульный притворился, что не слышит, не видит и не только конфисковал мой товар, но еще и потащил меня в полицейский участок и, ничего не сказав, запер там. Я беспокоилась, зная, что вы ждете меня дома, кричала что было сил. Старший полицейский услышал, задал несколько вопросов и отмахнулся. И только тогда меня отпустили.

Матушка Лю. А товары?

Лю Цзиньмэй. Я снова и снова просила вернуть их обратно, но они ничего не отдали, а наоборот, еще и побили меня палками. Я несколько раз умоляла их о пощаде. Боялась, что вы беспокоитесь, мне ничего не оставалось, как вернуться домой. Время позднее, по дороге дозорные спросили у меня пароль³⁴. Я объяснила им ситуацию, и только тогда меня пропустили. Но стоило мне вернуться, как Югэ, не разобравшись, стал подозревать меня, не считает меня за человека. Есть ли смысл мне жить дальше? Нет! *(Снова горько расплакалась.)*

Матушка Лю. Ах, вот оно как! Не плачь, дочка. Все потому, что ты сама не объяснила, а теперь, когда рассказала, разве ж мы не поняли?

Лю Цзиньмэй. Я тоже человек! Я отличаю плохое от хорошего, я знаю, что такое стыд! Я поклялась Югэ ухаживать за ним, пусть даже придется работать как вол всю жизнь. Какой злой умысел я могла затаить?

Юшэн *(поднимается, говорит искренне)*. Цзиньмэй, прости, я напрасно тебя обвинял. Я знаю, какой ты человек, но ты никогда не возвращалась так поздно, и в городе беспокойно, а ты — молодая женщина. Разве могли мы не волноваться? Даже раньше, когда я мог видеть, нас притесняли. Сейчас же, когда те ублюдки сотворили со мной такое, я вынужден жить за твой счет. Другая женщина посчитала бы это злым ударом судьбы. Разве могу я не быть мнительным?

Лю Цзиньмэй. Югэ, что ты говоришь! Неужели ты думаешь, что я позабыла, из-за кого пострадали твои глаза? Рано или поздно мы отомстим обидчикам. Ты много лет заботился обо мне и матушке, а теперь, когда ты заболел, если не я, то кто о тебе позаботится? Ухаживать за тобой, содержать — в этом мой долг и гордость. Разве я

³⁴ В Шанхае, разделенном на несколько частей с тех пор, как в городе с появлением европейцев возникли иностранные концессии, перемещение в ночное время было ограничено. Только люди, знавшие пароль, могли попасть из одной части города в другую. Вероятнее всего, такая система работала и при оккупации Японией, особенно в период «одиноким острова».

могу чувствовать себя обиженной судьбой? Если ты мне не веришь, я могу умереть прямо у тебя на глазах.

М а т у ш к а Л ю . Дочка, ты так молода. Не умирай, живи. Уже так поздно, ложись спать.

Ю ш э н . Цзиньмэй, подойди!

Цзиньмэй подходит, садится на краю кровати.

Ю ш э н *(крепко сжимает ее руку, с чувством)*. Прости меня. Больше никогда не буду попрекать тебя почем зря, хватит и того, что на твои плечи легла забота обо всей семье. Надеюсь только, что когда-нибудь мои глаза снова увидят белый свет, тогда я обязательно сделаю твою жизнь лучше.

Л ю Ц з и н ь м э й *(обнимает его)*. Ах, Югэ, какая же у нас несчастная судьба! *(Плачет.)*

Крик петухов.

М а т у ш к а Л ю . Ложись поспи, скоро уж светать будет.

Ю ш э н . Да, ложись.

Л ю Ц з и н ь м э й . Хорошо. *(Поднимается с кровати, закрывает дверь, укладывает спать матушку, гасит лампу, ложится в постель.)*

Крик петухов.

Л ю Ц з и н ь м э й *(одна поднимается, садится на кровати)*. Что делать? О боже! Как быть-то?

М а т у ш к а Л ю *(тоже просыпается)*. Цзиньмэй, ты не заснула еще?

Л ю Ц з и н ь м э й . Нет, мама.

М а т у ш к а Л ю . Устала за день, отоспись хорошенько.

Л ю Ц з и н ь м э й . Не могу уснуть.

М а т у ш к а Л ю . Да кто может? В любом случае надо заставить себя заснуть.

Л ю Ц з и н ь м э й . Да. *(Через какое-то время, сама с собой.)* Что можно взять завтра, чтобы уплатить проценты? Товара не осталось, что еще можно продать?

М а т у ш к а Л ю . Попробуй снова обратиться к сестрице Ши.

Л ю Ц з и н ь м э й . Сестрице Ши тоже не везет, она и себе сейчас не может помочь, не то что другим. Давно ее не видела. Когда поспрашивала, узнала, что она слегла от такой нагрузки, уже давно прикована к кровати.

М а т у ш к а Л ю . Придумай другой способ. Например, обратись к Юй Дашэну.

Л ю Ц з и н ь м э й . Он уже потратил немало денег на лечение Югэ. Он нам не брат, не сват, разве можно снова беспокоить его?

М а т у ш к а Л ю . Лао Юй говорил, что работает за всех и, если есть какие-то затруднения, можно смело обращаться к нему. К сожалению, семейство Чжанов с улицы Чанъаньлу вернулось обратно в Ханчжоу, а ведь они нам часто помогали... О, а может, обратиться к сестрице Ли? Она ведь даже приходила издалека с подарками проведать нас. Жаль, тебя тогда не было дома, иначе могла бы обсудить с ней наши семейные проблемы, придумать на будущее план.

Л ю Ц з и н ь м э й . Я тоже думала о том, как бы разыскать ее да посоветоваться. Но она очень занята. Ее нелегко найти, да и она сама не так уж и богата.

М а т у ш к а Л ю . Ну, в любом случае давай обсудим это завтра. Если Юшэн проснется и узнает, как тебе тяжело, он будет еще больше переживать.

Л ю Ц з и н ь м э й . Ты права, мама. Спи, я тоже буду спать. *(Только ложится, как почти сразу же снова встает.)* Как же быть?!

Занавес опускается.

Акт тринадцатый

Р а с с к а з ч и к . И вот на «одинокый остров» опустилась глубокая ночь. И эта горестная ночь сокрыла страдания стольких людей. Известно, заснули ли в итоге Цзиньмэй с матушкой в ожидании невзгод нового дня. Вспомним о заключенных в тюрьме Жоин и Юйляне: как же они проводят эту холодную цзяннаньскую³⁵ ночь? Но речь поведем о жизни банкира Ван Чжунъюаня и его новой сожительницы Юй Фанцзы. В столь поздний час они только что вернулись с танцев.

В спальне Ван Чжунъюаня. Звук автомобильного гудка.

В а н Ч ж у н ь ю а н ь *(скинув шапку, ложится на диван, потягивается)*. Ох! Скоро уже рассвет?

Ю й Ф а н ц з ы *(сидит за туалетным столиком, посмотрев на часы)*. Всего лишь три часа сорок пять минут, очень рано. Я бы потанцевала еще немного, а ты все торопишь время. Как же это раздражает!

В а н Ч ж у н ь ю а н ь . Да, по меркам танцплощадок действительно не поздно. Только вот и вправду тяжело каждый день возвращаться в три часа сорок пять минут.

Ю й Ф а н ц з ы . Что? Ты устал? Вот уж, как говорится, не стар, а песок сыпется! Куда тебе до полуночников, встречающих рассветы!

³⁵ Район Цзяннань, так называются земли на южном побережье реки Янцзы, где в том числе расположен Шанхай.

Ван Чжунъюань. Мне с ними действительно не сравниться. *(Зевнул, снял пальто.)* Пойдем спать, завтра куча дел.

Юй Фанцзы. Ложись, а я еще ванну приму. *(Заходит в ванную комнату.)*

Ван Чжунъюань *(переодевается в пижаму, украдкой посматривает на фотографию Жоин и Бэйбэй, которая стоит на книжной полке).* Эх, досталось же тебе.

Юй Фанцзы выходит из ванной комнаты.

Юй Фанцзы *(раздраженно).* Лиин! Лиин!

Лиин, потирая глаза, входит в комнату.

Лиин. Что такое? Госпожа?

Юй Фанцзы. Почему вода остыла? Разве я не просила тебя оставить воды?

Лиин. Оставила. Но ведь уже так поздно, вот вода и остыла.

Юй Фанцзы. Ну и как мыться в такой холодной воде?

Лиин *(смущенно).* Растопщики уже спят. Может быть, помоешься завтра?

Юй Фанцзы. Посмотрите на нее, совсем меня не слушается. Неси сюда всю воду из термосов, что есть дома!

Лиин. Да разве же ее хватит, чтобы помыться?

Ван Чжунъюань. Довольно, Фанцзы, помоешься завтра. *(Обращается к Лиин.)* Лиин, иди спать.

Лиин уходит.

Юй Фанцзы. Хах, вот ты как ее балуешь! Совсем испортил.

Ван Чжунъюань. Ее наняла Жоин, да и она проработала уже много лет, аккуратная девушка.

Юй Фанцзы *(подойдя к нему вплотную).* Я знаю, что у тебя на сердце. Ты все не можешь забыть свою драгоценную женушку, даже служанку, которую она наняла, не смеешь обидеть.

Ван Чжунъюань. Сейчас нелегко найти надежную служанку. Просто вы, женщины, малодушные, всегда все видите в негативном свете.

Юй Фанцзы. Я обвинила тебя понапрасну! А кому ты сейчас говоришь: «Досталось же тебе», а?

Ван Чжунъюань. О, я подразумевал, если ты каждый день так поздно возвращаться домой, то тебе несладко придется.

Юй Фанцзы. Хватит лгать. *(Указывая на книжную полку.)* Посмотри на себя, снова вытащил фотографию этой женщины. Вспомнил, что она в тюрьме, и на тебя нахлынуло сочувствие?

Ван Чжунъюань. Хм, продолжай делать слепые догадки.

Юй Фанцзы. Что за слепые догадки? Я вижу тебя насквозь. Глянь, ты покраснел, разве нет? Но, к сожалению, Лян Жоин больше не госпожа Ван. Она предпочла оказаться в тюрьме вместе с бывшим мужем. Вот уж по правде «разлученные супруги вновь воссоединились, как осколки зеркала», прямо-таки уточки-мандаринки³⁶ в темнице. А ты все продолжаешь томиться от неразделенной любви. Стоит ли оно того, мой господин Ван?

Ван Чжунъюань. Я поступил тогда правильно, позволив ей встретиться с мужем, но она исподтишка договорилась с ним о встрече в другом месте. Судя по всему, в какой-то антияпонской организации. Едва они туда прибыли, их схватили. Разве они не заслужили? Кроме того, все эти годы я, в общем-то, неплохо относился к Бэйбэй, любил ее как родную дочь. А сейчас, несмотря на это, Сяо Ли вдруг ни с того ни с сего перестала позволять Бэйбэй встречаться со мной.

Юй Фанцзы. Сяо Ли — это кто? А-а, ты о Ли Синьцунь?

Ван Чжунъюань. Да.

Юй Фанцзы. Хм, да разве этим борцам за прогресс есть до тебя дело? *(Посмотрела искоса на Ван Чжунъюаня, поцеловала его в голову.)* Не переживай. Наш товарищ Ван Чжунъюань раньше тоже увлекался прогрессивными идеями и только в последние годы чуть отстал от других. Стоит слегка постараться, тут же всех их догонишь, разве нет? *(Смотрит на фотографию.)* Ах, да, сегодня звонила Бэйбэй, попросила, чтобы вы, папенька, спасли ее мамочку. Добросердечный господин Ван, вы все-таки будете спасать ее? *(Видя, что он молчит.)* Отвечай же!

Ван Чжунъюань. Хм, спасти-то спасу, только есть условие.

Юй Фанцзы *(прильнув к его лицу своим)*. Какое условие?

Ван Чжунъюань. Она должна вернуться сюда ко мне.

Юй Фанцзы. Ты с ней не расстанешься?

Ван Чжунъюань. Не расстанусь. Я, Ван Чжунъюань, не намерен портить себе репутацию в Шанхае. Ведь будут судачить, что чужая жена, которой я овладел, вернулась к бывшему мужу. Ну и до чего тогда опустится мой авторитет?

Юй Фанцзы. Если вы не разведетесь, куда же тогда деваться мне, когда она выйдет из тюрьмы, господин Ван?

Ван Чжунъюань. Я тебе другую квартиру найду, красивее и комфортнее, чем эта. Согласна?

Юй Фанцзы. А она не будет ревновать?

³⁶ Классический литературный образ. Под мандаринками понимается неразлучная, верная и любящая пара, как уточки-мандаринки, которые, по представлению китайцев, создают пару на всю жизнь.

Ван Чжунъюань. Она провинилась. Если вернется ко мне, придется быть послушной.

Юй Фанцзы. Хм, говоришь так, будто у тебя есть преимущество. Но, к сожалению, это всего лишь твои радужные фантазии.

Ван Чжунъюань. С чего ты взяла?

Юй Фанцзы. Пусть не станет ревновать она, но я-то буду противиться. Не беспокойся, я не буду устраивать скандал... Сегодня освободится она, а завтра на дверь укажут мне. Совсем по-дружески, да?

Ван Чжунъюань. Да как же так можно? Дорогая, ты же знаешь, что без тебя мне не жить.

Юй Фанцзы. Какие красивые слова! Если не хочешь, чтобы я уходила, я останусь, но тогда и ты должен выполнить условие.

Ван Чжунъюань. Какое? Говори же!

Юй Фанцзы. Тогда с этого момента ты должен во всем слушаться меня.

Ван Чжунъюань. О'кей. *(Обнимает ее.)*

Занавес опускается.

Акт четырнадцатый

Рассказчик. Конечно, Ван Чжунъюань не стал прикладывать усилий для спасения Жоин. Хитрые захватчики, с одной стороны, жестоки и беспощадны, с другой — лицемерны и коварны. Пока Ван Чжунъюань радовался чужой беде, враги, напротив, сами задумались об освобождении Юйляна и Жоин.

В тюрьме. Лейтенант Симада ведет допрос Чжан Юйляна.

Симада. Мы обнаружили, что вы не Мэн Нань и вас зовут Чжан Юйлян.

Чжан Юйлян. О, ваше открытие достойно похвалы. Жаль, что оно свершилось поздно.

Симада. Почему же вы все время соглашались с тем, что вы — Мэн Нань?

Чжан Юйлян. В Китае есть древняя пословица: «Если тебя называют коровой, отзывайся на корову». Вы с такой настойчивостью утверждали, будто я Мэн Нань, вот я и решил: для меня же лучше поддержать вас в этой уверенности.

Симада. А еще почему вы подтвердили, что те статьи написаны вами?

Чжан Юйлян. Раз уж согласился с тем, что я Мэн Нань, то, разумеется, и за статьи, написанные Мэн Нанем, ответственность нести должен я.

Симада. Но из-за этого вам пришлось испытать немало горя. Вы хотели спасти друга, не так ли?

Чжан Юйлян. О, пусть будет так, как считаете вы.

Симада. Да, именно так, вы спасли друга, а тот уже в Куньмине.

Чжан Юйлян. В Куньмине?

Симада. Да, у нас есть об этом сведения. *(Указывает на письмо на столе.)*

Чжан Юйлян. Значит, мои страдания не были напрасны.

Симада. Однако выяснить, что вы вовсе не Мэн Нань, тоже дорогого стоило, потому что повидаться с Чжан Юйляном нам хотелось гораздо больше.

Чжан Юйлян. Ну что, вот вы и видите с ним сейчас.

Симада. Не то слово, эта встреча для нас неожиданна. Как говорится в китайской пословице, сбились с ног в поисках того, что само пришло в руки. Более того, встреча эта тем важнее для нас, что состоялась она как раз тогда, когда вы намеревались развернуть в Шанхае антияпонскую деятельность. Ведь на материке вы проделали большую работу по противостоянию Японии в Великой восточноазиатской войне³⁷, так?

Чжан Юйлян. Так. Я неуклонно противлюсь войне, в которой японские империалисты порабащают китайский народ и народы Востока. Поэтому, как только произошли события 13 августа³⁸, я тут же отправился на материк принять участие в священной для Китая войне сопротивления.

Симада *(хмыкнув)*. Не рисуйте вашу войну сопротивления в одних только красивых тонах. Ваш союз между Компартией и Гоминьданом не продержался нескольких дней и распался. Поэтому стоило вам оказаться на материке, как Гу Чжунтун посадил вас под замок. И вы все еще находите эту войну священной? Вы разве не знаете, что вашу страну изнутри раздирают противоречия и борьба интересов, что же тут святого?

Чжан Юйлян. Китай — страна древняя и великая, поэтому ничуть не странно, что во время противостояния агрессору и создания нового государства возникли какие-то внутренние противоречия. Ни одно государство не избежит этого. Отдельные социальные слои не горят желанием горячо поддерживать борьбу с врагом, а некоторые и вовсе вступают с вами в сговор и вредят Войне сопротивления.

³⁷ Японское название войны на Тихом океане в рамках Второй мировой войны.

³⁸ Второе шанхайское сражение, или битва при Шанхае и реке Сучжоухэ (13 августа — 26 ноября 1937 г.), — первое крупное военное столкновение между Китаем и Японией в ходе Японо-китайской войны.

Но стремление добиться в ходе этой войны личного освобождения для большей части китайского народа священо, и прилагаемые ради этого титанические усилия и самопожертвование тоже священны.

Симада. Да, однако не будет преувеличением назвать вашу жертву громадной. Но стоит ли она того? Ведь ясно же, что вас надули британцы и американцы, особенно последние. Вы думали, что американцы и в самом деле помогут вам обрести свободу и независимость? Это обман. Посмотрите, как они относятся к чернокожим. А к Филиппинам? Мы, азиаты, в их глазах являемся объектами угнетения и эксплуатации. Поэтому лишь тогда, когда мы, народы Азии, воспрянем вместе и под руководством Японской империи погоним прочь американских и британских империалистов, можно будет говорить о священной войне.

Чжан Юйлян. Священная война? Наверное, ею можно считать противостояние гнету и эксплуатации империалистами. Но разве можно требовать того, чтобы и японские империалисты не угнетали, не эксплуатировали народы Востока и свой собственный народ?

Симада. Это...

Чжан Юйлян. Вам следует признать, что китайская нация — древняя, с богатым историческим опытом. В недавней истории она пережила немало надувательств, тем не менее жестокая реальность научила нас больше не вестись на обманы. Теперь мы не верим красивой, цветистой брехне этих жуликов и видим насквозь их истинные мотивы и планы.

Симада. Хм, ваши размышления довольно радикальны. Конечно, мы признаем, что в ходе этой войны в какой-то степени задела чувства китайцев. Но спустя время вы поймете, что японцы все-таки истинные друзья китайцев.

Чжан Юйлян. Мы понимаем это. Многочисленный трудолюбивый народ Японии — друг китайского народа, потому что тоже угнетен и подвергается эксплуатации. Пусть кто-то и поддерживает эксплуататоров, но в последние годы ситуация в Японии тоже становится далеко не идеальной. Многие постепенно очнулись от навеянной ложью эйфории. Вы так не считаете?

Симада. Ха-ха-ха. Вы говорите нереальные вещи. В самом деле, большое несчастье в том, что Япония и Китай встретились на поле брани, но мы действовали из сочувствия по отношению к китайскому народу, хотели освободить его от давления и притеснений милитаристов и бюрократов. Я знаю, многие китайские интеллигенты верят в социализм, коммунизм. До этого их довели китайские милитаристы и бюрократы, я их ни в чем не виню. *(Намеренно понизив голос, серьезно.)* Но вам следует знать, что истинная идеологическая миссия

идущей сейчас священной войны Императорской армии заключается в создании Восточноазиатской социалистической империи под верховенством японского императора.

Чжан Юйлян. Ха-ха-ха!

Симада. Почему вы смеетесь?

Чжан Юйлян. Вы знаете, что китайцы — реалисты, которые не верят в несбыточные грезы.

Симада. Разумеется, вы пока неспособны понять эту великую мечту имперских военных. Но то правда! С моей точки зрения, именно вы фантазируете! У вас нет сил сопротивляться напору Императорской армии Японии, а мечты о том, что американцы вместо вас прогонят нас, позволив вам стать свободным независимым государством, — это всего лишь смехотворные бредни глупцов! Вы обнаружите, что те, кого вы сами впустили в свою страну, вовсе не близкие друзья, а жадные и жестокие разбойники.

Чжан Юйлян. Благодарю за ваше предупреждение, но мы не грезим. Китайский народ никогда еще не обладал таким ясным сознанием, как сейчас. Мы благодарны, ваши артиллерийские снаряды оказались весьма действенны, пробудили китайский народ от столетней спячки, с помощью конкретных действий заставили нас осознать, кто враг, а кто друг, а также четко уяснить, куда надлежит нам идти для нашего истинного освобождения. И именно поэтому в Китае вы столкнулись с трудностями, которые не в силах преодолеть. Ваши ноги все глубже и глубже увязают в грязи. Чем дальше вы рискуете и влезаете в неприятности, стараясь воодушевить собственный народ, тем больше усугубляете ситуацию. Но это тоже неплохо, японский народ обязательно вынесет из этой войны достаточно уроков, что сыграет положительную роль в деле его освобождения.

Симада. О, какие интересные и занимательные мысли. Но, к сожалению, вы еще не уяснили глубинный смысл нашей священной войны в Восточной Азии. Священная война в Восточной Азии тоже расширяется. Изначально действительно все было достаточно просто, но впоследствии начали расти внутренние и внешние противоречия, идейное содержание священной войны тоже обогатилось. Вы, кажется, читаете по-японски? Чуть позже я ознакомлю вас с несколькими книгами, дам их почитать. Вы курите?

Чжан Юйлян. Спасибо, не курю.

Симада. Не имеет значения, выкурите одну. *(Предлагает сигарету.)* Фактически война в любом случае должна завершиться. Я недавно выпустился из университета, мы оба — интеллигенты и должны приложить совместные усилия для установления в Восточной Азии долговременного мира, разве нет? Откровенно говоря, основными

объектами военных действий для Императорской армии в настоящий момент являются Британия и Америка. Китайцев же, в особенности китайскую интеллигенцию, мы весьма уважаем и оберегаем. Мы надеемся, что китайский народ потрудится с нами ради создания новой Великой Восточной Азии. Приношу извинения за то, что в этот раз с вами плохо обошлись, приняли вас за обычного человека. Ха-ха-ха. Мы готовы вернуть вам свободу безо всяких условий.

Чжа н Юй ля н. Вернуть мне свободу?

Си ма да. Верно. Мы решили отпустить вас на волю, господин Чжан. Разумеется, питая надежду на то, что вы глубже осмыслите цели Великой восточноазиатской войны. Я знаю, интеллигенты всегда свободолюбивы. Если вы не станете впредь открыто высказываться против японцев, то нам этого будет достаточно.

Чжа н Юй ля н. Хм, я никогда не имел ничего против обычного японского народа.

Си ма да. Разумеется, и, если вы опять предпримете какие-то действия, мы тут же об этом узнаем. Вероятно также, что мы можем в любой момент потребовать от вас явиться на беседу.

Чжа н Юй ля н. Ха-ха-ха...

Си ма да. Покончим с этим. А сейчас давайте обсудим другие вопросы. Так же как вы не являетесь Мэн Нанем, так и супруга господина Чжана, разумеется, не является супругой господина Мэна.

Чжа н Юй ля н. Конечно, нет, но...

Си ма да. Но и не является супругой господина Чжана... *(Со смехом смотрит на Юйляна.)*

Чжа н Юй ля н. Когда-то она была моей женой, но именно из-за вас мы с ней расстались.

Си ма да. А разве в этот раз мы не соединили вас вместе? Ха-ха-ха.

Чжа н Юй ля н. Вы сковали наши руки вместе, но сердца наши давно уже отдалились друг от друга.

Си ма да. В таком случае за это ответственность несем не мы. В знак выражения перед вами с супругой извинений я готов оказать услугу. Если она признает, что является вашей супругой, то сможет выйти на свободу вместе с вами, в противном случае нам останется только рассматривать ее дело в отдельном порядке. *(Обращается к японскому полицейскому.)* Пригласи сюда супругу господина Мэна, урожденную Ли.

Японский полицейский уходит.

Си ма да. У вас с женой один ребенок?

Чжа н Юй ля н. Да.

Си ма да. Видел, очень подвижная. Девочка уже довольно большая, должно быть, вы поженились больше десяти лет назад?

Чжан Юйлян. Тринадцать.

Симада. Дочери двенадцать лет?

Чжан Юйлян. Да.

Симада. Почему она вас не узнала?

Чжан Юйлян. Когда мы расстались, она была еще маленькой. Мы, отец и дочь, познакомились только здесь.

Симада. Когда вы завязали знакомство с господином Икэда?

Чжан Юйлян. Достаточно давно, он очень честный и прямой старик.

Симада. Да, а еще старик, который любит совать нос в чужие дела.

Появляется Жоин под конвоем японского полицейского.

Симада. Госпожа Мэн, пришлось же вам натерпеться страданий.

Лян Жоин. Я не госпожа Мэн.

Симада. Я знаю, что вы не госпожа Мэн, вы госпожа Чжан.

Лян Жоин. Нет, я ...

Симада. Не нужно спорить, ваш муж уже обо всем рассказал. На днях сюда приходила ваша дочь?

Лян Жоин. Но мы уже давно расстались.

Симада. Тогда почему в день ареста вы снова были вместе?

Лян Жоин. Это... Это потому, что когда я узнала о его возвращении в Шанхай, решила пойти проведать его. Наши отношения не более чем дружеские.

Симада (*смотрит в документы*). Тогда почему вы спрашивали, есть ли у вашей любви шанс на будущее?

Жоин безмолвствует.

Симада. Хм, это потому, что ваши старые чувства все еще живы? Ха-ха. Ваш муж на этот раз проявил себя достойно. Мы его крайне уважаем и хотим вам помочь, поместить вас как супружескую пару в одну камеру, а когда война закончится, освободим. Что скажете?

Лян Жоин. Нет, я не могу находиться в подобном месте, я должна выйти отсюда. Мой муж Ван Чжунъюань — вице-председатель банка «Хуашэн». Можете навести справки.

Симада. Мы уже проверяли. Он отрицает, что вы его жена.

Лян Жоин. Где такое слыхано!

Чжан Юйлян. Жоин!

Появляется японский полицейский с визитной карточкой в руке.

Симада, прочитав ее, выходит.

Чжан Юйлян. Жоин, признай на время, что ты моя жена, и они тебя отпустят.

Симада заходит с Икэда.

Симада. Господин Чжан, за вами пришел старик Икэда с вашей дочерью. Сегодня можете уходить. Господин Чжан, в последнее время поблизости от казарм Императорской армии часто находят антивоенные листовки на японском, это доставляет нам немало хлопот. Вы знаете, откуда эти листовки?

Чжан Юйлян (*качает головой*). Разве я не оказался здесь сразу, как вернулся в Шанхай?

Симада (*смеясь*). Верно. Мы в самом деле виноваты перед вами. Господин Чжан, надеюсь, этот инцидент, напротив, послужит укреплению отношений между нашими странами.

Чжан Юйлян. Да, мы-то уж точно узнали Японию гораздо лучше, чем раньше.

Симада (*обращается к Жоин*). Ну, что скажете, госпожа Чжан, вы все-таки хотели бы выйти на свободу вместе с мужем, господином Чжаном, сейчас? Или же подождете, пока тот Ван не поручится за вас?

Лян Жоин. ...Я пойду с господином Чжаном.

Симада. Вот и хорошо, желаю вам супружеского счастья, госпожа Чжан.

Чжан Юйлян (*обращается к Икэда*). Господин Икэда, спасибо за вашу помощь.

Икэда. Не за что.

Симада. Можете быть свободны. До свидания. (*Протягивает руку.*)

Юйлян не пожал ему руку. Он и Жоин, попрощавшись с Симада, покидают сцену.

Симада (*проводит их взглядом, нажимает на звонок, обращается к появившемуся тайному агенту в штатском*). Запомнил их?

Первый тайный агент. Запомнил.

Симада. Следуй за ними.

Занавес опускается.

Акт пятнадцатый

Рассказчик. Разве настоящую свободу обрел Юйлян? Все всё прекрасно понимали. Смогут ли Жоин и Юйлян помириться и снова жить вместе? У каждого может быть свое на этот счет мнение. А сейчас позвольте рассказать вам о том, что происходило в семье Цзиньмэй.

В доме Цзиньмэй. Мать Цзиньмэй помешивает похлебку из семян лотоса для Юшэна.

Матушка Лю. Сегодня лучше?

Юшэн. Настроение, кажется, немного лучше, чем вчера.

Матушка Лю. Глаза не болят?

Юшэн. Болеть-то не болят. Но даже проблесков света не вижу. Боюсь, что окончательно ослеп.

Матушка Лю. Перестань постоянно видеть все в негативном свете, Юшэн.

Юшэн. А разве это не конец? Я тоже бесчисленное множество раз пытался всячески себя успокоить, но сам прекрасно знаю, что это все напрасно.

Матушка Лю. Есть старая пословица: «Безвыходных ситуаций не бывает». Разве не сможет Цзиньмэй вытянуть всю семью? Когда беда с твоими глазами только произошла, я думала, наша семья обречена, рано или поздно все умрем от голода. Но кто бы мог подумать, что мы доживем до нынешнего дня.

Юшэн. Цзиньмэй и вправду работающая. Что же она в итоге придумала? Я так и не расспросил ее подробно.

Матушка Лю. А что еще остается, как положиться на помощь друзей. Некая сестрица Ли хорошо к ней относится.

Юшэн. Сестрица Ли?

Матушка Лю. Та самая, что наняла автомобиль и привезла ее домой в тот раз.

Юшэн. А, я понял. Ее зовут Ли Синьцунь.

Матушка Лю. В прошлый раз, когда нам нечем было платить ростовщику проценты, как раз сестрица Ли одолжила нам денег. Она говорила, что ростовщики дают ссуды под такие гигантские проценты, их не выплатить. Еще она пообещала для Цзиньмэй работу, заставила ее пойти в вечернюю школу. Вот уж воистину, найдя такого друга, можно выйти из любого тупика. Ладно, не стоит слишком беспокоиться, скорей поешь лотосовой похлебки и ложись уже.

Юшэн. Ох, сижу на шее жены. Когда мои глаза были здоровы, я и то не ел так вкусно.

Матушка Лю. А разве ты этого не заслуживаешь? Ты всегда хорошо относишься к людям.

Юшэн. Да не особо. Часто я груб с Цзиньмэй, не пытаюсь понять ее. Когда вспоминаю об этом, очень сожалею. Почему она еще не вернулась?

Матушка Лю. Еще рано, даже восьми нет.

Юшэн. Эх! Ничего не вижу. Я сейчас живу в бесконечной ночи. Когда слышу первый гудок с фабрики, понимаю, что это начало смены; когда звучит второй, понимаю, что это конец работы. Еще почему последние пару дней я не слышу часов, которые звенели каждый день в той начальной школе, что неподалеку?

Мат у ш к а Лю. Какой ты наблюдательный. Ее позавчера опечатали полицейские. Вторая дочь Лао Чжана перестала ходить на занятия, так я и узнала.

Ю ш э н. Почему опечатали?

Мат у ш к а Лю. Кто-то написал донос, будто это антияпонская организация. Говорят, учителя тоже арестовали.

Ю ш э н. С таким трудом создали для детей из бедных семей школу, где можно было открыть им глаза на мир, да и ту прикрыли. Да что за мир такой!

Дверь открывается, входит Ц з и н ь м э й.

Лю Ц з и н ь м э й. Мама! Югэ!

Мат у ш к а Лю. Что-то случилось? Сегодня ты вернулась так рано?

Лю Ц з и н ь м э й. Да. *(Говорит загадочно.)* Скоро нужно будет снова уйти.

Ю ш э н. Тогда ложись спать пораньше!

Лю Ц з и н ь м э й. Да, только нужно еще сходить к сестрице Ли.

Ю ш э н. А завтра нельзя сходить к ней?

Лю Ц з и н ь м э й. Днем ее нет дома, мне нужно взять у нее в долг немного денег.

Мат у ш к а Лю. А раньше разве не брала уже? Она ведь тоже живет на зарплату, не стоит полагаться на нее все время.

Лю Ц з и н ь м э й. А что тогда делать? Вернула ссуду, теперь нужны деньги, чтобы купить товар. *(Вытаскивает ватку, обмакивает в лекарство.)* Югэ, доктор сказал, что для глаз будет полезно, если почаще промывать их этим лекарством. Мне сказали, что в странах с развитой медициной незрячие глаза могут заменять на зрячие. Когда война закончится, мы, чего бы нам это ни стоило, обязательно вылечим твои глаза.

Ю ш э н. Смотря как она еще закончится. Если Китай погибнет от рук японских чертей, я с радостью всю оставшуюся жизнь пробуду слепцом, чтобы не видеть этот отвратительный мир!

Лю Ц з и н ь м э й. Не говори так, Югэ. Китай не погибнет, и твои глаза не будут слепыми. Ну-ка, дай я промою их. *(Протирает Юшэну глаза.)* Стало лучше?

Ю ш э н. Ага, теперь меньше зудят.

Лю Ц з и н ь м э й. Теперь вотрем лекарство. *(Намазала глаза Юшэна лекарством, укрыла его одеялом.)* Спи хорошо.

Ю ш э н *(внезапно хватая Цзиньмэй за руку)*. Цзиньмэй, спрошу тебя, почему ты так приятно пахнешь?

Лю Ц з и н ь м э й. Приятно пахну? Чем пахну? *(Сконфуженно.)*

Юшэн. Да, очень приятно.

Лю Цзиньмэй (*опустив голову*). Чуть-чуть нанесла духов.

Юшэн. Ты никогда раньше этого не делала.

Лю Цзиньмэй. Раньше никогда!

Юшэн. Почему тогда сейчас это сделала?

Лю Цзиньмэй. В товарах для перепродажи оказались духи, я из любопытства подушилась немного.

Юшэн. Иди сюда. Иди-иди.

Лю Цзиньмэй (*вынужденно подходит*). Да что такое, Югэ!

Юшэн (*гладит ее лицо и волосы*). Цзиньмэй, твои волосы и лицо тоже не такие, как раньше!

Лю Цзиньмэй (*отпрянула от него*). Посмотрите на него! Ты специально говоришь какие-то странности. Что во мне изменилось?

Юшэн. Совершенно другая ты. Я не вижу глазами, но чувствую сердцем.

Лю Цзиньмэй. Югэ, как же сложно быть твоей женой. Помнишь, я раньше была небрежной, не любила наряжаться, иногда даже не расчесывалась, а ты ругал меня, называя лентяйкой. Позже я стала старательнее, тонким слоем накладывала пудру, но ты снова ругал меня, теперь уже называя распущенной. А сейчас еще хуже. Из любопытства немного надушилась, а ты сразу подозреваешь меня во всех грехах. Как будто я единственная женщина на земле, которая воспользовалась духами.

Мат ушка Лю. Верно, все молодые женщины любят прихорашиваться. Не ссорьтесь по таким пустякам.

Лю Цзиньмэй. Тем более что я хожу по людям и прошу о помощи, неужели мне встречаться со всеми взъерошенной и помятой?

Юшэн. Я не говорю тебе выходить взъерошенной, да и нет ничего такого в том, чтобы немного подушиться. Я хочу, чтобы ты знала, истинная красота женщины не в ее волосах, не в лице, а в том, кем она является по натуре. Если же она плохой человек с дурной репутацией, то налей на нее хоть сколько духов, все будет без толку.

Лю Цзиньмэй. На каком основании ты называешь меня плохим человеком? Разве я опозорила тебя? Хорошо, пусть буду плохая. Моя репутация испорчена. Ругай меня, бей!

Мат ушка Лю. Юшэн, разве ты не говорил, что ни в чем ее больше не винишь?

Юшэн (*чувствует себя виноватым*). Да, Цзиньмэй, я снова наступил на те же грабли. Я говорил, что больше не буду тебя винить. Не думай, что я не вижу того добра, что ты мне даришь! Из-за того, что мои глаза незрячие, я неизбежно стал слишком мнительным и вспыльчивым. Ты по-своему несчастна. Сейчас весь груз ответственности за семью лежит на одних твоих плечах, и пока я никак не могу тебе помочь.

Я надеюсь лишь на то, что потихоньку научусь выполнять работу, которая под силу даже слепому. По крайней мере, тогда я смогу кормить себя, твое бремя станет легче и ты сможешь меня оставить.

Лю Цзиньмэй. Ты говоришь, я смогу тебя оставить? Югэ, что ты хочешь этим сказать?

Юшэн. А что еще! Ты молода, хороша собой, в рабочем районе ты сильно выделяешься. А твой муж превратился в слепца, разве он не помеха для тебя? Мы не можем все оставить как есть. Я, во-первых, краду твою молодость, а во-вторых, мне самому от этого действительно не по себе. Подожди только, когда я научусь себя содержать, тогда смогу отпустить тебя.

Матушка Лю. Юшэн!

Лю Цзиньмэй. Ах, Югэ, почему ты так говоришь?

Юшэн. Я недавно обдумывал все как следует, но так и не придумал другого выхода. Я тоже не в силах тебя покинуть, но... но буду тебе лишь мешать!

Лю Цзиньмэй (*обнимает Юшэна*). Югэ, не говори так! Ах! (*Громко рыдает.*)

Матушка Лю. Да что же это такое! Вы до смерти хотите меня довести?!

Юшэн (*отталкивает Цзиньмэй*). Цзиньмэй, разве ты не собиралась пойти к сестрице Ли? Если надо, иди уже тогда пораньше.

Лю Цзиньмэй (*внимательно посмотрев на мужа*). Нет, сегодня я никуда не пойду.

Занавес опускается.

Акт шестнадцатый

Кофейня. Юйлян, Жоин и Бэйбэй вместе едят.

Бэйбэй (*с большой нежностью смотрит на Юйляна*). Папа, вы наелись?

Чжан Юйлян. Наелся. Впервые за несколько месяцев я так сыт.

Бэйбэй. Папа, а что у вас с рукой?

Чжан Юйлян. Это ожоги от потушенных окурков.

Бэйбэй. Ах! Бедный папа! (*Целует его руку.*)

Чжан Юйлян. Не только на руках, на всем теле много таких ран. Есть свои плюсы и в перенесенных страданиях, так как они позволяют нам понять, каково приходится народу, оказавшемуся в оккупированных районах, как ведут себя империалистические захватчики. Посмотри, даже маме твоей досталось.

Бэйбэй (*подбегает к матери*). Мама, тебя тоже пытали?

Лян Жоин. На мамины пальцы «наносили лак», маме было так больно, что она падала в обморок.

Бэйбэй. Ох! Я ведь говорила, что готова переносить невзгоды вместе с вами.

Чжан Юйлян. Не говори глупости! Ребенку такого не вынести! Когда вырастешь, отомстишь за нас с мамой.

Лян Жоин (*смотрит в зеркало на стене*). Откуда взялась эта уродина? Сама себя не узнаю. Бэйбэй, я же просила тебя принести гребень и зеркало, почему ты не приносила?

Бэйбэй. Я все приносила. И гребень, и зеркало, и лак для ногтей, и помаду, и даже ту шкатулку с косметикой — все тебе приносила. Разве тебе не передали?

Лян Жоин. Ничего не получила.

Чжан Юйлян (*обращается к Бэйбэй*). Честно говоря, вещи, которые ты принесла, были совсем не к месту. Что же ты тогда отцу не передала трубку из слоновой кости? Ха-ха.

Бэйбэй. Мама попросила.

Лян Жоин. Как же я могла не нуждаться во всех этих вещах? Несколько месяцев расчесывала волосы пальцами, умывалась в одном тазу с теми грязными женщинами, ни разу даже мыла не видела. Как вспомню, аж тошнота находит.

Чжан Юйлян (*с неприязнью*). Грязные женщины? Кого ты называешь грязными женщинами? Все, кто сидел с тобой в одной камере, — героические товарищи. Пусть их лица и грязны немного, но души очень даже чисты!

Лян Жоин (*чувствует стыд*). Это я понимаю.

Чжан Юйлян (*зовет полового*). Половой!

Появляется Половой в чайной.

Половой. Что желаете?

Чжан Юйлян. Кофе, да побыстрее, пожалуйста. (*Обращается к Жоин*.) А тебе, наверное, черный чай?

Лян Жоин. Да, мне чашечку черного чая. (*Смотрит на пустые места*.) Почему так пусто?

Половой. Еще рано, через два часа яблоку негде будет упасть. (*Уходит*.)

Лян Жоин (*передает сигарету Юйляну*). Вот теперь мы можем нормально выкурить по одной.

Юйлян принимает сигарету. Бэйбэй зажигает родителям сигареты.

Чжан Юйлян. Почему бы и нет, в тюрьме выкурить и половину окурка считалось удачей. Только сейчас понимаю, что не каждому дано выкуривать сигарету после еды.

Лян Жоин (*затянувшись несколько раз*). Юйлян, наконец мы на свободе. Не хочешь ли ты теперь зажечь спокойной жизнью? (*Пылко смотрит на него.*)

Чжан Юйлян. Зажечь спокойной жизнью? Да разве смогу? (*С осторожностью оглядывается.*) Не думай, что мы теперь по-настоящему свободны, Жоин. Страдания нашего народа еще не прекращались ни на один день, поэтому невозможно говорить о спокойной жизни для кого бы то ни было. Мы всегда должны быть готовы к самому плохому.

Лян Жоин (*после небольшой паузы*). Ты перенес немало страданий за эти годы. Разве стоит все это того, чтобы ты продолжал страдать и дальше?

Чжан Юйлян. Разве революция возможна без страданий? Если наша жертва принесет народу независимость и свободу, то разве можно говорить, что она того не стоит?

Лян Жоин. Неужели ты не чувствуешь усталости? Не хочешь отдохнуть? В тот день, когда нас вместе арестовали, хоть то и была непредвиденная случайность, я тоже почувствовала ту самую иронию судьбы, о которой ты говорил. И ведь вправду ирония судьбы, что наши давно разлученные руки вновь сковали вместе. Я тогда подумала про себя: неужели в будущем нам выпадет шанс снова быть вместе? И вот теперь, когда мы вышли из тюрьмы, я думаю, если ты слушаешь меня, утомисься... (*Многозначительно.*) На этот случай я придумала, как быть дальше.

Чжан Юйлян. Хм, и что же ты придумала?

Лян Жоин. Тебе же можно остаться в Шанхае? Найти какую-нибудь относительно безопасную работу, например заняться переводами книг? Твое здоровье уже не такое, как раньше. Я непременно буду хорошо о тебе заботиться, не позволю перетруждаться. Посмотри, Бэйбэй тоже выросла, ей нужно поучиться несколько лет. (*Притягивает к себе Бэйбэй, обнимает ее.*) Она все время ждала твоего возвращения и вот, наконец, дождалась. Разве ты не должен всеми силами выполнять отцовский долг?

Чжан Юйлян. Да. (*С легкой улыбкой смотрит на Жоин.*) Должен.

Лян Жоин. Хорошо, в таком случае я подыщу тебе удобную квартиру, где ты сможешь набраться сил и подумать над этим.

Чжан Юйлян (*по-прежнему едва улыбаясь*). Ты думаешь, у меня есть деньги на съем квартиры?

Лян Жоин. Не беспокойся, я все продумала. Чжунъюань отвечает за составление сборника о восточных культурах для издательства «Хуаин» и сейчас для подготовки чернового варианта ищет писателя,

который пользовался бы в обществе влиянием. Обещают высокий гонорар. Я могу попросить его выплатить сразу часть суммы.

Чжан Юйлян (*легкая улыбка пропала с лица*). Хм...

Лян Жоин. Я знаю, что ты не рад сотрудничать с Чжунъюанем. Но главным редактором сборника будет Чэнь Вэньшу, с которым ты был раньше знаком. Если я поговорю с ним, все получится. Что скажешь, Юйлян?

Чжан Юйлян (*пожимая ее руку*). Жоин, спасибо за твои благие намерения. Но как бы это сказать? Война сопротивления разлучила нас, враги же воссоединили. Так же как и ты, я многое передумал. Но не могу не признать, что между нашими сердцами все-таки возникла пропасть, а наши представления о жизни стали несовместимы.

Лян Жоин. Юйлян!

Чжан Юйлян. Пусть каждый пойдет тем путем, который считает для себя подходящим. Скоро я перееду к другу.

Лян Жоин (*помедлив*). А Бэйбэй? (*Притягивает к себе Бэйбэй.*)

Бэйбэй. Я пойду с папой. Мне противен тот дом, мне неприятен тот мужчина по фамилии Ван.

Лян Жоин. Бэйбэй!

Чжан Юйлян. Скажи, согласишься ли ты отправить Бэйбэй к Ли Синьцзюнь? (*Обращается к Бэйбэй.*) Бэйбэй, ты не против, если я отправлю тебя к тетушке Ли? Кажется, она тебе нравится? Тетушка будет заниматься с тобой.

Бэйбэй. Хорошо, папа, я согласна. (*Отец и дочь нежно обнимаются.*)

Чжан Юйлян. Скажи, ты не будешь противиться тому, что Бэйбэй какое-то время поучится у Синьцзюнь?

Лян Жоин. Раз уж Бэйбэй дала согласие, не стоит меня спрашивать. (*Встает и отходит к окну.*)

Половой приносит кофе. Юйлян подает Бэйбэй знак пригласить маму
пить кофе.

Бэйбэй. Мама, кофе принесли.

Жоин стоит с удрученным видом, не обращает внимания на зов дочери.

Бэйбэй (*подбегает в матери*). Мама, кофе остынет!

Жоин поворачивается и возвращается на место.

Бэйбэй (*заметив, что мама расстроена*). Мама, что-то случилось? (*Увидев вошь.*) Ой! Мама, у тебя вши?

Лян Жоин (*не выдержав*). Вши?

Чжан Юйлян. Бэйбэй, не поднимай шум. Еще немного — и половой услышит и тогда прогонит нас.

Бэйбэй (*подбегает близко к отцу*). Папа, у тебя тоже есть. Одна, две, три! Как же их много! Какой ужас!

Чжан Юйлян. Ничего страшного. В тюрьме у кого угодно заведутся вши. Их называют возлюбленными арестантов. Ничего, скоро помоемся, сменим одежду и все будет в порядке.

Лян Жоин (*преодолевает внутренний дискомфорт, решительно встает, берет трубку телефона и набирает номер*). Алло, это квартира господина Вана? Вы кто? Лиин? Да, это я! Почему ты не узнаешь мой голос? Хозяин дома? Позови его к телефону... верно... (*Через какое-то время.*) Чжунъюань? Догадался, кто я? Верно! Как мне удалось выбраться? Ты удивлен? Надеялся, что я никогда не выйду на свободу, да? Бэйбэй тоже здесь. Юйлян? (*Внимательно смотрит на Юйляна, осторожно говорит.*) Да, его тоже освободили. Хорошо, я передам ему привет. (*Прикрыв рукой телефонную трубку, обращается к Юйлян.*) Чжунъюань передает тебе привет. (*Увидев, что Юйлян горько усмехнулся и не отвечает, продолжает говорить.*) Что? (*Со злостью.*) Да, спасибо тебе. Разве ты не отрицал наши с тобой отношения? С чего я взяла? Симада сказал. Не было такого? Ну, тогда еще можно простить. Да, да, Юйлян собирается жить у друга. Да, в самом деле, многое еще следует хорошенько обсудить. За некоторые вещи я тоже должна попросить у тебя прощения. Ладно, приезжай скорее за мной. «Маленький Париж», мы здесь как-то были. Алло! Захвати с собой пальто, когда поедешь. То старое, мне холодно. С ног до головы грязная, нет сил это дальше терпеть. Пусть Лиин приготовит воды, мне необходимо как следует помыться. (*Внезапно что-то вспомнив.*) М-м, скажи честно, ничего, что я возвращаюсь? Пока меня не было, у тебя никто не жил? Только Лиин? Хорошо, не смейся. Быстрее садись в машину и приезжай. Я жду тебя.

Бэйбэй (*неожиданно схватив мать за руку*). Мама, ты не должна уезжать к тому мужчине, он тебя обманывает. Я хочу, чтобы ты была с папой.

Лян Жоин (*со страданием в голосе*). Бэйбэй!

Занавес опускается.

Акт семнадцатый

Рассказчик. Жоин ушла обратно к Ван Чжунъюаню, а тот уже успел прикипеть страстью к танцовщице Юй Фанцзы. Сможет ли Жоин спокойно жить с ним и дальше? Мы-то надеемся, что совсем недавно прозревшая и прошедшая жестокую тюремную закалку Жоин вырвется из своей вовсе не уютной клетки, отринет прежнюю

жизнь, полную фальши и лицемерия, начнет работать и пойдет по пути Синьцюнь. Ведь даже Бэйбэй стала теперь питать глубокое отращивание к дому «того Вана» и ушла к Синьцюнь.

Конечно, Синьцюнь приходится несладко, вокруг нее много хлопот и опасностей. Она занята и обучением детей, и секретной работой, направленной против врагов.

Табуреты, столы, кровати, ящики, вешалки для одежды, ротатор и необходимые для печатного дела канцелярские принадлежности. Девочка читает книжку.

Девочка. «У человека два сокровища — руки и голова...»

Раздается стук в дверь. Входит домовладелица — пожилая женщина.

Домовладелица. Девочка, учительница дома?

Девочка. Еще не вернулась. Бабушка, вы что-то хотели?

Домовладелица. Да, мне пришло письмо, хочу попросить ее прочесть.

Девочка. Вы можете дать его мне — я прочту.

Домовладелица. Ты такая маленькая, неужели умеешь читать? *(Гладит ее по волосам.)*

Девочка *(смеясь)*. Давайте попробуем. *(Берет письмо и читает вслух.)* «Мама, когда я прибыл в Цзиньхуа³⁹, сначала собирался отправиться в Цзянси или Хунань⁴⁰, но из-за военных действий на полпути пришлось повернуть обратно, и вот сейчас я в Нинбо⁴¹. Деньги на дорогу полностью истратил. Пожалуйста, пришли как можно скорее десять тысяч юаней. Твой сын Бинчэн».

Домовладелица. Ах! Девочка, кто бы мог подумать! Ты учишь-ся всего несколько месяцев, а уже так споро читаешь! Я полдня смотрела, разобрала лишь иероглифы «запад», «юг», «середина» и «отправлять»⁴².

Девочка. Наверняка вы их выучили, когда играли в маджонг, да?

Обе громко смеются. Синьцюнь возвращается вместе с Бэйбэй.

Ли Синьцюнь *(здоровается с домохозяйкой)*. О, тетушка.

Домовладелица. Сестрица Ли вернулась.

Ли Синьцюнь. Вернулась. Садитесь, тетушка!

Домовладелица. Не стоит.

³⁹ Городской округ в провинции Чжэцзян.

⁴⁰ Провинции КНР.

⁴¹ Город в провинции Чжэцзян.

⁴² Иероглифы «запад» (*си*) и «юг» (*нань*) входят в название провинций Цзянси и Хунань соответственно; «середина» (*чжун*) встречается в словосочетании «на полпути», многозначный иероглиф «отправлять» (*фа*) — в слове «происходить».

Ли Синьцюнь. О, точно. Я задолжала вам квартплату за месяц. «Не могут выплатить плату за жилье, а еще школу открывают?» Вы наверняка смеетесь над безрассудностью молодежи.

Домовладелица. Да где уж там. Все хвалят ваше трудолюбие и честность, умение говорить всегда по существу. У каждого случается трудная пора, а уж тем более в нашу годину. Я-то не испытывала стеснений, но кто бы мог подумать, что получу письмо от сына из Нинбо, в котором он опять попросит меня срочно прислать ему деньги. Если бы вы уже не отдали квартплату за два месяца, я бы и вправду обратилась к публике⁴³.

Ли Синьцюнь (*сдерживая изумление*). Что? Вы говорите, что уже получили плату?

Домовладелица. Вчера вечером получила. Один молодой господин вручил мне деньги и очень вежливо сказал, что это сестрица Ли попросила его передать, еще добавил: «Извините, задержали на несколько дней». На самом деле он заплатил еще и за месяц вперед. Спасибо вам большое. Сестрица Ли, вы отличный педагог, Девочка училась всего несколько месяцев, а иероглифов знает намного больше моего.

Ли Синьцюнь. Правда? Эта девчушка неглупа, ко всему еще получила базовые знания дома. Присаживайтесь, пожалуйста!

Домовладелица. Ох, нет. Сегодня несколько друзей придут играть в карты, мне нужно бы сходить за продуктами. (*Разворачивается и уходит.*)

Ли Синьцюнь. Доброго вам пути. (*Обращается к Девочке.*) Девочка, никто не приходил?

Девочка. Нет, матушка.

Ли Синьцюнь. А вчера вечером?

Девочка. Приходил, я сказала: «Матушки нет дома». Тогда он перекинулся парой слов с бабушкой и ушел.

Ли Синьцюнь. Почему же ты мне не сказала? Впредь всегда говори мне, когда меня спрашивают, независимо от того, знаешь ты этого человека или нет. И не позволяй никому входить в мою комнату, поняла?

Девочка. Поняла. Матушка! А если придет Бэйбэй, ее тоже нельзя впускать в комнату?

Ли Синьцюнь (*смеясь*). О, Бэйбэй исключение. Но она уезжает. Бэйбэй, иди сюда, я соберу твои вещи. (*Вытаскивает небольшой изысканный кожаный чемодан.*)

⁴³ Во время театральных представлений традиционного китайского театра некоторые персонажи могли обращаться напрямую к публике. Именно об этом и идет речь в данном случае.

Бэйбэй. Тетушка Ли, я ведь поеду с той госпожой Чэнь?

Ли Синьцюнь. Да.

Бэйбэй. Почему папа не едет?

Ли Синьцюнь. Японские тайные агенты следят за ним, не дают ему возможности покинуть Шанхай. Ко всему у него здесь работа.

Бэйбэй. Тогда я последую за папой.

Ли Синьцюнь. Разве я тебе не говорила? Нельзя, будешь мешать, если останешься с ним.

Бэйбэй. Я не хочу ехать одна в Куньмин.

Ли Синьцюнь. Ты будешь с госпожой Чэнь. Она хорошая и к тому же любит тебя.

Бэйбэй. Но я ее не знаю.

Ли Синьцюнь. Постепенно узнаете друг друга. Кроме того, когда вы прибудете в Куньмин, тебя там встретит дядюшка Мэн Нань.

Бэйбэй. Тогда я останусь с дядюшкой Мэн Нанем.

Ли Синьцюнь. Да, какое-то время побудешь с ним, а потом он найдет тебе хорошую школу. Смотри, вещи в этом мешке я передаю дядюшке Мэн Наню, кладу их в этот чемодан.

Бэйбэй. Хорошо.

Ли Синьцюнь. Не забудь.

Бэйбэй. Не забуду. Если дядюшка Мэн Нань узнает, что это от тетушки Ли, он раскраснеется от удовольствия.

Ли Синьцюнь. Вы только посмотрите на эту шалунишку! Возьмешь эту куклу?

Бэйбэй. Возьму, ее мне подарила мама.

Ли Синьцюнь. Ты скучаешь по маме?

Бэйбэй. Скучаю.

Ли Синьцюнь. А разве ты ее не осуждаешь?

Бэйбэй. Осуждаю, но все-таки тоскую без нее.

Ли Синьцюнь. Ты права, это две совершенно разные вещи. Я тоже часто осуждаю твою маму, но все же всеми силами помогаю ей. *(Помедлив.)* Ты хочешь, чтобы твои родители снова были вместе?

Бэйбэй. Хочу. Но мама все не может расстаться с тем мужчиной по фамилии Ван. Я знаю, когда мама была в тюрьме, он все время жил с той нехорошей тетей. Как бы они однажды не погубили маму. Тетушка Ли, я никуда не поеду. *(Горестно плачет.)*

Ли Синьцюнь *(гладит ее)*. Не волнуйся, Бэйбэй. Мы всегда с готовностью позаботимся о твоей маме и ни в коем случае не допустим, чтобы с ней что-то случилось. И я верю, что она вернется к твоему отцу.

Бэйбэй *(поднимает голову)*. В таком случае я спокойна. Пишите мне чаще, рассказывайте, как дела у родителей. Обещаете, тетушка Ли?

Ли Синьцунь. Не беспокойся, я обязательно буду своевременно писать тебе письма. Но и ты не забывай писать мне, рассказывать о том, что творится в Куньмине и других местах, да и про свои успехи в учебе.

Бэйбэй. А еще как усердно трудится дядюшка Мэн Нань и хорошо ли он себя чувствует.

Ли Синьцунь. Да, ты оченьмышленная! *(Находит игрушечный пистолет.)* Ой! Не бери это с собой, если по дороге во время досмотра его обнаружат военные, кто знает, какое недоразумение может произойти. Бэйбэй, оставь его здесь!

Бэйбэй. Хорошо, подарю его Девочке.

Ли Синьцунь. Девочка, Бэйбэй дарит тебе оружие. *(Принимает позу стрелка.)* На, поиграй.

Девочка. Спасибо, Бэйбэй. Ты такая хорошая. *(Прыгая от радости, берет пистолет.)*

Бэйбэй. Девочка, я правда уеду.

Девочка. Матушка, почему вы заставляете сестренку уехать? Разве нам нельзя жить вместе? Бэйбэй, не уезжай, не надо.

Бэйбэй. Я тоже не хочу уезжать, но тетушка говорит, что я непременно должна ехать.

Обе девочки готовы расплакаться.

Ли Синьцунь. Не огорчайтесь, дети. Мы китайцы, и мы любим родину. Только вот сейчас в Шанхае любовь к родине считается противозаконной, и над нами висит угроза в любой момент быть схваченными тайными агентами. Чтобы обезопасить свой тыл, мы отправляем Бэйбэй учиться на материк. Вы обе еще маленькие, да еще и девочки, вам необходимо знать, что китайские женщины несут на своих плечах вдвое больше страданий. Мои сверстники и люди постарше вдосталь натерпелись горя, сыты по горло страданиями. Мы надеемся, что ваше поколение не будет подобно нам терпеть трудности и мучения, а сможет жить лучше. Если бы я в тот день случайно не натолкнулась на улице на Девочку, то, вероятно, она упала бы где-нибудь возле мусорного бака и погибла от голода. Бэйбэй хоть и жила лучше Девочки, но и она в последнее время испытала горечь человеческого существования. Неслучайно то, что вы так быстро сдружились. Не надо горевать, одержим победу в Войне сопротивления, обратятся в бегство японские черти — и Китай встанет на ноги, Бэйбэй сможет вернуться, и вы вновь будете играть вместе, понимаете?

Бэйбэй. Понимаем!

Раздается стук в дверь, тотчас же в комнату входит Юйлян. Девочка уходит.

Ли Синьцзюнь. О, Юйлян. *(Пожимает ему руку.)*

Бэйбэй *(подбегает к отцу и обнимает его)*. Папа, ты пришел!

Чжан Юйлян. Пришел тебя проводить.

Бэйбэй. Папа, я хочу быть с тобой.

Чжан Юйлян. Нельзя, доченька. Слушай, что тебе говорят папа и тетушка.

Бэйбэй. Отчего же нельзя?

Чжан Юйлян. У папы есть дела. Ты будешь мешать, если останешься со мной, понимаешь?

Бэйбэй. Тогда пусть папа поедет со мной.

Чжан Юйлян. Нет. Японские тайные агенты не выпустят меня из Шанхая. Тем более разве я не вернулся недавно с материка? *(Обращается к Синьцзюнь.)* Синьцзюнь, Чэнь Циюнь уже согласилась отвезти Бэйбэй в Куньмин через северный Вьетнам? Это уже решено?

Ли Синьцзюнь. Да, все решено.

Чжан Юйлян. Если она будет с Бэйбэй, я спокоен. Они скоро отправятся в путь?

Ли Синьцзюнь. Да, завтра.

Бэйбэй. Папа! *(Готова разрыдаться.)*

Чжан Юйлян *(подавляя чувства)*. Доченька, не бойся. Там ты будешь с дядей Мэн Нанем, он уж точно позаботится о тебе лучше папы. Когда приедешь туда, слушайся его. А это тебе подарок от меня. Свитер, тетрадка, авторучка с золотым пером и небольшой медный флаг.

Бэйбэй. Спасибо, папа. Ах! Этот флаг такой замечательный. Где ты его купил?

Чжан Юйлян. Он не куплен. Я сделал его в тюрьме из медных монет.

Ли Синьцзюнь *(принимая подарок)*. Какая тонкая работа. Наверное, много времени потребовалось?

Чжан Юйлян. В тюрьме все равно нечем заняться, так я коротал время.

Ли Синьцзюнь. Какие чудесные подарки. Бэйбэй, я положу их в этот чемодан.

Чжан Юйлян *(смотрит на чемодан)*. Его Бэйбэй возьмет с собой?

Ли Синьцзюнь. Да.

Чжан Юйлян. Спасибо тебе, Синьцзюнь. Ты так тщательно ее подготовила.

Ли Синьцзюнь. Даже и не стоит об этом.

Дверь открывается, заходит Лю Дагэ.

Лю Дагэ. Синьцзюнь. О! Юйлян тоже здесь. Как удачно.

Бэйбэй. Все готово к отъезду?

Ли Синьцунь. Да.

Лю Дагэ. Юйлян, твой «Сборник очерков о литературе и искусстве» уже переиздали. А это авторский гонорар от книжного магазина. Повесть тоже продается неплохо, имеет большое влияние как на студентов и мещан, так и на простых рабочих. Думаю, тебе стоит найти время и писать больше произведений, пробуждать революционные настроения, подсказывать китайскому народу путь освобождения. Это будет весьма полезно.

Чжан Юйлян. Ха-ха. Хорошо. *(Берет в руки с особой нежностью «Сборник очерков».)* Это замечательно. Знание того, что народ не позабыл меня, воодушевляет меня.

Ли Синьцунь *(тоже подходит, чтобы посмотреть)*. Думается мне, писатели любят свои произведения, как родных чад.

Бэйбэй *(фыркнув)*. Папа лишь свои книжки любит.

Ли Синьцунь. Вы только послушайте! Бэйбэй ревнует. Ах ты, малышка!

Все смеются.

Чжан Юйлян. Вот, возьми, это деньги на дорогу и обучение. *(Отдает ей авторский гонорар.)*

Бэйбэй. Нет, оставь себе. Мне не нужно! *(Решительно отказывается, готовая вот-вот расплакаться.)*

Лю Дагэ. Бэйбэй, возьми. Пока дядя Лю и тетушка Ли здесь, твой папа не пропадет с голоду.

Бэйбэй *(вынужденно улыбается и принимает деньги)*. Спасибо, папа.

Ли Синьцунь. Пока я заберу их у тебя на хранение, а потом отдам. Кажется, все готово. Не переживай.

Бэйбэй. Я не переживаю. Тетушка! *(Обнимает Синьцунь и смеется.)*

Лю Дагэ *(вытаскивает кожаный бумажник)*. Синьцунь, за жилье вроде бы еще не платили?

Ли Синьцунь *(встает)*. Заплатили. Сейчас важнее всего — отдать двести пятьдесят тысяч мебельному магазину «Жэньтай». Дагэ, я как раз хотела спросить. Вчера вечером не ты ли передал деньги за аренду жилья?

Лю Дагэ. Вчера вечером?

Ли Синьцунь. Да, домовладелица сказала, что вчера вечером молодой господин от моего имени отдал ей деньги за жилье, за два месяца.

Лю Дагэ. Молодой господин? Кто это?

Ли Синьцзюнь. Я подозреваю, что Чжоу Фань.

Лю Дагэ. Я расспрашивал его как-то раз, он ничего не сказал, но заплакал. С тех пор он ко мне больше не приходил. Думаю, что у него большие проблемы.

Чжан Юйлян. Вы говорите о Чжоу Шичжэне? По моим впечатлениям, он хороший молодой человек, немного странный, но искренний и приветливый.

Лю Дагэ. Еще работающий, храбрый, поэтому я ему всегда доверял. Если у него возникли проблемы, то они затронут многих, надо бы нам тоже съехать отсюда. Я уже дал указание Сяо Вану сделать необходимые приготовления. Плохо дело, я постоянно предупреждал вас быть начеку, а теперь одно из моих доверенных лиц попало в серьезную неприятность!

Дверь открывается, Девочка быстрым шагом подходит к Синьцзюнь.

Девочка. Матушка, пришел тот молодой человек, что был здесь вчера. Непременно хочет увидеть вас. Я не смогла его удержать.

Только Девочка замолкает, как в комнату заходит Чжоу Фань.

Всех пробирает дрожь.

Чжоу Фань. Дагэ, господин Чжан, Синьцзюнь!

Лю Дагэ. Зачем ты пришел?

Чжоу Фань. Не волнуйся, Дагэ. Я еще не злодей. Я пришел сказать вам, что обстановка на улице подозрительная: у входа околачивается много незнакомцев, что-то высматривающих. Судя по всему, они собираются войти с целью обыска.

Лю Дагэ (*суровым тоном*). А разве этих людей привел сюда не ты? Еще и пытаешься прикинуться овечкой!

Чжоу Фань. Дагэ, верь мне. Я еще не настолько пал. Времени нет, вам нужно скорее подготовиться. Что можно убрать — уберите, что можно уничтожить — уничтожайте.

Лю Дагэ. Хорошо, дай мне осмотреться. (*Находит ротатор.*) Это нельзя здесь оставлять.

Чжан Юйлян. Да. Япошкам много хлопот доставляет наша пропаганда против них. В тот день, когда меня выпустили из тюрьмы, Си-мада говорил об этом. Ротатор лучше всего куда-нибудь припрятать.

Ли Синьцзюнь. Да ничего страшного, в школе может быть ротатор.

Лю Дагэ (*находит в ротаторе лист кальки*). Синьцзюнь, что это? Почему ты это не уничтожила?

Ли Синьцзюнь (*высунув язык*). Я невнимательна. Последние дни голова идет кругом от усталости.

Лю Дагэ. Быстрее сжигай бумагу.

Голос домовладелицы снизу: «Сестрица Ли, из управления пришли проверять жителей». Голос тайного агента: «Не двигаться!»

Ли Синьцюнь. Дагэ, скорее уходи! *(Проворно спрянула лист кальки из ротатора.)*

Лю Дагэ. Уже не выйти.

Ли Синьцюнь. Еще успеешь, уходи.

Лю Дагэ доходит до двери и сталкивается на входе с японскими военными полицейскими и Вторым тайным агентом в штатском.

Второй тайный агент. Не двигаться!

Японские военные полицейские берут на прицел всех присутствующих.

Второй тайный агент. Это начальная школа Юйин?

Ли Синьцюнь. Да.

Второй тайный агент. Ты и есть директор?

Ли Синьцюнь. Да.

Второй тайный агент. Школа зарегистрирована?

Ли Синьцюнь. Еще нет.

Второй тайный агент. Почему не зарегистрирована?

Ли Синьцюнь. Как раз подготавливаем документы, собираемся подать заявление.

Второй тайный агент *(обращается к Лю Дагэ)*. Ты тоже имеешь отношение к школе?

Лю Дагэ. Нет. Я пришел получить деньги по счету.

Ли Синьцюнь. Сегодня денег нет, заберите счет.

Лю Дагэ хочет принять от Синьцюнь счет.

Второй тайный агент. Не двигаться! *(Выходит вперед, берет счетную ведомость.)* Какой счет? *(Смотрит в ведомость.)*

Лю Дагэ. На покупку мебели.

Второй тайный агент. На какую сумму.

Лю Дагэ. Двести пятьдесят тысяч.

Второй тайный агент *(сверяется с цифрами, указанными в счетной ведомости)*. Хм, какой магазин мебели?

Лю Дагэ. «Жэньтай».

Второй тайный агент. Есть свидетельство о благонадежности?

Лю Дагэ. Есть.

Второй тайный агент. Показывай. Здесь не написано «мебельный магазин».

Лю Дагэ. Не написано. Потому что я работаю торговым агентом сразу для нескольких магазинов, поэтому и заполнено просто как «коммерческие круги».

Второй тайный агент (*обращается к Юйляну*). Имя?
Чжан Юйлян (*подает визитную карточку*). Чжан Юйлян.
Второй тайный агент (*взяв карточку, с торжествующим видом*). Да, хорошо. Просто отлично.

Юйлян молчит.

Второй тайный агент. С какой целью сюда пришел?
Чжан Юйлян. Навестить дочь. Она здесь учится.
Второй тайный агент. Школа еще не открыта, чему же она учится?

Чжан Юйлян. Она проводит время с учительницей Ли.
Второй тайный агент. Кто из них твоя дочь? (*Указывает на Бэйбэй.*) Этот ребенок?

Чжан Юйлян (*кивнув*). Да.
Второй тайный агент (*обращается к Бэйбэй*). Как тебя зовут?

Бэйбэй. Зовут Бэйбэй.
Второй тайный агент. Сколько лет?
Бэйбэй. Двенадцать.
Второй тайный агент (*показывает на Юйляна*). Кем он тебе приходится?

Бэйбэй. Он мой папа.
Второй тайный агент. Хм. (*Смотрит на Девочку.*) А этот ребенок?

Ли Синьцзюнь. Это Девочка, тоже моя ученица.
Второй тайный агент. Что? У тебя пистолет? (*Вырывает пистолет из рук Девочки, увидев, что это игрушка, бросает на пол.*) Тьфу! Извините, нам нужно провести обыск.

Сначала осматривают книги, далее висящие на вешалке пальто, карманы.
Находят ротатор.

Второй тайный агент. Незаконное хранение ротатора. Печатаем агитационные листовки, да?

Ли Синьцзюнь. В школе он нужен для печати лекций.
Второй тайный агент. Школа еще не открыта, какие лекции печатать?

Ли Синьцзюнь. Много чего нужно печатать. Пока школа готовится к открытию, нужно печатать объявления о наборе учащихся, да и мало ли что.

Второй тайный агент открывает для инспекции кожаный чемодан.
Первой замечает куклу.

Бэйбэй. Это моя кукла!

Японский военный полицейский. Не двигаться!

Бэйбэй послушно стоит. Второй тайный агент высыпает содержимое чемодана.

Второй тайный агент (*обращается к полицейским*). Ничего нет. (*Указывает на Юйляна.*) Заберем его? (*Вытаскивает визитную карточку.*)

Японский военный полицейский. Его только выпустили, нет необходимости.

Второй тайный агент. Тогда... конфискуем это! (*Поднимает ротатор.*)

Ли Синьцзюнь. Если конфискуете, чем нам тогда пользоваться?

Второй тайный агент. Никого не забираем, вы сегодня дешево отделались, понятно? Уходим!

Японские военные полицейские. Есть!

Полицейские и второй тайный агент уходят.

Девочка (*поднимает поломанный при падении пистолет*). Посмотрите, они сломали пистолет! (*Плача.*)

Ли Синьцзюнь. Не плачь, Девочка, потом купим тебе новый. Идите поиграйте внизу.

Лю Дагэ. Синьцзюнь, где тот лист кальки?

Ли Синьцзюнь. Здесь. (*Вытаскивает его из-под подошвы кожаных ботинок.*)

Чжан Юйлян. Как же было опасно!

Ли Синьцзюнь вытаскивает спички и поджигает лист кальки.

Лю Дагэ. Чжоу Фань, это ты вчера вечером заплатил за аренду?

Чжоу Фань молчит.

Лю Дагэ. Откуда у тебя такая сумма? Разбогател? Плата за аренду помещения для школы лежит на нас. (*Вытаскивает деньги.*) Возвращаю.

Чжоу Фань не принимает деньги. Девочка снова заходит в комнату.

Девочка. Матушка, спрашивают господина Чжоу. Кто такой господин Чжоу?

Лю Дагэ (*суровым голосом спрашивает Чжоу Фаня*). Кого ты еще привел с собой?

Чжоу Фань. Никого.

Входит схвативший когда-то Чжоу Фаня Первый тайный агент.

Первый тайный агент. Это я. Ничего необычного, сегодня я как всегда следовал за ним. (*Вежливо заходит в комнату, увидев*

всех.) Ой-ой! Вся компания в сборе! Хорошо, Сяо Чжоу, представь нас. (Заметив, что Чжоу Фань молчит.) Не представляешь и ладно, большинство присутствующих я знаю. (Указывает на Юйляна.) Вы господин Чжан Юйлян, верно? Это я пригласил вас с супругой в штаб военной полиции. А это сестрица Ли Синьцзунь, жена господина Мэн Наня. Неплоха, весьма талантлива. Мы очень вас уважаем. (Обращается к Лю Дагэ.) А вы знаменитый господин Лю, давно вас не видел. Только сегодня представилась возможность познакомиться...

Чжоу Фань (подходит вплотную к Первому тайному агенту). Господин Чжан, как быть теперь?

Первый тайный агент. Не бойтесь. Господин Лю, господин Чжан. Готов пообещать, если дадите согласие на сотрудничество с Императорской армией, мы тут же сделаем вид, будто ничего не происходило.

Чжоу Фань. Да, Лю Дагэ поручил мне обсудить с вами условия сотрудничества.

В глазах Лю Дагэ, Чжан Юйляна и остальных вспыхивает ярость.

Первый тайный агент (подходит к окну). Хорошо, давайте обсудим.

Внезапно Чжоу Фань наносит удар в голову Первому тайному агенту и, крепко обхватив его, выкатывается вместе с ним из окна. Первый тайный агент вскрикивает: «А!» Два тела скатываются по черепице вниз и падают посередине улицы.

Оба разбиваются насмерть.

Лю Дагэ (стоит оцепеневший от произошедшего, когда грохот стихает, обращается к Синьцзунь). Скорей уходим отсюда!

Занавес опускается.

Акт восемнадцатый

Рассказчик. Постоянные схватки с врагом закаляют бойцов: чем выше напряжение, тем более сильными они становятся. Но во время ожесточенной борьбы происходят и трагедии. Давайте же посмотрим, как из последних сил борется несчастная трудящаяся Лю Цзиньмэй, преодолевающая жизненные трудности.

В доме Лю Цзиньмэй.

Матушка Лю шьет одежду и беседует с лежащим на кровати Юшэнном.

Юшэн. Мама, который час? Не темнеет ли?

Матушка Лю. Да, еще один день прошел.

Юшэн. Наверное, скоро уж и Цзиньмэй придет? Весь день бежит где-то по делам, а я, мужик, лежу дома в кровати. Когда закончится такая жизнь?

Матушка Лю. Посмотри-ка на него, опять стал накручивать себя. Ты лежишь, потому что болен! Вот поправишься, и тогда на смену горю придет счастливая полоса!

Юшэн. Матушка, скажи! От меня будет ли еще хоть какой-то прок?

Матушка Лю. Отчего же нет? Позавчера Цзиньмэй рассказывала. Говорят, за границей живет человек и глухой, и немой, и слепой, да еще и с покалеченными конечностями; но душой он чист, в своих стремлениях не ленив, преодолевая жару и холод, упорно учился и упражнялся, в итоге овладел многими знаниями и стал знаменит. А у тебя только глаза не видят, чем же ты хуже других?

Юшэн. Матушка, вы правы. Цзиньмэй мне тоже рассказывала об этом человеке. Вот уж про него и вправду можно сказать: пройдя сотню испытаний, стал крепким, как сталь. Неужели я всего лишь необожженный кирпич, который не может вынести даже слабых ударов судьбы? Я обязательно буду упорно учиться и овладею навыками, доступными слепому, чтобы хоть как-то облегчить ношу Цзиньмэй.

Матушка Лю. Не огорчайся, Юшэн. Юй Дашэн сказал мне, что порасспрашивал врачей — те говорят, что твои глаза еще можно вылечить. Он просил передать тебе: «Ни о чем не беспокойся и ни в коем случае не плачь. Все медицинские расходы мы возьмем на себя».

Юшэн. Эх, да как же можно в очередной раз затруднять друзей?

Матушка Лю. Нет, Дашэн сказал, что это их общее решение. Еще он сказал, что фабрика «Юнфэн» вскоре снова возобновит работу. Они как раз выдвинули требование хозяину сперва взять на работу прежних работников. Если так и будет, Цзиньмэй сможет вернуться на фабрику и ей не придется больше торговать.

Юшэн. Да, если Цзиньмэй снова пойдет на фабрику, нам тоже не придется постоянно волноваться за нее. Когда Лао Юй придет в следующий раз? Я хочу спросить у него, есть ли работа, с которой я мог бы справиться.

Матушка Лю. Так и надо.

Заходит хулиган Гао Моу и озирается по сторонам.

Матушка Лю. Что такое? Ты к кому пришел?

Гао Моу не обращает внимания на ее слова и уходит.

Матушка Лю. Какой странный человек, бесцеремонно зашел в чужой дом.

Юшэн. Есть на свете такие непутевые.

Матушка Лю. Ах да, Лао Юй сказал, что будет чаще к нам заходить, но в последнее время на заводе очередная забастовка, поэтому

он занят и не может навестить нас. Он опять оставил нам немного денег.

Юшэн. В самом деле, он так занят на забастовке, но при этом все равно думает, как бы навестить меня. Если мои глаза однажды будут видеть, я обязательно стану ему хорошим помощником. Эх, не знаю только, удастся ли вылечиться.

Матушка Лю. Не волнуйся. Лао Юй говорил, все у тебя получится. Но даже если и случится такое, что зрение восстановить будет непросто, они отправят тебя в ремесленную школу для слепых.

Гао Моу снова заходит.

Гао Моу. Эй, это дом семьи Ло?

Матушка Лю. Да, да. Кого вы ищете?

Гао Моу (*смотрит во все стороны*). Ищу одну женщину.

Юшэн (*насторожившись*). Какую женщину?

Гао Моу. Какую? У вас их что здесь — много?

Юшэн (*гневно*). Почему ты так неуважительно разговариваешь?

Гао Моу. Хах, уважительно? Да какое к вам может быть уважение?

Юшэн (*встает*). Что ты себе позволяешь!

Матушка Лю. Юшэн, не обращай внимания. (*Надавив ему на плечи, усаживает Юшэна обратно на кровать. Обращается к ворвавшимся незнакомцу.*) Кого вы ищете-то, в конце концов? Что вам нужно?

Гао Моу. Я ищу Лю Цзиньмэй, разве она не из этой семьи?

Матушка Лю. А, Лю Цзиньмэй. Зачем она вам понадобилась?

Гао Моу. Чтобы свести счета.

Юшэн. Какие такие счета?

Матушка Лю. Она заняла у вас деньги?

Гао Моу. Она взяла мои деньги, сегодня же дождусь ее здесь. (*Садится.*)

Юшэн. Да как Цзиньмэй могла взять у него денег?

Матушка Лю. Я тоже не знаю.

Как раз в этот момент заходит Цзиньмэй.

Лю Цзиньмэй. Ой! Ты? (*Разворачивается и собирается убежать.*)

Гао Моу. Эге! Куда это ты рванула? Сегодня тебе не удрать, дома я тебя нашел.

Лю Цзиньмэй. Господин Гао! Господин Гао!

Гао Моу. Господин Гао, да хоть господин Ай⁴⁴, тебе это не поможет.

⁴⁴ Игра слов. *Гао* по-китайски «высокий», а *ай* — «низкий».

Лю Цзиньмэй. Господин Гао, сделайте доброе дело, не...

Гао Моу. Вот бля, вчера условилась со мной, а сама не пришла. Заставила меня зря ждать. Не держи меня, старика, за дурака!

Лю Цзиньмэй. Нет, господин Гао, я вас не обманула. У меня правда были семейные хлопоты.

Гао Моу. Твою мать! Разве ты меня не надула? Я от злости всю ночь не мог уснуть.

Лю Цзиньмэй. Господин Гао, ваши деньги у меня, о чем тут еще говорить? Ну, ведь по правде дома были дела.

Гао Моу. Да какие еще дома дела? Неужто ты, шалава, взяла деньги у меня, сама же с другим мужиком...

Лю Цзиньмэй (*поспешно его перебивает*). Ох, господин Гао, прошу вас, не ругайтесь. У меня, в самом деле, не было другого выхода. Мать и муж оба больны...

Гао Моу. Я знаю, поэтому из лучших побуждений уплатил тебе вперед. Но свое я хотел бы получить именно сегодня.

Лю Цзиньмэй. Умоляю вас, господин Гао. Я не могу. Сделайте доброе дело. Я придумаю что-нибудь, но обязательно верну вам деньги, которые у вас заняла. Спасите нашу семью.

Гао Моу. Хочешь, чтобы я тратил свои кровные на добрые дела, спасал твою семейку? Не болтай ерунды, пошли со мной!

Лю Цзиньмэй. Господин Гао, прошу вас, я правда не могу. В другой раз, в другой день я...

Гао Моу. Мне нет до этого дела. Я требую, чтобы ты сегодня...

Лю Цзиньмэй. Господин Гао, моя семья все понимает, и я все равно не смогу сбежать. Но сегодня...

Гао Моу. Ну раз уж понимаешь, что тебе не сбежать, тогда знай свое место. Идем со мной.

Лю Цзиньмэй. Господин Гао!

Гао Моу. Идем!

Юшэн (*едва не взрывается от злости*). Иди, иди, иди. Проваливай!

Гао Моу. О! А ты кто такой? Зачем лезешь не в свое дело?

Юшэн. Она моя жена.

Гао Моу. Твоя жена? Она шлюха!

Матужка Лю (*от злости у нее темнеет в глазах*). Цзиньмэй, да что с тобой! Ты же говорила, что сестрица Ли нашла тебе работу? Почему ты все от меня скрыла?

Гао Моу. Хах, скажу вам как есть. Кабы не мои деньги, разве одевалась бы она так красиво? Если бы не моя защита, смогла бы она на шанхайской набережной заработать эту плошку еды?

Юшэн. Откуда ты, ублюдок, взялся, что смеешь хамить в моем доме!

Гао Моу. Ха-ха-ха! Да ты всего лишь слепой рогоносец! Я нарочно пришел поиздеваться над тобой, и что ты мне сделаешь?

Гао Моу замахнулся, чтобы ударить Юшэна, но тот вцепился в его руку.

Матушка Лю. Ох! Юшэн!

Лю Цзиньмэй. Югэ!

Юшэн безжалостно колотит Гао Моу.

Гао Моу. Вот как, этот рогоносец еще смеет драться!

Высоко поднимает табурет, бьет им Юшэна. Цзиньмэй громко вопит.

Юшэн снова хватается Гао, оба дерутся не на жизнь, а на смерть.

Матушка Лю. Не деритесь, не деритесь!

Лю Цзиньмэй. Югэ!

Гао вытаскивает откуда-то палку и начинает бить ею Юшэна, Цзиньмэй хватается Гао, но тот стряхивает ее с себя и ударяет Юшэна палкой по голове. Юшэн отшатывается, ударяется плечом, но отнимает палку и толкает ею Гао в грудь. Тот падает на пол, Юшэн хватается его и жестоко бьет. В этот момент раздается сигнал тревоги.

Гао Моу (*защищаясь из последних сил, кое-как поднимается с пола*). Ладно, слепой рогоносец! Мы еще посмотрим!

Юшэн (*наносит свирепый удар палкой в сторону, откуда раздается голос*). Ублюдок!

Гао убегает с позором. Сигнал тревоги продолжает звучать. Цзиньмэй поднимается, поддерживает разъяренного Юшэна.

Лю Цзиньмэй. Югэ, я виновата! (*Рыдает.*)

Юшэн. Почему меня притесняют и унижают всякие японские черти да шелудивые псы, еще и ты тоже меня за нос водишь! (*Дает Цзиньмэй затрещину.*) Выметайся вон сейчас же! Не оскверняй мой дом!

Лю Цзиньмэй (*кричит*). Югэ, мама, если я уйду, как вы будете жить?

Юшэн. Бесстыжая девка, думаешь, мы сможем дальше жить, питаясь твоим грязным рисом? Быстро уходи отсюда! Выметайся! Вон!

Цзиньмэй в отчаянии выбегает из дома.

Матушка Лю (*бежит вслед за дочерью*). Цзиньмэй! Цзиньмэй!

Занавес опускается.

Акт девятнадцатый

Рассказчик. Несчастливая Цзиньмэй убежала неизвестно куда. Мы же сейчас расскажем вам, дорогие зрители, как терзавшая себя сомнениями нерешительная Лян Жоин, наконец, вырвалась из золотой клетки.

Ван Чжунъюань с Юй Фанцзы в ее новой квартире.

Ван Чжунъюань (*обнимает вприхнувшую в комнату в роскошном наряде Юй Фанцзы*). Я так долго тебя ждал, почему ты задержалась?

Юй Фанцзы. Я задержалась, а ты разозлился? Я помогала тебе в делах.

Ван Чжунъюань. Помогала мне в делах?

Юй Фанцзы. Разумеется. Смотри, что это такое? (*Вытаскивает письмо.*)

Ван Чжунъюань (*берет письмо и смотрит*). Кто бы мог подумать, пришло письмо, написанное самим господином Чэнем. Директор банка будет очень рад.

Юй Фанцзы. Я его названная дочь. Я знала, что он не сможет отказать мне в помощи. Сначала он хотел поговорить с тобой лично, но из-за того, что генерал Яманэ направил его в Нанкин, у него не было времени. Он сказал, что непременно пригласит тебя как-нибудь к себе на обед.

Ван Чжунъюань. Правда? Ты необыкновенная, Фанцзы!

Юй Фанцзы. Однако господин Чэнь заявил, что тебе следует сблизиться с теми джентльменами, что придерживаются левых взглядов⁴⁵. Если же ты полностью станешь нашим человеком, от тебя не будет никакого прока. О, мой господин Ван, вы понимаете, о чем я? Например, господину Чэню приглянулся Чжан Юйлян. Говорят, твоя драгоценная супруженька желает, чтобы ты помог устроить его переводчиком книг. Почему бы тебе не откликнуться на ее просьбу?

Ван Чжунъюань. И как же мне ему помочь?

Юй Фанцзы. Ты, видимо, не хочешь надевать приличную шляпу? А вот господин Чэнь говорит, когда потребуется надеть, тебе придется надеть.

Ван Чжунъюань. Тем не менее желание занять Юйляна переводческой деятельностью — это лишь личная прихоть Жоин. Сам Чжан Юйлян никогда этим не занимался и, какой бы большой гонопар ни посулили, ни за что не возьмется за эту работу.

⁴⁵ Имеются в виду коммунисты.

Юй Фанцзы. Придумай что-нибудь. Всегда есть какой-то выход, потому что у каждого найдутся слабости. Если ему не нравится так, то, может случиться, что ему понравится иначе. Нужно хорошенько подумать, понимаешь?

Ван Чжунъюань. Понимаю. А ты, похоже, искусна в таких делах, поднаторела. Ох, детка, как бы сильно я тебя ни любил и чего бы ни сделал, ты все равно заслуживаешь большего. Как тебе эта квартира, по нраву ли?

Юй Фанцзы. Весьма неплохая, ванная комната тоже пойдет.

Ван Чжунъюань. В таком случае поухаживаю за тобой, пока будешь принимать ванную.

Юй Фанцзы. Ладно тебе. Лучше пойдешь пообхаживай драгоценную супруженьку. Она-то ждет дома.

Ван Чжунъюань. Зачем о ней говорить. Она для меня больше ничего не значит.

Юй Фанцзы. Тогда почему в тот день ты с таким почтением принял ее обратно?

Ван Чжунъюань. Разве я не говорил? Мне она не нужна, но и другому я ее не отдам.

Юй Фанцзы. Да разве не нужна? Не хвастайся, твои колени сами подогнулись, как только ты ее увидел.

Ван Чжунъюань. Нет, Фанцзы! Мои колени теперь принадлежат только тебе. *(Опускается на колени.)*

Внезапно Лян Жоин выходит из-за ширмы.

Лян Жоин. Стой на коленях! Ходи на полусогнутых перед этой бесстыжей женщиной! Ползай на коленях перед япошками и Ван Цзинвэем⁴⁶! Несколько дней ты не появлялся дома. Я думала, что у тебя срочные служебные дела, но оказалось, ты пропал в доме у этой бесстыдницы! Хорошо. Теперь тебе не нужны ни стыд, ни совесть, ты сорвал с себя даже тонюсенькую маску чести. Как ты уважать-то себя будешь после этого?

Ван Чжунъюань закипает от гнева, сверлит взглядом Жоин.

Ван Чжунъюань. Как? Ты пряталась здесь? Ты подслушивала наш разговор?! Ты, ты, ты как оказалась здесь?!

⁴⁶ Ван Цзинвэй (1883–1944) — китайский политический деятель, был соратником Чан Кайши, руководил левым крылом Гоминьдана. Во время японской оккупации возглавлял коллаборационистское правительство в Нанкине, по сути, сотрудничая с японскими захватчиками.

Лян Жоин. Я много дней вас искала, допрашивала Лиин, но та молчала. И вот сегодня нашла. Ты бы не смог обманывать меня так всю жизнь, даже если и собирался.

Ван Чжунъюань *(в гневе обращается к вошедшей служанке)*. А-мэй! Ты... вы... как вы это провернули? Почему ты позволила этой женщине войти в комнату и ничего мне не сказала? Ты... Ты с ума сошла? Что с тобой?

А - мэй. Хозяин, я... я не знаю.

Лян Жоин. Не обвиняй ее, она ничего не знает. Я спряталась здесь, чтобы посмотреть, как ты тут поживаешь с этой нахалкой.

Ван Чжунъюань *(схватив Лян Жоин за руку)*. Это ты нахалка! Как ты посмела лезть в мои дела? Как у тебя только совести хватило явиться в мой дом и учинить допрос? Я слова не сказал, когда тебе приспичило повидаться с бывшим мужем. Я был великодушен. После судебных разбирательств по доброте душевной поехал забирать тебя домой. Только ты, такая дрянь, вечно недовольна чем-то, приперлась сюда искать меня! Чего ты добиваешься? А? Чего добиваешься?

Лян Жоин *(плача)*. Чжунъюань, ты недостойн меня, но я боюсь, что ты свернешь не на ту дорожку. Пожалеешь, да пути назад уже не будет. Из вашей беседы я поняла, что ты, оказывается, водишь знакомство с этим предателем Чэнем. В конечном счете наступит день, когда народ отвернется от тебя с презрением, ты об этом не думаешь?

Ван Чжунъюань. Тьфу! Провела в тюрьме всего лишь пару дней и вдруг заговорила о политике. Да ты и на метр пред собой ничего не видишь! Ты хоть понимаешь, кто предатель родины, а кто нет?

Лян Жоин. Чжунъюань, послушай. Не иди на поводу у этой женщины, не губи своей политической карьеры.

Юй Фанцзы. Верно, господин Ван, ступайте с женой домой. А я посплю.

Ван Чжунъюань. Видеть тебя не могу, ведьма, даже ревность политикой прикрыла. Убирайся домой! Ты даже тому революционному мужу стала не нужна, и здесь тебе не место. Твоя единственная дорога — смирно сидеть дома, поняла? Будешь знать свое место, я, Ван Чжунъюань, даже обнищав, найду для тебя плошку риса⁴⁷, а станешь выражать недовольство — увидишь, как я самолично упеку тебя обратно в тюрьму. Убирайся прочь! *(Выталкивает Жоин за дверь.)*

Лян Жоин *(снаружи)*. Чжунъюань! Чжунъюань!

⁴⁷ Дословно «вкушать спокойную пищу» означает также «вести стабильную, безмятежную жизнь». Примечательно, что данное выражение является прямой цитатой из сборника Лу Синя «Старые легенды в новой редакции» 1936 г.

Ван Чжунъюань (*обращается за дверь*). А-бан! Выдвори эту женщину на улицу и крепко запри входную дверь.

Снаружи раздается: «Будет исполнено!» Фанцзы и Чжунъюань громко смеются.

Юй Фанцзы. Вот дура неблагодарная!

Занавес опускается.

Акт двадцатый

Рассказчик. В стихотворении Ду Фу⁴⁸ есть строки:

В день весеннего праздника третьей луны⁴⁹
обновилась небесная синь.

Сколько знатных красавиц столицы Чанъань
собралось у озерной воды!⁵⁰

Хоть то было не в третий день третьего месяца, однако из-за того, что китайские самолеты появились в небе над «одиноким островом», на набережной реки Хуанпу⁵¹ собралось немало красавиц.

Не замолкает сигнал тревоги. Синьцзюнь и Жоин спокойно подходят.

Лян Жоин. Когда я уходила с улицы Муэрминлу, я не знала, куда лучше податься. Вернуться в дом Вана и смиренно довольствоваться своей участью, тихо есть ту плошку риса? Умереть? Я бы не отринула мысли о смерти, да не в силах расстаться с Бэйбэй. Кроме того, даже я понимаю, что в смерти нет смысла, и уж очень позорно сводить счеты с жизнью из-за Ван Чжунъюаня. В то же время я решила отказаться от той плошки риса и разыскать тебя. Но ты опять куда-то переехала. Если бы ты сама ко мне не пришла, я бы по-прежнему не знала, что дальше делать. Почему ты перестала заниматься школой, не открыла ее хотя бы на несколько дней?

Ли Синьцзюнь. Поблизости произошел несчастный случай. Два человека разбились насмерть. Ты разве не слышала?

⁴⁸ Ду Фу (712–770) — выдающийся китайский поэт времен династии Тан. Считается одним из крупнейших и плодотворнейших поэтов Китая всех времен.

⁴⁹ То есть в третий день третьего лунного месяца, когда в Китае отмечают традиционный праздник — День отвращения несчастий, когда люди допоздна купаются в водоемах или реках, что должно избавить их от болезней и бед.

⁵⁰ Стихотворение «Красавицы», или «Песнь о красавицах». Здесь приведено в переводе Л. Е. Бежина по изданию: Ли Бо, Ду Фу. Избранная лирика. М.: Детская литература, 1987. С. 113–115.

Примечательно, что название пьесы позаимствовано автором именно у данного стихотворения.

⁵¹ Река, которая протекает через Шанхай.

Лян Жоин. Да, точно, читала в газете. Какая трагедия!

Ли Синьцунь. На твою ситуацию нужно смотреть так: одного действительно жаль, другого — ничуть. Сестрица, ты права, не стоит полагаться на ту плошку риса! По правде говоря, они и сами не будут есть свой рис долго. Мир скоро изменится.

Лян Жоин. Точно. Мне тоже нужно измениться. Синьцунь, как думаешь, у меня еще есть надежда? Я смогу догнать остальных?

Ли Синьцунь. Отчего же нет. Смотри, как Бэйбэй с надеждой ждет маму. Вот письмо, которое она недавно прислала из Куньмина. *(Вынимает письмо и отдает его Жоин.)*

Лян Жоин *(принимает письмо, взволнованно читает)*. Как быстро она развивается, пишет прямо как взрослый человек. *(Слегка улыбается.)* Она безжалостно меня ругает, хочет, чтобы я вернулась к ее отцу.

Ли Синьцунь. Ну и? Что ты думаешь?

Лян Жоин. Стоит ли что-либо говорить. Только вот ее отец, скорее всего, не захочет себе такую жену.

Ли Синьцунь. Я знаю, что Юйлян всегда тебя любил и любит. Но жена воина и сама должна стать воительницей.

Лян Жоин. Я знаю. Но никогда и в мыслях не посмела бы стать воительницей. Во мне нет необходимой для этого храбрости. Я как сидевшая в клетке канарейка, боялась свободы. Теперь же мне гораздо проще: можно сказать, канарейку изгнали из клетки.

Ли Синьцунь. С этим тебя искренне поздравляю.

Лян Жоин. Нет уж! Мне очень горько от того, что я застряла на месте и так деградировала. Считаю, что зря жила, напрасно сидела в тюрьме.

Ли Синьцунь *(успокаивает ее)*. Главное, что ты искренне раскаиваешься, отдаешь себе отчет во всем случившемся, поэтому все будет нетрудно уладить, сестрица. Тот тайный агент, что приставлен к Юйляну, в последнее время не отстает от него ни на шаг. Поэтому я договорилась с Юйляном о встрече здесь, чтобы обсудить кое-что. И ты, пользуясь случаем, тоже поговори с ним хорошенько.

Неожиданно с лодки слышатся крики рыбаков.

Первый рыбак. Сюда, скорее! Женщина бросилась в воду!

Второй рыбак. Эй, зацепите же ее одежду лодочным шестом!

Третий рыбак. Да, вот так, зацепил. Осторожнее! Хорошо! Вот так!

Ли Синьцунь. Женщина бросилась в воду? Позвольте посмотреть. *(Спускается в лодку.)*

Голос из лодки: «Ой, Цзиньмэй, это ты!»

Занавес опускается.

Акт двадцать первый

Р а с с к а з ч и к . Бурные волны реки Хуанпу звали к себе пребывавшую в отчаянии Цзиньмэй, но рыбаки спасли ее, вытащив на берег. Более того, совершенно неожиданно с нею вновь столкнулись спасшие ее когда-то Ли Синьцунь и Лян Жоин.

Обе заняты переодеванием Ц з и н ь м э й . Ж о и н снимает пальто и накидывает его на Цзиньмэй.

Л и С и н ь ц у н ь . Цзиньмэй, мы уже второй раз тебя спасаем. Почему ты все время прибегаешь к таким крайним мерам?

Л ю Ц з и н ь м э й . О, сестрица Ли, госпожа Ван, спасибо вам, но все-таки дайте мне умереть. Мой муж больше никогда меня не простит.

Л и С и н ь ц у н ь . Твоя мать стара, муж повредил глаза. Если умрешь, кто позаботится о них? Ты позволишь им погибнуть от голода?

Л ю Ц з и н ь м э й . Как раз потому, что не хотела, чтобы они погибли от голода, я пожертвовала честью. Один человек пришел к нам в дом и рассказал о моем позоре матушке и мужу. Что мне еще остается, кроме как покончить с собой?

Л и С и н ь ц у н ь . Нет, жизненный путь очень даже широк, Цзиньмэй. Это ты мыслишь слишком узко. Мы непременно выдюжим и это лихое время.

Л ю Ц з и н ь м э й . Как же я, простая женщина, в одиночку переживу это? Тяжело ведь, слишком тяжело.

Л и С и н ь ц у н ь . Конечно, женщине нелегко пережить трудные времена, полагаясь только на свои силы. Нужно бороться сообща. Как раз хотела сказать тебе, что борьба за возобновление работы на прядильной фабрике увенчалась успехом. Ты можешь вернуться в прядильное отделение. Разве это не благодаря всеобщим усилиям? Тем более дела у японских чертей пошли неважно, недалеко нам осталось до рассвета. А как взойдет наше солнце, всем будет хорошо.

Л ю Ц з и н ь м э й . Сестрица Ли, в Китае правда скоро будет рассвет?

Л и С и н ь ц у н ь . Да, правда. Наступит.

Л ю Ц з и н ь м э й . Когда Китай победит, черти и иностранцы больше не посмеют унижать нас, китайских женщин?

Л и С и н ь ц у н ь . Не посмеют.

Л ю Ц з и н ь м э й . И никто не будет мешать торговать на улице с лотка?

Л и С и н ь ц у н ь . Никто.

Л ю Ц з и н ь м э й . А тех негодяев, что притесняли нас, бесчестили, по очереди схватят всех и накажут по всей строгости?

Л и С и н ь ц у н ь . Строго накажут.

Лю Цзиньмэй. И из государственной казны оплатят лечение моего мужа?

Ли Синьцунь. Оплатят.

Лю Цзиньмэй. И я смогу обеспечить маме еще несколько лет беззаботной счастливой жизни?

Ли Синьцунь. Сможешь.

Лю Цзиньмэй. А не получится ли так, что мы сейчас грезим наяву?

Ли Синьцунь. Сейчас это еще только мечты, но они непременно осуществлятся.

Лян Жоин *(пока Синьцунь и Цзиньмэй разговаривают, хлопает ладонями будто ловит бабочку, хватая прилетевшую с неба агитлистовку)*. Ой! Смотрите! Враги капитулировали!

Ли Синьцунь. Что? Враги капитулировали? Правда?

Лян Жоин. Вот, смотри! Поскольку советские войска уничтожили Квантунскую армию⁵², а США сбросили ядерные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, японское правительство через нейтральные государства начало с нами переговоры о капитуляции.

Ли Синьцунь *(обнимается с Цзиньмэй)*. Ах, как здорово!

Пока все трое радуются, выходит Третий тайный агент.

Третий тайный агент. Стоять!

Ли Синьцунь. Что такое?

Третий тайный агент. У вас здесь собрание, так?

Ли Синьцунь. Какое собрание могут проводить три женщины?

Третий тайный агент. Три человека — это уже толпа, не знали, что ли? Самолеты противника летают, а вы наверняка им подаете сигналы...

Лян Жоин. Тьфу! У нас с собой ничего нет, какие сигналы мы подаем?

Ли Синьцунь. Ваш император капитулировал. А ты еще смеешь притеснять людей, пользуясь своим положением? *(Дает ему прочитать листовку.)*

Третий тайный агент *(берет листовку, пробегает по ней глазами; поворачивается с улыбкой на лице)*. О, я всего лишь пошутил. Только что нашел там карманное зеркальце, подумал, что наверняка его обронил кто-то из вас. *(Вытаскивает зеркальце.)*

Лян Жоин *(смотрит на зеркальце)*. Ой, это я обронила, но мне оно не нужно. Дарю вам, будете смотреть на свою физиономию.

⁵² Японская армия, оккупировавшая территорию Маньчжурии с 1931 по 1945 г.

Третий тайный агент (*злобно усмехается*). Да-да, извините. (*Говорит про себя.*) Хм, почему Чжан Юйлян не здесь? Вероятно, опять ускользнул домой. (*Быстро уходит.*)

Лян Жоин (*смотрит на удаляющегося Третьего агента в штатском*). Когда же эти японские черти, наконец, перестанут бесчинствовать?

Лю Цзиньмэй. Ой! Как много, как много их летит сюда. (*Подбирает несколько листовок.*) Смотрите, госпожа Ван, одинаковые ли они?

Лян Жоин. Да, почти одинаковые. Ах да, Цзиньмэй, больше не называй меня госпожой Ван, называй Лян Жоин.

Лю Цзиньмэй. Ах, госпожа Лян, мы правда победили? (*Плачет от радости.*) Как же хорошо! Я пойду, расскажу маме и мужу.

Ли Синьцзюнь. Иди, скажи им, обрадуй их.

Цзиньмэй уходит.

Лян Жоин. Посмотри, как много еще падает листовок!

Ли Синьцзюнь (*тоже подобрала несколько штук*). Сестрица, не спеши радоваться. Настоящая победа не падает с небес. Думается мне, что впереди нас еще ждет ожесточенная борьба.

Лян Жоин. Вот как?

Цзиньмэй возвращается.

Ли Синьцзюнь. Цзиньмэй, зачем ты вернулась?

Лю Цзиньмэй. Я не могу идти, мой муж меня не простит. Мне стыдно показаться ему на глаза.

Ли Синьцзюнь. Мы победили, все радуются. Он не будет на тебя злиться.

Лю Цзиньмэй. Но мой муж дрался с тем, по фамилии Гао. Тот мерзкий тип — настоящий бандит, он обязательно вернется и отомстит нам.

Лян Жоин. Да, невзирая на то, что япошки капитулировали, всякое отродье продолжает топтать головы простых людей.

Ли Синьцзюнь. Их опора теперь рухнула, в любом случае жить станет гораздо лучше. Цзиньмэй, не волнуйся, я посоветуюсь потом с Лао Юем, как поступить. Ты точно сможешь вернуться на работу и не будешь бояться мести того мерзавца.

Издалека кто-то зовет: «Синьцзюнь! Синьцзюнь!»

Ли Синьцзюнь. Посмотри, твоя мама и муж пришли. И Лао Юй тоже.

Лю Цзиньмэй (*смотрит*). Правда? Ой! И правда!

Лян Жоин (*смотрит вдаль*). Ах, а еще...

Ли Синьцунь. Кто еще?

Лян Жоин. Еще Юйлян!

Ли Синьцунь (*присматривается*). Да, верно. Это он!

Лян Жоин. Синьцунь, я так рада. Я обязательно попрошу у Юй-ляна прощения. Как думаешь, я все еще нужна ему?

Ли Синьцунь. Я уже говорила. Стоит тебе самой стать воительницей, и Юйлян будет твоим!

Цзиньмэй собирается пойти им навстречу, как спереди раздается голос:

«Стой, мы сейчас подойдем».

Ли Синьцунь. Лао Юй, не спеши, помоги Юшэну. (*Снова машет кому-то вдали.*) Юйлян, иди сюда быстрее! Как здорово!

Три женщины на фоне прекрасного заката крепко обнимают друг друга, встречая новую, наполненную борьбой жизнь.

Конец пьесы

Го Цихун

ЛИ БО¹

Перевод Д. И. Маяцкого

Действующие лица

Ли Бо — второе имя Тайбо, прозвище Отшельник Синего лотоса, великий поэт эпохи Тан. Современники величали его «поэтом-небожителем», «пьяным гением», «изгнанным в бренный мир небожителем». Старше 50 лет.

Цзун Янь — вторая жена Ли Бо. Старше 30 лет. Ли Бо называет ее «свет моей души».

Хань-нян — кормилица Цзун Янь, старше 60 лет.

У Юнь — даос, друг Ли Бо, проживает в Шимэне. Добрый, высоконравственный муж, но в то же время и любитель грубых шуток. В 750-х годах рекомендовал Ли Бо отправиться ко двору. Старше 50 лет.

Тэнкун-цзы — в миру носила фамилию Ли, даосская монахиня из монастыря в горах Лушань, подруга Цзун Янь, дочь бывшего первого министра Ли Линьфу. Около 30 лет.

Ли Линь — шестнадцатый сын танского императора Сюань-цзуна (712–756), брат императора Су-цзуна (756–761), имеет титул «принц Юн». Около 40 лет.

Хуэй Чжунмин — генерал из ставки принца Юна, серый кардинал принца. Впоследствии был обезглавлен. Старше 40 лет.

Сун Кансян — Личный секретарь Его Величества и генерал-губернатор областей к западу от Янцзы. Примерно 60 лет.

Луань Тай — любимчик принца Юна, входит в его свиту. Старше 20 лет.

Сунь Эр — тюремщик, ставший последователем Ли Бо. 18–19 лет.

Го Цзыи — авторитетный полководец, в молодости обвинялся в преступлении, но был спасен, благодаря заступничеству Ли Бо. Примерно одинакового с Ли Бо возраста.

Цзи Сюй — пожилая крестьянка. Старше 60 лет.

Сяо Цзи Ган — внучка Цзи Сюй. 11–12 лет.

Старик-рыбак — примерно 70 лет.

Ци У — высокий военный чиновник из ставки принца Юна. 30–40 лет.

Хэ Шисань — высокий военный чиновник из ставки принца Юна. 30–40 лет.

Цюй Да — высокий военный чиновник из ставки принца Юна. 30–40 лет.

Офицеры, солдаты, телохранители, письмоводитель, евнух, курьер, слуги, крестьяне и т. д.

Время — период правления танского императора Су-цзуна.

¹ В редакции от 25 июля 2003 г.

Акт первый

Голос за сценой читает нараспев:

О, где найдешь теперь сего поэта душу?
В Цайши, горах Тушань, Цинляне иль Суябе?
К чему уж вспоминать, как царедворец Гао
Помог нетрезвому Ли Бо снять сапоги,
Как Ян Гуйфэй — любимица царя — ему тушь подала,
Тогда поэт летучей кистью чудо-строки написал!²
Жаль, двор покинул он, сокрылся так, что было не найти.
Минул расцвет годов периода Тяньбао,
Исчезли танцы «Платья фей»³,
Китай — Священный материк — кровь залила,
Полсотни книжников, взяв книги и мечи, собрались во дворце.
За десять литров сладкого вина они создали множество шедевров,
Пылали верностью их алые сердца, являя стойкости примеры...

Голос за сценой: «Его Высочество принц Юн велели с почтением приветствовать возвращающегося с покоя Учителя Тайбо!» Подножие горы Лушань, берег большой реки. Стоит почетный караул. Ли Бо в парадном парчовом халате, с коралловой плетью в руке, повязкой скромного отшельника на голове, длинным мечом на поясе воздевает глаза к небу, затем издает громкий смех и пьяной походкой устремляется вперед. Появляется Цзун Янь, одетая в рубашку с узкими рукавами, длинную юбку и с легкой накидкой на плечах. Ее сопровождает Хань-нянь.

Ли Бо (*обращается лицом на северо-запад и совершает ритуальное приветствие*). О, великий государь! Я снова возвращаюсь в суетный мир! Приглашение Его Высочества принца Юна... Впрочем, нет, пламя восстания Ань Лушаня побудило меня оставить Лушаньские горы! (*Осматривает свое парадное одеяние, коралловую плетью и тяжело вздыхает.*) Эх, через сколько лет и зим это произошло! О, великий государь! Твоим браздам уже не подчинены земли Ба и Шу, вся Центральная равнина в разрухе и запустении, но тебе этого не увидеть! Полмесяца назад, когда я бежал сюда из Ючжоу, везде еще бушевали пожары, гибли люди; несколько дней и ночей нельзя было увидеть петухов или услышать их пение! По возвращении в Лушань я долго пребывал в замешательстве, став свидетелем того, как могучая река Янцзы превратилась в мелкий Ишуй, Лушаньская цепь уподобилась Яньским всхолмиям, славный китайский народ стал носить

² В строке содержится намек на истории о том, как министр Гао Лиши снимал с Ли Бо сапоги, а наложница Ян Гуйфэй помогала поэту растирать тушь.

³ Популярный в эпоху Тан танец, исполнялся танцовщицами, одетыми в дорогие одеяния, символизировал безудержное расточительство императорского двора.

варварскую одежду, а трехлетние малыши залопотали на иноземном наречии...

Цзун Янь. По этой причине, супруг, ты отказался от намерения жить отшельником в глуши. Было время, когда «сын Неба приглашал тебя — встать на ноги не мог»⁴...

Ли Бо. А теперь лишь стоило принцу Юну позвать, как тотчас отправляюсь в путь! Свет моей души, я знаю, ты против этого.

Цзун Янь. Коль скоро ты укрепился в намерении идти, я не стану удерживать, буду ждать, когда твои дела увенчаются успехом и ты воротись.

Ли Бо. Я уверен, что благополучно вернусь в Лушань и продолжу свои прогулки к пяти великим озерам⁵!

Из-за сцены доносятся слившиеся воедино оклики У Юня и Хуэй Чжунмина: «Брат Тайбо!», «Учитель Тайбо!» Первый выходит на сцену с левой стороны, второй — с правой.

Ли Бо (*идет навстречу*). Брат У Юнь! (*Знакомит.*) Это — генерал Хуэй Чжунмин из ставки принца Юна!

У Юнь словно не слышит, поворачивается к Цзун Янь и Хань-нян, приветствует их.

Хуэй Чжунмин. Не стоит вдаваться в подробности, уже давно наслышан о даосском монахе У!

Ли Бо (*с искренней надеждой*). Его Высочество здесь?

Хуэй Чжунмин. Его Высочество заняты приготовлениями к Восточному походу. Из-за обилия дел не могли вырваться, нарочно послали меня выразить Учителю почтение!

Ли Бо (*полный разочарования*). Эх, пусть будет так! Дорогой друг У Юнь, разве наша встреча — это не удача для нас?

У Юнь. Плывут по небу облака, шумит в горах река, сквозь сосны видится луна и дует ветер над Янцзы... Как бы ты увиделся с принцем, не отправившись к нему! (*Смолкает на время.*) Принц Юн не приехал за тобой, поэтому я провожу тебя к нему.

Хуэй Чжунмин. В таком случае я выделяю вам большую лодку-джонку с охраной. Пойду, распоряжусь на этот счет. (*Удаляется.*)

Ли Бо. Хорошо! (*Вдруг вспоминает о чем-то.*) Ой, погоди! (*Быстро убегает.*)

Хань-нян. Учитель, вы куда?

Ли Бо. Хань-нян, я забыл взять книги!

⁴ Строка из стихотворения «Восемь бессмертных за вином» поэта Ду Фу, писавшего об увлечении Ли Бо вином.

⁵ Озера Дунтинху, Поянху, Тайху, Чаоху и Хунцзэху.

Хань-нян (улыбается). Учитель, ведь вы же сами положили их в узел с вещами! (Вынимает книги.)

Ли Бо (берет в руки и разглядывает). Да, это они.

У Юнь. Про такое говорят: искать коня, сидя на нем верхом! (Берет книги.) «Чжуан-цзы», «Элегия изгнанника»... Брат Тайбо, а мне только что попался один чудак. Сказал, что собирается на юг, сам же упрямо держит путь на север!

Ли Бо. О! Неужели в нашем мире и вправду встречаются люди, поступающие так нелогично?

У Юнь. А разве твоё стремление вершить великие дела, достойные самого Цюй Юаня, держась при этом настроений, типичных для Чжуан-цзы, не сродни поступку наоборот?

Ли Бо (улыбается). Ай да даос! На юг пойдешь — в конце пути все равно на севере окажешься. Поедешь строго на север — так и до юга добраться сможешь!

У Юнь (тоже улыбается). Так и есть! И Цюй Юань в конечном счете — тот же Чжуан-цзы, а Чжуан-цзы — тот же Цюй Юань.

Ли Бо (серьезно). А если говорить по чести, принц Юн и к мудрецам относится с уважением, и к простым книжникам милостив. Он много раз из своей ставки присылал ко мне генерала Хуэй Чжунмина.

У Юнь. Я как раз по этому поводу заглянул к тебе! (Отводит Ли Бо в сторону и тихо продолжает.) Говорят, принц Юн поднимает войска вовсе не с целью подавить смуту, а... (Шепчет на ухо.)

Ли Бо (с возмущением). Чушь! Принц всецело предан государю и долгу! (Неожиданно приходит в волнение.) Со дня на день он выступит в поход на восток! О, каким величественным будет это зрелище: все увидят, как заколыхается на ветру тьма стягов, как под грохот барабанов тысячи судов длинной вереницей поплывут на восток! Я напишу стихотворение и в нем раскрою свои чувства. Назову его «Песней о восточном походе принца Юна». Нет, одного стихотворения для этого мало, я напишу их десять!

У Юнь с гордо поднятой головой отходит в сторону.

Ли Бо (говорит ему извиняющимся тоном). Эх! Если случится так, как сказал ты, и рассудок принца Юна помутится, я словами «Песни о восточном походе» напому ему о его высоком призвании, пробужу в нем дух справедливости и желание возродить государство!

У Юнь (говорит намеками). Мне вспомнились строки стихотворения, сложенного тобой в первом году Тяньбао⁶, когда ты был вызван императором в Чанъань: «С вскинутой гордо главой, улыбаясь,

⁶ 742 г.

въезжаю в столицу, выгляжу так, будто вовсе не из захолустья приехал!»

Ли Бо. Раньше было одно, а теперь — другое! Гм! Уж не насмехался ли ты надо мной?

У Юнь (*качает головой*). Вообще-то мне и грустно, и весело.

Ли Бо (*погружается в мысли*). Брать на службу или нет — пусть решит принц, а вот идти к нему или нет — зависит уже от меня! Я уже давно думаю об этом.

Возвращается Хуэй Чжунмин.

Хуэй Чжунмин (*пытается поторопить*). Учитель Ли Бо! Уж не...

Ли Бо. Свет души! Хань-нян! Я уезжаю!

Раздается стук о деревянную рыбу. С одной стороны сцены на возвышении монахиня Тэнкун-цзы в головном уборе и одеянии даоса читает молитву.

Цзун Янь делает знаки Ли Бо.

Ли Бо (*выступает вперед и совершает поклон*). Благодарение тебе, Тэнкун-цзы, за читаемые тобой ради меня молитвы!

Тэнкун-цзы (*кивает ему в ответ на поклон и продолжает чтение сутр*). «Внутри несчастья обитает счастье, да в счастье тоже прячется несчастье...»

Вдруг начинает греметь музыка. Из-за сцены раздается: «Учитель Ли покидает горы!» В окружении почетного караула Хуэй Чжунмин и Ли Бо пускаются в путь. У Юнь одиноко идет впереди. Цзун Янь и Хань-нян провожают их глазами. Снова слышится стук о деревянную рыбу. Доносятся слова песни: «Внутри несчастья обитает счастье, да в счастье тоже прячется несчастье...»

Акт второй

Проходит несколько месяцев. Местность на правом берегу Янцзы. Зал для военных совещаний в ставке принца Юна. В зале за столом сидит и что-то пишет, бормоча под нос, генерал Хуэй Чжунмин.

Хуэй Чжунмин (*кладет кисть и, воодушевленный предстоящими перспективами, говорит*). Мне скоро пятьдесят — возраст, когда познают волю Неба, — а я, наконец, попаду в окружение императора.

Украдкой входит Луань Тай.

Хуэй Чжунмин (*испуганно отскакивает в сторону*). Луань Тай!

Луань Тай. Я по секретному делу! (*Говорит тихо.*) Его Высочество вчера бредили во сне и приказывали поднимать войска. Оказывается... (*Шепчет на ухо.*)

Хуэй Чжунмин *(неожиданно меняется в лице)*. Это слишком смело!

Луань Тай. Ой, отчего ваше лицо приняло такой страдальческий вид, словно у вдовы?

Хуэй Чжунмин. Не порочь имя Его Высочества и не подрывай дух солдат! *(Хватает Луань Тая.)*

Луань Тай просит пощады.

Хуэй Чжунмин. Луань Тай! Принц жаловал тебе прозвище «отрок, смотрящий за священными петухами», ты занимаешь должность чиновника седьмого ранга и твой долг — надлежащим образом устраивать петушинные бои! Опять же, ты состоишь в свите Его Высочества и весьма смышлен. Когда услышишь что-то такое, докладывай только мне!

Луань Тай *(в смущении)*. Хорошо, хорошо! *(Считая неудобным тотчас уходить, с интересом спрашивает.)* А господин сановник сейчас пишет стихи?

Хуэй Чжунмин. Я переписываю стихотворения кисти Ли Бо. *(Складывает и сует в рукав.)* Это «Песня о восточном походе принца Юна», состоит из десяти, нет, одиннадцати строф!

Луань Тай. Ого! Господин сановник, вы в ставке принца находите Ли Бо целебным грибом линчжи. А он, к сожалению, не видит в вас духа-покровителя.

Хуэй Чжунмин *(пропускает мимо ушей его слова)*. Поэтам неизбежно приходится являть хоть какую-то чужаковатость. Без нее они не могут быть поэтами.

Луань Тай. Так-то оно так, но теперь Его Высочество охладели к нему!

Хуэй Чжунмин *(сначала сильно удивляется, затем улыбается)*. Опять мелешь, что в голову взбредет.

Луань Тай *(с уверенностью в голосе)*. Когда Ли Бо только приехал, принц принял его очень хорошо! Во время Восточного похода он ходил на пиры, устраивавшиеся во флоте, поднимался на многоярусные суда, слушал песни, смотрел танцы... Потом вдруг начинал злословить, сравнивать себя с Чжугэ Ляном или Се Дуншанем, объявлять себя потомком «летучего генерала» — Ли Гуана да порываться во главе войска ринуться в бой! С тех пор принц утратил всякий интерес к его болтовне!

Вдруг раздаются крики прокладывающих дорогу: «Принц едут!» Хуэй Чжунмин и Луань Тай слышат и поспешно выходят навстречу. Неожиданно входит Ли Линь. Его сопровождают телохранители.

Ли Линь *(усаживается)*. Садитесь! Генерал Хуэй, цзянлинский флот всю эту ночь выдвигался на восток. Скоро и я отправлюсь следом, дабы контролировать войска. Все дела ставки поручаю тебе!

Хуэй Чжунмин. Так точно, Ваше Высочество!

Ли Линь. Но меня беспокоит одно обстоятельство. Ходят слухи, будто Учитель Тайбо днями напролет заливает тоску вином. Уж не обидели ли вы его?

Луань Тай *(встревает в разговор)*. Это он сам по себе такой: вечно негодует не пойми на что, словно задолжали ему две сотни связок денег!

Ли Линь. Учитель Тайбо — выдающийся образованный муж, не стоит судить его строго. Когда он с нами, мощь наших войск возрастает!

Хуэй Чжунмин *(обдумывает слова принца)*. Ли Бо всегда был о себе высокого мнения и мечтал о важном назначении. Если Ваше Высочество даст ему ответственный пост...

Ли Линь. Генерал Хуэй просит о пожаловании для него? Эх, мне жаль его литературные таланты! Пусть лучше пишет стихи, чем состоит на чиновничьей службе! Государь-отец тоже говаривал как-то: не используйте Ли Бо при дворе!

Луань Тай. Слова великого императора мне понятны, Ли Бо слабо подходит к роли вельможи!

Ли Линь. Ах! Учитель Тайбо — редчайший гений нашего времени! Если мы однажды все же предложим ему назначение, нельзя будет позволить ему испытать разочарование!

Луань Тай. Верно! И носить на руках его будем столь же осторожно, как горячие банки!

Ли Линь. Что же ты за злой человек! Ступай прочь!

Луань Тай. Будет исполнено! *(Удаляется.)*

Ли Линь *(обращается к телохранителям)*. Никого из сановников не пропускайте ко мне: ни военных, ни гражданских!

Получив распоряжение, телохранители выходят исполнять его.

Хуэй Чжунмин *(догадывается, что стряслось нечто серьезное)*. Ваше Высочество, неужели в войсках случилась беда?

Ли Линь. Какой ты догадливый! *(Продолжает неторопливо.)* Мой старший братец уже изволил издать указ, повелевающий мне отправиться в земли Ба и Шу и нанести визит отцу-императору. Что скажешь: идти мне туда или нет?

Хуэй Чжунмин. Ваше Высочество, боюсь, от похода туда... не стоит ждать ничего хорошего!

Ли Линь. Не идти?

Хуэй Чжунмин *(с чрезвычайной осторожностью)*. Все же лучше не идти.

Ли Линь *(надменно улыбается)*. Я уже уничтожил его письмо и отрубил голову гонцу!

Хуэй Чжунмин *(испуганно)*. Ваше Высочество!

Ли Линь. Ах, он пытался заключить меня под домашний арест! Это он вынудил меня сжечь мосты и отрезать путь назад! По одному моему приказу наш цзянлинский флот может спуститься в район Цзяннани. Мы быстро окажемся в Чжуншане, наладим переправу, обучим армию сражаться на воде и дадим сражение, которое все и решит!

Хуэй Чжунмин. Ваше Высочество храбрее всех, не иначе духи помогают вам!

Ли Линь. Приготовления к походу уже завершены, недостает только приказа о начале карательной компании.

Хуэй Чжунмин. Приказ о карательной компании... Неужели мы пойдем карать...

Ли Линь. Говори!

Хуэй Чжунмин. Карать... саму столицу?

Ли Линь. Нет! Мы накажем того Сун Кансяна, которого прислали из столицы!

Хуэй Чжунмин. Личного секретаря императора и генерал-губернатора областей к западу от Янцзы Сун Кансяна... Для того чтобы покарать Сун Кансяна, у нас есть два основания! Во-первых, так мы сможем войти в столицу, во-вторых, обречем репутацию «избавителей государя от злого окружения». Поистине, ваша мудрость дарована вам небесами!

Ли Линь. Для этого мне теперь понадобятся литературный гений и широкая известность учителя Тайбо!

Хуэй Чжунмин. Вы намереваетесь попросить Ли Бо подготовить проект того приказа? *(Неожиданно его лицо принимает озабоченное выражение.)* Но только я сомневаюсь, что он согласится написать такой документ...

Ли Линь, погрузившись в думы, медленно рассказывает. Раздаются ослиные крики. Вслед за ними доносится гул беспорядочных шагов. Появляются пятящиеся назад Ци У, Хэ Шисань, Цюй Да и Луань Тай. Громко кричат: «Учитель

Тайбо! Впереди — торжественный зал, в него нельзя въезжать на осле!»

Луань Тай *(сваливается)*. Ваше Высочество, Ли Бо напился и разъезжает всюду на осле...

Ли Линь *(осененный идеей)*. Он как раз вовремя! *(Делает знак Хуэй Чжунмину.)* Выйди! *(Разворачивается и входит в помещение для визитов.)*

Входит пьяный Ли Бо в дворцовом халате и с коралловой плетью в руке.

Ли Бо (*бранится*). Мне позволялось перед дворцом Сына Неба скакать на коне, неужто теперь непозволительно к ставке принца подъехать на осле?

Хуэй Чжунмин поспешно выходит к нему навстречу.

Хуэй Чжунмин. Учитель Тайбо, опять напились!

Ли Бо. Когда я пьян, я становлюсь особенно проникательным! Генерал Хуэй, отведите меня к Его Высочеству! Мне нужно о многом с ним поговорить, нет сил больше терпеть!

Хуэй Чжунмин (*намеренно говорит громко*). Уж не плохое ли питание побудило Учителя искать встречи с Его Высочеством?

Ли Бо. Нет.

Хуэй Чжунмин. Или у вас возникли бытовые неудобства?

Ли Бо. Тоже нет.

Хуэй Чжунмин. Ох! Или, быть может, Учитель разочарован и сожалеет о приезде в ставку принца?

Ли Бо. Нет, нет!

Хуэй Чжунмин. Мне, Чжунмину, сдается, что ныне принц столь же нуждается в помощи мудрых, как человек, испытывающий жажду. Он обходится с вами как с высшим сановником: Учителя хорошо кормят, дают повозки для совершения выездов, обеспечивают его семью всем необходимым, почему бы ему не поискать себе радость в литературном творчестве?

Ли Бо (*вспыхивает*). Генерал Хуэй, ты от имени принца трижды упрашивал меня покинуть горы лишь для того, чтобы я забавлялся, слагая стихи и создавая сочинения?

Хуэй Чжунмин (*замолкает*). Э-э... Но что же тогда нужно Учителю?

Ли Бо. Что мне нужно? Скакать галопом на коне, размахивать копьём. Во весь опор нестись по полю схватки боевой... Дабы так отблагодарить великого государя за оказанные мне когда-то милости! Взгляните, ведь халат, который на мне, и плетъ, что в моих руках, были пожалованы мне им! (*Предается давним воспоминаниям.*) Помнится, был год, когда я, пьяный, спал в чанъаньском трактире. Император позвал меня во дворец, а я был настолько нетрезв, что не имел сил подняться... Потом Его Величество лишь только меня увидел, как сразу весь преобразился. Выглядело это так, будто бедняк обрел сокровище, тьму озарил свет, голодный муж, наконец, вкусил еды или во время засухи появились тучи! И это вовсе не плод моей фантазии, а слова, произнесенные лично Его Величеством! А когда я во дворце

поднес ему свое творенье, Драконоликий просиял и наградил меня множеством ценных даров. И он, владыка многомиллионных войск, собственноручно приготовил мне отвар! В окуренной ароматами беседке я сложил стихи на «Чистые и ровные напевы» музыканта Ли Гуйсяня — эту мелодию тогда ради меня на флейте исполнил сам всемогущий государь! Кто ведал, что подвыпивший Ли Бо обратится к варварам с письмом, которое их жутко напугает, что первая наложница Ян Гуйфэй станет растирать для него тушь, а сановник Гао Лиши — снимать с него сапоги! В ту пору государь оказал Ли Бо невиданный почет! А вот теперь я прожил в ставке принца столько лун, но Его Высочество почему-то не дают мне никаких поручений! Неужели этот изысканный халат и коралловая плетъ так и канут в лету? *(Всхлипывает.)*

Улыбающийся Ли Линь выходит из внутренних покоев.

Ли Линь. Учитель Тайбо, вы истинный муж!

Ли Бо *(обрадованный неожиданностью)*. Ваше Высочество! *(Собирается опуститься на колени, чтобы поприветствовать.)*

Ли Линь *(поднимает Ли Бо)*. Дорогой уважаемый Учитель, примите от меня, Ли Лина, поклон! *(Совершает настоящий земной поклон.)*

Ли Бо *(приходит в замешательство)*. Не нужно, не нужно...

Ли Линь. Увидев халат и плетъ, подаренные отцом-императором, могу ли я не поклониться?

Оба любезничают.

Ли Линь. Я очень признателен вам за создание «Песни о восточном походе»: она подняла моральный дух наших солдат и укрепила войска!

Ли Бо. Правда? *(Весьма доволен собой.)* Цао Цао и его сыновья говорили же, что литература крайне важна в деле управления государством, она велика и бессмертна!

Ли Линь. Так и есть! Каждое утро я встаю ни свет ни заря и непременно перечитываю ваши стихи: они поистине чудесны и дарят нашим устам необыкновенное благоухание!

Хуэй Чжунмин *(подлаживаясь, вторит принцу)*. Однажды Его Высочество метко рекли: Три дня прожив без творчества Ли Бо, Уста наполнить вонью суждено!

Ли Линь *(широко улыбается с самодовольным видом)*. Сказать вам, Учитель, — не поверите. Есть у меня маленький порок — бредить небылицами... *(Ненадолго замолкает.)* Но то, чем я брежу, — это ваши стихи!

Все разражаются смехом.

Ли Бо (*смущается от комплиментов*). Право, мне некуда деться от стыда!

Луань Тай (*не упускает случая привлечь внимание*). Да, да, Его Высочество лишь поэзией бредит — а что в том плохого? Боюсь только... (*Присутствующие столбенеют.*)

Ли Линь (*стискивает зубы от негодования*). Болтун! Пошел прочь отсюда!

Луань Тай пятится назад.

Ли Бо (*начинает что-то понимать*). Мне хотелось бы спросить Его Высочество кое о чем, не знаю, выслушает ли меня принц?

Ли Линь (*знаками просит Хуэй Чжунмина увести Луань Тая и других*). Прошу, Учитель, ваших наставлений!

Ли Бо. Позвольте узнать, Ваше Высочество, уж не говорил я в вашем сне того, чего не следует?

Ли Линь (*начинает смеяться*). Учитель Тайбо, сон — это сон, а вот слова — голос сердца. Когда в голове нет дурных мыслей, то и с уст естественным образом сходят одни только правдивые слова. И ведь эти прекрасные высказывания принадлежат вам!

Ли Бо (*говорит под действием винных паров*). Ну что ж, я старше принца на десяток с лишним лет, так и быть, выскажусь, сославшись на старость!

Ли Линь. Я весь превращаюсь в слух!

Ли Бо. Вам следовало бы, однако, разобраться в принципах взаимоотношений между подданными и правителем, придерживаться главных этических правил, следовать до конца долгу преданности государю и почтительности к родителям! Ходят слухи...

Ли Линь (*лицо его слегка перекошено*). Очень признателен вам, Учитель! Ох! Ведь я раньше ведал только о ваших поэтических талантах, а теперь узнал новое и о ваших моральных качествах! Впредь буду больше полагаться на Учителя и прилежно внимать его наставлениям.

Ли Бо (*приходит в крайнее волнение*). Ваше Высочество! Вы всегда слышите добрые советы! Ваша душа столь велика, как Янцзы и океан! Вы — надежда возрождения могущества великой династии Тан!

Ли Линь. Учитель, вы преувеличиваете! (*Оборачивается к Хуэй Чжунмину и говорит как будто невзначай.*) Генерал Хуэй, а письмо Ду Фу уже писали?

Хуэй Чжунмин (*отвечает не сразу*). Письмо Ду Фу... Нет...

Ли Бо (*изумляется*). А разве он не брошен Ань Лушанем в темницу?

Ли Линь. Уже бежал оттуда, один чеговек видел его в Цзянся.

Ли Бо. Слава Небу и Земле! Цзымэй смог спастись! Ваше Высочество, а когда Цзымэя пригласят в войска?

Ли Линь. Тут вот какое дело получается, я хочу попросить Ду Фу написать текст одного воззвания...

Ли Бо. Написать воззвание? Почему же вы не обратились ко мне? К чему отвергать то, что имеется рядом, и искать далекое?

Хуэй Чжунмин (*подзуживает*). Ваше Высочество полагают, что грустный стиль и богатый опыт Ду Фу лучше подходят для написания подобного текста?

Ли Бо (*гневно негодует*). Как? А мой стиль разве не элегичен, опыт не богат? Неужто я не подхожу для подобных вещей?

Ли Линь. Учитель, вы нас неверно поняли. Я не осмелился утруждать вас.

Хуэй Чжунмин. Да и было опасение, что столь выдающийся мастер кисти сочтет ниже своего достоинства писать такое...

Ли Бо. Вот шутники! А чего особенного в таких сочинениях? В эпоху Хань поэт Сыма Сянжу написал «Обращение к землям Ба и Шу», поэт правящей династии Ло Биньван создавал «Воззвание для карательного похода против Учжао» — разве эти великие шедевры не приводят всех в восхищение?

Ли Линь. Ваша правда! Учитель, если вы не откажетесь взмахнуть могучей кистью, тогда мы все-таки попросим вас блеснуть слогом! Ах да, генерал Хуэй, вы еще не писали Ду Фу?

Хуэй Чжунмин. Нет, нет!

Ли Бо. В таком случае, название этого...

Ли Линь. Наверное, пусть будет «Манифест о походе против мятежников»?

Ли Бо. Прежде чем я возьмусь за кисть, давайте назовем вещи своими именами! Кто подразумевается под мятежниками во фразе «поход против мятежников»? Конечно же Ань Лушань! Так давайте и напишем: «Манифест о карательном походе принца Юна против варварского мятежника Ань Лушаня»! Или прямо и без обиняков: «Манифест о карательном походе против Ань Лушаня».

Ли Линь. И то, и другое пойдет, и так, и так можно...

Ли Бо (*громко кричит*). Принесите вина!

Ли Линь (*громко*). Подайте вина учителю Тайбо!

Вбегают Цюй Да, Ци У, Хэ Шисань и Луань Тай, гурьбой отводят Ли Бо в соседнее помещение. Ли Линь с мрачным лицом просит Хуэй Чжунмина остаться.

Хуэй Чжунмин. Ваше Высочество, ведь этот манифест Ли Бо, наверное, будет взывать к походу против Суна...

Ли Линь. Ты спрашиваешь меня? *(Ни с того ни с сего гневно вспыхивает.)* Спрашиваешь, как нам поступить? Неужто ты ничего не понимаешь?

Хуэй Чжунмин. Да, не понимаю!

Ли Линь. Скоро я пошлю человека за этим манифестом.

Хуэй Чжунмин. Так, так.

Ли Линь *(обращается к стоящим за дверью)*. Возьмите пятьсот золотых!

Телохранители откликаются и поспешно входят с мешком денег.

Ли Линь передает мешок Хуэй Чжунмину.

Хуэй Чжунмин. Это — награда для Ли Бо?

Ли Линь *(холодно усмехается)*. Плата за его литературный труд. *(Поспешно выходит с телохранителями.)*

Хуэй Чжунмин *(делает несколько быстрых шагов вслед)*. Ваше Высочество, берегите себя! *(Возвращается обратно, качает головой.)* Плата за литературный труд...

Неожиданно из соседних палат раздается восторженный возглас: «Какая кисть!»

Хуэй Чжунмин *(бормочет)*. Какая кисть... *(Неожиданно на его лице появляется выражение полного разочарования.)*

Из палат выходят Цюй Да и Ци У.

Ци У. И его считают безумцем? Поистине выдающийся творческий ум!

Цюй Да. Божественный творец! Божественный творец!

Из палат выходит Ли Бо с воззванием в руках, Луань Тай и Хэ Шисань идут следом.

Ли Бо. Готово, сдаю свиток! *(Подает воззвание.)*

Хуэй Чжунмин. Как быстро! Поистине, как говорят, «писал по тыще слов, о бок коня опершись»⁷ — то бишь легко! *(Пробегает глазами и говорит с одобрением.)* Учитель, вы, верно, изнутри состоите из одного только блестящего таланта! В противном случае, как смогли бы, едва уста открыв, создать готовое творенье, чуть коснувшись кистью, сотворить шедевр?

Ли Бо *(озирается)*. А где Его Высочество?

⁷ Поэта сравнили с древним мастером слова Юань Ху, который по приказу начальника во время похода мгновенно написал семь бумаг в отличнейшем стиле, сделав это на боку коня.

Хуэй Чжунмин. Ах, да! Его Высочество отправился на восток проверять войска.

Ли Бо *(мрачнеет)*. Он все еще не желает позволить мне сделать что-нибудь более серьезное?

Хуэй Чжунмин *(смотрит на мешок с деньгами и обращается к окружающим)*. Господа, вы свободны!

Луань Тай, Цюй Да, Хэ Шисань и Ци У с шумом расходятся.

Хуэй Чжунмин. Учитель Тайбо! *(Указывает на мешок.)* Это для вас от принца...

Ли Бо. Что это?

Хуэй Чжунмин. Пятьсот монет — плата за сочинение.

Ли Бо *(испытывает потрясение)*. Плата за сочинение? Неужто вы решили, что я пишу за деньги? Вы хотите избавиться от меня? *(Как будто начинает что-то понимать.)* Правдивые слова всегда слух режут!

Хуэй Чжунмин *(увещевает)*. Что вы, Учитель, не стоит так говорить!..

Ли Бо. Вы хотели, чтобы я все время улыбался и деликатничал? Это не по мне! Я ухожу!

Хуэй Чжунмин. Учитель, прошу вас трижды подумать, прежде чем поступить так...

Ли Бо. Ха-ха! Один Ли Бо стоит пятисот монет! Этих монет достаточно, чтобы его прогнать! Тот, кого незаслуженно прозвали пьяным гением, поэтом-небожителем, не в силах вынести сравнения с заурядным писакой, торгующим искусством! Ха-ха-ха! Я ухожу! *(Швыряет на землю врученный ему Хуэй Чжунмином мешок с деньгами и, спотыкаясь, уходит.)*

Хуэй Чжунмин. Денег не взял, а свою работу оставил! Ох уж этот Ли Бо, ты даже на искусстве заработать не способен! *(Качает головой, берет кисть и правит текст.)* «Манифест о походе против Сун Кансяна»... *(Читает под нос и исправляет.)* «Манифест о походе против бунтаря и мятежника Сун Кансяна»... *(Смеется над собой.)* Эх, кто разберет, за ушедшие века как много было создано произведений, где переплелись правда и вымысел!

Раздается крик младшего офицера: «Господин генерал!» Входит офицер.

Хуэй Чжунмин *(узнает офицера)*. Ты за манифестом?

Офицер. Так точно! *(Берет вино.)* Его Высочество жалуют господину генералу лучшего дворцового вина.

Входит мертвецки пьяный Ли Бо.

Ли Бо. Верни мне мой манифест! Ли Бо не продает искусство!

Хуэй Чжунмин поспешно прячет манифест в рукав.

Ли Бо (*замечает вино*). Вино из дворца! Ха-ха! Давай напьемся, дабы развеять свою печаль! Давай выпьем! (*Собирается открыть кувшин с вином.*)

Офицер (*пытается вырвать вино*). Оно предназначено для господина генерала!

В результате борьбы сосуд падает на пол, все смотрят с сожалением.

Хуэй Чжунмин (*обращается к офицеру*). Выйди, подожди снаружи.

Офицер выходит.

Ли Бо. Как жаль! Вино залило весь пол! Глянь, даже собаки любят его... (*На Ли Бо находит сон, он падает на землю и засыпает.*)

Хуэй Чжунмин слышит непонятный шум. Издалека доносится крик: «Смерть!»

На сцене появляются офицеры. Прибегает Луань Тай и прячется.

Хуэй Чжунмин. Луань Тай, что это за крики?

Луань Тай. Дело дрянь! Все вокруг окружено войсками Сун Кансяна!

Хуэй Чжунмин (*сильно пугается*). Что? Сун Кансян так быстро пришел?

Луань Тай. Из всех способов решить проблему самый лучший — бегство!

Раздается пронзительный собачий лай.

Хуэй Чжунмин (*выступает вперед и испуганно говорит*). Собака сдохла! Вино отравлено... (*Бормочет.*) Вот хитрый заяц, жив остался, хоть живьем вари этого прихвостня...

Луань Лай (*торопит*). Пошли!

Ли Бо (*его взор замутнен от вина*). Верните мой манифест, верните...

Хуэй Чжунмин (*вытаскивает воззвание, бросает Ли Бо*). Забирай! (*Незаметно уходит с Луань Таем.*)

Ли Бо (*видит манифест, сильно удивляется*). Отчего же в нем теперь написано о карательном походе против Сун Кансяна? Стыд и срам, люди без стыда и совести! (*С силой рвет манифест на части, бумагу уносит ветром.*) Домой в Лушань! Вернусь в Лушань! (*Вино начинает действовать, Ли Бо тошнит, и он падает на стол.*)

В помещение врывается несколько военных. Один из них подскакивает и расталкивает Ли Бо.

Ли Бо (*ничего не понимая, отмахивается*). Я пьян и хочу спать, ступайте прочь, господа!

Из-за сцены раздаются крики: «Вельможа Сун прибыл!» Входит величественный Сун Кансян. Хмель Ли Бо улетучивается: он крайне подавлен и изумлен свалившейся на него неожиданностью.

Сун Кансян. В тюрьму всех переметнувших к мятежникам!

Ли Бо озирается по сторонам. Не видит «переметнувших к мятежникам» и недоумевает, а солдаты обступают его.

Ли Бо (*пытается объяснить*). Я — Ли Бо!

Сун Кансян. Неважно, кто ты, связать его!

Акт третий

За сценой кто-то декламирует стихи:

В своем уменье править убежден,
Способен вызывать весну.
Мне ведомо, что есть за дальними горами:
Могу над облаками воспарить.

Проходит месяц. Сюньянская тюрьма, в темнице сидит Ли Бо. За решеткой раздается лязг кандалов: то во мраке ходит Ли Бо; перед решеткой качается пламя свечи, клубится дым ароматов, Тэнкун-цзы молится. Яркий звон кандалов удивительно созвучен глухому чистому стуку деревянной рыбы⁸. Сунь Эр подкладывает ароматические свечи для Тэнкун-цзы.

Ли Бо (*читает нараспев*).

В Северном море рыба живет,
Ей имя мифический Кунь,
Огромен он так,
Что не знает никто,
На сколько он тянется верст!
(*Гремят кандалы.*)

Кунь птицею стал,
Получил имя Пэн,
Спина его так велика,
Что не знает никто, сколько же верст будет тянуться она!
(*Звенят кандалы.*)

В гневе он взмыл,
И крылья его, словно тучи, свисают с небес!
(*Звенят кандалы.*)

Сунь Эр (*приближается*). Учитель, вы читаете свои новые стихи?

⁸ Деревянное било в форме рыбы или безногого краба, на котором отбивается такт при чтении молитв.

Ли Бо (*качает головой*). Это «Странствия в беспредельном» из книги Чжуан-цзы, можно сказать, белый стих! Ох! «В гневе он взмыл, и крылья его, словно тучи, свисают с небес!» Как прекрасен слог Чжуан-цзы! Его стиль тонок и свободен, широк и неудержим! Слова «В гневе он взмыл» могут сравниться со всей многовековой поэзией, дошедшей до нас из далеких веков!

Тэнкун-цзы (*неожиданно вмешивается в разговор*). Учитель, ваша фраза «какого нет у человечества», наверное, еще лучше!

Ли Бо. «Нет у человечества»? (*Оборачивается к ней.*)

Тэнкун-цзы (*декламирует*). «Поток уносит далеко цветочки персика — там где-то мир, какого нет у человечества».

Ли Бо Ты... (*Приятно удивляется.*) Тэнкун-цзы!

Тэнкун-цзы. Ваша супруга позвала меня читать сутры за ваше счастье.

Сунь Эр. Монахиня Тэнкун уже трижды прочла «Истинный канон о дао и благодати»!

Ли Бо. Премного благодарен тебе, Тэнкун-цзы! Эх, ведь ты же говорила как-то, что в несчастье живет счастье, а в счастье таится несчастье. Какой толк в молитвах за мое счастье? Чем читать сутры, уткнувшись лицом в стену, лучше уж, стоя лицом к лицу, рассуждать о литературе. И неважно, о чем — о «мире, какого нет среди человечества» или же о «В гневе он взмыл...»

Тэнкун-цзы. Не смею оскорблять ваше внимание убожеством плодов моих усилий. Прошу вас, продолжайте свои литературные занятия, а я, скромная монашка, помолюсь за вас. Ведь для меня это лишь способ самосовершенствования: движение и покой взаимообусловлены, свет и тьма взаимодополняемы... (*Неожиданно, понимает, что говорит неподобающим образом, ее лицо заливают краска.*) Это...

Ли Бо (*ничего не замечает*). К чему же так стесняться! Если не сочтете меня невеждой, я с почтением представлю вам парочку своих новых строф, созданных в тюрьме недавно. (*С трудом делает шаг.*)

Сунь Эр. Учитель, давайте помогу! (*Вытаскивает из-под соломенного тюфяка рукопись стихов.*)

Тэнкун-цзы (*принимает и читает рукопись*). «Сто дум тревожных», «Слова скорби»... (*Перестает читать, огорчается.*) Здесь одни только грусть и беспокойства, Учитель... Вам так тяжело! (*Поворачивается спиной.*)

Ли Бо (*охваченный печалью*). Ледяные цепи сковали мою горячую плоть! За этой решеткой я ощущаю себя как в загоне для скота, а пищу, наполняющую эти чаши, впору давать курам или собакам! (*На мгновение замолкает и внезапно вспыхивает.*) Эх, Ли Бо, Ли Бо! И поделом тебе сие наказание! Ты талантлив, но не понимаешь в жиз-

ни ничего! Нет! Ты с глазами, но без зрачков! Чего же ты не помыслил о том, что эти братья — соперники за власть!

Сунь Эр (*пытается остановить его*). Учитель...

Ли Бо (*не сдерживается*). С одним случилось то, что как раз и предрекал У Юнь и во что не хотелось верить: как оказалось, он действительно собирал войска с целью захвата трона; второй же при живом еще отце поторопился в Линъю⁹, дабы объявить себя императором!

Сунь Эр (*поспешно хватается за одежду Ли Бо*). Учитель, нельзя зря говорить такие вещи!

Ли Бо (*освобождается от Сунь Эра*). А чего мне бояться? Казнят — и будет! Эти братья между собой грызутся и совершенно не думают об опасном враге, стоящем ныне перед нами! Страна погибла! Погибла! Погибла!

Сунь Эр (*меняет тему разговора*). Учитель, виновник всех зол — изменник Ян Гочжун!

Ли Бо. Ли Линьфу!

Сунь Эр в оцепенении замирает, потом невольно устремляет взгляд на Тэнкун-цзы. Та, как будто ничего не услышав, продолжает читать сутры.

Ли Бо. Все правильно, все вы ненавидете Ян Гочжуна, но я еще больше ненавижу узурпатора Ли Линьфу! Этот человек двуличен — на устах мед, а за пазухой меч! На устах улыбка, сам же прячет нож! Это он позвал Ань Лушаня, он — первый зачинатель¹⁰!

Сунь Эр. Ведь он же умер!..

Ли Бо. Он сдох, а Ань Лушань взбунтовался, и просторы великой империи Тан утратили покой! Ли Линьфу своими кознями навлек беду на нашу страну! Пусть он сдох, но и его труп надо долго хлестать кнутом! (*Складывает ладони, воздевает руки и внезапно с силой ударяет кандалами, чаша для еды со звоном разбивается.*)

Из-за сцены тюремщик строго спрашивает: «Что стряслось там?» Тэнкун-цзы тихо встает и убирает осколки разбитой чаши.

Сунь Эр. Это я, Сунь Эр! Неосторожно разбил миску! (*Подходит к Ли Бо.*) Учитель! (*Продолжает шепотом.*) Ли Линьфу...

Ли Бо (*пугается, с трудом справляется со своими эмоциями и смягчает тон*). Сестрица Ли, спасибо тебе! Я опасный преступник двора и не посмею утруждать тебя столь усердными молитвами за себя! (*Намекает гостям на необходимость уйти.*) Пожалуйста!

⁹ Город на территории современного Нинся-Хуэйского автономного района.

¹⁰ Букв. «тот, кто первый сделал статую для погребения вместе с покойником».

Тэнкун-цзы с болью в душе молча собирает сутры, затем бросает взгляд на черновики со стихами и мнется в нерешительности.

Ли Бо (*замечает это*). Ли Бо никогда не нарушает слова. Коли уж сказал, что подарю, так и заберай себе, если хочешь! Однако всех тревог и печалей простого заключенного не понять дочери министра. Прощай, прощай!

Тэнкун-цзы тихо берет черновики и молча идет к выходу; навстречу входят Цзун Янь и Хань-нян, одетые в дождевые плащи и в конических бамбуковых шляпах.

Цзун Янь. Тэнкун-цзы!

Тэнкун-цзы открывает было рот, но так ничего и не сказав, с опущенной головой поспешно уходит.

Цзун Янь. Мой господин! Что с ней?

Ли Бо. Я велел ей уйти!

Цзун Янь (*удивляется*). Ты ее прогнал? (*Разворачивается, чтобы догнать.*)

Ли Бо. Не нужно! Выяснилось, что она дочь Ли Линьфу!

Цзун Янь (*огорченно*). Хань-нян, позови Тэнкун-цзы обратно!

Хань-нян отзывается и уходит.

Ли Бо. Что это ты...

Цзун Янь. Ты жутко ненавидишь Ли Линьфу, а я хочу подружить тебя с ним!

Ли Бо (*изумленно*). Что ты говоришь?

Сунь Эр (*непонимающе*). А разве Ли Линьфу не умер уже?

Цзун Янь. Пока живы родственники, сослуживцы и ученики, будет жить и величие!

Ли Бо (*сердится*). Я не понимаю тебя! Не понимаю!

Цзун Янь (*внезапно спрашивает*). А ты уверен, что дочь министра-предателя тоже изменница?

Ли Бо замолкает.

Цзун Янь (*молчит некоторое время*). Скажу я тебе! Тэнкун-цзы... Ради преклонения перед твоим поэтическим дарованием она по своей воле вернулась в мирскую суету, прибегла к былым связям Ли Линьфу и подкупу, договорилась о смягчении твоего наказания!

Ли Бо (*изумленно*). Что?

Шумит дождь. Входит Хань-нян.

Хань-нян. Милая Янь! Тэнкун-цзы села в джонку и уплыла!

Цзун Янь беззвучно плачет.

Хань-нян (*не без упрёка*). Учитель, вы ничего не знаете, словно сидите в барабане. Ваше дело разбирал государь лично...

Ли Бо. Что? Он еще в бытность наследным принцем уже ненавидел меня...

Хань-нян. Никакими денежными суммами не откупиться от преступления, нет таких чинов и титулов, которые позволили бы облегчить наказание! Госпожа Янь по вашему делу обегала все улицы и переулки, все знатные и незнатные дома! Кто-то спрятался от нее, кто-то отвернулся, а кто-то притворился дурачком и сделал вид, что ничего не понял! Одна только монахиня Тэнкун... (*Начинает задыхаться от слез.*)

Цзун Янь. Она собиралась дочитать сутру и отправиться в столицу, а ты (*горько рыдает*) прогнал свою единственную надежду!

Ли Бо пристыжен, его мучают угрызения совести. Неожиданно дождь усиливается.

Ли Бо (*терзаемый душевными муками, растерянно задумывается*). Этой ночью месяца в небе не будет!

Хань-нян. Ведь дождь же идет, откуда луне взяться!

Ли Бо (*поднимает глаза к небу и протяжно распевает*). Дождь, что ты есть на самом деле? Ты — слезы голубого неба? Или ты — слезы души моей? Хотя нет, ты не слезы! Ты — вода, смывающая обиду!

Хань-нян (*непрестанно бормочет*). Монахиня Тэнкун говорила, что если в столице ничего не удастся уладить, она пойдет в места боев к командующему Го...

Ли Бо. К командующему Го?

Цзун Янь. Го Цзыи — он ныне верховный командующий всеми войсками Поднебесной!

Ли Бо (*сначала молчит от изумления, но потом разражается громким смехом и, довольный, говорит*). А ведь я как в воду глядел! (*Приходит в неистовый восторг.*) Я спасен! Я спасен!

Цзун Янь. Дорогой муж, что с тобой?

Ли Бо. Я не рассказывал тебе? Двадцать лет назад в Хэланьшани Го Цзыи нарушил военный приказ и ему грозила смертная казнь. Именно я тогда спас его! Я!

Цзун Янь (*плачет от радости*). Муж спасен!

Хань-нян. Слава Небу и Земле! (*Через некоторое время.*) Но только вот монахиня Тэнкун теперь не пойдет искать командующего Го!

Цзун Янь (*внутри у нее все обрывается, но потом она решительно заявляет*). Я пойду!

Хань-нян (*удивленно*). Но ты же женщина!..

Цзун Янь. Собери мне вещи в дорогу, я сейчас же отправлюсь к нему!

Ли Бо (*мрачным тоном*). Нет, тебе нельзя идти!

Цзун Янь. Ты опасаясь, что Го Цзыи не посмеет вмешаться?

Ли Бо (*качает головой, с болью говорит*). Коль скоро Го Цзыи верховный командующий войсками Поднебесной, на нем лежит ответственность за подавление бунта, нельзя из-за моего личного дела впутывать его и рисковать делами великой империи Тан, не надо! Кроме того, в нашем мире разве можно стремиться получить воздаяние за добро? Поведение того, кто так делает, граничит с бесстыдством!

Хань-нян. Как же вам тогда быть, Учитель?

Ли Бо (*уверенно*). Я ни в чем не виновен! Они рано или поздно освободят меня!

Цзун Янь (*взрывается*). Нет! Я не могу слушать тебя! Нет! Нет! (*Устремляется наружу*.)

Доносится приказ: «Наденьте на Ли Бо оковы!» Приходит Сунь Эр и надевает на Ли Бо кандалы. Цзун Янь и Хань-нян бросаются на решетку и, причитая, падают на землю...

Акт четвертый

Палаты путевой резиденции Сун Кансяна из Сюньяна. Сун Кансян ведет следствие по делу. По обе стороны флигеля стоят солдаты с алебардами и копьями в руках. Писарь, склонившись над столом, что-то пишет. Одетые в одинаковую арестантскую одежду Хуэй Чжунмин, Луань Тай, Ци У, Хэ Шисань и Цюй Да по ранжиру опускаются на колени.

Цюй Да. Я тоже оказался в штабе Юн-вана при посредничестве его челяди, числился его советником номинально, и Юн-ван никогда не обращался ко мне за каким-либо советом.

Сун Кансян. И ты не планировал устраивать свою дальнейшую карьеру?

Цюй Да. Не то чтобы не планировал, один высокий человек перекрыл мне дорогу...

Сун Кансян. Кто он?

Цюй Да. Генерал Хуэй!

Хуэй Чжунмин вдруг поднимает голову, но потом снова опускает ее.

Сун Кансян. И вы правда ничего не замыслили?

Помощники Юн-вана (*в один голос*). Совсем ничего!

Сун Кансян (*ударяет по столу*). Ишь ты, какие храбрецы!

Цюй Да. Ваше Превосходительство, не гневайтесь! Думается мне, замысел был, но такой крохотный...

Ци У. Цюй Да заботила маска Ланьлинского князя, хранившаяся у Юн-вана!

Цюй Да. Ци У собирался спереть у Юн-вана каллиграфию Ван Сичжи!

Сун Кансян. Хэ Шисань!

Хэ Шисань. Я? *(Глядя на Ци У и Цюй Да.)* Не буду ставить обоих господ в неловкое положение и добиваться заслуг, вешая на них вину, а расскажу про себя как на духу! Ваше Превосходительство, я влюблен в певичку из палат Юн-вана, она фамилии Чан, имя ей Юйлю. *(Продолжает восторженно.)* Необычайное создание! Редкой природной красоты!

Сун Кансян. Вот что, сброд! Постройтесь в стороне!

Помощники Юн-вана встают с колен и выстраиваются в стороне.

Сун Кансян. Луань Тай!

Луань Тай. Здесь!

Сун Кансян. Тебе пожаловали прозвище «отрок, смотрящий за священными петухами», наверняка ты был в близких отношениях с Юн-ваном!

Ци У. Он обладает способностью мастерски устраивать петушиные бои...

Луань Тай. Где уж мастерски! Так, умею немного! Очевидно, от этого нет никакого прока. Я расскажу Вашему Превосходительству, как делал это! Сначала нужно растопить лисий жир, превратив его в пасту. Ах, да! На медленном огне! Потом этим жиром смазать гребешки петухов вот таким образом, далее прикрепить к куриным лапам зубчики пилы — и все! Петухи противника, учуяв запах лисы, сжимаются от страха и теряют силы: им не укрыться от железных когтей! Знай себя и противника — и тогда выйдешь победителем из сотни битв!

Сун Кансян *(вздыхает с сожалением)*. Кто нечестно живет, кривой тропой ходит, все равно получит свою чиновничью должность седьмого ранга!

Луань Тай. В этом нет ничего нового! Юн-ван любил играть в шашки «двойную шестерку». Кто приходил с фамилией Ван да имел покрисивей, как играл у него в эту игру, так сразу получал от Юн-вана чин шестого ранга!

Сун Кансян. Ну да, ты же ведь благодаря редкому умению устраивать петушинные бои стал доверенным лицом Юн-вана!

Луань Тай. Ваша правда... Хотя нет, Юн-ван еще питал склонность к мужеложеству! Хи-хи, говаривают, что мужеложество как

увлечение известно чуть ли не со времен «Весен и осеней», или «Борющихся царств», когда жил некий князь Лунъян-гун... Вероятно, ханьские Гао-цзу и У-ди так тоже забавлялись...

Сун Кансян (*затыкает его*). Разнuzданный наглец!

Луань Тай. Ваше Превосходительство! Разве по своей воле я стал бы так унижаться? Я был всего лишь «отроком, смотревшим за священными петухами» и доставлял удовольствие. Что же касается главного советчика Юн-вана, то таковым в действительности был генерал Хуэй!

Хуэй Чжунмин искоса мрачно посмотрел на Луань Тая.

Сун Кансян (*отмахивается от него*). Стань в стороне!

Луань Тай совершает поклон с преклонением колен, поднимается и становится в стороне. Перед ним остается один лишь сиротливо стоящий на коленях Хуэй Чжунмин.

Сун Кансян. Юн-вана и Его Величество когда-то связывали родственные чувства, но из-за подстрекательств таких советчиков да помощников, как вы, в их семье началась грызня! Хуэй Чжунмин, ты, первый советник Юн-вана, признаешь свою вину?

Хуэй Чжунмин. Ваше Превосходительство, коль скоро я оказался соучастником, то должен понести заслуженную кару! Но в доме князя не все было так просто, надеюсь, что вы сумеете вникнуть и разобраться!

Сун Кансян. Говори!

Хуэй Чжунмин. Я с детства был беден и когда-то трудился в поле, даже нанимался батраком, но впоследствии усердно читал книги и стал служить в Канцелярском приказе чжуцзоланом¹¹...

Сун Кансян. Кто просил тебя рассказывать нам подробно биографию? Только что твои сослуживцы сказали, что ты был главным инициатором планов принца Юн-вана!

Помощники Юн-вана (*хором*). Так и было!

Хуэй Чжунмин. Ваше Превосходительство, я лишь только весной прошлого года оказался в ставке Юн-вана, так же, как и они. Лишь потому, что я был чуть более усердным, князь выделил меня и поставил генералом, рассудите здраво: они завидуют мне...

Сун Кансян. Тебе хотелось большей власти, поэтому ты и зажег смуту!

Хуэй Чжунмин. Ваше Превосходительство заблуждаются! Я без конца увещевал Юн-вана, преданными речами отговаривал совершать ошибки. Мои сослуживцы не знают всей подоплеки и пото-

¹¹ Должность чиновника самого низшего восьмого ранга. Обычно выполнял функции секретаря и летописца.

му домысливают. Но вам не стоит опускаться до их взгляда на вещи! Конечно же, по вашему приказу уже проводился обыск в служебных помещениях и наших жилищах. Осмелюсь спросить Ваше Превосходительство, доводилось ли вам на столе Юн-вана находить мои черновики официальных документов? Или, наоборот, в моем доме — дорогие подарки от Юн-вана?

Сун Кансян. Да в каких официальных документах про свои тайные замыслы напишут? Кто может ведать про те сокровища, которые тщательно скрывают? Лучше повинись!

Хуэй Чжунмин *(неожиданно воздевает глаза к небу и начинает громко смеяться)*. Все говорят, будто Вельможа Сун столь проницателен, что разглядит даже осеннюю шерстинку на теле животного. А оказалось, что он всего лишь невежественный чиновник, способный выносить судебные решения по одним только небылицам! Значит, придется мне признаваться в том, чего я не совершал, и добровольно идти на смерть! *(Не говоря больше ни слова, устремляется наружу, тяжело вздыхает.)* Как жаль, что я тогда не выпил отравленное вино, которое подарил мне принц!

Сун Кансян. Что толку перед смертью зря болтать?

Хуэй Чжунмин. В ту пору Юн-ван на большом корабле уплыл на восток и прислал мне человека с лучшим дворцовым вином. Выпей я его тогда — и считался бы теперь чистым, ни в чем не повинным!

Сун Кансян. С чего ты взял, что то вино было отравлено?

Хуэй Чжунмин. Кувшин упал на землю, собака облизнула и пала замертво.

Сун Кансян. Кто может подтвердить?

Хуэй Чжунмин. Ли Бо!

Сун Кансян *(погружается в мысли, затем говорит)*. Приведите Ли Бо!

Преисполненный чувства собственного достоинства, Ли Бо входит в сопровождении Сунь Эра Второго. Заметив краем глаза Хуэй Чжунмина с прочей шайкой, нечесанных и неумытых, одетых в такую же арестантскую одежду, как он сам, Ли Бо посветлел. Пройдя вперед, он заметил пустой стул и с величественным видом сел на него. Вся компания была поражена.

Луань Тай *(шепчет)*. Вот это да! Он сел!..

Сун Кансян. Ты почему не опустился на колени?

Ли Бо *(уверенно)*. Мои ноги от рождения не сгибаются в коленях.

Сун Кансян. Ого! Никогда в истории Китая прежде не было таких людей!

Ли Бо. Были! В эпоху Троецарствия Бацзюньский правитель Янь Янь говаривал, что в их местах некий генерал Дуаньтоу отказался

опускаться перед ним на колени! А генерал Вэй Янь из Шу-Хань не то что колен не сгибал — он даже головы не поворачивал!

Сун Кансян (*смеется*). Враки! Небось, Чэнь Тао в своих «Записках о Трех царствах» такого не писал!

Ли Бо. В исторических трактатах о том не написано, а вот людское предание гласит, что стоило Вэй Яню обернуться, как Ма Дай меч выронил из рук, потому я и пришел к такому выводу.

Сун Кансян. Люди говорили, что Вэй Яню головы повернуть не давала затылочная кость. А про себя что скажешь?

Ли Бо. А мне позвоночные кости сгибать туловище не позволяют.

Сун Кансян (*не придает его словам значения*). Ладно, так и быть, говори сидя!

Ли Бо важно сидит. Сунь Эр удаляется.

Сун Кансян. Тебе приходилось видеть, как Юн-ван присылал Хуэй Чжунмину императорское вино?

Ли Бо. Приходилось, оно было отравленным.

Сун Кансян. Откуда знаешь?

Ли Бо. Собака лакнула его и отравилась.

Хуэй Чжунмин (*самодовольно*). Вот видите, я вовсе не был тем, кто подстрекал Юн-вана к мятежу!

Луань Тай (*встречает*). Подстрекателем был Ли Бо!

Ли Бо (*вскакивает и устремляет на него гневный взгляд*). Мерзкая тварь!

Сун Кансян. Только что ты называл подстрекателем Хуэй Чжунмина, а теперь стал говорить про Ли Бо!

Луань Тай. Дело обстояло так: сначала подговаривал Хуэй Чжунмин, а потом — Ли Бо. Юн-ван трижды приглашал к себе Ли Бо! Едва только Ли Бо прибыл, как стал сравнивать себя с Чжугэ Ляном или Се Дуншанем, неужто не он виновник мятежа? Уж точно за всем он стоял!

Ли Бо (*с чувством сожаления*). Я человек, в равной мере владеющий кистью и мечом! Однако Юн-ван нуждался лишь в моем литературном таланте, хотел, чтобы я воспел его заслуги и добродетели. Он не давал мне самоотверженно послужить Отечеству мечом, а уж тем более не слушал моих советов!

Сун Кансян. Что? Ты давал советы Юн-вану?

Ли Бо. Месяц назад, находясь в его ставке, я призывал Юн-вана разобраться в правилах взаимоотношений между подданными и правителем.

Сун Кансян. Кто присутствовал при этом?

Ли Бо. Хуэй Чжунмин!

Сун Кансян (*спрашивает Хуэй Чжунмина*). Ты можешь подтвердить?

Хуэй Чжунмин (*сначала молчит, затем качает головой*). Меня там не было!

Ли Бо (*удивленно*). Тебя?

Хуэй Чжунмин. Ваше Превосходительство! Ли Бо и Юн-ван тайно что-то обсуждали: мы люди подчиненные, не смели подслушивать!

Луань Тай. Ваше Превосходительство! Ли Бо — вот кто доверенное лицо Юн-вана! Я вспомнил, он еще получал от Юн-вана подачку в пятьсот золотых!

Ли Бо (*разражается гневом*). То была не подачка, а вознаграждение за литературный труд! Именно потому, что он стал слушать меня, решил избавиться от меня с помощью тех пятисот золотых!

Сун Кансян (*спрашивает Хуэй Чжунмина*). Было ли так?

Хуэй Чжунмин (*с лицом, лишенным всяких эмоций*). Я не помню.

Ли Бо теряет дар речи от неожиданности.

Сун Кансян. Неважно, подачка ли то была или плата за труд, скажи, что ты писал для Юн-вана?

Ли Бо. Воззвание о карательном походе против Ань Лушаня...

Сун Кансян (*тотчас вопрошает*). А где оно?

Ли Бо (*цепенеет и опускает голову*). Я порвал его...

Хуэй Чжунмин облегченно вздыхает.

Ли Бо (*вдруг поднимает голову*). Когда я писал то воззвание, присутствовала вся эта шайка!

Луань Тай. Чего не было, того не было! Ваше Превосходительство, Ли Бо хищный, как волчонок, у которого все равно волчье сердце! Его семья из поколения в поколение занималась торговлей, а он сам выдает себя за члена императорского дома, говорит, будто является потомком Лянского Учжао-вана в девятом поколении — так высоко себя вознес, что дальше уже некуда!

Цюй Да. Он еще сына назвал Боцинем, всем известно, что это имя удельного князя — сына правителя Чжоу-гуна!

Хэ Шисань. А еще он пьяница и развратник! Когда умерла его жена, он совратил девочку из порядочного семейства в Восточном Лу! А потом еще сожительствовал с некой вдовой по фамилии Лю, которую бросил менее чем через год!

Ци У. Да! В его стихах девять строк из десяти если не про вино, то про женщин. Интересы его низменны, поэтика вульгарна, язык пошл — аж читать противно!

Ли Бо (его лицо бледнеет, тело начинает трястись, весь свой гнев вкладывает в два слова). Черепашьи ублюдки!

Луань Тай. Ха-ха-ха! Великий литератор стал браниться!

Цюй Да и другие. Какая грубость! Что он себе позволяет? Это уже не шутки! (Поднимается гвалт.)

Сун Кансян стучит деревянным молотком — воцаряется мертвая тишина.

Ли Бо. Не думайте, что Ли Бо повесит голову, меня не сломить никаким дерьмом, какое не выльете на мою голову!

Слома голову влетает Сунь Эр.

Сунь Эр. Ваше Превосходительство! Ваше Превосходительство! В судебный зал рвется супруга Ли Бо!

Сун Кансян. Вели ей убраться!

Сунь Эр. Она уже вошла!

Входит Цзун Янь — она держится спокойно и непринужденно.

Сун Кансян. Ты пришла заступаться за Ли Бо...

Цзун Янь. Да. Ваше Превосходительство, цель вашего судебного разбирательства состоит в том, чтобы установить главного зачинщика и вдохновителя смуты Юн-вана?

Сун Кансян. Таковы мои обязанности, чего зря спрашивать о том!

Цзун Янь. Ваше Превосходительство! Таким вдохновителем называть можно кого угодно, но учтите: во-первых, в таких секретных делах участвовать могли лишь те, кто занимал самые высокие должности и самые ответственные посты; во-вторых, постоянно составлять планы мог лишь тот, кто непосредственно находился рядом и прислуживал. Не так ли?

Сун Кансян (невольно). Верно!

Цзун Янь. С того момента, как Ли Бо попал в ставку князя и до сих пор, ему не дали никакого назначения...

Ли Бо. Именно так!

Цзун Янь. Даже если они виделись, то всего лишь раза три, да и то перед широкой публикой. И возникни у него желание иль мысль учинить смуту, рассказать о том было совершенно негде! Осмелюсь предположить, что у Вашего Превосходительства тоже есть ставка и в подчинении у вас также имеются умные головы. Положим, был бы Ли Бо вашим главным советником, мог ли бы он ни должности никакой не занимать, ни при вас не находиться?

Ли Бо слушает как зачарованный.

Луань Тай. Ваше Превосходительство, ведь она же его жена, конечно, она будет всячески обелять его!

Сун Кансян. Пусть Ли Бо без должности ходил и князя не сопровождал, тем не менее у него есть кисть, и кистью той он мог войско многотысячное разметать, девять тяжелейших треножников поднять и ко всему еще всех убедить в том, что Юн-ван достоин называться императором!

Цзун Янь. Есть ли доказательство тому?

Сун Кансян (*обращается к письмоводителю*). Покажи!

Письмоводитель демонстрирует «Песню о Восточном походе Юн-вана».

Сун Кансян. Ли Бо, ведь ты же автор «Песни о Восточном походе Юн-вана»?

Ли Бо. Да. Но в моих строках подразумевается мятеж варвара Ань Лушаня!

Сун Кансян. В девятой строфе говорится, будто Юн-ван превзошел Цинь Шихуана и Ханьского У-ди, опять же, ты сравнил его с Тай-цзуном Вэнь-хуанди, зачем?

Все присутствующие потрясены, один Хуэй Чжунмин изо всех сил пытается сохранить присутствие духа.

Ли Бо (*непонимающе*). Нет, не было такого!

Сун Кансян. Ты сам прочти!

Ли Бо (*читает рукопись и сильно удивляется*). Это не я писал!

Луань Тай. Ведь сам же признался только что в своем авторстве, чего же вдруг на попятную пошел? Это уже не шутки!

Ли Бо. Эту девятую строфу писал не я! (*Передает Цзун Янь.*) Ваше Превосходительство! Строки настоящих стихов ценны тем, как в них утверждается мысль, при ее воплощении упор делается на далеких ассоциациях, а не на близких, важна простота, но не глубокая концентрация, в выдающихся стихах всегда проглядывают высокий дух и недюжинный талант, их стиль чист, а мелодика мужественна. Они подобны мифической Золотой птице, парящей над морем, сильны как слон, переходящий реку! (*Начинает задыхаться от ярости.*) А эти строки слишком прямолинейны и лишены глубины, поэтические намеки и сравнения в них никуда не годятся, слова подобраны убогие и соединены они вульгарно, идея пуста, язык бесцветен, разве мог я так написать? (*От возмущения бьет себя в грудь и топает ногами.*)

Сун Кансян. Успокойся, не горячись!

Цзун Янь (*вдруг догадывается, что произошло*). Ваше Превосходительство! В «Песне о Восточном походе Юн-вана», написанной

Ли Бо, было десять строф, здесь же их одиннадцать, очевидно, что эта девятая лишняя!

Сун Кансян (*понимает, что она имеет в виду, размышляет, как будто про себя*). А почему строф всего было десять?

Цзун Янь. Такое количество является устойчивым. Со времен больших и малых од «Книги песен» поэты придерживаются его как закона, положенного традицией...

Ли Бо (*тоже начинает догадываться*). Верно! Несколько дней назад я сложил «Песню о походе Верховного государя на запад — в Нанкин» — она тоже из десяти строф!

Цзун Янь. Девятая строфа точно подделана, и явно кем-то из ставки князя!

Сун Кансян молча кивает головой и обводит взглядом помощников Юн-вана.

Цюй Да. А мне все равно, ведь я не умею писать стихи!

Хэ Шисань. А мне даже народные поговорки не осилить!

Луань Тай. Нет, мы такими вещами не занимаемся!

Ци У. Что касается умения держать кисть, то кроме Ли Бо такой способностью обладает еще этот субъект! (*Указывает на Хуэй Чжунмина.*)

Сун Кансян. Хуэй Чжунмин, ты можешь доказать, что девятую строфу не ты подделал?

Хуэй Чжунмин. О каких доказательствах еще может идти речь? В стихотворении, поднесенном Ли Бо князю Юн-вану, изначально было одиннадцать строф!

Сун Кансян. Ты твердо уверен, что их было одиннадцать?

Хуэй Чжунмин (*упорно стоит на своем*). В этом нет ошибки!

Ситуация заходит в тупик.

Сун Кансян (*дает арестантам знак уйти, обращается к Ли Бо*). Ты останься!

Конвоиры уводят арестантов из зала.

Сун Кансян (*покидает свое сиденье*). Учитель Тайбо! Досталось же вам!

Ли Бо (*с трудом верит в происходящее, не знает что сказать*). Ваше... Превосходительство!

Цзун Янь тоже недоумевает.

Сун Кансян. Я уже месяц как разослал людей, чтобы они провели тщательное расследование! Неужели вы не заметили? Я намерен спасти вас, Учитель!

Ли Бо и Цзун Янь не находят, что сказать в ответ.

Сун Кансян. Только вот та девятая строфа из «Песни о Восточном походе Юн-вана» вызвала гнев Его Величества!

Ли Бо (*приходит в себя*). Ваше Превосходительство, автором той девятой строфы и в самом деле является другой человек!

Сун Кансян. На данный момент нет возможности в этом разобраться. Судя по всему, единственный выход для вас — подать прошение об освобождении от наказания за совершенные проступки!

Ли Бо (*приятно удивлен, но в то же время недоумевает*). Об освобождении от наказания за совершенные проступки?

Цзун Янь. Ваше Превосходительство! (*Быстро падает на колени и отбивает поклоны.*)

Сун Кансян (*поспешно поднимает ее*). Госпожа! Я преклоняюсь перед поэтическим дарованием Учителя, и если мне действительно удастся ради народа и престола спасти его невиданный талант, то моя жизнь будет прожита не зря!

Ли Бо и Цзун Янь (*растроганы до слез*). Ваше Превосходительство!

Сун Кансян. Дело не терпит отлагательств, Учитель, пишите письмо!

Сунь Эр подносит кисть, тушь в каменной тушечнице и бумагу.

Ли Бо. Я? Чтобы я писал вместо вас? Разве так можно?

Сун Кансян. Тогда пиши: «Доклад цензору Суну».

Ли Бо и Цзун Янь нерешительно переглядываются.

Сун Кансян. Я частным образом отправлю его, пишите, Учитель!

Ли Бо кивает головой и начинает на одном дыхании быстро писать.

Сун Кансян (*читает*). Учитель, вы достойны величаться небожителем, изгнанным в бренный мир! Разве у простых смертных может быть такой талант? (*Погружается в чтение.*) «Недавно воспротивившиеся воле государя инородцы подняли бунт. Укрываясь в горах Лушань, я встретился с князем Юн-ваном и последовал за ним в поход на восток...» Учитель, я немного подправлю: вместо «последовал за ним в поход» напишу «насильно был взят им в поход»!

Ли Бо. «Насильно был взят им в поход», то есть отправился под давлением...

Цзун Янь. Ну да, Юн-ван оказал давление, а ты подчинился ему...

Ли Бо. Но ведь я вовсе не из-за давления пошел!

Сун Кансян. Издревле достоинства и недостатки произведений порой зависят от того, добавят ли слово или убавят! *(Шутит.)* Учитель, вы не Тайбо¹², вы — Тайюй¹³, вы слишком оторваны от жизни! Все-таки нет у вас чиновничьей жилки!

Ли Бо *(тоже смеется)*. Да, я — Великая простота, слишком уж бесхитростен я. Тогда... *(Видит, что Цзун Янь кивает ему головой в знак согласия.)* Исправлю на «наси́льно был взят в поход»! *(Вносит исправление.)*

Сун Кансян. Сунь Эр, передай это письмоводителю, пусть снимет копию и во весь опор несется в столицу!

Сунь Эр принимает распоряжение, берет текст и входит в помещение.

Ли Бо и Цзун Янь стоят друг против друга как в дурмане.

Ли Бо *(кланяется в пояс)*. Благодарю вас, господин Сун, за ваше благодеяние!

Сун Кансян *(скромно отклоняет благодарность)*. Мое второе имя Чанлэ, Учитель, зовите меня Чанлэ!

Ли Бо почтительно поддакивает.

Сун Кансян. Питаю надежду на то, что, получив прощение, Учитель позволит мне обращаться к себе за советами, обмениваться стихами и вместе пить вино, вести непринужденные беседы о героях Поднебесной!

Ли Бо. Господин Сун... Ой, брат Чанлэ! Кабы все сановники государя были подобны тебе, разве не сбегались бы выдающиеся таланты Поднебесной по первому же зову, чтобы с радостью пролить свою кровь и попасть на страницы летописей?

Сун Кансян. Как только дело закроют, я непременно порекомендую Учителю к занятию придворной должности!

Ли Бо *(выражает безразличие)*. Ох, ох...

Цзун Янь. Нет, нет, уже было бы достаточно одного только помилования!

Сун Кансян. Разумеется, все это зависит от решения Его Величества! Учитель, у вас верная помощница-подруга! Она ничем не уступит ханьской Цай Вэньцзи, спасшей Дун Сы! Неудивительно, что у вас, госпожа Цзун, такое же первое имя, как у госпожи Вэньцзи!

Цзун Янь. Господин сановник оказывает мне слишком много чести!

¹² «Великая белизна».

¹³ «Великая простота».

Сун Кансян. Принесите вина! Дабы Учитель и его супруга отвлеклись от всего пережитого.

Из-за кулис доносятся слова: «Доставлен указ Его Величества!»

Сун Кансян (*бледнеет от страха*). Что? Указ Его Величества? (Поправляет головной убор и выбегает навстречу.)

Евнух держит императорский указ.

Евнух. Господин сановник Сун, прошу вас зачитать высочайшее повеление!

Сун Кансян (*принимает манифест*). Все заключенные Сюньяна, слушайте указ!

Ковыляя, подходят Хуэй Чжунмин, Луань Тай, Цюй Да, Ци У и Хэ Шисань, становятся рядом с Ли Бо и дружно падают на колени. Цзун Янь поспешно удаляется в сторону.

Сун Кансян (*читает указ*). «Повелеваю: Мы, полагаясь на принцип сыновнего благочестия, водворили порядок в Поднебесной, объявили наследника трона, распространили свое покровительство на все земли в пределах четырех морей и обнародовали указ о всеобщей амнистии. Все арестанты из Сюньяна, кроме Ли Бо, освобождаются от наказания! Оказавшийся зачинщиком заговора, Ли Бо повел себя неблагодарно по отношению к монаршим милостям, но мы, принимая во внимание его бывшие заслуги, снижаем его наказание на одну ступень и приказываем сослать его в Елан на продолжительное время...»

Ли Бо (*падает духом*). Сослать в Елан на продолжительное время!

Все арестанты (*ликуют*). Десять тысяч лет! Десять тысяч лет! Да будет здравствовать десять тысяч лет!

Евнух уходит со сцены. Скачущие от радости заключенные уносятся прочь: раздается лишь лязг кандалов. Рыдающая Цзун Янь подбегает к Ли Бо и обнимает его, вся ее одежда мокрая от слез.

Ли Бо (*падает на землю и горестно взывает*). О, великий государь!

Сун Кансян (*всхлипывает и тяжело вздыхает*). Слишком поздно! Поздно! О, нет пределов моей досаде! Учитель Тайбо, такова монаршая воля! (*Громко кричит.*) Сунь Эр!

Откликнувшийся Сунь Эр появляется на сцене.

Сун Кансян. Сунь Эр был специально прислан мной в эту тюрьму, я велю ему сопровождать тебя в пути! (*Поворачивается к Цзун*

Янь.) Госпожа, выполнение указа государя не требует отлагательств, скорее собирайте в дорогу вещи Учителя!

Цзун Янь со слезами на глазах удаляется. Сунь Эр уходит следом.

Ли Бо. Господин сановник Сун, я никогда в своей жизни не унижался, опускаясь до просьбы, а теперь я обращаюсь к вам!

Сун Кансян. Я приложу все силы ради ее выполнения!

Ли Бо. Когда уеду, пожалуйста, позаботьтесь о моей жене и детях!

Сун Кансян. Учитель, отправляясь в ссылку, ни о чем не тревожьтесь. Я разошлю письма по всем городам, через которые вы будете следовать, чтобы за вами везде ухаживали. Я не в силах теперь что-либо исправить, мне стыдно перед Учителем!

Ли Бо. Отсюда как я буду добираться в Елан — через Ба и Шу или же через Хунань и Гуйчжоу?

Сун Кансян. Держите путь через Ба и Шу!

Ли Бо *(воскликает удивленно)*. Да?

Сун Кансян *(показывает на указ)*. В указе написано! «Следуя через Ба и Шу, направляться в Елан...» *(Тихо уходит.)*

Ли Бо. Дороги в Шу трудны!

За кулисами вдруг звучит напев:

О, как трудны дороги в Шу!

Трудней подняться в синее небо!

Появляются Цзун Янь, Хань-нян и Сунь Эр — все несут дорожные вещи.

Цзун Янь *(с плачем подбегает)*. Супруг! *(Вместе с Хань-нян и Сунь Эром помогает Ли Бо подняться.)*

Ли Бо. Свет моей души, Хань-нян, простите, что впутал я вас во все это!

Хань-нян. Синее Небо все видит, пусть, Учитель, ваша дорога будет спокойной и безопасной!

Ли Бо. Сунь Эр, мой младший брат, и тебя я тоже втянул!

Сунь Эр. Учитель, не говорите так...

Цзун Янь *(завязывает для Ли Бо узел, себе же на спину взваливает другой багаж и тихо говорит)*. Супруг, я пойду с тобой!

Из-за кулис доносятся слова песни:

Не в силах пережить прощанье, рука об руку мы идем,

Рука об руку мы идем на запад — до самого Елана...

На глазах Ли Бо слезы: от волнения он задыхается и не может произнести ни слова.

Хань-нян. Милая Янь, тебе нельзя туда! *(Через некоторое время.)* Надо пойти, я с вами!

Цзун Янь *(рыдая, обнимает ее)*. Хань-нян! *(Отталкивает от себя, неожиданно принимает строгий вид.)* Неужели ты не веришь, что мы вернемся и будем жить одной семьей вместе?

Хань-нян закрывает лицо руками и рыдает. Ли Бо, Цзун Янь и Сунь Эр под звуки песни прощаются с ней и не спеша выдвигаются в путь.

Акт пятый

Голос за сценой декламирует:

Тоска людей бывает безгранична, все прямо обрывается внутри!
В горах видны холодные остроги, тропинки Шу отвесны и круты,
В Куймэнь слоятся горы снега!
Вино богам приносят земледельцы,
Раздались крики рекрутов отважных:
Ли Бо — Поэт бессмертный — едет!
И виден месяц на рябистой глади!

Поздняя весна. Наступает ночь. Берег Янцзы. Вокруг высокие горы, месяц светит низко. На берегу реки Цзи Сюй и Сяо Цзи Ган совершают моление духам. Видны белый стяг, ароматические свечи, в глаза бросается большой кувшин с надписью «Юйфуляньское вино». Сунь Эр выводит на берег Ли Бо и Цзун Янь.

Цзи Сюй. Милая, прочти стихотворение дедушки Тайбо.

Сяо Цзи Ган. Хорошо! *(Поднимает голову, смотрит на луну.)*

В изголовии ложа сияет, светлеет луна.

Показалась похожей на иней упавший она...

Удивленный Ли Бо устремляется к их голосам.

Сяо Цзи Ган *(декламирует)*.

Посмотрел на луну я, лицо к небесам обратив,

И припомнил родную страну я, лицо опустив.

Ли Бо *(приятно удивлен)*. Эх Ли Бо, Ли Бо! Твои стихи написаны вовсе не на утекающей в небытие речной воде, а отпечатаны в людской памяти!

Цзи Сюй *(поднимает вино и опускается на колени)*. Учитель, с помощью этого вина мы выражаем преклонение перед твоим замечательным талантом! Учитель, ты, наверное, никогда бы и подумать не мог о том, что при дворе однажды появятся люди, которые станут в своих докладах Его Высочеству чернить твои стихи! Однако подобные вещи не удавались даже Цинь Шихуану! В ущелье Цюйтанся сто-

ит стела с выбитыми на ней строками твоего стихотворения «Трудны дороги Сычуани», и все бегут туда снимать эстампы: горные тропы там запружены снующими людьми, фонари и факелы горят по полночи! Учитель, ты первый в сердце каждого из нас! Испей чашу этого вина! Твоего любимого юйфулянского вина! *(Совершает жертвоприношение с возлиянием вина на землю.)*

Ли Бо *(весьма довольный собой)*. И все-таки Ли Бо — это Ли Бо! *(На смену великой радости приходит горе.)*

Цзи Сюй *(поднимает новую чашу вина)*. Учитель, этой чашей мы выражаем почтение твоим замечательным нравственным качествам! Учитель, ты близок к простому народу и все твои помыслы обращены к Великой Тан, ты не лебезил и не гнул спины перед всевластными сановниками Ли Линьфу, Янь Гочжуном и Гао Лиши...

Сердце Ли Бо забилось от волнения.

Цзи Сюй. Учитель, вся Поднебесная уважает тебя за независимый нрав и несгибаемый характер, ты величественный благородный муж, а не какой-то раб в парадном головном уборе!

Ли Бо *(не в силах сдерживаться, выступает вперед и с болью говорит)*. Нет! Ли Бо вовсе не такой. Как будто независим он и несгибаем, а сам как раб пресмыкается...

Цзи Сюй *(сильно пугается)*. Вы кто?

Ли Бо. Я... *(Собирается сказать, но останавливается.)*

Цзи Сюй *(гневно возмущается)*. Как смее вы так порочить учителя Тайбо!

Ли Бо. Эх! Никто не знает, сколько раз он добивался службы...

Цзи Сюй. Когда книжник желает сделать что-то для народа, как может он это осуществить, не занимая должность?

Ли Бо. Однако чтобы добиться назначения, Ли Бо такие любопытные письма писал губернатору Цзинчжоу господину Хань Чаоцуну! Рассыпался в любезностях, в духе «Не нужно мне титулов знатности с уделами в тысячи дворов — об одном лишь знакомстве с губернатором Ханем мечтаю», ведь ясно же, что это были лесть и подхалимство! А в позапрошлом году Ли Бо пришел в ставку князя Юн-вана и написал «Песню о Восточном походе Юн-вана», где воспел княжеские подвиги и добродетели! В прошлом году, находясь в Сюньяне и желая получить помилованье, он от имени Сун Кансяна писал бумагу, в которой кое-где покривил душой. Эх, Ли Бо, Ли Бо, ты слишком заурядный человек, настолько заурядный и вульгарный, что сил терпеть нет! *(Восклищает сквозь слезы.)*

Цзи Сюй *(вскипает от гнева)*. Ты! Ты!..

Ли Бо. Все это — истинная правда!

Цзи Сюй. Ладно! Ладно! Будем считать, что ты говоришь правду, но и ты должен понять: в такое смутное время далеко непросто оставаться человеком! Любой великий муж способен как согнуться, так и выпрямиться, что неправильного в том, что он ради благого дела проявит гибкость? Твердый росток, который пробивается сквозь щель в камне, кривые ветви или листья — ведь все они стремятся вверх!

Ли Бо. Все вовсе не так, не так...

Цзи Сюй *(вскипает)*. С чего ты прицепился так к учителю Тайбо? *(На смену возмущению приходит плач.)* Он уже покинул мир, а все еще кому-то не дает покоя! Эй, человек, ты хоть немного будь великодушей к нему, неужели нельзя? *(Сквозь слезы бранится.)* Вали прочь! Катись как можно дальше!

Сяо Цзи Ган *(поднимает свои кулачки)*. Вот я тебя досмерти забью!

Сунь Эр *(сердито, не замечая удерживающей его Цзун Янь)*. Эй, старуха! Наш господин еще жив — жив и здоров! Ты чего так бранишь его?

Цзи Сюй. Что ты говоришь? Ваш господин...

Сунь Эр. Ли Бо и есть Ли Тайбо!

Цзи Сюй *(сначала удивляется, но затем ставит его слова под сомнение)*. Неправда! Господина Тайбо приговорили к ссылке в Елан, когда он направлялся туда через Хунань и Гуйчжоу, плыл в корабле по озеру Дунтинху, перевернулся и утонул: он ушел вслед за Цюй Юанем!

Водворяется тишина. По небу плывет яркая луна.

Цзи Сюй. Мне доводилось видеть господина Тайбо! Десять лет назад, в ту пору, когда еще был жив муж, он собственноручно делал для него вино... *(Разглядывает Ли Бо, но думает, что он совсем непохож.)* Ты не он! *(Отмахивается.)* Уходи прочь! Ступай!

Сунь Эр собирается возразить, но Цзун Янь останавливает его и уходит вместе с Ли Бо. Из-за кулис раздается крик: «Господин Тайбо! Постойте!» Их нагоняет курьер из ямыня.

Курьер. У меня приказ начальника уезда Фынцзе. Господину Тайбо не нужно торопиться в уездный город, можно остановиться на ночлег в монастыре Красной Сосны близ города Байдичэн! *(Вручает ему сверток.)* Господин начальник передал вам эту теплую одежду.

Ли Бо. Искренне признателен начальнику уезда Фынцзе.

Цзи Сюй *(оттаскивает курьера в сторону)*. Что это за господин Тайбо?

Курьер. А какой еще бывает? Во всем мире есть только один Ли Бо! Фамилия его — Ли, первое имя — Бо, второе имя — Тайбо!

Цзи Сюй. А разве он не через Хунань и Гуйчжоу путь держит?
Курьер. Через Ба и Шу! Впрочем, не так, Байдичэн — последний пункт движения вверх по Янцзы, оставив этот город, повернут на юг и по гуйчжоуским дорогам двинутся дальше на Елан! *(Прощается и удаляется.)*

Цзи Сюй *(как зачарованная, снова всматривается в Ли Бо)*.
Ты...

Ли Бо. Ли Бо.

Цзи Сюй *(падает ниц)*. Господин, простите меня!

Сяо Цзи Ган *(тоже падает на колени)*. Дедушка Тайбо! А я еще только что собиралась вас поколотить... *(Начинает реветь.)*

Цзун Янь помогает Цзи Сюй встать.

Цзи Сюй. А вы?..

Сунь Эр. Госпожа Цзун!

Цзи Сюй. Простите великодушно, госпожа!

Цзун Янь *(на глаза наворачиваются слезы)*. Муж, мы должны сказать спасибо этой почтенной матушке!

Ли Бо. Да! Спасибо вам, матушка, за то, что помогли мне во всем разобраться!

Луна выходит из-за облаков.

Цзи Сюй. Дитя! *(Показывает на белый траурный флажок.)* Скорей убери эту штуку! Господин, наша семья из рода Цзи, а мой усопший муж — тот самый старик Цзи, о котором вы писали в стихах! Юйфуляньское вино...

Ли Бо *(не сдерживает тяжелых вздохов)*. Ах! Старик Цзи! Старший брат Цзи! *(Совершает возлияние вина, поминая душу умершего.)* Ты ушел в иной мир, готовишь ли ты там по-прежнему юйфуляньское вино? Что ты говоришь? Да! Это вино только ты мог как следует приготовить и только я мог хорошо оценить его! *(Вдруг обнимает сосуд с вином.)* Давай, мой старый брат, выпьем вдвоем!

Цзи Сюй *(со слезами на глазах переливает вино)*. Пейте господин, пейте юйфуляньское вино...

Сяо Цзи Ган. Бабушка, позволь мне поднести эту чашу! *(Подносит чашу.)* Примите от меня, дедушка Тайбо, примите в знак уважения... Вы — святой бессмертный, спустившийся в бренный мир!

Все смеются сквозь слезы.

Ли Бо. Нет, моя маленькая землячка, я не бессмертный!

Сяо Цзи Ган. Бессмертный, бессмертный! Все говорят, что ты провинился перед Нефритовым императором и он сослал тебя к людям, ведь это так?

Ли Бо. Ох-хо-хо! Ли Бо везде успел провиниться, теперь его и в Елан сослали!

Сяо Цзи Ган. В Елан? *(Смеется.)* Елан знаменит своим зазнайством!

Цзи Сюй *(говорит, ткнув Сяо Цзи Ган пальцем в лоб)*. Вот бевсовка!

Ли Бо. Да, да, Ли Бо тоже грешил безрассудным зазнайством, в Елане он как следует потрудится, чтобы избавиться от этого порока!

Сяо Цзи Ган. Не грустите, дедушка Ли Бо! Я выпью с вами! *(Наливает Ли Бо, потом — себе и декламирует стихи.)*

К чему вам недешевый пегий конь,
Зачем из дорогого меха шуба?
Зовите девочку, пускай подаст вина,
И с вами вечную тоску развеет!

Ли Бо *(счастливый)*. Свет моей души, это чудо-дитя еще и девочку-служанку для меня позвать готово! *(Громко смеется.)* Ладно, так и быть, давай вместе будем разгонять тоску! *(Допивает.)*

Сяо Цзи Ган *(допивает, вдруг спрашивает)*. Дедушка, а почему вы написали «вечную тоску»?

Разнообразные чувства переполняют Ли Бо.

Цзи Сюй. Господин, не обращайтесь внимания, она еще ребенок, ничего не понимает!

Ли Бо *(печально)*. Хороший вопрос задала! Хороший вопрос! Как мне объяснить? *(Вдруг опрокидывает чашу с вином.)* Вечная тоска! Вечная тоска! Ха-ха-ха! Вечная тоска!

Акт шестой

Начало лета. Темный вечер. Город Байдичэн уезда Фэнцзе области Куйчжоу. За пределами монастыря Красных сосен. Из-за сцены слышится декламация стихов:

Могуч хребет Башань: он крут и прям, как кость,
Несется Шу-река, разлив широко мощь.
В пыли бредет изгой, проделав дальний путь,
Поэт с живой душой блуждает под луной.

Цзун Янь сидит на основании разбитой каменной стелы, рядом лежат сплетенные ею соломенные сандалии, всюду для сушки разложены черновики стихов.

На сцену выходит Сунь Эр со старой шкурой какого-то зверя в руках.

Сунь Эр *(в порыве радости)*. Госпожа! Я слышал, что до самого Елана вокруг будут одни огромные горы, где за день погода меняется

много раз. Я выменял у жителей долины старую шкуру, пожалуйста, дайте ее Учителю, постышит ее как меховую безрукавку!

Цзун Янь. Как ты предусмотрителен, Сунь Эр! *(Берет шкуру, измеряет ее и пытается разрезать ее ножницами, но ничего не получается.)*

Сунь Эр. Давайте я! *(Прилагая силу, разрезает.)* Уф, получилось!

Цзун Янь *(кладет шкуру и берет соломенную обувь)*. Эта пара большая, тебе подойдет, примерь-ка...

На сцену выходит курьер, прижимающий к себе сверток и кричащий:
«Господин Тайбо!»

Цзун Янь. Вы посыльный? Учитель вышел полюбоваться лунной!

Курьер. Госпожа, начальник нашего уезда желал бы прийти сегодня, чтобы проводить Учителя лично. Он велел мне сообщить вам об этом! Здесь одежда и съестные припасы! *(Вручает сверток.)* Брат Сунь Эр, когда вы покинете Байдичэн и двинетесь на юг, вам тяжело придется в дороге...

Цзун Янь *(через некоторое время)*. А как имя начальника вашего уезда?

Курьер. Господин начальник наказал мне не называть его скромное имя, при встрече сами узнаете. Прощайте! *(Уходит.)*

Цзун Янь. Какой странный человек этот начальник! Вроде бы и хвалить надо его за доброе сердце, так он ведь постоянно людей присылает, торопит с отъездом, чтобы срока не нарушить. Ругнешь за бессердечие — так он, как будто извиняясь за неудобства, вещи передает нам... Целый месяц скрывал от нас лицо и вот теперь перед отъездом решил вдруг лично проводить...

Сунь Эр. Наверняка, это давний приятель Учителя, который не забыл о былых отношениях, но опасается потерять чиновничью шапку из-за этой связи!

Раздается крик У Юня: «Брат Тайбо!»

Цзун Янь. Кого это к нам несет?

Сунь Эр. Обычно у нас тише, чем в чиновничьей администрации, с чего это вдруг будто слон по горам пошел! Выйду погляжу!

Пританцовывая и распевая песни, выходит У Юнь, все так же одетый в даосское платье, в конической широкополой шляпе, с бутылкой из тыквы-горлянки.

У Юнь *(читает нараспев)*. Вдали от суетного мира нежны естественные звуки, Дуда без дырок, флейта без струны... Ой, привет, дорогая сестра!

Цзун Янь (удивляется). Монах У! Сунь Эр, скорей беги разыщи Учителя!

Сунь Эр откликается и убегает.

У Юнь (разглядывает соломенные туфли и меховую безрукавку). Вы это...

Цзун Янь. Собираемся завтра отправиться в путь.

У Юнь. В Елан... (Несмотря на то, что сам все прекрасно понимает и взволнован, нарочно пытается шутить.) Прийти вовремя лучше, чем прийти рано!

Цзун Янь. Пожалуйста, присаживайтесь...

У Юнь (видит, что места на фундаменте для стелы мало). Ничего, я люблю постоять (Внезапно замечает черновики.) Это стихи Тайбо? (Берет и читает.)

Цзун Янь. Это он в дороге написал, я складываю их для него, иногда вынимаю почитать.

У Юнь. Стихи подписаны Ловцом морских черепах — это прозвище Ли Бо взял себе в третьем году эры Тяньбао в Чанъани. Ловец морских черепах... Эх, брат Ли Бо сейчас в ссылке в глуши, но все еще не забыл своих высоких устремлений! Это хорошо! Хорошо!

Цзун Янь. Только я опасаюсь, уж не подтрунивает ли он так над собой?

У Юнь. Да, да, лучше дорогой сестры Ли Тайбо никто не знает!

Сунь Эр кричит из-за сцены: «Учитель пришел!» Вбегает. Цзун Янь и У Юнь оглядываются. На фоне лунного диска между гор Ли Бо выходит словно из луны.

Ли Бо (влетает). Брат У!

У Юнь (выступает вперед). Брат Тайбо!

Ли Бо. Небожитель У!

У Юнь. Ловец морских черепах!

Ли Бо (забыв обо всем). Плывут по небу облака, Шумит в горах вода, Средь сосен яркая луна, Свеж ветер над рекой...

У Юнь. Как бы увидел я тебя, не отправившись лично сюда!

Ли Бо. А я уже думал, что никогда больше не увижу тебя!

У Юнь. Вот еще, увидел же! Ведь как же дружба без луны!

Ли Бо. Правду говоришь! В тот год, когда мы познакомились в моем старом жилище в Шимэне, светила такая же луна; и когда я жил в Чанъани в годы Тяньбао, тоже была такая луна...

У Юнь. И когда два года назад я на берегу реки в Сюньяне провожал тебя к Юн-вану, тоже светил такой месяц!

Ли Бо. Она издревле не меняется, а в мире людей постоянно все меняется: «где когда-то было синее море, там ныне тутовые рощи»!

(Растроганно вздыхает.) И вот наградой за готовность жертвовать собой ради общего блага стала длительная ссылка в Елан!

У Юнь *(неожиданно начинает смеяться)*. У несчастья и счастья нет дверей, человек сам влечет их к себе!

Ли Бо *(изумленно)*. Ты о чем?

У Юнь. У несчастья и счастья нет дверей, человек сам влечет их к себе!

Ли Бо. Ах, какой ты беззаботный! Неужели ты не видишь, что стоящий перед тобой человек уже давно превратился в узника!

У Юнь. На смену каждой утрате приходит приобретение!

Ли Бо. Но у меня одни только потери! Сейчас мне совершенно некуда податься, даже остановиться негде!

У Юнь. Кто не имеет постоянного пристанища, всюду наслаждается ароматом цветов! Ведь жизнь человека как облако: оно тихо плывет, забыв о себе и обо всем вокруг!

Ли Бо. Спасибо! Но мне это не под силу! *(Смотрит вдаль.)* Эх, месяц назад на берегу как раз этой реки, люди, помяная меня, приносили в жертву вино, и даже ребенок ростом меньше метра непринужденно читал мои стихи наизусть!

У Юнь *(смеется)*. А разве только одно то дитя Поднебесной знает наизусть стихи Ли Бо! Слово, которое можно изречь, не является вечным словом! Не нужно никаких желаний и стремлений, пусть все идет своим чередом!

Ли Бо *(изменяется в лице)*. Ты проделал такой далекий путь, чтобы посмеяться надо мной, назвав простым обывателем!

У Юнь *(сохраняет невозмутимость)*. Лишь покой и безмятежность способны помочь уйти от устремлений обычных людей!

Ли Бо. Если ты способен жить в покое и безмятежности, то я не могу отрешиться от всего! Ладно! Продолжай дальше быть небожителем, я уж останусь простым обывателем. *(Отворачивается.)*

Цзун Янь *(не зная, как поступить)*. Супруг!

Сунь Эр *(тоже приходит в смятение)*. Монах У!

Из-за кулис раздается крик курьера: «Начальник уезда Фэнсянь прибыл на эту гору, дабы почтить визитом господина Тайбо!» У Юнь, услышав его слова, намеревается уйти.

Цзун Янь. Монах У, не уходите!

У Юнь *(качает головой)*. Не к лицу отшельнику кланяться мирскому начальнику! *(Складывает руки в знак прощания и молча удаляется.)*

Цзун Янь. Сунь Эр, скорее нагони его и верни сюда!

Сунь Эр откликается и бросается следом. Ли Бо подавлен. Приближается фигура одинокого Хуэй Чжунмина.

Хуэй Чжунмин. Учитель Тайбо! Давно не виделись!

Ли Бо и Цзун Янь изумляются.

Ли Бо. Ты...

Хуэй Чжунмин. Начальник уезда Фэнцзе.

Ли Бо *(тотчас приходит в ярость)*. Мы незнакомы!

Хуэй Чжунмин *(готовый к такому развитию событий)*. Сколько вам вытерпеть всего довелось! Ай, в чиновничьей среде вечно так много шума на пустом месте! Я и не собирался возвращаться на государственную службу, только вот вынужден был подчиниться священной воле государя, эх, воле государя! Ведь ее нельзя нарушать! *(Видит на земле черновики, поднимает и читает, затем, чтобы разрядить обстановку, пытается завязать разговор.)* А Ловец морских черепах — это ваш псевдоним?

Ли Бо *(едва не выходя из себя, холодно говорит)*. А что — нельзя?

Хуэй Чжунмин. Что вы, что вы!.. *(Заискивающе.)* Дерзну полюбопытствовать у Учителя, когда вы отправитесь в безбрежное синее море за огромными черепахами, какой длины леску вы возьмете, из чего она будет сделана?

Ли Бо *(гордо поднимает голову)*. Из радуги.

Хуэй Чжунмин. Прекрасно! А что же будет служить вам крючком?

Ли Бо *(ни секунды не раздумывая)*. Светлый месяц.

Хуэй Чжунмин. Превосходно! А наживку какую возьмете?

Ли Бо *(устремляет на него гневный взгляд)*. Лишенных совести беспринципных и радеющих лишь о собственной выгоде мелких людишек!

Хуэй Чжунмин *(наигранно смеется)*. Необычный вы человек! А я пришел сюда, хотел проститься с вами...

Ли Бо. Мы уже простились!

Хуэй Чжунмин. Уже простились?

Ли Бо. Да! В судебном зале Сюньяна уже простились!

Хуэй Чжунмин. А вы все так же горды и независимы, такое редко встретишь, очень редко! А я, когда шел сюда, собирался также сообщить одну весть...

Цзун Янь *(тревожно)*. Какую весть?

Хуэй Чжунмин *(продолжает не спеша)*. Личный секретарь Его Величества и генерал-губернатор областей к западу от Янцзы Его Превосходительство сановник Сун Кансян направляется к вам, дабы повидаться.

Цзун Янь облегченно вздыхает, Ли Бо никак не реагирует.

Хуэй Чжунмин. Его Превосходительство Сун прислал гонца на быстроногом коне и устно попросил Учителя...

Ли Бо. Я понял! Начальник уезда, и каковы будут ваши распоряжения?

Хуэй Чжунмин. Э-э? Что вы, не посмею, не посмею...

Ли Бо. В таком случае дозволейте откланяться! Я хочу спать! *(Уходит.)*

Хуэй Чжунмин. Ах да... время уже позднее! *(Пытается сохранить свое лицо в сложившейся ситуации.)* Пожалуйста, не провожайте меня! Не стоит провожать!

Взволнованный Ли Бо медленно рассказывает.

Цзун Янь. Супруг, уже ночь, ты только недавно отошел от тяжелой болезни, да и завтра рано выступать в дорогу, надо бы отдохнуть как следует!

Ли Бо. Я не смогу заснуть!

Цзун Янь. Тогда примерь эти соломенные туфли и меховую безрукавку.

Ли Бо. Не нужно примерять. Ты наперед ступай отдыхать, дай мне немного побыть одному!

Цзун Янь недолго думает, берет туфли, меховую одежду и уходит в покои.

Ли Бо *(поднимается по склону выше, поворачивается лицом к Янцзы и медленно опускается на колени)*. Великая река! Река, которая не знает остановок ни днем, ни ночью! Не смогу тебя забыть! Куймэньское ущелье, через которое прорывается невиданный поток воды, рифы Яньюйдуй с бьющимися о него вихрящимися волнами — на сколько сочинений вы вдохновили меня! Я не забуду вас! Именно здесь, в Байдичэне, я впервые простился с землями Ба и Шу, отправляясь к бескрайним просторам священного Китая! Я не смогу забыть вас! Здесь всюду остались отпечатки моих ног! Твое сладчайшее молоко, твое безграничное величие и необычайно мужественный дух сотворили из меня высоченного исполина Ли Тайбо!.. Ах, нет! Великая река! Я должен тебя забыть! Мой путь стал столь же непреодолимым, как и Куймэньское ущелье; сердца людей коварны и опасны, как скалы Яньюйдуй! Мне нужно тебя забыть! Все же именно в Байдичэне в последний раз прощусь я с Ба и Шу, прежде чем моя нога ступит в пределы дикого и далекого Еланского края. Мне надо забыть тебя! О каждой травинке, каждом деревце твоим пролил я немало горьких кровавых слез, твоим вином душистым был от заблуждений отрезвлен, благодаря тебе же, наконец, увидел грязь и муть мира людей! Ах, Янцзы, прощай навеки! Отныне мы с тобой будем разлучены! И только лишь во снах в своем воображении я буду уноситься к твоим бесчисленным речушкам, бесконечным и высоким горам! Прощай навеки, Янцзы!

На улицу выходит Цзун Янь и тихо приближается к нему.

Ли Бо. Ты не спала?

Цзун Янь качает головой.

Ли Бо. Пройдет еще несколько часов, и надо будет отправляться в путь! *(Видя, что Цзун Янь погружается в уныние, вдруг воодушевляется и говорит философски.)* Свет моей души, все говорят, будто Елан — это какая-то варварская сторона, но это все раздутое вранье, в действительности, если разобраться, то очень даже неплохой край!

Цзун Янь. Неплохой край?

Ли Бо. Когда-то его называли Елан-го: именно там во времена династии Хань побывал Сыма Сянжу, ездивший с посольством к юго-западным инородцам. Там живет простой и честный люд, там нет разбоя или воровства, нет трудовых повинностей, нет и чиновников-лжецов с их волчьими законами.

Цзун Янь *(догадывается о его благих намерениях и развивает разговор дальше)*. А что там происходит в каждый из четырех сезонов?

Ли Бо. О! Зерновой рис там собирают дважды в год, растительность вечно зеленая и никогда не увядает, круглый год растут овощи и фрукты, о бинлане и папайе ты слыхала, но никогда не ела. А вот про райские яблоки и дурьян ты, наверное, и вовсе не слыхала? Ах, вспомнил! Есть еще личи — царь фруктов, которые обожала наложница Ян-гуйфэй, когда их доставляли ей, насмерть загоняли быстрейших коней! А тебе достаточно будет руку протянуть... Поистине, это страна счастья! «Страна счастья, страна счастья, — в ней приют себе найдем»!

Цзун Янь *(прекрасно все понимает, но прилагает великие усилия и улыбается)*. Тогда я буду, как Ян-гуйфэй, подавать тебе тушечницу!

Ли Бо. Ой, не хватает только тех, кто снимает сапоги...

Цзун Янь. А ты вели Сунь Эр снимать их тебе, как это делал Гао Лиши!

Ли Бо. Сунь Эр — маленький Гао Лиши!

Оба смеются, но смех одновременно и грустный.

Цзун Янь. Супруг, и для тебя это будет большое путешествие! Ты восходил на пять великих горных пиков, переправлялся через три великие реки, опираясь на меч, как на посох, ходил в далекие уголки земли — и не был ты лишь только в Елане! Еланские пейзажи непременно пробудят в тебе поэтическое настроение, и ты создашь там новые шедевры!

Ли Бо *(вдруг начинает стенать)*. Этого больше не будет, этого не будет! *(Поворачивается к ней.)* Свет моей души, давай больше не будем друг друга обманывать! Ни ты, ни я не хотим жить в Елане до глубокой старости!

Цзун Янь *(не сдерживается, и по ее лицу начинают течь слезы)*. Супруг!

Ли Бо. О, голубое Небо, сжался над нами! Только бы не умереть в Елане — и не надо мне никакой известности! Как я сожалею, как сожалею, что не послушался тогда тебя!

Цзун Янь. Супруг, не надо, не упоминай, что было...

Ли Бо *(с болью и ненавистью к себе)*. Мы с тобой в браке уже столько лет, но мы мало виделись и часто были в разлуке, где меня только ни носило, скитался я повсюду, а ты и дня спокойно не прожила, сейчас вот и в Елан надолго тащу тебя за собой, я сильно виноват перед тобой! *(Вдруг падает на колени.)*

Цзун Янь. Нет, нет! В последний год мы с утра до вечера вместе, не расстаемся ни на миг, я довольна, я даже счастлива! Лишь бы мы с тобой были вместе, жили душа в душу, тогда и Елан покажется райской землей у источника, где растут одни цветущие персики!

Ли Бо *(тронутый, плачет)*. Свет моей души!

Цзун Янь *(бросается ему на грудь)*. Супруг!

Обливаясь горячими слезами, обнимаются. Слышен шум волн, бьющихся о берег.
Тихо подходят У Юнь и Сунь Эр.

Ли Бо *(замечает У Юня)*. Ты? Не ушел?

У Юнь *(улыбается)*. А разве я говорил, что ухожу? *(Поднимает бамбуковый посох.)* У меня в руках только этот посох!

Ли Бо *(крайне взволнован)*. Брат У! Тогда ты отговаривал меня идти к Юн-вану, а сейчас готов ехать со мной в Елан!

У Юнь. Уже глубокая ночь! *(Снимает даосское одеяние и набрасывает Ли Бо на плечи, отвязывает висевшую на поясе тыкву-горлянку с вином.)* И грудь тебе тоже нужно согреть этим вином!

Ли Бо *(невольно смеется)*. Удивительный ты человек, брат У!

Цзун Янь. Супруг, та твоя тяжелая болезнь еще...

Ли Бо. Вино излечивает от всех болезней!

Цзун Янь. Кто сказал?

Ли Бо. В книге так сказано.

Цзун Янь *(прекрасно понимает его замысел, умышленно спрашивает)*. В какой именно книге?

Ли Бо *(обращается к У Юню)*. В какой книге?

У Юнь. Хм... В «Каноне Тайбо о внутренних болезнях».

Ли Бо. Точно, в «Каноне Тайбо о внутренних болезнях».

Все смеются. Цзун Янь и Сунь Эр входят в покои. Ли Бо и У Юнь передают друг другу тыкву-горлянку с вином, делая по глотку.

Ли Бо *(декламирует)*. Подняв главу, смотрю на бездну синевы...

У Юнь *(декламирует)*. ...взор опустив, взираю на зеленую волну...

Ли Бо *(декламирует)*. ...коль есть вино, к себе Чжуан-цзы позову...

У Юнь *(декламирует)*. ...лишь нет стихов, чтоб Цюй Юаню подарить...

Захмелевшие Ли Бо и У Юнь засыпают. Пробиваются первые лучи утреннего солнца. Цзун Янь и Сунь Эр будят Ли Бо и У Юня.

У Юнь. Сунь Эр, ты ступай вперед, будешь нам прокладывать дорогу, как говорится, «в горах тропинки подбирать, мосты на реках возводить», дорогая сестра составит центр нашего отряда, а мы с братом Тайбо замкнем колонну.

Ли Бо. Держим курс на Елан!

Их нагоняет спешащий Хуэй Чжунмин.

Хуэй Чжунмин. Учитель Тайбо!

Ли Бо *(ни с того ни с сего вспыхивает от гнева)*. Катись прочь!

Хуэй Чжунмин *(сердится, но все же сдерживает себя)*. Вы... выслушайте хоть меня!

Ли Бо. Не нужно ничего говорить! Разве я не уезжаю уже? В Елан!

Хуэй Чжунмин. Ай! Ведь я же говорил вам уже! Дождитесь, пожалуйста, вельможу Суна! *(Вдруг прислушивается.)* Так он уже и здесь!

Действительно, доносится быстро приближающийся цокот копыт — такой частый, словно стучат поджаренные бобы или барабанит дождь... Из-за кулис раздается крик: «Его Превосходительство Сун прибыли!» Торопливо входит Сун Кансян. Солдаты и офицеры выстраиваются по сторонам.

Ли Бо *(приятно удивляется)*. Господин Сун!

Сун Кансян. Приказ Его Величества! Ли Бо, приготовьтесь выслушать! *(Раскрывает указ императора.)*

Ли Бо опускается на колени и весь превращается в слух. У Юнь подлетает к нему, забирает накинутый на его плечи даосский халат и отбегает в сторону.

Сун Кансян *(объявляет указ)*. «Его Величество император Великой династии Тан повелевает: “Помиловать Ли Бо!”»

Все происходит слишком неожиданно — водворяется мертвая тишина.

Сун Кансян помогает Ли Бо подняться.

Ли Бо *(с трудом веря в происходящее)*. Помиловать Ли Бо...

Сун Кансян показывает ему указ.

Хуэй Чжунмин (*тихо*). Только эти три слова?

Сун Кансян. Их достаточно!

Ли Бо все также стоит как громом пораженный.

Хуэй Чжунмин. Поздравляю вас, Учитель... (*Намеревается подойти к нему.*)

Сун Кансян знаком запрещает тревожить Ли Бо, Хуэй Чжунмин молча отступает.

Цзун Янь (*выступает вперед*). Ваше Превосходительство, мы обязаны вам за этот указ!

Сун Кансян (*поясняет*). Я не посмею присваивать себе чужие заслуги! Это командующий войсками Поднебесной генерал Го Цзыи...

Ли Бо (*бормочет*). Го Цзыи?

Сун Кансян. Узнав о беде, постигшей учителя Ли Бо, командующий Го горько рыдал три дня, не ел ничего и не пил! Лично писал доклад на высочайшее имя, ручаясь за вас жизнями всех членов своего рода и предлагая взамен на помилование свою жизнь со всеми должностями и титулами, какие были пожалованы ему от рождения до смерти!

Ли Бо (*внезапно не сдерживается*). Эх, Го Цзыи! (Громко рыдает.)

Сун Кансян. Вы должны поблагодарить Его Величество за мудрое решение и безграничную милость!

Цзун Янь и Сунь Эр (*бросаются на колени*). Да здравствует император! Десять тысяч лет! Десять тысяч лет!

Ли Бо (*обливается слезами*). Он оказался по-настоящему близким мне человеком, никогда не бросал слов на ветер, не было в истории героя, равному Го Цзыи (*Повернувшись к северо-западу, падает на колени.*)

Цзун Янь (*подходит к Ли Бо, с невероятным воодушевлением говорит*). Учитель, давай съездим в Пинфэнде в горах Лушань?

Ли Бо. Отлично, отлично, там здорово!

У Юнь (*подходит*). В Данту живет твой дядя Ли Янбин, разве он не звал тебя к себе пожить?

Ли Бо. Хорошо бы, хорошо бы, там тоже неплохо, тоже неплохо...

Цзун Янь. Верно, и от Данту до нашего бывшего жилища в Шимэне всего несколько десятков верст

Ли Бо. Старая хижина в Шимэне, брат У!

У Юнь. Значит, в Данту?

Ли Бо. В Данту!

Сун Кансян: Прекрасно! Я по совместительству являюсь правителем Областей к западу от Янцзы, Данту подчиняется Сюаньчжоу, а Сюаньчжоу находится в моем ведении. Я съезжу в столицу доложу о выполнении указа и вернусь в свою резиденцию! *(Поворачивается к Сунь Эр.)* Утрудил я тебя своими поручениями! Ты как — вернешься в Сюньян и займешь более высокую должность тюремного смотрителя или последуешь со мной в столицу?

Сунь Эр. Если Ваше Превосходительство великодушно позволит, я хотел бы остаться и до конца дней служить учителю Ли Бо!

Подходят Ли Бо и Цзун Янь.

Сун Кансян. Тоже можно! Кто гуманен, тот — человек! Служи как следует учителю Тайбо, если же совершишь оплошность, то не рассчитывай на снисхождение от меня!

Сунь Эр. Так точно, так точно!

Хуэй Чжунмин *(наконец, тоже получает возможность подойти)*. Поздравляю вас, учитель Тайбо, несчастье обернулось для вас удачей! Сановник Сун, джонка готова: она стоит здесь, у этого берега!

Ли Бо. Позвольте и вас поблагодарить за проявленную заботу! Я человек несдержанный, если ненароком обидел вас, уж простите великодушно!

Хуэй Чжунмин. Что вы, что вы! Вы прямые и всегда откровенно говорите то, что думаете, не ограничивая себя условностями, неужто я не знаю? Я на вас и толики обиды не держу! Сановник Сун, я тогда пойду кликну хозяина джонки! *(Поспешно уходит.)*

Ли Бо *(глядя вслед удаляющейся фигуре Хуэй Чжунмина)*. И как этот человек стал начальником уезда? Да еще по личному распоряжению государя?

Сун Кансян *(с негодованием порядочного человека)*. Мелкий человечешка! Увивается как муха и пресмыкается как собака! *(Вдруг начинает смеяться.)* Смешно сказать! *(Тянет Ли Бо в сторону.)* Узнав, что ты в объяснительном докладе слова «последовал в поход» исправил на «насильно был взят в поход», тотчас прискакал ко мне проситься на службу, жалуясь, что и его тоже заставляли!

Ли Бо *(возмущенно)*. Вот бесстыжий негодяй! Такие вот трутся среди чиновников, а их, как собаку, жрать дерьмо не отучишь!

Сун Кансян *(испытывает неловкость, смеется искусственным смехом)*. Такому человеку! Разве мог я дать ему должность?

Ли Бо *(тоже конфузится и поспешно меняет тему разговора)*. Брат Чанлэ, я выбрал жить в Данту! Стану отшельником: в плывущих одиноко облаках, два вольных журавля летят!

Сун Кансян. Мы скоро встретимся! *(Прощается и уходит.)*

Свита, офицеры и солдаты уходят следом.
Из-за кулис раздается: «Все на корабль!»

Ли Бо. Пойдем! *(Неожиданно швыряет в реку соломенную обувь, бамбуковый шест и меховую безрукавку.)* Брат У!

У Юнь. Брат Тайбо! *(Снова накидывает на плечи Ли Бо даосскую одежду, декламирует.)*

В даосском платье я приют везде найду,
Полмира с грамотой монаха обойду.
Уцзянский снег мне шляпу из бамбука припорошит,
И запахи цветов гор Шу на обувь соберу.

Ли Бо *(декламирует).*

Простившись утром с Байдичэном в облаках,
Я до Цзянлина за день тыщу верст покрыл.
Крик обезьянок с берегов не затихал,
Минула лодка вереницу рослых гор.
(Долго и дико хохочет.)

Акт седьмой

Пятый день Становления осени¹⁴, День обряда завершения жатвы. Это праздник, когда торжественно приносят жертвы духам земли и злаков. Сельские жители с рисовым вином, жертвенным рисом, фруктами и овощами приходят к алтарям земли и злаков и поклоняются их духам. В этот день быют в ритуальные барабаны, устраивают состязания борцов, стрелков из лука и другие мероприятия. Даже женщины оставляют рукоделие, люди прибегают к силе вина и освобождают свою бесовскую натуру от ограничивающих их пут условностей конфуцианского воспитания. Поддерживая пьяных, домашние разводят их по домам. Берег Янцзы, местность Данту области Сюаньчжоу; на берегу стоит импровизированный временный алтарь духов земли и злаков. На алтаре разложена земля пяти цветов — зеленая, белая, красная, черная и желтая, символизирующих восток, запад, юг, север и центр; вокруг алтаря по четырем сторонам света стоят хоругви их духов-покровителей: Зеленого Дракона, Белого Тигра, Красной Птицы и Черного Воина. Бум-бум-бум! Под аккомпанемент глухого боя барабана раздаются строки заунывной песни:

О, сын Гун-гуна! Предок Куа-фу!
Чье имя Гоу-лун! Священный Хоу-ту!
Пять злаков дай! Покой даруй домам!
Печенье и вино! От нас прими себе!

¹⁴ Согласно традиционному китайскому сельскохозяйственному календарю, год делится на 24 сезона, каждый из которых имеет название. «Становление осени» — тринадцатый такой сезон в году, или первый осенний сезон. Его начало приходится примерно на середину августа. В пятый день Становления осени отмечают праздник уборки злаков (День обряда завершения жатвы).

Крестьяне в масках — таких, какие используются в анхойском или гуйчжоуском театре, — пляшут вокруг алтарей. Среди них — Ли Бо, У Юнь и Сунь Эр, также в масках. Сун Кансян со свитой ищет кого-то в толпе танцующих. Его телохранитель срывает с одного человека маску — им оказывается Сунь Эр. Сунь Эр, кривляясь, ловит момент, надевает маску на голову телохранителя и со смехом толкает его к пляшущим. Сун Кансян по подсказке Сунь Эра стягивает маску с другого человека и видит, что это У Юнь. У Юнь, хохоча, кричит: «Сановник Сун, разделите с народом веселье!» Вырывает маску и натягивает ее на лицо Сун Кансяна. Кружащиеся в пляске затачивают Сун Кансяна к себе... Шумя, танцующие начинают покидать культовую площадку и уходить в деревню. Остается лишь один танцор. Он идет, пьяно шатаясь. У Юнь и Сунь Эр с недоумением разглядывают его — человек снимает маску, и им оказывается Ли Бо в даосском халате! Все трое хохочут от души.

У Юнь. Ну что, завтра в монастырь решили?

Ли Бо. Вот бесстыдник! Полгода уже ношу этот халат! Что же, давай хлопнем ладонями в знак уговора?

У Юнь (*качает головой*). В мире нет вечных уговоров. Ах, да! На днях проходил я мимо ворот управы уезда Цзинсянь, там висело объявление о наборе талантов. Кажется, для таких людей, как ты, наступили неплохие времена, можно даже добиться почета! Подумай трижды, прежде чем уходить в монастырь!

Ли Бо. То, что цветы расцветают и увядают, какое отношение может иметь к тебе?

У Юнь (*смеется*). Ладно, ладно, я вернусь обратно в старый шимэньский дом и буду там с почтением ожидать вашего благосклонного визита!

Ли Бо. Понадобится доброе вино!

У Юнь. Оно есть! Есть!

Акт восьмой

Ли Бо гадает, выбирая место для проживания. В его хижине из нескольких комнат пусто, единственное, что бросается в глаза, кроме сосуда для вина, — деревянная рыба¹⁵ Тэнкун-цзы. Цзун Янь и Хань-нян собирают сумки и узлы.

Со стороны кумирни доносится смутно различимый бой барабанов.

Хань-нян. На этот раз учитель, видимо, твердо решил все бросить...

Цзун Янь. За последние полгода житейские дела опостытели ему!

¹⁵ Один из атрибутов буддийских монахов, деревянное било в форме рыбы, на котором палочкой отбивается такт при чтении молитв.

Хань-нян. Чтобы познать истину, не нужно уходить от мира: коли стало совсем тоскливо, пускайся в странствие, так тоже будет по-даосски!

Цзун Янь задумалась о чем-то, молча уставившись на деревянную рыбу. Откуда-то из тишины начинает доноситься стук о деревянную рыбу, когда он приближается, выясняется, что это бьют в барабан. К дому подходит группа танцоров, приносивших жертвы богам. В комнату входят Ли Бо и Сун Кансян в масках, за ними следуют Сунь Эр и сопровождающие. Ли Бо и Сун Кансян снимают маски и начинают хохотать. Ли Бо надевает маску на Цзун Янь, Сун Кансян делает то же с Хань-нян. Раздается новый взрыв хохота. Цзун Янь и Хань-нян с танцорами удаляются.

Ли Бо (*громко кричит*). Поставьте вина!

Сун Кансян. Минутку! (*Глазами делает знак свите.*)

Слуги выходят за дверь и вносят коромысло, ставят жертвенное вино и рисовое печенье.

Сун Кансян. Есть еще одно бесценное сокровище, о котором Учитель и подумать не мог!

Ли Бо. Какое сокровище?

Вдруг за дверью поднимается шум и слышатся крики: «Смотрите, петушинные бои!»

Сун Кансян. Ой, ведь указом государя запрещены петушинные бои, кто смеет нарушать указ и не соблюдать запреты? (*Слугам.*) Сходите посмотрите!

Слуги откликаются и с Сунь Эром выходят за дверь.

Ли Бо. Брат Чанлэ! Сегодня день осенних жертвоприношений, пока мы не напьемся, я не успокоюсь, пей!

Сун Кансян. До дна!

Поспешно возвращается Сунь Эр.

Сунь Эр. Некий торговец чаем из Фуляна за большие деньги смотрел петушинные бои!

Слуги вводят пьяного Луань Тая.

Луань Тай (*удивляется*). Господин Ли Бо! Сановник Сун!

Ли Бо и Сун Кансян (*с изумлением*). Луань Тай?!

Ноги Луань Тая невольно подкашиваются, он было намеревается пасть ниц, но замечает, что одетый по-обыденному Сун Кансян как будто не питает к нему злобы, поправляет свою одежду, чтобы скрыть временное замешательство.

Ли Бо (*вздыхает от тяжелых переживаний*). Поистине мир тесен, какое совпадение!

Луань Тай (*воодушевляется*). Это еще не все совпадение! Хуэй Чжунмина с должности начальника уезда Фэнцзе области Куйчжоу перевели в вашу область Сюаньчжоу на пост главы округа...

Ли Бо (*в глубоком потрясении*). Хуэй Чжунмина повысили! И как такие всю жизнь держатся на службе? Да еще чем дольше держатся, тем выше растут! Какой идиот выдвинул его?

Сун Кансян качает головой и вздыхает.

Луань Тай. Хи, хи, не торопите события, я еще не договорил! Тот пройдоха уже и на тот свет уйти успел!

Ли Бо (*совсем ошарашенно*). Умер?

Сун Кансян никак не реагирует.

Луань Тай. Говорят, повысивший его вышестоящий начальник наказал его! Вроде как провинился в каком-то деле, за что и лишился головы...

Ли Бо. Неужто правда? (*Вопросительно смотрит на Сун Кансяна.*)

Сун Кансян что-то бормочет, уклоняясь от ответа.

Луань Тай. Так и есть! А еще я слышал, что Хуэй Чжунмин перед смертью разоткровенничался и заявил, будто виноват перед господином Тайбо...

Ли Бо. Неужто?

Луань Тай. Он признался, что бессердечно подделал девятую строфу в «Песне о восточном походе Юн-вана» и всяческими уловками способствовал вынесению несправедливого в отношении вас приговора!

Ли Бо. Ого!

Луань Тай (*предлагает*). Учитель, скорее напишите сочинение и объявите на всю Поднебесную, что вы, Ли Бо, не... не писали того ляпсуса!

Ли Бо (*с чувством, колеблющимся между приятностью и неприятностью*). Не стоит! Я только и делаю, что пишу одни ляпсусы, даже подхалимничаю в своих произведениях!

Луань Тай. Ох... Если вы не изложите все, как было, тогда не знающие всей этой истории и вправду будут думать... Эх, как бы это выразиться по-нашему — что вы нарушили приличия! Эх, ничего не понимаю!

Ли Бо. Во все времена было столько всего непонятного! Ну, «отрок, смотрящий за священными петухами», давай, выпей вина! (*Тянет его к столу.*)

Луань Тай. Э-э! *(Вяло отказывается, наконец, садится, наливает и причитает.)* Всегда был виноват перед вами, простите меня! *(Встает и хочет поклониться.)*

Ли Бо *(удерживает его)*. Сегодня день осенней жатвы, пей!

Луань Тай *(делает глоток)*. Сановник Сун, мне все время было так погано на сердце. Учитель, я теперь не стеснен в средствах, появились кое-какие деньги...

Ли Бо *(говорит, не вникая)*. Валяй!

Луань Тай. Если учитель не погнушается, я хотел бы в знак возмещения, в знак компенсации... *(Вынимает кошель с деньгами, почтительно подносит.)*

Ли Бо *(прекращает пить, гневно кричит)*. Убери прочь свои вонючие деньги!

Луань Тай *(столбенеет от неожиданности, испытывает неловкость)*. Учитель, не надо!

Ли Бо *(в гневе стучит по столу и встает)*. Так убережешь ты их, наконец?

Луань Тай *(совершенно растерян)*. Э... Зачем же так!

Ли Бо *(швыряет кошелек в Луань Тайя)*. Проваливай!

Луань Тай *(смущение сменяется злостью)*. Для тебя все одно — и плохое, и хорошее! Вонючие деньги? А чем они воняют-то? Вот не станет у тебя средств к существованию, все так же будешь кичиться добродетелью? Я торгую чаем, ты — произведениями; знатные и незнатные — все чем-то торгуют! Мой заработок называют выручкой, твой — гонораром, и монеты, которые мы за пазуху кладем, звенят одинаково! По правде сказать, я случайно сюда попал и всего лишь хочу загладить вину! Вернуть долг совести!

Ли Бо стоит, свесив голову, и молчит.

Сун Кансян. Учитель Тайбо не такой, как ты! Что за беспринципный ты человек?

Луань Тай *(бросается к Ли Бо)*. Ну и что, что беспринципный! Тебе воняет, а мне блестит! *(Говорит и уходит.)* С ума-то чего сходить? Можно подумать, ты чище? Не забывай, что ты сам бывший осужденный!

Ли Бо вскакивает, затем медленно опускается.

Сун Кансян. А ну верните его!

Слуга *(громко кричит)*. Вернись!

Луань Тай *(бормочет)*. Вернись так вернись...

Сун Канся *(спрашивает строго)*. Ты понимаешь, что виноват?

Луань Тай. Я? Да я лишь сказал, чего безумствовать-то, помилование вовсе не снимает вины...

Ли Бо. Ты!

Сун Кансян. А ну становись на колени!

Слуга (*кричит*). На колени!

Луань Тай. Я... да не против, сейчас стану...

Ли Бо (*махнет рукой*). Пусть уж уходит!

Сун Кансян (*громко кричит*). Катись прочь!

Луань Тай. Катись так катись (*Пошатываясь, уходит*). Хм, чего толку кистью махать, все равно уже в черном списке (*Увертывается, ошибочно думая, что Сунь Эр сейчас подскочит к нему*.)

Ли Бо (*с болью*). Бывший осужденный... (*Выпускает наружу чувства*.) Эх, дайте мне большую чашу!

Сунь Эр (*пытается остановить его*). Учитель!

Сун Кансян знаками велит Сунь Эру дать чашу. Внезапно раздается бой ритуальных барабанов. Поспешно входят Цзун Янь и Хань-нян с масками.

Цзун Янь. Супруг, отгадай, кто приехал? Командующий Го приехал!

Ли Бо (*с удивлением*). Го Цзыи! (*Поспешно выбегает из комнаты*.)

Сун Кансян торопливо поправляет на себе одежду и шапку.

Стремительно входит Го Цзыи в военном облачении.

Го Цзыи (*увидев Ли Бо, опускается на колени*). Благодетель!

Ли Бо (*становится на колени напротив него*). Командующий! (*Неожиданно испытывает прилив грусти*.)

Присутствующие друг за другом тоже опускаются на колени.

Го Цзыи. Двадцать лет уже прошло со дня нашей разлуки, мой благодетель уже состарился!

Ли Бо. Да и у вас виски теперь белее снега!

Сун Кансян (*приветствует, преклонив колени*). Не знаю, визит командующего...

Го Цзыи. А вы...

Сун Кансян. Скромный служащий — Сун Кансян.

Го Цзыи. Губернатор Сун?

Сун Кансян. Да, такова должность скромного служащего.

Го Цзыи (*Сун Кансяну*). Пожалуйста, встаньте! (*Поднимает Ли Бо*.)

Ли Бо. Открывайте вино, ставьте на пиршественный стол! Режьте кур, потчуйте ими гостей!

Сунь Эр. Это... (*Смущается*.)

Хань-нян оттаскивает Сунь Эра, поспешно начинает хлопотать.

Го Цзыи, Сун Кансян и Ли Бо рассаживаются по ранжиру.

Ли Бо. Свет души, скорей же приветствуй командующего!

Го Цзыи. Только что почтенная госпожа любезно проводила меня сюда! Пожалуйста, присоединяйтесь к нам!

Цзун Янь (*скромно отклоняет приглашение*). Господин командующий, как вам будет угодно. Но я же не умею пить вино.

Ли Бо. Она не дружит с вином.

Го Цзыи (*поднимает чашу*). Мой благодетель!

Ли Бо. Нет, нет! Благодетель — это вы, зовите меня Тайбо!

Го Цзыи. Как будет угодно благодетелю!

Ли Бо. Эх, вы!

Го Цзыи. Однажды благодаря вашей, господин Тайбо, своевременной помощи я обрел новую жизнь! Находясь в войсках, я узнал, что вы поселились в Данту, и все мое принадлежащее вам, учитель, существо устремилось сюда, дабы после долгой разлуки излить переполнившие сердце чувства...

Ли Бо. И я постоянно тосковал о вас: глядя на весенние деревья, представлял, как вы вглядываетесь в вечерние облака и вспоминаете обо мне, но я не знал, где же стоит развевающийся на ветру ваш генеральский стяг! Я выбрал для проживания Данту, потому что он напомнил мне места отшельников в Ланькэшани. Не ведал я, какие перемены произойдут в нашем мире!

Го Цзыи. Я как раз намеревался доложить вам. Когда я принимал командование над войсками, бандиты разнузданно свирепствовали всюду, а ныне все выглядит иначе! Ань Лушань был убит своим сыном Ань Цинсюем, потом уже Ши Сымин погубил Ань Цинсюя, а недавно и он сам погиб от рук своего сына Ши Чаои! Близится конец непрекращавшейся смуты в мятежных войсках!

Сун Кансян (*ловко пытается угодить*). Завершение смуты мятежников — это закономерный итог многочисленных побед командующего!

Го Цзыи. В данный момент правительственные войска окружили отряды Ши Чаои — вероятно, это последние операции по водворению порядка! Учитель, уже близится тот день, когда мирное солнце вновь засияет на горами и реками великой Тан!

Ли Бо (*испытывает необычайный душевный подъем*). Прекрасно! Ты — великий герой! (*Громко кричит.*) Подайте вина! Несите курятину!

Сун Эр поспешно подносит вино.

Ли Бо. А как же курятина? Курица!

Хань-нян (*выступает вперед, тихо говорит*). Ту курицу уже позавчера зарезали!

Хотя ее голос тихий, эти слова слышат все. Ли Бо расстраивается.

Сун Кансян (*берет два слитка серебра и дает Сунь Эру*). Сегодня я угощаю!

Го Цзыи. Ой! Мы с вами ученые мужи, давайте по-простому! Учитель, не расстраивайтесь! Я, Го Цзыи, известный фэньянский пьяница! Хватит одного вина!

Хань-нян. Генерал! Нашему учителю сейчас приходится худо! Ради средств к существованию он, пересиливая себя, смиряя гордость, ходит по домам знати да по рынкам, при удобном случае слагает стихи, пишет сочинения...

Го Цзыи (*искренне сочувствует*). Это я виноват в том, что учитель терпит такие лишения! Кабы узнал я раньше, что учитель по несправедливому обвинению был брошен в тюрьму, как допустил бы я это и то, что его сослали в Елан! Разве позволил бы я ему оказаться в столь трудном положении?

Сун Кансян (*вскакивает*). Я сильно виноват, мне совесть не дает покоя! Не будь ошибки в следствии, я бы не передал ее государю, тогда и учитель не оказался бы в Елане!

Го Цзыи тихо негодует, Сун Кансян опускается на колени.

Ли Бо. Что вы, все не так! Сановник Сун посильно заботился обо мне! (*Торопливо поднимает Сун Кансяна.*)

Го Цзыи (*знаком велит Сун Кансяну встать, продолжает вздыхать*). На самом-то деле, благодаря монахине Тэнкун...

Ли Бо и Цзун Янь (*удивленно*). Тэнкун-цзы?

Го Цзыи. Она в столице всюду натолкнулась на стену и тогда взяла ваши «Сто дум тревожных» и «Слова скорби» и, преодолев всевозможные дорожные тяготы, пришла в мою ставку!

Ли Бо. Оказывается, вот как все было...

Цзун Янь (*торопливо*). А где сейчас Тэнкун-цзы?

Го Цзыи. Всюду хлопоча, он слегла и долго не вставала, теперь... она среди небожителей!

Цзун Янь (*устремив взор на деревянную рыбу, начинает горько рыдать*). Тэнкун-цзы!

Хань-нян (*тоже плачет*). Монахиня Тэнкун!

Ли Бо (*глядя в пустоту, опускается на колени*). Я буду вечно обязан вам!

Вдруг слышится стук деревянной рыбы...

Го Цзыи. Я всего только пытался отблагодарить тебя за былое добро, Тэнкун-цзы же поступила самоотверженно! (*Поднимает Ли Бо.*) Не горюй, Учитель! У меня в Фэньяне есть небольшая усадьба, если не погнушаетесь, приглашаю вас с супругой к себе, будете там зани-

маться творчеством, беззаботно любоваться пейзажами — там уже нет войны!

Ли Бо с улыбкой качает головой.

Цзун Янь. Супруг не сможет расстаться с горами и реками Данту...

Сун Кансян (*оживляется*). Прекрасно, я дам вам землю здесь...

Ли Бо. Брат Чанлэ, ты забыл, истинный муж не принимает подачек!

Сун Кансян. Сейчас в присутствии командующего скажу то, что уже давно хотел сказать. Учитель Тайбо, вы — редкий талант Поднебесной, если вам нельзя занимать должность чиновника при дворе, тогда и я, Кансян, откажусь от поста начальника областей к западу от Янцзы...

Го Цзыи. Ох! А разве чтобы служить чиновником, нужно непременно состоять при дворе? Учитель, как насчет того, чтобы пойти ко мне в войска? Сановник Сун, что скажете?

Сун Кансян. Тоже неплохо, тоже неплохо, я как раз принес для учителя один... (*Обращается к слуге.*) А ну подай!

Слуга вынимает из сумы на коромысле дворцовый парчовый халат.

Ли Бо (*приятно удивляется*). Дворцовый парчовый халат! (*Принимает обеими руками, потом сокрушается.*) О, Ваше Величество!

Сун Кансян. Я обыскал почти весь Сюньян и, к сожалению, нигде не нашел коралловой плетки.

Го Цзыи. Учитель, Его Величество издал указ, повелевающий вельможным чиновникам всех провинций брать на государственную службу талантливых мужей — особенно таких, кто не изменил двору, невзирая ни на какие беды! Государь велел порадеть о том, чтобы во имя возвышения великой империи Тан не был забыт ни один достойный муж, проживающий в глуши! Сановник Сун, ведь так же?

Сун Кансян. Да, да, все верно!

Цзун Янь. Господин командующий, супруг уже в таком возрасте, пусть уж он лучше найдет себе место поспокойней и живет себе там мирно!

Го Цзыи. Госпожа, не волнуйтесь, я бы не посмел утрудить учителя утомительными поручениями!

Цзун Янь. Мы высоко ценим благие намерения господина командующего, только мы уже дали монаху У Юню обещание отправиться завтра в старый дом в Шимэнь, дабы жить там в уединении, постигая истину.

Го Цзыи и Сун Кансян (*удивленные неожиданностью*). Что-бы уйти в монахи?

Го Цзы и *(молчит некоторое время)*. Раз уж так, я не посмею наставлять. Когда-то в Хэланьшани учитель подарил мне нефритовый пояс, призывая голову сложить за Отечество. Сейчас мы расстанемся и неизвестно, когда вновь свидимся, поэтому я дам вам этот меч, алый, как пурпурная заря, пусть учитель, глядя на него, вспоминает друзей! *(Снимает с пояса меч.)*

Ли Бо *(принимает меч)*. Спасибо вам, командующий! *(Выпячивает грудь колесом.)* Хотя я стар, но, клянусь, пока не перебею всех изменников и бандитов, не вернусь домой!

Цзун Янь *(испуганно)*. Супруг, ты что?

Ли Бо *(подвязывает к поясу меч)*. Кажется, только в ставке командующего я смогу осуществить устремления всей своей жизни!

Го Цзы и. Ого! Если учитель и вправду готов пойти в мои войска, я лично на себя возьму заботу о еде, одежде и жилье для него!

Ли Бо. Не нужно! Я пойду лишь во имя наведения порядка в стране! *(Смотрит на необъятный небосвод.)* О, государь! Ради последней схватки с бунтарями Ли Бо вступает в войска добровольцем и там для отчизны приложит все свои скудные силы! *(Надевает дворцовый парчовый халат.)*

Раздается бой ритуального барабана.

Сун Кансян. Этот халат как раз удачно подходит для торжественных проводов учителя!

Цзун Янь. Муж, надеюсь, что ты не совершаешь этот поступок необдуманно...

Ли Бо. Свет моей души, ты всегда мудро смотрела на вещи, поддержи меня в последний раз!

Все устремляют взоры на Цзун Янь. Проходит время, но она молчит. Неожиданно поворачивается и входит в дом. Хань-нян идет за ней следом. Все чувствуют себя неловко.

Го Цзы и. Учитель, не принуждайте себя...

Ли Бо. Я уже твердо решил!

Го Цзы и *(через некоторое время)*. Я оставляю за учителем право выбора, а ворота нашего лагеря всегда будут для вас открыты! Прощайте!

Сун Кансян. Я тоже прощусь с вами!

Ли Бо молча идет провожать их. Сунь Эр идет следом.

Го Цзы и. Учитель, не провожайте! *(Тихо отдает Сун Кансяну распоряжение.)*

Сун Кансян почтительно поддакивает. Го Цзыи совершает этикетный поклон и удаляется. Сун Кансян тоже уходит. Слуги расходятся. Ли Бо, опершись о дверь, смотрит вдаль. Цзун Янь выходит из дома. Хань-нян догоняет ее.

Хань-нян. Тебе нельзя соглашаться! Он спятил, покажи ему, где раки зимуют!

Цзун Янь молчит. Ли Бо и Сунь Эр возвращаются в дом.

Цзун Янь. Ну что, продолжим пир, буду с тобой пить вино и обсуждать стихи!

Присутствующие оторопели.

Ли Бо. Свет моей души, ты же никогда раньше не пила...

Цзун Янь. Сегодня день жатвы, придется нарушить свой обычай! Сунь Эр, ставь вино!

Хань-нян. Ты?.. Ты тоже спятила?

Сунь Эр в нерешительности, медлит наливать вино.

Цзун Янь. Муж, скажи, что называют поэзией?

Ли Бо. Что? Всю жизнь творю поэзию, но никогда не думал о ее границах.

Цзун Янь. Одни утверждают, что в стихах надлежит петь об устремлениях, другие — что изливать чувства, для третьих же стихи — это способ познать себя или высказаться о вещах и событиях! А мне сдается, чем рассуждать о стихах, лучше смотреть на одухотворенность слов! У каждого слова есть душа, слова через руку поэта одно за другим выбегают из под кисти, объединяются в группы, строятся в ряды!

Ли Бо *(с растущим вдохновением)*. Неплохо говоришь! Я вспомнил тройку слов, — «Ко мне стремитесь», — произнесенных на скалах Яньюйдуй в ущелье Куэймэнь. Ведь вместе они уже родили стих. Как божество, которое повелевает небом и землей, они способны тебе волны подчинить, но также могут тебя в водном чреве похоронить!

Цзун Янь. Неудивительно, ведь в давние века, когда мифический Цан Цзе создал письмо, «с небес посыпалось зерно, заныла нечисть по ночам!» Оказывается, духи боятся власти человека над духом слов! Поэтому Ду Цымэй писал тебе: «Кисть опустив, я ветер вызову с дождем, стих сочинив, заставлю духов я рыдать!»

Хань-нян *(не в силах сдержаться)*. Дорогая Янь! Сейчас такой решающий момент, а у тебя еще есть настроение рассуждать о засухе с дождем, о злых и добрых духах!

Цзун Янь *(смеется)*. Хань-нян, я выпью за тебя! *(Наливает вино.)*

Хань-нян *(в негодовании)*. Сегодня весь день к нам кто-нибудь приходит и все несут один пьяный вздор! *(Все больше и больше распаляется.)* А почему бы тебе не подумать об учителе! Шестидесятилетний дед собрался в армию пойти, разве это не курам на смех?

Ли Бо *(тихо говорит)*. Я подумал, как я могу быть в стороне сейчас, когда идет последняя схватка за мир в Поднебесной...

Хань-нян. Учитель, ты образован и знаешь этикет, а госпожа Янь — женщина, одна она не сможет ничего сделать, как можешь ты о ней не думать? *(Начинает задыхаться от слез.)* С тех пор как мы с ней замуж повыходили, не было и ночи, которой мы бы спокойно спали! А ведь она внучка первого министра прежней династии, не из абы какой семьи!

Цзун Янь. Хань-нян, не надо, замолчи!

Хань-нян. Нет, нарочно буду говорить! Еще полгода назад она пошла за тобой в ссылку в Елан! А теперь ради подвигов и собственной славы ты так жестоко бросаешь ее дома... *(Рыдая, не может больше говорить.)*

Ли Бо опускает голову. Цзун Янь сдерживает слезы.

Хань-нян *(вдруг поднимает чашу)*. Ладно! Я выпью! Я выпью эту чашу... в знак нашего расставания!

Ли Бо пугается.

Цзун Янь. Сунь Эр, Хань-нян пьяна, отведи ее, пожалуйста, ко сну!

Сунь Эр, поддерживая, отводит Хань-нян в покои.

Цзун Янь. Супруг, продолжим нашу беседу о стихах!

Ли Бо. У меня нет больше настроения!

Цзун Янь. И то ладно! *(Поднимает чашу.)* За твой отъезд в армию! *(Через силу выпивает до дна и начинает кашлять.)*

Ли Бо *(с неуверенностью в голосе)*. Ты согласна на мой отъезд?

Цзун Янь. Доблестный муж всегда стремится к высоким целям, хоть убей, а он все равно будет рваться погибнуть на границе!

Ли Бо *(продолжает колебаться)*. Тебе и вправду понятны мои поступки?

Цзун Янь. Ты как книга, в которой я прочла уже все страницы. Жизнь для тебя всегда была копьем, с которым ты готов легко расстаться, и хотя тебе уже за шестьдесят, ты каким гордым был, таким и остался!

Ли Бо. Да, это так, именно так. *(Вдруг его настроение ухудшается.)* Но ты же не хотела бы, чтобы я опять ушел на службу?

Цзун Янь (*грустно улыбается*). Сегодня сначала ссора с Луань Таем вывела тебя; потом возник призыв пойти на последнюю битву, от которой ты не можешь уклониться! Дворцовый халат Его Величества и алый меч командующего Го взбудоражили твою горячую кровь, даже смерть Тэнкун-цзы — и та пробудила в тебе героическое желание активно включиться в общественное дело! Пережив все это, разве мог ты избежать порыва, повлекшего тебя в войска?

Ли Бо (*слушая, как Цзун Янь раскрывает все волнующие его мысли, Ли Бо заливается краской стыда*). Переживая это, я не подумал только о тебе! Все, к чему ты стремишься, — это семейное счастье, доступное простым людям, а я все время ищу от тебя только понимания!

Цзун Янь. Нет, супруг, я благодарна тебе! Благодарна за то, что ты последние полгода прожил со мной в Данту... (*Всхлипывает.*)

Ли Бо. Прости меня! Я и сам не ожидал, что вдруг пожелаю уйти в войска! Нечистый дух меня попутал, мне все кажется, будто кто-то бьет по спине невидимой коралловой плетью и подгоняет! А я, я во все не пекусь о славе!

Цзун Янь. Не уподобляйся Су Циню, гнавшемуся за золотой печатью первого министра, будь Цюй Юанем, у которого хотя и был только один шанс на жизнь из девяти, он не сожалел о содеянном...

Ли Бо (*вдруг*). Я не пойду в поход! Не пойду!

Цзун Янь (*опешив*). Надеюсь, ты не говоришь это в сердцах?

Ли Бо. Нет, нет! Да что я смогу сделать еще в таком возрасте? Тупой свинцовый нож? Я должен жить свободно, не связывая себя путами, как дикое облако или вольный журавль в небе!

Цзун Янь (*приятно удивляется*). Правда?

Ли Бо (*уверенно*). Правда!

Цзун Янь. Молодец, супруг!

Оба плачут, глядя друг на друга.

Цзун Янь (*вдруг приходит в себя*). Нет, ты не сможешь так! Когда ты состоял на службе, едва был в силах вынести чиновничьи интриги; когда же, следуя душевному порыву, уходил в сельскую глушь, опять продолжал искать возможность за Отечество отдать жизнь. Тебе и на службе тяжело, и в отставке тоже несладко!

Ли Бо (*чувствует слабость и тяжело вздыхает*). Проникла в самую глубь души, в самую глубь души! Неужели мне суждено всю жизнь так туда-сюда метаться? Да, мне и на службе тяжело, и в отставке тоже несладко!

Цзун Янь (*отходит от эмоционального всплеска, берет черновики стихов*). Без тех метаний не было бы и стихов Ли Бо! Кто знатен и богат, стихов не пишет, равно как и тот, кто живет вдали от мира

и в тиши: только такая беспокойная душа, как у тебя, подпитанная упоительным вином, способна столь непринужденно создавать бессмертные стихи! Во все века как много было тех, кто смог постичь дух и природу слова? Муж, а ты смог! Позволь мне эти черновики сложить в один сборник и назвать его «Собранием из Цинляна»? Ты уйдешь, а их дух останется со мной...

Ли Бо *(печально)*. Спасибо тебе, жена...

Цзун Янь. Надеюсь, ты поможешь мне. *(Один узел с одеждой дает Ли Бо, второй взваливает на свою спину.)*

Ли Бо *(удивляется)*. Как? Ты собираешься?..

Цзун Янь. Пойду к Пинфэнским пикам в горах Лушань. *(Берет деревянную рыбу.)*

Ли Бо *(кричит)*. Нет, нельзя! Тебе нельзя уходить в монахины! Я еще вернусь домой!

Цзун Янь. Считаю, что я за тебя поблагодарю Тэнкун-цзы!

Ли Бо молчит, опустив голову.

Цзун Янь *(как будто осознав что-то)*. Супруг, взгляни на прибрежный тростник: когда подует ветер, тростниковый пух поднимается и, сбившись в кучи, разлетается, разлетевшись же, он вновь сбивается в кучи, но теперь уже с совершенно другими пушинками.

Ли Бо *(погружается в мысли)*. Собравшиеся непременно разойдутся, кто разошелся, тоже соберется — и так по кругу...

Цзун Янь. Разлука — это та же встреча, встреча — та же разлука!

Ли Бо. Тоже неплохо! Тогда ты ступай пока туда. Однажды я приду к хребтам Пинфэе и разыщу тебя!

Цзун Янь. Спасибо тебе, муж!

Ли Бо *(допивает вино и бросает чашу)*. Свет моей души, посмотри, как летает мой меч, проводи нас!

Раздается бой ритуальных барабанов.

Ли Бо *(вынимает свой алый меч, машет им и поет)*. О, меч, как птица Рух, лети далеко ввысь навстречу громкой славе! Коснись ты неба голубого наверху, внизу же землю защити, вертись, отстаивай законы Неба! Границы мира ты преодолей! Повсюду странствуй — там, где хаос! Повергни пустоту! *(Порыв Ли Бо велик, а сил мало, он спотыкается и едва не падает.)*

Цзун Янь подбегает, чтобы поддержать его.

Ритуальные барабаны вдруг разом смолкают.

Цзун Янь *(роняя слезы, задыхаясь, говорит)*. Супруг, ты все еще идешь?

Ли Бо молчит, стоит, опершись о меч.

Акт девятый

Из-за сцены раздается декламация:

Напьюсь я допьяна! О, чаша, творчества исток,
Познаю радости предел, а с ней — и горя верх!
Все в мире — гости, я же — господин!
Верхом на ветре улечу! А на луне — вернусь!

В небе ярко блестит луна. Утес Цайши. Плывет лодочка. На носу лодки стоит Ли Бо в дворцовом халате, с алым мечом на поясе. Лодкой правит старый рыбак в дождевом плаще.

Ли Бо (*поднимает чашу*). Век человеческий длится сто лет, это тридцать шесть тысяч дней, было бы здорово каждый день выпивать по три сотни чашек этого вина! (*Восхищенно цокает языком.*) Какое замечательное вино!

Старый рыбак (*смеется*). Господин, наверное, какого вина вы только не перепили! Это деревенское домашнее вино, куда ему сравниться с дорогим дворцовым!

Ли Бо. Вино в дворцах-то неплохое, только вот подслащено оно и сдобрено всякими ароматными пряностями, а твое домашнее вино естественное!

Старик-рыбак не понимает его. Ли Бо смотрит вдаль, насколько хватает глаз: при свете луны речная вода кажется ему кристально-чистой и притягательной.

Ли Бо. Глянь, на нефритовой глади реки поднимается золотистая рябь, как похожа эта река на молодое виноградное вино! Ха! Да это вообще не река воды, это — река вина! И не нужно никаких золотых или нефритовых чаш — бросайся в нее и пей тридцать шесть тысяч дней!

Старый рыбак. Господин, вы и в самом деле — винный небожитель!

Ли Бо. Увы! А кто не любит вино? Небо и земля любят его!

Старый рыбак. Небо и земля любят его? (*Смеется и качает головой.*)

Ли Бо. Кабы Небо не любило вино, то не существовало бы винной звезды; а не люби его земля, то не было бы в ней и винных источников. Раз небо и земля неравнодушны к нему, чего же и другим тогда стыдиться! (*Громко хохочет.*)

Блестящие при свете луны капли падают на поверхность воды, река сверкает как иней, как нефрит или серебро. Четко отражающийся на середине реки круглый диск луны блестит особенно ярко. Ли Бо опрокидывает чашу за чашей. Почувствовав духоту, он срывает с головы черный шелковый платок, сбрасывает придворный халат с круглыми вышитыми золотыми нитями цветами, обнажает находившееся под ним даосское одеяние. Из-за сцены доносится еле слышный голос У Юня: «Снаружи — парчовый халат, внутри же — даосское платье, их можно объединить, а можно и разделить — в этом уж Ли Бо изрядно поднаторел! Ха-ха!»

Ли Бо громко смеется, сбрасывает и даосский халат, решительно снимает сапоги, остается в одном белом исподнем одеянии.

Ли Бо (*стоя на корме, поднимает чашу и приглашает луну*). Ясная луна! Ясная луна! Ты — яшмовое блюдо? Диск изо льда? Фонарь небесного чертога? Ты — зеркало из палат небожителей? Ты — стих, имеющий форму? Или песня, которая беззвучна? Спрошу тебя, луна, луна, что будет справедливее всего меж небом и землей?

Царит тишина. Вдруг из-за кулис доносится голос: «Во всей вселенной почитают один лишь только путь, он — самый справедливый!»

Ли Бо. Нет! Время справедливей всех! Оно относится ко всем одинаково равно, оно не станет благосклонней к тебе за то, что ты славен и могуч, оно не станет милосердней к тебе и за добродетели твои!

В воде отражается необъятный небосвод, слышны крики одинокого гуся, летит пух тростника.

Ли Бо. Как прекрасны эти камышовые заводи! Эге, ведь это же отражение коричневого дерева в лунном свете!

Из-за кулис звучит голос Цзун Янь: «Супруг, взгляни на прибрежный тростник: когда подует ветер, его пух поднимается и, сбившись в кучи, разлетается, а разлетевшись же, он вновь сбивается в кучи... Разлука — это та же встреча, встреча — та же разлука!» Слышится стук деревянной рыбы.

Ли Бо (*вновь поднимает чашу и обращается к луне*). Тэнкун-цзы! Давно с тобой не виделись!

Из-за кулис доносится голос Тэнкун-цзы: «Я здесь счастлива!» Ли Бо прислушивается к луне. Тэнкун-цзы говорит из-за кулис: «Человек всегда найдет себе удовлетворение — и в безграничной грусти, и в великой радости, так же, как и в этом диске луны». Вновь водворяется тишина. Ли Бо втыкает в воду меч и начинает легонько бултыхать, наблюдая, как лунные блики то расходятся, то сходятся, а отражающийся от воды свет сливается с лунным светом и вся хрустально-чистая гладь воды сверкает. Вдруг слышатся тихий свистящий шум ветра, мягкие мерные удары воды о лодку, где-то с негромким всплеском выпрыгивает рыбка, откуда-то доносится едва уловимый стихотворный ритм: АААББ, БББАА, ББААБ, ААББА. Ли Бо неосторожно роняет в реку меч, рассеянно смотрит в воду и, опершись о борт лодки, черпает ее руками, как будто пытается выловить луну... но ее диск в воде превращается в огромный блестящий постепенно расширяющийся круг — на фоне этого увеличивающегося круга Ли Бо в белом одеянии, босой и с непокрытой головой становится еле заметным, а потом и вовсе растворяется, поглощенный блестящей в лунных лучах водой... Из-за кулис звучит песня:

Напьюсь я допьяна! О, чаша, творчества исток,
Познаю радости предел, а с ней — и горя верх!
Все в мире — гости, я же — господин!
Верхом на ветре улечу! А на луне — вернусь!

Конец пьесы

Хэ Цзипин

ПЕРВЫЙ ТЕРЕМ В ПОДНЕБЕСНОЙ

Перевод Е. Н. Емельченковой

Действующие лица

Лу Мэнши — управляющий ресторана «Фуцзюйдэ».
Тан Дэюань — старый хозяин и владелец ресторана «Фуцзюйдэ».
Тан Маочан — старший сын Тан Дэюаня.
Тан Маошэн — второй сын Тан Дэюаня.
Чан Гуй — администратор зала в ресторане «Фуцзюйдэ».
Головастик Ло — повар-печник в ресторане «Фуцзюйдэ».
Ван Цзыси — второй управляющий в ресторане «Фуцзюйдэ».
Юй Чуэр — подруга Лу Мэнши, проститутка из переулка Яньчжисян.
Косичка Ли — повар в ресторане «Фуцзюйдэ».
Сю Динсинь — «смотрящий» и кассир в ресторане «Фуцзюйдэ», когда-то был компаньоном-сопровождающим Кэ У.
Кэ У (Пятый господин Кэ) — потомок какого-то вана, ресторанный завсегдатай.
Чэншунь — ученик, официант в ресторане «Фуцзюйдэ».
Фушунь — ученик, официант в ресторане «Фуцзюйдэ».
Фуцзы — слуга Тан Маочана.
Полицейский, Управитель из дворцового отдела закупки птиц, Мастер Цянь Шие, Адъютант караула президентского дворца, Четвертый господин Мэн из магазина «Жуйфусян», Господин гадатель, Господин Юй, проститутки из переулка Яньчжисян, доставщик цветов, посетители ресторана и др.

Акт первый

Время: лето 1917 года. Место: ресторан жареной утки «Фуцзюйдэ» в Мясном Ряду недалеко от Цяньмэнь. Район у ворот Чжэньянмэнь (также известных как Цяньмэнь) расположен недалеко от дворца, прямо «у самых ног императора». Это густонаселенная часть города, здешний рынок процветает, сюда стекается весь цвет столицы. Рядами вытянулись многочисленные рестораны, чайные, театры и торговые ряды. Народ толчется и днем, и даже ночью под яркими огнями вечернего

освещения. Жизнь кипит здесь уже более 500 лет. Сразу за воротами Чжэнъян-мэнь, за рынком и домами на восточной стороне знаменитой улицы Цяньмэнь, есть переулочек под названием Мясной Ряд. Каждое утро с первыми лучами солнца в Мясном Ряду становится оживленно. По обе стороны и без того узкой улицы ставятся шести, натягиваются навесы, на перекладинах и внутри и снаружи развешивают только-только освежавшиеся свиные туши. Сюда за мясом приходят закупщики из близлежащих ресторанов, повара из частных домов, домохозяйки небольших домашних хозяйств, иногда заглядывают внуки с дворцовой кухни. Люди торгуются, сбивают цену, продают и покупают, стоит жуткий гвалт. Примерно к десяти часам, когда все мясо распродано, народ расходится. Начинают просыпаться рестораны и чайные. Горожане, прихватив с собой птичьи клетки, взяв слуг, стекаются сюда повидаться с друзьями, выпить чаю, поболтать да послушать рассказы. Как присядут, так и на весь день. Незаметно наступает время вечерней трапезы, снова меняется обстановка в Мясном Ряду. Обнаруживается, что по обеим сторонам узкого переулка тянутся рестораны и закусовые, каждый со своей неповторимой кухней и особым меню: обжигаящая баранина в бульоне и свежие крабы из ресторана «Чжэнъянлоу», карп в соевом соусе из ресторана «Дунсинлоу», свежайшая выпечка из пекарни «Король кунжутного печенья», пшенная каша из ресторана Тяньтай... И, конечно, знаменитые жареные утки, прославившиеся на весь Пекин (только к середине века жареную утку стали называть «као я» — копченая утка). В Мясном Ряду располагается знаменитый старый ресторан жареной утки «Фуцзюйдэ». Когда-то, на семнадцатом году правления Даогуан¹, молодой шаньдунец из рода Тан, говоривший с жунхэнским акцентом, поставил у моста Чжэнъян, прямо у мощеной императорской дороги, небольшой киоск, где стал продавать мясо цыплят и уток, тут же разделявая их на деревянной доске, положенной поверх двух камней. Он был не жаден и честен в торговле, дела у него шли все лучше и лучше. Со временем на постепенно накопленные средства он купил небольшую лавку на первой линии среди плотно приткнувшихся заведений у Цяньмэнь, основав свое фамильное дело и передав его своим детям. И теперь «Фуцзюйдэ» — ресторан рода по фамилии Тан, передаваемый от отца к сыну уже в третьем поколении. Над входом в заведение висят в ряд три вывески: в центре «Фуцзюйдэ», справа «Лавка домашней птицы», а слева «Лавка “Старая печь”». «Фуцзюйдэ» специализируется на трех видах продукции: продажа утки, жареной в подвесной печи, продажа сырого мяса домашней птицы и готового блюда «Сучжоуский ларчик» на вынос (различные мясные начинки, добавляемые в жареные блинчики на Новый год, нарезанные и разложенные по специальным деревянным контейнерам — отсюда и название блюда). При входе слева стоят две большие деревянные чаши для ошпаривания утиных тушек, чтобы чистить их от перьев. В разгар сезона чаши наполняют кипятком, тут же работники умелыми движениями ошпаривают уток. Вдоль стен на деревянных полках висит готовая к продаже потрошенная птица, все утиные тушки продукты воздухом² и смазаны сахарной глазурью, одна к одной жирные, нежные и беленькие — очень красивая картина. Справа в зале стоит вековая печь Фуцзюйдэ из красного кирпича, в которой постоянно поддерживается огонь. По двум

¹ Даогуан — девиз правления императора династии Цин в 1821–1850 гг.

² При обдуве птицы воздухом кожа отделяется от мяса, что является особенностью приготовления утки по-пекински.

сторонам печи висят парные надписи: «Золотая печь топится тысячу лет, на серебряных крюках не скончаемы деликатесы». А между ними по горизонтали надпись: «Хозяин печи». Это был самый таинственный уголок ресторана «Фуцзюйдэ». В то время и сама печь, и технология запекания уток были главным секретом заведения. Кассир и второй управляющий, сидевшие за изогнутым прилавком, кроме как по срочным делам конторы, никуда не отлучались, все время держа под контролем печь и не разрешая никому к ней подходить. За второй дверью был просторный зал, по одну сторону от него склад и контора, по другую — заготовочный цех. Позже еще добавили два отдельных кабинета. В центре просторного зала стоит богато расписанная декоративная стена, перед ней — большой бассейн с рыбами, за ним — дверь в кухню. В первом акте на сцене, кроме этой декоративной стены, ничего нет. Открывается занавес, как раз время ужина. В Мясном Ряду очень оживленно, на кухнях ресторанов жарят и варят, на входе встречают гостей и провожают их внутрь, слышится звон бокалов. В последнее время дела у питейных заведений и ресторанов идут особенно хорошо. Под возгласы «народа», что монархия им нужна и люди хотят вернуть своего правителя, под защитой Чжан Сюня на троне был восстановлен последний император династии Цин. И стар и млад в Запретном городе и за его пределами тут же воодушевились, достали платья со дна сундуков, приклеили себе настоящие и фальшивые косы. По улицам стали разгуливать «духи предков». По традиции китайского народа, единственный способ выразить свою радость — это пойти вкусно поесть. Поэтому в Мясном Ряду сегодня очень шумно. Второй управляющий ресторана Ван Цзыси стоит у входа в ресторан «Фуцзюйдэ» и жестом указывает на пекарню «Юаньсинлоу» на другой стороне улицы. Тогда в «Фуцзюйдэ» не было своего производства теста, все блины и лепешки покупали на стороне.

Ван Цзыси (*жестикулирует*). Лотосовых лепешек³ двести штук! Эй, кто-нибудь, сходите на западную сторону за десятью кунжутными печенками, нужны горячие.

Ученик Фушунь берет у Ван Цзыси две бамбуковых бирки и бежит по улице вниз. Появляется полицейский в униформе, он держит в руке свернутый флаг и громко кричит.

Полицейский. Вешаем флаг с драконом! Вешаем флаг с драконом! Второй управляющий, почему еще не висит флаг у вас?!

Ван Цзыси. Эх, всю прошлую ночь искали, сегодня хотели послать человека в лавку к старьевщику купить, да пока не нашли кого послать.

Полицейский. Ну ладно, продам вам один. (*Достает флаг.*) Поаккуратней с ним! Сделан из бумаги из конского навоза. (*Смотрит внимательно на Ван Цзыси.*) А чего это коса у вас выглядит такой ненастоящей? (*Хватает за косу.*)

³ Утка по-пекински предполагает заворачивание кусочков мяса утки с огурцом, зеленым луком и соусом в тончайшую лепешку, в данном случае сделанную в форме листа лотоса.

Ван Цзыси (*кричит*). Эй! Полегче. Нате вот, возьмите мясных шариков домой, с капустой дома пожарьте.

Полицейский берет мясо и, продолжая кричать, уходит.

Ван Цзыси (*пытается посмотреть на свою косу на затылке*). Изначально-то и был конский хвост.

Кэ У и Сю Динсинь выходят из кабинета. Кэ У — молодой господин, представитель золотой молодежи столицы, от стряпни домашнего повара он устал и проводит дни напролет в пекинских ресторанах, где уже успел стать известным завсегдатаем. За ним идет Сю Динсинь, его компаньон, личный слуга, который сопровождает своего господина по ресторанам. Он разбирается в кухне, знает толк в еде, может и придраться при случае. Во всех ресторанах знают, что услужить барину можно только через его компаньона. Оба одеты в парадные платья цинской эпохи, носят косы, и все это настолько не вписывается в общую атмосферу вокруг, что кажется, будто они оба только что из гроба выскочили.

Чан Гуй услужливо показывает дорогу, Ван Цзыси приветствует их внизу.

Кэ У (*сытый и покрасневший от еды*). Трактирщик Чан, что ты там говорил, когда я поднимался сюда по лестнице?

Чан Гуй (*сразу вспомнив*). Я сказал, что вы поднимаетесь все выше и выше.

Кэ У. Да, как только император взошел на престол, он тут же пожаловал отцу зеленый паланкин с павлиньими перьями.

Чан Гуй. Поздравляю вас. Старый господин успешен будет на службе императора и еще выше пойдет!

Кэ У. Так, а сейчас я вниз иду?!

Чан Гуй (*быстро прокрутив все в голове*). Это называется: сын всегда идет выше отца, и вы, господин Кэ, когда-нибудь в будущем превзойдете своего отца!

Кэ У (*смеется*). Хорошо, трактирщик Чан, ты своими шуточками и жареную утку можешь расшевелить.

Чан Гуй. Я лишь боюсь, что мы не смогли угодить господину Кэ. Мастер Сю, вам все понравилось?

Кэ У. Ваша утка ароматнее утки, жареной в закрытой печи, а ты как считаешь, Мастер Сю?

Сю Динсинь (*сдержанно*). Неплохо.

Ван Цзыси. Два господина оказали нам честь.

Кэ У (*протягивает горстку денег*). Вот вам в награду, на всех.

Чан Гуй (*тут же подходит к прилавку и шумно высыпает деньги в длинную бамбуковую трубку для чаевых*). Господин Кэ пожаловал награду, скажем ему...

Голоса за сценой: «Благодарим господина Кэ!»

Кэ У. Ладно, ладно. (*Заметив висящий цинский флаг с драконом.*) Император взшел на трон, слышали?

Чан Гуй. Знаем, знаем! Посмотрите, какое оживление на нашей улице.

Кэ У (*принимая вид чиновника при императорском дворе*). Только в первый день император выпустил девять указов и отправил Ли Юаньхуна в отставку. Тот осмелел настолько, что ослушался приказа. Наш отец подал докладную записку с просьбой к императору разрешить Ли Юаньхуну покончить жизнь самоубийством.

Чан Гуй. Правильно, пускай он повесится.

Кэ У. Но император был милостив, сказал, что нехорошо убивать людей при вступлении на трон, и в благодарность за преданность отца пожаловал ему пурпурный парадный халат и перья павлина для головного убора.

Сю Динсинь. Завтра старый господин Кэ в своей резиденции хочет устроить банкет в честь милости императора с угощением в двадцать уток и жареным поросенком.

Ван Цзыси. Да, да! Все вовремя будет доставлено! Надеюсь, что два господина будут почаше оказывать честь нашему заведению.

Кэ У (*машет рукой*). Мастер Сю, повозка уже здесь?

Сю Динсинь. Ждет давно.

Кэ У. Куда мы дальше?

Сю Динсинь. «Синьшэнчан» открывается с завтрашнего дня. Сегодня они приглашали вас отведать их лапшу с угрем.

Кэ У (*нетерпеливо*). Снова лапша? Надоела уже.

Сю Динсинь. Рецепт этой лапши с угрем был привезен из Янчжоу старшим сыном императора У-Ляна, принцем Чжао Мином. Блюдо готовится на пару из цельного угря, удаляют хребет и кладут его в лапшу, в прозрачный куриный бульон добавляется лапша из тончайшего, как лист бумаги, теста, нарезают ножом на узкие полоски, как листья молодого лука, кидают в бульон, степень готовности должна быть восемь из десяти. К ней подается заправка из курицы, ветчины и грибов, все это доводят до кипения, разбавляют бульоном, добавляют чеснока. Заправку подают отдельно к лапше. Бульон получается прозрачный, а лапша гладкая.

Кэ У (*заинтересовавшись*). Раз вы все так красиво описываете, давайте поедем и уважим человека. (*Громко икнув.*) Не могу я после еды сразу есть.

Сю Динсинь. На термальных источниках Хуацин недавно открыли для купания ванну с дистиллированной водой. Все оборудованное заграничное, краны золотые. Их управляющий уже не раз приглашал вас. Давайте тогда сначала поедем купаться в термы Хуацин. Вы

там сможете отдохнуть, переварить, а на поздний ужин потом тогда уже поедем в «Синьшэнчан». Что скажете?

Кэ У. Ты командуй.

Чан Гуй. Доброго пути, господа.

Кэ У (*обернувшись*). Трактирщик Чан, в следующий раз я проверю, будет ли у вас так же вкусно. Посмотрим, сможете ли вы меня порадовать!

Чан Гуй. Я непременно оправдаю возложенную на меня достойными господами честь.

Кэ и Сю уходят.

Ван Цзыси. Судя по виду, Кэ У остался очень доволен. Ни к чему не придирался?

Чан Гуй лишь мотает головой в ответ, у него слишком пересохло во рту. Подмастерье Чэншунь протягивает ему чашку с прохладным чаем для утоления жажды.

Чан Гуй (*выпивает залпом*). Он сказал, что утка, жаренная в нашей подвесной печи, лучше, чем жаренная в закрытой печи.

Ван Цзыси. Ну слава богу!

Чэншунь. Я, как завижу Кэ У, сразу начинаю бояться. Говорят, что однажды он с господином Сю в ресторане «Чжэньянлоу» хотел поесть крабов. Они заказали крабов на пару, а под ними не оказалось подложки их листьев периллы. Так он одним ударом ноги опрокинул стол и так напугал всех в «Чжэньянлоу», что они там пару дней боялись ресторан открыть.

Чан Гуй. Все знают, что Кэ У разбирается в еде, но вот кто на самом деле большой знаток кухни, так это Второй мастер Сю, который всюду следует за ним. Раньше он старшего Кэ, отца, везде сопровождал, а теперь он — компаньон Кэ У и знает толк в еде. Однажды старый господин Кэ заглянул в дешевый трактир поесть утки, где посетовал, что салфетка для вытирания рта была слишком жесткой. Второй мастер Сю соображает быстро, и ему в голову пришло использовать блинчики для вытирания лица. С тех пор мы должны готовить лотовые лепешки для наших клиентов.

Ван Цзыси. Он — маньчжур?

Чан Гуй. Родом из Цзиньхуа в провинции Чжэцзян, где делают знаменитую ветчину. Он сказал, что ветчина из Цзиньхуа восхитительна потому, что в каждую партию ветчины при подготовке непременно кладется собачья нога.

Ван Цзыси. Даже звучит страшно!

Чан Гуй. Он сказал, что это в любом блюде работает, называется «принцип собачьей лапы»...

За кулисами слышится голос с сильным шаньдунским акцентом, кто-то кричит:
«Чэншунь, хватит тебе уже!» Чэншунь от страха несется к печи.

Чан Гуй. Мне не нравится этот звук.

Ван Цзыси. В кармане ни гроша, а он снова за старое, все время курит опиум, поэтому, пожалуйста, только чтобы не услышали. *(Показывает губами в сторону стойки за занавеской.)*

Чэншунь подносит ему большую и жирную жареную утку бордово-красного цвета, Чан Гуй берет ее и осторожно кладет в чистый железный контейнер.

Ван Цзыси. Восточный выход с конного рынка, семья Лю. Мастер Чан сегодня уже не пойдет.

Чэншунь *(взволнованно)*. Мне им разделать утку?

Чан Гуй *(кивает)*.

Ван Цзыси. Ты повнимательнее только, на каждом кусочке должна быть кожа, всего должно быть сто три кусочка...

Чэншунь *(берет контейнер с уткой)*. Размером с листочек сирени. Если вылезет косточка, сразу отправляй домой! *(Собирается уйти.)*

Чан Гуй. Возьми еще две лotosовых лепешки. Если вдруг дело затянется, чтобы тебе не умереть от голода там.

Чэншунь. Ага.

Ван Цзыси. По дороге пройди мимо ресторана «Цюаньиндэ», что напротив, дерни им в дверной звонок.

Чэншунь. Ага *(убегает)*.

Повар-печник — Головастик Ло из Шаньдуна, рослый и крепкий, с бритой головой, в одной руке он держит сандаловую лопатку для печи, в другой — утку.

Головастик Ло *(отшвыривает утку)*. С меня хватит!

Ван Цзыси. Опять за свое? Печете ваши утки, каждый день печете, утка за уткой. А если глянуть на вас печников-то... Ты уйдешь — придется всех разогнать.

Головастик Ло. С того времени, когда я в учениках ходил, никогда еще я не работал в таком ужасном ресторане! Второй управляющий, какой сегодня день?

Ван Цзыси. 15 мая.

Головастик Ло. Сегодня пришел день расчета! С самого утра ни одного из двух управляющих на месте нет, один — где-то боевыми искусствами занят, другой болтается по оперным театрам. Они не хотят заниматься «Фуцзюйдэ». А мне какой резон с ними тут тратить свое мастерство?!

Чан Гуй. Пойдем к старому хозяину.

Головастик Ло. Я перед ними ни в чем не виноват. Когда в 1900 году солдаты союзных войск подожгли нам вход, если бы я не вынес из пожара вывеску, не было бы сегодня «Фуцзюйдэ»! И что с тех

пор изменилось?.. В кармане у меня так ничего и не зазвенело. Так вот я вам скажу, если сегодня мне выдадут хоть на 5 % меньше положенного, я встану и выйду вон отсюда!

Ван Цзыси. Дядя, тише! Не надо так кричать!

Головастик Ло (*все громче и громче*). Да и далеко я никуда идти не хочу, пойду прямо напротив в ресторан «Цюаньиндэ», буду у них там утку жарить.

Чан Гуй. Послушай! Старый хозяин очень болен, ты решил его добить совсем?

Головастик Ло. Чан, послушай, я вовсе не торгуюсь!

Занавес поднимается, входит Мастер Цянь.

Мастер Цянь. Мастер Ло верно говорит, там напротив как раз есть два таких места. Если хочет кто «перепрыгнуть через порог», я готов быть посыльным с письмом!

Головастик Ло. Ты пришел за оплатой? Выкладывай, зачем пришел. Наши братские дела тебя не касаются!

Мастер Цянь. Ты настырен! Все тут на улице толчемся, и что — никто никому не нужен?

Головастик Ло. Ты конкретно мне не нужен! Такие подлецы, как ты, и подкупают, и подсылают, и продают, и сводничают... Приличный человек такого делать не станет!

Ван Цзыси. Мастер Цянь, у нашего Головастика в последнее время настроение не очень, это не про вас лично говорит. Мясо в печи потеет, Мастер Ло, иди проверь, как разводят огонь в печи. (*Вытаскивает Головастика Ло.*)

Мастер Цянь. Неблагодарный!

Чан Гуй. Вот, выпейте горячего чаю глоток.

Мастер Цянь (*скривив лицо*). Не стоит. (*Берет счета с прилавка.*) Мука пшеничная «Тундинхэ» — сто юаней; сладкий соус для лапши «Любицзю» — пятьдесят; починка утиной кладовой — это триста; плюс еще одна партия уток, итого шестьсот двадцать юаней. Пожалуйста, пригласите управляющего к нам сюда пообщаться.

Ван Цзыси. Мы же старые друзья, что уж так жестко следовать правилам?!

Мастер Цянь. Не говорите глупостей.

Чан Гуй. Не сердитесь. Давайте я кое-что поясню. Как наш старый хозяин заболел, оба молодых хозяина по очереди дежурят в ресторане. И у нас теперь на двух человек аж четыре мнения. Я и не знаю, кого из них лучше слушать. Ну, будьте же снисходительны и замолвите за нас перед управляющими словечко, чтобы отложить оплату еще на несколько дней. Буду вам премного благодарен!

Мастер Цянь (*установившись на него*). Ни к чему опять эту тему заводить! Администратор за хозяина лавки бьет челом, лицом ты не вышел! Сегодня что так, что эдак, а деньги выкладывай!

Ван Цзыси. Раз уже договорились обо всем, в любом случае дело хорошее.

Мастер Цянь. Так есть деньги или нет? Нет денег — не вини меня потом в негуманности!

Цянь Шие подает знак рукой, входят четыре-пять человек и ногами начинают опрокидывать столы.

Ван Цзыси (*испуганно*). Эй, эй!

Входит Тан Дэюань, старый хозяин.

Тан Дэюань (*окриком останавливает происходящее*). Цянь Учэн!

Мастер Цянь (*успокаивается*). Ой, старый хозяин, как поживаете в последнее время?

Тан Дэюань. Пришел за оплатой счетов?

Мастер Цянь. (*Подает знак головорезам удалиться*). Ну что вы! Пришел поздравить. Дела-то вон как хорошо идут у вас, не то что давеча, когда дед ваш только купил этот участок земли.

Тан Дэюань. Да, в то время ты чернорабочим еще был в Сяньюйкоу, где на рынке людьми торговали.

Мастер Цянь (*запнувшись на мгновение*). Кто ж в Пекине не знает жареную утку «Фуцзюйдэ»? Вы уж эти счета пожалуйста закройте, а в дальнейшем я, может, и смогу что-то сделать для вас.

Тан Дэюань. Езжай и скажи своим хозяевам, что сегодня «Фуцзюйдэ» платит по большим счетам. Сам я занят и не могу поехать. Завтра с утра второй управляющий объедет всех приказчиков и привезет всем деньги, да всю сумму сразу. Чан Гуй, упакуй две большие утки гостям и вели Фушуню проводить мастера Цяня домой.

Мастер Цянь (*не осмеливается вызвать неудовольствие хозяина, кланяется*). Спасибо, но утку я не возьму, можно просто билет на утку.

Тан Дэюань. Дайте мастеру Цяню билет на утку, и утку тоже пусть возьмет с собой.

Мастер Цянь (*получив свое, с довольной улыбкой на лице*). Тогда я возьму, пожалуй. Старый хозяин, позаботьтесь о своем здоровье. Со вторым управляющим увидимся завтра. (*Уходит*.)

Тан Дэюань садится, тяжело дышит.

Входят несколько гостей и парень в одежде продавца.

Парень. Управляющий, мне один «Сучжоуский ларчик».

Чан Гуй. «Сучжоуский ларчик» — одна штука. *(Уходит.)*

Ван Цзыси. Ты ведь из магазина подержанной одежды? Как идут дела в последнее время?

Парень. Да, именно. Цинские костюмы, что мы насобирали в первый год революции, раскупили за два дня и еще хотят. Поэтому наш хозяин готов отправить нас по гробам халаты собирать.

Ван Цзыси. Ой, я же помню, что ты свою косу отрезал.

Парень *(шепотом)*. Я ее подсобираю на голове. Как революция приходит, я волосы подвязываю. Когда император возвращается, я их распускаю.

Ван Цзыси. Понятно, прям как веревку в колодце.

Чан Гуй вносит круглую лаковую коробку шесть дюймов на четыре и открывает крышку.

Чан Гуй. Всего шестнадцать видов, куриные кусочки в соусе заменили на язык.

Парень *(нюхает)*. В соевом соусе мясо мариновано?

Чан Гуй. Не волнуйтесь, строго по рецепту «Соли семь, соуса восемь». Если хотя бы на одну горошину меньше, мы не пускаем в продажу. Дома попробуйте!

Парень берет «Сучжоуский ларчик» и уходит.

Ван Цзыси *(осторожно, обращаясь к старому хозяину)*. Уже поздно, не пора ли сворачиваться?

Тан Дэюань. Спектакль в театре «Гуанхэ» закончился?

Ван Цзыси. Сегодня там «Дракон и Феникс — счастливое предзнаменование», за полночь только закончится.

Тан Дэюань. Подождем тогда. Господина-гадателя пригласили?

Ван Цзыси. Пригласили, и он сказал, что будет к одиннадцати.

Тан Дэюань *(берет со стойки банку с чаем для клиентов и нюхает содержимое)*. Как вы можете предлагать клиентам чайный порошок?

Чан Гуй *(оправдываясь)*. На этот раз чайный порошок, что привез Чжан Июань, был с отменным вкусом.

Тан Дэюань *(перестает расспрашивать)*. Как идет торговля в последние дни?

Ван Цзыси. Очень хорошо. Сегодня Кэ У приходил со Вторым мастером Сю.

Тан Дэюань. Да? И ни к чему не придрались?

Ван Цзыси. Не придрались, заказали 20 уток и оставили щедрые чаевые.

Тан Дэюань. Чан Гуй обслуживал?

Ван Цзыси. Он.

Тан Дэюань. Тогда скажи на стойке, что из чаевых Кэ У 20 % полагается Чан Гую.

Чан Гуй. Хозяин, не стоит...

Тан Дэюань. У тебя в доме нужда, так что нечего церемониться. Цзыси, все счета закрыты?

Ван Цзыси. Все, посмотрите?

Тан Дэюань. Молодые хозяева если смотрели, этого достаточно.

Ван Цзыси. Они...

Тан Дэюань. Что опять с ними? Не появлялись?

Чан Гуй. Ага, должно быть, что-то помешало им. В последнее время оба молодых хозяина очень волнуются за ресторан. На южной стороне же открывается ресторан «Цюаньиндэ». Второй молодой хозяин накупил тысячу хлопшек и велел нам в день их открытия взять и бабахнуть раньше них. Старший молодой хозяин тоже надулся и сказал, что мы еще не померяемся с ними, кто выше, кто ниже сможет взять! Видите, как оба молодых хозяина болеют душой за дело.

Тан Дэюань (*не отреагировав*). Цзыси, как закроешь сегодняшнюю кассу, сначала возьми деньги оплатить счета. Когда выставленных и незакрытых счетов выше крыши, как мы можем мериться с теми напротив! (*Не поняв реакции Вана.*) Да?

Ван Цзыси (*задумчиво*). Да.

Тан Дэюань. Цзыси, ты меня услышал?

Появляется Головастик Ло, несет сырую утку в руке.

Головастик Ло (*кричит на ходу*). Кто купил этих уток?! Это же удар по репутации заведения!

Чан Гуй (*кидая на Головастика Ло выразительный взгляд*). Головастик, иди еще повыбирай, пара-другая уток всегда не очень, это неизбежно.

Головастик Ло (*игнорирует*). Все такие! Это больные утки, купленные по дешевке, чтобы сэкономить. Хозяин, я не могу жарить эту утку. Я свим мастерством радовал мать-императрицу во дворце. И я знаю, что эта утка не годится в печь и что кто-то по ошибке думает, что я включу дурака!

Тан Дэюань (*берет утку и привычным движением щупает ее*). Цзыси, эту партию завтра рано утром продай в лавку на суп, мы не сможем ее жарить. «Фуцзюйдэ» свою репутацию заработал благодаря тому, что мы всегда отбирали лучшее. Как гласит поговорка, это человек заставляет человека молчать, а товар людям говорит сам за себя.

Головастик Ло. От ваших слов злость Головастика Ло прошла. Такой сегодня хороший вечер, я пойду пройдусь.

Чан Гуй. Возвращайся поскорее! А то потом и не сыщешь тебя поговорить о деле.

Головастик Ло уходит.

Тан Дэюань. Головастик так и не избавился от своей зависимости?

Чан Гуй. Не может бросить, он жену потерял из-за курения опиума.

Ван Цзыси. Я слышал, что он продал свою жену очень хорошему человеку. В первый же год та родила ему дочь. Это всяко лучше, чем быть с Головастиком.

Тан Дэюань. Она же была его женой. Старая пословица говорит, что хорошая женщина дважды замуж не выходит, достойная вещь ко второму хозяину не уйдет... (*Вспомнив случившееся.*) Цзыси, кто покупал этих уток?

Ван Цзыси. Второй молодой хозяин.

Тан Дэюань. Он же весь день пляшет с ножами и палками, как он может отбирать уток?! Ты все-таки присматривай за этим.

Ван Цзыси. Я присматриваю, уже говорил вам...

Тан Дэюань. Цзыси, ты со мной уже не день и не два. Сейчас все дела в ресторане на тебе. Ты должен расправить плечи. Напротив вот-вот откроется еще один ресторан. Если у нас утки, лук или лепешки в чем-то будут уступать, это будет приглашением для наших главных клиентов заглянуть в другой ресторан.

Ван Цзыси. Хозяин, вы, как и ваш отец, относитесь ко мне очень хорошо, я никогда не забуду этого, но со мной с недавнего времени что-то не то. У меня стала болеть голова, у меня мигрень (*фальшиво переигрывая*). Болит так сильно, что в глазах темнеет, земля из-под ног уходит...

Тан Дэюань. Несколько дней назад ты сказал, что у тебя есть смена, так?

Ван Цзыси. А, Лу Мэнши, он из семьи, где все в торговле, сейчас он работает кассиром в «Юйшэнлоу».

Тан Дэюань. Земляк?

Ван Цзыси. Он из Жунчэна, из Далуина, я с детства его знаю. Я приведу его как-нибудь показать вам. Приятной наружности юноша, с квадратными бровями и веселым лицом. Говорят, что, когда мать родила его, ей было видение, в котором под музыку и грохот барабанов в паланкине ехал упитанный малыш...

Тан Дэюань (*не желает все это слушать*). Он готов перейти к нам?

Ван Цзыси. Кто ж не хочет повышения, когда полон сил и энергии. Кроме того, у него вражда с управляющим «Юйшэнлоу», и он

давным-давно подумывал о смене места. Он придет — я смогу уйти на покой. Он займется рестораном как второй управляющий.

Та н Д э ю а н ь. Это я еще обдумую.

Ча н Гу й. Вы устали, вам надо полежать, растянуть поясницу.

Та н Д э ю а н ь. Как вернутся эти два моих горемычных, закрывай кассу. (*Уходит.*)

Ча н Гу й. Второй управляющий, я хочу кое-что сказать вам. С того момента, как вы взялись за управление рестораном, вы всегда контролировали здесь все как хозяин. Вы ему брат, и он был спокоен, доверяя вам дела. А этот Лу Мэнши — не родственник, человек со стороны.

Ва н Ц з ы с и. Но если так будет продолжаться и дальше, я больше не смогу контролировать дела. Самое ужасное — это сегодняшние счета. Хозяин велел нам расплатиться по долгам завтра. А чем мне платить-то?

Ча н Гу й. В такой-то хороший день в кассе нет денег?

Ва н Ц з ы с и (*перебирая счета*). Старший молодой хозяин на приглашение знаменитых актеров взял пятьсот, а второй молодой хозяин внес пожертвование в какую-то ассоциацию Цзинъю⁴. Вот и нет тысячи. Они берут деньги из кассы, а я не смею им отказать. Старый хозяин говорит, что я слишком терпелив, но я же должен их слушаться. Не видел, что старый хозяин пригласил сюда господина гадателя. На карту поставлена судьба ресторана! Однажды «Фуцзюйдэ» закроется, и будут говорить, что это я во всем виноват.

Ча н Гу й. Старый хозяин блюдет свое лицо, поэтому многое приходится скрывать.

Ва н Ц з ы с и. Скрыть можно первого числа, но к пятнадцатому числу уже ничего не скроешь.

Слышится шум, звенят колокольчики на повозках, стук конских копыт, голоса, громкие возгласы. В Театре «Гуанхэ» закончился спектакль.

Ва н Ц з ы с и. Спектакль окончен, Фушунь! (*Увидев, что Фушунь уснул, пинает его ногой.*) Опять спишь, иди на улицу!

Фу ш у н ь (*в испуге вскакивает, бежит к выходу*). Добро пожаловать! (*Зеваает.*) Приглашаем отведать утки... из подвешной печи... с хрустящей корочкой...

Входят трое.

⁴ Цзинъю — ассоциация утонченных боевых искусств, созданная в 1909 г. мастером Хо Юаньцзя.

Чан Гуй (*приветствует*). Господа, спектакль смотрели? Что изволите кушать? Пропустить по паре рюмашек? (*Провожает в отдельный кабинет.*)

Появляется Лу Мэн ши. Ему около тридцати, одет чисто и опрятно, походка стремительная, в поступи чувствуется сила и энергия.

Лу Мэн ши. Брат Цзыси!

Ван Цзыси. Ого, вспомни тебя — ты тут же и появишься. Чан, это Лу Мэнши, о котором я тебе только что говорил.

Лу Мэн ши. Мастер Чан, я так много слышал о вас, но никогда не выпадала честь с вами встретиться. Сегодня наконец представился случай.

Чан Гуй (*оценивает молодого человека, у которого и голова, и лицо на месте*). Вы церемонны. Я тут просто на подмоге.

Лу Мэн ши. Ничего подобного! И писавший книги Сыма Цянь, и рисовавший картины Тан Боху, и ковавший подковы кузнец Лю были лучшими в своем деле, потому что в каждом человеке есть что-то уникальное. Говорят, что у вас есть постоянные клиенты. Куда вы, туда и они. В каком бы ресторане вы ни работали, они всегда пойдут следом за вами.

Чан Гуй. Ну что вы! Что вы! (*Относит чай, идет встречать гостей.*)

Ван Цзыси. Были на спектакле с госпожой Юй Чуэр?

Лу Мэн ши (*улыбнувшись*). Заодно порешал кое-какие дела.

Ван Цзыси. Не приуменьшай. Вдали от родного дома, на чужбине иметь подругу совсем неплохо. Главное, не принимать все это всерьез.

Лу Мэн ши. Я действительно просил ее разузнать кое-что. Я слышал, что у Нэйляньшэна есть секретная копия книги «Лю Чжун Бэйцзай», которую нельзя никому показывать. Знаете такую?

Ван Цзыси. Никогда о такой не слышал.

Лу Мэн ши. В ней записаны размер обуви и увлечения всех членов императорской семьи, их родственников и высоких сановников в Пекине.

Ван Цзыси. Для чего это?

Лу Мэн ши. Например, если господин из резиденции Цзя хотел бы выслужиться перед господином из резиденции Ли и подарить ему нарядные сапоги на многослойной подошве, то можно было бы поехать в Нэйляньшэн с заказом. А они там всенепременно сделают пару подходящих для господина Ли сапог. И будет подарок такой и приятный, и приятный.

Чан Гуй. Вы хотите сказать...

Лу Мэн ши. Я думаю, что если ресторан запишет все праздничные дни старых и молодых господ во всех дворцах и больших особняках в Пекине и, подсуетившись в канун «трех праздников и двух дней рождения», вручит подарок посетителю, когда он приедет в ресторан, они будут заранее заказывать у нас банкеты. Можно подарить коробку пампушек в виде персиков и лапшу долголетия, чтобы порадовать людей. Они узнают, что мы заботимся о них и внимательны к ним, и будут чаще приходить сюда.

Ван Цзы си. Любишь ты с глупостями всякими выступить, не стоит так стараться ради такого управляющего, как в вашем ресторане.

Лу Мэнши вздыхает.

Ван Цзы си. За людей не считают, если бы не дядя, он бы даже не...

Лу Мэн ши *(не желая вспоминать о грустном)*. Он слишком честен, если бы я...

Входит Господин гадатель.

Ван Цзы си. Господин пожаловал, наш хозяин вас давно ждет.

Господин гадатель. Еще нет одиннадцати.

Тан Дэюань. Я пригласил господина, чтобы...

Господин гадатель *(перебивает)*. Ничего не говорите, сначала покажите мне свой счастливый дом.

Тан Дэюань. Пожалуйста.

Господин гадатель. Вы сами не провожайте меня.

Тан Дэюань. Цзыси, проводи господина везде, я останусь здесь с господином Лу.

Ван Цзы си. Мэнши, это наш старый хозяин.

Ван Цзыси сопровождает Господина гадала, оба уходят.

Лу Мэн ши. Старый хозяин, здравствуйте!

Тан Дэюань. Не заслужил я такого внимания, сядь. Я слышал все, что ты только что говорил.

Лу Мэн ши. Я тут празднично болтал с братом Цзыси, хотел вас повеселить.

Тан Дэюань. Хорошо ты придумал. Вот ты рассказал только что обо всем этом, а ты не боишься, что мы уведем клиентов из «Юйшэн-лоу»?

Лу Мэн ши. Много лодок не мешают реке течь, а когда есть с чем сравнивать, видно, что вода течет далеко.

Тан Дэюань. Хорошо. Есть одно дело, о котором я бы хотел услышать ваше мнение.

Лу Мэн ши. Говорите.

Тан Дэюань. Прямо напротив нас открывается новый ресторан, там будут готовить блюда из жареной утки. Вход оформлен точно так же, как у нас, даже подушки на стульях в зале и навесы от солнца ничем не отличаются. Тамошний управляющий когда-то у нас тут был кассиром. У печи стоит человек, которого я лично уволил отсюда. Называться то место будет «Цюаньиндэ», это означает, что все они хотят превзойти наш «Фуцзюйдэ». В такой ситуации что бы ты сделал?

Лу Мэн ши. Поехал бы в «Жуйфусян», купил два отреза красного шелка и сделал поздравительную растяжку. На ней бы написал: «Все работники “Фуцзюйдэ” в Мясном Ряду у Цяньмэнь сердечно поздравляют с открытием». В день торжества нанял бы пару гонгов и барабанов и пошел бы к ним с управляющим во главе, чтобы поздравить и пожелать процветания бизнесу.

Тан Дэюань. Почему?

Лу Мэн ши. Мы на весь мир торгуем. Если никого не обманывать, не совершать несправедливостей, у кого есть способности, дело само в гору пойдет.

Появляется Господин гадатель, он что-то говорит.

Господин гадатель. Хорошее место, хорошее место, прекрасный фэншуй! Прямо примыкает к императорскому тракту, позади закрыто высокой стеной, особенно хорошо, что с каждой стороны по переулку. Как называется этот переулок?

Тан Дэюань. Колодезный переулок.

Господин гадатель. «Колодец», значит. Смотрите, слишком низко, свалится в колодец в итоге.

Тан Дэюань. Вы имеете в виду...

Господин гадатель. Здание слишком невысокое, чтобы дотянуться до богатства! Здесь нужно возвести высокий терем. Два переулка по сторонам — это как две ручки-шеста от паланкина. А это должен быть большой паланкин, который восемь носильщиков несут. И путь у него в будущее будет без конца без края!

Тан Дэюань. Господин, вы говорите, что нужно построить здание *(Не видит смысла продолжать общение.)* Пожалуйста, выпейте чаю во внутренних помещениях.

Тан Дэюань уходит в сопровождении Господина гадалки.

Лу Мэн ши *(то ли задумавшись, то ли разговаривая с самим собой)*. Он сказал, что это паланкин...

Ван Цзыси. Да скажи он, что тут тронный зал императора, все бесполезно.

Лу Мэн ши. Дела по-прежнему не идут?
Ван Цзы си. Некому тут ими заниматься. Вот, кстати, я все хотел с тобой обсудить кое-что...

Появляется старший молодой хозяин «Фуцзюйдэ» Тан Маочан, за ним следом его слуга Фуцзы.

Тан Маочан *(на ходу голосом отрабатывает пение арии)*. «Лю Бэй был потомком царя Цзина, праправнук ханьского императора по линии...»

Фуцзы прищелкивает языком, подражая звукам гонгов и барабанов.

Тан Маочан. Вот тут слово «линии» хорошо тянет все-таки Мастер Тан Синпэй.

Фуцзы. У вас слово «линия» получается с особым оттенком, как у школы Юй: оттенок Мастера Юй.

Тан Маочан. Да? *(Запевает.)* «По линии...» Фуцзы, я хочу пригласить к нам всех певцов, что играли сегодня вечером. Как ты думаешь, они придут?

Фуцзы. Раз хозяин «Фуцзюйдэ» угощает, конечно, придут!

Тан Маочан. Я должен пригласить учителей.

Фуцзы. Собрались взяться за дело самостоятельно?

Тан Маочан. Так продолжаться дальше не может, нужно позволить артистическим кругам наконец оценить мой талант.

Фуцзы. Неровен день эти мастера еще будут с вами вместе петь?

Тан Маочан *(чем больше думает об этом, тем больше радуется)*. Фуцзы, если ты сможешь сделать это для меня, ты можешь приходить и кушать в «Фуцзюйдэ» в любое время.

Фуцзы *(брови приподнимаются, глаза начинают улыбаться)*. Благодарю вас, хозяин Тан!

Тан Маочан *(берет чайник, который принес Чан Гуй)*. Где второй хозяин?

Чан Гуй. Еще не вернулся.

Тан Маочан *(обнаруживая Лу Мэнши)*. Кто это?

Ван Цзы си. Из ресторана «Юйшэнлоу», мой брат Лу Мэн ши.

Лу Мэн ши *(делает шаг навстречу)*. Хозяин Тан, я слышал в вашем исполнении «Записки ночного горшка».

Тан Маочан *(внезапно оживившись)*. Правда?

Лу Мэн ши. В Тяньшэне ваш выход был действительно интересен. И костюм красив.

Тан Маочан. Брови в тот день сделали неудачно, одна выше, другая ниже, это было видно из зала?

Лу Мэн ши *(желая сказать приятное)*. Нет, совсем было незаметно.

Тан Маочан. Пел тоже не очень хорошо, прямо не по-настоящему.

Лу Мэнши. У вас голос — «облако, закрывающее луну». Стоит чуть ниже брать.

Тан Маочан О! Вы говорите то же самое, что сказал и мастер Юй⁵! *(Обращается к Лу Мэнши как к близкому другу)* На следующей неделе я играю в «Поисках матери», я зарезервирую для вас место.

Лу Мэнши. Прекрасно! *(Ляпает первое пришедшее на ум.)* Мне нравится слушать вашу оперу.

Тан Маочан *(не дает уйти)*. Не уходите, давайте поужинаем вместе, вы мне расскажете еще.

Лу Мэнши. Время-то уже какое! Сейчас ужинать?

Тан Маочан. Я когда смотрю спектакль или сам играю в нем, мне не нужно есть, Чан Гуй, дай этому господину хорошую утку с собой.

Лу Мэнши. Спасибо, я не возьму утку. Не забудьте о месте для меня в театре. *(Уходит.)*

Тан Маочан. Эй, пусть господина отвезут на моем паланкине! *(Размышляет.)* Почему его лицо так хорошо мне знакомо. Кто он?

Ван Цзыси. Это Юй...

Тан Маочан *(внезапно вспомнив)*. О! Ты только посмотри, какая у меня хорошая память! Это же Юй Ляньчэн, у него ампула «младший шэн»!

Ван Цзыси *(беспомощно)*. Чертовщина какая-то.

Тан Маочан *(сам себе)*. Кто-то же специально приходит послушать мои выступления *(Воодушевившись)*. Сделаем так, Фуцзы! Завтра отправим им всем приглашение с посыльным, только обязательно всем разослать.

Фуцзы. Это я беру на себя! Хе-хе, хозяин Тан, я сегодня еще не ужинал.

Тан Маочан. Чан Гуй, упакуй утку для Фуцзы с собой.

Ван Цзыси. Барин, старый хозяин приехал, отдыхает внутри.

Тан Маочан. Да. *(Оправляет одежду, идет к отцу.)*

Фуцзы выбирает большую утку и счастливый уходит.

Ван Цзыси. С таким же успехом мог бы построить сарай для уток и заработать себе хорошую репутацию.

Чан Гуй *(бьет мух)*. Этот совсем не похож на коммерсанта!

Внезапно на заднем дворе раздается грохот, напугавший обоих.

⁵ Мастер Юй — Юй Шуянь, известный актер пекинской оперы ампула «старший шэн», был учеником Тань Синьпэя, основал свою собственную школу «Юй».

Ван Цзыси. Второй молодой хозяин вернулся! Этот еще страннее. Есть дверь, но он в нее не входит, а прыгает через стену.

Входит Тан Маошэн. Он одет в костюм для занятий боевыми искусствами — серые атласные брюки и куртка, на талии повязан широкий шелковый пояс, по краю расшитый зелеными пионами.

Тан Маошэн. Слышали шум?

Ван Цзыси. Слышали.

Тан Маошэн (*разочарованно сам себе*). Нужно будет еще потренировать световой гонг. Чан Гуй, мух так не бьют. Смотри, удача с нами, вот она, вот она! (*Берет со стола палочки для еды и одним движением ловит двух мух.*) Вот так их нужно ловить.

Чан Гуй. Второй молодой хозяин, я так не умею.

Тан Маошэн. Не умеешь — учись! Я тоже не очень хорошо дрался. Мой учитель если где встанет — все мухи и летят к нему.

Чан Гуй. Наверно, он рыбу любит есть.

Тан Маошэн. Да где там? Чисто совпадение. Энергия ци из точки Даньтянь поднимается вверх, а-а-а-а. (*Принимает позу.*)

Входит Тан Маочан.

Тан Маочан (*раздраженно*). Для тренировок отправляйся в западный пригород.

Тан Маошэн. Оставь меня в покое, у тебя одно хобби, а у меня другое.

Тан Маочан. Посмотри, во что ты одет. Надо учиться — учись у Линь Чуна⁶. Человек знал, как «отбить в ночи стражу и слышал капли дождя». Что с сравнении с ним Ван Хуцзы? Мятажник.

Тан Маошэн (*взволнованно*). Ты говоришь, что Ван Хуцзы — мятежник? Позволь мне сказать, я видел собственными глазами, как на овощном базаре убили Ван Хуцзы. Голова его упала на землю и покатилась, глаза были открыты, рот тоже. И она подняла целый столп желтой земли, как столп дыма. Вот это был мужчина!

Тан Маочан. Хватит, хватит, не буду я драться с тобой, отец зовет тебя. Советую как можно скорее надеть халат, чтобы не схлопотать от него.

Чан Гуй (*протягивает халат*). Вот, наденьте, второй молодой хозяин.

Тан Маошэн с презрением надевает халат и уходит.

⁶ Линь Чун по прозвищу Барсоголовый — персонаж одного из четырех классических китайских романов «Речные заводи» Ша Найаня, олицетворяет собою смелость.

Тан Маочан (*прислушиваясь*). Накрывайте на стол.

Несколько гостей выходят из маленького кабинета, все навеселе.

Первый посетитель (*борется за счет*). Четвертый брат, я оплачу.

Второй посетитель. С чего вдруг? Не уважаешь своего четвертого брата? Мы как вошли, я сразу сказал, что сегодня угощаю!

Третий посетитель (*достает пригоршню денег и сует Чан Гую*). Дайте счет.

Второй посетитель (*удерживает*). Ни в коем случае!

Чан Гуй. Господа такие преданные государю! Император взошел на трон, день за днем дают хорошие представления. Как насчет того, чтобы завтра заглянуть снова?! После оперы зайдите к нам пропустить по стаканчику. И сможете по очереди угощать друг друга, ну как?

Первый посетитель. Сделаем, как он говорит, сегодня четвертый брат платит, завтра я!

Чан Гуй. Хорошо! Всего 2,26 юаня. Счет в кассу. Хорошего вечера!

Посетители, разговаривая и смеясь, уходят. Несколько учеников расставляют в зале столы со счетными книгами, ручками и счетами. Внутри сцены Тан Дэюань ссорится со вторым сыном, появляется рассерженный Тан Маошэн.

Тан Маошэн. Не хочет меня видеть? Да я сам не хочу приходить сюда! Не заставляйте меня уйти на гору Утай!

Тан Дэюань (*догоняет*). Иди куда подальше, три поколения в семье Тан занимались этим делом по-серьезному. Не нужны здесь такие, как ты!

Все начинают увещевать.

Тан Дэюань (*сердито*). Закрывай кассу!

Братья Тан сидят за столом, а Тан Дэюань стоит, опираясь на старое цинское кресло имперских времен.

Тан Маочан (*обращается к Ван Цзыси*). Зови.

Ван Цзыси (*открывает бухгалтерскую книгу*). Всем ждать во втором дворе. Без вызова не заходить! Чан Гуй!

Чан Гуй подходит к столу.

Тан Маочан (*листает бухгалтерскую книгу*). Чан Гуй, ты хорошо поработал эти полгода. По идее, следовало тебе побольше заплатить, но пока с деньгами туго. Ты в ресторане за старожилу. Тебе даю 10 %.

Чан Гуй (*хотел было что-то сказать, но передумал*). Угу.

Тан Маочан. Чан Гуй, у вас уже был взят кредит. В мае, когда жена твоя заболела, ты брал в долг тридцать юаней. Позже заболел твой пятый сын, ты взял вперед еще двадцать юаней. Итого пятьдесят. Отнимаем взятое взаймы, ты остаешься должен конторе еще двадцать юаней.

Ван Цзыси говорит что-то Тан Маочану.

Тан Маочан. Я слышал, что семья у тебя большая, денег не хватает, но и в ресторане все сложно. Даю тебе полмесяца отсрочки на закрытие долга.

Тан Дэюань. За три месяца выплатишь.

Чан Гуй. Спасибо, добрый хозяин.

Тан Маочан (*кидает взгляд на отца*). Следующий.

Ван Цзыси. Сначала вызови Чэншуня, Головастик еще не вернулся.

Чэншунь подходит к столу.

Тан Маочан. Ты хорошо поработал эти полгода, получишь сверху десять юаней. (*Смотрит на выражение лица Чэншуня.*) Нема-ло. В других ресторанах у учеников вообще нет денег на карманные расходы, ты должен знать меру.

Чэншунь. Я знаю меру.

Тан Маочан. Деньги будут храниться в кассе. Не тратьте их как попало. Как понадобятся — придешь и возьмешь. Следующий!

Появляется Головастик Ло. Он достаточно покурил опиума, его настроение совсем другое.

Головастик Ло. Хозяин, теперь моя очередь, да?

Тан Маочан (*продолжает в том же духе*). Ты хорошо поработал эти полгода. Следовало выдать тебе побольше, но у ресторана много долгов, и нельзя позволить вынуть из кассы лишнее. Всем придется взять на себя немного этой ответственности.

Головастик Ло (*ненавидит, когда ходят вокруг да около*). Четко скажите, сколько даете?

Тан Маочан. Пятнадцать процентов.

Головастик Ло (*хватает перекладину, на которой висят жареные утки и швыряет ее в окно прямо с утками*). Извольте искать себе специалиста более сведущего! (*Поворачивается и уходит.*)

Ван Цзыси. Да Ло! Да Ло!

Тан Маошэн (*не выдержав*). Набивает себе цену! Я на такое не ведусь. Хочешь уйти, ну и...

Тан Дэюань (*останавливает сына*). Да Ло, вернись!
Головастик Ло. Старый хозяин, рано или поздно это дело развалится! (*Уходит.*)

Тан Дэюань. Хватит на сегодня счетов! (*Остальным.*) Расходитесь.

На сцене остаются только отец и сыновья Тан.

Тан Маошэн. Силой же выхватил вывеску-то эту? Словно это успех какой! Это вы с дедом избаловали. Швыряться — это уже слишком...

Тан Дэюань. Заткнись! Дай мне счета.

Тан Маочан передает бухгалтерские книги.

Тан Дэюань. Скажи мне, за последние шесть месяцев какой у нас перерасход? Сколько прибыли? Какой остаток?

Тан Маочан. Счетами Ван Цзыси занимается. Я смотрел, но не запомнил. Примерно...

Тан Дэюань (*перебивая Тан Маошэна*). Говори.

Тан Маошэн (*решительно*). Брат смотрел, я — нет.

Тан Дэюань. Полная неразбериха со счетами! И какие вы после этого хозяева?! Нарочно задумали разрушить дело, оставленное вам прародителями!

Тан Маочан. Отец, вы больны, вам нельзя так волноваться. Если честно, у нас у всех свои предпочтения. Мы не хотим положить всю свою жизнь на этих уток.

Тан Дэюань. Бесстыдник, думай, что говоришь! Как будто кто-то из вас вырос не на этих утках! Дед ваш приехал в Пекин четырнадцатилетним мальчишкой. Дом построил на двух разделочных досках. Ты родился в тот год, когда была куплена эта земля. Дед имя тебе дал Маочан⁷, чтобы в семье Тан многие поколения потомков поддерживали и развивали это дело.

Тан Маошэн. Никто и не говорит, что надо продать «Фуцзюйдэ».

Тан Дэюань. Помолчи! Посмотри на себя. Ваша мать умерла от болезни, полученной, когда тебя рожала. Уж лучше бы не рожала вообще ублюдка такого.

Тан Маошэн. Это уж вы слишком далеко зашли в своих словах. Кабы не я, и не дожили бы вы до сегодня.

Тан Дэюань. Ах ты тварь неблагодарная, убирайся отсюда подалее!

⁷ Маочан буквально означает «пышный и процветающий».

Та н Ма о ш э н . Я? Неблагодарный?! Покажу вам кое-что! (*Засучивает рукав.*) А это что такое? (*На руке у него шрам.*) «Срезать мяса со своего тела, чтобы вылечить родителя». Брат, у тебя в опере об этом поется, так вот там везде фальшивка, а вот тут по-настоящему! В прошлый раз, когда отец долго болел и никак не мог выздороветь, это я отрезал кусок своего тела. Вот отсюда. И положил его в котел с лекарством для вас, что вас и спасло.

Та н Дэюань смотрит на него с выпученными глазами, потеряв дар речи.

Та н Ма о ш э н . Понятно?! На моем мясе было сварено то лекарство, от которого вы только и смогли поправиться.

Та н Дэюань внезапно почувствовав приступ тошноты, громко вскрикивает, и его сильно рвет.

Та н Ма о ч а н . Отец!

Та н Ма о ш э н . Отец!

Появляются люди, одни стучат старику по спине, другие щиплют под носом. Та н Дэюаня продолжает рвать, люди постепенно перестают пытаться помогать, все в панике.

Та н Дэюань (*прерывающийся, слабым голосом*). Цзыси...

Ва н Цзыси. Я здесь, хозяин. Держитесь, доктор скоро будет.

Та н Дэюань (*из последних сил*). Мне не нужен доктор. Идите, позовите этого Лу... Мэн... Ши...

Та н Ма о ч а н (*удивленно*). Лу Мэн ши и?! Того самого, что поет сяошэна⁸?!
Занавес.

Акт второй

Сцена первая

Время: три года спустя. Место действия: ресторан «Фуцзюйдэ». На месте старого ресторана «Фуцзюйдэ» в три двери построено новое здание. Вестибюль при входе такой же, как и раньше. С левой стороны сцены видна лестница, по которой можно подняться наверх. На втором этаже коридор П-образной формы и больше

⁸ Сяошэн (младший шэн) — ампула в пекинской опере, образованный и воспитанный юноша приятной наружности, обычно второстепенный герой в сюжете.

десяти отдельных кабинетов. Над входом в кабинеты висят резные деревянные панно с цветочными мотивами, некоторые еще не успели покрыть лаком, просвечивает светлая древесина. Двери свежеекрашены, видны кирпичные стены с серыми швами, стены в зале на всю высоту оклеены белой бумагой. Посередине висит старая вывеска с золотой надписью, производит на входящих очень величественное впечатление. Поднимается занавес. Ранее утро, работники ресторана «Фуцзюйдэ» еще спят. Появляется Ван Цзыси.

Ван Цзыси. Подъем! Просыпаемся, солнце уже встало!

Со всех сторон выскакивают работники ресторана. Головастик Ло, лениво потягиваясь, выходит из кабинета наверху. Фушунь лежит привязанный к стойке, не может встать и поэтому громко кричит.

Фушунь. Брат Чэншунь, пожалуйста, помоги мне. Развяжи меня поскорей.

Ван Цзыси. Погоди, что это тут с тобой приключилось?

Фушунь. Стойка слишком узкая, я с нее падаю во сне, поэтому я...

Ван Цзыси. До чего только не додумаются! Будешь использовать свой мозг для изучения торговли — богатым станешь. *(Развязывает его.)*

Фушунь скатывается со стойки, встает на ноги.

Ван Цзыси. Если не поспешишь заняться своими обязанностями, расскажу обо всем второму управляющему и припечатаю тебя к стойке обратно.

Закипает работа, сворачивают и уносят свои постели во внутренние помещения, подметают пол, разводят огонь в печи. Начинается рабочий день.

Ван Цзыси *(отдает стандартные наставления работникам)*. В новом высоком тереме всем нам надо быть поэнергичнее. В полдень брони нет. Вечером хозяин пригласил к нам людей искусства, и во всех четырнадцати кабинетах будет большой банкет... *(Увидев, как Чэншунь выносит живую утку.)* Смотри, чтоб она не начала крикать, второй управляющий еще спит!

Головастик Ло. Эй, разбудишь второго управляющего Лу, я сам тебя разэтакого «упакую обратно». Пошел отсюда.

Чэншунь. Смотри! *(Сует утиную голову подмышку, другой рукой зажимает утке клюв.)*

Головастик Ло *(обращается к Ван Цзыси, который, прищурившись, смотрит на задний двор)*. Бабешки вчерашние все еще тут.

Ван Цзыси *(улыбается)*. Не суй нос не в свои дела. *(Продолжает раздавать указания.)* Отберите и выпотрошите сорок уток.

Предупредите «Юаньсинлоу» и «Тайфэнгуань» напротив, чтобы к вечеру держали наготове четыреста лotosовых лепешек и двести кунжутных печенек из подвесной печи. Подавать будем по требованию, должны быть горячие. С утра в Тяньцяо отнесите остатки вчерашней жареной свинины: проследите, чтобы сварили кашу, почистили лук, надавили чеснока. *(Распределив поручения, он, как обычно, уходит на утреннюю прогулку и перекусить.)*

Головастик Ло. Третий управляющий, хочу кое о чем спросить.

Ван Цзыси. Говори.

Головастик Ло. Тот повар, Косичка Ли, что позавчера приходил пробоваться, сегодня вечером придет?

Ван Цзыси. Придет, второй управляющий сказал, что сегодня мы открываемся в большом новом тереме. Теперь у нас тут приличный ресторан. Прежние «четыре блюда из утки» уже устарели, надо добавить в меню еще горячих блюд.

Головастик Ло. Говорят, что потом он будет поваром-печником?

Ван Цзыси *(уходит от ответа)*. Не знаю ничего об этом, это его работа — нанимать людей. Фушунь, внимательно следи за коробкой с лотереей. Кто не ест в ресторане, тот в лотерее не участвует.

Головастик Ло *(раздражается)*. Позвать мне в конкуренты второсортный товар из «сарайных посыльных». Вы там поосторожней! Вдруг мне не по вкусу придется.

Ван Цзыси. Эти два дня второй управляющий обеспокоен долгами, оставшимися после постройки здания. Не надо добавлять ему переживаний.

Головастик Ло. Тогда почему он не пригласит к нам Лу Эрцюня, земляка из «Жунчэнской команды» и ученика великого Ван Юйшаня из «Короля жаровни», что я рекомендовал?

Ван Цзыси. Как-то он сказал, что не берет никого, кто бы был как-то связан с фамилией Лу.

Головастик Ло. Это все из-за того, что он хочет казаться порядочным. Не заставляйте меня...

Ван Цзыси. Из-за всей этой болтовни с тобой чуть не забыл про свои горячие лепешки с редькой.

Головастик Ло. С редькой? Редьку и едой-то не назовешь.

Ван Цзыси. Ничего ты не понимаешь. Тонкими нитями нарезанный сахарный дайкон с добавлением меда из розового османтуса, сверху тонкая стружка лучшего сала, в печке все это запекается. Хочешь, чтобы было рассыпчатое — начинка будет цельная. Не хочешь рассыпчатое — во рту растает. Если опоздать, то горячих лепешек уже не останется! *(С этими словами, улыбаясь, уходит.)*

Головастик Ло. Скользкий, как налим, старикан! Фушунь, иди купи мне жареных полосок.

Чэншунь (*через мгновение держит в руках горячие полоски*). Мастер, только со сковородки, хрустящие.

Головастик Ло (*думает, пока ест*). Косичка Ли, все-таки гребаный Косичка.

Чэншунь (*подносит чашку с соевым молоком*). Я слышал, что старик упрям, сказал как отрезал.

Головастик Ло. Скорей всего, подобрали его где-то на улице в тот год, когда Косичка Ли от армии бежал. (*Хохочет.*)

Фушунь (*очищает утку*). Говорят, что он умеет готовить банкет с маньчжурскими и китайскими блюдами.

Головастик Ло. Ха, зажав под мышкой кухонный нож, бегать по залу он умеет. Откуда у него возьмется такой талант! Это он... (*Показывает себе за спину.*) Пригласили быть дедком. Говорю вам, если у таких бродяг учиться, то шансов пробиться в этой жизни нет. Ты слышал меня? (*Стучит пальцем Фушуню по лбу.*)

Фушунь (*чуть не падает в таз с горячей водой от толчка*). Ой!

Чан Гуи (*поднимая чайник*). Чего разорался? Правил не знаешь!

Фушунь (*обиженно*). Это не я...

Чан Гуи. Опять упрямисься. Второй управляющий еще не знает о случившемся вчера.

Появляется аккуратно одетый молодой человек с изящной бамбуковой корзиной в руках, в корзине свежие цветы туберозы.

Доставщик цветов. Господин, я доставил заказанные вами цветы.

Головастик Ло. Здесь только утки да мужики, это тут никому не нужно.

Доставщик цветов. Тут нет ошибки, ресторан «Фуцзюйдэ» в Мясном Ряду.

Чан Гуи (*вспоминает*). Наверно, это заказ Юй Чуэр. Подожди, я схожу спрошу. (*Уходит.*)

Доставщик цветов (*оглядывает на здание*). Терем у вас тут отгрохан что надо, еще и лотерея есть. (*Протягивает руку, чтобы взять билетик.*)

Фушунь. Эй, ты поесть пришел?

Доставщик цветов. Хм, вытянул пудренницу, что с собой носят. А мне и деть-то некуда.

Вслед за Чан Гум появляется Юй Чуэр.

Юй Чуэр. Молодой человек, принес?

Эта Юй Чуэр внешне не особо красива, но в ней чувствуется шарм и интеллект, одета она в белоснежные шелковые брюки, элегантно и красиво.

Доставщик цветов. Я принес туберозы. Взгляните, какие крупные соцветия.

Юй Чуэр (*берет веточку цветов и нюхает ее*). Ах!

Доставщик цветов. Эти цветы магнолии были специально для вас отобраны нашим управляющим, чтобы вы могли почувствовать их аромат.

Юй Чуэр (*прикалывает цветок себе на грудь*). Передай от меня благодарность своему управляющему. (*Достает красный конверт*.) На вот, держи.

Доставщик цветов. Вы снова даете деньги, благодарствую. (*Уходит*.)

Юй Чуэр. Фушунь, поставь цветы пока в ведро, вечером расставь по пять веточек на каждый стол. Если где есть желтые листики, оборви их. (*Осматривает зал*.) Занавески наверху еще не повесили?

Чан Гуй. Отправили крахмалить, чуть погода привезут.

Юй Чуэр хочет подняться наверх.

Чан Гуй. Вот письмо от управляющего Лу, пожалуйста, возьмите его с собой. Фушунь, поднимись с госпожой Юй Чуэр наверх, проверьте, вдруг где чего не хватает.

Юй Чуэр и Фушунь поднимаются наверх и уходят.

Головастик Ло. Хе! Прямо хозяйкой тут стала, туберозы, видишь ли, понадобились, все борделем провоняло.

Чан Гуй. Не смотри на людей свысока, меню в публичных домах в Восьми больших хутонах тоже единственное в своем роде.

Головастик Ло. Слушай больше ее враки, мне бесплатно предложи — я есть не стану.

Чан Гуй. Ты слишком избалован. Старший сын императора во дворце пришел в восторг от их кухни. Вот почему у нее прозвище Юй Чуэр, что означает, что она не хуже повара в императорском дворце готовит.

Головастик Ло. «Фуцзюйдэ», значит, пошел в разнос. Пригласили шалаву в управляющие, «сарайного посыльного» в повара позвали. Старина Чан, после обеда должен появиться какой-то Косичка, давай проучим его как следует.

Чан Гуй (*наливает кипяток, говорит негромко, но веско*). Ты снова богат, что ли?

Головастик Ло. С тех пор как вторым управляющим стал Лу Мэнши, я был достаточно покладист ведь, да? И почему он смотрит на нас свысока?

Чан Гу й . Он свысока смотрит на таких, как ты, которые только и знают, что есть, пить, курить, деньги проигрывать и трепаться.

Головастик Ло . Хм! А кто из поваров в прислуге не такой?

Чан Гу й . Скажу прямо, управляющий Лу как раз боится сделать что-то такое, за что на нашего брата будут свысока смотреть.

Головастик Ло . А если б и не смотрели свысока, что с того? Его отца-то управляющий в «Юйшэнлоу» того...

Чан Гу й . Головастик! Что ты кричишь? Решил остаться без работы! *(Снимает передник.)*

Головастик Ло . Куда ты?

Чан Гу й . Отнесу жене денег, что выручил вчера за утиную кровь, она ждет. Наш пятый сын опять болеет.

Головастик Ло . Ты всю жизнь носишься ради своих детей, а вырастут они — никто из них к тебе почтительности не проявит.

Чан Гу й . Ждать от них сыновней почтительности? Я буду всеми силами стараться. *(Уходит.)*

Головастик Ло . Чэншунь, когда Косичка Ли придет, я сначала припугну его.

Чэншунь . Ага! Я скажу, что мой мастер — это столп и опора «Фуцзюйдэ», ученик знаменитого шеф-повара горбуна Лю и потомок печника Суня с императорской кухни.

Головастик Ло *(с довольным видом)* . Ну, а он тебя спросит, какой я школы?

Чэншунь . Что какой школы?

Головастик Ло . Тупица, что ли?! У поваров есть две школы. Одна из них — это Школа Великого государя, в ней чтят цвет, аромат, вкус и форму. Готовят на медленном огне без приправ, тщательно сохраняя исходный вкус. Другая — Школа бодхисаттвы, в ней важно слегка отбить и немножко постучать, готовят недолго на сильном огне, много масла и приправ, ярко выраженный вкус, практично и вызывает радость.

Фушунь . А ты?

Чэншунь *(находчиво)* . Еще спрашиваешь! Конечно, Школы Великого государя.

Головастик Ло . Ну, великого государя Чжань-вана.

Фушунь . Не понял.

Головастик Ло . Ты только и понимаешь, что пожрать! О древности толкую. Во времена Трех правителей и Пяти императоров императору как-то надоели все эти деликатесы, дары гор и морей. И позвал он шеф-повара Чжань Да в Золотой дворец, и спросил его, что самое вкусное в мире, а Чжань Да, ни секунды не думая, тут же и выпалил, что вкуснее всего на свете соль. Услышав такой ответ, император разо-

злился и стукнул кулаком: «Чушь! Это насмешка над дворцом. Казнить его!»

Фушунь. И казнили?!

Головастик Ло. Казнили Чжань Да. Три тысячи поваров императорской кухни не могли такое стерпеть. Они сговорились и с того дня перестали класть соль в блюда. Император через два дня такой кухни признал, что в мире действительно вкусней всего соль. Чтобы излить свой гнев за несправедливо казненного повара Чжань Да, они заставили императора на семь дней сойти с трона и назначить Мастера Чжань Да на это время правителем по имени Чжань-ван. Это и есть тот самый Чжань-ван, которому поклоняемся мы, повара. С тех пор...

Тихо входит Лу Мэнши, он недоволен тем, что все снова слушают байки Головастика Ло. Управляющий кашляет, и это имеет мгновенный эффект, все сразу же начинают заниматься делом, даже Головастик Ло берет в руки лопатку и машинально начинает ее осматривать, напевая что-то себе под нос.

Лу Мэнши (*окидывает взглядом ресторан, его глаз останавливается на лохани для ошипывания уток*). Это вода для ошпаривания уток? Добавьте в нее кипятка!

Чэншунь берет кастрюлю с кипящей водой и выливает ее в лохань, над которой поднимается горячий пар.

Лу Мэнши (*Фушуню*). Опускай в воду руку.

Фушунь (*Сует руку в лохань с кипящей водой, тут же вынимает ее и поднимает глаза на Лу Мэнши, снова опускает руку в воду*).

Лу Мэнши (*сурово*). Еще кипятка! Опускай!

Фушунь (*стиснув зубы, снова опускает на мгновение руку в лохань, обжигается и выдергивает ее*). Больше не могу.

Лу Мэнши. Сколько раз макнул?

Фушунь. Три.

Лу Мэнши. Утка макается три раза, цыпленок — два, запомни! (*Берет полотенце у Чэншуня и вытирает руки*.) Фушунь, вчера ты отвозил уток?

Фушунь (*тут же начинает объяснять*). Я не ошибся с адресом, переулок Сицзунбу, номер 65, покупатель по фамилии У...

Лу Мэнши. Рассказывай все по порядку.

Фушунь. Вчера в полдень третий управляющий послал меня отнести две утки в переулок Сицзунбу, дом номер 65. Я пришел туда, оказалось, что это двор на несколько семей, живет в нем куча народу. Чего там только не было! Я ходил от двери к двери и спрашивал, кто из них господин У, заказавший утку, а эти люди только палились на меня. Один парень сказал, что я наглый и бессовестный, и хотел меня побить.

Лу Мэн ши. Так и было?
Фу шун ь. Разрази меня гром, если я вру!
Лу Мэн ши. Пригласите третьего управляющего.
Головастик Ло. В такое-то время он, скорей всего, вышел
пройтись и кусненьким побаловать себя.

Появляется Ван Цзы си, в руках он несет небольшой красный сверток.

Ван Цзы си *(знает, что опоздал, улыбается)*. Ждал, когда при-
готовятся лепешки с редькой, хотел взять с пылу с жару. Мэнши,
взгляни, они похожи на маленькие шестиугольные конвертики, какие
готовят в отеле «Шесть наций», один к одному в рядок. Попробуй.
(Протягивает.)

Лу Мэн ши *(отказывается)*. Я уже завтракал.

Ван Цзы си. Оставлю два пирожка для госпожи Юй Чуэр.

Лу Мэн ши *(еще меньше нравятся подобные неуместные шут-
ки)*. Вчера, когда звонили с заказом утки, вы разговаривали?

Ван Цзы си. Да, я разговаривал, и мне все показалось по-честно-
му. Голос был довольно молодой, речь культурная.

Лу Мэн ши. Странно все это. Вы сказали, что правильно услы-
шали адрес. Он говорит, что отнес куда было велено. Как теперь эти
две утки списать в расход?

Ван Цзы си. Мясо в кастрюле портилось, все равно бы выкину-
ли.

Лу Мэн ши *(берет счеты)*. Стоимость доставки, стоимость про-
жарки утки плюс убыток от того, что вложенные деньги не отбились,
все вместе — четыре юаня и шесть фэней. Я не пытаюсь утаить и не
скрываю ничего. У нас долги после постройки нового здания. Все, что
нужно учитывать, должно быть учтено.

Ван Цзы си *(опустив голову в печали, бормочет себе под нос)*.
Какой-то молодой ублюдок похулиганил...

Юй Чуэр спускается по лестнице.

Юй Чуэр. Ну хватит, хватит. Я закрою этот счет. Брат Цзыси,
там наверху два окна не держатся. Прошу вас взглянуть на них.

Ван Цзыси уходит. Все расходится.

Лу Мэн ши. Теперь все дополнительные расходы будут на твой
счет списываться.

Юй Чуэр *(смеется)*. Всех вон своими обвинениями разогнал.
Сам «уселся в паланкин», а нести-то и некому. *(Разворачивает носо-
вой платок и отдает Лу Мэнши нефритовую подвеску.)*

Лу Мэн ши. Откуда она у тебя? *(Берет подвеску в руки.)*

Юй Чуэр. Ты обронил у кровати.

Лу Мэн ши (*трогает нефритовую подвеску*). Прошлой ночью никак не мог уснуть. Вспомнил, как в детстве мать, гуляя по большой ярмарке в Люцзяине, купила мне этот камень, по форме похожий на паланкин. Я тянул ее за руку и ныл, что хочу печенья...

Юй Чуэр. Теперь наконец старики могут о тебе не волноваться.

Лу Мэн ши. Жалко, что они не дожили до этого дня. Отец умер, придавленный гирей от весов...

Юй Чуэр (*не хочет расстраивать Лу, меняет тему*). Парные надписи на входных дверях придумал?

Лу Мэн ши. Я хотел пригласить господина Сюя написать парные надписи нам. Как думаешь, можно ли этого Сюй Динсиня взять к нам смотрящим?

Юй Чуэр (*поправляя стойку*). Боюсь, что он сочтет неприемлемым для своего лица.

Лу Мэн ши. У семьи Кэ все конфисковали, есть ему особо нечего теперь. Где уж тут думать о своем лице? Я хочу пронумеровать кабинеты как-нибудь красиво, например «Первый попутный ветер в паруса», «Пять сыновей успешно сдали экзамен», «Шесть счастливых дел»...

Юй Чуэр (*хихикает*). Еще долги за стройку не закрыл, а уже полон новых идей. Сегодня Мастер Цянь так будет требовать закрыть долги.

Лу Мэн ши оглядывается по сторонам, шепчет.

Юй Чуэр. Будь осторожен, смотри не проболтайся.

Лу Мэн ши. Где сверток, который я просил тебя упаковать?

Юй Чуэр показывает в сторону прилавка.

Лу Мэн ши. А очень похоже.

Юй Чуэр. Ты такой смелый!

Лу Мэн ши. Был бы несмелым, разве бы смог соблазнить звезду Восьми больших хутонов? (*берет девушку за руку*). Это золотое кольцо некрасивое, завтра подарю тебе нефритовое.

Юй Чуэр (*прячет руку*). Не улыбайся так хитро! Как понять, когда ты настоящий, когда фальшивый?

Лу Мэн ши. Клянусь...

Юй Чуэр. Хватит. Не боишься, что твоя жена узнает?

Лу Мэн ши. С ней все кончено.

Юй Чуэр. А что, если она родит тебе мальчика или хотя бы пол-девочки?

Лу Мэн ши. Ты бы видела, какая она страшная. И родить она может только такое же чудовище, не хочу я этого (*наклоняется к уху Юй Чуэр*). Я жду, когда ты родишь мне сына...

Юй Чуэр. Отстань! *(Передает письмо Лу.)* Только что прибыло.

Лу Мэнши. Не буду читать.

Юй Чуэр. А вдруг что-то важное?

Лу Мэнши *(неохотно начинает читать письмо и постепенно приходит в крайнее возбуждение)*. Эта страшила и правда родила мне... и правда родила сына! У меня теперь есть сын, ты понимаешь?!

Юй Чуэр *(со смешанной ревностью и завистью)*. Правда?!

Лу Мэнши *(взволнованно)*. Чан Гуй! Скажи повару, чтобы вечером добавил пару хороших блюд за мой счет, у меня сын родился!

Чан Гуй. Это большая радость! В год, когда у меня родился пятый сын, я три стола блюд заказал. Второй управляющий, надо накрыть стол и позвать гостей.

Лу Мэнши. Пожалуйста, приглашаю на банкет из восьми блюд. Юй... *(Только тогда замечает, что Юй Чуэр рядом нет)*.

Ван Цзыси. Она ушла.

Лу Мэнши с улыбкой качает головой.

Чан Гуй *(появляется)*. Второй управляющий, в ресторане «Цюаньиндэ» как узнали, что мы открываемся после ремонта как большой ресторан, снизили все цены на 20 %.

Лу Мэнши Э? Брат Цзыси, ты разместил объявление о розыгрыше лотереи по поводу открытия ресторана?

Ван Цзыси. Нет, я всегда думал, что проводить лотерею в ресторане нехорошо.

Лу Мэнши. Ха! Чан Гуй, у тебя все нормально?

Чан Гуй. В ресторане Тайфэнлоу на открытии они как-то тоже такое устроили.

Лу Мэнши. Чан Гуй, следи за входом, как увидишь важных клиентов, обязательно зазывай к нам.

Чан Гуй. Не волнуйся! Хозяйка только что прислала весточку, что благодаря тем деньгам, что вы вчера прислали мне в дом, все обошлось, иначе бы пятого сына совсем залихорадило. Я буду благодарен вам всю оставшуюся жизнь.

Лу Мэнши. Ребенку стало легче?

Чан Гуй. Больше не лихорадит. Для ресторана сейчас время тоже сложное, деньги я обязательно верну в срок.

Лу Мэнши *(машет рукой)*. Долг есть долг, а то, что должно быть потрачено, нужно тратить. Вы всегда приносили пользу «Фуцзюйдэ». Косичка Ли пришел?

Чан Гуй. Давно уже ждет на заднем дворе.

Лу Мэнши. Чэншунь, иди подмени Мастера Ло.

Входит Косичка Ли. Ему за пятьдесят, худой и проворный, с небольшой косичкой, свисающей на затылке. На входе сталкивается с Головастиком Ло, хочет поздороваться, однако тот его игнорирует и заносчиво садится прямо посередине.

Лу Мэнши. Это новый повар — Мастер Ли. Сегодня вечером Мастер Ли возьмет на себя всю кухню, за все, что в печке, отвечает Головастик Ло. Чан Гуй, пропой нам сегодняшнее меню.

Чан Гуй (*прочищает горло и поет ритмично и четко, чеканя слова*). Утиная ножка в соусе 7 цуней⁹, кусочки утки в винном соусе 7 цуней, соленый язык 7 цуней, куриные нити с огурцом 7 цуней, жареная тыква с финиками 7 цуней, ломтики жареной рыбы 7 цуней, обжаренные очищенные креветки 7 цуней, жаренные в масле бараньи потроха 7 цуней, средняя миска томленной курицы в нитях, средняя миска рагу «Четыре радости», средняя миска сборной солянки, средняя миска тушеного «Управления по иностранным делам».

Косичка Ли. Простите, не могли бы вы пропеть названия последних блюд еще раз?

Чан Гуй. Тушеное «Управление по иностранным делам» — новинка сезона, это такая сборная солянка.

Косичка Ли. А, солянка.

Чан Гуй. Третий управляющий, рыбу привезли?

Ван Цзыси. Выпустили в деревянную лохань у загородки.

Чан Гуй (*продолжая петь*). Два хвоста сушеного китайского карпа, акулы губы, тушеные трепанги с луком-пореем, свиная рулька с бульоном, утиные кости с тушеной капустой, ассорти из восьми бобовых паст, яичница-болтуня с золотистой фасолью, четыре вида свежих фруктов, четыре вида сухофруктов, четыре вида фруктов в меде, четыре вида консервированных фруктов, ассорти закусок. Всё!

Лу Мэнши. По две жареные утки на каждый стол, лотосовые лепешки, кунжутные печеньки и пшеничную кашу подаем по запросу. На мужской стол ставим тигровый соус, белый сахар — на женский. Сегодня вечером старший хозяин пригласил мастеров, у которых он перенимает актерское мастерство. Соберутся все звезды артистических кругов. Хорошо поработайте, и я попрошу для всех вознаграждение от хозяина. Фушунь, накрой мне обед. (*Уходит.*)

Косичка Ли вяжет петлю из веревки, подходит к большой деревянной лохани, чтобы выловить живую рыбу.

Головастик Ло (*ехидно*). У окуня двенадцать шипов в ряд, прямо как двенадцать знаков зодиака. Если вдруг зацепишься за судьбоносный, придет конец, значит.

⁹ Цунь — традиционная мера длины в Китае, равная 1/30 метра ≈ 3,33 см.

Косичка Ли (*бросает рыбу на землю, рыбадохнет*). Кто умеет ее прикончить, не даст зацепить себя!

Головастик Ло. Вы слышали? Мастер Сунь, что жарил уток в подвесной печи во дворце, был моим учителем.

Косичка Ли (*не моргнув глазом*). Повар императора Пу И — брат моего учителя.

Чэншунь (*появляется*). Мастер, пора уток палить.

Головастик Ло (*пьет крупными глотками*). Неси лопатку для печи!

Головастик Ло берет лопатку из сандалового дерева и одним движением аккуратно подцепляет им тушку потрошенной утки, поворачивает ее спинкой к печке, ловко поднимает лопатку вверх, делает рукой движение вправо и, наклонив, зацепляет за крюк, затем привычным толчком отправляет птицу в печь, утки, качнувшись, проплывают мимо пламени и повисают на перекладине в печи. Следящие за представлением ученики невольно вскрикивают от восхищения, Головастик Ло доволен собой и горд своим мастерством. Косичка Ли одним движением достает из-за пазухи отрез красного шелка, расстилает его на столе для резки холодных закусок, достает из шкафа кусок мяса, маринованного в соевом соусе. Бац, бац, бац, сверкает нож, и вот мясо уже разрезано на тонкие ломтики в форме полумесяца. Повар кладет кусочки мяса на тарелку и поднимает шелковую ткань, на ярко-красной поверхности ни одного даже крошечного следа от мяса.

Все в восхищении.

Головастик Ло (*презрительно*). Резать мясо на шелке — это цирковое искусство. А банкет по-маньчжурски и по-китайски сервировать умеешь?

Косичка Ли. Было дело несколько раз.

Головастик Ло. Сколько блюд было?

Косичка Ли. Сто восемь.

Головастик Ло. Почему именно сто восемь?

Косичка Ли. Тридцать шесть зодиакальных божеств, семьдесят два демона земли, все, что есть на небе и земле, все по замыслу надо охватить.

Головастик Ло. А специальное блюдо есть какое?

Косичка Ли. Холодное, горячее, сладкое, соленое, мясное и вегетарианское, всего шесть типов кухни. На юбилейном банкете не подают рис, на свадьбе не предлагают персиковые булочки. (*Бросает взгляд на Головастика Ло.*) На самом деле, это уездная традиция банкетных шатров, совершенно бесполезная забава.

Головастик Ло собирается уже дать волю своему раздражению, но тут к нему подбегает одетый в дворцовые одежды человек.

Дворцовый посыльный. Кто тут управляющий?! Прибывает управитель из дворцового отдела закупок птиц, скорее встречайте!

Ван Цзыси. Скорее зовите управляющего!
Чан Гуй. Старший молодой хозяин поехал на гонки во дворец Паньтао. Пожалуйте побеседовать со вторым управляющим!
Ван Цзыси. Все свободны. *(Массовка уходит.)*

Появляется Лу Мэнши на ходу натягивает куртку магуа¹⁰.

Лу Мэнши *(следует цинскому ритуалу)*. Приветствую старшего управителя!

Управитель. Оставьте церемонии. И когда успели целый терем построить-то? Где старый хозяин?

Лу Мэнши. Старый хозяин Тан Дэюань умер. Меня зовут Лу Мэнши, я — второй управляющий ресторана «Фуцзюйдэ».

Управитель. Завтра во дворец нужны утки.

Лу Мэнши. Слушаюсь.

Управитель. Двадцать уток, без четверти час доставьте во дворец через ворота Сихуамэнь. Сначала в отдел закупки птиц для осмотра, затем — в императорскую столовую.

Лу Мэнши. Слушаюсь.

Управитель. Пропускной жетон на вход во дворец имеется?

Лу Мэнши. Имеется.

Управитель. Посыльный с утками пусть возьмет с собой жетон. Смотрите не опоздайте! Доставьте точно ко времени.

Лу Мэнши. Не волнуйтесь, никак не пропустим время. *(С почтением двумя руками подносит управителю чай.)*

Управитель *(делает глоток и смотрит на Лу)*. Откуда сам будешь?

Лу Мэнши. Шаньдунский, из Жунчэна, Далуин.

Управитель. Как живет в деревнях последние два года?

Лу Мэнши. Можно не думать о еде и питье. Старший управитель хотел бы съездить в деревню развеяться?

Управитель. Если Фэн Юйсян снова начнет бомбить дворец, нужно будет искать место для укрытия.

Лу Мэнши. А вы умеете рассказывать забавные истории.

Управитель. А это и не анекдот. Если Запретный город не устоит, сбегу туда к тебе, одним делом мы все-таки занимаемся. *(Отпивает еще глоток чая.)* Вам вчера звонили по телефону с заказом уток в переулок Сицзунбу?

Лу Мэнши. Мы тут же отправили туда заказ, но никого там не нашли.

¹⁰ Магуа — верхняя одежда цинской эпохи, длиной до талии с укороченными рукавами.

Управитель. И где вам искать там кого! То его величество разыграл вас.

Ван Цзыси. О, оказывается, это император был, а я-то было подумал, что это какой-то маленький... *(Тут же бьет себя по лицу.)*

Управитель. Вот вам два серебряных слитка — компенсация от Министерства двора.

Лу Мэнши. Не заслужили мы такой чести. У телефонного аппарата, по которому нам звонил император, мы немедленно свечу зажжем.

Управитель *(сердито)*. Республика в стране, и не стоит так много об этом говорить. Нам пора в обратный путь.

Появляются несколько солдат республиканской армии, они идут строевым шагом. За ними следует офицер караула президентского дворца, а за ним семенит Чан Гуй.

Чан Гуй. Адъютант Ван, почему вы ходите в Цюаньиндэ и совсем не польстите нас своим вниманием?

Адъютант. Так у вас тут дорого!

Чан Гуй. Стоящие люди едят стоящую еду, хорошие вещи не дешевы.

Лу Мэнши. Мы ради вас специально наняли великого повара, из числа лучших кулинарув ресторана «Тунхэцзюй».

Адъютант. Я однии твоими байками уже сыт. *(Обнаруживает Старшего управителя.)* Это...

Лу Мэнши *(шепотом)*. Старший управитель из отдела закупки птиц во дворец.

Адъютант. А?

Старший управитель думает, как ему лучше поприветствовать правительственного чиновника.

Адъютант *(по-военному отдает честь управителю)*. Здравия желаю!

Управитель. Здравия желаю! *(Не понимая, как ответить на приветствие.)*

Адъютант. Не утруждайте себя. Поздоровались по-республикански, а вот сейчас будет мое холуйское. *(Приветствует по цинскому ритуалу.)*

Управитель *(удерживает, не дает пасть ниц)*. Увольте же.

Адъютант. Сегодня там наверху в полном здравии?

Управитель. В полном. Президент Сюй здоров?

Адъютант. Хорошо. Президент Сюй больше всего уважает династию Цин и часто говорит, что нынче мы — наместники молодого правителя.

Управитель. Вы слишком скромничаете. Теперь и его величество выступает за республику. Несколько дней назад он вызвал великого знатока западных веяний Ху Ши и сам прочитал его семисложное четверостишие. *(Читает в духе декламации канонических книг.)* «Пик Ник пришел на берег реки». Поэзию этого мастера можно назвать маньчжурской, ханьской и западной одновременно.

Оба фальшиво смеются.

Управитель. Не буду мешать государственным делам. Нам пора возвращаться.

Лу Мэн ши. Я провожу старшего управителя.

Старший управитель и сопровождающие уходят.

Адъютант. Вы его давно знаете?

Лу Мэн ши. Во дворце часто покупают наших уток.

Адъютант. А можешь попросить у него для меня что-нибудь из дворца, а?

Лу Мэн ши. Как я могу рассчитывать на такую честь?

Адъютант. Президентам всегда хочется чего-то такого, чего мы не можем позволить себе хотеть. Какую-нибудь написанную императором и выкинутую бумажку или нюхательный табак, который нюхало его величество. Что угодно. Как только с династией будет покончено, все это станет антиквариатом.

Лу Мэн ши. Какой же у вас гибкий ум! Давайте вы снова испытаете свою удачу. *(Людям рядом.)* Пригласите госпожу Юй Чуэр!

Адъютант. В дурачащие людей забавы не играю.

Лу Мэн ши. А вы попробуйте.

Появляется Юй Чуэр, она переделась и с широкой улыбкой протягивает гостью лотерею.

Адъютант *(тянет билет)*. Все эти ваши уловки я знаю.

Лу Мэн ши *(забирает лотерейный билет и отворачивается, всплескивает руками и удивленно вскрикивает)*. Ого!

Адъютант. В чем дело?

Лу Мэн ши. Удивительно, вы выиграли золотое кольцо! *(Все ошеломлены.)*

Адъютант *(вне себя от неожиданной радости)*. Правда?

Лу Мэн ши. Разве я могу лгать! Юй Чуэр, выдай гостью его выигрыш! *(Подмигивает девушке.)*

Юй Чуэр понимает, отворачивается и рывком снимает кольцо со своего пальца.

Адъютант. Мне просто повезло. Вчера вечером из четырех партий в маджонг я две выиграл.

Лу Мэнши. Для вас настает счастливая полоса. Вы только взгляните на этот терем-паланкин. Закажете у нас еще несколько банкетов — непременно пойдете на повышение.

Адъютант. Хорошо, воспользуюсь вашей удачей. Сегодня вечером в Президентском дворце надо шесть столов накрыть. На следующей неделе караул закажет четыре стола. В четвертый день сентября отмечает день рождения супруга первого министра. Все это вам тогда и поручу!

Лу Мэнши (*записывает*). Хорошо!

Адъютант. Сегодня вечером приглашает начальник охраны Дуань Цижуня. Какие-то важные дела в военном министерстве. Не сможете угодить им — нарветесь на неприятности.

Лу Мэнши. Не пугайте меня.

Адъютант. На передовой уже стычки, мы в «Тунжэньтан»¹¹ одного кровоостанавливающего взяли несколько пикулей.

Лу Мэнши. Могут дойти до Пекина?

Адъютант. А вы не слышали? Когда на фронте напряженно, в тылу совсем туго. Даже если досюда доберутся, вас точно не заденет. Я пошел. (*Уходит.*)

Ван Цзыси (*недовольно*). Пойдет так и дальше — в три дня все закроется.

Лу Мэнши. Юй Чуэр?!

Ван Цзыси. К себе в переулок Яньчжисян пошла.

Появляется Мастер Цянь, с ним кредиторы. У каждого в руках официальное требование на голубой бумаге об уплате.

Мастер Цянь. Второй управляющий, второй управляющий, мы снова здесь.

Лу Мэнши. Вы как раз вовремя, эти господа...

Мастер Цянь. Это господин из «Любицзюй», этот — из «Тай-фэнлоу», из частного банка «Цюаньхэн»...

Лу Мэнши (*не дослушав*). Оказывается, это все уважаемые гости! Чэншунь, завари-ка чаю получше.

Мастер Цянь. Второй управляющий, давайте сегодня не будем ходить кругами. Как насчет того, чтобы разойтись быстро и по-хорошему?

Лу Мэнши. Что вы думаете?

Входит носильщик.

¹¹ Известная фармацевтическая компания в Китае.

Носильщик. Управляющий, привезли заказанную импортную муку.

Ван Цзыси. Мы не покупали...

Входят несколько патрульных.

Патрульные. Управляющий, вот и мы.

Лу Мэнши. Как раз вовремя! Кто усердно трудится, оберегая тех, кто в праздности. Пожалуйте внутрь!

Ван Цзыси *(в недоумении)*. И когда вы успели купить муку-то? Почему не...

Лу Мэнши *(перебивает Цзыси)*. Поаккуратней там! Если мешок упадет или разорвется и просыпется моя мука, я и гроша за нее не дам.

Носильщики заносят мешки с мукой в ресторан. Патрульные громко шумят.

Лу Мэнши *(берет счета, начинает считать)*. Долг за постройку здания — 600, плюс проценты — 7,6% за каждый месяц. Это...

Кредиторы смотрят на импортную муку.

Мастер Цянь. Эта мука дешевая?

Лу Мэнши. «Фуцзюйдэ» никогда не покупал ничего дешевого. Официальная цена — два юаня за мешок.

Кредиторы. Зачем вы тогда ее покупаете?

Лу Мэнши. На ремонт фасада много тратить не стоит, а вот на ремонте печи экономить нельзя. *(Продолжает считать на счетах и случайно смахивает лежащий рядом кошелек, по полу рассыпаются деньги.)*

Мастер Цянь. Второй управляющий, а дела-то обстоят у вас неплохо.

Лу Мэнши. Идут себе помаленьку. Обедают больше богачи и купцы, после обеда приходят чиновники и аристократы... Это ладно еще. Вот на ужин в президентском дворце надо накрыть шесть столов. В следующем месяце именины супруге первого министра будем готовить. Работы будет столько, что люди будут хотеть от усталости увольняться.

Мастер Цянь. С вами у «Фуцзюйдэ» дела пошли на лад.

Лу Мэнши *(доверительно)*. Дело это принадлежит семье Тан. Я лишь замещаю их на кассе да присматриваю за кухней. Взять хотя бы все эти долговые дела с господами. Будь по-моему, я бы расплатился со всеми ними разом. Все-таки «Фуцзюйдэ» печется о своем имени.

Кредиторы. Это да, это да.

Лу Мэнши. Хозяева по-своему чинят! С другой стороны, ежемесячные выплаты тоже имеют свои плюсы. Господа кредиторы боль-

ше процентов получают, а мне проще договориться с хозяевами. Вот только вам хлопоты лишние, придется лишний раз ездить туда-сюда. Мастер Цянь, вы наш очень старый партнер. Если вам каждый месяц сюда приезжать придется, как я себя буду чувствовать?

Мастер Цянь. Сказать по правде, господин Лу мне как друг, но в нашем деле есть старая поговорка: в конторе бойся брать аванс вперед, в делах бойся брать в долг. Рассчитались бы с долгами и чувствовали бы себя спокойно, разве нет?

Лу Мэнши. Из тех, кто носит фамилию Лу и ведет дела, больше всего блюдут такую вещь, как доверие. Если сегодня господа потребуют от меня разом закрыть все долги, я сделаю все от меня зависящее, рубашку свою продам, но все им выплачу. Только в дальнейшем больше не буду с ними иметь дела. «Фуцзюйдэ» перестанет брать у них товар. И вы больше не приходите ко мне сюда со своими выгодными предложениями. Вы как смотрите? Себе под нос или в перспективу? Подумайте и хорошенько взвесьте, господа. *(Закончив свою речь, переключается на командование переносом муки.)*

Кредиторы обмениваются взглядами.

Мастер Цянь. Мастер Лу, дружба дороже денег, поэтому вы не горячитесь. Мы все-таки все люди уважаемые, не на побегушках у людей будем.

Лу Мэнши уклоняется от ответа.

Мастер Цянь. Сделаем так. Управляющий Лу сегодня тоже довольно занят. Вы возвращайтесь и обсудите это со своими управляющими и сделайте, как они скажут.

Лу Мэнши. Можно и так. Дайте господам с собой уток, да выберите покрупнее. *(Кредиторы уходят.)* Мастер Цянь, останьтесь. Этот серебряный слиток только что прислал нам император, пусть он будет для вас памятным сувениром.

Мастер Цянь *(алчно сверкнув глазами)*. Эту проблему я улажу. Дела у «Фуцзюйдэ» идут с таким размахом, они сами должны добиваться вашего внимания.

Лу Мэнши. Будьте так любезны.

Мастер Цянь уходит. Лу Мэнши садится в старое резное кресло, глубоко вздыхает.

Ван Цзыси. Ты что — занимал деньги у ростовщиков?

Лу Мэнши. Подойди. *(Говорит что-то на ухо.)*

Ван Цзыси *(крайне удивленно)*. Неужели?! Мать моя, у меня аж икры свело. *(Ноги подкашиваются, он садится.)*

Лу Мэн ши (*смеется*). Я же говорил тебе, заперев городские ворота, нельзя запереть городскую сточную канаву! Подежурьте тут, я пойду схожу в переулок Яньчжисян. (*Сбрасывает с себя озабоченный вид.*)

Лу Мэнши уходит.

Ван Цзыси (*чем больше думает, тем больше начинает бояться*). Чан Гуй!

Появляется Чан Гуй.

Ван Цзыси. Присмотри за входом, мне нужно прилечь ненадолго. (*Уходит.*)

Чан Гуй сидит у двери и поправляет фартук. Вдалеке слышны голоса разносчиков, крики их приближаются. Внутрь проскальзывает Кэ У. Он уже не такой величественный, как раньше. Шелковый халат прорван в нескольких местах, обувь тоже сильно поношена и разваливается.

Чан Гуй (*слышит движение*). Кто там?

Кэ У. Управляющий Чан, узнаете Кэ У?! Терем такой отстроили. Старый хозяин ваш придумывал паланкин целую жизнь, но так и не дожил до того момента, когда стало возможно сесть в него.

Чан Гуй. А, это ты! Что надо?

Кэ У. Ничего. (*Обводит глазами ресторан, скользит глазами по уткам на крюках, сглатывает слюну.*) Покушать пришел.

Чан Гуй. Покушать?

Кэ У. А что такого? Презираешь меня, презираешь Кэ У? Ну и что, что в нашей семье было совершено преступление. На худом корабле есть еще три тысячи гвоздей.

Чан Гуй. Если так, то почему говорят, что даже отощавший верблюд все равно больше лошади будет?

Кэ У. Когда-то вы никак не могли зазвать к себе господина Кэ. И где бы я ни обедал тогда, сразу за мной приходило новых гостей на десять столов в ресторан. А посуда в нашем доме была расписана драконами¹².

Чан Гуй. Ну да, было дело.

Кэ У. У императора дракон пятипалый, у принцев драконы с четырьмя когтями. Для седьмого ранга и выше использовались только драконы с тремя когтями. Вы знаете, сколько у нас было в доме когтей?

Чан Гуй. Вы, должно быть, использовали пятипалого в своем доме, иначе как бы вы могли нанести урон величественному лику императора, что у вас все конфисковали?

¹² Дракон — символ императора в Китае.

Кэ У. Приказчик Чан, какой же ты умный! Угадай, что я вчера искал?

Чан Гуй. Золотые слитки.

Кэ У. Что-то попрacticalнее этого. (*Осторожно вынимает из-за пазухи бумажку.*) Билет на утку! Из вашего «Фуцзюйдэ».

Чан Гуй. Эти штуки после смерти старого хозяина мы объявили недействительными.

Кэ У (*переполошившись*). Что?! Черным по белому написано: «Предъявителю билета полагаются две большие жареные утки». Тут ваша большая печать стоит.

Чан Гуй. Что бы там ни стояло, это все бесполезно. Отменили их.

Кэ У. Эй! Отец покупал за лян серебра. Серебро тоже отменили?

Чан Гуй. Тогда на лян серебра можно было купить только одну утиную ногу.

Кэ У (*нагледя*). Так не пойдет, сегодня я должен съесть эту утку!

Появляется Тан Маочан.

Тан Маочан. Фушунь, мула к пруду с рыбой отведи, пришлось попотеть ему.

Чан Гуй (*торопливо вскакивает*). Старший хозяин вернулся. Ох, почему же такие грязные штаны?! Фушунь, принеси тряпку.

Появляются Чэншунь, Фушунь и тоже начинают хлопотать вокруг Тан Маочана.

Чан Гуй. Сегодня на скачках во дворце Пантао было много народа, да?

Тан Маочан. Разумеется, и все знают толк, Князь Тао, Князь Су, Пятый господин из семьи Юэ. Но лучше всех был господин Юй, Юй Чжэньтин. У него в заездах все очень ладно, такой весь из себя, в черной атласной кепке, жилете и брюках из оленьей кожи, сапоги парчовые да носки с кружевом, пояс на нем затянут по размеру, не туго, но и не болтается. Он как в седло сел, цок-цок-цок, копыта застучали, прямо как куайбани¹³ на сцене. Очень он был красивый!

Кэ У. Заезды на скачках в упряжках же?

Тан Маочан. Вы видели?

Кэ У. С кнутом в руках вы прям как знаменитый лаошэн Сяо Цзяотянь¹⁴, летящий через барьеры.

Тан Маочан (*приободряется*). И как вам, ничего?

Кэ У. Ну разве что мул скромно украшен.

¹³ Куайбань — ритмичные народные стихи, декламируемые под аккомпанемент бамбуковых трещоток.

¹⁴ Сяо Цзяотянь — сценический псевдоним знаменитого артиста пекинской оперы Тань Синьпэя (1847–1917).

Тан Маочан (*с почтением*). А как должно быть?

Кэ У. Над головой мула подвешиваются семена периллы с жемчужинкой на нитке, при беге появится звон. Для него даже специальный термин придумали — «Копытца раскалывают яшму» называется.

Тан Маочан (*восхищенно*). Эксперт! Продолжайте.

Кэ У. Когда мой отец участвовал в скачках, Тань Синпэй тоже повсюду брал барьеры. Его кнут свистел, колокольчик звенел весь заезд, и ветер был всегда попутный.

Тан Маочан (*с завистью*). Ого! А родом ваш дедушка был...

Чан Гуй шепчет на ухо Тан Маочану.

Тан Маочан. О, ну конечно же, принц из рода Кэ! Прошу простить мою бестактность.

Кэ У. Нонеча не то, что давеча.

Тан Маочан. Думаю, Цинь Цюну¹⁵, продавшему своего коня, было легче, чем вам тогда! Подумайте, он ушел в пустыню один... (*Затягивает арию из оперы*). «Цинь Шубао не может не рыдать слезами в два ручья. Вспоминает он, как дорог ему был конь, подаренный военачальником в награду. Случилось несчастье, беда пришла. Стал должен он, и не осталось иного выхода, должен он продать коня...»

Кэ У. Господин Тан, эти две строфы прямо в стиле школы Юй вышли.

Тан Маочан (*радостно*). Правда?! Если у принца из семьи Кэ нет важных дел, давайте пройдем внутрь и продолжим нашу беседу.

Кэ У. Дела... всегда найдутся. Смотрите, вот тут у меня билет на утку, выписанный в вашем ресторане. Приказчик Чан мне по нему ничего не дал.

Тан Маочан. Почему не отпустил господину Кэ утку?

Чан Гуй. Хозяин, эти билеты мы давно отменили.

Тан Маочан. Точно, я и забыл. Давайте сделаем так, мы отпустим утку господину Кэ. Как исключение.

Чан Гуй. Хозяин, нельзя создавать такой прецедент.

Подбегает Фуцзы.

Фуцзы. Господин, вам пора ехать смотреть костюмы, так что поторопитесь.

Тан Маочан. К чему такая спешка? Мне еще нужно время разгрузиться и переодеться! (*Собирается уйти.*)

¹⁵ Цинь Цюн (также известный как Цинь Шубао) — выдающийся воин и полководец, считается одним из 24 героев, основавших династию Тан (618–907).

Кэ У. Господин Тан, а мои утки...

Тан Маочан. Ох! *(Продолжает петь последнюю фразу из только что спетого.)* «Помаши рукой и забирай». *(Уходит.)*

Кэ У *(с удовлетворением)*. Слышали?! Поторопитесь принести моих уток! Приказчик Чан, я одну утку съем тут, одну с собой возьму. И пускай мне ее за счет ресторана домой доставят. *(Садится, положив ногу на ногу, принимает вид принца на отдыхе.)*

Чан Гуй выдергивает Ван Цзыси.

Ван Цзыси *(кричит)*. Кэ У!

Кэ У *(вскакивает в испуге, видит Ван Цзыси и снова садится)*. Приказчик Чан, сходи в Тайсинлоу, принеси мне миску пшенной каши, купи два персика, да бери только хрустящие.

Ван Цзыси. Кэ У, билеты на утку давно стали недействительны. Прошу уйти!

Кэ У. Ваш хозяин лично дал мне разрешение! А еще сказал, что господин Кэ не только сегодня ужинает, но и завтра еще может прийти. По этому утиному билету у нашей семьи двойная порция!

Ван Цзыси *(вне себя от ярости)*. Господин целыми днями занимается чем угодно, только не рестораном, а когда возвращается, только добавляет нам хлопот.

Чан Гуй. Эту утку нельзя ему отпустить. Если Кэ У пообещать один билет, потом придется выдать ему с тысячу билетов.

Ван Цзыси. И Мэнши нет на месте. Ты же не можешь его кулаками отсюда вытолкать. *(Ему в голову приходит идея.)* Точно! Я схожу в зал боевых искусств за младшим господином. Кэ У — жалкий трус. Если его припугнуть, он точно уйдет. *(Торопливо уходит.)*

Кэ У. Готовы мои утки или как? Я ем уток всю свою жизнь. Как будто я не знаю, как она готовится! *(Подходит к печи.)* Ох, что ж так жарко?!

Чан Гуй. Эй, куда прешь? Обожжешься!

Появляется Головастик Ло.

Головастик Ло. Прочь! Прочь! Кто, черт возьми, сюда суется и мешает?!

Кэ У. Да ведь это же Головастик Ло!

Головастик Ло. Ты еще мне две шарика опиума должен!

Кэ У. Все, что должен, верну. К чему все эти маски гнева! Головастик Ло, я научил тебя кое-чему, ты опробовал свой новый навык?

Головастик Ло. Забористее, чем на сухую курить. Ты, парень, знаешь в этом толк.

Кэ У. Я этому у мастера специально учился.

Головастик Ло. Курить опиум надо у мастера учиться?! Не заливай мне тут.

Кэ У. Не веришь? Когда я был юным, отец боялся, что я стану болтаться неизвестно где, подцеплю еще чего. Он хотел найти способ меня привязать, поэтому пригласил мастера, чтобы тот научил меня курить. Сказал, что если тот сможет посадить меня на опиум, даст ему еще больше денег. Эх, до чего ж я был напорист! Не прошло и недели, как я пристрастился. Знаете же, что Кэ У и есть, и курить горазд. Только не слыхали, чтобы Кэ У шастал в Восемь больших хутунов¹⁶?! И все из-за моего предусмотрительного отца.

Чан Гуй. Твой отец и правда знал толк в «воспитании детей».

Кэ У. Мой учитель курения говорил, что у опиума три больших преимущества: отрешает от мелких проблем, погружает в одиночество, помогает размышлениям. Головастик Ло, если хочешь, я научу тебя курению, даже платы за обучение не возьму. Просто будешь мне раз в три дня выдавать по утке, и все.

Появляется аккуратно одетый Сю Динсинь.

Сю Динсинь. Второй управляющий Лу на месте?

Чан Гуй. Ты...

Кэ У (*окликает*). Второй Мастер Сю! (*Подскакивает и обнимает его.*)

Сю Динсинь (*невольно всхлипывает, но все же отстраняется от Кэ У*). Господин Кэ! Сначала я дело должен свое закончить, с чем пришел, а потом уж мы поговорим о былых временах. Позвольте спросить, Мастер Цянь говорил, что вы хотите поставить здесь смотрящего?

Чан Гуй. Верно, хотим. Нашего второго управляющего нет на месте, вы присядьте пока.

Кэ У. Мастер Сю, все кончено! Медный котелок, в котором мы готовили баранину зимой, молодая хозяйка продала на медь. Колотушки, шпажки для поедания крабов — все пустили в топку. Больше всего жалко было кувшины с фуцзяньским супом «Будда прыгает через стену»¹⁷, что были закопаны в саду за нашим домом. Военные,

¹⁶ Восемь больших хутунов — район в Пекине, известный публичными домами.

¹⁷ «Будда прыгает через стену», или «Искушение Будды» — один из видов супа из акульих плавников, который готовят в провинции Фуцзянь по особому рецепту в больших винных кувшинах. Деликатес, яркий на вкус и богатый белками из-за добавления редких морепродуктов, появился в эпоху династии Цин

уходя на борьбу с повстанцами, выкопали и увезли все. Я только запах услышал, ни кусочка не съел...

Появляется Ван Цзыси, с ним младший молодой хозяин.

Тан Маошэн. И где этот Кэ У?! Кэ У! Ты сотрудничал с императорскими мятежниками в семнадцатом году. По нынешним законам ты объявлен преступником. Если не встанешь на путь исправления и не вернешься к праведной жизни, будешь целыми днями болтаться по курильням и ресторанам и буянить, я тебя хорошенько проучу!

Кэ У. Что это вы?! Что вы задумали?

Тан Маошэн. Билет на утку дай сюда!

Кэ У не соглашается.

Тан Маошэн (*вырывает из рук билет и рвет в клочки*). Убейся!

Кэ У. Зачем же так грубо? Когда-то твой отец бегал за мной, называл своим благодетелем, поильцем и кормильцем, а я не обращал на него внимания.

Тан Маошэн (*вспыхивает*). Если ты скажешь еще хоть одно слово...

Сю Динсинь (*видя, что ситуация выходит из-под контроля*). Господин Кэ, пойдете.

Кэ У (*упорствует*). Я не боюсь его. Если при открытии ресторана в первый же день поколотят постоянного посетителя, как не бояться дальнейших неудач?!

Тан Маошэн (*громко кричит*). Входную дверь закрыть!

Несколько учеников кричат в ответ, раздается грохот запираемой двери.

Чан Гуй (*пытается унять Фушуня и других*). Младший молодой хозяин, закрывать двери ресторана, чтобы побить клиента, — это серьезное нарушение запрета!

Ван Цзыси. Вы просто поугайте его и будет. Нельзя колотить по-настоящему.

Тан Маошэн (*отталкивает Чан Гуя и Ван Цзыси*). А ну-ка все разоидитесь! Кэ У, оставайся, если у тебя хватит духу!

Чэншунь и Фушунь снимают вывеску и идут ко входу. Ван Цзыси и Чан Гуй от волнения не знают куда деться. Кэ У начинает паниковать, тут Тан Маочан слышит крики и выбегает наружу. Появляется Лу Мэнши.

Лу Мэнши. Что тут происходит? Среди бела дня запирают двери ресторана на засов!

(1644–1911). Название блюда намекает на его способность искусить монахов, решающих на побег через стену монастыря ради этого блюда.

Ван Цзыси. Ты вернулся! *(Рассказывает Лу о происходящем.)*

Лу Мэнши. Так не пойдет! Младший молодой хозяин, в свое время в Ихэлоу поколотили клиентов за закрытыми дверями ресторана. И уже на следующий год заведение закрылось. К тому же сегодня к нам придет много гостей посмотреть на новый большой терем. Вы не боитесь погубить все дело?

Тан Маошэн. Готов рискнуть, хватит с меня дела этого!

Кэ У *(прячась за Лу)*. Хм, ну давай! Побей меня! Не станешь бить, значит, ты не человек! Позовите народ! Пусть посмотрят, как хозяин «Фуцзюйдэ» колотит клиента...

Тан Маошэн швыряет стул.

Лу Мэнши *(удерживает)*. Кэ У, ты еще не ушел?! Мастер Сю, уведите его отсюда!

Сю и другие тянут и толкают отбивающегося от них Кэ У, уходят.

Тан Маошэн. Кэ У! Не попадайся мне больше под руку!

Тан Маошэна уводят.

Тан Маочан. Что вы тут устроили? И все из-за одного билета на утку? Выдали бы ему утку, и не было б проблем.

Лу Мэнши. Правила ресторана нельзя менять.

Тан Маочан. У тебя всегда есть на все ответ. Ты — второй управляющий, твое дело — мелкие дела в ресторане улаживать. Когда дело из мелкого стало большим, это уже хозяйская проблема. Я правда не знаю, как это ты умудрился стать тут хозяином?

Фуцзы. Хозяин, вам пора.

Тан Маочан. А если бы этот беспорядок случился сегодня вечером, кого бы я потом смог пригласить себе в учителя? *(Прислушивается.)* Что за шум?

Чэншунь. Младший молодой хозяин так рассвирипел, что на заднем дворе теперь колотит мешки с мукой.

Тан Маочан. Вы только посмотрите! Он рассвирипел. А если...

Ван Цзыси *(внезапно вспомнив)*. Ой, эти мешки нельзя трогать!

Тан Маочан. Человека не поколотил, пускай попинает мешки с мукой. Что тут такого? Делов-то. *(Подходит к кассе, вынимает пачку денег, завернутую в красную бумагу, отдает Фуцзы.)* Едем!

Лу Мэнши. Хозяин, эти деньги нельзя брать.

Тан Маочан. Ты чего это вздумал? Отец перед смертью тебя нанял, но он не велел отдать тебе это дело. Я — хозяин в «Фуцзюйдэ»! Фуцзы, иди уже.

Вбегает Тан Маошэн.

Та н Ма о ш э н . Брат! Это удивительнее удивительного. Там на заднем дворе в мешках от импортной муки земля насыпана!

Та н Ма о ч а н (*ошеломленно*). Земля?!

Лу М э н ш и . Хозяин, я вам все объясню...

Та н Ма о ч а н (*бранится*). Я вам покажу! Лу Мэнши, ты пойдешь под суд. Маошэн, деньги забери из кассы!

Ва н Ц з ы с и (*от волнения раскраснелся*). Старший хозяин, второй хозяин, я ничего не знал о земле. Это он сам...

Лу М э н ш и . В этом пакете тоже земля.

Та н Ма о ч а н (*вскрикивает от удивления*). Что? (*Сверток вываливается у него из рук — и действительно высыпается земля.*)

Все ошеломлены и напуганы, с подозрением смотрят на Лу Мэнши.

Та н Ма о ш э н (*вскакивает, ревет, как раскаты грома*). Лу Мэнши-и-и!

Лу М э н ш и (*вспыхивает*). Не кричите. Чэншунь, закрой дверь быстро!

Занавес.

Сцена вторая

Время: вечер, темнеет. Место действия: ярко освещенный ресторан «Фуцзюйдэ», люди снуют туда-сюда. В кабинетах наверху полно гостей, слышен звон бокалов, разговоры и смех. Официанты бегают вверх-вниз. По-прежнему всем заправляет Ч а н Г у й . Он сообразителен, спокоен, методичен и замашками похож на военачальника.

Ч а н Г у й (*прислушивается к звукам наверху, зная, что ресторан полон гостей. Подходит к декоративной стене и оборачивается в сторону кухни*). Мастер Ли, у меня тут восемь столов, все гости прибыли. Для выноса горячих блюд ждите сигнала, холодные закуски можно подавать...

Фу ш у н ь и другие официанты несут холодные блюда, один за другим они выходят на сцену, проходят через открытый зал ресторана, поднимаются по лестнице и, следуя указаниям Чан Гуя, разносят блюда по кабинетам. Внизу отдельно сидящие гости просят счет.

Ч а н Г у й (*быстро подходит*). Господа, как откушали? Итого три юаня 36 фэней. (*Продолжает сыпать знаками вежливости.*) Не торопитесь. (*Ловко кладет деньги в кассу, дает сдачу, провожает гостей.*) На улице уже темно. Будьте осторожны. До встречи. (*Кидает оставленные гостями чаевые в большую бамбуковую трубку, улучив момент, выпивает глоток чаю.*)

Сю Динсинь. Эти трое вроде новые какие-то.

Чан Гуй. Это воры под видом дорогих клиентов. Посмотрите на их одежду и шляпы! Какое все свободное. Они специально останавливаются в дорогих гостиницах, ходят по большим ресторанам, заглядывают в ювелирные магазины «за покупками». А после исчезают — и тени не найдешь.

Сю Динсинь. Тебе в глаза пыль не пустишь.

Чан Гуй. Чтобы уметь разбираться в людях, тоже есть свои уловки. Скажем так: если перед вами группа людей, отбирающих друг у друга мяч, — это будут американцы. Если группа людей принимает вместе ванну, это японцы. Если вы видите группу людей, отбирающих друг у друга счет, это точно будут китайцы.

Сю Динсинь хохочет.

Фушунь. Мастер, гости выпили по первому кругу.

Чан Гуй (*Мастеру Сю*). Боюсь, вам по первости будет непривычно. Расскажите веселую историю, чтобы снять напряжение. (*Ловко взбегают по лестнице, встает на последней ступеньке и громко кричит.*) Вынос сырых уток, приглашаем посмотреть...

Официанты подхватывают с перекладки жирных белых уток с нежной кожей, раскладывают их по подносам и проносят их по кабинетам, предъявляя гостям. Осмотр сырой птицы — это старое правило ресторанов, в которых готовят жареную утку. Чан Гуй привычным движением поднимает сырую утку, осторожно одной рукой приподнимает занавеску основного стола, боком демонстрирует утку и спускается вниз. Сбегая по лестнице, он не касается ступеней, быстро и бесшумно скользит вниз. Официанты также по одной снимают с подносов сырых уток и относят их к печи. Последним спускается Фушунь, у него паника на лице.

Фушунь. Мастер! На этой гости написали...

На белой утиной коже было выведено слово «Долголетие».

Чан Гуй. Господин Сю, взгляните, это...

Сю Динсинь (*бросает неодобрительный взгляд*). Это Фань Дунпо написал. Пишут на утке, во-первых, чтобы ресторан не мог поменять маленькой уткой большую. Во-вторых, чтобы проверить мастерство повара-печника. На готовой жареной утке надпись должна остаться на месте и сохранить свою форму.

Чан Гуй. О, скажи Головастику Ло, чтобы был поаккуратнее с этой уткой. Мастер Сю, вы — настоящий знаток.

Сю Динсинь (*с самодовольным видом*). Разве этот Фань Дунпо настоящий гурман?! Мы как-то с ним ели хризантемовый самовар хого. С тех пор он больше не осмеливается обсуждать со мной еду и кухню.

Чан Гуй (*услышав что-то новое*). А?

Сю Динсинь. Приказчик Чан, у вас это называется «варить в самоваре хого баранину»...

Фушунь. Э, как вы называли моего мастера?

Чан Гуй (*снисходительно*). Мастер Сю не обвыкся пока. Продолжайте свой рассказ.

Сю Динсинь. Что кладут в бульон, когда в самоваре хого варят тонкие ломтики баранины?

Чан Гуй. Грибы сянг, шампиньоны и креветки.

Сю Динсинь. Вот и Фань Дунпо ответил мне то же самое.

Чан Гуй. А что не так?

Сю Динсинь. А как пишется иероглиф «свежий»?

Чан Гуй. Справа «баран», слева «рыба».

Сю Динсинь. На севере мерилom свежести выступает баранина, на юге — рыба. В Гуандуне и окрестностях есть знаменитое блюдо «Рыба поэта Пань Юэ¹⁸». Этот принцип и сегодня применяет талантливый Пан Цзунь, считая свежими рыбу и баранину, когда в бульон из баранины кладут кусочки рыбы. Он покупает живых карасей, варит из них бульон и использует его как основу в самоваре хого, где варят баранину. Вот в чем истинный смысл иероглифа «свежий» и знаков «баран» и «рыба» в нем.

Чан Гуй. Господин Сю выше нас всех на голову. Вы как-то говорили, что при приготовлении окорока в него обязательно кладется собачья нога, а зачем?

Сю Динсинь (*смеется*). Для сладкого вкуса добавляют немного соли. Кто знает этот принцип в кулинарии, у того всегда вкусные блюда. Кто понимает эту истину по жизни, у того никогда не будет забот.

За кулисами слышится звук ударов ложки по дну кастрюли.

Чан Гуй (*понимает, что горячие блюда уже готовы и разложены по блюдам*). Приготовиться к подаче горячего! (*Наставляет официантов.*) Сначала жареное в масле, затем жареное в печи, вареное, пареное, тушеное. Порядок не нарушаем. Мастер Ли первый день на нашей кухне. Не подведите нового человека. Вперед!

Официанты с горячими блюдами на подносах проходят мимо так, чтобы

Чан Гуй кинул взгляд в каждое для проверки.

Чан Гуй. Это на главный стол. Среди гостей один из артистических кругов не ест кориандр. Сынок, опусти рукава, среди гостей есть дамы...

¹⁸ Пань Юэ — поэт, классик китайской литературы эпохи династии Цзинь (265–420). Название блюда — аллюзия на строчку из его стихотворения.

Косичка Ли осторожно поднимается по лестнице, отодвигает занавеску и тихонько наблюдает.

Чан Гуи (*выходит из кабинета*). Вы ищете управляющего?

Косичка Ли. Как гостям еда?

Чан Гуи. В президентском дворце любят посолонее, артисты и художники любят попреснее. Все хорошо!

Косичка Ли. Спасибо за вашу поддержку, я отблагодарю вас при случае.

Сю Динсинь. Третий Ли, разве ты не умеешь готовить?

Косичка Ли (*переводит взгляд*). Как ты меня назвал?

Сю Динсинь. ...

Чан Гуи. Он только приступил к работе, не понимает еще, вы...

Косичка Ли (*продолжает гнуть свою линию*). Управляющий ко мне обращается Мастер, а ты меня назвал Третьим Ли?!

Сю Динсинь. Ты что рассвирепел-то?

Косичка Ли. Ты уже совсем не тот, кем был когда-то! Только и думаешь, как бы над людьми поглумиться!

Чан Гуи. Брат Ли, вам пора возвращаться на кухню.

Косичка Ли (*снимает с себя и швыряет фартук, уходит*).

Сю Динсинь (*от злости топчется и мнетя*). С меня хватит. Я увольняюсь. Где второй управляющий?

Чан Гуи. Господин Сю, в нашем деле нужно учиться терпению.

Сю Динсинь. Я, Сю Динсинь, из почетного гостя ресторана превратился в прислужника и официанта. И какой-то задрипанный повариха, человек низшего класса, может теперь меня обругать?!

Чан Гуи. Тише. Нельзя так говорить. Управляющий запрещает нам говорить про низший класс.

Из кабинета выходит гость в военной форме и требует послать за опиумом.

Чан Гуи. Гости выпили по третьему кругу, утки в печку...

Заходит группа барышень из переулка Яньчжисян, все нарядные и красивые.

Лу Мэнши спускается по лестнице вниз, приглашает их подняться наверх.

Две девушки окружают Лу и болтают без умолку.

Лу Мэнши. От двух женщин больше шума, чем от сотни уток.

Девушка (*не унимается*). Ты о чем? И кто из нас утка?

Лу Мэнши. Гости все в сборе, поднимайтесь наверх! (*Толкает их наверх.*)

Одна из девушек. Управляющий, там на входе еще «пятьдесят уток»!

Лу Мэнши, не поняв шуток, идет к дверям и сталкивается с входящей Юй Чуэр.

Девушки озорно смеются и уходят.

Лу Мэн ши (*заискивающе улыбается*). Ты пришла. (*Смотрит на Юй Чуэр.*) Полдня просил прощения. Все еще сердисься?

Юй Чуэр. У входа стоит автомобиль, похож на авто хозяина Юя.

Лу Мэн ши. Он здесь.

Юй Чуэр. Ваш старший хозяин — настоящий молодец.

Лу Мэн ши. Кто ж как не я их пригласил!

Юй Чуэр. Тогда он должен хорошенько тебя наградить?

Лу Мэн ши. Наградить? Меня? Чуть было под суд меня не от-правил.

Юй Чуэр (*смеется*). Это все из-за той земли?

Лу Мэн ши. Тебе все смешно.

Юй Чуэр. Мне смешно, когда у человека есть способность ко-мандовать и нет способности слушать команды.

Лу Мэн ши. Нет способности. (*Хочет уйти.*)

Юй Чуэр. Только и знаешь, что злиться на меня. Смотри, что я принесла? (*Достает небольшую коробочку с едой.*) Попробуй.

Лу Мэн ши берет кусок и кладет в рот.

Юй Чуэр. Там у нас в переулке есть старушка, которая ходит по-сле обеда по улице и продает из корзины разные вкусняшки — ути-ные крылышки в соусе, маринованную утиную печень, много всего у нее там есть. Нам всем, сестричкам из того квартала, очень нравятся ее закуски к вину.

Лу Мэн ши. И правда очень вкусно.

Юй Чуэр. В еде-то ты понимаешь! Это ж все из вашего рестора-на, здесь купленное.

Лу Мэн ши. Так все это в печи нельзя жарить.

Юй Чуэр. Нельзя жарить, продавать, что ли, тоже нельзя? Ты еще жаловался, что «Четыре блюда из утки» непопулярны стали. Так почему бы не сделать «Пять утиных блюд», «Восемь утиных блюд», превратив потроха в блюдо?

Лу Мэн ши (*воодушевленно*). Принеси чем писать.

Юй Чуэр торопится к стойке за бумагой и принадлежностями для письма.

Лу Мэн ши (*внезапно снова впадая в депрессию*). А чего я так усердствую-то? С этими двумя палками-дерьмомешалками ничего сделать все равно нельзя.

Юй Чуэр. Вот уж действительно, ты прям как воздушный змей — то вверх, то вниз.

Лу Мэн ши. Веревка в чужих руках. Выше или ниже лететь, от меня не зависит.

Юй Чуэр. А если я веревочку-то перережу?!

Лу Мэн ши. Перережешь?

Юй Чуэр. Пока главным управляющим не станешь, так и будешь всю жизнь выслушивать чужие приказы.

Лу Мэн ши. Ты говоришь о...

Юй Чуэр. Ты что — никогда не думал об этом?

Лу Мэн ши. Старый хозяин перед смертью доверил мне управление, я не могу отбирать их семейное дело у людей!

Юй Чуэр. Отбирать? Да как ты можешь такое говорить?! Ты все всегда делал по совести. В том, что в Поднебесной все еще существует «Фуцзюйдэ», и твоя заслуга, Лу Мэн ши.

Лу Мэн ши (*в восхищении широкими взглядами Юй Чуэр*). Продолжай!

Юй Чуэр. Старший хозяин любит свой театр, поэтому надо отпустить его петь оперу.

Лу Мэн ши. А как насчет младшего хозяина?

Юй Чуэр. Это я улажу.

Лу Мэн ши (*ревниво*). Так не пойдет!

Юй Чуэр. Хе, я найду ему кого-то получше. (*Шутливо ругает.*) Хорошо ты устроился! Одна ему сына рожает, другая подкидывает идеи для бизнеса. Да, мой управляющий Лу?

Лу Мэн ши (*как будто они снова только познакомились*). Юй Чуэр, первое, что я сделаю, когда стану главным управляющим, — это заберу тебя.

Юй Чуэр. Как же много раз я уже это слышала. Потом, потом поговорим. (*Хочет уйти.*)

Лу Мэн ши (*нежно*). Я по правде!

Появляется Ван Цзы си, Юй Чуэр выскальзывает из рук Лу Мэн ши и бежит вверх.

Ван Цзы си. Мэн ши, нашу сделку по покупке пятисот белоглазых уток перебил по цене «Цюаньиндэ».

Лу Мэн ши. А мы почему ничего об этом не знаем?

Ван Цзы си. Они тайком отправили деньги продавцу.

Лу Мэн ши. Ладно. Раз они не следуют принципу гуманности, то и я позволю себе не быть праведным. Они спрашивали нас, как ухаживать за утками?! Мы пустим слух, что жирные утки получают на ветру, скажем им, что качество утиного жира зависит от вентиляции. Велите старику, что за утками смотрит, открыть все окна в утином сарае нараспашку.

Ван Цзы си. А утки не простудятся в такую холодную погоду?

Лу Мэн ши. Ха! А всех уток ко мне в дом перенесите!

Ван Цзыси. Понял, понял. Я пошел. (*Уходит.*)

Лу Мэнши. Фушунь, пригласи ко мне мне главного управляющего.

Фушунь. Второй управляющий, это чтобы...

Лу Мэнши. Да поживее!

Через некоторое время спускается Тан Маочан.

Лу Мэнши. Есть важное дело.

Тан Маочан (*с недовольным видом*). Говори.

Лу Мэнши. наших уток перекупили конкуренты.

Тан Маочан. Перекупили — ну так придумай, где купить других уток.

Лу Мэнши. Сейчас в Пекине предлагают только три вида уток. Озерную утку с юга, из Юньхэ. Мелкая утка с нежным мясом. Утка Байхэ Пу с реки Чаобайхэ — та крупная и жирная, но ее мало где купишь. И третий сорт — масляная утка из Юйцюаньшаня, костлявая и маслянистая. В жарке слишком жирная получается. Для закусовых подходит...

Тан Маочан (*нетерпеливо*). Что ты хочешь мне сказать?

Лу Мэнши. Я никак не могу решить, какой сорт купить. Размышляю...

Тан Маочан. Ты спрашиваешь меня, какой сорт лучше?

Лу Мэнши. Это важный вопрос. Тут я не могу взять на себя инициативу, не спросив вас. Кроме того, утиные перья на рынке в последнее время продаются очень плохо. Я хочу уступить их в лавку хозяйственных изделий...

Сверху слышится голос: «Мастер утиных дел, Повелитель уток, вы почему тайком нас покинули? Вы что не слышите крика своих уточек?» Слышится хохот.

Тан Маочан. Господин Ян, извинитесь перед мастером за меня. Я уже иду. Что еще у тебя? Давай говори скорее!

Лу Мэнши. Со вчерашнего дня городские ворота закрываются на комендантский час. Ночью нельзя завозить уток и вывозить утиную кровь и потроха тоже нельзя. Я хотел бы...

Тан Маочан. Ладно, ладно! Действуй по ситуации! (*Поднимается наверх.*) Утки, утки... все время эти утки... У меня у самого скоро утиный клюв вырастет! (*Уходит.*)

Лу Мэнши (*улыбается своим мыслям, видит Сю Динсиня*). Мастер Сю, уже освоились?

Сю Динсинь. Второй управляющий, я краем уха слышал, что вы из-за того, что всегда относились одинаково к людям любых профессий, сами пошли в челядь.

Лу Мэн ши. Таково главное желание всей моей жизни — не позволять людям смотреть свысока на тех, кто работает в ресторанах.

Сю Дин синь. Ну и что с того, что их презирают?

Лу Мэн ши. Нужно сначала самому научиться не презирать их, тогда и другие не смогут осмелиться на презрение.

Сю Дин синь. Я не думаю, что у вас это получится.

Лу Мэн ши. Я буду пробовать. Вы написали парные надписи, что я просил?

Сю Дин синь. Парные надписи могут быть изысканными, или радостными, или пожеланием богатства, или напоминающими о великих постройках циньцев. Или образно описывать бренность этого мира. Вы что предпочитаете?

Лу Мэн ши. Вы всю жизнь размышляете о еде, полжизни провели в ресторанах. Что вам самому нравится?

Сю Дин синь. Если речь о еде, то мне по душе только одна фраза: «Любой банкет когда-нибудь заканчивается».

Лу Мэн ши (*смотрит на Сю Динсиня*). Такая парная надпись не может приносить удачу.

Сю Дин синь. Зато правда.

Чан Гу й (*входит*). За столиками гостей из президентского дворца разговор уже зашел о драках и убийствах.

Лу Мэн ши. Главное, чтоб здесь у нас не убивали. У себя они пускай делают что хотят, убивают кого хотят. Я поднимусь и присмотрю за ними. (*Идет вверх по лестнице.*)

Появляется Чэншунь, он держит в руке таз. Головастик Ло подталкивает Чэншуня сзади.

Головастик Ло. Иди-иди. Вылей.

Чэншунь. Мастер, это же заказ того стола, которые с оружием. Второй управляющий прямо велел им угождать...

Головастик Ло. Чушь все это! Иди, вылей куда подальше!

Чэншунь обреченно уходит.

Головастик Ло. Косичка Ли, я тебе покажу еще. (*Уходит*).

Сверху доносятся звуки музыкальных инструментов, несколько человек вытаскивают Тан Маочана.

Тан Маочан. Все вы — известные актеры. С чего это взялась моя очередь петь?

Гости (*хором*). Не запоешь — хозяин тебя не примет!

Тан Маочан. Спою отрывок из «Монастыря Фамэнь».

Гости. Не будем это слушать. Не твоя роль! Спой нам «Ци Цзе».

Тан Маочан. Тогда отрывок из «Сватовства». *(По ходу берет у официанта из рук поднос.)* Музыканты, начинайте с интерлюдии.

Вступает китайская скрипка. Тан Маочан поет и танцует «Спрячу Чжан Шэна под шахматной доской...»

Тан Маочан. Не судите строго! Не судите строго! Давайте продолжим банкет, прошу!

Чан Гуй и Сю Динсинь держат в руках небольшие пакеты.

Чан Гуй. Чэншунь! Где ты был? Идите, раздайте каждому извозчику по упаковке вяленого мяса и по красному конверту. Да скажи, что это чаевые от нашего хозяина.

Два официанта откликаются и уходят. Входит Косичка Ли с очень встревоженным видом, следом за ним идет Ван Цзыси.

Косичка Ли. Брат Чан, вы не видели таз с красной фасолью?

Ван Цзыси. Куда ты его поставил? Это о пасте из восьми бобовых сокровищ?

Головастик Ло *(отходит от печки)*. Скорее всего, забыл приготовить, так же?

Косичка Ли. После обеда уже все было готово.

Ван Цзыси. Поменяйте им его на ямс в горячей карамели.

Сю Динсинь. Это был заказ стола из президентского дворца.

Ван Цзыси *(с тревогой)*. Эта компания найдет нам неприятностей. Это их еще больше раззадорит?

Косичка Ли *(обливается потом от волнения)*. Скорее пошлите кого-нибудь за печеньем из зеленого маша!

Ван Цзыси. Чэншунь, скорей беги на южный край рынка.

Чэншунь собирается уйти, Головастик Ло подмигивает Чэншуню.

Чан Гуй тихонько уходит.

Головастик Ло. Большой банкет в восемь блюд и четыре вида супа, если не первоклассный повар, то справиться не сможет.

Косичка Ли *(внезапно догадывается)*. Головастик Ло, это кто-то из твоих приспешников. Не совершай роковой ошибки!

Головастик Ло *(кидает гневный взгляд и кричит)*. Эй, ты сам опростоволосился. Не докапывайся до других!

Ван Цзыси. Хватит уже! О боги, наверху гости!

Чэншунь входит с пустыми руками.

Чэншунь. Нет печенья из маша.

Головастик Ло *(злорадствует)*. А вот это уже проблема.

Сю Динсинь. Если эти люди не покушают в удовольствие, дело запахнет сносом головы.

Косичка Ли (*твердо*). Снос головы — это просто смерть, а вот мастерство мое — это репутация на всю жизнь.

Ван Цзыси. Приготовь им какое-то другое блюдо. Я управляющему все объясню.

Косичка Ли. Не буду ничего другого делать! Косичка Ли сегодня осрамился и больше половника в руки не возьмет. (*Развязывает фартук.*) Прощайте!

Вбегает Чан Гуй, держит в руке бумажный пакет.

Чан Гуй (*тяжело дышит*). Ли, Мастер Ли, маш! Зеленая, зеленая фасоль.

Косичка Ли (*берет пакет, разламывает зернышко и нюхает его*). Ладно. (*Поворачивается и бежит на кухню, затем внезапно возвращается.*) Чан Гуй, брат, я никогда не забуду твою доброту. (*Поспешно уходит.*)

Чан Гуй (*вытирая пот*). Собираем блюда от мясных блюд, надеваем полотенца, готовимся к выходу утки! (*Уходит.*)

Головастик Ло (*в ярости*). Черт. Кое-кто играет на вражеской стороне! Чэншунь, присмотри за утками. В печь больше не подкидывай. Я спать. (*Уходит.*)

Лу Мэнши (*появляется*). Где Косичка Ли? Сегодня кухня отменная, и некоторые высокие гости ее высоко оценили. Послезавтра у господина Юя дома семейное торжество, и он хочет, чтобы Косичка Ли приготовил блюда для их домашнего банкета.

Появляется Косичка Ли.

Косичка Ли (*бросает на ходу*). Как закипит, снимай с огня и выкладывай.

Лу Мэнши. Мастер Ли!

Косичка Ли (*с потемневшим лицом*). Вторым управляющий, нет у меня сноровки. Пойду я искать себе другое место почудить. (*Протягивает передник.*)

Лу Мэнши. Что случилось?

Косичка Ли. У Косички Ли никогда не было желания участвовать в подковерных играх.

Лу Мэнши. Никто не может сказать, что «Фуцзюйдэ» — жулики. С чего вдруг такие выражения?

Косичка Ли. Сегодня я первый день вышел на работу, испытывайте меня на здоровье, я не боюсь. Но вот срамиться я не желаю.

Ван Цзыси что-то говорит на ухо Лу Мэнши.

Лу Мэн ши (*мрачнеет лицом с каждым словом*). Сделал все возможные гадости, какие смог. Мастер Ли, сделайте перерыв, отдохните.

Косичка Ли уходит.

Лу Мэн ши. Позовите Головастика Ло!

Чэншунь. Он лег и заснул.

Лу Мэн ши. Манатки свои пусть собирает.

Ван Цзыси. Говорю вам, не дразните его лучше. У хозяина в гостях учителя. В самый критический момент...

Лу Мэн ши. Зовите!

Появляется Головастик Ло, принимает безучастный вид.

Лу Мэн ши (*сразу в лоб без обиняков*). Это ты вылил в помойку пюре из маша, так?

Головастик Ло. Нет.

Лу Мэн ши. Настоящий мужчина что осмеливается сделать, о том смеет и сказать. Не заставляй меня устраивать расследование, срамота!

Головастик Ло (*бросает недовольный взгляд на Лу*). А если и я, то что? Что ты мне сделаешь?

Лу Мэн ши. Я, Лу Мэн ши, в жизни всегда соблюдаю две вещи. Дома я почтителен к родителям, выходя из дома, я могу смотреть в глаза своим друзьям. Ты мне не по душе!

Головастик Ло. По душе, не по душе, я давно работаю на семью Тан. И это не твое дело!

Лу Мэн ши. Я — второй управляющий в ресторане.

Головастик Ло. Меня брал на работу отец старого хозяина. Ты мне не указ!

Лу Мэн ши. Хозяин наверху. Пойди там ему поори.

Головастик Ло. Не думай, что я не посмею...

Тан Маочан спускается по лестнице вместе с господином Юем.

Тан Маочан. Мастер, сказали, что уже выносят уток. Куда вы так торопитесь?!

Господин Юй. Не могу остаться дольше на ужин. Еще один выход на сцену у меня.

Тан Маочан. Чуть погодя отправлю вам горячее в контейнере прямо в театр.

Лу Мэн ши (*спешит навстречу*). Господин Юй, вы уже уходите?! Как же так?

Господин Юй. Блюда все отличные (*достает красный конверт*). Это чаевые для всех. И добавьте еще за мой счет два блюда гостям из президентского дворца. Скажите, что от меня.

Лу Мэн ши. Ваш приход для нас и так большая радость. Вы и так потратились. *(Обращается к работникам.)* Господин Юй наградил нас чаевыми!

Официанты на сцене и за кулисами хором кричат: «Спасибо господину Юю...»

Господин Юй. Маочан, вы тогда садитесь справа, где выход со сцены, прямо у музыкантов.

Тан Маочан *(польщен)*. Да.

Господин Юй. В моей партии «Прошлой ночью был пьян и уснул прямо в одежде» послушайте, как падает тон сразу после «Уснул». *(Запевает.)* У-у-у-усну-у-у-ул...

Головастик Ло *(как гром среди ясного неба)*. Хозяин! Младший главный управляющий!

Тан Маочан и господин Юй испуганы.

Тан Маочан *(сердито)*. Это что такое еще? Мастер, он не напугал вас?

Головастик Ло. Лу Мэнши хочет меня уволить!

Тан Маочан. Уволил, значит, уходи.

Головастик Ло. Вы тоже меня гоните?! Все печи в «Фуцзюйдэ» я строил, и я должен следить за этими утками!

Тан Маочан. И что — не сдержит его никто?! Мастер, вы только что сказали...

Господин Юй *(смеется)*. Неудивительно, что вас называют «повелитель уток». У вас много дел в ресторане. Мне пора. *(Уходит.)*

Тан Маочан *(бросается следом)*. Господин Юй, Мастер!

Головастик Ло *(не знает, как поступить)*. Управляющий!

Тан Маочан *(отмахивается от Головастика)*. Все мои дела теперь на вас. С этого момента ты, ты и ты *(тыкает пальцем в Лу Мэнши, Ван Цзыси, Головастика Ло и других)*, никому из вас не сметь даже слово «утка» упоминать при мне! Фуцзы, поехали! *(Уходит.)*

Лу Мэн ши *(добившись желаемого, тайно улыбается)*. Чан Гуй, готовим вынос уток!

Занавес.

Акт третий

Время: восемь лет спустя. Место: ресторан «Фуцзюйдэ». Время расцвета ресторана «Фуцзюйдэ». Великолепное здание с резными балками и колоннами, над входом та самая памятная вывеска с золотыми иероглифами на черном фоне. Перед дверью стоят машины, конные экипажи и большие зеленые паланкины. В двери входят и выходят чиновники и высокопоставленные лица, коммерсанты

и знаменитости. «Фуцзюйдэ» стал процветающим и очень известным заведением в Пекине. Сегодня шестой день Нового года. Ресторан и лавка готовятся к открытию и первому рабочему дню в новом году. Официанты из «Фуцзюйдэ» окружили Ван Цзыси, который вешает прямо над дверью две старые медные таблички. Мясник грохочет разделочными досками, повар гремит сковородками, кассир звонко шелкает костяшками на счетах, в жаровню вековой печи как будто плеснули масла — в ней пляшут языки яркого пламени. Это тот самый «стук разделочных досок», который, как считали старые торговцы, должен звучать как моление об успехе заведения в новом году. Все официанты «Фуцзюйдэ» опрятно одеты, в новой обуви и новых шапочках, с улыбкой на лице и вышколенными манерами.

Они встречают первых в новом году гостей.

Ван Цзыси. Фушунь, следи за входом! Как появится в начале переулка важный гость, успевай звать его первым.

Фушунь *(уже успел дорасти до старшего официанта)*. Не волнуйтесь, второй управляющий! *(Уходит.)*

Ван Цзыси. После пятого числа нового года наступает шестое, после шестого числа уже день за днем побегут как по накатанной. Глядишь — скоро и год закончится.

Чан Гуй. У нас большое открытие года, а напротив — большое закрытие.

Ван Цзыси. В «Цюаньиндэ» управляющий из тех, кто не приносит прибыли ресторану. У них официант съест лишнюю полпампушку — так он сразу хмуриться начинает.

Чан Гуй. Тамошних официантов очень жалко. Поговорил бы кто с управляющим, чтобы помочь им.

Ван Цзыси. Да все он знает. Не забывают, у него отец тоже был официантом.

Чан Гуй. Так прошло десять лет, я и спрашивать боюсь, мог ли управляющий Юйшэнлоу так ужасно поступить?

Ван Цзыси. Из-за пары пропавших золотых он во-о-он такими большими весами *(тыкает в сторону висящих на стене весов в три с лишним метра длиной)* взвешивал официантов в ресторане. Пришел — взвешивают, уходишь — еще раз взвешивают.

Чан Гуй. Неужели старик такой беспутный был?

Ван Цзыси. А иначе стал бы Мэнши, стиснув зубы и сжав кулаки, делать свое дело дальше, глубоко пряча свои эмоции?

Чан Гуй. Сегодня большое открытие, а почему его не видно?

Ван Цзыси. Эх, я был так занят, что забыл отправить подарки в отдел расследований.

Чан Гуй. Это божества, которых не позволительно обижать.

Ван Цзыси. Вот Мэнши и пошел подмазаться. *(Вынимает бланк.)* Вот сегодняшняя доска для записей. Будешь записывать сюда по порядку, какие блюда подавать. На вечер есть бронь от хозяина

магазина «Жуйфусян» и начальника гарнизона У. Мне пора идти за прекрасными лепешками с редькой.

Чан Гуй уходит, Ван Цзыси тоже собирается уйти. Входит сердитый Тан Маочан, с ним Фуцзы.

Ван Цзыси (*видит, что у хозяина что-то не так, осторожно спрашивает*). Хозяин сегодня не занят. Вы не ходили в театр?

Тан Маочан. Где управляющий Лу?

Ван Цзыси. Вышел по делам.

Тан Маочан. Вчера я просил Фуцзы взять для меня пятьсот юаней из кассы. Почему ему не выдали деньги?

Ван Цзыси. Он сказал, что в контракте четко прописано разделение счетов: хозяйских — шесть долей, на развитие — четыре. Деньги четко привозят на дом первого числа ежемесячно. Это сумма сверх того?

Фуцзы (*по-собачьи выслуживаясь перед хозяином*). Сверх сего! Это все хозяйское! Хозяину нужны деньги на покупку костюмов и изготовление декораций. Это дело благое. Он же деньги берет не на содержание шлюх!

Ван Цзыси. Э, не ори так! Юй Чуэр теперь тоже полууправляющий.

Тан Маочан (*злится еще больше*). Скажите им, что это дело семьи Тан. Откройте кассу.

Ван Цзыси (*в затруднении*). Хозяин...

Тан Маочан. Открывай.

Ван Цзыси в отчаянии открывает кассу, Фуцзы забирает из кассы деньги.

Тан Маочан. А вы знаете, что за эти годы Лу Мэнши купил недвижимость в родном городе?

Ван Цзыси. Этого я не знал.

Тан Маочан. Цзыси, ты давно работаешь в «Фуцзюйдэ». Я не следил за кассой ресторана в последнее время, второй хозяин уехал в Тяньцзинь. Ресторанные дела все на тебе были.

Ван Цзыси (*трусливо*). Да, конечно, я...

Снаружи шум, входит Фушунь.

Фушунь. Пятый сын Мастера Чан Гуя стоит у входа и хочет войти, у него дело к отцу.

Ван Цзыси. В день большого открытия есть запрет: голодранцам сегодня нельзя входить в ресторан. Пускай Чан Гуй к нему сам выйдет.

Входит Юй Чуэр.

Юй Чуэр. Что за шум на входе?

Тан Маочан (*холодно поджав губы, кивает*). Фуцзы, поехали!

Юй Чуэр. Куда торопитесь? Посидите еще, отдохните, выпейте чаю.

Фуцзы. От пустой болтовни боимся язык себе смолоть. (*Уходит следом за Тан Маочаном.*)

Юй Чуэр. Что с хозяином?

Ван Цзыси. Вот и мне тоже интересно. Поговаривают, Мэнши купил себе немало домов в родном городе. Вы слышали об этом?

Юй Чуэр. От кого вы это узнали?

Ван Цзыси. Я не слишком верю в это.

Юй Чуэр. Мэнши трудится в поте лица уже десять лет и накопил кое-какие сбережения. «Фуцзюйдэ» был на грани закрытия. Он с таким трудом сумел превратить ресторан в популярное в Пекине место. Потерять такую известность было бы обидно.

Ван Цзыси. Конечно, конечно. Ой, мои лепешки с редькой! (*Уходит.*)

Входит несколько одинаково одетых мужчин, они непохожи на настоящих посетителей ресторана.

Чан Гуй. С Новым годом, господа! Пообедать, пожалуйста, поднимайтесь вверх.

Первый гость (*оглядывая ресторан и видит Юй Чуэр*). Я слышал, что у вас тут работает некая Чуэр с уникальным умением готовить блюда мамки.

Чан Гуй (*подхватывает*). Готовит блюда наш повар по имени Косичка Ли. Он лучше всех умеет делать «Три неприлипайки» — к палочкам не прилипает, к зубам не прилипает, не прилипает...

Второй гость (*перебивает*). Мы пришли сюда специально за мамкиным меню. Говори уже, есть такое? И хватит уже нести всякую чушь!

Чан Гуй (*заметив под одеждой посетителей оружие, жестом приказывает Юй Чуэр уйти*). Не беспокойтесь, господа, я...

Третий гость (*отталкивает Чан Гуя*). Посторонись!

Юй Чуэр. Не утруждайтесь! Юй Чуэр — это я.

Первый гость (*приблизившись*). Наслышаны, давно мечтали лично познакомиться! В переулке Яньчжисян, чтобы тебя увидеть, надо золото сначала предъявить. Давай сегодня сделаем приятное господам.

Юй Чуэр (*неторопливо*). Конечно, все как полагается. Что желаете, господа?

Второй гость (*в растерянности*). А что ты умеешь?

Юй Чуэр. Я родилась в деревне под Сучжоу и умею готовить все, что едят в деревне. Послушайте, я озвучу вам все блюда: «Богатая коллекция сокровищ», «Достаток и богатство», «Рождение сына за сыном», «Сто лет совет да любовь», «Браки рождаются на небесах», «Удача и фортуна на нашей стороне», «Драгоценности на снегу», «Жемчуг возвращается в Хэпу», «Новый урожай к нам торопится», «Дом — полная чаша». Господа к нам по какому поводу пожаловали за угощением? Отмечаете свадьбу, кулинарные таланты молодой жены или визит к родственникам? А может, день рождения, отъезд в дальние края или успешную сдачу экзаменов решили отметить нашей кухней?

Посетители в замешательстве от услышанного.

Второй гость (*прикидывается знатоком*). Что еще за кухня-шмухня? Мы это... просто повеселиться да поесть. Берем «Дом — полная чаша».

Остальные начинают ему поддакивать.

Первый гость (*начинает соображать*). Мы много чего поели и попили на своем веку, перепробовали и «Четыре зала» и «Восемь теремов». Ты скажи нам сначала, что за блюдо такое этот «Дом — полная чаша»?

Юй Чуэр (*смакуя, начинает медленно рассказывать*). Берется два ляна нежных, молочной слюной слепленных ласточкиных гнезд, замачиваются в родниковой воде, серебрянной иглой удаляют все черные нити, добавляют бульон из нежного цыпленка, хорошую ветчину, грибы и варят до готовности до нефритового цвета. Берутся плавники филиппинской синей акулы, чешую не снимают, только убирают верхнюю косточку и тушат два дня с добавлением свиной рульки, куриного бульона, молодых побегов бамбука и леденцового сахара, тушат до золотистого цвета. Берутся трепанги с мелкими шипами и трижды доводятся до кипения, добавляется куриный и мясной бульоны, отвар креветок, и все это тушится до цвета красного финика. Затем кладутся три песчаных моллюска «язык красавицы Си Ши», семь яиц каракатицы, десять побегов гинкго, все это приправляется тонко нарезанными побегами бамбука, брюшками карася, кусочками ароматных грибов сянгю и древесного гриба муэр, тонкими кусочками фазана, несколько раз доводится до кипения, добавляется крахмал, чтобы получилась желеобразная масса. Затем кастрюлю переворачивают и выкладывают готовое блюдо вверх дном в чашу с четырехпалым золотым драконом. Такое блюдо называется «Дом — полная чаша».

Второй гость (*невольно выдыхает*). Мать моя, сколько же это стоит за миску?

Юй Чуэр. Не так много, достаточно двух лянов золота.

Первый гость. Такое блюдо императору подают наверно.

Юй Чуэр. Император, боюсь, не столь разборчив в кухне, господа, как вы. (*Берет в руки красивый фартук и собирается идти на кухню готовить.*)

Первый гость (*понимая, что с этой Юй Чуэр имеет дело не просто*). Мы сегодня не хотим ни золота никакого, ни нефрита. Хотим попробовать что-нибудь простого и домашнего из твоей кухни.

Юй Чуэр. Хорошо. Я приготовлю тогда кисло-острый суп с уткой для вас. Позволю предложить господам вина? Чан Гуй, проводи господ наверх.

Мужчины поднимаются наверх. Юй Чуэр задерживает на секунду Чан Гуя.

Юй Чуэр. Думаю, у этих людей нехорошие намерения. Будьте осторожны. (*Уходит.*)

Появляется Головастик Ло, за ним следует Кэ У.

Головастик Ло. Почему ты вечно ходишь за мной хвостом?

Кэ У. Возьми меня посмотреть на уток, да добудь мне утиных косточек поглотать, и я отстану. (*Голодно оглядывается.*)

Фушунь догоняет их.

Фушунь. Уходите, уходите. Кто тебя впустил?

Кэ У. Ты чего это? Говорю же, господин У сегодня в составе «Отряда благоуханий».

Головастик Ло. Неудивительно! Ведь ты все время торчишь у входа в рестораны.

Смех в зале.

Кэ У. Я с отрядом розыска, вынюхиваю опиум.

Головастик Ло. Ха, так вот где тебе пригодились навыки, которыми тебя научил отец.

Кэ У. Головастик Ло! От тебя тоже пахнет опиумом!

Головастик Ло. Правильно. На каждую утку по две затяжки. От генеральского дома перепало в награду.

Кэ У. Шарик тоже нельзя. Давай их сюда.

Головастик Ло. В генеральском доме целые коробки стоят. Есть у тебя сноровка — иди туда и там нюхай.

Кэ У. Когда дыма много, я не чувствую. (*Хихикает.*) Ну ладно, дайте мне две утиные шеи!

Головастик Ло. Ты, парень, специально создаешь проблемы. Не забывай про свой должок! Младший хозяин еще должен задать тебе хорошую трепку. А вместо него сейчас покажу тебе я, на что способен в гневе! *(Берет лопатку в руки.)* Э, кто трогал мою лопатку?!

Чэншунь *(суетливо подбегает)*. Я... я чистил ее для вас.

Головастик Ло *(трогает рукой)*. Чушь! Она еще горячая.

Чэншунь *(зная, что уже не отвертеться)*. Это управляющий велел мне...

Головастик Ло. Управляющий тебе за бога? На колени!

Вбегает аккуратно одетый официант и делает жест большим пальцем, проводя горизонтальную линию в воздухе. Этот жест сообщает официантам, что вернулся управляющий. Все сразу же встают на свои места и ждут по стойке смирно. Входит Лу Мэнши. Это уже человек среднего возраста, роскошно одетый, с упитанным и величественным лицом. За ним следом идет Сю Динсинь. Лу Мэнши окидывает взглядом ресторан и садится в то самое резное кресло старого хозяина. Лу Мэнши протягивает руку. Официант немедленно подает ему небольшую фарфоровую пиалу белого цвета с узором из голубых цветов.

Лу Мэнши *(делая глоток)*. Жара мало.

Сю Динсинь. Недостаточно жара для утиного бульона. Во второй печи скажите подкинуть дров. Нужен огонь посильнее.

Лу Мэнши *(пьет, не поднимая головы)*. Кто его впустил?

Сю Динсинь *(тайно подает знак Кэ У, чтобы тот ушел)*.

Кэ У *(наоборот, подходит еще ближе)*. Управляющий Лу, разумеется, у вас здесь терем для князей и принцев. А я тут по переулкам прогуливаюсь туда-сюда. Я унюхал, что на заднем дворе у вас пахнет опиумом.

Лу Мэнши. Убирайся!

Кэ У. Дайте мне утку, и дело улажено, а не то...

Фушунь. Уходи!

Сю Динсинь *(шепотом)*. Господин У, иди уже.

Кэ У. Второй мастер Сю, ты живешь в бесконечной роскоши — и где твоя совесть? Лу Мэнши, ты дожدهшься еще!

Толпа утаскивает Кэ У.

Лу Мэнши *(с темным лицом)*. Кто ходил в оперу четвертого числа? Официант. Я.

Лу Мэнши. Что смотрел?

Официант *(увеливает от ответа)*. Оперу, большую оперу.

Лу Мэнши. А билет где?

Официант *(трусливо)*. Выбросил.

Лу Мэнши. Врешь! Четвертого числа не было оперы. А были певички. Бесстыдник, что написано в правилах ресторана? Ну!

Официант. Статья девятая правил говорит: работникам ресторана не разрешается ходить смотреть на певичек и слушать цветочно-барабанную оперу¹⁹, не разрешается...

Лу Мэнши. Почему люди смотрят свысока на тех, кто относится к «пяти постыдным профессиям»? Нельзя якшаться с подонками! Я смотрю, ты сыт, в семье есть деньги. Уберишься с моих глаз!

Официант *(в панике)*. Простите меня на этот раз. Я больше не посмею, управляющий! *(Ищет поддержки у окружающих, но никто не решается сказать слово в его защиту.)*

Лу Мэнши. Кто-то там жаловался хозяину, что я купил землю и поставил дом на родине. Было дело. Раз я рестораном занимаюсь, теперь я не могу иметь собственность? Все теперь должны только проесть, пропить заработанное да ходить к проституткам и играть в казино, якшаяся с подонками? Я бы и резиденцию Цзинаньфу купил, и башню у Цяньмэнь. Чэншунь!

Чэншунь. Я тут.

Лу Мэнши. Когда у тебя свадьба?

Чэншунь. Второго февраля.

Лу Мэнши. В весенний праздник Дракона? Хороший день! *(Берет у Сю Динсиня красный конверт)*. Вот тебе от ресторана на свадебный полог²⁰.

Чэншунь. Спасибо, управляющий!

Лу Мэнши. Красиво оденьтесь, верхом да в нарядном паланкине. Закажи себе все, что надо для праздника. Пусть простой народ на улицах увидит, что у официантов в «Фуцзюдэ» тоже есть честь и достоинство. Всем разойтись!

Головастик Ло *(полон злости)*. Погодите. Чэншунь трогал мою лопатку.

Лу Мэнши *(невозмутимо)*. И что?

Головастик Ло. Это нарушение правил ресторана! Сам император говорил, что до семидесяти лет повар-печник не передает свое искусство ученикам.

Лу Мэнши *(смеется)*. Император давно в изгнании в японской концессии. Нет больше такого правила.

Головастик Ло. Вспомни, как вы заманивали меня обратно в последний раз. Как только я брошу свою лопатку и уйду, «Фуцзюдэ» закроется.

¹⁹ Цветочно-барабанная опера (хуагуси, или хунаньская опера) — фольклорные сценки фривольного содержания, исполняемые под барабан.

²⁰ Свадебный полог — панно из красного шелка с золотыми иероглифами, традиционный подарок с поздравлениями ко дню свадьбы.

Ван Цзыси (*примирительно*). К чему все это? Все знают, что популярность «Фуцзюйдэ» зависит от того, держит ли Головастик Ло в руках свою лопатку, да?!

Головастик Ло (*сознательно набивает себе цену*). Не буду жарить уток сегодня. Ищите себе другого знатока! (*Машет рукой и уходит.*)

Ван Цзыси. Эй, в ресторане еще есть клиенты.

Лу Мэнши. Если уйдешь, не возвращайся.

Головастик Ло (*взрывается*). Лу Мэнши! Не изображай мне тут управляющего. Не думай, что я не знаю, кто ты!

Чан Гуй (*внезапно преграждает путь*). Головастик Ло!

Ван Цзыси. Это еще зачем? Всем разойтись.

Головастик Ло (*отталкивает Чан Гуя*). Как умер твой отец? Повиснув на крюке, поджав ноги и позволив взвешивать себя, как домашний скот! Позорище хуже некуда. Думаешь, я не знаю...

Лу Мэнши (*цвет лица меняется с синего на белое, внезапно начинает громко смеяться, и в смехе его сквозь печаль слышится решимость, от которой люди вокруг начинают дрожать*). Убирайся отсюда вон.

Головастик Ло. И нечего строить из себя порядочного. Весь такой из себя, как будто не был в службе весь твой род. Сюда попал — так сразу разважничался.

Лу Мэнши (*ревет*). Во-о-о-он пошел!

Кто-то пытается задержать Головастика Ло.

Лу Мэнши. Кто будет его останавливать, тот вместе с ним пойдет!

Головастик Ло, сильно ругаясь, уходит.

Лу Мэнши. Чэншунь, возьми лопатку. Сегодняшних клиентов обслуживать будешь ты, получаешь сегодня повышение до повара-печника. Всем разойтись!

Все расходятся.

Ван Цзыси (*обеспокоенно*). Вечером должны пожаловать четыре господина, владельцы магазина «Жуйфусян». Они знают толк в еде.

Лу Мэнши. Кто возьмется их обслуживать?

Фушунь. Я.

Чан Гуй. Управляющий, давайте я их обслужу.

Сверху слышится голос Первого гостя: «Администратор, позови Юй Чуэр, пусть подает наш суп!» Второй гость: «И покормить еще тебя с ложечки, да?» Сильно смеются.

Лу Мэн ши (*хмурясь*). Что за гости?! Почему зовут Юй Чуэр?

Ван Цзы си. Не знаю. С отделом розыска все уладили?

Лу Мэн ши. Не стали брать. Похоже, хотят с нас получить куш побольше.

Сю Дин синь. Вот купчая и бухгалтерские книги «Цюаньиндэ». Осталось вам поставить печать, и все будет оформлено.

Лу Мэн ши (*с дурным предчувствием*). Оставь, я вечером посмотрю. Официантов «Цюаньиндэ», всех, кто хотел бы остаться, оставляй. Чтобы никто из них не ушел в никуда и... (*Кружится голова, теряет сознание.*)

Ван Цзы си (*подхватывает*). Что случилось? Вам надо лечь.

Входит Тан Маошэн.

Тан Маошэн. Даже старые фонари на входе на электрические лампочки заменили!

Лу Мэн ши (*через силу приободряется*). Второй хозяин здесь, заварите чаю. В Тяньцзиньском ресторане «Фуцзюйдэ» процветает?

Тан Маошэн. Чему там процветать?

Лу Мэн ши. Место там удачное. Прямо перед ним рынок, напротив большой театр Синьминь. Место очень оживленное.

Тан Маошэн. Что хорошего в этом месте? Люди не заходят.

Лу Мэн ши. Ваша новая пассия — настоящая звезда Тяньцзиня, даже ресторанные завсегдатаи ее опасаются. А она сама никого не боится, только вас слушается, так?

Тан Маошэн (*смеется*). И откуда вы все это знаете?

Лу Мэн ши. У меня свои каналы.

Тан Маошэн. Таким сестричкам уж точно палец в рот не клади.

Лу Мэн ши. Оставайтесь покушать. Я попрошу Юй Чуэр приготовить что-нибудь для вас.

Тан Маошэн. Сегодня я приехал одолжить у вас кое-что.

Лу Мэн ши. Вас послушать — как будто не все в этом доме снизу доверху принадлежит семье Тан!

Тан Маошэн. В филиале требуется ремонт входа. Деньги нужны.

Лу Мэн ши. Сколько?

Тан Маошэн. Вот сколько вы дали ресторану старшего брата в саду Фацзя, столько и мне нужно.

Лу Мэн ши (*поняв, что не к добру этот визит*). Хорошо. После майских праздников отправлю вам денег в Тяньцзинь.

Тан Маошэн. Ты шутишь?

Лу Мэн ши. Смотрите: эту декоративную стену надо позолотить, в кладовых на заднем дворе нужно крышу перекрыть...

Тан Маошэн. У «Фуцзюйдэ» приход сотни золотых каждый день, а ты мне все это рассказываешь?

Лу Мэнши. Есть приход, есть расход. Мастер Сю, принесите счета.

Тан Маошэн (*не смотрит*). Тогда пусть так и будет. А еще я хочу взять себе человека.

Лу Мэнши. Кого?

Тан Маошэн. В филиале не хвататет хорошего администратора, мне нужен Чан Гуй.

Лу Мэнши. Ну нет. В ресторане все взаимосвязано — и зал, и касса, и кухня. Это вы мне несущую балку из дома выпиливаете? Я вам другую замену найду.

Подает знак Ван Цзыси, чтобы тот подыграл в разговоре.

Ван Цзыси (*не желает вмешиваться в чужие дела*). Второй хозяин хочет, значит...

Лу Мэнши. Не пойдет. Некоторые клиенты из постоянных перестанут ходить к нам, если Чан Гуя не будет.

Чан Гуй спускается сверху.

Тан Маошэн. Чан Гуй, поедem со мной в Тяньцзинь.

Чан Гуй. Я? Я... (*Смотрит на Лу Мэнши, который слишком зол, чтобы что-то сказать.*) Я же еще должен дома все уладить.

Тан Маошэн. Тоже боишься сбежать от своей старушки? Поезд вечером. Билет тебе я уже купил. (*Обращается к Лу Мэнши.*) Не забудь мне сразу чек выписать. Я пойду старшего брата проведу. Вечером приду ужинать — заберу деньги и Чан Гуя. (*Уходит.*)

Чан Гуй (*смотрит на Лу Мэнши с любовью*). Управляющий... Я еду. Лу Мэнши хочет выругаться, но не находит слов, хочет заплакать, но нет слез, бьет кулаком по стойке. Несколько человек спускаются вниз по лестнице, сытые и пьяные.

Первый гость. Из всего обеда только суп был вкусным.

Второй гость. Ты же знаешь, кто его готовил?

Первый гость (*обращается к Лу Мэнши*). Управляющий, а ты действительно ловок в делах. Такое «денежное дерево» на заднем дворе иметь. Эй, чего пялишься? Приревновал? Ха-ха...

Чан Гуй (*поддерживает пьяного гостя*). Господин, вам сюда.

Первый гость. Уже пора? Завтра вернусь за ответкой. Юй Чуэр, до завтра!

Посетители уходят.

Лу Мэнши (*обижен и зол, отыгрывается на Юй Чуэр*). Ну-ка, спускайся, иди сюда, шлюха! (*Хочет дать пощечину Юй Чуэр, но вне-*

запно не может устоять на ногах от сильной головной боли и падает на Юй Чуэр.)

Ван Цзыси. Проводите его внутрь. Ему нужно отдохнуть. Я присмотрю за рестораном.

Юй Чуэр поддерживает Лу Мэнши, оба уходят.

Ван Цзыси. Увы, никто не знает, когда получит палку в колесо. Как все красиво было придумано! И вот одно движение — и нет ничего.

Сю Динсинь. А что тут можно сделать-то?! Строил один, разбирают ввосьмером.

Ван Цзыси. У меня тоже болит голова. Пойду пройдусь. *(Уходит.)*
Чэншунь. Господин Сю, готово!

Входит Чэншунь, несет зажаренного до румяной корочки цыпленка.

Чэншунь. Понюхайте, уже пахнет.

Сю Динсинь. Я всю жизнь ем жареную утку. Цыпленка я не пробовал.

Чэншунь. Это был секрет Головастика Ло. Никто из управляющих его не знает.

Сю Динсинь протягивает руку, чтобы взять.

Чэншунь *(вспыхивает)*. В прошлый раз, когда вы велели мне зажарить свинину на гриле, управляющий это увидел и меня оштрафовал. Удержал зарплату за полдня.

Сю Динсинь *(в нетерпении достаёт монету)*. На, возьми. *(Подносит курицу себе под нос и нюхает; то ли читает, то ли со вздохом затягивает стихотворение.)* При жизни плачем обливался, со смертью негде даже похоронить. Из объятий сделаю гроб, увы! Неси хорошее вино... *(Сокрушается.)*

Тихонько появляется Косичка Ли и, как учил Лу Мэнши, покашливает.

Сю Динсинь испугавшись, торопливо прячет цыпленка под халатом.

Косичка Ли. Стоило управляющему отъехать, как вы тут безобразничать решили.

Чэншунь. У господина Сю что-то случилось.

Сю Динсинь. Господа, пожалуйста, вот тут вино, вот еда. Давайте сегодня побеседуем с вами о еде. И в «И цзине»²¹, и в «Шу цзине»²²

²¹ «И цзин» — «Книга перемен», наиболее ранний из философских трактатов Древнего Китая, предназначался для гадания, входит в конфуцианский канон «Пятикнижие».

²² «Шу цзин» — «Книга истории», одна из китайских классических книг по древнейшей истории Китая, входящая в состав конфуцианского канона «Пятикнижие».

есть рассуждения о кухне и приправах. В моей семье три поколения рода Сю были чиновниками, но знаете, кого я уважаю больше всего?

Косичка Ли и Чэншунь озадаченно качают головами.

Сю Динсинь. Поваров. (*Кланяется собеседникам.*)

Косичка Ли. Не смейся над нами!

Сю Динсинь. Правда! Даже имя мое связано с готовкой.

Косичка Ли не согласен и улыбается.

Сю Динсинь (*серьезно*). Зовут меня Сю Динсинь, фамилия Дин — это название сосуда для приготовления пищи. (*Цитирует канонический текст.*) «Отменяем устаревшее, устанавливаем новое. Кто умеет готовить, всегда найдет применение».

Чэншунь, ничего не понимая, качает головой.

Сю Динсинь. Сковорода в руках повара — это и есть треножник Дин, сосуд для приготовления еды. Вы берете разные приправы — кислую, сладкую, горькую, острую. Смешиваете их и получаете доселе невиданное, прекрасное блюдо. И от вас исходит благодать, рождается чудесная гармония и возникает обновление.

Косичка Ли. Ты слишком превозносишь наш успех.

Сю Динсинь. Нет-нет, в древности первого министра называли «динфу» — «помощь треножнику». И именно потому, что он был главным поваром.

Чэншунь. Он пьян.

Сю Динсинь (*отпивает еще глоток*). И большой страной, и маленьким домом все равно нужно управлять. Древние поэты говорили, что «соль и сливы прекрасно сочетаются в золотом треножнике». Это как раз и было про первого министра, который готовил на той самой императорской сковородке.

Чэншунь (*в недоумении смотрит на Сю Динсиня*). Он же много не пил.

Косичка Ли. Приготовь ему поскорее миску отрезвляющего супа. Управляющий не должен узнать об этом.

Сю Динсинь. Управляющий тоже повар. Мы с тобой для него приправы и специи. Ты — соленый, я — горький, Головастик Ло — острый. «Фуцзюйдэ» для него — это тоже сковородка. Я хотел увидеть, что ему удастся приготовить, а у него ничего не вышло...

Косичка Ли. Тащи его скорее на задний двор. Пусть прополощет рот и протрет лицо холодной водой.

Сю Динсинь. Я не пьян.

Чэншунь уводит его. Косичка Ли хочет уйти, но слышит чей-то тяжелый вздох.

Чан Гуй выглядит подавленным.

Косичка Ли. Брат Чан? *(Вспоминает, что Чан уезжает из «Фуцзюйдэ»)*. Десять лет прошло. Велено ехать, надо ехать. Но так жалко и не хочется.

Чан Гуй *(качая головой)*. В таком грустном месте не о чем жалеть. Мне грустно от того, что дети не могут смотреть свысока на родителей.

Косичка Ли. Что случилось?

Чан Гуй. Всю жизнь меня ругали, а я не позволял себе и слова сказать в ответ. Меня били, я никогда не мог дать сдачи. Сердце слезами обливалось, но на лице всегда была улыбка. В этой семье я бегал и ради старых, и ради молодых...

Косичка Ли. Брат Чан, что случилось-то в конце концов?

Чан Гуй. Мой пятый сын, он очень хотел пойти в «Жуйфусян» подмастерьем.

Косичка Ли. Дело хорошее, родиться в Сучжоу, Ханчжоу, а умереть в «Жуйфусяне» — это прекрасно.

Чан Гуй. Но...

Слышен голос Фушуня, встречающего посетителей: «Четвертый господин Мэн, вы к нам пожаловали!» Этот его крик как сигнал для всех. Официанты «Фуцзюйдэ» сбегаются со всех сторон, занимают свои места. Появляется Сю Динсинь, обменивается любезностями с Четвертым господином Мэном.

Четвертый господин Мэн. Где сегодня наш кабинет?

Чан Гуй *(утирает слезы и с особым энтузиазмом приветствует его)*. Шестой кабинет наверху. Взгляните, над входом вырезаны шесть сыновей, поклоняющихся Будде. Сегодня как раз шестой²³ день нового года. Четвертому господину непременно будет сопутствовать удача, ветер будет дуть всегда в нужную сторону! Господа, сюда, пожалуйста!

Чан Гуй проводит посетителей наверх до кабинета и встает в ожидании заказа у двери.

Чан Гуй. Что господа будут есть и пить? Я proponю вам меню: утиные сердечки в соевом соусе, маринованные утиные желудки, утиные лапки в горчице, четыре сокровища утки, жареные утиные язычки, тушеная утиная поясничка, слегка обжаренные утиные потроха, нежный рулет из утки. На приготовленном для вас «утином пире» есть язычок, сердце, печень, желудок, потроха и лапки уток, всего десять разных частей. Что изволите из этого кушать?

²³ Шестерка в китайском языке символизирует удачу.

Четвертый господин Мэн. До чего же ты красноречив! Давай на твое усмотрение.

Чан Гуй. Хорошо, приятного времяпрепровождения.

Спускаясь по лестнице, раньше никогда не падавший Чан Гуй вдруг на последней ступеньке оступается, ноги его внезапно подкашиваются, и он падает. Его подхватывает только вошедший Ван Цзыси.

Ван Цзыси. Чан Гуй, ты чего вдруг споткаешься?

Чан Гуй *(смеется)*. Ничего страшного. *(Уходит.)*

Ван Цзыси. Фушунь, почему утром пятый сын Чан Гуя приходил искать отца?

Фушунь *(наклоняется поближе к Ван Цзяси, тихонько поясняет)*. Пятый сын хотел пойти учиться в магазин «Жуйфусян», но его не взяли.

Ван Цзыси. Почему?

Фушунь. Сказали, что его отец — администратор в ресторане.

Ван Цзыси. Но Чан Гуй — не простой администратор! От президента наверху до богатеев всякий знает Чан Гуя из «Фуцзюйдэ».

Чан Гуй *(выносит четыре тарелки с холодными закусками)*. Несу, несу... *(Возвращается на кухню.)* Стекланную лапшу сделайте потоньше, режьте совсем узкие полоски, поперек рубите одним движением и добавьте побольше перечного масла! *(Поднимается наверх.)*

Сю Динсинь *(глядит на Чан Гуя с заботой)*. Чан Гуй так расстроен.

Ван Цзыси. Ты о чем?

Входит Тан Маочан, за ним следом идет Головастик Ло.

Головастик Ло *(что-то бубнит, не умолкая)*. Я стоял у печи еще при старых хозяевах. Когда он стал вторым управляющим, он стал меня презирать. А раз презирал меня, значит, презирал и вас, презирал старого хозяина...

Тан Маочан *(перебивает)*. Хватит! Ты надоел мне уже.

Головастик Ло. Вы в ресторане не бываете, не знаете, что тут происходит. Откуда у него столько денег, чтобы купить дом, купить землю? Он еще хочет купить дворец Цзинаньфу и башню Цяньмэнь!

Тан Маочан. Иди уже. *(Головастик Ло уходит.)* Четвертый господин Мэн здесь?

Ван Цзыси *(с готовностью)*. Кабинет номер шесть наверху.

Тан поднимается наверх, Чан Гуй осторожно останавливает его.

Чан Гуй. Господин, я в «Фуцзюйдэ» проработал всю свою жизнь. И сегодня я уезжаю.

Тан Маочан. Куда едешь?

Чан Гуй. Второй господин хочет, чтобы я поехал с ним в Тянь-цзиньский филиал.

Тан Маочан (*холодно*). Так и езжай. И тут, и там «Фуцзюйдэ».

Чан Гуй (*осторожно*). Чан Гуй уже несколько десятилетий у вас работает, отродясь рта не открывал. Сегодня хочу попросить кое о чем господина.

Тан Маочан. Ну говори же, говори.

Чан Гуй. Мой пятый сын, Сяо У, он хотел бы пойти в «Жуйфусян» подмастерьем. Прошу вас замолвить словечко перед Четвертым господином Мэном за него.

Тан Маочан. Хорошо. Сделаю. (*Поднимается вверх по лестнице.*)

Чан Гуй. Спасибо, господин. (*Сразу как будто помолодев.*) Фушунь, убираем мясные закуски. Надевайте полотенца и готовьтесь к выносу горячих блюд. (*Как будто, что-то придумал, быстро подходит к двери кабинета № 6.*) Пока господа едят и пьют, я спою вам веселую песню для тоста.

Ван Цзыси смотрит на Чан Гуя с удивлением.

Чан Гуй (*лицом раскраснелся, голос немного дрожит, прочищает горло*). И звенят монеты, и носят счастья наряд, лучшие восемь ресторанов в столице. «Фуцзюйдэ» — жемчужина жемчужин. Прославился уткой на всю Поднебесную, жарят тут утки в печи подвесной. Кожица хрустящая, во рту так и тает, жирная, но в меру, поджарая, но и не сухая. И тысячи утиных рулетов съесть будет мало! Утиный пир полон изысканных деликатесов, в тридцать юаней имеет цену. Вы будете сыты и радостны, и будет доволен ваш живот. В тереме зал просторный, и вверх, и вниз пойти, словно гуляешь по берегу большой реки. Есть и большой выбор вин для угощения господ. Приходите и прибудет вам бесконечно сыновей, богатства, долголетия и счастья.

Раздаются радостные возгласы и редкие аплодисменты.

Из-за занавески слышится звон бокалов.

Чан Гуй (*с уважением принимает предложенное ему вино*). Спасибо, Четвертый господин Мэн! Чан Гуй обычно не пьет, но сегодня Четвертый господин Мэн наградил меня, я непременно выпью до дна. (*Выпивает одним глотком. От выпитого краснеет, он воодушевлен.*) Гости выпили по первому кругу, утки в печь. (*Уходит.*)

Ван Цзыси. Эту радостную песню он пел один раз, в тот год, когда у него родился сын. Сегодня что-то необычно это.

Фушунь. Там же в кабинете хозяин «Жуйфусяна». Чего не ясно-то?

Тан Маочан и Четвертый господин Мэн выходят из кабинета.

Тан Маочан. Билеты на завтрашний спектакль. В театре Цинлэ. Вы непременно приходите.

Четвертый господин Мэн. Я обязательно приду и приведу кого-нибудь из редакции газеты Times. Пускай напишут статью о вас.

Тан Маочан. Это здорово. Скорее возвращайтесь к гостям. Не провожайте.

Чан Гуй (*с подносом в руках, напоминает тихим голосом*). Хозяин...

Тан Маочан (*вспоминает*). О, Четвертый господин, сын нашего администратора хотел пойти в ученики к вам в магазин. Замолвите за него словечко.

Четвертый господин Мэн. Хм, не то чтобы я отказываю вам в одолжении. Но боюсь, что никак не получится.

Тан Маочан. Вы же знакомы с Чан Гуем!

Четвертый господин Мэн. Дело не в том, знаком я или нет. Есть правило у нас: дети и братья низших профессий не могут работать в магазине «Жуйфусян».

Тан Маочан. Почему?

Четвертый господин Мэн. Подумайте сами. Второго февраля, пятого мая, пятнадцатого и тридцатого августа мы устраиваем для всех своих работников банкет в шатре. Блюда для банкета заказываем в ресторанах. И что это такое будет, если родители или старшие братья будут прислуживать своим сыновьям. Как они смогут смотреть друг на друга?!

Тан Маочан. Разумно, разумно. Возвращайтесь к гостям. До завтра.

Чан Гуй от разочарования начинает трястись.

Ван Цзыси. Осторожней, тарелки в руках!

Входит Тан Маошэн.

Тан Маочан. Маошэн, я ищу тебя. (*Отводит Тан Маошэна в сторону.*)

У входа слышится шум голосов, иностранные слова и собачий лай.

Появляется Фушунь, он напуган.

Фушунь. Второй управляющий, иностранцы пожаловали.

Ван Цзыси. Ты что — никогда не видел их? Чего паникуешь?

Фушунь. Они все на одно лицо. Как им счет выставять?

Ван Цзыси. Вошли в парадную дверь, вышли через заднюю. По доллару с каждого человека.

Фушунь. Я на иностранных языках не умею.

Ван Цзыси. Позови Чан Гуя.

Несколько иностранцев входят в ресторан с возгласами: «Duck! Duck!»

Чан Гуй (*встречает гостей*). Hello, please up! Don't carry the dog!

Иностранец. Why?

Чан Гуй. Таковы правила ресторана. Тут есть правила.

Иностранец (*смотрит косо на Чан Гуя*). А как входят китайские собаки?

Чан Гуй. Они не входят. Мы в «Фуцзюйдэ» всегда одинаково относились к китайцам и к иностранцам.

Иностранец. Ты сам — китайская собака, бегающая за людьми. (*Остальные иностранцы смеются в голос.*)

Чан Гуй (*внезапно вспыхивает от унижения*). Пусть я — администратор и прислуживаю клиентам, но я — все-таки человек. Нельзя унижать людей!

Иностранец (*смеется*). Человек, dog! (*Дает Чан Гую пощечину.*)

Иностранцы устремляются наверх. Чан Гуй остается стоять как вкопанный.

Ван Цзыси. Чан Гуй, досталось?

Чан Гуй. Так мне и надо. Люди должны презирать меня, вонючего администратора на побегушках...

Ван Цзыси. Фушунь, иди встречай гостей.

Чан Гуй (*резко толкая Фушуня*). Посмотрим, как еще они умеют добить человека?! (*С грохотом поднимается по лестнице.*)

Тан Маошэн. Он хочет стать хозяином «Фуцзюйдэ», у нас нет выхода! Надо его уволить. Давай вернем себе наше семейное дело.

Тан Маочан. Надо вернуть наше дело, но ведь нужно найти повод, найти к чему придраться.

Чан Гуй спускается вниз.

Чан Гуй (*с бескровным лицом и хриплым голосом*). Две утки наверх, тридцать лotosовых лепешек, водки... (*Внезапно вытягивает руки вперед и падает на стол.*)

Сю Динсинь. Чан, Чан Гуй! Позовите управляющего!

Спешно появляется Лу Мэнши.

Все столпились вокруг Чан Гуя и зовут его по имени.

Лу Мэнши. Его хватил удар. Кровоизлияние у человека.

Сю Динсинь. Он растопырил пять пальцев, что это значит?

Ван Цзыси. Должно быть что-то хочет сказать. Говори скорее, говори!

В ресторане гости, и они не решаются слишком громко шуметь.

Чан Гуй (*с трудом открывает рот, едва дышит*). Во... водки... пять лянов. (*После этих слов его голова в бессилии упала на стол.*)

Фушунь. Чан...

Лу Мэнши (*закрывая рот Фушуню*). Не плачь! Цзыси, вызови машину, чтобы отвезли его в больницу.

Тан Маошэн. Чан Гуй мне больше не нужен. Я меняю его на Фушуня.

Лу Мэнши. Нужно срочно спасти человеку жизнь!

Чан Гуя уносят.

Тан Маочан. Управляющий Лу, как вы собираетесь уладить вопрос с Чан Гуем?

Лу Мэнши. Будем лечить, если болезнь можно вылечить. Если умрет, проводим по чести.

Тан Маошэн. А ты такой добрый к официантам. И все это за наш счет.

Лу Мэнши. Я — управляющий, поэтому я не экономлю на официантах.

Тан Маошэн. Так ты экономишь на нас?

Лу Мэнши (*не показывает, что задет*). Что значат эти слова?

Тан Маошэн. У «Фуцзюйдэ» каждый день приход в сотню золотых. Куда деваются все эти деньги? Не думайте, что мы не знаем про вас!

Тан Маочан. На смертном одре отец передал нам свое дело, доверив вам им управлять. Так будьте достойны старого господина.

Лу Мэнши. Моя совесть чиста.

Тан Маошэн. Вы говорили, что «Фуцзюйдэ» — это ваше дело. И в этом доме все решения принимаете вы. Было такое?

Лу Мэнши (*спокойно*). Было.

Тан Маочан. Ни о каких деньгах, долгах или сделках мы не можем тут расспрашивать. Говорили вы такое?

Лу Мэнши. Говорил.

Тан Маошэн. Не советоваться с нами, действовать каждый раз по своему усмотрению. Так вы делали?

Лу Мэнши. Всегда так делал.

Тан Маошэн. Что вы задумали?

Лу Мэнши. Я понял, что вы с братом не можете заниматься рестораном. Я боялся, что это нанесет вред тому делу, что оставили предки.

Тан Маошэн. Звучит красиво. Нанесет, не нанесет вред, тебе-то чего так волноваться?

Лу Мэнши. Я был готов волноваться. Этот ресторан я строил. Я заработал репутацию «Фуцзюйдэ». Я выработал правила. Я поза-

ботился об этих людях. Здесь каждую костяшку на счетах, каждый гвоздик я своими руками сделал, поэтому я не мог нанести вред!

Тан Маочан. Управляющий Лу, говоря эти слова, не забываете, что владеет этим делом семья Тан! Мы были, есть и всегда будем владельцами «Фуцзюйдэ»! Это дело мы должны себе вернуть.

Появляется Кэ У, за ним следует группа агрессивно настроенных людей.

Кое-кто из них обедал в ресторане в первой половине дня.

Кэ У. Господин Кэ У снова здесь.

Лу Мэнши. Что вам надо?

Кэ У. Отдел розыска! У вас здесь хранится опиум.

Лу Мэнши. Кэ У, нужны доказательства.

Кэ У (*показывает на свой нос*). Вот мои доказательства.

Капитан (*отдает команду*). Ищите!

Сотрудники отдела розыска начинают обыск, что приводит к полному хаосу.

Кэ У ведет Головастика Ло.

Кэ У (*держит в руках пачку опиума*). Посмотри, это было спрячено в винной бочке!

Лу Мэнши (*теряет дар речи от гнева*). Ты... как ты мог так подставить!

Головастик Ло. Управляющий, тут меньше четырех лянов. Это все Кэ У подстроил!

Капитан. Вот они — забавы людей низких профессий. Свяжите его и вытащите на улицу. На всеобщее обозрение.

Кэ У и другие связывают Головастика Ло руки и ноги.

Мужчина. Эй, давайте воспользуемся здешними весами.

Лу Мэнши. ... (*Внезапно сцена унижения его отца будто снова появляется у него перед глазами и его начинает пошатывать*.) Походите! Головастик Ло — наш повар-печник, а не торговец опиумом. Я готов предоставить доказательства. «Фуцзюйдэ» может поручиться за него!

Капитан (*искоса глядя на Лу Мэнши*). А кто может поручиться за тебя?

Официанты смотрят на братьев Тан, но те не говорят ни слова. Повисает пауза.

Капитан. А кто управляющий?

Братья Тан (*показывают на Лу Мэнши*). Он...

Капитан. Управляющий, проследуем для беседы в отдел розыска.

Головастик Ло (*кричит*). Из «Фуцзюйдэ» меня давным-давно уволили. Это никого не касается!

Лу Мэн ши (своими руками развязывает Головастика Ло). Головастик Ло, я не увольнял тебя. Иди жарь свою утку и будь порядочным человеком.

Головастик Ло ошеломлен.

Юй Чуэр (внезапно появляется, кидается на Лу Мэнши). Мэнши!

Лу Мэн ши (улыбается и хлопает Юй Чуэр по плечу). Я сегодня обидел тебя. (Поднимая глаза, смотрит на терем, который сам построил.) В этот паланкин я так в итоге и не сел. (Снимает с себя нефритовый кулон в форме паланкина, одним движением выбрасывает его в окно и, подняв голову, уходит с отрядом розыска.)

Головастик Ло (внезапно горько плачет). Управляющий... Я так виноват перед тобой!

Кэ У (запрыгивает на то самое резное кресло старого хозяина). Теперь Кэ У будет постоянным посетителем у вас. Чан Гуй, поторопись обслужить меня! Хозяин, я съем одну утку тут, одну с собой возьму. Домой мне утку отправьте!

Занавес.

Эпилог

Ресторан «Фуцзюйдэ». Тан Маочан сидит в кресле.

Тан Маочан. После ухода Лу Мэнши мы вернули себе ресторан. Отныне я и второй хозяин сами будем управляющими, Цзыси будет вторым управляющим. А где Цзыси?

Появляется Ван Цзыси, он торопится, держит в руках небольшой пакет.

Ван Цзыси (зная, что опаздывает, подстраивается под ситуацию). Горячие лепешки с редькой. Только-только с огня. Я купил для двоих господ самые первые лепешки.

Тан Маочан. За все эти годы натерпелись мы от Лу Мэнши...

Входит Фуцзы.

Фуцзы. Господин, декорации я привез. «Финал» у них так и не получается.

Тан Маочан. Идите на задний двор репетировать дальше. (Продолжает начатую мысль.) Мы натерпелись...

Появляется полицейский.

Полицейский (кричит). Вешаем флаги, вешаем флаги!

Ван Цзыси. Опять вешаем?

Полицейский. Меняется управляющий — вешаем флаг. Деньги давай.

Ван Цзыси (*берет флаг и изучает его*). Я тебе говорю, уже точно или нет?

Полицейский. Ровно то же самое, что и у вас здесь. Без разницы, кто в ресторане будет управляющим — Третий Чжан или Четвертый Ли, все равно он будет жарить утку. Без разницы — император или президент, с косой или в фуражке, все равно он будет есть уток.

Легче сдвинуть горы и реки, чем изменить характер человека. Нет флага — тогда заверните мне утку с собой. (*Берет утку и с криком «Вешаем флаг!» уходит.*)

Входит Юй Чуэр.

Юй Чуэр (*ни на кого не обращая внимания*). Фушунь, чемоданы упакованы. Смотри их не урони.

Тан Маошэн. Юй Чуэр, почему Лу Мэнши не забрал тебя с собой?

Юй Чуэр (*спокойно*). У него дома жена. (*Кричит кому-то на улице.*) Заносите!

Носильщики вносят парные надписи золотом на деревянных плашках.

Юй Чуэр. Мэнши говорил, что в этой жизни сделал все, что должен был сделать, кроме парных надписей у входа. Перед отъездом все подготовил. Пожалуйста, вешайте.

Тан Маочан (*читает надпись*). «В прекрасном тереме кто хозяин, тот и гость», «В старом доме и луну видать, и ветер воет».

Носильщики вешают надпись.

Сю Динсинь (*в сердце отзывается душевное родство*). «В прекрасном тереме кто хозяин, тот и гость», «В старом доме и луну видать, и ветер воет»... Не хватает горизонтальной надписи: «Любой банкет когда-нибудь заканчивается».

Тан Маочан чувствует, что что-то не так, хочет что-то сказать. Начинает играть финальная мелодия. Это хорошо известная заключительная часть пекинской оперы. С ее последними нотами оканчивается спектакль. Занавес медленно опускается, закрывая все на сцене, перед зрителем остается только та самая парная надпись.

Конец

Сентябрь 1987 г., Пекин
Опубликовано в журнале «Октябрь», 1988 г., № 3

Го Шисин

ПТИЧНИКИ

Перевод Е. Г. Орловой

Действующие лица

Директор Сунь — чуть старше 40 лет, руководитель фирмы.
Толстяк — чуть старше 40 лет, поклонник пекинской оперы, актер-любитель.
Сяо Ся — 18 лет, няня из провинции Аньхой, приехавшая в Пекин на заработки.

Чжан Байлин¹ (Жаворонок Чжан) — около 70 лет, любитель птиц.

Пол Дин — чуть старше 40 лет, психоаналитик.

Мастер Сань — около 65 лет, любитель птиц, вышедший на пенсию актер пекинской оперы, прославился игрой в амплуа хуалянь².

Профессор Чэнь — чуть старше 40 лет, орнитолог.

Чарли — около 30 лет, наблюдатель от Международного совета по охране птиц.

Ло Мань — чуть старше 20 лет, переводчица.

Дружинник — около 20 лет, хулиган с местного завода.

Хуан Мао³ (Белобрысый) — 20 лет, деревенский парень из провинции Аньхой.

Хуан Дань — любитель птиц, рабочий.

Чжу Дяньэр — любитель птиц.

Ма Ляоэр — любитель птиц, инвалид.

Лао Сиэр — любитель птиц, функционер.

Посетители птичьего рынка.

Рабочие.

Торговцы птицами, птичьим кормом, клетками и прочим.

Члены народной дружины.

Музыканты оркестра пекинской оперы.

¹ Игра слов: *байлин* переводится как «жаворонок».

² Дословно означает «раскрашенное лицо». Род персонажей, наделенных выдающимися чертами характера и внешности, чаще всего — легендарные герои древности, военачальники и т. д.

³ Игра слов: *хуан мао* переводится как «белобрысый».

Акт первый

При входе в зал зрители видят, как несколько рабочих устанавливают огромную птичью клетку, способную вместить как сам зал, так и сцену. Свет гаснет. Через некоторое время освещается сцена, рабочие уходят, оставив клетку незаконченной. На сцену по несколько человек выходят горожане, выгуливающие птиц, продавцы птиц и клеток, покупатели — перед зрителями появляется оживленный птичий рынок. Крики жаворонков, синиц, дроздов и прочих певчих птиц становятся громче. Посреди сцены стоит круглый каменный стол, окруженный каменными лавками. За столом сидят несколько человек с клетками для жаворонков. Они ставят клетки на стол и слушают пение птиц, время от времени поглядывая в сторону будто в ожидании кого-то. Продавцы клеток и корма для птиц, торговцы птицами и насекомыми расходятся по краям сцены, становясь между небольшими деревьями, растущими то тут, то там. Люди, выгуливающие птиц, прохаживаются от одного торговца к другому. Некоторые выбирают товар, другие беседуют со знакомыми — это беспечный мир любителей птиц. Мужчина средних лет ритмично пинает небольшое деревце.

К нему подходит толстяк, держащий в руках клетку с певчим дроздом.

Толстяк (*говорит на тяньцзиньском диалекте*). Будьте любезны, поищите другое место. (*Собирается повесить клетку на дерево.*)

Директор Сунь. Здесь ведь полно места, вам что — обязательно вешать именно сюда?

Толстяк. А вы чем это занимаетесь?

Директор Сунь. Да так, разминаюсь.

Толстяк. Разминайтесь-ка где-нибудь подальше, здесь выгуливают птиц.

Директор Сунь. Я первый пришел.

Толстяк. У нас тут не соревнование, места распределяются по старшинству. Лучше скажите, вы вот дерево пинаете — хотите передать привет Садово-парковому управлению?

Директор Сунь. Да я сам — Садово-парковое управление!

Толстяк. Как запинаете его, убедитесь, что уж наверняка, потом можете со мной связаться...

Директор Сунь. А вы?..

Толстяк. Я из лесопромышленной компании. У нас как раз материал закончился.

Мужчины пожимают руки, представляются. Лицо директора Суня приобретает радостное выражение.

Директор Сунь. Я уж думал, дело идет к драке, не ожидал от вас такой выдержки.

Толстяк. Любой, кто держит птиц, обладает выдержкой. Человек с клеткой в руке не будет драться, знаете почему? Чтобы птиц не на-

пугать. От испуга они могут заболеть, а каждая стоит не одну сотню юаней, разве можно такое допустить?

Директор Сунь. То есть если держать птиц, можно еще и воспитать характер?

Толстяк. Не верите — попробуйте. Для начала купите неприхотливую, певчую...

Директор Сунь. Но я никогда не держал птиц, не знаю, как за ними ухаживать, да и выгуливать не умею.

Толстяк. Возьмите иволгу, желтенькую, ее не нужно выгуливать, покормите семечками — она и запоет. Элементарно!

Директор Сунь. Вот как? А если семья будет против?

Толстяк. Правительство утвердило Неделью любви к птицам, как еще любить птиц, если не держать их дома? Это государственное постановление, все обязаны ему следовать, так что идите выберите себе одну.

Директор Сунь уходит в нерешительности. Толстяк с клеткой в руке подходит к каменному столу. Неподалеку стоит девушка в красном, это Сяо Ся, няня из провинции Аньхой.

Сяо Ся. Кому-нибудь нужна работница? Могу стирать, готовить, присматривать за детьми.

Жаворонки в стоящих на столе клетках, увидев девушку в красном, начинают испуганно трепыхаться. Хозяйка птиц сердито смотрит на Сяо Ся.

Чжан Байлин. Уйди подальше!

Сяо Ся (*обиженно*). Что я сделала не так?

Толстяк (*заботливо*). Барышня, жаворонки больше всего на свете боятся красного цвета. Напугаешь их — хлопот не оберешься, придется возмещать ущерб!

Сяо Ся, утирая слезы, отходит. Появляется профессор Чэнь, орнитолог. Он время от времени пристально всматривается в клетки с птицами, как будто что-то ищет, затем, потеснив остальных, проталкивается к каменному столу.

Чжан Байлин. Уважаемые, берегите своих птиц!

Любители птиц окидывают профессора Чэня недоброжелательными взглядами.

Хуан Дань. Ты чего тут толкаешься?

Профессор Чэнь. Просто хотел послушать, что такого?

Чжан Байлин. Кто знает, чего от тебя ожидать. Может, у тебя лягушка за пазухой? Здесь много не надо, квакнет пару раз — и нашим жаворонкам конец.

Профессор Чэнь. С какой стати мне носить с собой лягушку?

Чжан Байлин. Ну ладно, он здесь каждый день бродит и ничего не испортил, видимо, новичок еще. Пусть остается.

Певчий дрозд Толстяка заливается трелью.

Чжан Байлин (*Толстяку*). Эй, парень! Отойди-ка отсюда со своим дроздом.

Толстяк (*в недоумении*). Что? Теперь меня прогоняете?

Чжан Байлин. Ты ведь из Тяньцзиня, верно? Здесь, в Пекине, жаворонкам не разрешается петь трели дроздов.

Толстяк. Что это за жаворонок, который не знает песен дрозда!

Чжан Байлин. Это ваши тяньцзиньские жаворонки должны их знать, а в Пекине свои порядки: здесь соблюдается правило «тринадцати трелей». Эти уважаемые люди как раз держат эталонных жаворонков, так что прошу прощения.

Толстяк. Тринадцать трелей?

Чжу Дяньэр. Даже этого не знает! А еще называет себя любителем птиц.

Толстяк. Зачем же так сразу стыдить человека? Везде свои обычаи, вероятно, у нас принято по-другому. Почему бы вам не рассказать о том, как принято у вас? Я с удовольствием послушаю.

Чжу Дяньэр. Рассказать — дело нехитрое. Но сначала нужно понять, разбираешься ли ты в предмете. Мы зададим тебе несколько вопросов, ответишь — расскажем, как здесь принято, не ответишь...

Толстяк. Давайте пожалею кота.

Профессор Чэнь. О чем это он?

Толстяк. Не будем его тянуть сами знаете за что. К делу!

Лао Сиэр. Я начну. Зачем в клетку с жаворонком насыпают песок?

Толстяк. И это вопрос? Жаворонки в природе обитают на песчаных отмелях, на песке рождаются, на песке вырастают и никогда песков не покидают. Как говорится, своя земля и в горсти мила. За морем веселье, да чужое, а у нас горе, да свое.

Ма Ляоэр (*Лао Сиэру*). Да это уровень детского сада! Смотри и учись! Вопрос такой: зачем в клетке с жаворонком сооружают возвышение?

Толстяк. Это называется «башня феникса». Жаворонку не ухватиться за жердочку — птичка-то песчаная. Подумайте сами, откуда в пустыне взяться деревьям? Это люди вечно цепляются за любую возможность взобраться повыше, а жаворонку нужно возвышение, чтобы на нем блистать, как на сцене.

Чжан Байлин. Вы к нему относитесь как к профану, разве это годится? Нужен по-настоящему трудный вопрос. Что для жаворонка страшнее всего?

Толстяк. Страшнее всего, если жаворонок не поднимается на свою сцену, а поет под ней.

Хуан Дань. Ну и что с того? Что это меняет?

Толстяк. Как же! Под сценой поют только жалкие любители, а на сцену выходят настоящие артисты!

Профессор Чэнь. Я орнитолог, а до сих пор не знал, насколько вы жестоки! Так изводить бедных птиц! Так их мучить! Неужели эти некогда вольно парящие в небесах прекрасные создания охотно покоряются вам — тиранам, которые говорят, что любят птиц, а на самом деле их губят?

Хуан Дань. Вовремя тебя не прогнали, ты и разошелся! Кто здесь мучает птиц? Раскрой глаза да посмотри на эту мисочку для корма: цзиндэчжэньский расписной фарфор⁴ с пожеланием счастья и долголетия. А внутри что? Пшено с яичными желтками. На воле им бы такое и не снилось. Скажет тоже!

Профессор Чэнь. Нет, ну это уже чересчур. Мы за границей и то обычно сидим на одной лапше.

Чжан Байлин. Чересчур? У жаворонка питание самое бедное! Соловей-красношейка питается мясом, ты знал? И не абы каким, а превосходной вырезкой из баранины. Мясо нужно очистить от прожилок и ножом порубить в фарш, очень-очень мелко. В противном случае прожилки могут обмотаться вокруг его язычка, а это попросту уничтожит птицу.

Профессор Чэнь. Я и говорю, таким должны питаться люди.

Чжан Байлин. Люди? А люди после этого выдадут «тринадцать трелей»? Нет уж! Нужно заботиться о птице, и она не останется в долгу. Так чем ты, говоришь, занимаешься?

Профессор Чэнь. Я орнитолог.

Чжан Байлин. Чудной. Орнитолог — и не знает, чем кормят птиц?

Профессор Чэнь. Я не держу птиц.

Толстяк. Что же это за орнитолог, который не держит птиц?

Профессор Чэнь. Мы изучаем птиц, историю видов, экологическую среду... Да что вам рассказывать, все равно не поймете.

Толстяк. Я как раз все понимаю. Ты возишься с дикими птицами — так иди в лес. А здесь птичий рынок! *(Обращаясь к остальным.)* Я говорю, ваш покорный слуга на все вопросы ответил, не пора ли просветить меня по поводу Тринадцати трелей?

Профессор Чэнь. Что за Тринадцать трелей?

Толстяк. Сейчас расскажу. Жаворонок умеет подражать пению сотни разных птиц, а научишь его песням тринадцати видов — это

⁴ Город Цзиндэчжэнь называют столицей фарфора: произведенные там фарфоровые изделия считаются лучшими в Китае.

и будет называться Тринадцать трелей. Осталось только узнать, каким трелям учат жаворонков в Пекине...

Профессор Чэнь. Нехорошо это как-то, тринадцать — несчастливое число.

Толстяк. Так то за границей! Я работал поваром в иностранном посольстве, кое-что понимаю. Вот представьте: двенадцать иностранцев едят за столом и тут приходит еще один. Угадайте, что они сделают?

Хуан Дань. Встанут и уйдут.

Толстяк. Не так просто. Двенадцать человек заказали блюда, встали, ушли — и что? Оставили тому целый стол еды? Нет, иностранцы не так глупы. Наоборот, эти двенадцать человек возьмут и разом его прогонят. Знаете почему? Да потому что когда Иисус ужинал со своими приятелями, их как раз было тринадцать, только они поели, как он был схвачен, и дальше вы знаете... Иностранцы боятся числа тринадцать. А китайцы не боятся, у нас тринадцать — хорошее число: тринадцать государевых наставников⁵, тринадцать чудес света⁶...

Ма Ляоэр. Намечается партия в мацзян?

Сяо Ся. Кто-нибудь ищет работницу? Могу стирать, готовить, присматривать за детьми!

Входит Пол Дин.

Пол Дин. Как насчет работы сиделкой?

Сяо Ся. Я не знаю, как это делается.

Пол Дин. Вы справитесь, без всяких сомнений. Но сначала пойдемте понаблюдаем.

Сяо Ся. Нельзя, они говорят, я в красном, птицы испугаются.

Пол Дин. Резонно, даже автомобили останавливаются на красный. Что ж, тогда мы сделаем так! *(Снимает с себя спортивную куртку и накидывает на плечи Сяо Ся.)*

Сяо Ся *(надевая куртку)*. Великовато. Это Ади... что-то там?

Пол Дин. «Адидас»! Вы и в этом разбираетесь?

Сяо Ся. Двоюродная сестра как-то сказала, что, если мужчина подарит мне спортивный костюм, я должна убедиться, что это «Ади»... «Адидас».

Пол Дин. Это «Пачино» — итальянская марка, ничуть не хуже.

Сяо Ся. Благодарю!

Пол Дин. Что вы только что говорили? Стирать, готовить, присматривать за детьми?..

⁵ Тринадцать сыновей танского сановника Ли Кэюна, получивших звания «государев наставник».

⁶ Одна из выигрышных комбинаций в мацзяне (маджонге) — азартной настольной игре, широко распространенной в Китае.

Ся о Ся. Верно, все это я умею.

Пол Дин. А что если к этому добавить «кормить птиц», справитесь?

Ся о Ся. Справлюсь.

Пол Дин. Тогда объявите об этом, да погромче!

Ся о Ся (*громко*). Могу стирать, готовить, присматривать за детьми... А еще кормить птиц!

Хуан Дань (*обращаясь к Сяо Ся*). Подойди-подойди! Кто-то вызвался кормить птиц, это что-то новенькое!

Ся о Ся (*Полу Дину*). Вот это да! Вы их как будто насквозь видите!

Пол Дин. Так и есть. Я специально их изучаю, а очень скоро они станут моими пациентами. Подождите, как только мы откроем нашу клинику, вы станете главной сиделкой.

Ся о Ся. Мне нравится быть главной.

Сяо Ся тянет Пола Дина к каменному столу.

Чжан Байлин. Кажется, я уже видел эту девчонку.

Толстяк. Эта ведь та девушка в красном. А, теперь она переоделась и играет роль юноши! Возвращаясь к нашей теме, не пора ли нам уже услышать «тринадцать трелей»?

Чжан Байлин (*указывая на Пола Дина*). А вы кто будете?

Пол Дин. Я просто зашел полюбопытствовать.

Чжан Байлин. Что за черт! Просто какое-то столпотворение сегодня!

Чжу Дяньэр (*Полу Дину*). У вас при себе нет ничего, что не следовало бы приносить?

Пол Дин. В каком смысле?

Хуан Дань. Лягушки, кузнечики, канарейки и тому подобное.

Пол Дин. Я не понимаю.

Лао Сиэр. Все они издают нежелательные звуки, если жаворонок подхватит, то вся работа над его репертуаром пойдет насмарку и птица станет бесполезной.

Пол Дин. У меня нет с собой ничего такого. Даже если бы захотел, ума не приложу, где их искать.

Толстяк (*пренебрежительно*). Он хоть и китаец, а паспорт-то заграничный. Будь у него что-нибудь эдакое при себе, отобрали бы на таможне. И все же «тринадцать трелей». Кажется, попасть на оперу «Ляньхуаньтао» и то проще, чем их услышать!

Чжан Байлин. Опера, говоришь? Исполнителей сейчас немало, да только кто их слушает? Стоит купить билет на их представление, так они поумирают от радости. А вот жаворонок, поющий тринадцать трелей, — настоящая редкость. Такого нигде не услышишь, толь-

ко здесь! (*Обращаясь к Чжу Дяньэру.*) Старина, Расскажи-ка ему для начала, что входит в Тринадцать трелей.

Ч жу Д я н ь э р. Что ж, дорогой ученик, извольте послушать! (*Прочищает горло.*) «Воробей резвится в лесу», «сорока садится в роще», «гаичка прыгает с ветки на ветку», «ласточка возвращается в гнездо», «котенок тоскует по матери», «перепелятник кружит над равниной», «варакушка мечтает о возвращении в родные края»... И еще что-то, я, честно говоря, не помню.

Т о л с т я к (*сосредоточенно*). А как же «тележка водовоза давит собаку»: кри-кри-тю-тю и гав-гав?

Ч ж а н Б а й л и н. Это трель южных «ясногосых» жаворонков, а на севере нашим «чистоголосым» жаворонкам такое петь запрещено и считается неприличным. Здесь наука посерьезнее, много строгих правил. Так, Тринадцать трелей должны исполняться по порядку, если птица не знает порядка, ее называют «мертвый клюв». Или взять, к примеру, трель сороки: «сорока садится в роще» и «сорока пролетает над крышей» звучат по-разному. Пролетая над крышей, она поет: кар — кар-кар, — а спускаясь в рощу: кар — цвирь-цвирь-цвирь-цвирь, кар — цвирь-цвирь-цвирь-цвирь.

Профессор Чэнь. Потрясающая находка! (*Достает блокнот и записывает.*)

С я о С я. Они точно больные!

П о л Д и н (*к Сяо Ся*). Это все наши будущие пациенты, я называю их птичками. Они помешаны на птицах, а к людям и их обычным интересам проявляют равнодушие или даже агрессию.

С я о С я. И как они дошли до такого?

П о л Д и н. Сложно объяснить в двух словах. Вы слышали о психоанализе?

С я о С я. Что-то связанное с шизофренией?

П о л Д и н. Нет, не то, шизофрения — это болезнь, безумие. Я говорю о другом: многие психически здоровые и нормальные с виду люди в действительности страдают от разнообразных психологических проблем, а психоанализ — это своего рода терапия для них. Посредством психоанализа можно разобраться, почему они стали такими, а выявив причину, помочь им измениться в лучшую сторону.

С я о С я. Так вы что-то вроде доктора?

П о л Д и н. Меня зовут Пол Дин, я психоаналитик. А как ваше имя?

С я о С я. Меня зовут Сяо Ся.

П о л Д и н. О, мисс Ся. Я вернулся из Америки на родину, чтобы найти применение своим знаниям и посвятить жизнь лечению бесчисленного числа пациентов, страдающих от психологических недугов.

С я о С я. А где ваша больница?

Пол Дин. Я собираюсь прямо здесь поставить палатку. Не будем использовать слово «больница», чтобы избежать неприязненного отношения пациентов, лучше назовем это Центром психологической реабилитации для птичников, что скажете?

Сяо Ся. Я-то что в этом понимаю! Могу разве что стирать одежду, присматривать за детьми... А еще кормить птиц.

Пол Дин. Превосходно, вы приняты!

Сяо Ся. А зарплата будет?

Пол Дин. Двести юаней в месяц.

Сяо Ся. Так много? Идет!

Пол Дин. Прекрасно! Сейчас от вас потребуется вместе со мной наблюдать за птичками. Мы должны отобрать наиболее типичные случаи и уговорить их стать пациентами нашего центра.

Пол Дин и Сяо Сяо подходят к столпившимся у каменного стола любителям птиц.

Чжан Байлин. Начинаем! *(Готовится снять чехол с клетки.)*

Остальные один за другим убирают свои клетки под стол. Наверху остается только клетка с жаворонком Чжан Байлина.

Чжан Байлин. Ай!

Толстяк. Ну что на этот раз?

Чжан Байлин. А что делать с твоим дроздом?

Толстяк. Не могу же я его прибить, чтобы не мешался!

Чжан Байлин. Ладно. Но смотри, чтобы он и клюва не раскрыл, услышу хоть один звук — и тебе не придется больше беспокоиться: я своими руками его пришибу.

Толстяк. Сделаем так. *(Поднимает со стола небольшой чайник, набирает в рот воду из горлышка, снимает чехол с клетки с дроздом и опрыскивает птицу. Затем снова накрывает клетку.)* Должно подействовать, теперь дня три даже не пикнет!

Чжан Байлин. Пойдет, будем считать, правила ты уяснил. Начнем...

Чжан Байлин открывает клетку, достает из нее белую бамбуковую палочку и делает несколько взмахов, как дирижер перед оркестром. Жаворонок тут же начинает петь. Входит Мастер Сань. Ему немного за шестьдесят, одетый в хорошо выглаженную суньятсеновку⁷, он выглядит статным и полным сил. В руках Мастер Сань держит жердочку с привязанной к ней на тонкую цепочку птицей — гаичкой.

Толстяк *(внимательно слушает пение жаворонка, с каждой новой трелью бормоча про себя ее название)*. «Воробей резвится в лесу», «гор-

⁷ Китайский френч, введенный в моду в послереволюционном Китае Сунь Ятсеном.

ная сорока», «гаичка», «куры дерутся за корм», «песчаная ласточка», «котенок», «большая сорока», «перепелятник кружит над равниной»... Что? Замолчал! А продолжение?

Чжан Байлин. Это конец первой части, антракт. В твоей любимой опере разве не так же заведено?

Толстяк. А что будет во второй части?

Чжан Байлин. «Варакушка», «чиж», «иволга», «брачная трель сорокопута».

Мастер Сань. Первую часть блестящей не назовешь, твоей птице еще не хватает утонченности, мелодии бледноваты.

Любители птиц (*увидев Мастера Саня*). Мастер Сань! (*Кланяются.*)

Мастер Сань. Ну будет вам, будет!

Чжан Байлин. Мастер Сань! Не буду спорить, моему жаворонку еще далеко до совершенства. Другое дело — ваша гаичка, второй такой во всем мире не сыскать! Как? Вы не принесли ее сегодня? А мы все так ждали, хотели послушать, как вы с ней репетируете!

Мастер Сань. Эта новая тоже ничего, даже на привязи поет, причем очень недурно.

Чжан Байлин. Замечательно, тогда я тоже накрою своего жаворонка.

Мастер Сань. А как же вторая часть?

Чжан Байлин. Ну что вы, Мастер Сань, не будем попусту тратить время, мы ведь вас весь день дожидались! (*Надевает чехол на клетку с жаворонком и убирает ее под стол.*)

Мастер Сань (*внимательно разглядывая принесенную с собой птицу*). Вы не смотрите, что птичка попала ко мне только в этом году. (*Садится.*) Садитесь, садитесь! Голосок у нее хороший. Это южная гаичка.

Профессор Чэнь (*смотрит на гаичку Мастера Саня*). Гаичка черноголовая, полезная птица, питающаяся насекомыми-вредителями.

Мастер Сань (*оборачивается на Чэня, затем продолжает*). А какая птица называется южной гаичкой? Здесь сначала следует сказать, что существует и восточная гаичка.

Любители птиц. Да, да. Точно.

Мастер Сань. Восточной называется шаньдунская гаичка, она не понимает, что такое интонации цян.

Профессор Чэнь (*записывая в блокнот*). Интонации цян?

Мастер Сань. Кажется, завелся какой-то тайный подражатель. Цзыму-цын, цигэ-цын, цянцян-гур, цянцян-хун — все эти интонации создают неповторимый узор мелодии.

Доктор Чэнь. Нет, это невозможно записать.

Мастер Сань. Что еще можно сказать об отличиях восточной и южной гаичек... У восточной гаички трель быстрая и грубоватая, у южной — медленная и изящная: си-си — гур, си-си — гур. Южная гаичка — из Хэнани. Почему же хэнаньская птичка лучше? Плодородная земля дает богатый урожай, согласитесь, хэнаньский банцзы⁸ во всем превосходит шаньдунский театр Люй! Так и южная гаичка во всем превосходит восточную.

Пол Дин (*обращается к Сяо Ся, указывая на Мастера Саня*). Он мог бы стать их лидером.

Сяо Ся. Симпатичный! Мне нравятся привлекательные мужчины в возрасте.

Пол Дин. Предупреждаю, персоналу запрещается вступать в интимные отношения с пациентами. Теперь ступайте, уладьте все, как мы и договаривались.

Сяо Ся уходит. Директор Сунь входит с клеткой в руке. Он направляется к Толстяку и тянет его в сторону от толпы птичников.

Директор Сунь. Смотрите, я купил!

Толстяк. Иволгу?

Директор Сунь. Не знаю, вы сказали желтенькую, вот я и...

Толстяк. Тьфу, это же канарейка! Какой любитель птиц будет держать канарейку!

Директор Сунь. Но она такая красивая.

Профессор Чэнь. Данный вид впервые был обнаружен испанцами на Канарских островах неподалеку от северо-западного побережья Африки еще в XIV веке. Свое название — канарейка — вид получил в честь тех самых островов. Принадлежит к отряду воробьинообразных. Некогда канарейка была одной из любимейших певчих птиц европейской аристократии. В настоящее время разводится в Германии, Японии, Америке, а в Китае — в провинциях Шаньдун и Цзянсу — выводятся гибридные породы. Я полностью поддерживаю разведение канареек, так как они подвержены селекции и искусственному размножению, что не влияет на численность популяции в дикой природе.

Толстяк. У этих птиц нет голоса, только и могут, что чирикать. Те, кто хоть что-то в этом деле понимает, держатся от них подальше: стоит другой птице подхватить крик канарейки — и она считается испорченной. Ни в коем случае не показывайте свою канарейку тем, кто держит жаворонков, если увидят или услышат...

Мастер Сань (*продолжает рассказывать, как ни в чем не бывало*). Те, что живут южнее округа Синтай называются южными гаичка-

⁸ Одна из форм традиционной китайской оперы, зародившаяся в провинции Хэнань.

ми. Как вы думаете, где родилась эта птичка? В месте, где Линь Сянжу развернул свою повозку⁹.

Чжан Байлин. Не округ ли это Ханьдани, что в провинции Хэбэй?

Мастер Сань. Он самый. Гаичка оттуда не будет кричать «цзю-цзю-цзю». Однако это вовсе не значит, что чем дальше на юг, тем лучше. Сейчас в Пекин уже начали завозить гаичек из Аньхоя, так что, друзья, будьте осторожнее. Ну а когда их повезут из Вьетнама, пиши пропало, не советую даже начинать их слушать, ничего хорошего там не будет.

Чжан Байлин. А почему вы еще не сажаете ее в клетку?

Мастер Сань. С языком у этой гаички все в порядке, однако что касается движений — из пяти дурных привычек она подвержена трем. Если не привязать, по-другому она никак не успокоится.

Чжан Байлин. Вот это уровень! Послушаем ее?

Мастер Сань. Прошу!

Мастер Сань делает знак рукой, и гаичка заливается мелодичной трелью:
си — си-гур, си — си-гур, си — си.

Любители птиц. О-о! Великолепно!

Входит светловолосый, голубоглазый иностранец Чарли, его сопровождает переводчица — китайка Ло Мань.

Чарли (*обращается к переводчице*). Как называется эта птица у него в руках?

Ло Мань (*к Толстяку*). Что это за птица?

Толстяк. Гаичка.

Ло Мань. Гаичка.

Чарли (*на ломаном китайском*). Гаичка? (*Качает головой.*)

Профессор Чэнь. Гаичка черноголовая, семейство синицевых.

Ло Мань. *Parus major*.

Профессор Чэнь. Нет, *Parus major* — это большая синица, а гаичка — *Parus palustris*.

Толстяк. Иностранцы тоже держат гаичек?

⁹ Линь Сянжу — известный чиновник царства Чжао (эпоха Чжаньго), ставший героем ряда популярных в Китае историй. В одной из них говорится, что генерал Лянь По, завидовавший положению Линь Сянжу при дворе, старался всячески унижить чиновника. Но Линь Сянжу, чтобы не допустить ослабления царства перед лицом врагов, отбросив гордыню, избегал конфликтов с генералом. Так, завидев однажды приближающегося на дороге Лянь По, Линь Сянжу приказал развернуть свою повозку. Лянь По с презрением отнесся к этому поступку, однако узнав его истинную причину, был пристыжен и принес Линь Сянжу извинения.

Ло Мань. Это наблюдатель от Международного совета по охране птиц господин Чарли, он специально приехал в Китай с инспекцией, чтобы проконтролировать ситуацию с защитой птиц в нашей стране.

Чарли (*на плохом китайском*). Почему он держит птицу на привязи?

Толстяк. Кажется, я научился понимать иностранные языки! (*Подражая иностранному акценту.*) Если не привязать, то улетит.

Ло Мань шепотом переводит на английский для Чарли.

Чарли (*с сомнением*). Почему другие птицы в клетках, а с этой поступили так жестоко и посадили на цепь? Нехорошо!

Толстяк. Очень даже хорошо! Цепочка, между прочим, из серебра, куплена в ювелирном магазине за несколько десятков юаней!

Ло Мань переводит.

Чарли. А если она обмотается вокруг шеи и задушит птичку, что тогда?

Толстяк. В цепочке на этот случай предусмотрено тринадцать звеньев, которые свободно вращаются на шарнирах, так что она абсолютно безопасна.

Чарли. А если она свалится с жердочки и никого не будет рядом, чтобы помочь, она не утонет?

Толстяк. В Китае, конечно, все возможно, кроме одного: не может быть, чтобы никого не оказалось рядом! Пусть хоть весь день валится с жердочки, Мастер Сань будет помогать ей подняться.

Чарли (*удивленно*). Весь день? И ничем другим не будет заниматься? Как он будет жить?

Толстяк. Вам следовало спросить, как он будет жить, если не сможет заниматься этим.

Чарли. Я имею в виду, если не работать, не получать деньги, то чем тогда питаться?

Толстяк. Человеку, чтобы жить, не нужно много еды, куда важнее то, чем питается птица, ее обделять нельзя! К тому же у Мастера Саня особое место работы, там он может позволить себе ухаживать за птицами.

Чарли. Зоопарк?

Мастер Сань. Кое-что поинтереснее — труппа пекинской оперы.

Чжан Байлин. Наш Мастер Сань отвечает за постановку спектаклей, так-то!

Ло Мань переводит.

Чарли. Он не выступает?

Мастер Сань. Не только я не выступаю, но и другие тоже.

Чарли. Я не понимаю.

Толстяк (*кивая в сторону Чарли*). Он, часом, не шпион?

Чжан Байлин. Вроде не похож на японского черта¹⁰.

Толстяк. Ох, сейчас сыграешь спектакль, понесешь убытки. Чем больше спектаклей, тем больше убытков; чем меньше поставишь, тем больше сэкономишь. А если вообще не выступать, так еще и заработаешь.

Ло Мань переводит.

Чарли. Почему?

Толстяк. Никто больше не смотрит пекинскую оперу.

Чарли. Почему?

Толстяк. Как же! Не обошлось без «помощи» вашего брата-иностранца! В прошлом году приезжал тут один толстяк, еще полнее, чем я, как бишь его? Бородатый такой... А, Полноротти!

Ло Мань. Паваротти.

Толстяк. Точно, он! По десять юаней за билет. Дом народных собраний был битком — все десять тысяч мест! И так несколько дней подряд! Кто после этого пойдет на пекинскую оперу? Тогда даже на Юань Шихая¹¹ билеты были по два юаня!

Чарли (*пожав плечами*). Вы так и не ответили, зачем вы держите черноголовую синицу на привязи?

Толстяк. Гаичку.

Мастер Сань (*обращаясь к товарищам*). Мы можем раскрыть иностранцу нашу тактику?

Чжан Байлин. Можно рассказать, все равно он никак не сможет применить эти знания, у них там гаички, привязывай их не привязывай, а будут кричать «цзю-цзю-цзю».

Мастер Сань (*складывая ладони перед грудью в приветственном жесте*). Что ж, уважаемый, я вам расскажу! Для гаички существует десять запретов, из них первые пять касаются языка: запрещается петь «цзю-цзю», «ху-ху» и «си-си» («си-си-хун» или «си-си-гур» можно, а просто «си-си» — нельзя), а также запрещено нагромождение и проглатывание звуков.

Чарли выглядит растерянным. Ло Мань шепотом переводит, после чего Чарли приходит в еще большее недоумение.

Мастер Сань. Что значит нагромождение? Излишнее повторение. Например, правильная трель звучит так: «Си-си-гур, си-си-

¹⁰ Оскорбительное наименование японцев, сохранившееся в Китае со времен Войны против японских захватчиков (1937–1945).

¹¹ Известный актер пекинской оперы (1916–2002).

гур!» Если добавить лишний «си», получится «си-си-си-гур», это уже нагромождение. Так не годится! Что же такое проглатывание? Если убрать из «си-си-гур» один «си», останется только «си-гур» — тоже непорядок!

Ло Мань. В английском данное явление, наоборот, указывает на высокий уровень владения языком. Это называется элизия — необходимое отпадение звука для благозвучия.

Мастер Сань. Я знаю. Еще можно и добавить лишний звук, такое явление встречается в любом языке, называется заикание. Вот только в песне гаички, как и в пекинской опере, это не годится. В опере главный принцип — петь отчетливо и мелодично, у гаичек — так же.

Чарли. Вы все еще не ответили на мой вопрос.

Мастер Сань. Только что я рассказал о пяти запретах в пении, теперь пора поговорить о пяти запрещенных движениях. Гаичкам запрещается дрожать, трястись, перекачываться, клевать свой хвост или клетку, кувыркаться. Первые два пункта указывают на болезнь.

Профессор Чэн. Дефицит витаминов D и B1.

Мастер Сань. Последние три — на дурной характер. Поэтому мы и привязываем птичку, чтобы обуздать ее буйный нрав.

Чарли. Но зачем?

Мастер Сань. То же самое происходит и в пекинской опере: каждая поза должна быть четко выверена, если есть хоть малейший изъян, его необходимо исправить. В Китае для всего есть свои правила.

Толстяк. Не поймите его неправильно, Мастер Сань сейчас говорил именно о Пекине. Все это пошло из дворца.

Чарли. Дворца?

Толстяк. Ага, в котором жил император. Уж там-то знали толк в правилах, причем не только для пения птиц, но и для пекинской оперы тоже. В столичных театрах все очень строго, это нельзя, то нельзя... В других провинциях или в Шанхае все можно. В столичной школе пекинской оперы актерам в амплуа генерала в громоздких костюмах запрещено совершать акробатические трюки, а мы в Тяньцзине ставим три стола друг на друга, встаем сверху и делаем сальто назад! Шанхайский стиль тоже сильно отличается от пекинского. А вообще приезжайте в Тяньцзинь посмотреть на наш птичий рынок! Там жаворонка, например, не посадят в такую низкую клетку. Для них клетки — в человеческий рост высотой, птице есть где развернуться, летают себе, поют, кувыркаются! (*Подражает тяньцзиньскому жаворонку.*) А еще две клетки можно повесить на коромысло и так с ними ходить — ух, красота!

Чарли. Здесь творится что-то странное.

Ло Мань кивает. Пол Дин и профессор Чэнь приветствуют друг друга рукопожатием.

Профессор Чэнь. Меня зовут Чэнь Даочжун, орнитолог.

Пол Дин. Пол Дин, психоаналитик.

Профессор Чэнь. Судя по произношению, вы не из материкового Китая?

Пол Дин. Я родился за границей, но вернулся в Китай, чтобы служить отечеству. Человек, изучающий психоанализ, иными словами, психиатр, может состояться как профессионал только на земле своих предков.

Профессор Чэнь. Давайте побеседуем здесь.

Отходят подальше.

Пол Дин. Вы работаете над каким-то исследованием?

Профессор Чэнь. Я разыскиваю одну птицу.

Пол Дин. Какую птицу?

Профессор Чэнь (*заговорщически понизив голос*). Видите ли, это очень редкая, охраняемая государством птица, возможно, последняя особь, оставшаяся на территории Китая. Недавно появилась информация, согласно которой ее поймали и тайно переправили в Пекин. Есть вероятность, что контрабандист попытается сбыть ее за границу через этот птичий рынок. Моя задача — выследить и схватить.

Пол Дин. Схватить кого? Контрабандиста или птицу?

Профессор Чэнь. Конечно, птицу. Контрабандист, естественно, тоже не сможет уйти.

Пол Дин. Желаю вам удачи! А мне уже очень повезло: я нашел свое прибежище, место, которое действительно нуждается во мне. Как я уже сказал, талантливый психиатр только на родине может найти себя и свой путь.

Профессор Чэнь. Вы хотите сказать...

Пол Дин. Эти помешанные на птицах люди наверняка страдают из-за подавленных ранних воспоминаний. Многие из них готовы всю жизнь отдать птицам, и этот факт представляет собой отражение подсознательных проблем, укорененных в глубинных пластах психологии всей китайской нации, а их преодоление спасет не просто несколько любителей птиц, но весь наш великий народ!

Профессор Чэнь. Неужели все настолько серьезно?

Пол Дин. Тонкости чужой профессии понять нелегко, я не виню вас. Что до меня, я собираюсь лечить этих людей бесплатно: задействовав свои счета за границей, прямо на этом месте я открою центр психологической реабилитации для птичников.

По-прежнему звучит мелодичное пение гаички. Несколько рабочих выходят на сцену и продолжают мастерить гигантскую клетку. Один из них выносит деревянную вывеску и крепит ее на дерево. Надпись на вывеске гласит: «Центр психологической реабилитации для птичников». Выходят Ся о Ся и молодой человек с повязкой дружинника на плече, они вместе начинают прогонять людей с рынка.

Дружинник. Собирайтесь и уходите отсюда!

Толстяк. Что все это значит?

Ся о Ся. Теперь здесь больница, вон, написано же.

Мастер Сань (*читает вывеску*). Центр психологической реабилитации для птичников. Это оскорбление? Что еще за «птичники»?

Дружинник. Хватит болтать! Птичники могут остаться в больнице и продолжать ухаживать за своими птицами, посторонние могут проваливать!

Толстяк. Вы принимаете пациентов с ожирением печени?

Пол Дин вскакивает на каменный стол и делает несколько хлопков в ладоши, чтобы привлечь к себе внимание. Любители птиц с возмущением и беспокойством хватаются за свои клетки.

Ся о Ся. Сейчас перед нами с речью выступит всемирно известный специалист в области психоанализа, доктор Пол Дин, просим!

Пол Дин. Друзья! Психоанализ существует за рубежом уже более семидесяти лет, однако в Китае он по-прежнему мало кому известен. Что такое психоанализ? Это методика, позволяющая человеку с помощью беседы понять свое прошлое, облегчить груз моральной ответственности и начать жить нормальной жизнью.

Мастер Сань. Болтать, чтобы развеять тоску, — иностранцы только семьдесят лет как до этого додумались? Отсталая культура, что и говорить.

Пол Дин. Решение открыть здесь центр реабилитации было принято на основании наблюдений, которые я вел в течение нескольких месяцев. Птичники являются представителями особой птичьей культуры, которая таит в себе невероятно широкие возможности для применения методов психоанализа. Мы хотели бы принять шестерых пациентов, готовых к госпитализации. Хотя слово «госпитализация» здесь и не совсем уместно: вы просто будете собираться вместе для бесед, ухаживать за птичками, отдыхать и расслабляться.

Толстяк. А что насчет оплаты расходов? Моя организация не возмещает затраты на лечение в китайско-японских медицинских учреждениях.

Пол Дин. Все абсолютно бесплатно.

Чжан Байлин. Пусто даже и так, я отказываюсь.

Дружинник. Повторяю, этот участок земли отдан в пользование иностранному инвестору, только пациентам новой больницы

разрешено приходить сюда для выгула птиц, остальным вход заказан. Не пациент — извините, до свидания!

Мастер Сань. Это что же получается, концессия¹²?

Пол Дин. Наш реабилитационный центр предоставляет не только бесплатное лечение и полный пансион, но и возможность держать птиц!

Хуан Дань. Даже держать птиц! Записываюсь! В конце концов, чего мне бояться, вряд ли это будет страшнее опытов «отряда 731»¹³.

Пол Дин. Как я уже сказал, здесь психоаналитическая терапия находится в процессе становления, поэтому на данном этапе мы можем принять не более шести пациентов. *(Указывая на Хуан Дая.)* Первый записавшийся, поздравляем, вы приняты! Далее мы будем выбирать пациентов на основании самовыдвижения кандидатов вкупе с результатами наших наблюдений. Мисс Ся, мне понадобится помощь в регистрации пациентов. *(Спрыгивает со стола, открывает папку с документами и вместе с ручкой отдает Сяо Ся.)* Будем ориентироваться на ранее утвержденный список.

Сяо Ся с важным видом садится за стол.

Сяо Ся. Становитесь в очередь, не толпитесь! Пожалуйста, приготовьте свои удостоверения личности. Далее, тот, чье имя я назову, должен подойти и зарегистрироваться, кого не назвала — до свидания. Внимание! Чжан Байлин!

Чжан Байлин. Чего орешь? Для тебя я господин Чжан!

Сяо Ся. Так или иначе, мы вас выбрали.

Чжан Байлин. Э-э, нет! Я на вашу удочку не клюну! Помнится, американцы покрыли «боксерской» контрибуцией¹⁴ расходы на строительство госпиталя «Сехэ», конечно, вы скажете, что это хорошее дело? Как бы не так! Один раз эти вредители-врачи сделали рентген деревенскому парнишке по фамилии Дун, совершенно бесплатно, да так его облучили, что он и помер, аж мозги в башке сварились. Нет, если уж помирать, то на птичьем рынке! Я вам, сукиным детям, не продамся!

¹² Концессионные территории во времена позднего Имперского Китая и Китайской Республики были переданы под управление иностранных держав, за счет чего концессии часто ассоциировались с колониализмом.

¹³ Специальный отряд японской армии, созданный во время Второй мировой войны с целью исследования биологического оружия. Известен бесчеловечными опытами над живыми людьми (главным образом военнопленными из Китая и союзных государств).

¹⁴ Контрибуция, наложенная на Китай державами, участвовавшими в подавлении Восстания ихэтуаней, в результате соглашения от 7 сентября 1901 г.

Ся о Ся. Уважаемый, вы чего ругаетесь?
Дружинник *(схватив Чжан Байлина)*. Дебошир! Где работаешь?
Чжан Байлин. Зачем это? Пойдешь жаловаться? Туда попадают только по предварительной договоренности.

Дружинник. Что за место?
Чжан Байлин. Крематорий. Можешь уже отправляться.
Дружинник. Старик, препирательствами ты тут ничего не добьешься!

Мастер Сань. Значит, если не лечь в больницу, и правда нельзя будет выгуливать здесь птиц?

Дружинник. Ага.
Мастер Сань. А что насчет свободы передвижения?
Пол Дин. Можете делать все что угодно, если это не нарушает закон.

Мастер Сань. И вы не получаете прибыль с больницы?
Пол Дин. Наоборот, она открывается исключительно за счет моих субсидий.

Мастер Сань. А не хотите эти деньги пустить на возрождение пекинской оперы? Это было бы по-настоящему правое дело.

Пол Дин. Есть ведь еще шаосинская, хуанмэйская оперы, и даже среди них множество разных школ. Какие из них возрождать, а какие оставить в запустении? Нет, мы собираемся возродить человеческую душу, а она уже даст надежду всему остальному.

Мастер Сань. Ладно, посмотрим, что вы здесь наворотили. Записывайте.

Ся о Ся *(записывает)*. Мас-тер Са-ань.
Толстяк. А я?

Пол Дин. Мы рассмотрим вашу кандидатуру во время набора следующей группы.

Толстяк. Но я должен быть в одной группе с ним *(показывает рукой на Мастера Саня)*. Вы не знаете, он мой кумир! К тому же господин Чжан ведь отказался? Возьмите меня на его место!

Пол Дин. Ладно.
Толстяк. Вот спасибо вам! Какая удача, в больнице я смогу выучиться опере!

Пол Дин *(обращаясь к профессору Чэню)*. Вы тоже есть в списке.
Профессор Чэн. Шутите? У меня нет никаких проблем.

Пол Дин. Еще как есть, и весьма серьезные.
Профессор Чэн. Я и сам разбираюсь в методах психоанализа, прочел не одну книгу Фрейда.

Пол Дин. В таком случае вы должны знать, что к самому себе эти методы неприменимы.

Профессор Чэнь. Но у меня еще есть дела, я должен выследить ту редкую охраняемую государством птицу.

Пол Дин. Хорошо, но в следующий раз вам так легко не отвертеться.

Чарли говорит Ло Мань что-то по-английски.

Ло Мань *(переводит)*. Господин Чарли спрашивает, ваша больница предназначена для лечения птиц?

Пол Дин. Нет, для людей, которые держат птиц.

Ло Мань переводит для Чарли, он отвечает ей на английском языке.

Ло Мань. Он выражает надежду, что однажды появится больница, где будут лечить птиц.

Канарейка директора Суня внезапно издает пронзительный крик, тот самый, что запрещен в среде любителей птиц.

Чжан Байлин. Гадина! *(Вывхватывает из рук директора Суня клетку с канарейкой, бросает на землю и наступает на нее ногой.)*

Любители жаворонков в ужасе разбегаются.

Чарли *(подбегает к клетке и рассматривает мертвую птицу)*. Канарейка. Не из дикой природы, так что не входит в список видов, охраняемых нашим Советом. Однако, этот господин повел себя невоспитанно. Кто дал вам право покушаться на свободу другого человека?

Чжан Байлин. Чтоб тебя, дрянная птица!

Директор Сунь *(сотрясаясь от злости)*. Ты... Ты... *(Падает в обморок.)*

Толстяк. Сунь! Старина Сунь! Ну что я говорил. Скорее, на помощь!

Жаворонок Чжан Байлина очень точно имитирует только что услышанный крик канарейки.

Мастер Сань. Быстро учится!

Чжан Байлин *(гневно)*. Ублюдок! Я три года держал этого жаворонка, за все время он не издал ни единого непотребного звука. С сегодняшнего дня я... *(Вывтаскивает жаворонка из клетки.)* Я буду проклят, если снова заведу хоть одну птицу! *(На глазах у толпы с силой швыряет птицу о землю, от удара та погибает.)*

Чжан Байлин уходит.

Чарли. Жаворонок. Мисс Ло, вы свидетель, в этой стране совершенно неопозволительное отношение к диким птицам: жаворонкам, черноголовым гаичкам. Как мы видим, случаются даже убийства!

Ло Мань. Да, господин Чарли, вы правы.

Пол Дин (*взволнованно*). Вы... Вот вы, вы и вы, мистер Чарли, заботитесь только о птицах, а на людей вам наплевать! Посмотрите, этот человек лежит без чувств, а вам хоть бы что! Кто-нибудь вызовет медиков?

Часть посетителей птичьего рынка расходится.

Толстяк. Я вызову! (*Убегает.*)

В толпе зевак начинается волнение.

Любители птиц. Вы, иностранцы, открыли больницу, а пациентов принимаете только по блату! Мы тоже хотим в больницу! Да, да, мы тоже хотим!

Толпа начинает напирать в сторону каменного стола. Дружинник свистит в свисток, ему на помощь выбегают еще несколько бойцов в нарукавных повязках, вместе они начинают отпихивать людей. В освободившемся от толпы пространстве остаются: лежащий на земле директор Сунь, профессор Чэнь, Пол Дин, Сяо Ся, Мастер Сань, Хуан Дань, Ма Ляоэр, Лао Сиэр, Чжу Дяньэр, Чарли, Ло Мань и несколько дружинников. Вдалеке раздается сирена машины скорой помощи.

Дружинник. Скорая уже здесь! Отойдите, не мешайте проехать!

Рабочие заканчивают связывать прутья огромной клетки и сбрасывают вниз концы брезентового полотна, закрывая клетку со всех сторон. Свет гаснет.

Акт второй

В пологе, покрывающем огромную клетку, открывается щель, в которую проникает солнечный свет; после чего ткань убирают полностью. Сквозь прутья клетки теперь видно голубое небо. На сцене помимо каменного стола и скамеек появляются три кушетки и зеленая лужайка. Мастер Сань лежит на кушетке, позади него стоит вешалка с разнообразными костюмами пекинской оперы, стойка с бутаторским оружием, стол, стулья и другой реквизит. В одной руке Мастер Сань держит жердочку с гаичкой, которая энергично прыгает и поет, в другой руке небольшой глиняный чайник. Толстяк, Хуан Дань, Ма Ляоэр, Лао Сиэр и Чжу Дяньэр выстроились в ряд на лужайке, клетки с их птицами висят на соседнем дереве. Сяо Ся, одетая в спортивный костюм, ведет зарядку для Толстяка и остальных. Пол Дин сидит на каменной лавке и с интересом наблюдает за происходящим.

Сяо Ся. Займите исходное положение, сейчас мы выполним несколько упражнений: раз, два, три, четыре — хорошо! Кладем руки на затылок. Пять, шесть, семь, восемь — хорошо! Разводим руки и правой ногой тянемся ко лбу.

Толстяк падает ногой в лоб Хуан Даня.

Хуан Дань. Ты что меня пинаешь? Себя в лоб пинай!

Толстяк. Что за чушь, я такой толстый, разве дотянусь до своего лба? Мне и до тебя достать не так просто.

Сяо Ся. Стоп! Вы что делаете? Эй, Мастер Сань, а вы почему не занимаетесь?

Мастер Сань. Где вы видели, чтобы звезда репетировала на одной сцене с массовой? Я потом сам потренируюсь.

Толстяк. Мастер Сань, а почему бы вам не исполнить для нас что-нибудь из пекинской оперы?

Мастер Сань. Ну, чего не сделаешь для поклонников. *(Встает. Зрителям становится видно, что теперь он одет в традиционный костюм для китайских боевых искусств: широкие черные штаны, матерчатые тапочки и белый кафтан.)* Сыграю для вас, так и быть.

Любители птиц становятся полукругом, глядя на Мастера Саня.

Сяо Ся. Ладно, можете разойтись! Свободное время!

Толстяк. Что вы исполните, Мастер Сань?

Мастер Сань. «Пленение пяти драконов»¹⁵.

Толстяк. Я принесу кандалы.

Мастер Сань. Не слишком ли много хлопот?

Любители птиц. Просим, просим! Так смотреть будет куда интереснее!

Толстяк идет к стойке с бутафорским оружием, снимает с нее железную цепь и вешает ее на шею Мастера Саня.

Толстяк. Не будете гримировать лицо?

Мастер Сань. Кто-нибудь из вас оплачивал билет? Не многовато ли требований для бесплатного спектакля?

Толстяк. Вы не выступали уже двадцать лет, вот уж не ожидал, что смогу увидеть вашу игру в больнице!

Мастер Сань. И правда. Возьми гаичку. Ты будешь играть палача.

Толстяк. Сяо Ся, поддержи чайник.

Толстяк забирает у Мастера Саня его птицу и передает Сяо Ся глиняный чайник.

Сяо Ся. Я буду играть тетушку А Цин¹⁶?

Толстяк. Это опера, в которой Ли Шиминь казнит Шань Сюнсиня, при чем здесь тетушка А Цин?

¹⁵ Традиционная пекинская опера, сюжет которой повествует о войне циньского вана Ли Шиминя (будущий император династии Тан Тай-цзун) с генералом Ван Шичуном, преданным суйскому императору Ян-ди. Доблестный воин Шань Сюнсинь в одиночку вторгается в лагерь Ли Шиминя, однако после кровопролитного сражения попадет в плен к генералу Юйчи Гуну. Ли Шиминь уговаривает Шань Сюнсиня сдаться, но тот отказывается и принимает смерть от рук будущего императора.

¹⁶ Героиня оперы «Шацзябан» — одного из восьми образцовых революционных сценических произведений периода культурной революции, стилизованного под пекинскую оперу.

Ся о Ся. Я играла ее раньше, правда то была хуанмэйская опера.

Толстяк. Слушай, здесь и для меня едва нашлась роль, чего уж говорить о тебе. Ой, Мастер Сань, вы так похожи на Цзинь Шаошаня¹⁷! Как две капли воды!

Мастер Сань (*удрученно*). Где уж мне! Такого, как Мастер Цзинь, не сыскать больше, ни в этой жизни, ни в следующей! (*Выглядит опечаленным.*)

Толстяк. Мастер Сань, что с вами? Я что-то не то сказал?

Мастер Сань. Нет, ничего. Просто, боюсь, недолго осталось жить пекинской опере!

Ся о Ся. Вы говорите, Мастер Сань похож на Цзинь какого-то там Шаня, не знаю, я его никогда не видела. По-моему, Мастер Сань больше похож на птицу.

Толстяк. Что ты такое говоришь?

Ся о Ся. Не веришь — сам взгляни. Эта поза, цепь на шее...

Мастер Сань (*смотрит на цепь, взвешивает ее в руке, цепь издает металлический звук*). Ты права, девочка, мы привязываем птиц, чтобы они пели, раз я это надел, то тоже должен петь.

Пол Дин (*встает*). У меня вопрос! Почему вы выбрали именно эту оперу?

Мастер Сань. Хороший вопрос. В ней есть отрывок в стиле сипи в быстром темпе, очень изящный и мелодичный, так вот, одна строка в нем появилась благодаря птице.

Пол Дин. Как так?

Мастер Сань. Этой строке Мастер Цзинь научился у птицы.

Пол Дин. Интересно.

Мастер Сань. Толстяк, ты знаешь, о чем идет речь?

Толстяк. Я точно не зря лег в эту больницу. Мастер Сань, прошу, скорее расскажите!

Мастер Сань. Давай-ка, подсоби мне!

Толстяк (*переворачиваясь в палача, вытягивает грудь, обеими руками сжимает жердочку с птицей, наподобие гарды меча, и толкает Мастера Саня в спину*). Ха!

Мастер Сань, пошатываясь, делает несколько шагов вперед, останавливается, с громким звуком трясет цепью.

Мастер Сань (*сверкая глазами, одухотворенно поет*).

При виде Ло Чэна ярость вскипает в груди,

Бесстыдный предатель, от правды тебе не уйти!

Помнишь, холуй, как твой дом пострадал от набега?

¹⁷ Известный актер пекинской оперы (1889–1948).

Как прибыл в Лоян и искал там приют для ночлега?

Я даровал тебе земли, палаты и сад.

Все, что потрачено зря, не вернуть уж назад!

Лю б и т е л и п т и ц (*аплодируют*). Великолепно!

М а с т е р С а н ь (*кланяется и складывает руки в знак благодарности*). Что вы, что вы! Я недостойн.

Т о л с т я к (*подходит к Мастеру Саню и помогает снять цепь*). Это было прекрасно! Спасибо вам!

М а с т е р С а н ь. Не стоит благодарности. Итак, кто из вас услышал, которая строка позаимствована у птицы?

С я о С я. Я не слышала никаких птиц, скорее, похоже на тигра, которого посадили на цепь, а он хочет вырваться и покусать кого-нибудь!

М а с т е р С а н ь. Эй, а ты разбираешься в опере! В этом отрывке доблестный Шань Сюнсинь и правда похож на тигра. Пленный, он смотрит на оплативших ему черной неблагодарностью бывших соратников и жалеет, что не может откусить от них по куску... Увы, я не обучаю исполнению женских ролей, иначе непременно взял бы тебя в подмастерья.

Т о л с т я к. Сяо Ся, чай.

С я о С я. Чего?

Т о л с т я к. Поддай ему чаю, чтобы смочить горло!

Сяо Ся передает чайник Мастеру Саню. Он делает глоток сам, затем поит гаичку.

Толстяк надевает цепь себе на шею и бережно гладит ее рукой.

М а с т е р С а н ь. Толстяк, ты услышал?

Т о л с т я к. Нет...

М а с т е р С а н ь. «Все, что потрачено зря, не вернуть уж назад!» — эта часть была навеяна птичьей трелью.

Т о л с т я к. Трелью какой птицы?

М а с т е р С а н ь. Гаички.

Т о л с т я к. Гаички?

М а с т е р С а н ь. Звонкий голосок гаички вдохновил Цзинь Шаошаня, и на этой фразе он начинает петь выше (*демонстрирует*): «Все, что потрачено...»

Т о л с т я к. Как же добиться столь совершенного звучания? Потрясающе!

М а с т е р С а н ь. Совершенство — это Мастер Цзинь! Остальные — лишь его бледные тени.

Т о л с т я к. Но вы могли бы обучить этой опере меня, прошу вас!

М а с т е р С а н ь. Спасибо тебе, но лучше продолжай заниматься своей птицей, тебе с ней в пении не сравниться.

Толстяк. Я готов приложить все усилия, дайте мне шанс — и я научусь!

Мастер Сань. Даже если и научишься, что с того? Посредственно спеть может каждый, а слушать все равно будут только Цзинь Шаошаня.

Пол Дин (*назидательным тоном*). Вам следует принять, что прошлое, каким бы оно ни было прекрасным, уже в прошлом, а будущее, каким бы несовершенным оно ни казалось, неотвратимо...

Толстяк. Значит, не станете учить? Так и умрет у нас на глазах славная традиция исполнения амплуа хуалянь?

Мастер Сань. Пусть так. (*Глядя на цепь.*) Пора ее убрать.

Толстяк. Вы принесли столько костюмов, бутафории, чтобы просто смотреть на них?

Мастер Сань. Мне приятно на них смотреть.

Толстяк. Но что такого в том, чтобы дать несколько уроков любителю?

Мастер Сань. Учить я тебя не стану, и точка.

Толстяк. Значит, так и будете беспомощно наблюдать, как искусство пекинской оперы вырождается и гибнет? Так и не создадите нового Цзинь Шаошаня?

Мастер Сань. Если появится кто-то с его задатками, он от меня не уйдет, уж поверь. Я закую его в цепи и не отпущу, пока не выучу ремеслу! Но это вряд ли произойдет.

Толстяк. Конеч. Из-за вас пекинской опере пришел конец! Можете уже отправлять все эти костюмы на кладбище Бабаошань¹⁸.

Мастер Сань. Если не иметь там связей, никто их не примет.

Пол Дин. Друзья, садитесь, рассаживайтесь, где вам будет удобно.

Мастер Сань ложится на кушетку, Толстяк садится на землю возле него. Хуан Дань и Ма Ляоэр занимают оставшиеся кушетки, Лао Сизэр и Чжу Дяньэр садятся на лавочки.

Пол Дин. Начинаем сеанс психоанализа. Мисс Ся, раздайте пациентам глазные повязки.

Сяо Ся приносит шесть черных повязок и раздает их пациентам.

Мастер Сань. Я обойдусь, спасибо. Мне и так неохота открывать глаза.

Пол Дин. Повязка служит гарантией качественного процесса психоанализа. Прошу, наденьте.

Шестеро пациентов надевают на глаза повязки.

¹⁸ Революционное мемориальное кладбище в Пекине.

Сяо Ся. Толстяк, подглядывать нельзя!

Толстяк торопливо поправляет повязку.

Пол Дин. Повязки нужны, чтобы вы не обращали на меня внимания и полностью расслабились. Сегодня мы обратимся к методу групповой терапии. Индивидуальная терапия также существует, к ней мы перейдем чуть позже. А теперь можете беседовать, о чем захотите.

Хуан Дань. Моя птичка...

Ма Ляоэр. Мою уже пора поить.

Лао Сизэр. Нехватка корма — это ничего, а вот о воде забывать нельзя.

Чжу Дяньэр. Если вовремя не напоить, пищеварение нарушится и все — пиши пропало.

Толстяк. Доктор Дин, вы слышали?

Пол Дин. Я все слышу.

Толстяк. Слышите, так почему не реагируете?

Пол Дин. В ходе групповой терапии врач не может перебивать пациентов: необходимо, чтобы вы в естественной беседе проговорили все тревожащие вас мысли.

Толстяк. Нас тревожат наши птицы! Верните нам скорее клетки!

Пол Дин. За границей во время сеансов психоанализа не принято отвлекаться на посторонние предметы.

Хуан Дань. Мы в Китае.

Толстяк. Вам следует изменить правила, исходя из китайской специфики.

Пол Дин. Ну, что поделаешь. Мисс Ся, дайте им клетки.

Сяо Ся по одной приносит пять клеток и отдает их Толстяку и остальным.

Хуан Дань (*ощупывая рукой клетку*). Клетка для дрозда. Толстяк, это твоя.

Толстяк. Тихонько, тихонько, он может напугаться и повредить шею. Это чья клетка с гаичкой? Сяо Ся, иди поменяй их.

Сяо Ся меняет клетки местами в соответствии с требованиями.

Ма Ляоэр. Я говорю, нельзя ли снять пока эти повязки? Напоим птиц и наденем обратно.

Сяо Ся. И почему от вас столько хлопот!

Толстяк. Так не видно ничего.

Пол Дин. Ладно, можете пока что снять.

Любители птиц один за другим снимают повязки.

Лао Сизэр. Все-таки без нее лучше.

Толстяк (*поет*). Свободное небо — ясное небо!

Хуан Дань. Эй, где моя гаичка? Сяо Ся, ты сейчас открывала клетку?

Сяо Ся. Я? Нет.

Хуан Дань. Моя гаичка поет в четырех тональностях и знает две серии трелей! Потерять ее — хуже смерти! Кто заплатит за это?

Толстяк. Говорили тебе купить клетку «чжочжоума», так тебе жалко было, а из этой старой рухляди любая птичка бы улетела.

Хуан Дань. Эта гаичка стоила по меньшей мере восемьсот юаней, но дело даже не в деньгах, где я теперь такую найду?

Хуан Дань хватается Сяо Ся за руку.

Хуан Дань. Мы еще не закончили!

Сяо Ся (*всхлипывая*). Это не я ее выпустила, правда, не я.

Раздается звонкое пение гаички.

Ма Ляоэр. Там! На дереве!

Хуан Дань (*будто обезумев*). Спускайся! Спускайся! (*Бежит к дереву, вытаскивает из кармана несколько червячков и кладет их в открытую клетку, вешает клетку на дерево, а сам опускается на колени.*) Матушка моя, спускайся!

Сяо Ся. Доктор Дин, я так больше не могу! Ухаживать за противными стариками, так еще и быть для них козлом отпущения, это слишком! Не ровен час решат меня покалечить.

Пол Дин. Не бойтесь, здесь гораздо безопаснее, чем в сумасшедшем доме, а благодаря терапии их состояние обязательно улучшится!

Хуан Дань (*жалобно*). Родимая моя маменька, ну спускайся!

Ма Ляоэр, Лао Сизэр, Чжу Дяньэр собираются вокруг дерева понаблюдать за происходящим.

Хуан Дань. Не стойте там, вы ее спугнете!

Птичники осторожно садятся на корточки и в ожидании умолкают.

Сяо Ся. Я хочу вернуться домой.

Пол Дин. Вы замужем?

Сяо Ся (*качая головой*). Я думала сначала заработать немного денег в Пекине, а потом вернуться и сыграть свадьбу.

Пол Дин. И давно вы уехали?

Сяо Ся. Три месяца назад.

Пол Дин. В Америке, если пара не живет вместе три месяца, это означает, что браку конец.

Сяо Ся. Правда?

Пол Дин. Если двое по-настоящему влюблены, разве они могут расстаться?

Ся о Ся. Вот заработаем денег и больше не расстанемся.

Пол Дин. Кто знает.

Ся о Ся. За исключением этих людей мне все в Пекине нравится. Я часто думаю, вот бы нам с моим Хуан Мао открыть здесь маленький ресторанчик, до чего жизнь была бы хороша!

Пол Дин. Он писал вам в последнее время?

Ся о Ся. Писал месяц назад, говорил, что собирается ко мне в Пекин. После этого никаких вестей. Доктор Дин, а вы женаты?

Пол Дин. Был женат однажды, но ничего не вышло.

Ся о Ся. Почему?

Пол Дин. Она была моей пациенткой, а став женой, возненавидела мою работу, особенно не терпела, когда я оставался наедине с пациентками для психоанализа...

Ся о Ся. Эту вашу работу я тоже не понимаю. Зачем тратить столько денег, чтобы содержать этих людей, да еще и общаться с ними!

Пол Дин. Каждый человек обладает своим уникальным опытом, анализировать его психику — все равно, что читать книгу, книгу с невероятно захватывающим сюжетом. Это вызывает привыкание... Закончив с одним человеком, уже мечтаешь взяться за нового, — этот поиск бесконечен. Так увлечение превратилось в зависимость, которую я не в силах побороть.

Ся о Ся. А вы применяли психоанализ к себе самому?

Пол Дин. Это невозможно, так же как судья не может вершить правосудие над собой как обвиняемым.

Любители птиц сосредоточенно ждут, когда гаичка клюнет на приманку
Хуан Даня. Входит профессор Чэнь.

Хуан Дань. Не подходи, спугнешь!

Профессор Чэнь не реагирует и продолжает идти в их сторону.

Хуан Дань. Ты оглох, что ли? Говорят: «Не подходи», — а он идет, как назло. Смотри, улетела! Придурок!

Профессор Чэнь. Сам ты придурок!

Хуан Дань. Нарываешься на драку?

Ма Ляоэр. Черт с ним, скорее бежим за птицей, это важнее.

Хуан Дань. Продолжим, когда я вернусь! *(Убегает.)*

Любители птиц бегут вслед за Хуан Данем.

Ся о Ся. Далеко не убегайте, скоро обед!

Пол Дин *(увидев Чэня)*. О, добро пожаловать!

Профессор Чэнь. Я пришел в поисках той птицы.

Пол Дин. Той самой, что относится к редкому охраняемому виду?

Профессор Чэн ь. Неужели она так и не объявилась?

Пол Дин. Нет, здесь только мои пациенты.

Профессор Чэн ь. Это первый птичий рынок в Пекине по пути из Шаньси, я уверен, что птица непременно должна появиться именно здесь. Думаю, мне стоит затаиться и подождать.

Пол Дин. Вы можете остаться, но есть одно условие...

Профессор Чэн ь. Какое?

Пол Дин. Станьте моим пациентом.

Профессор Чэн ь. Но я не болен.

Пол Дин. Отнюдь! Я не говорю, что вы сумасшедший, но у вас есть психологические проблемы, как и у многих, да что там, практически у каждого они есть.

Профессор Чэн ь. У меня нет психологических проблем.

Пол Дин. Есть.

Профессор Чэн ь. Какие?

Пол Дин. Вуайеризм.

Профессор Чэн ь (*после паузы*). Как вы узнали?

Пол Дин. Оставайтесь, проведем для вас несколько сеансов психоанализа, это поможет избавиться от страданий.

Профессор Чэн ь. А если я откажусь?

Пол Дин. В таком случае, лучше вам здесь больше не появляться и искать свою птицу в другом месте.

Профессор Чэн ь. Это бесплатно?

Пол Дин. Конечно! Человек с таким высоким ученым званием может рассчитывать на соответствующее отношение.

Профессор Чэн ь. А именно?

Пол Дин. Хорошее питание...

Профессор Чэн ь. Вы знаете, многие ученые зачастую вообще забывают о еде. Что еще?

Пол Дин. Проживание. Вам будет предоставлена одноместная палата, обустроенная по последнему слову техники. Никто не сможет вас там побеспокоить.

Профессор Чэн ь. Это даже лучше, чем мое нынешнее жилье.

Пол Дин. Самое главное, как человек интеллектуально одаренный, вы будете получать терапию на особых условиях: вы сможете читать запрещенную литературу, такую как «Цзинь, Пин, Мэй», «Подстилка из плоти»¹⁹... и даже смотреть порнофильмы.

Профессор Чэн ь. «Цзинь, Пин, Мэй» в сокращенной версии с цензурой? Если так, то нет особого смысла ее читать.

¹⁹ «Цзинь, Пин, Мэй» («Цветы сливы в золотой вазе»), «Полуночник Вэйян, или Подстилка из плоти» — китайские эротические романы XVII века.

Пол Дин. В полной версии, без цензуры. С иллюстрациями.

Профессор Чэнь. Есть один фильм для взрослых, называется «Люди и звери», в нем показывают, как люди и животные... ну, вы понимаете. Я зоолог, мне нужно разбираться...

Пол Дин. Вы останетесь довольны! Будем считать это курсом повышения квалификации.

Профессор Чэнь. Вы заботитесь о нуждах интеллигенции даже лучше, чем государство.

Пол Дин. Нельзя же во всем зависеть от государства.

Профессор Чэнь. Условия и правда замечательные... Совсем забыл! Я смогу продолжать здесь свои исследования?

Пол Дин. Конечно.

Профессор Чэнь. В научно-исследовательских институтах ученые и мечтать о таком не смеют! Я начинаю подозревать, не больны ли вы сами.

Пол Дин. Так вы согласны?

Профессор Чэнь. Согласен. Вот только... это место предназначено для птичников, а я не держу птиц.

Пол Дин. Обычно в армии только солдаты вооружены до зубов, генерал же пользуется одним лишь острым умом. Вы орнитолог, разве могут любители птиц сравниться с вами? Представим, что в мире не останется больше птиц, кого они будут держать в своих клетках? Птичники просто перестанут существовать. Орнитологи же никуда не исчезнут, более того, их ценность только возрастет. К примеру, доисторические животные вымерли, а палеонтологические институты тем не менее процветают.

Толстяк храпит.

Профессор Чэнь. Кажется, здесь кто-то спит.

Пол Дин. Я как раз собирался заняться психоанализом, но стоило отвлечься, как они заснули.

Сяо Ся. Я их разбужу.

Пол Дин. Не стоит. Подождем, пока сами проснутся, тогда я смогу проанализировать их сны.

Профессор Чэнь (*указывая на Мастера Саня*). Почему у того человека на глазах повязка?

Пол Дин. С ней проще войти в состояние, близкое к гипнотическому трансу.

Профессор Чэнь. А зачем толстяку железная цепь на шее?

Пол Дин. В психологии данный феномен называется болезненной идентификацией, это бессознательный процесс. Подражая объекту почитания, он отождествляет себя с ним. В это же время осу-

ществляется так называемый перенос, когда имитация касается не только характера и поведения кумира, но и его вещей. Эта цепь — реквизит для пекинской оперы, она как раз принадлежит тому человеку в глазной повязке. Надевая цепь в подражание кумиру, Толстяк успокаивает себя, полагая, что таким образом сам становится этим почитаемым им человеком.

Профессор Чэнь. Нужно быть круглым дураком, чтобы не понять такую простую вещь. И к чему здесь психоанализ?

Пол Дин. Психоанализ поможет нам выявить истоки этого комплекса, кроющиеся в ранних воспоминаниях. Зная причину недуга, мы сможем устранить его тревоги и беспокойство, и он станет нормальным.

Толстяк постепенно просыпается.

Пол Дин. Закройте глаза, я задам несколько вопросов.

Толстяк закрывает глаза.

Пол Дин. Вернемся в ваш сон. Где вы только что были?

Толстяк. Вонючий тофу!

Пол Дин. Как грубо, даже во сне не может обойтись без брани. Это сопротивление терапии?

Профессор Чэнь. Мне кажется, он говорит о закуске.

Пол Дин. Да? Я плохо знаком с местной кухней. Итак, вы были... в закуской? Что вы там делали?

Толстяк. Ел, выпивал.

Пол Дин. Вы были один?

Толстяк. Одному есть неинтересно! С приятелями.

Пол Дин. Кто они?

Толстяк. Я знаю имена высокопоставленных лиц, имена подчиненных мне также известны...

Пол Дин. Можете назвать их мне?

Сяо Ся. Предать товарищей? Никогда!

Пол Дин. Вы зачем встречаете?

Сяо Ся. Он повторяет реплику сестрицы Цзянь.

Пол Дин. Какой еще сестрицы Цзянь?

Профессор Чэнь. Это героиня популярного в Китае революционного романа, она была схвачена врагами и во время допроса произнесла эту известную фразу. Роман в дальнейшем был экранизирован, и сестрицу Цзянь сыграла Юй Лань²⁰.

Толстяк. Мое почтение Юй Лань.

²⁰ Китайская актриса (1921–2020).

Ся о Ся о. Ты знаком с Юй Лань?

Тол ст я к. Не знаком, но, как и всякую звезду сцены, уважаю.

Пол Д и н. Он одержим подражанием героям.

Ся о Ся. Не совсем. Такие как он — поклонники пекинской оперы — всем подражают: героям, злодеям... Лишь бы роль была хорошо исполнена. Один раз я слышала, как Толстяк напевает партию Хатоямы.

Тол ст я к. Мое почтение Юань Шихаю. Передайте ему, что Паваротти не умеет красить лицо, да еще и выступает как попало: ни костюма, ни реквизита. Только и может, что стоять столбом и петь. Скажите ему, чтобы не опускался до такого.

Пол Д и н. Кто такой Хатояма?

Ся о Ся. Глава японских шпионов из «Легенды о красном фонаре»²¹.

Пол Д и н. Юань Шихай играл этого японца?

Тол ст я к. Вы вообще ничего не знаете?

Пол Д и н. В Америке информация о Китае очень скудна.

Тол ст я к. Неудивительно, что вы вернулись.

Ся о Ся (*Толстяку*). Ты почему опять открыл глаза?

Тол ст я к. Я как слышу, что в Америке плохо и китайцы хотят вернуться на родину, сразу так радуюсь!

Пол Д и н. Столь ясное сознание не способствует психоанализу. Мисс Ся, наденьте ему на глаза повязку.

Ся о Ся (*завязывая Толстяку глаза*). На этот раз сразу две.

Пол Д и н. Не распяйтесь. Итак, во сне вы много выпили?

Тол ст я к (*поет*). Принимая гостей, осушил десять тысяч кубков.

Пол Д и н. Отлично исполнено.

Тол ст я к. Отлично, да? Но до Хао Ляна²² еще очень далеко.

Пол Д и н. Как много знакомых. И все же, зачем так много пить?

Тол ст я к. Узнайте у Ли Юйхэ²³ секретный код.

Ся о Ся. Начал бредить.

Пол Д и н (*вздыхает*). Снимем с него цепь?

Тол ст я к. Не трогайте! Ван Цзиньлу²⁴... ждет автобус и... ногой... упирается в столб с названием остановки...

Пол Д и н. Зачем?

Тол ст я к. Растяжка необходима так же, как и упражнения для голоса.

²¹ Одно из восьми образцовых революционных сценических произведений периода культурной революции, стилизованное под пекинскую оперу.

²² Известный актер пекинской оперы (1934–2020).

²³ Герой оперы «Легенда о красном фонаре».

²⁴ Известный актер пекинской оперы (1919–2016).

Делает руками несколько движений из тайцзицюань²⁵.

Пол Дин. Не двигайтесь, вам следует погрузиться в состояние полусна.

Толстяк. Как подумаю о пекинской опере, не могу усидеть на месте.

Пол Дин. Что вы обычно делаете, если птица ведет себя беспокойно?

Толстяк. Брызгаю на нее водой.

Пол Дин. Мисс Ся, принесите воды и обрызгайте его.

Ся Ся берет чайник Мастера Саня и пытается облить Толстяка. Вода из носика течет очень медленно, поэтому девушка открывает крышку чайника и решительно выливает остатки заварки Толстяку на голову.

Толстяк. Отличный жасминовый чай, это же «Ароматное облако Тайлао», его пьет Мастер Сань. Эй, у меня все лицо в чаинках! Вы что — держите меня за птицу?

Пол Дин. Ну как? Успокоились немного?

Толстяк (*чихает*). Если я простужусь, то охрипну. Вы меня так погубите.

Пол Дин. Вернемся в закусочную. Что вы там пили?

Толстяк. Бормотуху по одному мао три фэня за бутылку.

Пол Дин. Так дешево? Бутылка коньяка ХО стоит больше тысячи юаней.

Толстяк. Кто может себе такое позволить? Даже Ма Ляньлян²⁶ получал в месяц не больше тысячи семисот.

Пол Дин. Вы захмелели?

Толстяк. Еще как! Сразу после первой.

Пол Дин. Зачем же вы пили такое?

Толстяк. А зачем вообще пьют? Конечно, чтобы напиться! Что выгоднее, напиться за тысячу юаней или за один мао три фэня? Выбор очевиден.

Пол Дин. Что произошло потом?

Толстяк. Пошел в Цзисян²⁷.

Пол Дин. Что это за место?

Толстяк. Около ресторана Дунлайшунь, наискосок через улицу.

Пол Дин. Что вы там делали?

Толстяк. Выступал на сцене.

Пол Дин. Что ставили?

²⁵ Вид китайских боевых искусств, благодаря плавности движений широко используется в качестве оздоровительной гимнастики.

²⁶ Известный актер пекинской оперы (1901–1966).

²⁷ Театр в Пекине.

Толстяк. «Пленение пяти драконов».

Пол Дин. Снова та опера с железной цепью?

Толстяк. Хорошая опера.

Толстяк привстает, Сяо Ся быстро возвращает его обратно на кушетку.

Пол Дин. Уже обрызгали, а он все не успокоится.

Толстяк. Мало просто обрызгать, нужно еще накрыть какой-нибудь тканью... Ой, проболтался! Сам себе рою могилу.

Пол Дин. Накройте его.

Сяо Ся. Чем?

Пол Дин. Там лежит простыня, возьмите ее.

Сяо Ся приносит простыню и накрывает ей Толстяка с головы до ног.

Толстяк. Приготовили траурную речь?

Сяо Ся. Какую еще речь? Это тебе не панихида.

Толстяк. А Шань Сюнсинь перед казнью пел. Дожидайся он смерти молча, зрители бы тут же разошлись.

Пол Дин. Пойте.

Толстяк (*поет*). «Скажите, здесь ли брат мой Цинь?»

Сяо Ся. Я столько раз слышала эту часть, что запомнила наизусть. (*Поет.*) «В дозоре он, покамест не вернулся».

Толстяк (*поет*). «О, добрый брат мой!» (*Переходит на разговорную речь.*) А где его жена?

Сяо Ся. Брат уехал, какие у тебя могут быть дела с его женой?

Толстяк. Там нет таких слов.

Сяо Ся. Ты первый начал сочинять!

Пол Дин. Ладно, давайте все же вернемся в театр. Расскажите, какова была реакция зрителей.

Толстяк. Зритель был только один.

Пол Дин. Женщина.

Толстяк. Вы тоже там были?

Пол Дин. Угу.

Толстяк. Красивая, не так ли? Но даже не думайте с ней заигрывать.

Пол Дин. Вы с ней знакомы?

Толстяк. Видел на фотографии.

Пол Дин. Какой фотографии?

Толстяк. Которую мне дала моя бабка со словами: «Это твоя родная мать».

Пол Дин. Сколько человек было на этой фотографии?

Толстяк. Двое.

Пол Дин. Кто второй?

Толстяк. Бабка сказала, что второй — мой отец.

Пол Дин. Вы на него похожи?

Толстяк. У него лицо в гриме, не разглядеть.

Пол Дин. То есть ваш отец — артист пекинской оперы.

Толстяк. Прекрасный артист, иначе как матушка могла бы в него влюбиться?

Пол Дин. Что с ним стало?

Толстяк. Ушел, чтобы стать отцом для кого-то еще.

Пол Дин. А мать?

Толстяк. Умерла.

Пол Дин. Отец не забрал вас?

Толстяк. Если бы забрал, я был бы уже звездой пекинской оперы. Бабушка оставила меня у себя, сказала, что мой отец — мерзавец.

Пол Дин. Ваш отец еще жив?

Толстяк. Кто его знает. Мы закончили?

Пол Дин взволнованно вытирает выступивший на лице пот.

Пол Дин (*повернувшись к Сяо Ся*). Мисс Ся, записывайте. Сеанс психоанализа завершился успехом, это типичный эдипов комплекс.

Мастер Сань меняет позу на кушетке.

Толстяк. Допрашивали полдня, будто преступника на следствии, теперь вы у меня в долгу. Погуляйте с моим дроздом, а я отдохну.

Пол Дин. Почему вы держите именно дрозда?

Толстяк. Чтобы отвести душу. Дрозд поет мощным, раскатистым голосом, как Цзинь Шаошань. Этот стервец запрыгивает на жердочку, расправляет крылья и начинает петь, да так, что его трель обязательно должна перебить других птиц. Если же перепеть их не удастся, удрученный своим фиаско, он опускается на дно клетки и больше не издает ни звука. Так и умирает в молчании.

Толстяк под простыней со звоном перебирает цепь. Постепенно звон смолкает, слышится храп Толстяка. Пол Дин прогуливается с профессором Чэнем, покачивая в руке клетку с дроздом.

Профессор Чэнь (*указывая на Мастера Саня*). Как он притих, совершенно неподвижен.

Пол Дин. Такие люди, как он, — самые несговорчивые и хуже всех поддаются психоанализу.

Профессор Чэнь. Почему?

Пол Дин. Тот, кто достиг высокого уровня профессионализма в какой-либо узкой сфере, чрезвычайно настойчив, но в то же время все свои усилия направляет лишь на одно единственное дело жизни, ко всему остальному он равнодушен и оттого теряет способность

мыслить широко, способность к комплексному анализу. В Китае есть старая поговорка: «Чрезмерная ученость приводит к невежеству». Не смотрите, что он сейчас так спокоен и тих, как только ему представится возможность проявить свое мастерство, он тут же выйдет из-под контроля.

Профессор Чэнь. И что можно назвать делом его жизни? В чем он профессионал?

Пол Дин. Он помешан на обучении, надеется передать все свои знания о пекинской опере достойному человеку, но такого человека не найти, и это его беспокоит. Что ж, в отсутствие возможности обучать человека он обучает птиц, свой талант учителя использует, чтобы быть дрессировщиком. И птицы учатся у него, причем очень быстро. Но вот что странно: почему птицы на привязи поют охотнее, чем на воле? Причем не только охотнее, но звонче, правильнее, переливистей...

Профессор Чэнь. В натуре любого животного есть эта рабская, подобоострастная сторона. Материальная выгода сбивает его, и оно теряет волю к свободе.

Пол Дин. Человек не такой. Многие герои жертвовали жизнью ради высоких идей и принципов.

Мастер Сань (*садится*). Не только люди, птицы — тоже. Одним только кормом их не приручить, требуется больше — научиться их понимать. Усатый ткач любит купаться. Как только он начинает чистить перья, нужно немедленно приготовить ему воду для купания. А если вы только-только завели ткачика, но относитесь к нему без должного понимания, он не притронется к еде и вскоре погибнет. Следует наблюдать за ним и потихонечку располагать к себе, и тогда, как только он начнет смотреть на вас с симпатией, в один момент — тьюк! И склюет кусочек баранины. И будет жить. Уж вам это известно получше других, ведь ваша работа едва ли отличается от приручения ткача.

Пол Дин. Подумать только, даже птицы — и те нуждаются в психоанализе, что уж говорить о птичниках.

Мастер Сань. Именно потому, что я понимаю птиц, я куда больше разбираюсь и в людях. Так что, боюсь, ваши штучки не возымеют на меня действия.

Пол Дин. Все же давайте попробуем.

Мастер Сань. Пожалуйста, но учтите, я не такой, как Толстяк.

Пол Дин. Прилягте, расслабьтесь.

Мастер Сань. Не волнуйтесь, я и так вот-вот развалюсь на части.

Пол Дин. Вы только что спали?

Мастер Сань. Вздремнул немного.

Пол Дин. Видели сны?

Мастер Сань. Хотел, но не удалось.

Пол Дин. А что бы вы хотели увидеть во сне?

Мастер Сань. Что-нибудь хорошее.

Пол Дин. Например?

Мастер Сань. Синее пятно, фиолетовая полоска, желтый нефритовый пояс, нрав бога огня.

Пол Дин. Что это?

Мастер Сань. Варакушка.

Пол Дин. Снова птицы. Это замещение, подмена учеников птицами, так вы маскируете свою манию наставничества. Что же, варакушка может сделать вас счастливым?

Мастер Сань. Это зависит от певчих способностей птицы. Будет кричать на манер лягушки — грош ей цена, но если научится стрекоту цикады (*подражает цикаде*), тогда это будет ценное приобретение.

Пол Дин. Что же хорошего в стрекоте цикады?

Мастер Сань. Глубокой зимой, когда за окном метут снега, голые ветки деревьев в последних лучах заходящего солнца выглядят мрачно и уныло... А дома в очаге поблескивает огонь, в чашке плещется ароматный чай «Билочунь» и варакушка стрекочет цикадой — словно отдыхаешь на берегу пруда, поросшего душистыми травами.

Профессор Чэнь. Я орнитолог, однако не знал, что птицы таят в себе столько секретов.

Мастер Сань. Вместе с тем пение должно быть подобно осеннему стрекоту цикад, но ни в коем случае не тому, что слышится в пору летней жары. Начало осени — время, когда каждый новый день чуть холоднее предыдущего, и цикады на пороге приближающейся смерти поют скорбно и безотрадно. (*Подражает крику осенней цикады.*) «Цик-цик — када».

Пол Дин. Ох...

Мастер Сань. Да, скорбно и безотрадно. Как плач Ян Баосэня²⁸.

Пол Дин. Какие еще вам нравятся птицы?

Мастер Сань. Гаички. Варакушка хорош в подражании другим птицам, нет такой, чью трель он бы не спел. Гаичка же обладает сильной волей и кристальной честностью, поэтому не учится пению у других птиц, наоборот, другие птицы должны учиться у нее.

Пол Дин. Никогда не изменяет себе.

Профессор Чэнь. Так же, как французы принципиально не говорят по-английски, даже всю дипломатическую документацию ведут только на французском.

²⁸ Известный актер пекинской оперы (1909–1958).

Пол Дин. Позвольте, я произведу анализ на основе услышанного. Итак, вы живете прошлым, зимой тоскуете по осени, мучаете себя этой скорбью. Очевидно, что пекинская опера изживает себя, не осталось тех, кто хочет ее слушать, но вы, подобно гаичке, горды и вопреки всему продолжаете упорно цепляться за старое.

Мастер Сань. Вижу, вам удастся ранить чувства людей.

Пол Дин. Вам нравятся красивые женщины: что-то там синее, фиолетовое, с нефритовым пояском... Но больше, чем что бы то ни было, вы любите пекинскую оперу. Вы всегда играли великолепно, но однажды где-то сфальшивили, словно варакушка, выдали крик лягушки и как артист потеряли ценность. Неудача в отношениях с женщинами, поражение на сцене... Вот вы и начали держать птиц, предаваясь воспоминаниям, ощущая послевкусие прошлой жизни. Думаете об осенней цикаде и связываете ее со своим собственным положением, со своей тоской, своими печалью. И чем глубже тоска, тем более волнующей становится картина осеннего пейзажа, столько всего осталось в прошлом: овации, деньги, красавицы.

Мастер Сань начинает волноваться.

Пол Дин. Вы постарели и уже никогда не сможете вернуться на сцену. Поэтому занялись птицами. Вы не желаете идти в театр, вам кажется, что другие играют плохо, все делают неправильно, но и вы сами уже не можете проявить свой талант. И вы занялись птицами. Но в действительности для вас птицы — это зеркало. Птицы, что красиво поют, — это вы сами, поющий в те годы. Вы дрессируете птиц, потому что нет человека, которому вы могли бы передать свое мастерство, а если он появится, всю свою энергию с птиц вы направите на его обучение, так ваша мечта обретет продолжение.

Мастер Сань. Хватит!

Пол Дин. Самое печальное, что физиологически... как мужчина, вы больше ни на что не способны.

Молчание. Слышится стрекот цикады.

Мастер Сань. Хуан Чжун в семьдесят обезглавил Сяхоу Юаня²⁹.

Пол Дин. На поле боя — возможно, но не в постели, там вы никого не убьете, если только самого себя — и то с большим трудом.

Мастер Сань. Не стану же я совершать преступление, чтобы пустить пыль в глаза. Настоящий герой не хвалится прошлыми подвигами.

Пол Дин. Но вы могли бы самоутвердиться по-другому. Например, в последний раз дать блестящее представление. Его конец, возможно, станет и вашим концом.

²⁹ Полководцы эпохи Троецарствия (220–280).

Профессор Чэнь (*тянет Дина за рукав*). Ох, доктор Дин, проявите немного такта, он все же пожилой человек, может не справиться с сильным потрясением, не так ли?

Мастер Сань погружается в болезненное молчание.

Сяо Ся. Вы это специально делаете?

Пол Дин. Цель психоанализа — вскрыть глубинную суть проблемы. Стоит выпустить демонов наружу — и человек начинает более реалистично и уравновешенно смотреть на жизнь.

Мастер Сань. Уходите... Уже всю душу мне разворотили.

Пол Дин отвлекается на клетку, начиная раскачивать ее в руке. Раздается пение дрозда.

Пол Дин (*обращаясь к Сяо Ся*). Необходимо пристально следить за Толстяком, он может совершить убийство.

Сяо Ся с ужасом смотрит в сторону Толстяка.

Профессор Чэнь. Почему вы так думаете?

Пол Дин. Слышали об Эдипе?

Доктор Чэнь. Древнегреческом царе, убившем отца и взявшем в жены мать?

Пол Дин. Толстяк мечтает стать настоящим актером пекинской оперы, чтобы завоевать любовь одного единственного зрителя — своей матери. Обратите внимание, его отец был звездой оперы, теперь же Толстяк пытается занять его место, а это возможно сделать, только убив отца. Подсознательные импульсы под действием социальных ограничений обычно приобретают рационализированную форму. В случае Толстяка это форма спектакля, цель которого — добиться расположения матери.

Профессор Чэнь. Невероятно.

Пол Дин. Помните, он упоминал фото родителей? На нем лицо отца покрыто гримом, поэтому его невозможно разглядеть. Загримованное лицо — маска пекинской оперы, надев которую Толстяк сможет подменить фигуру отца. Если бы Фрейд своими глазами мог видеть этот шедевральный образ, рожденный подсознанием, он бы тотчас запрыгал от радости!

Профессор Чэнь. Вы сказали, Толстяк, возможно, убьет кого-то?

Пол Дин. Не возможно, а совершенно точно!

Раздается шум приближающихся голосов. Выходит Хуан Мао, молодой человек лет двадцати на вид, у него в руках большая железная клетка, накрытая тканью. За ним следуют Ма Ляоэр, Лао Сиэр, Чжу Дяньэр и Хуан Дань.

Хуан Мао. Это точно птичий рынок?

Лао Сиэр. Точно! Правда, сейчас он называется реабилитационным центром для птичников.

Хуан Мао. А вы мне заплатите? Я не отдам ее просто так!

Чжу Дяньэр. Сначала нужно взглянуть на нее, так что показывай скорее!

Хуан Дань. Я только что потерял свою гаичку, если птица хорошая, я ее возьму.

Хуан Мао отодвигает край ткани, покрывающей клетку.

Ма Ляоэр. Да это курица!

Чжу Дяньэр. Кому взбредет в голову тратить деньги на курицу?

Ма Ляоэр. Если только чтобы съесть, но уж точно не держать дома!

Хуан Мао. Можете делать с ней что хотите, только заплатите, чтобы я смог купить билет домой.

Лао Сиэр. И сколько ты за нее просишь?

Хуан Мао. Сто юаней.

Хуан Дань. Ты от бедности умом тронулся? Ни одна курица не стоит таких денег!

Хуан Мао. Но это не совсем курица и называется по-другому — ушастый фазан, причем единственный в этой местности.

Профессор Чэнь. Держите его! Не дайте ему уйти! *(Внезапно бросается вперед и хватает Хуан Мао.)*

Профессор Чэнь. Поставь клетку, ты и фазан арестованы! Я так долго ждал этого момента, ради него мне даже пришлось общаться с этими психами и самому лечь в больницу!

Остальные собираются вокруг, чтобы посмотреть, что происходит.

Сяо Ся. Хуан Мао, это ты!

Хуан Мао *(кричит)*. Сяо Ся! Я нашел тебя!

Громкий крик Хуан Мао будит Мастера Саня, он резко встает с кушетки, срывает глазную повязку и пристально смотрит на молодого человека.

Пол Дин. Сяо Ся, вы знакомы?

Профессор Чэнь. Ты уже преступил закон. Коричневый ушастый фазан обитает только в Китае и только в провинции Шаньси. Где ты его заполучил?

Хуан Мао. В Шаньси, в уезде Вэньшуй.

Толстяк. Я знаю, там родилась Лю Хулань³⁰!

Профессор Чэнь. Там находится природный заповедник Панцюаньгоу. А это — редчайший вид, охраняемый государством, данная особь, возможно, последняя из всей популяции!

³⁰ Шпионка времен гражданской войны в Китае, выступавшая на стороне Коммунистической партии.

Сяо Ся. Откуда вы знаете, что последняя?
Профессор Чэн ь. Научное наблюдение.
Сяо Ся. Что будет с Хуан Мао?
Профессор Чэн ь. Его посадят.
Сяо Ся. Скорее беги отсюда!
Профессор Чэн ь. Тебе не убежать!
Пол Дин. Птица остается в собственности клиники.
Профессор Чэн ь. Никому к ней не прикасаться! Толстяк, Тол-
стяк! Скорее сюда!

Толстяк вскакивает и сбрасывает с себя простыню.

Доктор Чэн ь. Снимай свою цепь.
Толстяк (*в нерешительности*). С какой стати?
Профессор Чэн ь. Я требую от имени государства! Снимай
и неси сюда!

Толстяк снимает с шеи цепь и подходит.

Профессор Чэн ь. Свяжи его.
Толстяк. Его? Пусть сначала научится петь, а потом уже входит
в роль.

Профессор Чэн ь. Связывай!

Толстяк. Я же был первым, так не честно. (*Связывает Хуан Мао.*)

Профессор Чэн ь. Приглядывай за ним, а мне нужно осмо-
треть птицу, чтобы оценить причиненный ущерб. (*Открывает клет-
ку, вытаскивает фазана.*) Повреждено оперение за левым ушным
отверстием, отсутствует одно хвостовое перо, следы экскрементов
в заднем проходе.

Сяо Ся (*бросается к Хуан Мао и крепко обнимает его*). Что ты
натворил!

Хуан Мао. Это не я ее поймал. Купил у одного птицелова за двад-
цать юаней, он сказал, что в Пекине за нее можно будет выручить хо-
рошие деньги.

Пол Дин отнимает фазана у Доктора Чэня и передает Хуан Мао.

Пол Дин. Возьми птицу и оставайся здесь.

Профессор Чэн ь. Как вы смее! Это животное — националь-
ное сокровище!

Пол Дин. Главным национальным сокровищем должны быть
люди! Предположим, ради излечения человека придется пожертво-
вать одной птицей, что с того?

Профессор Чэн ь. Если допустить истребление редких живот-
ных, они исчезнут! Навсегда! А люди? Их же полно!

Пол Дин. Если допустить истребление этого паренька, он тоже исчезнет навсегда.

Толстяк (*обращаясь к Хуан Мао и Сяо Ся*). Вы двое, не так близко! (*Тянет за цепь.*)

Мастер Сань. Приведи-ка его сюда! (*Толстяк тащит Хуан Мао к Мастеру Саню.*) Крикни во все горло, я послушаю твой голос.

Хуан Мао. Я так не могу.

Мастер Сань. Просто прокричи: «А-а». Не волнуйся.

Хуан Мао (*смотрит на Сяо Ся, та кивает*). А-а-а!

Мастер Сань. Толстяк, его голос сильнее, чем твой. Прирожденный талант!

Толстяк. Жаль, что волосы у него слишком светлые.

Мастер Сань. Это нетипичная окраска оперения.

Сяо Ся. Что это значит?

Мастер Сань. Какого цвета воробей?

Сяо Ся. Коричневый.

Мастер Сань. Точно. А будь он белым, мы бы сказали, что это нетипичная окраска.

Сяо Ся. Это хорошо или плохо?

Мастер Сань. Это ведь редкость, изюминка — конечно, хорошо!

Сяо Ся. У иностранцев даже борода светлая.

Мастер Сань. Это уже некрасиво. Белое лицо, светлая борода, — выглядит слабо. То ли дело синее лицо и красная борода!

Пол Дин. Бывают такие?

Мастер Сань. Конечно. Например, Доу Эрдунь³¹.

Толстяк. Вы ведь еще не слышали, как он поет.

Мастер Сань. Толстяк, спой строчку из «Пленения пяти драконов», пусть поучится.

Толстяк (*поет*). «При виде Ло Чэна ярость вскипает в груди».

Хуан Мао. Я не умею петь пекинскую оперу.

Мастер Сань. Просто повторяй за ним, мне нужно послушать твой голос, дикцию, как ты попадаешь в ноты.

Хуан Мао (*поет на манер хуанмэйской оперы*). «При виде Ло Чэна ярость вскипает в груди».

Толстяк. Эй, это же хуанмэйский стиль!

Мастер Сань. Неплохо! Оставайся здесь учиться опере!

Пол Дин (*хлопает в ладоши*). Прекрасно! У меня все больше пациентов!

³¹ Командующий армии Ли Цзычэна, предводителя крестьянской войны в северном Китае, которая привела к свержению китайской династии Мин. Герой оперы «Ляньхуаньтао», изображается с синим лицом и красной бородой.

Хуан Мао (*обиженно*). Сяо Ся, я лучше умру, чем буду учиться пекинской опере. Давай вернемся домой, бедность, невзгоды — неважно, вместе мы все вынесем.

Сяо Ся. Братец Хуан, не глупи! Я готова на что угодно, только бы остаться в Пекине! Не хочу возвращаться в это захламленное.

Профессор Чэнь. Вам нужно хорошенько за ним приглядывать. Если сбежит, вся ответственность ляжет на вас.

Мастер Сань. О чем вы говорите! Разве я дам уйти такому таланту? Сбежит, что тогда станет с пекинской оперой? Кто будет играть персонажей хуалянь?

Хуан Мао. Господин Чэнь, прошу, отправьте меня тюрьму, все лучше, чем учиться петь оперу!

Профессор Чэнь (*в недоумении*). Думаешь, это так просто? У меня нет связей в тюрьме. Придется тебе побыть здесь несколько дней. Ничего, ты привыкнешь. Смотри, ты даже закован в цепи, как преступник. По правде сказать, это место — тоже своего рода тюрьма.

Пол Дин. Я категорически не согласен с этим утверждением, это провокация!

Мастер Сань. Доктор Дин, не обращайте внимания. Если можно ухаживать за птицами, репетировать оперные постановки, пусть даже и тюрьма, какая разница!

Толстяк. Мастер Сань прав!

Мастер Сань (*к Сяо Ся*). Помоги ему поднять повыше правую ногу.

Сяо Ся поднимает правую ногу Хуан Мао.

Мастер Сань (*стучит бамбуковой палочкой по левой ноге Хуан Мао*). Держи ногу ровно.

Толстяк (*хлопает рукой по пояснице Хуан Мао*). Выпрямись!

Пол Дин. Замечательно! Что ж, продолжайте в том же духе! (*Забирает гаичку Мастера Саня.*) Я погуляю с вашей птичкой. (*Удаляется, держа в одной руке клетку с дроздом Толстяка, в другой — с гаичкой Мастера Саня.*)

Профессор Чэнь поднимает железную клетку с ушастым фазаном, собираясь уйти. Фазан издает пронзительный крик.

Хуан Мао. Господин Чэнь, что будет со мной после того, как вы заберете птицу?

Профессор Чэнь. С тобой уже все хорошо, с птицей тоже теперь все будет хорошо, отныне и во веки веков она будет под моей защитой.

Хуан Мао. Вы свидетель! Когда я ее вам отдавал, птица была цела и невредима.

Профессор Чэнь. Это не так уж важно. Самое главное — не дать контрабандистам вывезти ее за границу, она должна навсегда остаться в нашей стране. Я прослежу за этим и сообщу потомкам, что когда-то на нашей земле обитало такое очаровательное существо.

Концы брезентового полотна, брошенного на гигантскую клетку, стремительно падают вниз, скрывая видневшееся снаружи небо. Ушастый фазан истошно вопит. Свет гаснет.

Акт третий

Покров гигантской птичьей клетки вновь приоткрывается. Сцену заливает яркий свет. На каменном столе в картинной позе застыл Хуан Мао с железной цепью на шее. Сяо Ся стоит неподалеку с глиняным чайником в руках. Мастер Сань полулежа расположился на кушетке, обратившись лицом к столу, Толстяк стоит позади него.

Мастер Сань (*обращаясь к Хуан Мао*). Еще раз!

Хуан Мао (*исполняет несколько театральных движений, поет*).

При виде Ло Чэна ярость вскипает в груди,

Бесстыдный предатель, от правды тебе не уйти!

Помнишь, холуй, как твой дом пострадал от набега?

Как прибыл в Лоян и искал там приют для ночлега?

Я даровал тебе земли, палаты и сад.

Все, что потрачено зря, не вернуть уж назад!

Мастер Сань. Не стоит столько силы вкладывать в «даровал тебе земли», здесь нужно сохранить воздух для высоких нот в следующей строке.

Пол Дин возвращается с дроздом Толстяка и гаичкой Мастера Саня.

Пол Дин. Это вам, а это — вам. (*Передает птиц хозяевам.*)

Толстяк достает из кармана небольшую пластиковую бутылку и наливает воду в поилку для птиц. Сяо Ся подносит носик чайника к губам Хуан Мао, тот делает несколько глотков.

Мастер Сань (*к Сяо Ся*). Будь осторожна, когда подаешь чай актеру на сцене. Сперва нужно попробовать самой, горячий не подойдет, холодный — тоже. Если температура подходящая, можешь дать ему попить, но не слишком много, только слегка промочить горло. Ну хорошо. Толстяк, присмотри за ними, а мне нужно заняться птицами. Ты говорил, что твой дрозд не может научиться петь трель гаички, ведь так?

Толстяк. Мастер Сань, будет вам возиться с птицами, порепетируйте лучше со мной.

Мастер Сань. Хуа-лянь с медным молотом³² тебе не по зубам. Обычно, если не хватает силы голоса, можно исполнять второстепенную роль цзяцзы³³, но для нее у тебя не достает актерского и акробатического мастерства. Оставайся любителем, пой для себя, зачем убиваться ради того, что тебе не дано?

Толстяк. На того, кто жаждет учиться, вы не обращаете внимания, того, кто не хочет, — заставляете...

Сяо Ся (*сделав глоток из чайника*). Выпей еще немного.

Хуан Мао (*пьет*). Разве человек может так жить? Строить свинарники и то более приятное занятие.

Сяо Ся. Потерпи чуть-чуть, Мастер ведь хочет научить тебя исполнять сто разных опер! Посмотри, Толстяк все бы отдал ради того, чтобы оказаться на твоём месте, но тот ему отказывает, а тебя учит. Вот выучишься и сам станешь мастером!

Хуан Мао. Не понимаю я такой жизни! Не работаешь, поешь целыми днями, и кто-то еще тебя кормит и содержит.

Мастер Сань подает гаичке знак рукой, и она начинает петь, снова делает знак — она замолкает.

Мастер Сань. Времени прошло всего ничего, а чистого звука как не бывало, и ритм сбился.

Толстяк. Конечно, вы целый день занимаетесь только с Хуан Мао, вот птица петь и разучилась.

Мастер Сань. Этот мальчик — талант, а талант я ценю больше всего! (*К Хуан Мао.*) Спускайся. Приляг, отдохни немного. Толстяк, помоги ему слезть.

Толстяк, не проявляя энтузиазма, подходит к каменному столу.

Пол Дин (*глядя на часы*). Они заставили его простоять так без малого четыре часа подряд. Типичный пример обсессивно-компульсивного расстройства. Они преисполнены чувства долга и ответственности, желая превратить любого в дрессированную, послушную их воле певчую птичку. Такие люди зачастую становятся выдающимися педагогами.

Толстяк и Сяо Ся помогают Хуан Мао спуститься вниз, оказавшись на земле, он на дрожащих от усталости ногах неровными шагами идет к кушетке.

Мастер Сань встает, уступая ему место.

³² Роли этого амплуа отличаются сложными вокальными партиями и отсутствием акробатических трюков.

³³ Роли второго плана, предполагают больше действия на сцене и меньше вокальной составляющей.

Пол Дин. Такие, как он, часто прибегают к методу кнута и пряника, одурачивают объект своей навязчивой идеи, чтобы добиться от него подчинения.

Входит профессор Чэнь с обернутым в красную ткань чучелом ушастого фазана в руках. Он осторожно ставит чучело на каменный стол. Жаворонок, гаичка и дрозд издают пронзительные крики.

Профессор Чэнь. Я принял важное решение: коричневый ушастый фазан должен остаться здесь навсегда, чтобы и орнитологи, и птичники могли вместе любоваться им.

Пол Дин. Я высоко ценю этот жест поддержки в адрес нашего скромного учреждения. Благодарю вас, господин Чэнь.

Профессор Чэнь. Кроме того, у меня для всех вас прекрасная новость: сегодня с инспекцией сюда приедет уполномоченный от Международного совета по охране птиц! Мы должны организовать приветственную церемонию в честь находящегося на грани вымирания бесценного вида, обитающего на просторах нашей родины, — коричневого ушастого фазана.

Пол Дин (*аплодирует*). Я искренне счастлив, что вы, господин Чэнь, вместе с ушастым фазаном сможете остаться в нашем реабилитационном центре!

Профессор Чэнь. Спасибо вам за заботу, однако орнитолога сегодня ждет немало важной работы, он принадлежит миру, а не какой-либо стране или организации.

Пол Дин. Нужно все же поберечь ваше здоровье.

Профессор Чэнь. В прошлый раз вы сказали, что Толстяк собирается убить человека.

Пол Дин. Говорите тише.

Профессор Чэнь. Что же, ваш прогноз оказался ошибочным?

Пол Дин. Он мастерски маскирует свое стремление, но чем сильнее он будет его подавлять, тем скорее оно прорвется наружу.

Профессор Чэнь. Как вы планируете его лечить?

Пол Дин. Я собираюсь вскрыть глубокий пласт его подсознания. Как только выявится суть проблемы, его деструктивные мысли рассеются.

Профессор Чэнь. А я так надеялся получить экспериментальное подтверждение вашей гипотезы!

Пол Дин. Вы хотите, чтобы я просто стоял и смотрел, как он убивает человека?

Профессор Чэнь. Обычно люди верят прогнозу землетрясения только после того, как оно произойдет.

Пол Дин. Ваш вуайеризм прогрессирует.

Профессор Чэн ь. Не понимаю, о чем вы.

Пол Дин. Вы не замечали за собой желания подглядеть за женщиной, когда она моется?

Профессор Чэн ь. Ну, я...

Мастер Сань неторопливо подходит с чайником в руках, Толстяк все еще обсуждает оперу с Хуан Мао.

Мастер Сань. Господа ученые, что исследуете на этот раз?

Профессор Чэн ь. Не нужно говорить о моих проблемах при посторонних.

Пол Дин. Ничего страшного! Как только подсознательные импульсы выходят наружу, они теряют силу и перестают существовать. (Мастеру Саню.) Я как раз спрашивал, не испытывает ли он потребности подглядеть за женщиной, когда та моется.

Мастер Сань. Ну, это зависит от того, сколько женщине лет.

Профессор Чэн ь (указывая на Мастера Саня). Смотрите, он точно испытывает такую потребность!

Пол Дин. Тем не менее мой вопрос адресован вам. Было у вас желание подглядывать или нет?

Профессор Чэн ь. Я... не могу так сразу ответить.

Пол Дин. У вас есть привычка наблюдать снизу за тем, как женщины в коротких юбках поднимаются на лифте с прозрачными стенками?

Профессор Чэн ь. Предпочитаю ходить на балет.

Пол Дин. Вот видите. А что вам больше всего нравится в балете?

Профессор Чэн ь. А что людям обычно нравится в балете?

Пол Дин. То же, что и вам.

Профессор Чэн ь. А балерины об этом знают? Если знают, то это как-то уж...

Пол Дин. Конечно, знают. И поэтому нарочно исполняют все эти красивые пируэты и фуэте.

Профессор Чэн ь. Разве это не усугубляет их положение?

Пол Дин. Вовсе нет. Они позволяют юбкам задирается так высоко, что можно увидеть даже нижнее белье. Так любопытство затухает, что позволяет сосредоточиться на красоте искусства как такового.

Профессор Чэн ь. А если бы они не задирали юбки?

Пол Дин. Тогда был бы велик соблазн прокрасться в оркестровую яму.

Профессор Чэн ь. Поэтому дирижеры иногда сбиваются с ритма?

Пол Дин. Совершенно верно, это главная причина, по которой музыкальное сопровождение в балете зачастую оставляет желать лучшего.

Профессор Чэнь. Это является доказательством того расстройства, о котором вы говорили?

Пол Дин. Видите ли, сам по себе этот недуг не представляет опасности, просто считается неблагоприятным и постыдным. Однако некоторые завуалированные проявления вуайеризма могут нанести определенный вред обществу.

Профессор Чэнь. Завуалированные проявления?

Пол Дин. Когда люди начинают вмешиваться в личную жизнь окружающих, рыться в чужой почте, распространять слухи о соседях, сплетничать на работе, устраивать слежку...

Профессор Чэнь. И почему вы так уверены, что у меня есть этот недуг?

Пол Дин. Вы отличаетесь от других.

Профессор Чэнь. Чем же?

Пол Дин. Когда павлин распускает хвост, обычные люди смотрят на него спереди, и только вы — сзади.

Профессор Чэнь. Почему это?

Пол Дин. Вуайеризм. Вы любите подглядывать.

Профессор Чэнь. Даже с павлином не упущу возможность?

Мастер Сань. Опытный глаз знает, куда смотреть.

Профессор Чэнь. Думаю, это был сарказм.

Пол Дин. Когда вы заполучили коричневого ушастого фазана, какую его часть вы осматривали наиболее внимательно? Анус.

Профессор Чэнь. Но это моя работа!

Пол Дин. Читать «Цзинь, Пин, Мэй» и «Подстилку из плоти», смотреть порнофильмы — тоже ваша работа?

Профессор Чэнь. Вы сами мне их предложили...

Пол Дин. Желание посмотреть, как Толстяк совершает убийство, — это тоже моя вина?

Мастер Сань. Толстяк? Убийство?

Профессор Чэнь. Он собирается убить...

Пол Дин жестом прерывает Чэня.

Мастер Сань. Я не верю. Толстяк, возможно, не очень умен, но человек он хороший, у него рука не поднимется кому-то навредить.

Профессор Чэнь. Я тоже не верю, из-за этого мы и спорим. Согласно анализу доктора Дина, Толстяк убьет человека, которым больше всех восхищается.

Мастер Сань. В таком случае... Этот человек — не кто иной как я!

Молчание.

Толстяк (*поучая Хуан Мао*). Понятно? Здесь энергичнее!

Мастер Сань. Мне следует покинуть больницу?

Пол Дин. За стенами реабилитационного центра еще менее безопасно. Там вряд ли кто-то поверит результатам моих исследований. К тому же Толстяк, скорее всего, уйдет вслед за вами.

Мастер Сань. А что если заявить в полицию?

Профессор Чэнь. Дело заведут только после того, как убийство произойдет, до этого момента заявлять не о чем. Тем более у Толстяка нет судимости.

Пол Дин. Да вы и не станете заявлять: у вас наблюдается влечение к смерти.

Мастер Сань. Это еще что значит?

Пол Дин. Проще говоря, вы хотите умереть. Если не возражаете, я поясню.

Мастер Сань. Угу, говорите.

Пол Дин. Что стало с Шань Сюнсинем, которого вы играли?

Мастер Сань. Он был обезглавлен.

Пол Дин. Кем?

Мастер Сань. Ли Шиминем.

Пол Дин. А вот и нет, его обезглавил палач — Толстяк.

Мастер Сань. Это ведь постановка, пекинская опера.

Пол Дин. Опер много, почему же вы ставите только эту? Не думаю, что это совпадение.

Молчание.

Толстяк. Мастер Сань, объясните вы ему!

Мастер Сань (*учтиво*). Ничего-ничего, пожалуйста, вы объясните!

Толстяк. Почему вы вдруг стали со мной таким вежливым?

Мастер Сань. Нет-нет, что вы! Вы такой молодец!

Толстяк продолжает обсуждать детали оперы с Хуан Мао.

Мастер Сань. Я уже наслушался этого вашего психоанализа. Вы уверены, что здесь нет ошибки?

Пол Дин. Это наука.

Мастер Сань. Какая еще наука? Я сам смог бы не хуже.

Пол Дин. Каким же образом?

Мастер Сань. С помощью пекинской оперы! Мне не нужна ваша заморская болтовня, чтобы докопаться до сути вещей.

Профессор Чэнь. А вот это уже любопытно!

Пол Дин. Психоанализ, выполненный любителем, может нанести вред.

Мастер Сань. Я не буду анализировать, я буду судить! (*Собирается уйти.*)

Пол Дин. Куда вы?

Мастер Сань. Гримироваться. (*Уходит.*)

На сцену выходят музыканты оркестра пекинской оперы, рассаживаются. Раздается звон тарелок и барабанный бой. Музыканты исполняют запев даобань, предвещающий выход главных героев.

Мастер Сань (*поет из-за кулис*). «Бао Лунту³⁴ заседает в палате Кайфынского дворца».

Мастер Сань выходит в костюме и гриме судьи Бао.

(Также может быть исполнено актером пекинской оперы.)

Мастер Сань (*обращаясь к птичникам*). Вынесите стол и стулья, вы четверо будете стражами в зале суда.

Хуан Дань, Ма Ляоэр, Лао Сиэр, Чжу Дяньэр выносят из угла с реквизитом стол, на него ставят цилиндр с гадательными бирками цянью, подставку с кистью, официальную печать и деревянную колотушку — молоток судьи. Далее, берут в руки батоги и становятся по краям от стола.

Толстяк. Мастер Сань, я тоже играю?

Мастер Сань. Ты будешь Ван Чао — начальником стражи.

Толстяк (*указывая на Хуан Мао*). А с ним что делать?

Мастер Сань. Пусть занимается растяжкой и слушает. Только видя перед собой пример, можно добиться успеха.

Толстяк стягивает Хуан Мао с кушетки, снимает с него цепь, подводит к дереву и заставляет закинуть ногу наверх.

Хуан Мао. Ай-ай, больно! Не могу так стоять!

Толстяк. А ты думал, пекинская опера — это цветочки? (*Приковывает Хуан Мао цепью к дереву.*)

Мастер Сань. Освободи его, а цепью свяжи доктора Дина.

Сяо Ся подбегает к Хуан Мао и поддерживает его, чтобы тот не упал.

Толстяк снимает цепь с Хуан Мао и связывает Пола Дина.

Любители птиц (*вместе*). А как же наши птицы?

Мастер Сань. Можете повесить клетки в зале суда.

Любители птиц вешают клетки над судейским столом.

³⁴ Справедливый и неподкупный судья Бао, герой ряда литературных произведений и пьес, прообразом которого стал Бао Чжэн — китайский государственный деятель и судья времен династии Сун. В традиции пекинской оперы изображается с черным лицом и белым полумесяцем на лбу.

Мастер Сань. Суд идет! (*Садится за стол.*) Приведите преступника!

Раздается барабанный бой. Толстяк тащит связанного доктора Дина в центр импровизированного зала суда.

Толстяк. На колени. (*Тянет за цепь.*)

Пол Дин. Какого черта?

Толстяк (*тихо*). Это спектакль, просто встаньте на колени.

Пол Дин становится на колени.

Мастер Сань (*стучит колотушкой по столу*). Ты, что на коленях, назовись!

Толстяк. Отвечай!

Пол Дин. Вы обо мне?

Толстяк. Так точно.

Пол Дин. Мистер Пол Дин.

Мастер Сань. Почему зовешься двумя именами? Или ты здесь не один?

Пол Дин. Один, и имя одно.

Толстяк. Позвольте сказать, Ваше превосходительство, «мистер» — значит «господин».

Мастер Сань. Смелее, Пол Дин, подними голову.

Доктор Дин собирается поднять голову. Раздаются неодобрительные возгласы птичников.

Толстяк (*пригибая рукой голову Дина к полу*). Говори: «Презренный муж не смеет».

Пол Дин. Он ведь сам попросил.

Толстяк. Таков церемониал. Сначала нужно сказать, что не смеешь.

Пол Дин. Ладно, не смею, так не смею.

Мастер Сань. Прощаем твою дерзость.

Толстяк. Подними голову.

Пол Дин поднимает голову. Раздаются одобрительные возгласы птичников.

Толстяк. Теперь опускай, скорее!

Пол Дин опускает голову.

Мастер Сань. Почему ты произносишь фамилию после имени?

Пол Дин. У иностранцев так принято.

Толстяк. Не стоит думать, что за границей трава зеленее, в Китае у многих почтенных людей фамилия также ставится позади имени.

Мастер Сань. Хорошо сказано! Растолкуй ему, пусть послушает.

Толстяк (*поет*). Мясник Мань, Шашлычник Цзи, Пельменщик Хоу...

Пол Дин. Только и думает, что о еде, хоть бы что-то связанное с искусством выдумал.

Мастер Сань. Лепщик из теста Тан (*удар в гонг*), Мастер глиняной фигурки Чжан (*удар в гонг*), Виноградарь Чан (*удар в гонг*)!

Толстяк. Мастер Сань — эрудит!

Пол Дин. После терапии они стали умнее.

Мастер Сань. Какому делу обучен?

Пол Дин. Я психоаналитик.

Мастер Сань. Кто наставлял тебя?

Пол Дин. Зигмунд Фрейд.

Мастер Сань. Откуда он родом?

Пол Дин. Фрайбург, Австро-Венгерская империя, затем переехал в Вену.

Мастер Сань. Вызвать Учителя Фрейда в суд!

Пол Дин. Он умер много лет назад.

Мастер Сань. Зачем следовать наставлениям человека, которого давно уже нет в живых?

Пол Дин. Маркс тоже давно уже мертв, однако ваша уважаемая страна по-прежнему живет по его заветам?

Мастер Сань. Ишь! Не впутывай порядочного человека. Лучше ответь, учение об убийстве отца и женитьбе на матери тоже измышлено твоим наставником?

Пол Дин. Да.

Мастер Сань. Как смел ты распространять в наших благословенных Небом землях столь омерзительное убеждение?

Пол Дин. Ну... Я...

Мастер Сань (*бьет колотушкой по столу*). Стража!

Любители птиц. Здесь!

Мастер Сань (*вытягивает из цилиндра четыре бирки цян и бросает их на землю*³⁵). Всыпать ему сорок палок!

Тюремщики исполняют приговор.

Пол Дин. Ой! Ай! Вы бьете по-настоящему? Больно!

Любители птиц. Десять! Двадцать! Тридцать! Сорок!

Пол Дин кричит. Птичники возвращаются на свои места.

Толстяк. В этом месте нужно было задействовать театральные жесты: выламывать руки, потирать зад, рвать на себе волосы.

³⁵ Жест, выражающий волю Неба, аналог метания жребия.

Пол Дин. Если бы я знал раньше, отдал бы тебе свою роль.
Мастер Сань. Имел ли ты в ребячестве помыслы о женитьбе на матери?

Пол Дин. Я плохо помню то время.

Мастер Сань (*стучит колотушкой*). Палач! Пытать его!

Пол Дин. Вспомнил! Вспомнил! Были такие мысли.

Мастер Сань. Хмм... В каком возрасте?

Пол Дин. В три года.

Мастер Сань. Три года уже не младенец. Немудрено, что ты вырос таким никчемным. Отвечай, имеешь обыкновение заглядывать под юбки женщинам, поднимающимся в стеклянном лифте?

Пол Дин (*в сторону*). Откуда он знает?

Мастер Сань. Мечтал стать дирижером?

Пол Дин. Что?

Мастер Сань. Представлял себя дирижером в театре балета?

Пол Дин. Представлял. Невероятно!

Мастер Сань. Подглядывал за порядочными девушками, когда те моются?

Пол Дин. Да, и даже смотрел стриптиз.

Мастер Сань. Где совершил сие преступление?

Пол Дин. В Америке. Какое преступление? Я не нарушал закон, в кино девушки часто принимают душ или ванну, а стриптиз — легальное занятие.

Мастер Сань. Коварный наглец! Кто здесь будет интересоваться, что ты делал законно. Я спрашиваю, подглядывал тайком?

Пол Дин. Не помню.

Мастер Сань. Внести орудие казни!

Хуан Дань и Лао Сиэр выносят резак³⁶.

Пол Дин. Для чего это?

Толстяк. Для того, чтобы разрезать тебя надвое, если не заговоришь.

Пол Дин. От этих птичников можно всего ожидать.

Мастер Сань. В конце концов, подглядывал или нет?

Пол Дин. Подглядывал, подглядывал.

Мастер Сань. За кем?

Пол Дин. Не помню.

Мастер Сань. В суд вызывается Цинь Сянлянь³⁷.

³⁶ Орудие казни, устройством напоминающее гильотину.

³⁷ Героиня одноименной оперы. Муж Цинь Сянлянь уезжает в столицу, чтобы участвовать в государственных экзаменах, и, пока та ожидает его возвраще-

Толстяк. Сяо Ся, на сцену, скорее!
Сяо Ся (*подбегает*). Какие у меня реплики?

Толстяк. Есть туалетная бумага?

Сяо Ся. Есть.

Толстяк. Оторви кусок подлиннее, двумя руками поднеси судье и скажи: «Сянлянь приветствует мудрого судью Бао».

Сяо Ся (*отрывает кусок туалетной бумаги и подносит Мастеру Саню*). Сянлянь приветствует мудрого судью Бао!

Мастер Сань (*декламирует нараспев*). О, князь! (*Переходит на пение в быстром темпе куайбань.*)

Не стоит прятать ложь за льстивыми речами,
Свидетельство лежит пред нашими очами,
Судья рассмотрит жалобу Сянлянь.

Толстяк обеими руками с почтением передает кусок туалетной бумаги от Сяо Ся Мастеру Саню.

Мастер Сань (*принимает бумагу, поет в быстром темпе куайбань*).

Князь, ознакомьтесь с обвинением:
«Сим Цинь Сянлянь с великим уважением
Пришла в суде добиться справедливого решения.
Со мной помолвку князь-обманщик утаил,
Взял в жены государя дочь и титул получил».
Сей иск девица в суд резонно подала,
Мы видим, велика пред ней твоя вина!

Мастер Сань. Подглядывал ли ты за тем, как она моется? (*Указывает на Сяо Ся.*)

Пол Дин. Подглядывал. Как он опять догадался?

Сяо Ся (*принимает позу, характерную для роли цинги³⁸, рыдает*). У-у-а.

Мастер Сань (*бьет по столу судейской колотушкой*). Наглый вуайерист! Как смел ты, сам будучи подлецом, пытаться уличить благородного мужа в непристойных деяниях? Не так давно не ты ли говорил, что птичник, именуемый Толстяком, замыслил убийство?

Толстяк. Что?

Пол Дин. Не отрицаю.

Мастер Сань. Какие тому есть доказательства?

ния, женится на дочери императора. Женщина обращается к судье Бао, и он казнит обманщика, несмотря на титул зятя императора.

³⁸ «Женщина в темных одеждах», амплуа благородной героини, с честью принимающей удары судьбы.

Пол Дин. Это выводы, сделанные на основе анализа.

Мастер Сань. Кого он собирается убить?

Пол Дин. Авторитета в области пекинской оперы.

Мастер Сань. Кого можно считать авторитетом?

Пол Дин. Специалиста.

Мастер Сань. Кого можно считать специалистом?

Пол Дин. Того, кто знает невероятно много о невероятно малом, вплоть до того, что имеет совершенно точное представление о том, что не поддается доказательству.

Мастер Сань. В таком случае, может ли орнитолог считаться специалистом?

Пол Дин. Может.

Мастер Сань. Может ли психоаналитик считаться специалистом?

Пол Дин. Естественно.

Мастер Сань. Каково же положение этих специалистов относительно авторитета в области пекинской оперы?

Пол Дин. Конечно, более высокое.

Мастер Сань. Так не должны ли эти почтенные господа числиться первыми в списке убийцы? Почему он хочет погубить одного лишь меня, старика Бао?

Пол Дин. Ну... Как бы сказать...

Входят Чарли и Ло Мань, они оживленно беседуют на английском языке.
Раздаются возгласы любителей птиц.

Мастер Сань. Кто нарушает тишину судебного заседания?

Толстяк. Подданная нашего государства привела на аудиенцию чужеземца.

Мастер Сань. Прогнать их вон!

Толстяк. Нынче объявлен Золотой год туризма, вашему превосходительству следует оказать им подобающий прием.

Мастер Сань. Пусть войдут.

Чарли и Ло Мань подходят к профессору Чэню.

Чарли. Хэллоу, мистер Чэнь!

Профессор Чэнь. Тс-с!

Ло Мань. Когда начнется приветственная церемония?

Профессор Чэнь. Идет судебное разбирательство!

Мастер Сань. Кто явился в зал суда?

Толстяк. Он к вам обращается.

Ло Мань. Хи-хи, здесь репетиция спектакля? Это наблюдатель Международного совета по охране птиц.

Мастер Сань. Тот самый, что в прошлый раз интересовался у старого судьи Бао языком и повадками птиц? Господин Чарли?

Ло Мань. Да.

Мастер Сань. И все с той же спутницей?

Чарли. Теперь она моя жена.

Мастер Сань. Барышня, у этих заморских варваров семь пятиц на неделе, будь начеку. Запомни мои слова!

Ло Мань. Собственно говоря, я тоже не планировала провести с ним всю жизнь.

Мастер Сань. Курица всегда следует за петухом, а жена всю жизнь следует за мужем, в нашей стране важно сохранять доброе имя...

Снова слышатся возгласы птичников, Мастер Сань оглядывается по сторонам.

Толстяк. Ваша честь, судебная тяжба не терпит отлагательств! Не стоит тратить время на любезности с этой молодой особой.

Мастер Сань. По какому делу вы прибыли в наши края?

Ло Мань. Чарли приехал по приглашению профессора Чэнь Даочжуна, чтобы принять участие в церемонии в честь коричневого ушастого фазана.

Мастер Сань. Суд вызывает Чэнь Даочжуна.

Профессор Чэнь. Я все это время был здесь.

Толстяк. Нет такой реплики. Нужно огласить свое имя и войти!

Профессор Чэнь. Орнитолог профессор Чэнь Даочжун приветствует мудрого судью Бао!

Мастер Сань. Где сейчас коричневый ушастый фазан?

Профессор Чэнь. Там, на каменном столе.

Мастер Сань. Каков был мотив так с ним поступить?

Пол Дин. Вуайеризм в тяжелой форме может приобретать вид патологического накопительства, есть только один способ коллекционирования живых существ, именно его и применил профессор Чэнь.

Профессор Чэнь. Доктор Дин, зачем вы меня губите?

Мастер Сань. Представить перед судом ушастого фазана!

Толстяк приносит чучело и ставит на стол перед Мастером Санем.

Мастер Сань. Снять покрывало!

Профессор Чэнь. Это церемония явления фазана миру, она должна проходить в торжественной обстановке. Прошу ваше превосходительство совершить этот ритуал вместе с Чарли.

Мастер Сань. Пред вами наивысший чин при царствующей династии, нам не пристало заниматься столь ничтожными делами. Повелеваем Чарли снять покрывало и явить фазана!

Чарли торжественно срывает покрывающую птицу ткань, перед публикой предстает искусно выполненное чучело коричневого ушастого фазана. Чарли дотрагивается рукой до чучела. Внезапно один из жаворонков издает крик горной сороки.

Чарли (*быстро отдергивая руку*). Она точно мертвая?

Профессор Чэнь. Само собой.

Ло Мань. Ах, как красиво! Птица будто живая.

Чарли. Господин Чэнь, вы внесли огромный вклад в дело сохранения редчайшего вида, и за это позвольте мне от имени Международного совета по охране птиц вручить вам почетный орден птичника.

Чарли вешает орден на грудь профессора Чэня. Мужчины пожимают руки.

Любители птиц. Эй! Кто птичник? Он? Он убивает птиц! А мы ухаживаем за ними, это мы — птичники!

Мастер Сань. Схватить Чэнь Даочжуна! В кандалы его!

Толстяк. У нас только одна цепь.

Мастер Сань. Свяжите их вместе. Эти двое стоят друг друга: один пытался убить отца и жениться на матери, другой посчитал за благо умертвить живую птицу. Донесение об их злодеяниях будет отправлено Его Величеству императору, преступники не заслуживают помилования и будут казнены!

Чарли. Я протестую! Это нарушение прав человека!

Толстяк. Ваше превосходительство, негоже пороть детей при госте.

Мастер Сань. Что ж, дождемся отъезда чужеземца, тогда вам не будет пощады! Посол, возвращайся в свои земли и доложи правителю, что дела Китайской империи не требуют иностранного вмешательства, а если вы вновь вознамеритесь вручить здесь какой-нибудь Орден птичника, то чучела сделают из вас!

Чарли. Что это значит?

Ло Мань переводит.

Чарли. Но мы живем в космополитичном мире!

Мастер Сань. Достаточно! Если бы не право дипломатической неприкосновенности, ты бы уже распрощался с жизнью! Выставить их вон!

Птичники прогоняют Чарли и Ло Мань, побивая их палками.

Мастер Сань. Ах-ха-ха!

Играет сона³⁹.

³⁹ Традиционный китайский духовой язычковый музыкальный инструмент.

Лю б и т е л и п т и ц. Спектакль окончен, расходимся! Пора выгуливать птиц.

Птичники бросают на пол бутафорские орудия пыток и прочий реквизит, снимают птичьи клетки и начинают покачивать их в руках. Птицы заливаются трелями. Мастер Сань снимает железную цепь с Дина и Чэня, взвешивает ее в руках. Толстяк хочет забрать цепь у Мастера Саня, но тот отдает ее Хуан Мао. Сяо Ся набрасывает цепь на плечи молодого человека. Толстяк отдает Мастеру Саню его гаичку. Мастер Сань в образе судьи Бао не спеша уходит под звуки тарелок и барабанов. Профессор Чэнь, Пол Дин и Толстяк провожают его взглядами. Птичьи трели смолкают. Хуан Мао с трудом опускает ногу и садится на землю. Сяо Ся обнимает его и плачет. Под щебет птиц луч света падает на чучело коричневого ушастого фазана. Оркестр расходится. Птичники уходят. Сяо Ся поддерживает Хуан Мао, вместе они подходят к краю сцены, цепь на плечах Хуан Мао издает лязгающий звук. Толстяк подхватывает кусок цепи, и втроем они покидают сцену. Профессор Чэнь уходит. Пол Дин неторопливо подходит к месту, где только что стояли тюремщики. Он окидывает взглядом лежащий на земле реквизит, медленно нагибается и поднимает батоги, склонив голову, смотрит на них какое-то время и бросает обратно. Батоги с грохотом падают на землю. Наступает тишина. Пол Дин так же неспешно подходит к столу для судебных заседаний, на мгновение замирает, после чего садится на место судьи и отрешенно смотрит в пустоту. Затем он поднимает деревянную колотушку, внимательно ее разглядывает и стучит по столу. Дважды раздается крик гаички, за ним — крик горной сороки. Пол Дин вновь стучит по столу. Все стихает, слышится только отзвук удара колотушкой. Внезапно раздается крик коричневого ушастого фазана. Психолог обхватывает голову руками. Свет постепенно гаснет. (В сцене в импровизированном зале суда диалоги сопровождаются ударами в барабан и звоном тарелок. Мастер Сань декламирует свои реплики нараспев. Арии пекинской оперы могут исполняться под фонограмму.)

Конец пьесы

Цзоу Цзинчжи

Я ЛЮБЛЮ ЦВЕТЫ ПЕРСИКА

Перевод М. Я. Пономаревой

Действующие лица

Фэн Янь.
Жена Чжан Ина.
Чжан Ин.

Сцена первая

Посреди сцены стоит резная кровать с пологом, накрытая тонкой прозрачной тканью. Рядом — бамбуковое решетчатое кресло, сундук для риса и другие предметы обстановки. Поздний вечер, морозящий дождик. Фэн Янь и жена Чжан Ина после любовных утех возлежат, крепко обнявшись. Полог кровати опущен, и их силуэты движутся подобно теням.

Фэн Янь (*декламирует нараспев*).

Завеса колышется пред входом в Зал Белого нефрита,
Циновка свесилась с бирюзового ложа;
Как в далекие времена девы из княжества Чу
Омытые великолепные волосы были прохладны...¹

Жена Чжан Ина. Братец, это обо мне?

Фэн Янь. Это о дожде. Завеса дождя, как полог перед входом в Зал Белого нефрита, шум дождя подобен циновке, свесившейся с кровати, инкрустированной бирюзовой слоновой костью; еще, будто чуская дева, стоя на камне, моет волосы в реке, струи дождя подобны ее мокрым волосам — какое великолепное сравнение... Все стихотворение — о дожде, но слово «дождь» ни разу не упомянуто, в этом мастерство поэта; хорошие стихи, прекрасные строки...

Жена Чжан Ина. Вот как! Братец, я про стихи не разумею, хороши ли... разумею только, как ты хорош!

Фэн Янь. Кто-кто?

¹ Стихотворение танского поэта Ли Шанъяня (813–858) «Морозящий дождь».

Жена Чжан Ина. Ты!

Фэн Янь. Чем же?

Жена Чжан Ина. Что тут толковать? Как ты обо мне заботишься, и сам, верно, знаешь...

Фэн Янь. Разве? Самому знать — одно дело, а другим оно виднее. Скажи все же...

Жена Чжан Ина. ...я зря не болтаю... вот сейчас, например, ты все медлишь убрать левую руку из-под моей головы — разве это не забота? Братец, когда пришел, не торопишься и не спешишь, и арию мне споешь, и стихи расскажешь, это ли не забота? Братец...

Фэн Янь. ...Ох ты ж!

Жена Чжан Ина. Верно я говорю?

Фэн Янь. Конечно, все ты верно говоришь. Забота — вот то, что мгновенно превращает интрижку в настоящее чувство... Забота — это хорошо, если есть забота — есть и любовь, иначе — один разврат!

Жена Чжан Ина. Ты не только заботливый, но и такой сметливый...

Фэн Янь. Ага, не только заботливый, но и сметливый? Сразу столько достоинств, одна сплошная добродетель! *(Приподнимается и начинает одеваться.)*

Жена Чжан Ина. Братец, не хочешь слушать мои речи?

Фэн Янь. Нечего болтать, называй по одной добродетели в день и довольно, в другой раз продолжишь... время позднее. *(Собирается встать с кровати.)* Мне пора! *(Откинув полог, выходит.)*

Жена Чжан Ина. Не к спеху, братец, не спеши, ночь-то дождливая. Ты, братец, сложил столько красивых стихов, вот и я тебе прочту стихи, послушай-ка! *(С этими словами тоже поднимается с кровати.)*

Фэн Янь. Эта дождливая ночь — самое время для стихов.

Жена Чжан Ина. Смеешься надо мной...

Фэн Янь. Осмелюсь ли! Омыл уши и весь внимание!

Жена Чжан Ина. Ежели не смеешься, то я начинаю, слушай хорошенько, братец. *(Отстукивает такт, выходит из-за полога, начинает танцевать.)*

Взметнулись [опавшие] листья тунга — осень пришла.

Ветви банана намокли,

Дождь стучит за окном.

Слушаю, как на краю неба кличут дикие гуси.

Высока светлая луна.

Под звук валька для стирки жду ненаглядного.

Жду ненаглядного,

Ненаглядный не идет.

И я одиноко склоняюсь над серебряной лампадой
опершись на расшитую свадебную подушку.
Тяжела судьба, ох, тяжела...
Имя свое... лишь сама называю (*и впрямь опечалена*)
Имя свое сама называю!

Жена Чжан Ина горестно рыдает, закрыв лицо руками.

Фэн Янь. Ох! С чего вдруг, заплакала! Что ты, не надо... Я тебе дам полотенце. (*Ищет на кресле полотенце.*)

Жена Чжан Ина (*крепко ухватив его*). Братец, не уходи... (*Вцепившись в рукав Фэн Яня.*) Братец, не уходи, ты уходишь на минуточку, а в сердце пустота на сотню лет, не уходи! Ты не уходи...

Фэн Янь. Я за полотенцем!

Жена Чжан Ина. Не нужно... братец, не нужно мне полотенца, только ты нужен... Если я и вправду тебе дорога, никуда не ходи, вот же, на тебе исподняя рубаха, ты уж не сердчай, я ею утру слезы... (*Вытирает слезы.*) Братец, я утерла слезы на твоей груди, когда наступит тот день, что мы уж не свидимся, и будет такая же дождливая ночь, и будешь ты спать один и вдруг вспомнишь обо мне, а на тебе все та же рубаха, ты прижми руку к сердцу, вот так, и, слушая стук, если вспомнишь меня, вспомнишь, как я на твоей груди роняла горестные слезы, одну за одной... то мне этого довольно...

Фэн Янь. Все ведь хорошо, зачем все это говорить?

Жена Чжан Ина. Хорошо? Братец, хорошо ли?.. Братец, когда ты не идешь, я слушаю ветер, смотрю на дождь, тебя жду, как приходишь — несю блюда и плошки. Как ты рядом — я что рыба в воде, а как уходишь — я как креветка в кипящем масле... Хорошо ли? Братец, мне не хорошо! Не хочу так, сердце мое разрывается, не хочу тебя отпускать, и все тут!

Фэн Янь. Да не в том дело...

Жена Чжан Ина. Не в том, так в чем?!

Фэн Янь. Кто ж хочет уходить... Я пришел, ведомый страстью, и в эту бесприютную ночь, не исчерпав ее, я снова ухожу в дождь и вижу, как тихонько закрывается за мною калитка, а милая остается в этом чужом доме... Тепло объятий все еще на моей коже, на которую падают яростные капли дождя, одна, две, три, четыре, пять, это уже не слезы из глаз, а как будто все тело исходит слезами, целыми потоками слез! Если печалиться, так и плакать нужно всем своим естеством, иначе никак!

Жена Чжан Ина (*смеется сквозь слезы*). Братец, ну ты умеешь насмешить... У всех людей слезы льются из глаз, один ты по всему телу исходишь слезами, не зря ты мне полюбился, ты и обманываешь

так складно... Хотя и так, пусть знаю, что обманываешь, но рада дать себя обмануть... Братец, слышишь, я хочу, чтобы ты меня до конца дней моих обманывал. Слышишь? До конца дней...

Фэн Янь. Да не так...

Жена Чжан Ина. Опять не так. А как надо-то... Ну-ка, ты скажи!

Фэн Янь (*надел плащ, собирается уходить*). Кабы только мы с тобой, все бы и сладилось... А посередине разве не затесался этот твой Чжан Ин?

Жена Чжан Ина. Затесался Чжан Ин... И то верно... (*Опечаленно.*) Не хочешь вспоминать о нем, а приходится... Я ведь замужем, я ведь Чжан Ина жена. Да ведь? Была ночь — и то хорошо, и довольно... Да ведь? (*Фэн Янь собирается идти.*) Братец, побудь еще, не спеши.

Жена Чжан Ина устремляется к нему и слегка удерживает за рукав, они никак не могут расстаться. Появляется пьяный Чжан Ин.

Чжан Ин.

В ночи глубокой вернулся, в стельку пьян.

Проводили в дом, полусонного.

Винный дух мешается с ароматом мускуса и орхидей.

Вдруг очнулся.

Захотел.

Долго вздыхал, как жизнь коротка².

(*Колотит в дверь.*) Отпирай! Отпирай дверь!

Стук напугал Фэй Яня и жену Чжан Ина.

Жена Чжан Ина. Ох, беда! Чертяка сегодня раньше времени вернулся, братец, скорее! Скорей! Прячься, прячься... (*Тащит Фэн Яня к кровати, Фэн Янь собирается спрятаться под ней, но она его останавливает.*)

Внутри дома суматоха и беготня, а в это время снаружи продолжается монолог.

Чжан Ин (*стоит у двери*). Ваш покорный слуга Чжан Ин, помощник военачальника Юйянской армии, взял жену по имени Жухуа. Ох, и хороша! Только я пристрастился к чарке, каждый вечер непременно пьян, каждый раз иду с пирушки и думаю, что перед нею вроде как виноват. (*Оборачивается, тихо.*) Отпирай дверь, женушка!

² Стихотворение танского поэта Вэй Чжуана (836–910). В оригинальном стихотворении вторая строка гласит: «Ввели под полог с кистями, но так и не очнулся от хмеля»

Ж е н а Ч ж а н И н а . Нехорошо! Под кроватью холодно, а мы только что... Как бы братец не захворал там! Скорее! (*Тащит Фэн Яня к бамбуковой лежанке.*) Тоже не то, нечем прикрыть. (*Снова хватается Фэн Яня, тащит к сундуку для риса.*) Братец, давай-ка в сундук для риса, сидеть там душно, ты потерпи, как чертяка уснет, я тебя вызволю...

Ч ж а н И н (*устал звать, прислонился спиной к двери, громко*). Открывай, жена, открывай!

Жена Чжан Ина приводит в порядок лицо и прическу, бежит открывать.

Открывается дверь, входит Чжан Ин.

Ч ж а н И н . Жenuшка, виноват, вернулся поздно! Точно, ты ужинала ли? Если нет, я велю принести вина и закуску из харчевни, будем полуночничать!

Ж е н а Ч ж а н И н а (*меняет тон*). Полуночничать? Ты это мне или во сне бормочешь? Полуночничать? Поди, во сне разговариваешь. Поздно вернулся? Какой ты скромник, говорю тебе, вовсе не поздно, ты хоть всю ночь бы не возвращался, я бы и не заметила. (*Постепенно тон полностью меняется на свирепый.*)

Ч ж а н И н . Как ты разговариваешь, женушка, тише, а то соседи услышат... подумают, у нас с тобой разлад в семье случился!

Чжан Ин заходит и первым делом смотрит под кроватью.

Он хоть и говорит, что пьян, но ведет себя не как пьяный.

Ж е н а Ч ж а н И н а . Ах! Ты соседей боишься, поздней ночью вернулся пьяный, как недобитый гусь орешь перед дверью, а они и не слышали! А я вот не боюсь, туда дверь открылась, сюда — кто знает, тот скажет, что ты в ночи вернулся пьяный домой, а кто не знает, подумает, что у жены завелся любовник, а ты среди ночи примчался ловить их с поличным!

Чжан Ин в это время как раз облокотился о сундук для риса, еще хотел посмотреть тут и там, но, услышав слова «ловить с поличным», стесняется продолжать.

Ч ж а н И н . Застать с поличным? Кого? Начни я тебя подозревать, кто я такой буду, как у тебя язык повернулся! (*Оставил поиски.*)

Опять уселся пить.

Ч ж а н И н . Эх, жена, жена, не сердчай! Давай выпьем по чарке, выпьем по одной! Мы же на государевой службе, себе не принадлежим и тебя подводим. (*С этими словами идет застилать постель.*) Ух, и горяча эта кровать... вот, пока тепленькая, мы перед тобой заглядим вину... (*Пытается взобраться на кровать.*)

Крышка сундука приподнялась, Фэн Янь чуть высунулся и наблюдает.

Он хоть и ревнует, но и побаивается.

Жена Чжан Ина (*Крепко ухватив, тащит Чжан Ина назад*).
Не спеши-ка!

Напуганы оба мужчины. Жена Чжан Ина выступает вперед. Чжан Ин пытается продвинуться дальше, но не может, полулежит на кровати.

Жена Чжан Ина. Ночь дождливая и долгая, и ждала я, одинокая, кто бы мне согрел ноги, развлек разговором, но ты как вошел в дверь, дышишь перегаром, а на лице написано, что пьян-то не взаправду, даже смотреть противно!

Чжан Ин. Женушка, не надо так, мы чутка приняли, конечно, но в сердце все думали о тебе! Да что тут говорить, сейчас я заглажу свою вину, нечего разговоры разговаривать... Жена, при мне одном ругайся, сколько пожелаешь, но если кто посторонний услышит, как ты ругаться вздумала, то на смех поднимет...

Жена Чжан Ина. Вот хоть бы кто посторонний услышал!.. Пошел! Слезай! Слезай с кровати... ступай на лежанке спать. И слышь, ты! Среди ночи не приходи мне досаждать! Вовсе не желаю видеть твою грязную мерзкую рожу. Пошел! Ступай!

Весь спектакль разыгрывается специально для зрителя, сидящего в сундуке.

Чжан Ин. Хорошо, хорошо, я ушел. Боюсь, боюсь тебя, раньше бы знал — вовсе бы не возвращался!

Чжан Ин безнадежно сползает на бамбуковый лежак, стоящий возле кровати, выпивает еще глоток вина, ложится, при этом шапка Фэн Яня оказывается аккуратно у него под задом. Фэн Янь, сидя в сундуке, наблюдает все это и в ярости подскакивает, поднимая крышку сундука.

Фэн Янь. Ох, моя шапка! (*Кричать боится, чтобы не быть услышанным. Снова садится в сундук, продолжает говорить оттуда.*) Плохо дело, он придавил мою шапку. Ну взобрался на кровать и спал бы на кровати, зачем непременно для меня делать вид, что не спишь с ним в одной постели... Когда я не вижу, вместе ведь спите, так зачем же?! Ну отлично, спектакль сыгран, а вот шапка теперь придавлена его задом...

В это время Чжан Ин уже крепко спит, его жена тоже тихо лежит, притворяясь спящей. Тишина.

Фэн Янь (*выбирается из сундука. Можно говорить, выпрыгнув наружу*). Если уходить, то прямо сейчас, оставив шапку, в ночи никто не заметит. Но завтра проснется Чжан Ин, подвинет этот добрый человек свой зад, а там — вещь другого мужчины! А еще говорит, не завела любовника, даром вчера столько раз звал под дверь, а она не отпирала — и впрямь завела! Поспрашивает он ее, попринуждает —

да и выспросит, а тогда в лучшем случае — порка и отпускное письмо, вышвырнет ее обратно в родительский дом. А в худшем как бы до убийства не дошло, а если дойдет, то ведь и я окажусь замешан?.. (*Хочет забрать шапку, но не может.*) Вот ведь! Хочешь уйти — а никак! (*Забирается в сундук.*)

На сцене на время водворяется тишина. Фэн Янь снова потихоньку приподнимает крышку сундука, но, не имея возможности издать другой звук, пищит мышью.

Фэн Янь. И-и-и-и... и-и-и-и. (*Садится обратно.*)

Жена Чжан Ина сразу все поняла, за пологом зажглась лампада.

Жена Чжан Ина (*сначала осторожно посветила на Чжан Ина, притворилась, что разговаривает сама с собой. Тихо*). Уснул... (*Громко.*) Ты спишь! (*Чжан Ин не шелохнулся. Опять тихо*) И правда уснул. (*Начала бормотать себе под нос, но так, чтобы Фэн Янь мог слышать.*) Братец! Натерпелся... Такому видному человеку, как ты, навряд когда-нибудь пришлось бы прятаться в сундуке для риса, мне перед тобою совестно. Да ведь тайным любовникам все приходится терпеть неудобства, что поделаешь... Потерпи еще чуть-чуть, уже иду...

Они думают о разном. Фэн Янь встал, приподняв крышку сундука, жестами велит ей не подходить, и рукой указывает на шапку, придавленную телом Чжан Ина.

Жена Чжан Ина (*смотрит и не понимает. Тихо*). Что?!

Фэн Янь (*остервенело машет руками*). Шапка, моя шапка! (*Вид такой, будто он готов кого-то убить.*)

Жена Чжан Ина не понимает, тихо подходит к спящему Чжан Ину и глазами снова спрашивает Фэн Яня, тот показывает: там, под чжаниновым задом, — шапка.

Жена Чжан Ина (*сама с собой*). Что же ему нужно? (*Видит, что в районе пояса у Чжан Ина есть только меч.*) Ох-ох! Плохо дело, он просит меч?! (*Бросила взгляд на сундук, напуганный Фэн Янь опустил крышку.*) Ох! Он попросил меч! Он осмелился попросить меч! (*Она внезапно счастлива, но в нерешительности, лампада дрожит в ее руке.*) Он... Неужели ему и правда нужен меч? (*Снова оглядывается на сундук.*) Ай-ай! А я-то боялась, что он сбежит, что упорхнет! Боялась, что робок, что не сильно любит! А он вот просит меч! (*Поднимает лампаду, размахивая рукавами поет на мелодию куньцзюй.*)

Избавь от расспросов,
Не спрашивай.
Вопросы лишь множат досаду.
Осенние воды заполнили пруд.
Милуются утки мандаринки.

Всю ночь проливной лил дождь,
А перед рассветом похолодало.
А я все думаю о дорогом супруге,
Как расстались — так в сердце родилась досада...³

(Закончив петь, тихо встает на колени у пояса Чжан Ина, с превеликой осторожностью медленно извлекает из ножен меч.)

В то время, как она достает меч из ножен, Фэн Янь медленно встает, приподнимая крышку сундука. Скорость их движений одинакова.

Фэн Янь *(сам с собой)*. Ох! Ох! Она... что это она делает! Что делает?!? Как будто достает меч, меч достает, ох! Достает меч! Зачем? Зачем она его достает? И правда, достает меч! Она... она достала его! *(Выскочил из сундука, запрыгнул обратно.)*

Меч извлечен, напуганный Фэн Янь усаживается в сундук, крышка захлопывается со стуком. Жена Чжан Ина высоко поднимает меч.

Жена Чжан Ина. О меч, подобный осенним водам, драгоценный меч, подобный осенним водам, я одолжу тебя, чтобы добыть свое счастье... *(Танцевальным движением перемещается к сундуку, мечом стучит по крышке.)*

Жена Чжан Ина. Братец, вот он меч, держи!.. Братец! Держи, вот он, меч...

В сундуке тихо. Далее монолог Фэн Яня, который разговаривает сам с собой внутри сундука.

Фэн Янь. Она достала меч, это несомненно настоящий меч. Я просил ее забрать мою шапку, а она возьми да и достань меч. Зачем доставать меч? Достала меч, значит, хочет кого-то убить... Неужели меня? Нет, не так. Она хочет, чтобы я кого-то убил! *(Со стуком вскакивает, осторожно садится обратно.)* Кого же? Чжан Ина! Убил! За что Чжан Ина убивать? Откуда... откуда в ней такая злоба! Она?! Ох ты ж, я просил всего лишь шапку, а она мне подала меч для убийства!

Со стуком откидывает крышку и показывается наружу.

Жена Чжан Ина. Братец, вот — я принесла меч!

Фэн Янь раздосадован, но не знает, как выплеснуть эту досаду. Со стуком снова бухается на дно сундука. Сидит в сундуке.

³ Стихотворение Мао Вэньси, поэта периода конца Тан — начала эпохи Пяти династий, «На мелодию цзуйхуацзянь — Избавь от расспросов». Две последние строчки несколько изменены: в оригинальном стихотворении речь идет о супруге, служащем на далекой приграничной заставе, здесь же этого нет. Кроме того, последнюю строку стихотворения, проскандированного героиней, можно толковать также следующим образом: «Как порешили — сразу родилась ненависть».

Жена Чжан Ина. Братец, я принесла меч! Братец, меч, я для тебя его достала! Давай, покажись! Скорее вылезай, счастье уже близко!

Фэн Янь (*сидит в сундуке и не высовывается*). Ай! А я вот тебя прошу... Тебе зачем меч?

Жена Чжан Ина. Ох! Смеешься, поди... Братец, как зачем меч? Конечно, чтобы убивать... Братец, я и не думала, что несколько моих слезинок тронут твое сердце... Братец, ты когда сейчас попросил меня достать меч, я почти поверить не могла! Но когда поверила, в сердце такая радость безумная, подумай, сегодня ночью расправимся с этим, постылым, и впредь на краю Поднебесной, за морями, в зимнюю стужу и летнее тепло, будем мы спать в одной постели, на одной подушке, это ж как за одну жизнь две жизни прожить! Вот так, запросто, получить еще одну жизнь, братец... Ты ведь не боишься... Братец, пока он крепко спит, бери меч, и вперед!

Фэн Янь показывается, брови нахмурены. Приняв танцевальную позу, берет меч и крутит его в руке, стоит в глубоком раздумье.

Жена Чжан Ина. О, братец, чего же ты еще ждешь!

Фэн Янь. Дай мне подумать...

Жена Чжан Ина. О чем же думать?

Фэн Янь. Подумать... кого убивать?

Жена Чжан Ина (*удивленно*). Ох, братец, потешаешься?! Кого убивать, что тут думать? Конечно, убить этого постылого. Неужто в Поднебесной еще есть кого убивать...

Фэн Янь. Да, нет ли в Поднебесной еще кого-то, кого следовало бы убить? Вот уж не думал, что под небесами есть столь отвратительная злая женщина, как ты, которая к законному супругу ни капли ни чувства не знает, ни долга. Я просил подать всего лишь шапку, ты же подала мне меч. Довольно! Хватит! Эх, меч-меч, убьем-ка мы с тобой эту женщину! (*Взмахивает мечом, жена Чжан Ина падает замертво.*)

Фэн Янь убил жену Чжан Ина и, остолбенев, смотрит на нее. Роняет меч из рук, чуть медлит, затем бесстрашно выдергивает шапку из под Чжан Ина, с геройским видом уходит со сцены. Как только он выходит за бутафорскую дверь, лежащая замертво жена Чжан Ина медленно садится. Неторопливо зовет его, ее спокойный голос сразу переносит нас на тысячу лет вперед, в наше время.

Жена Чжан Ина. Подожди. Эй, Фэн Янь, постой... (*Вышла из образа. Говорит на современном языке.*)

Фэн Янь. Что опять не так? (*Сердится, возвращается, снимает только что надетую шапку.*)

Жена Чжан Ина. Ничего. Иди-ка сюда... Эй, братец, поди сюда! Пожалуйста, подойди.

Фэн Янь. Если все время так будет, то играть эту пьесу мы дальше не сможем.

Жена Чжан Ина. Не сможем, так давайте пока и не будем... Давайте прервемся? Подойди, возьми меч... Пойди сюда! Давай же... иди! Да что такого-то, подойди, возьми меч, так, держи, хорошо, теперь поближе, еще... Ага! Еще раз меня заруби. *(Принимает вид смиренно ожидающего казни.)* Давай... давай, руби... поближе, стой! Не спеши! Сначала принюхайся... да не целуй, а принюхайся! Вот, еще поближе, и принюхайся, втягивай воздух, хорошенько понюхай, эти шея и скулы ничем знакомым не пахнут? Нюхай! Приятно пахнет? Ну-ка нюхай, знакомо?.. Как тебе может быть незнакомо? Получаса не прошло, как мы с тобой на этой самой резной кровати возносились к облакам и низвергались в бездну, были родным братцем и милой сестрицей, никак не могли намыловаться, и вот, из-за того, что ты хочешь поскорее надеть шапку и смыться, а я не так все поняла, подала тебе эту саблю...

Фэн Янь. Меч...

Жена Чжан Ина. О, прошу прощения, меч. А я всего лишь не так тебя поняла и дала тебе меч. И ты поэтому тем самым мечом меня и зарубишь? Ближе, не отводи взгляд, смотри как следует. И острым лезвием рассечешь белоснежную кожу на шее, которую ты столько раз обнимал, на которой еще остался твой запах? Ха! Интересно, только что любил до смерти, а сейчас убьешь насмерть, за такое короткое время, как ты сможешь! Подумай... сначала подумай, а потом убивай меня снова.

У Фэн Яня не осталось ни капли решимости. Он отступает.

Жена Чжан Ина. Давай еще раз на пробу, попробуем поймать верное, то самое ощущение. Поднимай меч, руби!

Фэн Янь *(не в силах поднять руку)*. Не могу!

Жена Чжан Ина. Не можешь, о, интересно, с чего вдруг? Ну-ка, руби!

Фэн Янь. Не могу! Теперь, когда ты все это сказала, как я тебя зарублю...

Жена Чжан Ина. Что значит, я сказала? Как будто я что-то не то сказала и все на самом деле не так? Ситуация не такая? Ты ведь всегда хотел соединить нежность любовного переживания с холодной жестокостью убийства? Разве убить меня — не твое истинное желание? Давай, убивай!

Фэн Янь. А почему я?

Жена Чжан Ина. Если не ты, то кто... *(Все еще в театральном старинном костюме закуривает сигарету.)*

Фэн Янь. Почему я-то? История танских времен⁴, тысячелетней давности. Того человека звали Фэн Янь, в то время превыше всего ставили права и интересы мужчин. И вот женщина предается тайному любовному увлечению, а после еще хочет убить мужа. Как ее оставить в живых, конечно, нужно убить, это не я ее убиваю, а та эпоха... В ту эпоху она существовать не могла, какое это ко мне имеет отношение?

Жена Чжан Ина. К тебе не имеет отношения? Отлично, спросим иначе, скажи-ка мне, из нас троих кто скорее должен убить меня... А?.. Понял, о чем я?

Фэн Янь (*не реагирует*). Какие трое, трое в пьесе или в жизни? А! Слушай, Ин-цзы, я сначала вот что скажу, ты первым делом раздели спектакль и реальную жизнь! Трое в жизни — совсем не то, что трое в пьесе, их разделяет больше тысячи лет... А за героя пьесы я отвечать не могу.

Жена Чжан Ина (*не слушает*). Да все равно мне, то или не то. У кого больше причин меня убить, у тебя или у него? (*Указывает на Чжан Ина.*)

Фэн Янь. Конечно, у твоего законного мужа...

Жена Чжан Ина. Верно подмечено, спасибо, что сохранил способность к суждению. Тогда у тебя какие причины меня убивать?.. То в постели исходит на облака и дождик, то хватается меч и, изображая героя, защищает какие-то интересы мужчин, как говорится, приносит чувства в жертву справедливости, ха! Что ты за мужчина такой?

Фэн Янь. Я, я? Почему я такой мужчина, так в пьесе написано, ко мне какое это имеет отношение... Похоже, я начинаю понимать. Повторюсь, для начала давай отделим театральное действие от реальной жизни, ты сейчас играешь жену Чжан Ина, я играю Фэн Яня, человека танской эпохи, это вообще все — сюжет танской новеллы, история из книги «Слова, служащие образцом для всего мира». А (*тихо*) наша с тобой история — это современная история, к танскому времени отношения не имеющая, не смешивай персонажей пьесы с реальными людьми, ладно?

Жена Чжан Ина. А все одно...

Фэн Янь. Ну! Опять за свое! Ты ведь тоже играешь столько лет в театре, должна понимать, зачем же смешивать сцену и жизнь! Фэн Янь — это Фэн Янь, а я — это я.

Жена Чжан Ина. Если я говорю, что вы с Фэн Янем — одного поля ягоды, то, конечно, что-то имею в виду... Желаете послушать?

Фэн Янь. Не желаю!

⁴ В основе сюжета пьесы — произведение из сборника повестей минского автора Лу Жэньлуна «Слова, служащие образцом для всего мира».

Жена Чжан Ина. А я все-таки скажу! Почему в последнее время ты не отвечаешь на звонки, от чего ты прячешься, чего опасаться, а? Играешь ты Фэн Яня, а мысли об убийстве у тебя в глазах — твои собственные, там и тени танского времени нет. С начала репетиций до сегодняшнего дня мы отыграли уже десять раз, и я все смотрела, как ты с остервенением убийцы хочешь вырвать меня из своего сердца!

Фэн Янь. Я? Почему же это я, это Фэн Янь, и убить он хочет не тебя, а жену Чжан Ина, героиню танского времени. Мы еще спектакль не поставили, а уже сами запутались. Вот что! Давай о пьесе говорить как о пьесе, нечего сбивать меня с толку!

Жена Чжан Ина. Никого я не сбиваю с толку! Это ты прикрываешься героем танского времени, но скрыть свои мысли не можешь. Что тут говорить, давай-ка, братец, на, держи (*берет меч*) этот меч, та-а-ак, держи крепче, потрогай его лезвие, которым можно перерубить шею, почувствуй, насколько в твоих руках он выдает все тайные мысли об убийстве. Такое разве спрячешь? Братец, признай, ты меня ненавидишь ненавистью Фэн Яня, так ненавидишь, что в своем сердце меня уже раз сто убил! Да ведь? Верно я говорю? Братец, еще ближе подойди, зажми вот здесь, у уха, где пульс, зажми там... Почувствовал? Бьется и бьется... Стоит тебе взмахнуть рукой — и ты разрешишь свою ненависть. Твоя ненависть закончится, но то, что бьется в моем сердце, как радуга, вырвется наружу, зальет весь мир яркими красками, приведет в полный хаос. Такой беспорядок, что ты не соберешь. Ты ведь убить меня хочешь, я это давно поняла, что же ты не хочешь убить свою Чунхун!

Фэн Янь. Договорилась... Какие яркие краски?.. Что не соберешь?.. Ин-цзы, ты мне, похоже, угрожаешь... запугиваешь меня от имени жены Чжан Ина! Уже репетируем, так давай репетировать, не надо в чужие уста вкладывать собственные мысли! Я на такое не клюну!

Жена Чжан Ина. Ха! Зачем мне говорить чужими устами, у меня у самой есть рот. Я-то как раз не такая, как ты. Одалживать у древних трехфутовый меч, чтобы выплеснуть собственную ненависть. Если хватит пороха, ты сойди со сцены и так же заруби меня, а я посмотрю. Фу! Как я тебя презираю... (*Звонит сотовый телефон.*)

Жена Чжан Ина. Да?.. Вот как!.. Нет, еще не закончили репетировать... не нужно, не нужно, я сама на машине доеду, ты ложись, не жди. Хорошо, давай! Спокойной ночи.

Фэн Янь. Хватит болтать, репетируем.

Жена Чжан Ина. Подожди, еще не договорили.

Фэн Янь. Нет, это уже невыносимо! Мы тут репетируем, играем спектакль, зачем вмешивать собственные дела... Ин-цзы, давай для начала успокоимся, чуть побудем спокойными, ладно?

Жена Чжан Ина. Тут убийство. Какое спокойствие?.. Я...

Фэн Янь. Не говори ничего, я для начала положу меч, давай сначала обсудим спектакль, а потом все остальное, ладно?! *(Хочет положить меч.)*

Жена Чжан Ина. Нет, ты все-таки сначала меня заруби...

Фэн Янь. Не буду...

Жена Чжан Ина. Ну убей меня...

Фэн Янь. Не буду. Пока не буду. Сначала присядем, посидим, все обдумаем, а потом будем говорить про убийство, хорошо?!

Все замолкают. Чжан Ин все это время проспал, а сейчас зашевелился, говорит, не вставая с лежанки.

Чжан Ин. Ну, убили? *(Как будто декламирует.)*

Фэн Янь. Нет еще!

Чжан Ин. Что-то сегодня дело еще медленнее идет, я даже задремал, а вы еще не закончили. Убивать вообще-то дело небыстрое, вы продолжайте. А как закончите, окликните меня. *(Переворачивается на живот и снова засыпает.)*

Опять тишина.

Фэн Янь. Ин-цзы... Ин-цзы! *(Далее сентиментальный диалог.)*

Жена Чжан Ина. Братец!

Фэн Янь. Сначала я объяснюсь. У нас с тобой такой спектакль вышел вместо этой пьесы, вот сейчас. Давай с тобой поговорим не про пьесу. Ты присядь, присядь куда-нибудь... Я принесу что-нибудь перекусить. Мы не торопясь поедим, поболтаем. *(Встает, идет к кухонному шкафу за едой.)*

Жена Чжан Ина *(глубоко тронута)*. Брат, ты... все такой же заботливый.

Фэн Янь. Ты это сказала, и мне довольно. Заботиться день-два легко, но я о тебе забочусь уже третий год, и мне действительно не просто. *(Тоже впадает в трагизм.)*

Жена Чжан Ина. Тебе надоело.

Фэн Янь. Нет, я просто привык, если и правда настанет день, когда не о ком станет заботиться, станет так пусто, что аж страшно.

Жена Чжан Ина. Не говори так, счастливые дни — это счастливые дни. Хотя мы и ссоримся, и ругаемся, но если и правда однажды каждый пойдет своей дорогой, этих счастливых дней ничто не изменит... Если ты меня сегодня убьешь, это не значит, что вчерашняя любовь и нежность были ненастоящими, это совсем не так, и я не это имела в виду... Счастливые дни — это счастливые дни, даже один по-настоящему радостный день — это уже немало... Брат, ты сядь. Ого! Еще и вино...

Фэн Янь. Есть такое... это Чньхун, она принесла...

Жена Чжан Ина. Все-таки так любит тебя.

Фэн Янь. Не говори так. Если бы любила, то не стояла бы между нами так долго, а давно бы со мной рассталась, это — истинная любовь ко мне... Она ненавидит меня, досадует на меня, злится, не может отпустить... Но только не любит... Подумать только, она позволила мне взять с собой вино, хотя отлично знает, что мы с тобой вместе репетируем, а ты не прочь выпить, а ей все равно, как будто специально для тебя заготовила.

Жена Чжан Ина. Вот это вино?

Фэн Янь. Она сама его настаивала. Пей.

Жена Чжан Ина. Не будем о ней, давай пить, я тебе налью немного... Пей, пей первым. А потом поиграем в застольную игру, так веселее.

Фэн Янь. Репетиция идет, какие игры... Просто выпьем по глотку! Пей.

Жена Чжан Ина. Ладно, я пью первой... Ну-ка... Давай проясную луну, без застольной игры невесело. Начинаю... Весенний цвет и ясная луна, когда им положен срок, а в прошлом столько дел. Продолжай!

Фэн Янь. Настроения нет, ты пей.

Жена Чжан Ина. Тогда поешь чего-нибудь... Стой, я тебя покормлю. Ты ешь, а я буду пить. Что за странный запах у этого вина?

Фэн Янь. Это же собственного приготовления, пей давай.

Проснулся Чжан Ин.

Чжан Ин (*усаживаясь, произносит монолог. Декламирует*). Ха! Слыхали! Причмокивают угощением, потягивают вино, опять уселись пить! Даже не подумали поделиться. Впрочем, позови они меня, я бы не пошел, не то чтобы я их чуждаюсь, просто смотреть на это не могу. Только что размахивали мечом, убивали друг друга и опять мирно уселись пить. Я вот что вам скажу: это ведь не первый день; если бы первый, я бы всего этого не говорил. Уже больше десятка дней, от-репетировали до этого момента, и дальше никак. То убить не может, то худо-бедно убьет, а она опять оживает. Ну и как дальше репетировать-то? Тут дело не в чем ином, как в личных чувствах, вы это, наверное, тоже заметили. Наша барышня, как дело дошло до резни, устроила такой спектакль, в один миг переместилась на тысячу лет вперед. И начала говорить о своем. А чем дальше говорит, тем непонятнее. «За что меня убивать?» — да, дело спросила, только что миловались в постели, и только из-за того, что она не сообразила, подать меч или подать шапку, ее рубить. Бах! Один взмах — и нет человека, и лад-

но, красоты ее не пожалел, сломал, как ивовую веточку, даже как-то слишком бессердечно. Вот мы с вами досюда договорили, и смотрите — ведь на самом деле хвататься за меч, идти войной, хотеть всех зарубить должен вообще-то я. Ведь вы смотрите, из этих троих я правее всех, убей я тайного любовника или покарай неверную жену, справедливость на моей стороне! Так ведь! Только я на такое не пойду, я знаю, что убивать людей незаконно, я не буду никого убивать и пить с ними вместе сейчас не буду, пойду-ка я лучше спать. *(Договорив, укладывается обратно.)* Вы пейте, а я еще чуток посплю!

Жена Чжан Ина. Брат, выпей со мной. Давай, давай!

Фэн Янь. Не хочу я пить...

Жена Чжан Ина. Не хочешь?!. Брат, да что с тобой, ни любви тебе не надо, ни вина, я тебя прямо не узнаю. Ты вообще мужик?

Фэн Янь. Выбирай выражения, вина мне, конечно, не надо, но от любви не помню, чтобы отказывался. Вообще, как говорится, если не мужик, что же ты вьешься вокруг меня, или в Поднебесной другие мужчины уже вымерли?

Жена Чжан Ина. Да, похоже все-таки вымерли, иначе не стали бы ставить дурацкую пьесу, в которой убивают женщину!

Фэн Янь. Ну если не тебя, то кого убивать? Кого-то ведь надо?

Жена Чжан Ина. Ну, кого сейчас нужно убить, ты должен сам понимать... *(Указывает на Чжан Ина.)*

Фэн Янь. Я не понимаю, в пьесе прописано, что убивают тебя. Уже больше десяти дней не можем убить, и все тут. Никак. Если и дальше не сможем, то пьесу поставить не получится... Ох, ты же не хочешь заставить меня убить Чжан Ина?! Да что же...

Сказав это, сам испугался и ищет, чем перекрыть эту фразу.

Жена Чжан Ина. Не увиливай, брат, уже сказал, так не увиливай, не делай вид, что случайно обмолвился. Брат, а ты сам разве не думал о том, чтобы убить Чжан Ина?

Фэн Янь. Нет!

Жена Чжан Ина. Нет? Цитируя пьесу, не пускай мне пыль в глаза, как будто ты такой невинный, нет? Мог ли ты не думать об этом?!

Фэн Янь *(молчит)*. ...

Жена Чжан Ина. Думал ведь, а? Запомнил или сказать боишься?

Фэн Янь. С чего ты взяла, что я об этом думал?

Жена Чжан Ина. В позапрошлом году, когда весной потеплело и распустились цветы, вспоминай, под персиковым деревом в горах Сишань... Вспомнил? В три часа пополудни... «самый спокойный и ленивый час». Ты читал газету, велел мне исправлять твое

произношение... и случайно наткнулся на объявление о поиске человека... «По имени такой-то, рост 182 см, большие глаза, высокий лоб, десять дней назад внезапно ушел из дома и до настоящего времени не вернулся. Если вам что-либо известно, просьба сообщить госпоже Фэн-цзы... Милый, если ты читаешь это объявление, срочно свяжись со мной, я была права». Когда ты дочитал до этого места, то вдруг остановился... В этот момент весеннее солнце освещало твое лицо сквозь цветы персика, и оно, как во сне, то появлялось, то исчезало, я смотрела на тебя, а ты никогда еще не был таким сосредоточенным, как будто бы время для тебя остановилось... И когда я на тебя смотрела, может, мне это привиделось, или я на мгновение впала в забытие, ты вдруг пропал, я второпях протянула руку, чтобы дотронуться до тебя, но не смогла, рука ощутила пустоту, как будто тебя окружили вдруг взметнувшиеся вверх лепестки цветов и ты исчез. В ту секунду мое сердце пронзила боль, подобная той тоске, что возникает при виде облетевших цветов, такая же беспомощность... Я было хотела закричать, но ты внезапно вернулся, я ясно увидела тебя перед собой, так отчетливо, как никогда раньше. Мгновение? Или тысяча лет? Возвратившийся ты казался чуть чужим, чуть близким, чуть непонятным, чуть смущенным, в тебе была невыразимая сложность и сила чувства, как будто ты увидел свое будущее перерождение... И в тот момент ты это и сказал.

Фэн Янь. Сказал что?

Жена Чжан Ина. То, чего не было в газете.

Фэн Янь. Что же?

Жена Чжан Ина. Ты должен помнить!

Фэн Янь. Я не помню!

Жена Чжан Ина. Хорошо, я напомню... Ты спросил меня, если бы этот пропавший был Лю Синем, что бы ты сделала?.. Ты спросил, что бы случилось, если бы мой муж, Лю Синь, пропал без вести. То, с каким видом ты это спросил, меня удивило и напугало, ты никогда еще не был так сосредоточен, смотрел на меня, совершенно не скрываясь, и спрашивал, что бы случилось, если бы Лю Синь пропал. Я тогда не знала, что ответить... Меня напугал твой вид, я разглядела за твоими словами окровавленное тело Лю Синя. Прошло много времени, прежде чем я спросила тебя, с чего бы Лю Синь вдруг пропал? Я пожалела тотчас же, как спросила об этом... Сначала я боялась, что ты дашь тот самый пугающий ответ, а потом начала его ждать... хотела услышать, как ты скажешь правду...

Фэн Янь. Что же я сказал?

Жена Чжан Ина. Ты... ты ничего не сказал, только смотрел на меня, мне в лицо, и видел, наверное, при этом, написанный на нем

испуг. Твой взгляд постепенно перестал быть сосредоточенным... Ты беззаботно улыбнулся и мгновенно переменялся. Минуту назад на твоём лице явственно читалась свирепая мысль об убийстве, но, увидев мой испуг, ты струсил... Ты прикрылся фальшивой улыбкой, которой пользуешься на сцене, и улыбался... Брат, признайся, ты ведь думал об этом, и не один раз... Ты думал об убийстве.

Фэн Янь. Ложь! Ложь под цветами персика! Выдуманная под персиковым деревом нелепица. Убивать? Ин-цзы, ты меня восхищаешь, ты можешь так правдиво рассказывать выдуманную историю! Тебя это саму не утомило? Я-то мастер сочинять, но ты меня превзошла. Знаешь, я только что почти тебе поверил... Хорошо хоть, что ты все же сохранила немного уважения к реальным фактам.

Жена Чжан Ина. Реальный факт в том, что ты хотел, чтобы Лю Синя не стало...

Фэн Янь. Факт — это то, что я ничего не говорил и ничего не хотел... Я знаю, что скажу тебе, Ин-цзы: можешь сочинять истории, но не делай этого под цветущим персиком. Ты же знаешь, я люблю цветы персика. А эта твоя ложь уничтожила все цветы персика в Поднебесной! Подумай, кто же замышляет убийство под персиковым деревом в цвету... подумай об этом!

Жена Чжан Ина. Тогда ты вовсе не думал о цветах, ты был очень рассеян... или слишком сосредоточен... Не отрицай, тогда мысли об убийстве тебя полностью захватили.

Фэн Янь. Меня захватили, меня? Если и захватили, то это были другие мысли... Послушай меня.

Жена Чжан Ина. Не буду слушать.

Фэн Янь. Нет, слушай! В тот день я нечаянно наткнулся на объявление о поиске пропавшего, объявление о поиске любимого весной, а это ведь весна вдвойне, и та девушка в конце не написала ничего лишнего, не писала, что любит его, чтобы он вернулся. Написала только, что была неправа. Весной, в пору, когда раскрываются цветы, она сказала ему три слова, и это были «я была неправа». Это не просто трогательно, а по-настоящему трагично. Что еще так может растрогать человека под цветущим персиковым деревом, как не это признание собственной ошибки, любовь под цветущим персиком. Ин-цзы, ты верно сказала, я был сосредоточен... Но думал я не об убийстве, а о любви! В тот момент единственное, о чем я жалел, что те три слова сказала не ты! Я спросил тебя, спросил, если однажды я исчезну, что ты...

Жена Чжан Ина. Какая наглая ложь, чудовищная ложь! Еще более поэтичная, чем моя правдивая история. Перестань, брат, ты спросил не о том, что будет, если ты исчезнешь, ты спросил про Лю

Синя, а не про себя. Какая трагедия, какой романтизм, настоящая романтика, ты любишь цветы персика... Весна вдвойне... Я была неправа... Как, в самом деле, романтично! Жаль только, что ты спросил не о том человеке и весна в ту же секунду превратилась в лютую зиму! Брат, под цветущим персиком про убийство подумал ты.

Фэн Янь. Как бы я смог весной спросить тебя о чувствах к другому мужчине?! Как бы я смог разрушить эти трогательные слова, произнесенные под цветами персика, ради другого? Ин-цзы, не переключай с больной головы на здоровую. Я люблю цветы персика...

Жена Чжан Ина. Перестань, ты влюблен в злые помыслы под персиковым деревом.

Фэн Янь. Это ты подумала об убийстве, вдохновленная этим объявлением, ты задумала, убив его, написать такое же объявление о поиске, чтобы отвести подозрения.

Жена Чжан Ина. Только ты бы мог такое подумать. Если бы я кого-нибудь и убила, зачем мне писать такое объявление, да еще и признавать ошибку!

Фэн Янь. Под персиковым деревом в цвету я думал о любви, а ты — о ненависти, я просил шапку, а ты подала мне меч... *(Произносит это на одном дыхании, оба мгновенно вернулись в образ, смотрят друг на друга.)* Вот как все было!

Жена Чжан Ина. ...вот как было. Один из нас говорит против совести... Вот к какому ты пришел выводу...

Чжан Ин. О! До сих пор не убил... Все разговаривают.

Жена Чжан Ина *(молчит)*. ...

Чжан Ин. Вот что такое крутить роман... Мне кажется, скорее, крутится ненависть, обида, более сильная, чем ненависть. О чем тут вообще говорить. Кто же это сказал, что ненависть — это составляющая любви? Тут круговорот недопонимания, гнева, досады... Неужто все это — составляющие любовной истории? А когда двоим не о чем будет разговаривать, да и незачем, наоборот, тут и конец придет? Ох, скорее уже убивайте, как убьете, позовите меня, я хочу пораньше вернуться домой! *(Произносит все это сидя, договорив, снова укладывается и засыпает.)*

Жена Чжан Ина. И что же делать?

Фэн Янь. Делать с чем?

Жена Чжан Ина. Что делать с Чжан Ином?

Фэн Янь. Что тут рассуждать, как в сценарии написано, так и поступать: я тебя убью, а вину взвалю на него, приговорят к смерти, а в самом конце я спасу его прямо во время суда. Так и поступить.

Жена Чжан Ина. Полдня тебе объясняла, а ты так и не понял? Этот меч не может убить меня!

Фэн Янь. Тогда кого же?

Жена Чжан Ина. Ты сам только что сказал!

Фэн Янь. Убить Чжан Ина? Ин-цзы, ты на протяжении десяти с лишним дней намекала, что я должен убить...

Жена Чжан Ина. Думай что хочешь. А я тебя спрошу, если можно убить меня, почему нельзя его?

Фэн Янь *(доведен до крайности)*. Хорошо! Хорошо, раз ты непременно этого хочешь, давай уьем разок и посмотрим, что получится... Предупреждаю, я не знаю, чем это может закончиться. *(Забирается в сундук для риса.)* Неси меч. Буду убивать, убивать человека!

Фэн Янь скрылся в сундуке для риса.

Жена Чжан Ина *(поднимает с пола меч)*. Откуда начинаем?

Фэн Янь. Как тебе угодно!

Тишина, жена Чжан Ина задумалась.

Жена Чжан Ина *(берет меч, и возвращаясь к пассажи, с которого начинается сцена, внезапно делает танцевальное движение)*. О драгоценный меч, подобный осенним водам, я одолжу тебя, чтобы добыть свое счастье. *(Снова танцевальным движением перемещается к сундуку, мечом стучит по крышке.)*

Жена Чжан Ина. Братец, меч, вот меч, я принесла тебе меч!.. *(Ударяет по крышке.)*

Крышка со стуком поднимается. Фэн Янь встает. Выбирается из сундука, берет меч. Делает танцевальное движение.

Фэн Янь. О! Меч, и вправду меч? И впрямь драгоценный меч... Я ждал тебя, надеялся, а тебя все не было. Что же, сегодня ты появился ко времени.

Фэн Янь застывает с поднятой в сценическом шаге ногой. Танцевальным движением обходит сцену. Поравнявшись с Чжан Ином, наблюдает, как тот безмятежно спит. Снова танцует.

Жена Чжан Ина. Меня ты убивал проворнее, а как настал черед его убивать, и поёшь, и танцуешь, ходишь туда-сюда и никак не можешь поднять руку.

Фэн Янь. Брат, ты...ты так безмятежно спишь, глядя на тебя, спящего, как мне решиться поднять руку. Довольно! Довольно! Хватит! Брат, когда попадешь в загробный мир и станешь духом, не взыщи с меня, вини себя, что не ту взял в жены. Братец, отправляйся спать навечно! *(Со свистом замахивается, меч опускается.)*

Премит музыка. Чжан Ин на лежанке от испуга изгибается, как креветка, лежанка ударяет об пол, женский халат, которым он укрыт, падает на землю. Выпучив глаза, громко кричит.

Чжан Ин. Ай! Ох! Взаправду убил, уби-и-ил! Меня убили!

Выпрямляется, с грохотом падает на пол. Тишина. Двое стоят в полном молчании. Жена Чжан Ина пугается. Играет малый гонг танло. Отчаяние и ужас.

Жена Чжан Ина (*тихо*). Братец... братец!

Фэн Янь. Я тут.

Жена Чжан Ина. Взаправду, взаправду убил...

Фэн Янь. Да, убил!

Жена Чжан Ина. Кровь... течет кровь.

Фэн Янь. Течет.

Жена Чжан Ина. Он не шевелится?

Фэн Янь. Не шевелится.

Жена Чжан Ина. И на полу кровь?

Фэн Янь. И на полу...

Жена Чжан Ина. Я... я подойду погляжу!

Фэн Янь. Не надо, он мертв, чего смотреть?

Жена Чжан Ина. Мертв... Он ведь был моим мужем, если умер, я хочу в последний раз взглянуть на него.

Фэн Янь (*преграждает ей путь*). Можно и не смотреть, уже ведь умер, пусть и будет мертвым.

Жена Чжан Ина (*не знает, куда податься*). Братец, он правда мертв?

Фэн Янь. Правда.

Жена Чжан Ина. А мы... Братец, что с нами будет? (*Берет его за руку и вскрикивает.*) А! Братец, почему твои руки такие холодные...

Фэн Янь. Разве только руки... Кроме рта, жадно глотающего воздух, все тело будто онемело.

Жена Чжан Ина. Братец, ты боишься.

Фэн Янь. Слабо сказано — боюсь.

Жена Чжан Ина. Братец, не бойся, надобно думать, что делать...

Фэн Янь. Что делать? Пока не спрашивай... Я присяду... Дай-ка я присяду ненадолго... (*Неверной походкой идет в сторону Чжан Ина.*)

Жена Чжан Ина. Ох! Братец, не ходи туда. Там мертвое тело, не ходи, иди сюда. Садись здесь, вот сюда. Поближе ко мне. Прижмись ко мне, братец...

Фэн Янь. Вправду убит?..

Жена Чжан Ина. Убит!

Фэн Янь. Это правда я сделал?

Жена Чжан Ина. Правда ты...

Фэн Янь. Он может еще ожить?

Жена Чжан Ина. Братец, не может, люди не оживают, он умер.
Фэн Янь. Если он умер, что же нам делать?
Жена Чжан Ина. Это я тебя хотела спросить!
Фэн Янь. погоди, я посмотрю, вправду ли он умер...
Жена Чжан Ина. Не ходи. Вправду умер.
Фэн Янь. Ты же не видела, откуда тебе знать?
Жена Чжан Ина. Брат, тут и смотреть не надо, так долго, а он не шелохнется.
Фэн Янь. Значит, и впрямь умер... Значит, и впрямь...
Жена Чжан Ина. Брат, нам нельзя мешкать, скоро рассветет, придумай что-нибудь!
Фэн Янь. Что тут придумаешь! Разве не ты этого дня ждала? Тебе и придумывать.
Жена Чжан Ина. Брат, нам только и остается, что бежать...
Фэн Янь. Только бежать?
Жена Чжан Ина. Только бежать... Брат! погоди, я соберу несколько платьев... *(Договорив, заливается слезами, пытается их скрыть.)*

Собирает одежду.

Фэн Янь. Ты... ты заплакала, ты плачешь?! Ты заставила меня убить человека, и ты же плачешь...
Жена Чжан Ина. Не в том дело, братец. В этом доме я прожила без малого десять лет, и вот как обернулось, вдруг нужно бежать и даже жаль немного. И кровать, и простыни, и стул этот, доски, сундук для риса — не видать мне их больше.
Фэн Янь. Так зачем же ты мне тогда дала меч? Зачем?
Жена Чжан Ина. Ты же его попросил.
Фэн Янь. Как я мог попросить меч, я просил подать шапку, а ты мне дала меч!
Жена Чжан Ина. Братец, потише. Правды тут не доискаться. Он убит *(плачет)*, а мы еще за ворота не вышли, а уже поссорились, как оно потом будет — неясно. Не надо ссориться, братец... Скоро рассветет, пойдем поскорее...
Фэн Янь. Куда идти-то? В какую сторону?!

Жена Чжан Ина. И я не знаю... Выйдем за эту дверь и подумаем...

Фэн Янь. А меч...

Жена Чжан Ина. Выбросить его... Брат, пойдем поскорее... Светает! *(Выбрасывает меч.)*

Фэн Янь. Как я хочу, чтобы когда мы выбросили меч, он ожил... Поздно сожалеть, человек мертв, куда мы сейчас ни пойдем, везде нам край!

Жена Чжан Ина. Братец, поскорее, на улице начали появляться люди!

Они поспешно выходят за дверь. Как только они вышли, лежащий на земле Чжан Ин заговорил.

Чжан Ин. Эй, эй-эй! Не уходите, не торопитесь уйти, стойте! Эй! Стойте!

Жена Чжан Ина. Чего ждать?

Чжан Ин. Постойте, я кое-что хочу сказать...

Жена Чжан Ина. Так ты же умер, ты не можешь говорить!

Чжан Ин. А ты, когда умерла, тоже заговорила! Тебя сколько раз ни убивали, ты постоянно оживала, а меня и убивают-то впервые, почему бы и мне не ожить?

Фэн Янь. Отлично, еще один неубиваемый.

Чжан Ин прикуривает сигарету.

Чжан Ин. Это что за представление? Фэн Янь, ты взбесился, что ли, она тебе велела убить человека — и ты пошел убивать? Оставив все остальное пока в стороне, просто скажи мне, за что меня убили? Для убийства должен же быть какой-то резон? Вы назовите причину и убивайте, сколько захотите! Только не думайте убить меня без веской причины.

Жена Чжан Ина. Ты — лишний.

Чжан Ин. Это почему вдруг я — лишний? Эх, я каждый день утром ухожу и в ночь возвращаюсь, освобождаю вам место, надо пить, не надо — а все пьяным возвращаюсь, если что не стоит видеть, так я и не вижу, закрываю глаза и не замечаю, играю глухого, прикидываюсь немым вот уже три года. И теперь я лишний. Объясните-ка, чем же я лишний-то?

Жена Чжан Ина. Это ли надо объяснять! Ведь мы с Фэн Янем любим друг друга, значит ты — лишний.

Чжан Ин. Сдается мне, что так не пойдет... Я тебя тогда честь-честью сосватал, в паланкине принес в свой дом, поклонился Небу и Земле. Тогда мы спали вместе на одной кровати, любили друг друга, и никто никого не называл лишним... Эх! Если уж я стал лишним, так ты сказала бы... чтобы я знал. Я если б знал, то и строил бы свои планы как лишний, зачем же меня убивать и по какому праву?

Жена Чжан Ина. Этого не объяснить.

Чжан Ин. Вы послушайте, вот нелепица, объяснить не может, зато мечом размахивать научились. Фэн Янь, ты сам ее послушай...

Фэн Янь. Я уже не знаю, кого и слушать!

Чжан Ин. Не знаешь, кого слушать, и поэтому пошел на убийство? Это новое правило такое, да? Давай-ка я скажу, что ты лишний,

можно тогда и тебя убить? (*Рассерженно.*) Раз вы ни с кем не считаетесь, то и я не буду. Тоже хочу кого-нибудь убить. Буду убивать!

Тишина.

Чжан Ин. Бредово звучит? Бред ведь? Что же вы замолкли? Вот слушайте, кого там убивать, кого не убивать — мне вообще-то все равно. Ну пусть я здесь проваляюсь весь вечер без единой реплики, наконец, вы соблаговолите вспомнить обо мне, убьете, и меня вынесут со сцены. Я вообще-то не против, только пусть заплатят, как уговорено. Не об этом спор. Кому там умирать, кому не умирать — прописано в пьесе! Так вот, говорю вам, если меня убить, получится не пьеса, а жуткая банальность.

Жена Чжан Ина. А меня убить не банально? (*Тоже закуривает.*)

Чжан Ин. Вот что я скажу. Во-первых, времена, когда друг дружку убивали из-за любви, уже прошли. Сейчас романы в Сети, встречи на одну ночь и тому подобное, ради такого убивают гораздо меньше, ибо оно того не стоит. Кроме того, если и правда играть пьесу, в которой убивают меня, то читали ли вы «Тэсс из рода д'Эрбервиллей»? Томаса Харди? А историю Ян Найъу и Капусточки? Убить меня — это как убить д'Эрбервилля, сюжет избитый и не новый. Такую пьесу просто никто не будет смотреть! Даже если мы ее поставим. К тому же ну убьете вы меня, а дальше как играть? Дальше-то нет сценария! Только сразу отправляться на виселицу... Фэн Янь, слышал, виселицу? Такую, т-образной формы, а когда прозвучит сигнал начала казни, палач выступит вперед, накинёт на твою шею крепкую такую веревку, снимет мешок с головы, чтобы ты в последний раз поглядел на небо и облака... И в ту самую секунду, когда ты будешь особенно не в силах расстаться с жизнью, под ногами с грохотом откроется люк и ты повиснешь, как забытая полинялая и рваная рубаха, так же бессильно, и снова встать на землю обеими ногами уже не сможешь. Останется только вешать и вешать! И ничего нового, вот такой предстоит спектакль... (*Снова прикуривает сигарету.*) Убивать меня смысла нет, ни по сценарию, ни вообще. Проще говоря, меня убивать нельзя.

Жена Чжан Ина. Убивать меня так же бессмысленно.

Чжан Ин. Спорить нечего, я не согласен. Убивать меня я не согласен. Ты, Фэн Янь, кого должен, того и убивай, а то тебе два слова сказали, и ты впал в банальщину. Вот что... Я о вас прежде всего беспокоюсь, если убить Чжан Ина... то пьесы не получится, даже и не думайте, это путь тупиковый, да еще и ужасно банальный, нам этого точно не надо!

Фэн Янь. Тебя убивать нельзя...

Чжан Ин. Нельзя!
 Фэн Янь. И тебя нельзя...
 Жена Чжан Ина. Нельзя убивать...
 Фэн Янь. Тогда кого мне убивать, ведь все одно, надо убить ко-
 го-то?
 Чжан Ин. Тут еще кое-кого убивать не пробовали.
 Фэн Янь. Кого... меня, что ли?
 Чжан Ин. Верно, это тоже решение.
 Фэн Янь. А кто убивать будет? Ты?
 Чжан Ин. Я не убиваю людей.
 Фэн Янь. Тогда передайте мне меч. (*Протягивает жене Чжан Ина.*)
 Жена Чжан Ина. Я не смогу.
 Фэн Янь. А кто сможет?
 Чжан Ин. Меч в твоих руках.
 Фэн Янь. Мне самому себя убить?!
 Чжан Ин. А разве не за что?
 Фэн Янь. Хорошо, тогда я сам себя убью.
 Чжан Ин. Все слышали? Ты это сам сказал!
 Фэн Янь. Да, сказал!
 Чжан Ин. Если ты это в сердцах выпалил, давайте считать, что ты этого не говорил. А если нет... тогда давайте... попробуем?
 Фэн Янь. Валяй!
 Жена Чжан Ина. Погоди, Фэн Янь, ты и впрямь хочешь умереть?
 Фэн Янь. А если и впрямь, то что?!
 Жена Чжан Ина. Не надо пытаться таким образом увильнуть!
 Фэн Янь. Ну, вы оба не хотите умирать, и мне тоже нельзя?!
 Жена Чжан Ина. Ты пытаешься таким образом уйти от чувства.
 Чжан Ин. Не ссорьтесь, какая разница, на самом деле или нет, раз уж он это сказал, давайте сыграем, а там посмотрим. Ну что, откуда начнем? Это же просто спектакль. Хорошо, так, все по своим местам, ты сначала полезай в сундук, ты возьми меч, я ложусь... Все, начинаем... (*радостно*) с того самого момента, как она подает тебе меч... Потом ты выбираешься из сундука и идешь! Твоей первой мыслью было, что она хочет, чтобы ты меня убил, и ты ко мне устремился. И увидел хмельного меня, беззащитного и ни в чем не повинного, и почувствовал вину передо мной, такой хороший мужик, зачем убивать человека, который тебе ничего плохого не сделал... и рука, замахнувшаяся мечом, останавливается. Ты не в силах меня убить, и в этот момент в тебе проявляется нечто хорошее, сокрытое прежде. От этой мысли

ты перешел к осознанию того, как коварна эта женщина... К законному мужу она не испытывает ни капли привязанности и не хочет убивать его своими руками, а заставляет сделать это тебя. Сегодня она заставит тебя убить Чжан Ина, а завтра, глядишь, найдет кого-то, кто убьет тебя, возможно, в будущем и ты погибнешь от ее меча, так убить же ее! Но, оказавшись с ней лицом к лицу, совершенно не к месту ты вспоминаешь о недавней нежности, и твоя решимость постепенно ослабевает, ты не можешь поднять на нее руку... Ты совершил распространенную ошибку, пожалел ее юную красоту, ты не можешь, не в силах, не готов ее убить! Ох, меч, меч, давай думать... Хватит! Хватит! Хватит! «Убью-ка я себя», — решил ты... Не колеблясь более ни секунды, ты стремительно замахиваешься, перерезаешь себе горло и умираешь... Отлично! Очень в стиле древних. Хороший спектакль!

Слова Чжан Ина все время направляют действия Фэн Яня, в конце он собственным мечом обрывает свою жизнь и с грохотом падает наземь.

Ч ж а н И н . Дальше пробуй сам.

Непродолжительная тишина, они возвращаются в образ. Чжан Ин спокойно спит на лежанке, Фэн Янь совершает самоубийство и падает. Жена Чжан Ина смотрит испуганно и непонимающе. Действие вернулось в стародавние времена.

Ж е н а Ч ж а н И н а *(сначала шепотом, переходит на крик)*. Братец, братец!.. А-а-а-а, братец! Братец, ты не должен умирать... Как же ты меня покинул, а сам ушел... Братец, не умирай! Не смей! Братец!

Ч ж а н И н *(вскакивает от испуга)*. Что, что стряслось! Что ты посреди ночи орешь, какой братец? Откуда в нашем доме еще один... Ох, а это кто! Кто это умер? *(Подскакивает в ужасе и смотрит, Фэн Янь лежит посреди сцены.)* Ох, батюшки! Кто это?! Что это он мертвый лежит у нас в доме. Ох! погоди, не плачь, не плачь! Я тебя спрашиваю, это кто...

Ж е н а Ч ж а н И н а *(плачет)*. Брат... братец! Жизнь коротка, как же ты меня покинул, на кого оставил?

Ч ж а н И н . Да не плачь ты! Кто это, в конце-то концов?! Ты объяснись, а потом плачь!

Ж е н а Ч ж а н И н а . Сам посмотри!

Ч ж а н И н *(смотрит)*. Ох, да это же Фэн Янь с нашей улицы! С чего это он к нам в дом пришел умирать... Ох, подожди ты, не плачь, почему он помер в нашем доме... отвечай!

Ж е н а Ч ж а н И н а . Чего теперь говорить! Он уже мертв, бояться нечего. Скажу, не таясь, он любовник мой! Уже три года как!

Ч ж а н И н . Три года, ох? Ох-ох-о! Бесстыдница ты... порочная женщина! То-то я звал-звал, а ты все не открывала! И впрямь, прелю-

бодействовала... Где твоя добродетель, я тебя во всем всегда слушался, любил и заботился, а ты... А ты за моей спиной с этим хлюстом, с этим пошляком, я... я... Хорошо же, он мертв, и дело это не скрыть, скажи мне только, почему... Почему он умер в нашем доме?

Жена Чжан Ина. Мы не могли воссоединиться, он... он, конечно же, умер из-за любви ко мне! Где тебе понять, рогатому, каждый день упиваешься пьяным, да еще и прикидываешься, в тебе ни капли мужской гордости!

Чжан Ин. Ах ты, срамница, добра не помнящая, да еще какая самонадеянная, изменяешь законному супругу и его же еще оскорбляешь. Мужская гордость? Сначала я не хотел опускаться до тебя, но ты до такого договорилась, придется показать тебе, что к чему... Гордость, гордость, погляди же на мою гордость!

Одним ударом убивает жену Чжан Ина, она падает навзничь.

Чжан Ин. Грязный прелюбодей и бесстыдная развратница, оба мертвы. Оба убиты... оба! *(Ярость прошла, тишина. Он надолго замер с мечом в руке.)*

Чжан Ин. Я, я убил человека... Ведь сначала я... не хотел убивать... терпел три года, а сегодня она меня довела... и я убил... эти двое — один сам себя убил... обрек себя стать неприкаянной душой, другую порешил я. Она погибла из-за любви. Когда об этом узнают... Неизвестно еще, что скажут соседи. Скажут, что я, Чжан Ин, ослепленный ревностью, убил их обоих. Через тысячу лет неизвестно, что об этом напишут... Гляди-ка, они мертвы и лежат рядом, а мне, живому, так одиноко... Я ж хотел прожить жизнь, как все: попивать вино, ходить на службу, не нарываться, не высовываться. И в этот самый день, сегодня, этим мечом все и обрубил! Не видать мне такой жизни, я виновен в убийстве. Убил, убил двоих, две жизни оборвал, а сам остался здесь стоять, более одинокий, чем они, мертвые, я... я... *(Оборачивается кругом.)* Эй! Поднимайтесь! Вставайте! Так не пойдет! Я так не согласен. Фэн Янь, тебе нельзя умирать... Вставай. Поднимайся. Так играть не получится.

Фэн Янь. Ну, что опять? Убивать нельзя, самому убиться тоже нельзя? Вот уж точно — и помереть не дадут.

Жена Чжан Ина. Только что пробовали, и ты больше всех радовался, что опять не так?

Чжан Ин. Не так... Так не пойдет... Остаюсь я один тут стоять с мечом, я не этого хотел, мне страшно, я не справлюсь. Фэн Янь, если непременно надумал помирать, если точно надумал, то при одном условии, не давай мне никого убивать.

Фэн Янь. Я тебя и не заставлял, я сам себя убил.

Чжан Ин. И убивай сколько хочешь, только не в моем доме... Фэн Янь, собрался помирать — делай это в другом месте, там, на берегу реки или в ущелье каком-нибудь, где поменьше людей, помирай себе, только тут этого не делай, не вмешивай нас. А сам — как знаешь. Мы своим укладом дорожим.

Жена Чжан Ина. Ты дорожишь.

Чжан Ин. Да неважно, просто я не хочу менять свою жизнь.

Фэн Янь. Это почему еще?! А ведь я совершаю самоубийство! Где хочу, там и совершаю, с чего мне тебя слушать.

Чжан Ин. А с того! Нельзя тут помирать, и все! Всему есть свой резон.

Фэн Янь. Дело жизни и смерти, какой тут резон?

Чжан Ин. Все равно есть... Во-первых, умирая здесь, ты толкаешь меня на убийство, тут не убить нельзя, иначе как дальше жить, а я не хочу никого убивать, и ты не думай меня принуждать, во-вторых...

Жена Чжан Ина. Ты тюрьмы боишься.

Чжан Ин. Это-то как раз мелочи. Фэн Янь, главное, что если ты умрешь здесь, то сразу же станешь героем, понимаешь, о чем я? Ты будешь героем, а я — ничтожеством. Понимаешь ты это?

Фэн Янь. Не понимаю.

Чжан Ин. Так слушай! Тебе вручают меч, но ты не можешь убить меня и не в силах убить ее, в отношении к ней ты поступаешь согласно чувству, а в отношении меня следуешь долгу. Занял и ту, и другую добродетели. И кто же ты после этого, как не герой? А если ты герой, то я тогда кто, кем я считаюсь?

Жена Чжан Ина. Это тебя нужно спросить.

Чжан Ин. Если ты здесь совершишь самоубийство, то мало того, что перечеркнешь свои прошлые проступки — это-то ладно. Получится, что ты пожертвовал жизнью во имя долга, под конец раскался в прегрешениях, бесстрашно искупил свою вину перед миром ценою собственной жизни. У тебя в руках все козыри. Ты когда жив, я в дураках, и когда помрешь — опять я в дураках, так не пойдет! Абсолютно никак! Говорю тебе, здесь умирать нельзя, иначе я отказываюсь продолжать!

Фэн Ян. Ну ведь не ты умираешь-то. Чтобы пожертвовать жизнью ради долга, нужно отдать жизнь. Если можешь, отдай тоже! К тому же я уже согласился быть убитым — где хочу, там и умираю. Ты пока не сказал, я бы и не подумал, а теперь я точно знаю, что буду совершать самоубийство именно здесь. И точка. Ну, я начинаю. *(Хватает меч.)* Сейчас сведу счеты с жизнью!

Чжан Ин. Не-е-ет! *(Пытается вырвать меч.)* Ну-ка положи меч на место, положи меч, я говорю. Выйди за эту дверь и там умирай.

Я не шучу. Да где угодно умирай. Только не здесь... здесь нельзя. (*Продолжает отбирать меч.*) А ну отдай меч, ну-ка отдай!

Фэн Янь. Не мешай мне умирать, тебе-то какое дело, ну-ка, пусти, отпусти меня!

Чжан Ин. Не пущу, ни за что! Скорее, держи его, держи его!

Жена Чжан Ина. Хватит драться, раз нельзя умирать, пусть не умирает, зачем обязательно угрожать жизни? Фэн Янь, я смотрю, ты и правда решил умереть и от всего избавиться!

Фэн Янь. Что, опять я неправ? Вас убивать, значит, вы не согласны, убить себя самого — опять не согласны. Отлично. И я умирать не буду. А вы придумайте другой способ.

Чжан Ин. Умирать-то тебе все-таки надо, только не здесь.

Фэн Янь. Или здесь — или не умирать.

Жена Чжан Ина. Не говори под горячую руку.

Чжан Ин. Ну тогда дальше играть нет возможности.

Фэн Янь. Ну не будем и не будем, давно хотел предложить разойтись! (*Начинает снимать сценический костюм.*)

Чжан Ин. Напугал так напугал! Расходимся. (*Тоже начинает снимать костюм.*)

Фэн Янь и Чжан Ин собираются уходить.

Жена Чжан Ина. Нельзя расходиться, если так не получается, нужно попробовать по-другому, нельзя расходиться, нужно еще подумать!

Чжан Ин. Мне идти пора. (*Звонит телефон, тихо.*) Да... еще не сплю, ну ты шутница. Я тебя еще не проверяю, а ты уже нагрянула с проверкой... Репетируем, чем еще... Как какой спектакль, пьеса об убийстве, об убийстве развратника... Я подкалываю? А что, у нас дома гости? Нету, нету — ну и отлично, я тебе скажу, и ты с огнем не играй, рано или поздно всегда наступает такой момент, что просят подать шапку, а ты по ошибке тянешься к мечу... Что значит? — А ничего, иди спать, поговорим, как вернусь. (*Убирает телефон.*) Ну все, я пошел.

Жена Чжан Ина. Никому нельзя уходить... Тут все заинтересованные стороны... Пока еще остались закуски, давайте присядем и подумаем! Садимся... все садимся... ага! Садимся и думаем, а как придумаем — пойдем по домам. Я вот не верю, что нельзя придумать хороший исход... Все, что сейчас пробовали, уже отработано, прошло, придумываем новые варианты. Давайте, давайте, расслаживайтесь.

Трое молча тоскливо сидят на своих местах.

Жена Чжан Ина. Ну что — есть мысли?

Фэн Янь. Это тянется уже три года, если бы было какое-то решение, я бы давно о нем сказал!

Чжан Ин. Да подольше, с танского времени до наших дней. Разве тут есть решение?

Жена Чжан Ина. Совсем ничего нельзя сделать?

Фэн Янь. Совсем ничего.

Чжан Ин. А вот скажите, мы думаем с самого начала или с середины, откуда начинать?

Жена Чжан Ина. С того места, где я неправильно истолковала и дала Фэн Яню меч. Фэн Янь, встань-ка там с мечом, прими соответствующий вид, чтобы мы посмотрели, а мы все будем на своих местах. Хорошо, стоим на месте... и думаем, что делать дальше, думаем!

Чжан Ин. Дело говоришь. Все по местам, думаем.

Усаживается на лежанку, затем ложится. Долгое время стоит тишина. Фэн Янь с мечом в руках застыл в раздумьях, как будто проигрывает в уме все возможные сценарии, связанные с мечом.

Фэн Янь. Не хочу ни о чем думать, нет настроения, даже лень решать, жить или не жить, я измучен, я устал... Хочу, чтобы все происходило естественно и своим чередом завершилось, я вполне естественно полюбил замужнюю женщину и, что естественно, пресытился, и, конечно, хочу сбежать, и если этот меч вследствие совершенно естественного недоразумения оказался в моих руках, тогда я, что совершенно нормально, возьму его и вложу обратно в ножны — и всё ведь? Я никого не хочу убивать, да никто и не хочет умирать, так пусть же эта воплощенная жажда убийства скроется в холодных ножнах! Когда тебе лень разбираться, все становится очень простым. *(Подходит к Чжан Ину и вкладывает меч в ножны.)* Потом, а потом, эй, Чжан Ин, подними-ка зад! Моя шапка! *(Берет шапку.)* Отлично. Я пошел, наконец-то я понял, что хочу только этого...только так и будет натурально, естественно, а это ли не главный принцип между небом и землей? Я вложил меч обратно, и все закончилось, и уже не надо, чтобы все это случалось. И, как прежде, я пойду своей дорогой, снова, как я обычно делаю, скроюсь в моей ночи, все по-прежнему, никаких перемен...

Чжан Ин и жена Чжан Ина смотрят на Фэн Яня, собирающегося уходить, в некотором недоумении.

Жена Чжан Ина. Вложил меч обратно в ножны... меч, который вручила тебе я... положил назад и просто ушел...

Чжан Ин. И так можно? После того, как ты положил меч обратно, какая дальше пьеса?

Фэн Янь. Ты же сам говорил, времена изменились. Разве сейчас не такое время, когда меч предпочитают спрятать? Это же хорошо!

Чжан Ин. И это театр?

Фэн Янь. А чем не театр? Спрятал меч в ожидании завтрашнего дня. Жизнь продолжается.

Жена Чжан Ина. Это мы полдня тут спорили, а теперь он опять вложил меч в ножны. А дальше как играть, расскажи, я послушаю!

Фэн Янь. А мы отгородились от противоречий. То, с чем сложно сладить, просто отложили в сторону. В тот момент, когда вся эта бессмысленная мозаика событий еще не произошла, я разумно отступил на шаг назад и задумался. Пусть меч окажется обратно в ножнах, а шапка — на голове. Пусть супруги останутся супругами, а любовники — любовниками. Меч вложен обратно, и все, что должно было вот-вот случиться, приостановлено. Жизнь продолжится по-старому. Чжан Ин, ты продолжай спать на своей лежанке, а завтра так же возвращайся с пирушки пьяный, Ин-цзы, а ты иди сюда, давай играть дальше, провожай меня, проводи меня до дверей, как прежде... Давай, придумай какую-нибудь реплику.

Оба вошли в образ.

Жена Чжан Ина (*тихо*). Братец, ты не меч просил!

Фэн Янь. Зачем мне просить меч? Я просил свою шапку.

Жена Чжан Ина. Ох, опасно-то как. Я не то подумала.

Фэн Янь. Ерунда какая, я так и понял, что ты не то подумала. Я пойду тогда... а ты у дверей обними меня, поцелуй, как каждый раз, когда мы прощались за эти три года. А потом назначь время, когда мне завтра быть, говори, давай.

Обнимаются на прощание.

Жена Чжан Ина. Братец, завтра ввечеру непременно приходи, и чтобы я долго не ждала!

Фэн Янь. Понял... завтра точнехонько ко времени буду.

Жена Чжан Ина. Братец, завтра не забудь закусок, вино-то у меня заготовлено.

Фэн Янь. Запомнил, ты ступай обратно да ложись пораньше! Впредь чур не ссориться.

Жена Чжан Ина. Ты тоже смотри там... к ней даже не притрагивайся...

Фэн Янь. Не буду, я пошел... а потом сразу наступает завтра.

Жена Чжан Ина. Так можно сыграть?

Фэн Янь. Только что ведь сыграли!

Чжан Ин. Тогда давайте со следующего дня, а я посмотрю.

Свет гаснет.

Сцена вторая

На другой день. Жена Чжан Ина сидит на краю резной кровати, сосредоточенно вышивает. Она весела и поет.

Жена Чжан Ина (*тихо напевает*). Ввечеру долго с милым говорила-говорила, сон не шел до самого рассвета. В золотой вазе рыбки — им не выбраться никак, утица и селезень порознь тревожатся.

Откладывает вышивание, перестилает кровать.

Жена Чжан Ина. Это одеяло я застилаю раз за разом, раз за разом выбиваю эту постель. Как уходить пора — он и был таков, а когда прийти — он все нейдет... (*Застелив кровать, смотрится в зеркало.*) Тайная любовь боится долгого ожидания, так заждешься — и постареешь... Пусть так, но ежели не ждать, то и радости никакой, если и вправду целыми днями вместе и ждать не надо, сколько накопится обиды и досады... (*Поет.*)

Гардении цветочки — по шесть лепестков.

Позвала милого братца прийти на закате.

Долго тянется день, тяжело ожидание.

Растворила ставни — смотрю на солнышко.

(*Только она допела до этого места, как в дверь постучали.*) Пришел, пришел! (*Поправляет прическу, смотрится в зеркало и летит к двери.*) Братец, пришел, пришел все-таки, ох, братец, а закуски-то принес?

Фэн Янь. Нет... забыл (*лицо абсолютно лишено выражения*).

Жена Чжан Ина. Что ж забыл, а впрочем, забыл так забыл, заходи скорее!

Фэн Янь (*стоит неподвижно*). Я заходить не буду...

Жена Чжан Ина. Что ты говоришь-то, заходить не будешь, а зачем в дверь стучал?

Фэн Янь. Два дня тому я тебе, сестрица, одолжил повесть, ты мне ее через порог отдай, и я пойду.

Жена Чжан Ина. Пойдешь? Куда?

Фэн Янь. Восвояси пойду, дела. Книгу мне только отдай.

Жена Чжан Ина (*протягивает руку, хватается его*). Какая книжка-то... Заходи и поговорим.

Фэн Янь. Ты, сестрица, меня не хватай, чужие люди увидят, не хорошо получится!

Жена Чжан Ина. Чужие? Да ты сегодня сам не свой! (*Втаскивает его в дом.*) Братец, я тебя всего-то не видела одну ночку, что ты вдруг как незнакомый стал будто...

Фэн Янь. Верно, всего-то одна ночь, почему вдруг... Я и сам не знаю, прежде я как до угла улицы доходил, вспоминал, что сейчас тебя увижу, и сердце колотилось от радости. А сегодня как подумал, что тебя увижу, сердце похолодело от ужаса. Повернул я за угол, и вдруг будто луч света упал мне на лицо, будто внезапно разбудил меня. День какой хороший, давно таких не было, и решил я снова оглядеть этот переулок, а он вдруг показался совсем незнакомым...

Жена Чжан Ина. Как незнакомый, ты же по нему так часто ходишь — и вдруг незнакомый?!

Фэн Янь. Такой незнакомый, что я три раза туда-сюда по нему прошел.

Жена Чжан Ина. Три раза? Братец, ты туда-сюда три раза ходил?.. Почему? Не хотел идти, да... Хотел вспять повернуть?

Фэн Янь. Чего тебе не говорят, ты лучше про то и не спрашивай...

Жена Чжан Ина. Не спрашивать... словно отгородиться... братец, а я не хочу от тебя отгораживаться...

Фэн Янь. Ежели нет умысла, так и отгораживаться зачем...

Жена Чжан Ина. Братец, ты говоришь, что я с умыслом к тебе?

Фэн Янь. А ты без умысла?

Жена Чжан Ина. Мой умысел... Братец, ты кругами не ходи, ты скажи, если и вправду у меня есть умысел, я исправлюсь. Ах!

Фэн Янь. Мне этого не выговорить, я только подумаю — так сразу хочется развернуться и бежать...

Жена Чжан Ина. Отчего! Одна ведь ночь всего, одна ночь, а между нами горы и реки, такие чужие мы, что и руки и сердце стынут, почему?.. Братец, скажи...

Фэн Янь. Не могу...

Жена Чжан Ина. Под небом дали бесконечные, а ты, братец, вот тут, рядышком, и слова мне сказать не можешь?

Фэн Янь. Не заставляй, если скажу, еще дальше будем. *(Жена Чжан Ина начинает медленно расстегивать платье.)*

Фэн Янь. Что это ты делаешь?

Жена Чжан Ина. Братец! Не позволю тебе быть таким чужим, я хочу все вернуть, через горы и реки одним махом перескочить. Братец, поди сюда.

Фэн Янь. Не хочу я, застегнись обратно поскорее, не вернуть, говорю я тебе, не вернуть ничего, я уже сейчас идти хочу. *(С этими словами поворачивается, чтобы уйти.)*

Жена Чжан Ина. погоди! Братец, ты смерти моей хочешь, братец. Без ножа режешь!.. Как случилось-то, ты скажи мне! Ты объ-

ясни, пусть небо упадет и земля провалится, в одиночку я сама себя корить буду, только ты скажи, говори же!

Фэн Янь. Это ли нужно говорить?

Жена Чжан Ина. Что же — из-за вчерашней ночи? Ты просил шапку, а я не то подумала, подала меч, не ту вещь передала, из-за такой малости? Ты ведь говорил, что можно начать заново? Меч вложить в ножны, как будто и не случилось ничего — это разве не ты сказал? Ты ведь говорил, что все должно быть естественно?

Фэн Янь (*молчит*). ...

Жена Чжан Ина. Братец, ты вчера не так говорил?

Фэн Янь. Говорил, но ты... ты мне меч в руки дала, ты меч достала и дала мне в руки, почему меч, зачем меч? Меч — это оружие для убийства, ты хотела, чтобы я совершил убийство. Ин-цзы, ты ведь мне подала не что-то другое, а меч, и в тот момент, когда ты его мне дала, ты что-то такое убила, убила напрочь, наше прошлое и будущее превратила в самую лютую зиму, в лед, как тут все вернуть? Я и подумать не мог никогда, что ты захочешь, чтобы я человека убил!

Жена Чжан Ина. Виновата я, братец, я была неправа. Брат, ты ведь любишь, чтобы под цветами персика произносили эти слова? Я была неправа, братец, я признаю.

Фэн Янь. Я тут не вижу цветов персика.

Жена Чжан Ина. Братец, я была неправа, давай забудем про вчера, про меч забудем, давай все вернем... Как будто и не было ничего, как будто как раньше... Братец, три года прошло, я без тебя не могу! (*Становится на колени.*) Братец, я была неправа, считай, что то объявление написала я. Тебе ведь так нравится? Я была неправа.

Фэн Янь. Ин-цзы, поднимайся, поднимайся! Не то ты говоришь, Ин-цзы, то объявление, когда дело дошло до нас самих, уже не работает. Ин-цзы, вставай. Сейчас между нами стоит этот Чжан Ин, но даже не будь его, мои чувства уже не станут прежними. Нас разлучил тот момент, когда ты мне подала меч. Сначала я думал, если положить его обратно в ножны, то ничего и не случится. А теперь вижу, что это не так. Я думал всю ночь, ты ведь мне меч подала, чтобы я пошел убивать. Меч-то можно положить обратно, но не эти мысли. Если меч достали, то значит, прольется кровь, обратного хода нет, спрятать его не получится, даже если никто не убит, назад никак. Ин-цзы, я истекаю кровью, мне уже не до любовных переживаний, ты, наверное, и сама видишь... Ин-цзы, я замолкаю, отдай мне книгу, и я пойду.

Жена Чжан Ина. погоди! Братец, ведь меч ты сам попросил! (*Это открытие как будто ошеломяет ее.*)

Фэн Янь. Я? Я просил шапку.

Жена Чжан Ина. Ты просил меч!

Фэн Янь. Зачем мне просить меч?

Жена Чжан Ина. Шапка была под задом Чжан Ина, кто бы мог ее заметить? Ты показывал именно на меч, не пытайся отпираться, ты попросил меч. Ты хотел убить человека. Это ты хотел убийства!

Фэн Янь. Не хотел!

Жена Чжан Ина. Там, куда ты указывал, был только этот меч, братец, меч попросил ты.

Фэн Янь. Я? С чего мне о таком думать?

Жена Чжан Ина. Ты ведь говорил, что любишь меня! Что ради меня на все готов.

Фэн Янь. Люблю, да, но... но я никогда не говорил, что ради тебя готов на убийство!

Жена Чжан Ина. Братец, не увиливай, ты давно уже думал об убийстве, а когда я и вправду подала тебе меч, то испугался, так ведь? Спрятал страх в сердце, свалил всю вину за преступные замыслы на меня, какой же ты герой! Ты как вор, который сбросил краденое, а сам сбежал, а ты хотел бежать с полным сознанием своей правоты. Братец, ты никогда не просил шапку, ты просил меч!

Фэн Янь. Не было такого.

Жена Чжан Ина. Было!

Фэн Янь. Не было.

Жена Чжан Ина. Было!

Фэн Янь. Не было, я ничего не знаю!

Жена Чжан Ина. Не знаешь, теперь ты ничего не знаешь... Братец, да ты меня когда-нибудь любил ли?

Фэн Янь. Это ты лучше моего знаешь.

Жена Чжан Ина. Но я тебя спрашиваю. Говорить не хочешь, да? Три года назад, когда ты впервые посмотрел на меня, в твоих глазах совершенно явственно читалось одно слово.

Фэн Янь. Какое?

Жена Чжан Ина. Сейчас его уже не выговорить никак.

Фэн Янь. Любовь?

Жена Чжан Ина. Она превратилась в рой мух и улетела.

Фэн Янь. Ин-цзы, прошло три года.

Жена Чжан Ина. Верно, а как будто одна ночь.

Фэн Янь. Как мгновение, такое краткое. Все это не то, я ведь сказал тебе, что хочу прямо сейчас уйти.

Жена Чжан Ина. И все из-за того, что я тебя не так поняла.

Фэн Янь. Если бы ты три года назад сказала, что хочешь, чтобы я убил человека, то не только трех лет — у нас бы ни дня не было. Ин-цзы, я бы тогда сразу сбежал.

Жена Чжан Ина. Хорошо же... Фэн Янь, перестань, сейчас, когда ты все это сказал, я уже не чувствую себя виноватой... Странно, да? И мне это кажется странным, только что ты опять пропал, на короткое мгновение, совсем короткое, я открыла глаза и тебя не увидела, как в тот день, под цветущим персиковым деревом. Но в этот раз я не хотела тебя ухватить. Фэн Янь, знаешь, ты стал таким далеким, ты даже если сейчас не уйдешь... я тебя все равно перестала видеть, и это абсолютно ясно, ты пропал, исчез из моего сердца, мы и впрямь друг другу стали чужими, всего мгновение — а пути назад уже нет... Фэн Янь, прямо страшно, в сердце такой холод, как ледышка в руке. Фэн Янь, три года подряд ты думал одно, я — другое, и наши мысли никогда не были об одном и том же, мы все время ошибались. Пожалуй, этот меч я достала вовремя!.. Только что я для тебя перестилала постель, смотрелась в зеркало, при мысли о тебе колотилось сердце. А сейчас я, скажу по правде, почему-то вдруг хочу, чтобы ты ушел!

Фэн Янь встает и собирается уходить.

Фэн Янь. Тогда я пойду.

Жена Чжан Ина. Постой, я еще не все сказала, я не нарочно тебя задерживаю. Я, кажется, поняла: ты ведь никогда не любил цветы персика... Фэн Янь, скажу по правде, я сейчас жалею, нужно было так по пьесе и играть.

Фэн Янь. Как играть?

Жена Чжан Ина. Так и играть. Лучше бы уж ты меня мечом зарубил... На самом деле, все ведь правильно написано, иначе — если перенести все на сегодня — опять получается меч! От удара вчерашним мечом потекла бы кровь из перерезанного горла, а от сегодняшнего кровь по капле сочится из моего сердца... Да, так и надо было играть, вот сейчас, когда ты меня рубанул, я все поняла яснее некуда. Меч, вложенный обратно в ножны, становится только острее, беспощаднее, он ранил всю мою жизнь... Что же, ступай!

Фэн Янь. Ин-цзы, постой, если бы тогда мне шапку подала...

Жена Чжан Ина. То мы бы сейчас наверняка снова оказались в постели, да?! Как будто ничего не случилось, да?! Не думай так, пожалуйста, братец, меч возник бы, рано или поздно, не вчера, так сегодня. Все равно наступает день, когда приходится наконец достать меч! Фэн Янь, не пытайся больше сам себя обманывать, это моя ошибка... Я некоторые вещи неправильно истолковала. А теперь иди!

Фэн Янь. Ин-цзы, когда ты так говоришь, мне прямо становится жаль. Ты ведь сама сказала, счастливые дни — они и есть счастливые дни, если спрятать их в своем сердце, их никто уже не украдет. Давай,

как прежде, поговорим, валяясь на кровати! *(С этими словами начинает стягивать сапоги.)*

Жена Чжан Ина. Надень... прошу тебя, надень обратно! Надень хорошенько, и поговорим сидя, Фэн Янь, мы ведь и раньше ссорились, мы и раньше ссорились и мирились, но сейчас не так, ничего не осталось, и никакой кровати — она вся утыкана острыми мечами. Сложу-ка я постель и закрою полог. *(Все сказанное делает, собирает постель, закрывает полог. После этого отчуждение становится полным.)* Небо и Земля, жизнь и смерть. Брат, запомни: меч, вложенный в ножны, ранит большее, чем тот, что в руках. И действительно, вот так быстро. Это — тоже естественно. Ты ведь говорил, что естественность — самый главный принцип мироздания?

Стали совсем чужими друг другу. Холодное молчание.

Жена Чжан Ина. Вы присаживайтесь, я налью вам чаю! *(Наливает чай.)*

Фэн Янь. Спасибо... *(В этот момент оба друг с другом подчеркнуто вежливы.)* Прошу и вас!.. *(Оба испытывают неловкость.)* Неплохой чай, настоящий чай из Луаня!

Жена Чжан Ина. Да? Я в этом ничего не понимаю, это муж мой, ваш товарищ, из служебной поездки привез, если вам по вкусу пришелся, я вам отсыплю немного.

Фэн Янь. Не нужно, не нужно, время не раннее, а братец что-то нейдет, пора мне уходить.

Жена Чжан Ина. Сейчас принесу вам книгу.

Когда она это говорит, раздается стук в дверь — это вернулся домой Чжан Ин.

Жена Чжан Ина *(нисколько не испугана)*. Смотри-ка, только о нем говорили, вернулся! Вы сидите, я дверь отопру... Эй, иду, иду.

Чжан Ин входит, жена Чжан Ина поспешно рукавом отряхивает его одежду от пыли — обычная бытовая сцена.

Жена Чжан Ина. Погоди, отряхни снаружи ноги, прежде чем зайти, — весь в грязи!

Чжан Ин. О, Фэн Янь, братец, ты?

Фэн Янь. Брат, ты вернулся!

Чжан Ин. Поди, полдня прождал, не уходи, выпьем вместе.

Фэн Янь. Не могу, давай в другой раз.

Чжан Ин. Ты по делу какому?

Фэн Янь. Да никакого особого дела нет, брат. Вот, два дня тому ты одолжил у меня повесть, а я сам ее одалживал. Ты ежели дочитал, я ее заберу тогда, хозяин книги просит вернуть поскорее!

Чжан Ин. А, дочитал, дочитал... сейчас принесу! *(С этими словами отправляется искать.)*

Жена Чжан Ина. Не ищи, я помню, она у изголовья, сейчас принесу.

Чжан Ин. Ты, если не спешишь, садись, выпьем по чарочке.

Фэн Янь. В другой раз... Пойду сначала отнесу книгу владельцу.

Жена Чжан Ина *(приносит книгу)*. Вы проверьте, она ли?

Фэн Янь. Она самая! Хорошо! Тогда я пойду, братец, сестрица, простите, побеспокоил.

Чжан Ин провожает его до двери.

Чжан Ин. Если и впрямь занят, то не буду задерживать, а то вместе выпили бы по чарочке.

Фэн Янь. В другой раз, в другой день приду, не провожайте!

Чжан Ин. Только смотри, заходи непременно!

Фэн Янь уходит со сцены.

Чжан Ин *(закрывает дверь и возвращается)*. А ты что же не похлопотала его удержать.

Жена Чжан Ина расставляет на столе чарки.

Жена Чжан Ина. Не удержать — так и не удерживала, ведь не родственник какой или свойственник. Ты садись, а я пойду подогрею вино.

Чжан Ин. Эх! Прогрей хорошенько! И сама выпей чуток... А закуска есть?

Жена Чжан Ина. Ох, нету. Давай я сбегая принесу?

Чжан Ин. Не нужно, я захватил.

Жена Чжан Ина. Да. Хорошо, что ты не забыл. Давай, садись и выпей... Я тебя спрошу, а ты не сердчай. Жалование выдали?

Чжан Ин. Выдали, все здесь. *(Достает серебро.)*

Жена Чжан Ина. Скоро Новый год праздновать, твоим домашним и моим — всем нужно дать по чуть-чуть. Ты не сердчай, что я с тебя деньги спрашиваю, нам бережливее надо быть.

Чжан Ин. Все по чести, на что сердиться... Я ведь все думаю тебе убор хороший головной справить⁵, чтобы людям не стыдно показать.

⁵ Головной убор тоумянь — сложный, зачастую дорогостоящий набор заколок, шпилек, накладок, которые в собранном виде покрывали всю голову владелицы. Здесь и далее — игра слов, так как то же самое слово означает также «слава, репутация».

Жена Чжан Ина. Ты про мои дела не думай... ни о чем не думай.

Чжан Ин. Что?

Жена Чжан Ина. Ничего, пей вино...

Чжан Ин. Давай, выпьем! *(Оба пьют.)*

Жена Чжан Ина. Что нового на службе, расскажи-ка мне.

Чжан Ин. Да ничего, кроме дежурства, одно только дежурство. Слышал, один двор обнесли, немало денег украли и драгоценный убор тоумянь, так там жена ох и горько плакала. Не знают, кто вор. Но хороший тоумянь стоит того, чтобы так убиваться.

Жена Чжан Ина. Да, если хороший, то стоит!

Чжан Ин. Я все хочу тебе такой справить.

Жена Чжан Ина. Как будет возможность, посмотрим, ты про то не думай. Всего-то хороший тоумянь, не так ли?

Чжан Ин. Да, хороший тоумянь, чтобы перед людьми не стыдно было, если уж справлять, то справлять надо хороший... Давай выпьем еще.

Чжан Ин. Пей.

Оба бережно подносят чарки к губам. Пьют вино. Долгая пауза. Телефон Чжан Ина зазвонил и звонит, не переставая, в это время спектакль уже окончен и действие перемещается в третье отдельное пространство на сцене.

Чжан Ин *(смотрит в чарку. Декламирует)*. ...Пришел ко времени... как раз доиграли. *(Ищет телефон, одновременно спрашивает жену Чжан Ина.)* Ну как сегодня отыграли?... *(Спросив, достает телефон и отходит в сторону.)*

Жена Чжан Ина *(задумалась, как будто еще не вышла из образа, от усталости и только что пережитого волнения игры выглядит потерянной, делает резкое отчаянное движение, как будто с горя опрокидывает рюмку вина)*. Как отыграли? Не знаю, может, и хорошо, а может, и плохо, мне это... неведомо...

Застывает.

Жена Чжан Ина *(все время разговаривает сама с собой)*. Хороший тоумянь ... Да, как хорошая репутация, именно хороший, а из чего он состоит... Шпильки, накладки, заколки, подвески... Хороший тоумянь справляют, чтобы людям не стыдно показать было... Сегодня я должна ему сказать. *(Медленно сползает с кровати, начинает прибирать вещи. Поворачивается спиной, собирается раздеться, но, услышав чей-то голос, останавливается.)*

Из-за сцены медленно выступает, продолжая говорить по телефону в наушники, Фэн Янь, он все время остается в тени.

Фэн Янь....Это не я, я не... Это ты про себя говоришь. Повторяю, я никогда не радовался твоим слезам... Скажи прямо: все прошлое перечеркнуто разочарованием! Да... Да, конечно... Абсолютно верно... Говорю тебе, я не могу! И не хочу... Да!.. Я хочу тебе сказать, что расставание — самое драгоценное в жизни, так давай расстанемся, наслаждайся, меч вернулся в ножны, все закончилось... Если ты непременно хочешь плакать, так пожалуйста, только не рыдай в голос... Разговор окончен, не желаю больше говорить. Если пожелаешь, можешь ждать внизу, я точно не поеду... А, и пожалуйста, не сигнал...

Он еще не договорил, как снизу раздался сигнал машины.

Фэн Янь (*держится за сердце*). По правде говоря, Ин-цзы, ты все меньше похожа на ту, кого я знал, совершенно чужой человек... Да, я готов это повторить хоть тысячу раз... С первого взгляда? Я такое говорил, но теперь не любовь с первого взгляда, а с первого взгляда ясно, что все кончено, и это не игра слов, это так и есть... Да, обуза, ты стала для меня обузой.

Опять сигнал.

Фэн Янь. Ну, сигнал... сигнал, я не спущусь!!! (*Резким движением заканчивает звонок.*)

В то время, как Фэн Янь яростно разговаривает по телефону, жена Чжан Ина с совершенно спокойным видом разбирает вещи, равнодушно снимает сценический костюм и в одном белье готовится переодеться в современную одежду. Третье пространство может быть не похоже на сцену, а более приближено к жизни. Рассерженный Фэн Янь видит свою красавицу-жену совершенно раздетой. В этот момент они — супруги.

Фэн Янь. Если на край любовного тигля попал кусок ядовитой руды, разве не правильно я поступил? Я знаю, что злодеи жестоки, но любят всегда именно злодеев... Мужчина, который достал меч и зарубил свою любовницу, воспевается на протяжении нескольких сотен лет. Кто это придумал?

Жена Чжан Ина задает вопрос, словно всего этого не слышала.

Жена Чжан Ина. Калькулятор принес?.. (*Повернувшись спиной к зрителям, приводит в порядок одежду.*) Эй, я тебя спрашиваю! Ты калькулятор принес?

Фэн Янь (*снимает рюкзак*). Принес...

Жена Чжан Ина (*другая актриса*). Ван (*настоящая фамилия актера, называет по имени того, кто играет*), этот спектакль — наш совместный подряд, некоторые вещи ты тоже должен понимать. По-

считай, сколько всего денег уйдет на декорации, костюмы, осветителя, звукорежиссера, аренду площадки!

Фэн Янь *(молчит в ответ)*. ...

Жена Чжан Ина. Если ты не хочешь, то я посчитаю вслух для тебя. Сначала реквизит. Говорят, такую кровать с пологом гораздо дороже изготовить на заказ, чем просто арендовать. Если арендовать деревянную мебель, то со всеми сопутствующими тратами выйдет не больше десяти тысяч *(печатает на калькуляторе)*, десять тысяч. Брать в аренду костюмы невыгодно, просто переделать три костюма из «Дворца вечной жизни», сделать естественнее, больше постмодернизма — и все, не больше полутора тысяч! Нанять одного ответственного за звуковые эффекты и освещение, музыка пусть будет в записи, переписать с кассеты, поделить на отрезки, нарезать диск и ставить, когда нужно! Тут много денег не надо, а ответственному за свет и звук, пусть это будет один человек, по сотне за спектакль, двадцать спектаклей — это две тысячи. Уже около четырнадцати тысяч. На аренду площадки уйдет где-то пятьдесят тысяч... Да, так дорого... тут никак не сэкономить... Если все вместе сложить, без нашего с тобой вознаграждения, нужно шестьдесят пять тысяч, на репетиции еще где-то пять, в общей сложности семьдесят тысяч. С билетов за двадцать спектаклей нам нужно заработать не меньше ста тысяч, только тогда расходы окупятся, а все, что свыше того, — это наша с тобой прибыль...

Фэн Янь. Хун...

Жена Чжан Ина. Говори...

Фэн Янь. Хун.

Жена Чжан Ина. Говори.

Фэн Янь. В этом, в этом твоём подсчете... одна нечаянная влюбленность — чего она стоит...

Жена Чжан Ина. Как по ощущениям, хорошо?

Фэн Янь. Хорошо.

Жена Чжан Ина. А что за человек?

Фэн Янь. Я... такой, как я.

Жена Чжан Ина. Как будто нечаянно нашел семьдесят тысяч юаней... Конечно, это нечестно, но можно втихаря их истратить...

Фэн Янь. Семьдесят? А почему семьдесят?

Жена Чжан Ина. Не почему, просто это ощущение сродни тому, что ты внезапно нашел семьдесят тысяч.

Фэн Янь. А если эта влюбленность закончилась...

Жена Чжан Ина. И больно?

Фэн Янь. Больно!

Жена Чжан Ина. Тогда считай, что потерял сто тысяч...

Фэн Янь. Почему же потерял?

Жена Чжан Ина. Потому что ты страдаешь...

Фэн Янь. А когда прежняя возлюбленная целыми днями тебя достает...

Жена Чжан Ина. Ты должен человеку пятьдесят тысяч, вот он и приходит к тебе каждый день...

Фэн Янь. Брачный договор не расторгнуть!

Жена Чжан Ина. Упавшие в цене никчемные облигации!

Фэн Янь. Первая нечаянная встреча с возлюбленной из твоего сна...

Жена Чжан Ина. Заказ тысяч на десять, который вот-вот будет подписан...

Фэн Янь. Всего десять?

Жена Чжан Ина. Возлюбленная из твоего сна где-то так и стоит!

Фэн Янь. Хун...

Жена Чжан Ина. Говори!

Фэн Янь. Хун...

Жена Чжан Ина. Говори...

Фэн Янь. Это так пошло!

Жена Чжан Ина. Деньги — это пошлость, но не иметь денег — еще большая пошлость.

Фэн Янь. Хотя и пошлость, но не лишенная правдоподобия! Все чувства...

Жена Чжан Ина. Измеряются в деньгах...

Фэн Янь. Они настолько точны, что в этой точности нет места драме, монологу. Точны, отчетливы, конкретны... Так конкретны, что к ним можно прикоснуться и рука почувствует холод...

Жена Чжан Ина. Деньги — надежное мерило. По любому вопросу в Поднебесной можно договориться...

Фэн Янь. Это лишь вопрос цены.

Жена Чжан Ина. А ты понятлив. Давай сначала не с чувствами разбираться, а с капиталовложениями, необходимыми для постановки этой пьесы. Ты получил о них представление? Сколько нужно потратить, сколько можно заработать — ты думал об этом?

Фэн Янь *(не обращая внимания на ее слова, наливает воду в бумажный стаканчик, подает ей)*. Выпей воды.

Жена Чжан Ина. Так думал или нет?

Фэн Янь. Зачем мне думать, если ты уже подумала!

Жена Чжан Ина. Так о чем же ты думаешь, а я вот не хочу обо всем этом думать, хочу быть за мужем как за каменной стеной, я... больше думать не буду! *(Снова звонит телефон.)*

Фэн Янь только что протянул стакан с водой, рассерженная жена Чжан Ина его не взяла, а схватила телефон и подняла трубку. Фэн Янь поставил стакан, чтобы перехватить телефон, но не успел.

Жена Чжан Ина. Алло!.. Ой, наверняка это ты, Ин-цзы? Не вешай трубку, не надо, ты не ошиблась номером, как бы ты этим номером вдруг ошиблась. Ин-цзы, это Чуньхун. Ин-цзы, не надо молчать в трубку, я слышу, как ты дышишь! Ты все еще ждешь внизу... Да не смущайся, вы ж целыми днями висите на телефоне, как тут ослышаться? Ин-цзы, я тебе кое-что скажу. Вы же три года роман крутили, и я не вмешивалась, а сейчас хочу кое-что сказать... Ты сначала меня выслушай, ты выслушай. Ин-цзы, и у меня был такой период, когда от него было не оторваться. Вот идешь, бывало, по улице, и кажется, что ни одного мужчины в Поднебесной лучше него нету... Со всех сторон: он и статный, и голос у него красивый, как магнит притягивает твоё сердечко, и оно колотится и трепещет, так?.. Так слушай же, в нем кроме этого ничего и нет больше, он никто! Да, с рождения и до настоящего момента он так и не смог найти себя... Он попросил тебя извлечь меч из ножен, но единственный человек, которого он посмел бы им убить или ранить, — это ты сама. Он либо тебя убивает, либо прячет меч обратно в ножны и хочет сбежать... Разве не так? Я ведь верно говорю. Он покинул тебя по той причине, что просил шапку, а ему подали меч, верно? Ну! И что это за причина, ха, спрятал меч в ножны и теперь собирается вернуться домой, ему и невдомек, что домой вернуться не так-то просто. Его можно даже не проверять на прочность, ну какой он сердцеед? Он не настолько сложен. Он обыкновенный рваный пластиковый пакет, летящий по ветру, который на очень-очень короткий миг становится похож на голубя, но, когда повиснет на дереве, он опять превращается в ничто. Грязный, разодранный, неспособный собраться... Да ведь? И ты так считаешь, спасибо, я долго думала над этим сравнением, слишком хорошо его знаю. А что же я? Почему от него не уйду?.. У меня выхода нет, в этом пакете — адрес моей юности, мне его нужно заполучить обратно... Ин-цзы, скажу тебе, что он вовсе не достоин любви!

Фэн Янь перехватывает сотовый телефон. С этого момента они осыпают друг друга упреками перед слушателем, в телефон, который они перехватывают друг у друга.

Фэн Янь. Слушай, кричит воронье, разрывая сердце одинокого путешественника под осенним ветром. Слушай, станок грохочет, и так и хочет загнать человеку в ладонь заклепку. Слушай, вот мои дни, каждая минута и секунда их пропитались ядовитым соком клеветы. Ин-цзы, не рыдай, не рыдай из-за меня... Положи капельку слез

на кончик языка и проглоти, как волшебную пилюлю, в сочувствии моей безрадостной жизни нажми на сигнал машины, посигналь для меня. (*Сигнал машины.*) Спасибо тебе, мое чудесное создание, спасибо, капелька крови на моем пальце, слезинка, повисшая в уголке рта, моя боль и улада, благодарю... Теперь ты понимаешь, какой жизнью я все это время жил...

Фэн Янь еще не договорил, а жена Чжан Ина уже выхватила у него телефон.

Жена Чжан Ина. Не поддавайся на его обман, нарезанный из чужих красивых фраз... Это все, как послушаешь, поначалу и правда звонко и гладко, но если слушать долго, то как будто съел слишком много свиных потрохов — начинает подташнивать... Он маскирует жизнь при помощи цветистых речей; если сказать его слогом, то под его расшитым шелком сокрыт смрадный труп... (*Фэн Янь пытается перехватить телефон.*) Я ведь все верно сказала? Если бы не нужно было ни есть, ни пить, а можно было только читать монологи, вздыхать целыми днями, то...

Фэн Янь. Белые кости! Я слышу, как, громохая, бредет по каменной дорожке одинокий остов! Белые кости крадут весну с широкой дороги моего сердца... Дождь хлещет в окно, как же я хочу, чтобы поднялся над сценой занавес и больше не опускался... Мне опротивела реальная жизнь, я хочу попасть в пьесу и более не покидать ее, хочу нечаянно попавшим в мои руки мечом разбить белесый скелет... и сжечь белые кости под ослепительно-ярким солнцем...

Телефон перехватывает жена Чжан Ина.

Жена Чжан Ина. Я хочу развеять прах... мечом сорвать фальшивую личину...

Фэн Янь. Я хочу мечом по куску отрезать эту тягостную реальность...

Жена Чжан Ина. Я хочу сесть на скорый поезд, который вернет меня в мои восемнадцать лет... Я хочу посчитаться, хочу произвести расчет...

Фэн Янь. Я хочу снова достать из ножен меч...

Жена Чжан Ина. Я хочу, чтобы проливной дождь омыл мое небо до синевы.

Фэн Янь. Хочу, чтобы ветер вновь свободно обдувал меня.

Жена Чжан Ина. Я хочу упаковать и забрать с собой свою весну и насладиться ею в одиночестве.

Фэн Янь. Я хочу меч... О, меч, хочу меч!

Жена Чжан Ина. Хорошо же, вот... Держи меч, держи! (*Достает меч и протягивает ему.*) Ин-цзы, я дала ему меч... Посмо-

трим, кого ты им убьешь... Я тебе его дала... Дала тебе меч... Думаешь, вложил его в ножны — и можешь преспокойно вернуться назад, домой? Верно, это — твой дом, но он уже не тот, что прежде. Хочешь вернуться в прежнюю жизнь? Не выйдет! Ин-цзы, не бойся, поднимайся сюда, в пьесе он один раз тебя уже убил, а тут вернулся домой, посмотрим, чего он на самом деле хочет. Ин-цзы, не уезжай, не надо, поднимайся сюда и посмотри. Эй, не уезжай!

Сигнал, затем звук отъезжающей машины.

Фэн Янь *(отбирает телефон)*. Уехала, моя лапушка, женщина, давшая мне любовь и меч в мои руки... Уехала... Ты заставила меня вложить меч в ножны, но кругом по-прежнему мысли об убийстве...

Жена Чжан Ина перехватывает телефон, слышит, что на том конце и правда тишина. Немая сцена.

Жена Чжан Ина. Ван, к чему эти нападки через телефонную трубку... Скажи мне прямо, если сможешь...

Фэн Янь. Настроения нет, когда мы вместе, нет желания даже нападать друг на друга... понимаешь, настроения нет, никакого вообще. Мы — как два утомившихся камня... Сами они не взлетят и не могут никого ранить. Если нет третьего, слушателя, то мы похожи на двух чужих друг другу людей, знакомых так близко, что проросли друг в друга корнями... безразличных, как пресная вода. Когда наши тела соприкасаются, душа отлетает... Меч вложен в ножны... но жизнь не вернулась на круги своя, уже не найти точки отсчета, никто не в силах снова прожить минувшие дни.

Жена Чжан Ина. У меня еще осталась ненависть, я хочу, чтобы твои страдания возместили ту нежность, которую я тебе подарила.

Фэн Янь. А я просто хочу вернуться в начало пьесы... когда меч еще не был извлечен из ножен. Там — все мои персиковые цветы, вся моя любовь цветет безумным цветом, такая же преходящая и скоротечная, как они...

Жена Чжан Ина. Ну раз понимаешь, что преходящая, то не все потеряно. Хватит об этом, посмотри на реальность! Ван... только что мы неправильно посчитали... забыли посчитать гонорар автора пьесы! Это немалая сумма. Если выплатить разом, то еще куда ни шло, но если отдавать процент с каждой постановки, то мы окажемся в убытке даже при полном успехе нашей пьесы. Как с этим быть, подумай! *(Закусывает кончик ручки, снова считает на калькуляторе.)*

Фэн Янь. Не знаю, честно, не знаю, но один расчет я решил произвести непременно. Меч вложен в ножны, но дом уже не тот, что пре-

жде. Хун, давай посчитаемся, считаем, что в тот миг, когда наш герой утратил любовь, то наконец решился развестись... Это как считать?

Жена Чжан Ина. Как разбитое корыто, полную потерю времени, жизненных сил и капиталовложений.

Фэн Янь. Да, полную! Какой трагический финал, никто не захочет играть спектакль до этого места. Но я сейчас хочу поступить именно так... Хун! *(Из-за пазухи достает бумагу.)* Пожалуйста, поставь подпись на этом соглашении о разводе! Я наконец решился и прошу тебя подписать это соглашение! Ин-цзы ушла, и я хочу покинуть это место, просто потому, что хочу знать, можно ли начать новую жизнь после того, как вложил меч в ножны.

Жена Чжан Ина *(все еще считает на калькуляторе)*. Я... не могу это подписать.

Фэн Янь. Почему?

Жена Чжан Ина. Я не могу.

Фэн Янь. Почему?!

Жена Чжан Ина. ...я не могу подписать по той причине, что... я беременна!

Фэн Янь. Что?!

Жена Чжан Ина. Я сначала хотела сообщить тебе эту восхитительную новость в какой-нибудь прекрасный момент, но такой момент, кажется, так ни разу и не представился...

Фэн Янь. Ты беременна?... Когда моя любовь ушла от меня и я наконец решился на развод, ты сообщала мне, что беременна... Это ли не достаточно прекрасный момент, как меч, который вложили в ножны, а он прилетел обратно и рубит голову одним махом. Чудно как, ты беременна?! *(Пошатнулся, как будто собирается упасть.)*

Жена Чжан Ина. Стой крепче, я тебя ловить не буду. Когда тела соприкасаются, душа отлетает. Жаль только, что твоя душа отлетела недостаточно далеко, она все возле меня крутится... Да, я беременна... Когда вы с Ин-цзы пылали страстью... возносились к небесам и низвергались в бездну... твоя душа потихоньку, терзаясь угрызениями совести, в один из вечеров спряталась в моем теле... Меч? А меч тут ни при чем: с той самой секунды, как он был извлечен из ножен, ты начал думать, как бы сбежать. Ведь верно, ты просил ведь шапку, это я сейчас поняла, меч тебе вручило само Небо... Да! Вручило Небо, я беременна, я горжусь своим телом и презираю твое ничтожество... Я беременна, это, пожалуй, и есть настоящий меч для тебя...

Фэн Янь. Я слышу звук струящейся воды, волны, как жестокое орудие пытки, отрывают от меня по кусочку, я слышу ночную пустошь, грохот грома, от которого гаснет светильник, я в жестокой нужде пытаюсь выжать влагу из пустыни, но удается извлечь только еще

более свирепую жажду... Передо мною нет пути... Я хочу вернуться в пьесу... Хочу вернуться, нет! — я требую возвращения. Я требую сыграть все по новой... Требую вернуться и снова сыграть!

Жена Чжан Ина. Нечего тут думать, давай! Произведем расчет.

Фэн Янь. Я только хочу вернуться в ту часть пьесы!

Жена Чжан Ина. Посчитаемся.

Фэн Янь. Только хочу вернуться в ее самую первую часть...

Жена Чжан Ина. Давай же! Расчет!

Фэн Янь. Ту часть, где еще не появились ни меч, ни шапка.

Жена Чжан Ина. Давай же! Расчет!

Фэн Янь. Та часть с цветами персика! Я люблю цветы персика...

Жена Чжан Ина. Давай! Расчет!

Фэн Янь. Я люблю цветы персика... Люблю только цветы персика, даже себя под цветущим персиком не люблю.

Жена Чжан Ина. Давай же, скорее произведем расчет.

Фэн Янь. Пожалуйста, позволь мне вернуться. Позволь вернуться!

Жена Чжан Ина. Иди сюда, будем считаться!

Фэн Янь. Хоть это было и недолго, но лучезарно.

Жена Чжан Ина. Быстрее, считаемся.

Фэн Янь. Я ни о чем не жалею, даже если это было сном.

Жена Чжан Ина. Давай же скорее считаться.

Фэн Янь. Я требую вернуться, вернуться! Сыграть снова, я объявляю новый прогон пьесы. Играем заново (*делает жест*), я требую сыграть заново!

Звучит громкая музыка. Как в начале первого действия, двое, но одетые в современную одежду, играют так же, как в самом начале пьесы. Реплики могут отличаться.

Фэн Янь (*танцует, затем декламирует*).

С лесных деревьев облетел весенний цвет⁶,

Так скоротечно!

Ничто не остановит ни утренний холодный дождь,
ни вечерний ветер.

Слезы на румянах пьянят без вина,
когда же все повторится?

Отныне и впредь жизнь — вечная тоска,
как реки вечно текут к востоку.

⁶ Игра слов. Имя героини — Чунхун — переводится с китайского как «весенний цвет».

Жена Чжан Ина. Братец, сейчас и я тебе продекламирую, а ты послушай. *(С этими словами тоже встает с постели.)*

Фэн Янь. Омыл уши и весь внимание.

Жена Чжан Ина. Братец, слушай же. *(Отстукивает такт, выходит из-за полога, танцует.)*

Взметнулись опавшие листья тунга — осень пришла;
Ветви банана намокли,
Дождь стучит за окном.
Слушаю, как на краю неба кличут дикие гуси.
Высока светлая луна.
Под звук валька для стирки жду ненаглядного.
Жду ненаглядного,
Ненаглядный не идет,
И я одиноко склоняюсь над серебряной лампадой,
опершись на расшитую свадебную подушку.
Тяжела судьба, ох, тяжела...
Имя свое... лишь сама называю... *(горестно)*
Имя свое сама называю!

Оба поют и танцуют.

Фэн Янь. Имя свое лишь сама называю. Имя свое сама называю.

Конец пьесы

Лю Хэн

ПАМПУШЕЧНЫЙ ДВОР

Перевод В. А. Муравьевой

Действующие лица

- Юань Гочжун — 50 лет. Владелец дома. Прозвище — Большоголовый Юань. Болтливый и великодушный.
- Гу Юэцзун — 73 года. Бывший владелец дома. Цзюйжэнь¹ позднего периода эпохи Цин². Догматичный, но с чувством юмора.
- Сяо Цишань — 56 лет. Глава бао³. Получил прозвище «начальник Сяо». Изворотливый и грубый.
- Чжоу Юйпу — 45 лет. Китайский врач. Массажист и костоправ. Нерешительный подкаблучник.
- Тянь Цуйлань — 42 года. Жена повара. В прошлом была проституткой. Имеет острый язык, но доброе сердце.
- Цзинь Мужун — 40 лет. Жена китайского врача. По национальности маньчжурка. Постоянно недовольна собой и окружающими.
- Ню Дафэнь (Большая Куча) — 40 лет. Зарабатывает тем, что чистит выгребные ямы. Сочетает в себе качества представителей низших слоев общества: чувство справедливости и хитрость.
- Гуань Фудоу — 25 лет. Плотник. Приходится повару зятем, ухаживает за стариком. Прямолинейный и правильный.
- Юань Цзянмяо — 22 года. Сын Юань Гочжуна. Студент, придерживается левых взглядов. Решительный, но меланхоличный.
- Чжоу Цзыпин — 22 года. Дочь семьи Чжоу. Студентка, придерживается левых взглядов. Наивная и романтическая.

¹ Степень цзюйжэня присуждалась тому, кто сдал экзамены на провинциальном уровне государственных экзаменов. Сдавший такой экзамен мог претендовать на должность государственного служащего.

² Эпоха Цин — эпоха последней из китайских империй (1644–1911).

³ Баоцзя — система административно-полицейской организации крестьянских дворов в Китае в особые единицы: бао (100 дворов) и цзя (до 1000 дворов). Система баоцзя с ее круговой порукой и взаимной слежкой нередко использовалась властями в целях борьбы с оппозиционными элементами и выколачивания налогов с населения. Была упразднена в 1949 г. после провозглашения Китайской Народной Республики (КНР).

Сяо Пэн да — 22 года. Сын начальника Сяо. Преступник, недавно вышедший на свободу. Нетерпимый к окружающим.
Ван Сю юнь — 23 года. Дочь семьи Ван. Жена плотника. Порядочная молодая женщина. Беременна.

Акт первый

Конец августа 1948 года, день. Глухой хутун⁴ Наньчэн, небольшой двор, обрамленный фасадом на юг. Дом в нем полуразрушен, но еще сохраняет надежду на существование. В северо-восточном углу двора растет гранатовое дерево, в юго-западном — яблоня. Между деревьями натянута веревка для сушки белья, как будто посреди двора растянули аркан для лошадей. Главное здание во дворе — кирпичный дом, который, кажется, вот-вот развалится. Дом двухэтажный, но едва ли выше, чем соседский сарай с восточной стороны. На первом этаже три комнаты, в двух восточных живет Юань Гочжун. Он владелец дома, любит гнать самогон, мариновать редьку, ухаживать за жасминовыми кустами. Все свободное место на подоконниках и под ними, в коридорах и снаружи заставлено цветочными горшками и домашней утварью. Около крыльца стоит огромный, до безобразия грязный глиняный чан. На нем лежит зеленая каменная плита, похожая на часть старого квадратного стола человек на восемь. Вокруг нее — несколько больших перевернутых кувшинов, служащих стульями. С западной стороны отгорожена отдельная комната, которую снимает плотник Гуань Фуду. У них с женой скоро будет ребенок. Верхняя часть дома устроена довольно причудливо: всего две комнаты, разделенные перегородкой. Западная комната чуть побольше, к ней примыкает половина балкона, темная лестница ведет на первый этаж. Здесь живет Гу Юэцзун. Говорят, что в последние годы династии Цин он получил ученую степень цзюйжэня. Весь балкон забит его горшками для свечков, время от времени насекомые начинают издавать громкие звуки, которые напоминают не то счастливые песни, не то горестные вопли. Комната к востоку от перегородки выглядит нежилой: в коридор выходит дверь с решеткой, за дверью — лестница с перилами. Деревянные ступени на полпути делают резкий поворот, косо спускаясь во двор, тем самым почти наглухо закрывая окно в комнате хозяина дома. Юань Гочжуна это не беспокоит, ведь над ним живут не чужие люди, а его любимый сын Юань Цзянмяо. Он учится в институте железнодорожного транспорта, из-за туберкулеза временно взял перерыв в занятиях. Теперь сидит в четырех стенах, учится в тишине и спокойствии. Иногда играет на губной гармошке и покашливает, других признаков жизни не подает. С одной стороны дома — туалет, отгороженный бамбуковой изгородью в человеческий рост, с другой — круглый проход, ведущий на задний двор. В восточном флигеле три маленькие комнаты, чистые до неприличия. Их снимает китайский врач Чжоу Юйпу. Он редко выписывает рецепты, зато в совершенстве владеет навыками ортопедического массажа, иглоукалывания и прижигания. На самом деле, его основная деятельность — это изготовление пластырей и перепродажа лекарств. Его жена Цзинь Мужун, маньчжурка-католичка, соблюдает немереное количество норм и правил. Их дочь Чжоу Цзыпин учится в педагогическом училище, дома бывает редко, однако

⁴ Хутун — узкая улица, переулок в средневековой китайской городской застройке.

через занавески, расшитые фиолетовыми лилиями, можно рассмотреть, что одна из комнат принадлежит именно ей. В западном флигеле тоже три комнатухи, дверь в самой южной из них всегда открыта нараспашку, сквозь тростниковые занавески видно груды угля, разделочные доски, плиту и другие хозяйственные принадлежности. Эту комнату снимает Ван Либэнь, он с детства готовит еду жителям этого дома. Теперь он уже не молод, но все еще служит здесь поваром. Его жена Тянь Цуйлань, после того как овдовела, стала заниматься проституцией. Позже бросила это занятие, снова вышла замуж и стала продавать жареную свиную печенку и пампушки. Со стороны хутуна двор не обнесен стеной, нет даже ворот или арки. Внимание в центре сцены сразу привлекает цветная потертая табличка, висящая на доме. На ней можно различить два слова «пампушечный двор». Сами иероглифы, подпись и печать на табличке как будто написаны самим императором Цяньлуном⁵, однако как на них ни посмотри — сразу видно, что это подделка, специально висящая здесь, чтобы вводить прохожих в заблуждение. Весь дом стоит в глубине сцены, освобождая место для хутуна и главного входа со ступенями. На одном конце сцены, в глухом тупике, стоит усыпанное плодами финиковое дерево. В глубине сцены на дорожке, словно противоположность первому дереву, стоит другое, засохшее. Его сгнивший ствол тянется до крыши кирпичного дома, а все дерево похоже на причудливую заржавевшую металлическую фигуру. Занавес открывается под мягкий звук губной гармошки и резкие удары топора, ветки дерева падают на землю, издавая громкий треск. Губная гармошка выводит какую-то иностранную мелодию, она очень приятна и красива, но совершенно не сочетается с тем, что мы видим на сцене. От решетки кухонной плиты идет горячий пар. Ван Либэнь завязывает грязный фартук и начинает спешно лепить пампушки⁶ из кукурузной муки и складывать их в кучу. Тянь Цуйлань сидит на корточках рядом с огромным тазом, увлеченно перебирая какие-то белые полоски; только спустя время становится ясно, что она промывает свиные кишки. Чжоу Юйпу, лежа на кушетке, листает газету, без особого усердия туда-сюда катает обеими ногами железный валик, которым обычно в специальной машинке толчет лекарственный порошок. На балконе второго этажа Гу Юэцзун — дряхлый старик, — игнорируя всех вокруг, переставляет туда-сюда горшки со свечками, то появляясь, то исчезая с балкона. Непонятно, кто же тогда рубит ветки? Буквально на глазах крона дерева пропадает. Тянь Цуйлань распрямляется, встает, смотрит на второй этаж, на отгороженную изгородью темную комнату с занавесками на окнах.

Тянь Цуйлань. Эй! Мяо-цзы⁷, у тебя такой сильный кашель, ну-ка хватит играть на гармошке. Ты что, хочешь кровью кашлять, забыл про чахотку? Зла на тебя не хватает, я уже скоро сама кровью харкать буду!

Звук губной гармошки прекращается. Слышно лишь тихое стрекотание сверчков.

Тянь Цуйлань. А ты чего похихикиваешь? Пластырь съел?

⁵ Император Китая (1736–1799).

⁶ Пампушки — булочки, лепешки из пресного теста. Готовятся на пару.

⁷ Полное имя героя — Юань Цзянмяо, отец и другие жители дома ласково называют его Мяо-цзы.

Чжоу Юйпу. Нет, черных фиников⁸ наелся. Взгляни, как тут в газете иероглифы напечатаны! Друг на друге, прямо как мелкие финики, смотрю на них — и смешно становится.

Тянь Цуйлань. Что тебе эти финики рассказали?

Чжоу Юйпу. Государственные войска⁹... Наша доблестная армия снова одержала победу на северо-востоке!

Тянь Цуйлань. Вот это чудеса! Они вообще когда-нибудь терпели поражение? Ясно сразу, мозги-то все выбило, они по щекам вытекли. Вот так новости и печатают в газетах, ага! Верь им, они только в литавры и бьют да о победах кричат.

Чжоу Юйпу гогочет. Выходит Цзинь Мужун, несет полную корзину пластырей, легонько пинает ногой кушетку.

Цзинь Мужун. Юйпу, вставай, помоги.

Чжоу Юйпу. Иду!

Чжоу Юйпу вскакивает и встает, как солдат, по стойке смирно, затем помогает супруге развешивать пластыри на сушильной веревке. Тянь Цуйлань берет ворох толстых свиных кишок, начинает развешивать их с другой стороны веревки, роняет два пластыря на землю.

Тянь Цуйлань. Ой! Простите!

Цзинь Мужун. Сестрица Цуйлань, я что-то не могу понять, вы какого черта так торопитесь?

Тянь Цуйлань. Не тороплюсь я, и вы не суетитесь. Сестрица Мужун, вот, держите.

Цзинь Мужун. Если кишки ваши упадут на землю, так им не будет ничего, а с пластырями нашими что делать?

Тянь Цуйлань. По-вашему, так кишки на земле валяются и ничего страшного? А потом эти самые кишки есть надо будет, и что тогда?

Цзинь Мужун. Что в этом такого? А вот если прилипнет к пластырю земля, как его использовать потом? Кому продать?

Тянь Цуйлань. Его разве не на поясницу клеят? У кого поясница большая — тому и продадите!

Цзинь Мужун. Предложим мы такой пластырь, а человеку он натирать будет, он нам денег не заплатит, и все — дело с кон-

⁸ Герой применяет эту метафору к иероглифам в газете, поскольку еще одно ее значение этой метафоры — «получить пулю». Время действия — 1948 г., по всей стране идет гражданская война, армия Гоминьдана ведет сражения с войсками коммунистов.

⁹ Здесь речь о Национально-революционной армии, НРА (1925–1947).

цом! Потом отплатить нам решит, наговорит плохого, а кто обратное докажет?

Тянь Цуйлань. Я докажу! Этого щенка, что вас оклеветал, ко мне пошлете, пускай попробует мне что сказать, посмотрим еще, кто кого! Я ему покажу, мать его!

Цзинь Мужун. Разве все так просто, как вы говорите? Окажемся все виноваты.

Тянь Цуйлань. Да мне все равно! Кто меня обвинит, я того в порошок сотру! Вы ему скажите, пускай только про меня чего вякнет. Дайте мне тот пластырь, я ему задницу заклею к чертям! Заклею так, что он задохнется, сволочь!

Чжоу Юйпу. Мужун, хватит языком чесать, послушай, что скажу. Сестрица Цуйлань, ты тоже помолчи.

Цзинь Мужун. Рот закрой! Впредь не смей ее называть сестрицей!

Тянь Цуйлань. Ладно тебе! Главное, чтобы ты меня мамочкой не звал.

Чжоу Юйпу. Всё, остановитесь, замолчите, больше ни слова...

Безостановочная ругань постепенно замолкает. Ван Либэнь лепит пампушки. Прикидываясь, что что-то ищет, крутится вокруг жены. На него никто не обращает внимания, как будто этого человека вообще не существует. Не спеша подходит Юань Гочжун, у него за спиной несколько горшков с жасмином на деревянной переноске. На обоих локтях висит по бамбуковой корзине, в них — свертки с китайскими лекарствами. В корзинах также виднеются пучки полыни, которая отпугивает комаров, полные до краев старые стеклянные бутылки с самогоном и сплетенные из ивовых прутьев коробочки, наполненные соленьями. Он отходит к лестнице, поднимается на одну ступеньку и, задрав нос, внимательно рассматривает дерево с черными финиками.

Юань Гочжун (*бормочет под нос*). У какого косоротого идота ночной горшок сегодня пустовал? Кто снова обмочил все дерево? Наступит день, когда я выманю этого гаденыша! Я не я, если не поймаю его! (*Заходит во двор, скривив рот в улыбке, смотрит на присутствующих.*) Чего вы тут разгалделись? Знаете, что на улице про наш двор болтают? (*Имитирует чей-то разговор.*) Какой ужас! У них снова курицы во дворе брачные игры устроили. (*Чжоу Юйпу давится от смеха, жена пинает его ногой.*) Слыхали, нет? Несут чушь, слюной брызжут, аж противно. Цуйлань, поддержи-ка... (*Присаживается на корточки и разгружает деревянную подставку с горшками.*) Послушайте все, что я скажу. Оставьте драки и склоки для мужиков, бабы должны тихо сидеть по домам. Братец Юйпу, так ведь?

Чжоу Юйпу. Так... так...

Цзинь Мужун (*крестится, уставившись на Тянь Цуйлань, шепотом*). Аллилуйя!

Тянь Цуйлань (*в ответ*). О Амитабха¹⁰!

Юань Гочжун (*шутя*). О, мудрейший Гуань Юй¹¹! Вы двое, не уходите пока, надо кое-что серьезное с вами обсудить. Либэнь, возьми... (*Передает Ван Либэню связки полыни и упаковки с лекарствами.*) Не мешкай! Скорее подпали полынь да повесь в туалете, комары там не подохнут, так хоть от запаха с ума сойдут! Не смогут различить, где кирпич, а где человеческая задница, посмотрим, как они теперь покусаются... С лекарственными травами не торопись, их сначала надо хорошенько замочить, потом высушить, потом на медленном огне хорошо пропарить. (*Разворачивается*). Цуйлань, знаешь, что сегодня за день?

Тянь Цуйлань. За Вашими усмешками ничего не скроется, давайте, выкладывайте уже, а то от дел отвлекаете.

Юань Гочжун (*громко*). Сейчас чудесное время года — конец августа, сезон окончания жары¹²! С сегодняшнего дня я, Юань Гочжун, нищий! (*Смотрит на зрителей, сдерживает усмешку.*) Я прошу вас не оплатить проживание, теперь я прошу денег на еду! Две ваши семьи занимают в моем домишке и восточный, и западный флигели, вы просто не можете не подать мне чего-нибудь съестного. Идите сюда, гляньте... Какой чудесный жасмин, все любуются, а никто не берет, еще и почки все ободрали! За еду три бутылки самогона отдам... Ни капли ведь не продал, а вот соленья хоть кто-то взял. Двое знакомых проходили, один целую охапку забрал, а денег не дал! Бросил две монеты всего. Попробуй!

Тянь Цуйлань. Две монеты — не густо. Не надо было отдавать так дешево.

Юань Гочжун (*тяжело вздыхает*). Правда, правда, не надо бы... Я...

Со второго этажа слышен шорох. Юань Гочжун и все остальные поднимают головы вверх. Из комнаты выходит Юань Цзяньмяо, несет термос в бамбуковой подставке. Он очень бледен, волосы взлохмачены, однако выражение лица абсолютно спокойное. Юань Цзяньмяо открывает замок на решетчатой двери, выходит, разворачивается спиной, закрывает замок. Спускается по лестнице вниз.

¹⁰ «О Амитабха!» — одно из употребительнейших молитвенных причитаний у буддистов; «о господи», «слава богу».

¹¹ Гуань Юй — в китайской народной мифологии и в позднем культе бог войны, а также бог богатства.

¹² Конец жары — четырнадцатый период сельскохозяйственного года, примерно с 22–24 августа по 7–10 сентября.

Он полностью погружен в свои мысли, слегка покашливает, глаза опущены в пол перед собой. Юань Гочжун осторожно идет ему навстречу.

Юань Гочжун. Отдыхай-отдыхай! Давай скорее, наполни тебе термос кипятком.

Юань Цзянмяо. Отец, я сам.

Юань Гочжун. Мяо-цзы, мы с тобой... Не сможем пойти после обеда в баню.

Юань Цзянмяо (*двигается очень медленно*). Почему?

Юань Гочжун. Новый хозяин не местный, он боится, что клиентам будет неприятно с большим в одной бане мыться. Хоть умри, а не дает мне талон на баню.

Юань Цзянмяо. А... (*Тихо уходит в кухню.*) Он все-таки правильно поступает...

Юань Гочжун (*вздыхает*). Вы все это видели?

Тянь Цуйлань. Видели что?

Юань Гочжун. Мой сын одурел, что ли, от чтения книг?

Тянь Цуйлань. Сын нет, а вот вы, похоже, да.

Юань Гочжун. С чего это я вдруг дурной?

Тянь Цуйлань. Никто во всем мире так не балует сына, как вы! Болеет он чем или нет, вы в первую очередь его отец. Даже если он станет бессмертным, то для вас он не бессмертный, а прежде всего сын. Вовсе не нужно с утра до ночи ему все на блюдечке приносить.

Юань Гочжун. Это не я его отец, это он мне отец! Ясно?

Тянь Цуйлань. Вам еще и слушать не нравится! Заставили его бросить учебу, лечиться дома, днями и ночами только и делать, что книги читать... Что вы таращите глаза, помощи ждете? Разве так больных выхаживают? Больше похоже, что вы его в могилу свести хотите!

Юань Гочжун. Мой сын любит книги читать, прочитал — всегда радуется. Надо бы придумать что-то другое, чтобы его развлекать.

Тянь Цуйлань. Вы тоже вслед за ним радоваться будете, да? Приклеились, что ли, к нему?

Юань Гочжун. Говорите что хотите... Я так переживаю за него! По ночам слышу, как он кашляет, сердце просто на кусочки разрывается. Так хочется, чтобы он был счастливым.

Тянь Цуйлань. Ох, если бы я на вашем месте была... Как только послушается, книги бы порвала, гармошку сломала бы и... (*Видит, что Юань Цзянмяо выходит из кухни, тут же меняет тему.*) Мяо-цзы, тут пампушки из свежайшей муки, попробуй, пока горячие!

Юань Цзянмяо (*тихим голосом*). Спасибо, тетюшка.

Юань Гочжун. Сынок... Я вечером нагреею котел воды, сами попаримся!

Юань Цзянмяо. Не нужно.

Тянь Цуйлань (*тихим голосом*). У него даже разговаривать нет сил, еще вы надоедаете! Вам совсем не интересно, почему он вас стесняется?

Юань Гочжун (*смотрит, как сын заходит в комнату, удрученно*). Это он не от учебы одурел... Он винит меня в том, что я требую от вас деньги за жилье. Каждый раз, когда приходит время собирать деньги с жильцов, он сразу начинает меня игнорировать... Как по-вашему, он так всегда будет меня стесняться?

Тянь Цуйлань. Можете ради сына отказаться от сбора аренды.

Юань Гочжун (*печально*). Вы задумали меня голодом заморить? Точнее сказать, если я подохну, ничего страшного. Главное, чтобы вы не дали умереть голодной смертью моему сыну... Ну уж нет! Все видели, я только что принес для него лекарства. Но какое лекарство сможет вылечить эту чахотку? Это все равно что мертвому припарки... Сколько надо денег, я все покорно готов отдать. Если свою голову отдать можно, то я готов. Вы меня разденьте догола, при мне останется лишь один медный грош, я лягу на землю и можете хоть кожу с меня сдирать! Я...

Чжоу Юйпу. Старик Юань, мы только-только закупили несколько мешков лекарственного порошка, денег так много потратили...

Юань Гочжун. С вашей семейкой невозможно найти общий язык, особенно если речь о деньгах... (*Криво улыбается Цзинь Мужун.*) Сестрица, послушайте! (*Хрустит пальцами рук.*) Денежки за июнь, за июль, добавим еще за август — эти три веревочки сплетем, получится толстенная коса! Оплаты за целую четверть года не хватает... Вы сразу за все три месяца рассчитаетесь? А? Вы не волнуетесь, так и я спокоен. Даже Небесный владыка — и тот вместе с нами спокоен (*поднимает руки к небу*), сколько еще можно заставлять людей переживать... Виноват! Прости меня, господи!

Цзинь Мужун. Брат Гочжун, мы вправду деньги задолжали, простите нас. Мы сейчас в такой яме... Боюсь, и не выберемся, вы же знаете... Глаза же у вас есть, сами все видите!

Юань Гочжун (*остолбенело*). Да... Есть у меня глаза. Вы из ямы вылезаете, цепляетесь, а я яму заваливаю. Я давным-давно всех вас уже заживо похоронил. А вы и не заметили?

Цзинь Мужун (*мягко*). Вам нет нужды сердиться! Разве мы с вами это не обсуждали уже? Взгляните, Юйпу ведет прием больных в больнице Сихэ. Буквально на днях арендную плату за приемный ка-

бинет снова подняли, вы об этом, наверное, еще не знаете? Мы в полной заднице! Вы знаете, сколько денег они просят? Юйпу зарабатывает три плошки риса, а за аренду две с половиной отдает! В прошлый раз помните, что с корнем женьшеня было? Столько денег потратили, а все покрылось плесенью...

Тянь Цуйлань *(просушивает свиные кишки, входит в разговор)*. Плесень плесенью, но вы сами не сообразили, что продавать скорее надо было. Замочили бы в воде с медом, высушили бы на солнце, какие замечательные получились бы пилюли!

Цзинь Мужун. Да сколько ж можно! Где я вам опять дорогу перешла?

Тянь Цуйлань. Ладно! Это я мешаюсь... Буду от вас подальше держаться, договорились?

Юань Гочжун. Погодите-ка! Куда это вы «подальше» собрались? Проживание в моем доме оплатите сначала, я посчитаю все, и тогда куда хотите, туда «подальше» и идите. Да хоть у вас крылья вырастут и вы улетите! Сначала деньги!

Тянь Цуйлань. Сперва кишки просушу, потом за деньгами пойду. Я...

Юань Гочжун. Цуйлань! Хватит уже молоть языком, надоело слушать. Раскошеливайся!

Тянь Цуйлань. Сын вас стыдится — да так вам и надо!

Юань Гочжун. Согласен, поделом! А с вами слабину давать нельзя, я не прогнусь. Доставай две сотни!

Тянь Цуйлань *(поднимает зад вверх)*. У меня руки грязные, залезь в карман, достань сам.

Юань Гочжун *(смущается, обращается к Цзинь Мужун)*. Вы тоже сходите в дом за деньгами...

Тянь Цуйлань тайком строит глазки Юань Гочжуну. Цзинь Мужун видит это, ее лицо полно презрения, крестится и раздраженно уходит.

Цзинь Мужун. Аллилуйя!

Тянь Цуйлань *(вслед уходящей Цзинь Мужун)*. О Амитабха!

Юань Гочжун. О, мудрейший Гуань Юй! *(Нерешительно засовывает руку в карман к Тянь Цуйлань, шепотом.)* Вы, оказывается, как черепаха — челюсть зажали и впредь не разожмете больше.

Тянь Цуйлань. Как же иначе! Я ее отпускаю — она сразу мне в нос вцепится! В прошлый раз я полоскала свиные кишки, случайно пролила грязную воду ей в корзинку с лекарственным порошком. Она за это у меня забрала полмешка муки!

Юань Гочжун. Перестаньте уже с ней мериться, кто сильнее. Она ведь поклоняется Деве Марии.

Тянь Цуйлань. Она верит в Деву Марию, а я — в Гуаньинь¹³, разве поэтому я хуже ее? Ее спину прикрывает Иисус, а мою задницу — Майтрея¹⁴, и кто еще кого!

Тянь Цуйлань вилает задом, дразнит Юань Гочжун, он весь покрывается потом. Вытаскивает несколько монет, считает их, недоволен, продолжает искать монеты в кармане Тянь Цуйлань. Чжоу Юйпу лежит на кушетке, притворяется, что читает газету, на самом деле подсматривает за ними. Ван Либэнь, наоборот, на все закрывает глаза. Подпаливает полынь, трясет ее, выходит с ней в туалет.

Тянь Цуйлань. Эй! Достаточно уже полазили в моем кармане?
Юань Гочжун. Недостаточно! Ваша с мужем доля, а еще ведь надо заплатить за вашу дочь с муженьком!

Тянь Цуйлань. Так долго рукой шарили, а денег не нашли?

Юань Гочжун. Идите уже, полоскайте ваши кишки!

Юань Гочжун отходит от собеседницы, подкидывает монетки вверх, прислушивается к их звону. Идет в сторону дивана, где лежит Чжоу Юйпу.

Юань Гочжун. Эй, братец Юйпу...

Чжоу Юйпу. Что такое?

Юань Гочжун. У тебя жена в церковь ходит уже два года как, да?

Чжоу Юйпу. В декабре уже будет полных три года.

Юань Гочжун. Всем известно, какая строптивая твоя гэгэ¹⁵. Это из-за того, что она католичка? С таким нравом, конечно, надо что-то делать. Ей скажешь слово — она всегда поперек. Кто ее обидел... Военачальник Фу или, может, председатель комитета Цзян? Какой святой ей наказал так себя вести? Все ей не нравится, все не устраивает. Что делать-то с этим?

Чжоу Юйпу. Скажу вам честно... Хочу попросить кого-нибудь разузнать, не в веру ли дело. Когда я впервые оказался на службе в храме, то уснул и захрапел, меня разбудили, а я снова в сон провалился... Моя жена еще заплакать не успела, так уже священник разрыдался. Вот с тех пор Мужун больше не разрешает мне ходить в храм.

¹³ Гуаньинь — божество, выступающее преимущественно в женском облике, спасающее людей от всевозможных бедствий; покровительница женской половины дома. Образ восходит к буддийскому бодхисаттве Авалокитешваре, но Гуаньинь почитается представителями практически всех конфессий Китая.

¹⁴ Майтрея — бодхисаттва и будда будущего. В дальневосточном буддизме является одним из наиболее популярных бодхисаттв и связывается с будущей эпохой процветания и блаженства. Майтрея является единственным бодхисаттвой, которого почитают все школы буддизма.

¹⁵ Гэгэ — почетное родовое звание девушек из аристократических маньчжурских семей.

Юань Гочжун. Ты не ходишь, так дочь твоя с ней ходит?
Чжоу Юйпу. Была два раза, больше не пошла.
Юань Гочжун. Твоя дочь тоже в храме храпит?
Чжоу Юйпу. Если бы храпела, было бы еще ничего... *(Тихо.)*
Она теперь марксистка!
Юань Гочжун. Ма... ма... мар... марк что?
Чжоу Юйпу. Марксистка!
Юань Гочжун. Маркс — это кто такой? Сектант буддийский что ли?

Чжоу Юйпу. Эй! Это тут при чем? *(Говорит на ухо Юань Гочжуну.)* Да вы точно знаете, кто это!

Юань Гочжун *(раздраженно)*. Не знаю! Ты ничего не сказал, а я ничего не услышал! Этот Ма со мной не знаком, и я его не знаю. Зато знаю, что ты мне денег за жилье должен! Зови жену скорее, деньги давайте... быстро! А то я вам...

Из-за дома вдруг раздается стук топора. Юань Гочжун трясется так, словно ему самому дали обухом топора по загривку. Он с трудом передвигает ноги, смотрит на дрожащие ветки над крышей дома.

Юань Гочжун. Что происходит? *(Громко.)* Эй... вы чего делаете?

Тянь Цуйлань *(нерешительно)*. Они дерево рубят.

Юань Гочжун. Кто?

Тянь Цуйлань. Моя дочь... Дочь с мужем.

Юань Гочжун *(злится)*. Это ты им сказала? Случаем воспользовалась, да? На шею мне сели и ножки свесили? Еще нагадить хотите?

Тянь Цуйлань. Это не я...

Юань Гочжун. Кто? Не ты — так кто тогда? Говори, кто?!

Гу Юэцзун *(тихо)*. Я.

Юань Гочжун. Дед Гу?

Гу Юэцзун. Ты что тут без разбору орешь? Да, это я их заставил дерево срубить.

Гу Юэцзун, шатаясь, спускается с лестницы. Через его плечо перекинута полоса ткани, в нее завернуты несколько горшков для сверчков. Одной рукой он опирается на палку, в другой руке металлический щуп, которым он водит вокруг себя. Юань Гочжун видит, как он ковыляет, быстро поднимается вверх, подает ему руку. Звук топора звонкий и все более частый.

Юань Гочжун. Старик Гу, вы же знаете, что это дерево мы заложили гробовщику!

Гу Юэцзун. Чепуха! Если бы не знал, разве бы нанял людей так срочно его срубить?

Юань Гочжун. Вы что имеете в виду?

Гу Юэцзун. В моей жизни только гроба и не хватает. Восьмого декабря мне уже стукнет семьдесят три, если я сам себе не подготовлю домик из шести стенок на будущее, кто ж за меня это сделает! Уяснил?

Юань Гочжун. Не понимаю. Если вы хотите поспать в гробу — идите к гробовщику в магазин, попроситесь полежать там, зачем мое дерево рубить? Я владелец дома, дерево — мое, и я решаю, срубить его или нет. С чего это вдруг вы скомандовали срубить — и пошло дело?

Гу Юэцзун. Да, верно, вы тут хозяин. Однако этот дом кукурузных лепешек вы именно у меня купили на шестнадцатый год республиканской эры¹⁶, помните?

Юань Гочжун *(не понимает, что ударило в голову собеседнику)*. Да, верно, помню.

Гу Юэцзун. Я продал вам этот дом за триста двадцать юаней серебром, верно?

Юань Гочжун. Верно...

Гу Юэцзун. Но дерево-то я вам не продавал, верно?

Юань Гочжун *(в оценении)*. Верно... Нет! Неверно! Старик Гу, вы все-таки имеете честь носить ученую степень цзюйжэня, много за свою жизнь повидали. Вы знаете даже, какой на вкус был лук-порей, который когда-то ели императоры, сами рассказывали, что запах помните! Но вы меня-то не разыгрывайте... Я потратил деньги, купил у вас этот двор, разве деревья здесь не мои? Двор мой, а все, что во дворе, разве не мне принадлежит?

Гу Юэцзун. Я тоже во дворе. Я тебе принадлежу?

Юань Гочжун. ...

Гу Юэцзун. Отвечай! Я, Гу Юэцзун, старый дурак, тебе принадлежу или все-таки самому себе?

Юань Гочжун. Конечно, вы сам себе хозяин...

Гу Юэцзун. То-то и оно!

Юань Гочжун. А если бы вы были деревом? Если бы вы росли на моем заднем дворе? Если вы не мой, то чей тогда? Ишь тут удумали корни пустить!

Гу Юэцзун. Упрямец!

Тянь Цуйлань. Дед Гу, вы лучше бы не тыкали везде своим металлическим прутом, а то уже штукатурка со стен начала сыпаться. Осторожнее, а то так и кирпичи падать начнут, еще придавят!

¹⁶ Китайская республика (1912–1949). В 1911 г. Синьхайской революцией была ликвидирована Цинская империя и образована Китайская республика, просуществовавшая до поражения Гоминьдана в 1949 г. Здесь речь о летоисчислении, которое велось с начала республиканского режима в 1912 г.

Гу Юэцзун. Скажите, что делать? Усадьба — его, сверчки — тоже его? Вы согласитесь, а сверчки согласятся? Нет сил уже над вами, дураками, смеяться. (*Вытаскивает из-за пазухи договор об аренде дома, медленно раскрывает.*) У нас по экземпляру у каждого! Давай доставай свой, дай ему проветриться... Большоголовый Юань!

Юань Гочжун. Хватит так меня называть, мне не нравится.

Гу Юэцзун (*заливается смехом*). Не нравится тебе? В год похорон Юань Шикая¹⁷... (*Обращается к Тянь Цуйлань и Чжоу Юйпу.*) В тот год этот парнишка присматривал за моим двором, так ему спокойно не сиделось. Выскочил на улицу и побежал смотреть, как несут гроб Юань Шикая. И угадайте, что потом? Народу на улицах было так много, что ни пройти ни проехать, все вышли не только на покойника смотреть, но и друг с другом пошуметь. Все вокруг говорили: «Как же, мать его, так быстро-то... И кем в следующей жизни будет Юань Большая голова¹⁸...?» (*Все смеются.*) Эй, Большоголовый Юань, так ведь было?

Юань Гочжун (*смеется сам над собой*). Было-было, у меня правда голова была большая, но моя фамилия Юань записывается другим иероглифом, не тем, который в фамилии Юань Шикая! Я простой человек, в поле работал, вот в моем иероглифе еще сверху пишется ключ «трава»¹⁹. Да и хватит уже, большоголовый, круглоголовый, квадратноголовый, нормальная голова у меня... Дерево позади дома не твое! Оно мое!

Гу Юэцзун. Прочитай-ка мне договор об аренде дома. Если ты там найдешь хоть один иероглиф, похожий на «дерево», я тут прям у тебя помру под ногами! Читай!

Юань Гочжун. Я? Я не буду читать.

Гу Юэцзун. Ты не читаешь, так я тебе помогу. Мне как раз нравятся эти две строчки. Я вам всем зачитаю сейчас, слушайте. (*Тянь Цуйлань и Чжоу Юйпу подходят ближе.*) Продавец... Имеется в виду я... (*Читает спокойно.*) Продавец испытывает боль утраты от продажи старого заброшенного дома, тело и душа его в печали, он нуждается в помощи и лечении... Я еще немного и совсем перестану дышать... Нуждается в помощи и лечении, начиная со дня подписания договора, безвозмездно... Это значит даром... Безвозмездно сможет

¹⁷ Юань Шикай (1859–1916), военный и политический деятель эпохи Цин, первый президент Китайской республики.

¹⁸ Прозвище Юань Большая голова было дано Юань Шикаю, так как изображение его головы было помещено на серебряный китайский доллар — серебряные монеты, выпускавшиеся в ранние годы Китайской республики (1912–1949). Фамилии Юань Гочжуна и Юань Шикая совпадают по звучанию, но записываются разными иероглифами.

¹⁹ Ключ — составная часть китайского иероглифа.

занимать одну комнату в вышеупомянутом доме. После того, как приобретет новое место жительства, немедленно съедет. Покупатель не должен вмешиваться в этот процесс... (*Радуеться и кривляется.*) Вот-вот-вот! Уши заболели у тебя небось от услышанного?

Чжоу Юйпу (*неожиданно осознает происходящее*). Так, значит... Начиная с шестнадцатого года республиканской эры и до сих пор вы... Так и не приобрели новое жилье?

Гу Юэцзун (*не сдерживает радости*). Каждый день мечтаю отсюда съехать, но ничего подходящего пока не нашел!

Тянь Цуйлань. В этом году уже тридцать семь лет с основания Китайской республики... Это ж сколько вы уже успели сэкономить на бесплатном жилье?

Гу Юэцзун. Правильно говоришь! Он как начинает с вас деньги за жилье требовать, мое сердце так кровью и обливается. Все жду, когда же за мной придет. Невозможно описать, как тяжело!

Юань Гочжун. Старик Гу... Родитель наш! Вы же не можете всег-да сидеть в своем спальном мешке и радоваться втихую?

Гу Юэцзун. Боюсь, что слишком сильно буду радоваться — так и помру в этом мешке. Вот выхожу на улицу иногда проветриться.

Юань Гочжун. Вы ведь уже от души повеселились! Не спешите, я вам бесплатно отдам гроб. Вы не мешкая туда ляжете, по струнке ровно вытянетесь, а я гвозди заколотить помогу. Договорились?

Гу Юэцзун. Эй, правда?

Юань Гочжун. Да, обещаю. Ну что, так и сделаем?

Гу Юэцзун. Все слышали? Дерево ему, гроб — мне.

Юань Гочжун. Позабочусь о ваших душевных переживаниях... Но то дерево с самого начала...

Цзинь Мужун выносит во двор плетеную коробочку, в которой лежит несколько пачек денег. Без лишних слов опрокидывает коробку, Юань Гочжун спешно ловит деньги подолом, медленно пятится назад, падает, у него не сразу получается подняться.

Юань Гочжун. Ай-йй-йй! Мне не надо бумажных денег, давайте монеты!

Цзинь Мужун. Довольствуйтесь тем, что есть.

Юань Гочжун. Бумажные так бумажные, но дайте хоть новые золотые юани²⁰, что вы мне дали так много фаби²¹...

²⁰ Золотой юань — гоминьдановские банкноты, или *цзиньюаньцюань*, бумажные деньги, выпущенные Гоминьданом в 1948 г., когда была начата денежная реформа в ответ на гиперинфляцию. Золотой юань заменил фаби по курсу 1 золотой юань = 3 миллиона фаби.

²¹ Фаби — валюта, выпущенная в 1935 г., чтобы ограничить эмиссию валюты четырьмя основными китайскими банками. Буквально означает «законное платежное средство».

Цзинь Мужун. Идите сами да поменяйте! На руку поплюйте, пересчитайте.

Юань Гочжун. Я бы посчитал, да как с таким количеством справиться?!

Цзинь Мужун. Я перед вами больше не в долгу.

Юань Гочжун. И я вам ничего не должен. Однако я не могу вас не поблагодарить!

Цзинь Мужун. Извините, давайте без этого.

Гу Юэцзун (*ходит кругами рядом, пошатывается*). Старшая гэгэ, опускаюсь перед тобой на левое колено!

Цзинь Мужун (*поднимает собеседника*). Не стоит так церемониться, будьте здоровы!

Гу Юэцзун. Молодежь здорова — и старики здоровы! Твои домашние... В Маньчжурии хорошо живут?

Цзинь Мужун. Да, ничего.

Гу Юэцзун. Говорят, коммунистических бандитов окружили в Цзиньчжоу²²... Никого не выпускают, слышала?

Цзинь Мужун. Все освободились уже. Прятались, пока им помощь из Тяньцзиня²³ не пришла.

Гу Юэцзун. А... Значит, Тяньцзинь тоже скоро возьмут?

Цзинь Мужун (*злорадствует*). Что это вы так ищете моего расположения? Куда я — туда и вы... Это уже чересчур.

Гу Юэцзун (*замечает печальное выражение лица женщины, плаксивый тон*). Давайте о чем-нибудь другом поболтаем? Да, ребята... Поболтаем о другом? Давайте?

Юань Гочжун (*смотрит на вход*). Эй! Стоять! Остановись!

Ню Большая Куча останавливает повозку с нечистотами прямо рядом с входной дверью, подбегает к финиковому дереву и мочится на него. Юань Гочжун с подолом, полным денег, бежит к ступеням входной лестницы, остановившись у дерева, громко кричит.

Юань Гочжун. Большая Куча! В этот раз я тебя поймал! Ты бесовестный! Ты у меня... Теперь тебя звать не Большая Куча, а Большая Лужа! Давно уже этим делом промышляешь, нашел укромное местечко и теперь ссышь туда! Да что ты за человек такой!

Большая Куча (*выходит из-за дерева, улыбается, завязывает штаны*). Ах, боже мой, облегчился! Братец Юань, это я тут дерево обмочил, извините! Но иначе я бы замучился терпеть!

²² Цзиньчжоу — место, где из Маньчжурии выходит основная дорога, ведущая через Шанхайгуань к Великой Китайской равнине, поэтому этот город имел стратегическое значение. Овладение Цзиньчжоу позволяло коммунистам прорваться в собственно Китай.

²³ Тяньцзинь — город недалеко от Пекина.

Юань Гочжун. Ты же каждый день чистишь выгребные ямы в отхожих местах, они настолько полны, что туда не можешь помочиться? Зачем терпеть и сюда бежать, дерево мое обливает?

Большая Куча. Честно вам скажу, я примерно из сотни ям выгребаю отходы и ни одной воспользоваться не могу. Эти ублюдки правила установили: хоть в штаны наложи, хоть в руку настри и проглоти, но ни в коем случае нельзя использовать туалеты, которые убираешь.

Юань Гочжун. Отличная идея пришла в голову вашему начальнику.

Большая Куча. Вам в ущерб ведь... В прошлый раз один мужик правила нарушил, как раз сидел тужился, еще и попросил какую-то женщину из того дома дверь прикрыть. Оштрафовали его на зарплату за три месяца!

Юань Гочжун. Так и договоримся. В следующий раз, если прищипит, будешь себе в руки справляться. Если еще раз тебя поймаю, превращу тебя в тушеный баклажан, не веришь — я докажу.

Большая Куча. Хорошо! Сам справлюсь... А зачем вы запасли столько бумаги? Задницу подтирать?

Юань Гочжун. У тебя вместо глаз козий помет или какие другие шары?

Большая Куча. Да я не шучу с вами, лучше пошли бы в переулок Гоцзы, где очередь большая стоит. Знаете, как выгодно там можно обменять?

Юань Гочжун. Видел объявление на улице: три миллиона фаби меняют на один новый золотой юань.

Большая Куча. Да в помине не было такого! Если вы сегодня в очередь встанете, еще успеете четыре миллиона поменять на одну новую бумажку. Если до завтра дотянете, то, может, уже за одну купюру и шесть миллионов надо будет отдать...

Юань Гочжун (*тяжело вздыхает*). Какой смысл уже идти менять... Оставлю как есть, буду печь ими растапливать.

Большая Куча (*подходит ближе*). Вы слышали или нет? Национально-революционная армия уже потеряла уездный город Яньцин²⁴... Говорят, скоро и уезд Пингу²⁵ сдадут... (*Воодушевленно*.) Если так и дальше продолжится... То скоро и до ворот Дэшэньмэнь²⁶ дойдет!

Юань Гочжун (*осторожно оглядывается по сторонам*). Что за две семечки переживать, если арбуз скоро потеряют... Наступит день,

²⁴ Яньцин — уездный город недалеко от Пекина.

²⁵ Пингу — уездный город недалеко от Пекина.

²⁶ Название крепостных ворот в северной части бывшей пекинской крепостной стены.

когда утром встанем, а врата Тяньаньмэнь²⁷ уже другим принадлежат. (*Видит, что подходит Гу Юэцзун, начинает говорить во весь голос.*) Впредь чтобы ни капли даже твоей слюны здесь не было! Такая жара стоит, вонь теперь невыносимая на весь хутун!

Большая Куча. Ладно, будет по-вашему. (*Кланяется Гу Юэцзуну.*) Уважаемый цзюйжэнь! Доброго здравия! Как ваши сверчки поживают? Помню, вы хотели поймать сверчка и пойти на аудиенцию к императору, получилось?

Гу Юэцзун. Не вышло! Этот щенок все не пускал меня к императору, я только зря простоял у дверей павильона Тяньхэдянь Запретного города²⁸... Большая Куча, у тебя за пазухой медяк припрятан?

Большая Куча. Где-то тут есть два-три...

Гу Юэцзун. Смотри, вот тут у меня впереди Цао Кунь²⁹ и Дуань Цижуй³⁰, а вот здесь позади Чжан Цзолинь³¹ и Сунь Чуаньфан³², ставка три медяка. На победу какого сверчка поставишь?

Большая Куча (*нерешительно*). Цао Кунь все-таки самый оголтелый... Я на него ставлю!

Гу Юэцзун. Равняйся! Стоял я как-то у входа в наш хутун...

Большая Куча. Старик Гу, меня парни попросили у вас кое-что узнать.

Гу Юэцзун. Со шлюхами я не развлекаюсь, а вот про сверчков все знаю. Что хотели? Говори.

Большая Куча. Парни все не могут понять, «Пампушечный двор» почему именно так вы назвали? Почему бы не назвать просто «Пампушечная»?

Юань Гоцзун. Точно! Можно еще назвать «Двор баоцзы³³», как аппетитно звучит. Да хоть бы «Двор ослиных плюшек»³⁴, все лучше чем дешевые пампушки из кукурузной муки.

²⁷ Ворота Тяньаньмэнь — ворота, которые находятся к северу от площади Тяньаньмэнь и отделяют ее от Запретного города, расположены в самом центре Пекина.

²⁸ Резиденция китайских императоров в Пекине.

²⁹ Цао Кунь (1862–1938) — глава Чжилийской клики в Бэйянской армии и президент Китайской республики.

³⁰ Дуань Цижуй (1865–1936) — китайский военачальник и политический деятель.

³¹ Чжан Цзолинь (1875–1928) — китайский военный и политический деятель эры милитаристов, последний лидер бэйянского правительства.

³² Сунь Чуаньфан (1885–1935) — китайский милитарист, принадлежавший к Чжилийской клике, и протеже Нефритового маршала У Пэйфу (1874–1939).

³³ Китайские булочки с начинкой, готовятся на пару.

³⁴ Сладости из просяной муки с сахарной начинкой, посыпанные соевой мукой.

Гу Юэцзун. Постараюсь вам покороче объяснить. Много лет назад один мой нищий прародитель приехал из деревни в столицу сдавать экзамены на ученую степень³⁵ и несколько месяцев провел в этом доме. Шестьдесят дней здесь грыз кукурузные пампушки, и что в итоге? Сдал, мать его, с первого раза! Так обрадовался, что взял и купил весь этот двор, назвал его «Пампушечный двор» и установил правило... Впредь здесь нельзя жить тем, кто экзамены не сдает. Если богач сдает, тоже здесь останавливаться нельзя. Ежели остановился перед сдачей экзаменов здесь, то каждый день ешь кукурузные пампушки. С тех пор прошло уже больше двухсот лет, я тоже так в этом доме оказался. Теперь уж нет здесь никого, кто во время императорских экзаменов держался на одних кукурузных пампушках...

Большая Куча. Вы разве экзамены на ученую степень не сдали?

Гу Юэцзун. Не прикидывайся дураком! Я свою ученую степень купил, не знаешь, что ли? Большоголовый Юань не сказал тебе? О чем вы вообще тогда разговаривали?

Большая Куча. А надпись на табличке над входом... Это вы писали?

Гу Юэцзун. Бред какой-то! Если не я писал, то кто?

Большая Куча. Там подпись есть — Цяньлун! Вы, наверное, так красиво не умеете писать?

Гу Юэцзун. Если хочешь, чтоб подпись Канси³⁶ была, могу и Канси сделать... О-о-о, Цао Кунь уже не в силах терпеть. Ты бы парней, с кем работаешь, тоже к нам позвал! Смотрю, ты сегодня в прекраснейшем настроении, небось, выиграешь. Те два твоих медяка должны сегодня умножиться!

Большая Куча. Да ладно? Я... *(В замешательстве смотрит в сторону выхода, говорит Юань Гочжуну.)* Этот ублюдок заявился... Посторонись, мне быстрее работать надо.

Большая Куча вешает на руку ведро для нечистот, бежит в сторону туалета. Юань Гочжун спотыкается об собственные ноги, роняет пачку денег на землю, Тянь Цуйлань бросается помочь собрать их. Юань Гочжун пытается встать. Сяо Цишань и Гу Юэцзун встречаются друг с другом, с виду они любезны друг с другом, но ни один не уступает дорогу, в итоге старший по возрасту отходит в сторону.

Гу Юэцзун. Начальник Сяо! Пожалуйте монетку, послушаете немножко?

³⁵ Государственные экзамены в императорском Китае — неотъемлемая часть системы конфуцианского образования, обеспечивавшая доступ в государственный бюрократический аппарат и социальную мобильность. Система существовала с 605 по 1905 г.

³⁶ Император Китая (1654–1722).

Сяо Цишань. Кого вы мне предлагаете послушать?

Гу Юэцзун. Вот спереди это Тань Синьпэй³⁷ и Ян Сяолоу³⁸, двое позади — Мэй Ланьфан³⁹ и Сюнь Хуэйшэн⁴⁰... Поют особенно громко и звонко! Давайте я вас посмешу, попрошу их спеть хорошенько! Которого хотите послушать?

Сяо Цишань. Хочу послушать Трумэна⁴¹, есть у вас такой?

Гу Юэцзун. Заморский сверчок? Таких не держу...

Сяо Цишань (мягко). Мне вот нравится слушать, как вопит Трумэн. Когда поймаете такого — дайте знать. Погодите, не уходите, давайте в тенечке присядем поговорим.

Гу Юэцзун. Я, пожалуй, пойду на улицу, куплю тарелочку жареной лапши с бобами, заодно и Трумэна для вас поищу... (Убегает.) Вы погодите пока!

Сяо Цишань. Куда же вы... (Смеется.) Куда бы ты ни побежал, я все равно тебя найду.

Юань Гочжун сгребает деньги, делает два шага, снова роняет. Сяо Цишань несет подмышкой расчетную книгу, поднимается по лестнице. Юань Гочжун срывает передник с Тянь Цуйлань, накрывает им деньги, мило улыбаясь, приветствует Сяо Цишаня. Звук топора не умолкает, звучит размеренно, Сяо Цишань бросает взгляд в сторону задней части дома.

Юань Гочжун. Начальник Сяо! Это же каким гуманным и справедливым ветром вас к нам занесло?

Сяо Цишань. Ветер разве сильный? Принес меня и на землю спустил. Жалко, тебя этот ветер не унес.

Юань Гочжун. Унес, да потом обратно принес! Вы сами словно вихрь... Вам, наверное, не понравится, что я скажу... Вы такой образцовый старейшина бао, ходите на партийные собрания, но так быстро позабыли старых добрых соседей с кукурузными пампушками! Так ведь?

³⁷ Тань Синьпэй (1847–1917) — китайский актер, исполнитель ролей ряда амплуа в пекинской опере. Один из тринадцати великих актеров позднего периода эпохи Цин.

³⁸ Ян Сяолоу (1878–1938) — китайский актер, исполнитель ролей военного амплуа ушэн в пекинской опере.

³⁹ Мэй Ланьфан (1894–1961) — китайский актер, исполнитель ролей женского амплуа дань в пекинской опере, известен как один из Четырех великих дань золотой эры пекинской оперы.

⁴⁰ Сюнь Хуэйшэн (1900–1968) — китайский артист, исполнитель ролей женского амплуа дань в пекинской опере, известен как один из Четырех великих дань золотой эры пекинской оперы.

⁴¹ Гарри Трумэн (1884–1972) — государственный деятель, 33-й президент США (1945–1953) от Демократической партии.

Чжоу Юйпу. Начальник Сяо, вы присаживайтесь, я попрошу Мужун вам чайник заварить... *(Достает сигареты.)* Вот, выкурите «Кэмэл»⁴², я только-только на черном рынке добыл, заграничные.

Тянь Цуйлань. Вы у нас посидите, я скоро жареную свиную печенку приготовлю, вам наполню целую миску, попробуете!

Сяо Цишань *(улыбается во весь рот)*. Хватит-хватит, что вы все засуетились, будто не знаете, зачем я пришел? Я не просто по гостям расхаживаю, у меня времени столько нет... *(Садится на перевернутый глиняный кувшин.)* Хватит болтать без толку, сначала серьезные вещи обсудим, а потом уже можно чесать языком. Все сюда, слушайте... *(Открывает расчетную книгу, читает словно скороговоркой.)* Платежи за электричество, обработку земли, уборку улицы, водоснабжение, охрану города, воинскую повинность, вывеску... Дополнительные пожертвования на восстановление мира, построение мира, содержание гарнизона, ремонт городского защитного рва, очистку канализации, похороны, посадку деревьев, налоги на дом, плата за уборку туалета, за деревья... Еще есть кое-что... *(Ищет.)* Ценовая разница за лошадиный труд. Ценовая... разница... за труд... лошадей... Граждане! Я все назвал?

Все стоят в оцепенении, застыли неподвижно, как деревянные столбы. Сяо Цишань удивленно осматривает всех присутствующих. Лицо Юань Гочжуна застыло в улыбке, но кажется, что он вот-вот заплачет.

Сяо Цишань. Глухие, что ли?

Юань Гочжун *(еле слышно)*. Дальше еще хуже будет? Если так, то нам всем конец... Тогда можете уже не приходить за налогами, можно просто две труповозки прислать тела забрать.

Сяо Цишань *(подшучивает)*. Когда вонючие мешки из кожи живы, их особо не ценят. А когда они коченеют... Тем более никому не нужны!

Чжоу Юйпу. Начальник Сяо, разве плату за оборону города и воинскую повинность не в самом конце года собирают? Сейчас ведь только конец лета... Еще не время...

Сяо Цишань. Не знаете, что ли, что война идет? Во время войны деньги нужны! Сегодня взяли Дунбэй, а завтра артиллерийский снаряд прилетит вам прямо на кан⁴³... Мне тянуть до конца года, чтобы прийти с вас, отребья, последние деньги взять? Вам по пово-

⁴² Сигареты Camel.

⁴³ Кан — традиционная система отопления в крестьянских домах Северного Китая. Типичный кан представлял собой широкую кирпичную или глиняную лезжанку, внутри которой проходил горячий воздух от печи. Сверху кан накрывался бамбуковыми или соломенными циновками.

ду денежных вопросов все известно, сегодня чего вдруг прикинулись тупыми гусьями? Гочжун, если и вправду что неясно, ты прямо скажи.

Юань Гочжун. Я все никак не могу понять, эта вот... Разница цен... За труд лошадей... Это, в конце концов, вообще о чем?

Сяо Цишань. Честно говоря, я и сам не до конца понимаю. Так тебе скажу, ценовая разница за лошадиный труд — это... Вот поручили тебе работу, которую лошадь выполняет. А ты не лошадь, выполнить не можешь! И в семье твоей лошадей нет, что делать тогда? Ты можешь откупиться от такой работы. Вот тебе и разница в цене за лошадей! Теперь понял?

Юань Гочжун (*кивает*). Понял... Мне еще кое-что неясно.

Сяо Цишань. Внимательно слушаю.

Юань Гочжун. Помнится, что был только один налог на деревья, откуда два взялось?

Сяо Цишань. То был налог на посадку деревьев, а это... (*Указывает на задний двор.*) Вы сами виноваты, что я это увидел! Деревья не разрешено как попало рубить! Ты теперь должен Национальному правительству⁴⁴ оплатить налог на рубку деревьев.

Юань Гочжун (*хватается за голову, как будто у него заболел зуб*). Ой-ей-ей!

Сяо Цишань (*улыбается*). Ты еще охаешь! Нашему правительству не нужна твоя мелочевка. Но благодаря кому ты являешься гражданином этой страны? Надо должным образом уважать тех, кого следует уважать. Зуб ли у тебя болит или под ребрами прихватило, ты мне в любом случае связку монет должен выложить!

Юань Гочжун. Можно я кое-что грубое скажу?

Сяо Цишань. Собери всю свою нравственность и скажи лучше что-то приятное.

Юань Гочжун. Эта Китайская республика... Ей, в сущности, не стоило давать такое название.

Сяо Цишань (*остолбенело*). И как же стоило ее назвать?

Юань Гочжун. Ни на какое демократическое государство это не похоже... Если бы я выбирал... Назвал бы «страна проклятых чиновников», и черт с ней!

Сяо Цишань. И это ты считаешь приятным высказыванием?

Юань Гочжун (*Тянь Цуйлань аккуратно тыкает пальцем ему в спину, он ее отталкивает*). Грубость свою попытался сдержать, но вот вырвалось случайно.

Сяо Цишань. Обычно трусливый, трясешься как заяц, но только заставь тебя раскошелиться, так сразу рубишь с плеча. Сам живешь

⁴⁴ Национальное правительство — гоминьдановское правительство (1926–1949).

на содержании, да еще упрямисься, любую чушь нести смелости хватает! Китайское чиновничье государство? *(Смеется.)* Ох и фантазия у тебя!

Юань Гочжун *(не может остановиться)*. Да, так и есть! По поводу и без повода деньги с меня дерут, а я с них спрашивал разве? Вы вместо них меня заставляете сотню вернуть! А с них спросили денег? Попробуйте на улицу выйти, перегородить дорогу какому-нибудь Остину⁴⁵, скажите чиновнику, который в машине сидит: «Тут кое-кто по фамилии Юань хочет от вас две монетки! Нет денег — нет проезда». Вот и посмотрите, он будет с плеча рубить? Он точно ругаться начнет, а я что — не могу?

Тянь Цуйлань *(пытается разрядить обстановку)*. Братец Юань, вот насмешили! Вот это он шутит, да? Он...

Чжоу Юйпу. Ладно-ладно, пошутили и хватит! *(Подает знаки глазами.)* Славно посмеялись!

Юань Гочжун *(не замечает, что Сяо Цишань уже изменился в лице)*. Еще не все! У нас «Три народных принципа»⁴⁶ превратились в «принципы трех чиновников»: чиновник ест, чиновник пьет, чиновник берет... Вот как замечательно!

Сяо Цишань *(громко)*. Юань Гочжун! Заткни свою дурную пасть! Ты еще не закончил, а? Войска коммунистов пока еще далеко от стен нашего города, а твой собачий нос их уже учуял! Тебе деньги карман жмут, что ли? Тебя куда отправить проветриться? Отвести тебя в полицейский участок или, может, в тюрьму сразу? Говори! Сам не пойдешь, я не позволю тебя дотащить!

Звук топора замедляет темп, но все такой же мощный. Все присутствующие молчат. Сяо Цишань обнаруживает свое истинное дерзкое и грубое лицо, но теперь отошел назад и стоит в тишине. Юань Гочжун, втянув голову в плечи, с почтением смотрит на него. Цзинь Мужун ставит поднос с чаем на каменную плиту стола, тихонько наливает воду.

Цзинь Мужун *(мягким голосом)*. На прошлой неделе служили обедню, что же вашей супруги не было?

Сяо Цишань *(весьма добросердечно)*. Все из-за ее болезни, задышалась так, что с кана встать не могла.

Цзинь Мужун. Ваша супруга говорила... Что этой осенью ваш сын выйдет на свободу?

⁴⁵ Марка машины Austin.

⁴⁶ Три народных принципа — политическая доктрина, разработанная китайским политиком и философом Сунь Ятсеном. Часть политической философии, направленной на превращение Китая в свободное, процветающее и сильное государство.

Сяо Цишань. Даже не упоминай при мне его имя. Как вспомню про него — аж в висках стучит.

Цзинь Мужун. Помнится... *(Вглядывается в лицо собеседника.)* Ему ведь оставалось сидеть еще два или три года?

Сяо Цишань. Оставалось, но кто ж хочет его там держать? Нынче все живут сегодняшним днем, как правильно в итоге поступить, разве кто разъяснит? Чего уж про этого говорить, если убийц и поджигателей одного за одним на свободу отпускают из тюрем? Это точно дурной знак.

Цзинь Мужун. В наши дни весь мир в огне. В тюрьме, наверное, даже поспокойнее будет, чем на городских улицах.

Сяо Цишань. Так-то оно так... А ваша Цзыпин как поживает? Уже сколько времени летние каникулы идут, а ее и следа не видно?

Цзинь Мужун *(переглядывается с мужем)*. На севере война идет, ее подружки из Цзилиня⁴⁷ не могут вернуться к своим семьям, вот она с ними за компанию и осталась в училище.

Сяо Цишань. Вот молодец девчонка! Наш уродец только мечтать о ней может!

Цзинь Мужун. Да что уж там... *(Снова смотрит на мужа.)* Как не подчиниться судьбе? В будущем нам придется позаботиться друг о друге. Если получится жить спокойно, так это великое счастье!

Сяо Цишань *(вздыхает)*. Плевать, как оно сложится, главное, все живы, деньги есть. Пока есть шанс передохнуть, надо с делами скорее разобраться. Граждане, не тяните время! Давайте по старым правилам поступим. Тут экономить, тут урезать, так хлопот не оберетесь. Не слышите меня, что ли? Думаете, я к вам несправедлив? Ты пластыри продаешь, ты жареную свиную печенку, ты самогон с соленьями... Вы чем хотите, тем и торгуете, разве правительство наше с вас взяло хоть монетку налога? Если бы я вас всех не защищал, разве жили бы вы так легко? Подумайте не задницей своей, а головой...

Тянь Цуйлань. Я сейчас принесу вам...

Чжоу Юйпу. Вы закурите пока! Давайте я вам прикурю сигаретку «Кэмэла»...

Сяо Цишань *(кричит)*. Давай-давай, только не подделку!

Чжоу Юйпу. Вы пока выпейте чаю...

Женщины уходят по своим комнатам. Юань Гочжун звенит монетами, перебирает мелочь. Сяо Цишань отдыхает, прикрыв глаза, не обращает на него внимания. Большая Куча с ведром нечистот за спиной выходит из туалета. Юань Гочжун, боясь, что он наткнется на спрятанные деньги, передвигается на несколько шагов в сторону, встает на дорожку рядом с домом.

⁴⁷ Цзилинь — провинция на северо-востоке Китая.

Юань Гочжун. Зачем идешь под кишками и пластырями? Обошел бы вон там, вокруг гранатового дерева!

Сяо Цишань (*вымещает злобу на Большой Куче*). Крепко стой на своих двоих! Спину выпрями! Посмотрите, как эта деревенщина ходит, прям как баба, как хромая баба! Посмотрите, блин, на него! Если сейчас это дерьмо расплескаешь, языком вылизывать будешь!

Большая Куча (*смиренно*). Ладно! Все нормально! (*Бормочет под нос*.) Ишь раскричался...

Тянь Цуйлань (*выходит из комнаты с бумажным пакетом в руках, вручает его Сяо Цишаню*). Отдаю, как договаривались. Впредь полагаемся на вас, даже если торговля будет мелкая, словно зубочистка. А вот когда развернемся с зубочистки до здоровой дубинки, тогда уж отблагодарим вас как следует.

Сяо Цишань. Ты не думай, что мы на этом закончили. А Доуцзы⁴⁸ где?

Тянь Цуйлань. Он там позади дома дерево рубит... (*Напрягается*.) У вас к нему дело какое-то?

Сяо Цишань. Погоди с расспросами, позови его лучше.

Тянь Цуйлань (*кричит в круглый проход между дворами*). Доуцзы! Фудоу! Фудоу!

Гуань Фудоу. Эй!

Тянь Цуйлань. Начальник Сяо тебя ждет, идите с Сююнь оба сюда. Что там возитесь, давайте скорее!

Гуань Фудоу. Идем, идем!

Гуань Фудоу выбегает на сцену с огромным топором в руках, едва успевает вовремя остановиться, чем пугает всех, кто стоит на сцене. Вытирает подолом рубахи мокрое от пота лицо, не может отдышаться. Ван Сююнь тащит охапку сухих веток, оставляет их у стены двора, заходит в кухню.

Гуань Фудоу. Вашу мать, ну и крепкое же дерево, как железный чирей... Начальник Сяо! Вы... Вы меня искали?

Сяо Цишань (*осматривает собеседника с ног до головы*). По-моему, ты сам как железный чирей... Кирка есть в доме?

Тянь Цуйлань (*перебивает*). Нет!

Сяо Цишань (*пристально смотрит на нее*). А лопата железная?

Гуань Фудоу. Есть.

Сяо Цишань. Положи топор. Приделай своей лопате крепкую рукоятку, возьмишь ее и пойдешь со мной.

Гуань Фудоу. Ку... куда пойду?

Сяо Цишань. Пойдем на кладбище яму для тебя копать.

⁴⁸ Доуцзы — так сокращенно называют плотника Гуань Фудоу.

Тянь Цуйлань (*сильно нервничает*). В конце концов, куда вы моего зятя собираетесь увести?

Цзинь Мужун выходит из комнаты, отдает Сяо Цишаню увесистый бумажный пакет, подняв руку, сомкнув большой и средний пальцы⁴⁹, начинает разливать чай. Чжоу Юйпу, нахмурившись, следит за каждым движением жены. Юань Гочжун тяжело вздыхает, делает вид, что пересчитывает медные монеты.

Сяо Цишань (*спокойно*). В эти дни кто-нибудь из вас выходил прогуляться за пределы Юндинмэня⁵⁰? Там столько самолетов... Не надо даже объяснять, как там шумно! Маленькие, большие, жужжат над головой, прям как стая саранчи, ни на секунду не замолкают! А знаете, почему?

Чжоу Юйпу. Они у японцев научились? Борются против коммунизма... Хотят так агитлистки людям раскидать?

Цзинь Мужун. Наверняка что-то случилось в аэропорту Наньюань?

Сяо Цишань. Так и есть! Коммунисты стреляли, попали прямо в шасси несколькими самолетами. Те, что с крыльями покороче, еще смогли скучковаться и увернуться, а большие машины... Ох, что было! Председатель коммунистического комитета Цзян летел как раз из Нанкина, сесть никак не мог, самолет огромный был. Как прилетел, так и улетел обратно! Как думаете, каково ему было? Черт побери, не по себе, наверное? А?

Тянь Цуйлань. Я все-таки не понимаю, вы куда хотите забрать моего зятя с железной лопатой? Может, он с топором все-таки пойдет? Я не пойму, этот председатель Цзян все-таки сел или нет?

Юань Гочжун (*намеренно накаляет разговор*). И не говорите... А если мы все с топорами пойдем... У председательского самолета крылья больно длинные? Так мы покороче сделаем... Самолет приземлится, а сам-то он сможет выйти? Никто выходить не захочет! А, согласны?

Чжоу Юйпу. В каждой шутке есть доля... (*Подмигивает.*) Есть доля — и хорошо.

Сяо Цишань (*не сердится*). Вот прилетит тебе по башке шасси самолетное — станешь поспокойнее.

Юань Гочжун. Если коммунисты винят меня, что я им деньги не отдаю свои, чтобы они как хотели ими распоряжались, намеренно меня за это давят... То я свою вину признаю!

⁴⁹ Жест руки, когда большой и средний пальцы касаются друг друга, а остальные пальцы подняты вверх, используется в представлениях пекинской оперы как обозначение изящного и красивого.

⁵⁰ Юндинмэнь — одни из семи врат бывшей Пекинской крепостной стены.

Сяо Цишань. Мать твою, ты же сына растишь! (*Пьет чай.*) Доуцзы, слушай внимательно. Выйдешь из нашего хутуна, беги сразу к Цайшикоу, оттуда на север до главных ворот в Сидане, там можешь передохнуть. Потом пойдешь на восток, вперед и вперед, когда дойдешь до главных ворот Дундани, остановишься. Там о тебе позаботятся: будут кормить три раза в день, ночью будешь в палатке на соломенном матрасе спать. С рассветом начнешь работу: своей железной лопатой будешь бетон размешивать, потом заливать и утрамбовывать. Главное, надо отработать полных двадцать дней, тогда, ручаюсь, можешь домой обратной дорогой спокойно возвращаться. (*Обращается к Тянь Цуйлань.*) Верну вам вашего зятя в целости и сохранности! Договорились?

Тянь Цуйлань (*переживает*). Что такого Доуцзы натворил? Что вы его на казенные работы отправляете?

Сяо Цишань. Отличное казенное дело! Ремонтируй себе дороги в аэропорту! Кормят рисом с белым хлебом, суп из баранины наливают, еще и американские консервы из креветок дадут! Дурачок ты, за счастливой жизнью ведь идешь! Иди скорее женушку в груди расцелуй — и пойдем со мной.

Тянь Цуйлань (*растерянно*). Начальник Сяо, он же... Вы за нас попросите! Как же он уйдет... Вся семья на нем! Пожалейте нас! Вон дочь-то моя на пятом месяце уже, без Фудоу точно несчастьем быть!

Сяо Цишань. Ты что несешь? Я же его не в тюрьму отправляю! Он не пойдет, кто вместо него тогда?

Тянь Цуйлань. В прошлом году второго сына старого Чжао из нашего хутуна тоже послали дорогу чинить. В конечном счете отравили его копать траншеи в Гаобэйдяне, он туда свалился и не поднялся больше... Пули всего изрешетили! Вы добрый человек, спаситель наш, всего одну жизнь пощадите и будет...

Сяо Цишань. Он не пойдет, кто тогда? Ты, что ли?!

Тянь Цуйлань. Раз так, тогда от каждой семьи должен кто-то пойти! С чего это только наша семья страдает?

Цзинь Мужун (*с сарказмом*). От нашей семьи можно было бы кого-то отправить... Но жаль, мы не такие удачливые, как вы. Нынче призывают только тех, кто за харчи жены живет, да боюсь, такие тоже не справятся... Любой может пойти нашу Китайскую республику защищать. Разрушится семья, дом развалится... и пусть валится! Того стоит!

Тянь Цуйлань, остолбенев, не может вымолвить ни слова. Ван Сююнь прячется за тростниковой занавеской, веткой тыкает мужа в спину, Фудоу как будто внезапно осознает, что происходит, с грохотом падает на землю в припадке, у него сводит нижнюю челюсть, изо рта идет белая пена. Весь двор на несколько мгновений

погружается в хаос. Ван Либэнь садится на дергающиеся ноги Фудоу словно верхом на пони. Ван Сююнь берет ковш с водой, брызгает на лицо мужу, нажимает ему на точку между носом и верхней губой⁵¹, хлопает по щекам.

Тянь Цуйлань. Фудоу! Фудоу! *(Плачет.)* Фудоу, ай-яй!

Ван Сююнь. Матушка! Чего плачете? Он же не умер!

Юань Гочжун. Язык! Быстрее! Разожмите ему зубы палочками, чтобы он язык не проглотил!

Чжоу Юйпу. Ой! Вырвало... Выблевал все съеденные пампушки!

Цзинь Мужун. Не лезь сюда! Вон, возьми мой носовой платок.

Юань Гочжун. Может, пластырь ему наклеить? А что, попробуем ему лицо заклеить...

Ван Сююнь. Отец, полегче! Ты ему уже ноги выкрутил!

Ван Либэнь *(впервые подает звук, визжит)*. Большая голова, иди скорее сорви гранат!

Юань Гочжун. На кой тебе гранат?

Ван Либэнь. Надо целый гранат засунуть ему в рот, это помогает при эпилепсии!

Юань Гочжун. Он в рот-то ему влезет? А влезет — как потом вытаскивать? А если он после этого задохнется и помрет? *(Вдруг истошно вопит.)* Смотрите! Слепые, что ли! Под ногами! Внизу! Аккуратно... Вы... Я...

Во дворе снова воцаряется мертвая тишина, даже бьющийся в судорогах лежит неподвижно и боится пошевелиться. Юань Гочжун попадает в крайне неудобное положение, медленно опускает голову, теперь он похож на сморщенный баклажан. Снующие по двору люди случайно задели ногами тот фартук, в который были спрятаны деньги, теперь все они разбросаны в беспорядке. Сяо Цишань прищуривается, продолжает спокойно нюхать свой табак.

Сяо Цишань. Ах, гады... *(Чихает.)* Обмануть меня думали! У вас совесть есть вообще? Доуцзы, когда старый плотник умер, ты где работу получил?

Гуань Фудоу. Одному богачу с бумажной фабрики беседку строил.

Сяо Цишань. Когда 94-ая дивизия шестнадцатой армии отправлялась воевать и по твою голову пришли, ты у всех на виду чем занят был, паршивец?

Гуань Фудоу *(встает, глупо хихикая, пытается сделать приличный вид)*. Да ничем, приступ эпилепсии случился... Припадок когда случается, я что могу с этим поделать?

Сяо Цишань. Холостяцкую жизнь вел — трясся в конвульсиях, жену завел — все равно припадки, умеешь ты время выбрать... А ког-

⁵¹ Подносовой желобок — одна из важных точек в китайской акупунктуре.

да с женой на кан ложишься, тоже так тебя трясет? Придумал бы еще какую отмазку...

Гуань Фудоу. Меня другим старый плотник не обучил... Когда в Мукдэн войска набирали, у него приступ случился, в постоянную армию вербовали — снова припадок, Аньхойская армия солдат призывала, за ним пришли — а он снова в конвульсиях. Если бы не эпилепсия, как бы он моим наставником стал? Не было бы припадков — не стал бы он плотником...

Сяо Цишань *(смеется)*. Эх, парень, какой ты! Ладно, довольно... Иди дерево свое руби дальше.

Тянь Цуйлань. Начальник Сяо! Вы же его тесть... Мой родной дядя! Кланяюсь вам в ноги...

Сяо Цишань. Перестань! Я еще не закончил... В день по шесть мао, за двадцать дней сколько выйдет? Вы идите под одеяло ватное залезьте да хорошенько пальцы загибайте, считайте. Сейчас с вас денег не возьму, хотел бы взять — у вас все равно нет ни черта. Когда заработаете со своей жареной свиной печенки что-то стоящее, не заставляйте меня вам напоминать — побыстрее веревочкой перевяжите и мне отправьте.

Тянь Цуйлань. Раз уж милуете нас, так до конца... А то помиловали наполовину, как жить-то нам дальше?

Сяо Цишань. Смерти побоялись, сами не пошли на работы, а мне на какие деньги искать человека, чтоб взамен вас помирал? Все, ладно, будь как будет. Юань Гочжун! Это твоя макулатура валяется? Стой, не двигайся, я к тебе, ублюдку, сам подойду... Ты пошевелиться еще смеешь?

Юань Гочжун действительно не смеет пошевелиться. Позади раздается ясный и звонкий звук топора, от которого дрожит весь двор. Сяо Цишань пинком отшвыривает фаби, мешающие ходить, вскидывает руку. Юань Гочжун весь сжимается от страха, но рука Сяо Цишаня опускается ему на плечо. Двое мужчин стоят недалеко от входа во двор, начинают шептаться, как будто два родных брата.

Сяо Цишань. Скажи мне честно, насколько все плохо со здоровьем у твоего сына?

Юань Гочжун *(закрывает глаза, вздыхает с облегчением)*. Вы... Вы только что о чем спросили?

Сяо Цишань. Как здоровье у твоего Юань Цзянмяо? Он же не умрет от этой болезни, как сказали?

Юань Гочжун. По словам того заморского врача... Еще несколько лет проживет. Однако в прошлом месяце нам встретился один монгольский врач, тот жестко сказал, что и года не протянет. Я уж много раз ходил в центральный парк по «Книге перемен» га-

дать⁵², все предрекают похороны под конец следующего лунного года... Я не могу принять действительность, не могу и противостоять ей! Начальник Сяо, такой вот я... Если вы меня не пожалеете, то кто же пожалеет?

Сяо Цишань. Я должен призвать на работы по ремонту аэропорта по одному трудоспособному мужчине из каждой семьи. Понимаешь, что придется заплатить за то, что ни ты, ни твой сын не пойдете? Если бы я тебя не жалел, такого варианта у тебя не было бы. Гочжун, ты меня пытаешься сейчас обхитрить или ты правда остался с голым задом?

Юань Гочжун. Да я что ж — нелюдь, что ли, чтобы вас дурить? Если бы деньги какие скрывал, то мог бы себе позволить на них сына в больницу положить... Я же ради того, чтобы ухватить хоть какие-то лекарства, из дома продал все, что мог! Дочиста! Нет у меня денег за казенную работу заплатить, кроме тех фаби, что тут на земле валяются. Вы хоть весь мой двор обыщите — ничего стоящего больше не найдете, ерунда одна осталась.

Сяо Цишань. Все-все, опять та же песня! Тебя так послушать — так у тебя никогда ничего нет. *(Пристально смотрит на собеседника.)* А на какие шиши ты собираешься сыну свадьбу играть?

Юань Гочжун *(удивляется)*. Вы... Я... Ну это...

Сяо Цишань. Не прикидывайся дураком! Ты решил судьбу обмануть⁵³, повсюду уже ищешь, пытаешься ему невесту найти, да?

Юань Гочжун *(испуганно)*. Вы потише! Чтобы только он не узнал... Я боюсь ему об этом говорить.

Сяо Цишань. Ты даже поговорить с ним боишься, как ты собрался его судьбой распоряжаться?

Юань Гочжун. Если не женить, то что делать? Скажете голову за его жизнь отдать — так я прямо сейчас со своей шеи ее отрежу да перед вами положу, верите?

Сяо Цишань. Верю! Верю... *(Колеблется.)* А та по фамилии Лю из хутуна Пичай, которая всех болезней страшится, не откликнулась на твои просьбы?

Юань Гочжун. Так это она мне не понравилась, у этой девицы глазички стеклянные, как зыркнет, аж страшно становится.

⁵² «И цзин» — «Книга Перемен», или «Канон Перемен», наиболее ранний из китайских философских текстов. Самый ранний вариант, традиционно датируемый ок. 700 г. до. н. э. и предназначавшийся для гадания, состоит из 64 гексаграмм.

⁵³ Существовало поверье, что можно выдать кого-то замуж или женить и таким образом отвести беду. «Приготовить свадебный наряд для тяжелобольного с тем, чтобы злые духи и болезни отступились от него».

Сяо Цишань. У меня для вас с сыном еще вариант один есть...

Юань Гочжун. ...Кто же?

Сяо Цишань. Незамужняя дочь семьи Сяо... В нашей семье третья по старшинству, Сяо Пэнчжи!

Юань Гочжун чуть не падает с лестницы, становится похож на загнанную в угол крысу. Сяо Цишань, словно старый кот, не спускает с него глаз, беззвучно улыбается.

Сяо Цишань. Что, не подходим мы тебе?

Юань Гочжун. Нет... Что вы... Я...

Сяо Цишань (*оживленно жестикулирует*). Восемь сливных каналов, шесть колодцев с питьевой водой, четыре лавки, два двора... Тебя наша семья чем не устраивает?

Юань Гочжун. Да вы что! Нет-нет...

Сяо Цишань. Мы делами своими не кичимся, детей воспитываем в достатке, никого не обделяем. Старший у нас в Нанкине офицер штаба, весь такой важный. Вторая дочь вышла замуж и уехала на юг, живет там счастливо в довольстве. Третья дома сидит вся в роскоши, жизнью наслаждается, ждет, пока ее кто-нибудь в жены возьмет. А младший, хоть и говорят, что погряз в болоте, все равно, когда ему надо, из болота вмиг вылезает. (*Агрессивно.*) Ты только глянь, тут целый выводок, будет у твоего чахоточного и шурина, и второй шурина, и свояченица... Ну что, подойдет такая невестка, чтобы беду от сына отвести?

Юань Гочжун. Вы — солнце, а мы... яичные желтки. Не годимся мы для вас.

Сяо Цишань. Не годитесь? Это ты о чем?

Юань Гочжун. Вы на небе, а мы на земле, мы на небо и взглянуть не смеем.

Сяо Цишань. У тебя сын больной, у меня дочь больная, так минус на минус будет плюс! Небо еще не гневается, а на земле у всех уже колени затряслись!

Юань Гочжун. Да, оба они больные, но твоя дочь ведь... Она... Она же сумасшедшая!

Сяо Цишань (*долго молчит*). ...Довольно! Я понял, о чем ты. Хозяин — барин, подожду, что надумаешь. Только вот еще что. С тех пор, как ты задумал сына женить, ты уже всех перебрал, только наши двери стороной обходил. Ты не посмеешь так меня игнорировать. Скажу тебе только одно: ты, Юань Гочжун, мать твою, меня оскорбил! Еще встретимся...

Юань Гочжун (*бежит по лестнице*). Подождите! Стойте! Пожалуйста... Те налоги...

Сяо Цишань. Все оплачено!

Юань Гочжун. Как оплачено?

Сяо Цишань *(улыбается)*. Кто тебя жалел? Я столько раз тебе помогал, теперь вместо меня будет кто-то другой. Будем считать, что я тебе давал займы, под шесть процентов прибыли, расчет каждые десять дней. Мы с тобой не встретимся... Так вместо меня кто-нибудь другой придет.

Сяо Цишань уходит, как ни в чем не бывало, но останавливается на полпути. С заднего двора слышен громкий треск падающего дерева. Вместе с треском слышно, как разбивается черепица и рушится стена дома. Все выбегают во двор, Гуань Фудоу и Ван Сююнь выбегают из круглого прохода на задний двор, бегут со всей мочи к застывшему в оцепенении Юань Гочжуну.

Гуань Фудоу. Дядя Юань! Дерево должно было на ту сторону упасть! Вдруг посередине появилась трещина и оно как завалилось сюда!

Ван Сююнь. Было веревкой привязано... Не удержалось!

Юань Гочжун *(весь трясется)*. Уничтожили мой дом! Будете за это платить! Вы!

Тянь Цуйлань. Редькой тебе отплатим! Твоя комната ведь в полном порядке?

Цзинь Мужун. Кажется... Упало прямо на северный флигель соседнего дома...

Чжоу Юйпу. Да! Вы развалили дом управляющего Хуана. Глядите! Отвалился кусок боковой стены... Подойдите, гляньте!

Юань Гочжун. О, небеса... Это еще хуже, чем разрушить мой собственный дом... Лучше бы ты это дерево мне на черепушку уронил! Доуцзы, я тебя ножом на куски порежу!

Сяо Цишань *(подходит ближе, улыбка во все лицо)*. От вас всех только одни проблемы! Снова мне добавили забот... Теперь придется идти на тот двор, узнавать, как им ущерб возмещать. Гочжун, ты не переживай, я за тебя все покрою. Сколько бы они ни попросили, ты не вешайся и в реке не топись, у тебя есть я! *(Смеется.)* Все на себя беру!

Тянь Цуйлань *(принюхивается, чувствует какой-то запах)*. Чем это пахнет? Чем пахнет? *(Удивляется.)* Лекарства! Порошок! Либэнь, беспомощный кретин! Кастрюля с порошком!

Юань Гочжун не успевает сказать что хотел, мрачно смеется и начинает терять сознание, Гуань Фудоу и Чжоу Юйпу подходят сзади и подхватывают его под руки. На короткое время все на сцене замирает. Свет постепенно гаснет, еле слышно стрекотание сверчков и звук губной гармошки. Занавес резко опускается.

Акт второй

Конец октября 1948 года, вечерние сумерки. Звук губной гармошки слышен все дальше и дальше, занавес открывается, звук постепенно исчезает. На дереве несколько редких фиников, желтые и красные листья рассыпаны по земле. На дереве наклеены две парные надписи⁵⁴ с черными иероглифами на белом фоне. На левой написано: «Обоссышь мое дерево», — на правой: «Трахну твоего деда». Иероглифы написаны точно в таком же стиле, как и на табличке над входом. У западной стены дома стремянка, около нее на двух лавках стоит недоделанный гроб. Гуань Фудоу в проходе что-то стругает рубанком. Ван Сююнь сидит около кучи деревянной стружки, шлифует зубья пилы, ее стальной напильник издает пронзительный скрежет. Около окна комнаты восточного флигеля стоит деревянная скамья, Чжоу Юйпу сидит на ней, крошит ножом лекарственное сырье, его плетеная корзинка уже почти наполнилась. Гу Юэцзун выходит из-за гроба, тщательно его рассматривает, как будто он владелец антикварной лавки. Тянь Цуйлань суетится на кухне, освобождается на некоторое время, выходит во двор, присаживается на корточки рядом с большим тазом, тяжело дыша, начинает стирать одежду на стиральной доске.

Тянь Цуйлань (*громко*). Сююнь! Перестань скрежетать хоть на некоторое время! Этот звук... Ты не думаешь, что у тебя ребенок в животе перепугается?

Скрежет прекращается.

Гу Юэцзун. Даже если ребенка не напугаешь... Так уже всех моих сверчков распугала! Доуцзы, ты хоть скажи, что делать? Они перестанут петь, ты мне как это восполнишь?

Гуань Фудоу. Я могу сам петь, хотите?

Гу Юэцзун. Ты такой огромный мне не нужен.

Ван Сююнь (*собирает стружку, виден ее огромный живот*). Чем же вам отплатить, чтоб вы довольны были?

Гу Юэцзун. Ребенка мне отдадите — вот и искупите вино.

Тянь Цуйлань (*хочет*). Дедушка Гу, ну вы и шутник!

Гу Юэцзун. Ван Сююнь родит, тогда будем песни каждый день слушать...

Гуань Фудоу. Дед Гу, вы сами напевайте себе под нос — и ладно!

Гу Юэцзун. Я своим пением тут всю округу распугаю. Погодите, вот лягу я в гроб... Тогда, возможно, потише станет.

На втором этаже слышны какие-то звуки. Все, не сговариваясь, одновременно поднимают головы. Юань Цзяньмяо, держа в руках большую эмалированную

⁵⁴ Парные надписи, или *дуйлянь*, — это двойственные законченные цитаты, которые пишутся на бумаге, ткани, а также вырезаются на бамбуке, деревянных столбах, других материалах. Построение надписей ритмично, скоординировано и гармонично согласно культуре и исторической традиции китайского языка.

плевательницу с крышкой, повторяет те же телодвижения, что и каждый день: открывает замок решетчатой двери, выходит, разворачивается, закрывает замок, спускается по лестнице вниз. Он выглядит очень уставшим, тихонько кашляет, как обычно, смотрит только себе под ноги.

Тянь Цуйлань. Мяо-цзы...

Юань Цзянмяо (*останавливается, улыбается, его взгляд чистый и ясный*). Тетушка... Вы что-то хотели?

Тянь Цуйлань. Это самое... У нас ведь в туалете две ямы? Давай ты свою мокроту из плевательницы будешь впредь в правую яму выливать, неважно с кровью или нет, не надо сливать в левую...

Юань Цзянмяо. Понял... Отец мне уже сказал, вы не переживайте.

Чжоу Юйпу. Иди-иди, сынок! В туалете только-только все почистили!

Юань Цзянмяо. О! Спасибо, дядя Чжоу, тогда я пошел.

Силуэт Юань Цзянмяо исчезает за забором. Во дворе абсолютная тишина, долгое время никто не шевелится и ничего не говорит. Тянь Цуйлань постоянно вздыхает, один за другим все расходятся.

Гу Юэцзун (*бормочет себе под нос*). Что-то у него с лицом не так... Белее моей гробовой доски.

Чжоу Юйпу. Такой парнишка хороший! Как ведь жаль его...

Тянь Цуйлань. Смотришь на него, а сердце кровью обливается. Выписал бы ты ему какой рецепт необычный!

Чжоу Юйпу. Я умею только массаж делать да кости вправлять, в иглоукалывании еще смыслю, куда ни шло. Но вот уколы, шприцы — тут ничего не знаю. Он с самого начала кровью харкает, уколешь не так — вдруг что, Большеголовый Юань тогда меня на куски порежет. Видела его лицо? Он уже ищет, кого бы козлом отпущения сделать...

Гу Юэцзун. Кто должен жить — не может, кто сдохнуть должен — недохнет... Все потому, что в этом мире никакого нет порядка. Вот если бы Небо послало нам императора⁵⁵... Наплевать какого, плохого ли, хорошего ли, хоть из-под земли бы он появился...

Тянь Цуйлань. Перестаньте об императоре болтать! Как о нем речь заходит, так вы чушь всякую нести начинаете. Вы свое словоблудие оставьте до времен, когда в гроб ляжете. Вот залезете туда — и будете бормотать сколько угодно.

⁵⁵ Мандат Неба — это одно из центральных понятий традиционной китайской политической культуры, используемое как источник легитимации правящей династии. Правящий дом обладал «небесным доверием», заслуженным путем накопления добродетели Дэ.

Гуань Фудоу (*продолжает усердно работать*). Дед Гу, я кое-что все понять не могу. Вы в тот год в какую ухабу попали? Как так вышло, что вы раз — и продали этот замечательный двор с домом?

Гу Юэцзун. В этом доме фэншуй⁵⁶ испортился, нельзя было не продать.

Гуань Фудоу. Что случилось?

Гу Юэцзун. Весь год мне не везло, а в итоге свалились на мою голову два идиота.

Гуань Фудоу. Какие же?

Гу Юэцзун. Первый — школьный учитель, родом из Цзяннаня. Семья у него была богатая, вырастили сынка в достатке и счастье. Эх! Только он вместо того, чтобы хорошенько выучиться да наукой заниматься, целыми днями болтался на складах рядом с Гуаньаньмэнь, якшался с местными... Если ты можешь тяжелые грузы таскать или, может, умеешь лопатой известь разгружать, так пожалуйста! Но он-то нет... Он начал подстрекать всех рабочих к забастовке, на собственную задницу проблем искать! Вот эта комната (*показывает на комнату Юань Цзянмяо*)... Он выплатил аренду за полгода, но не прожил и трех месяцев, как его отсюда вытащили и башку ему свернули... Ну не идиот разве!

Гуань Фудоу. А второй кто?

Гу Юэцзун (*злится еще больше*). Какой? А... тот... Дурень один, в подчинении у Чжан Цзолиня⁵⁷ был. Лет тридцати, весь нескладный, какой-то там руководитель. Днями напролет тыкву свою проветривал, насвистывал да голубей разводил. (*Показывает на соседний двор.*) Он вон там жил, голуби его на моей крыше вечно сидели, он их согнать не мог. Однажды разозлился и знаешь, что сделал? Вытащил свой маузер и бам-бам-бам! Не остановился, пока все пули не выпустил... Дурак был или прикидывался? Я уже терпеть его не мог. Вот если бы ты на моем месте был, между домом и собственной жизнью что выбрал бы?

Гуань Фудоу. Я бы на вашем месте тоже продал дом. Однако... Как Большоголовый Юань за раз столько денег выложил? Я бы на этот дом больше полжизни работал...

Тянь Цуйлань. Доуцзы! Занимайся своим делом, хватит языком трепать, про чужие дела выпрашивать.

⁵⁶ Фэншуй (дословно «ветер и вода») — практика символического освоения (организации) пространства. Считается, что с помощью фэншуй можно выбрать наилучшее место для строительства дома или захоронения, верную разбивку участка и др.

⁵⁷ Чжан Цзолинь (1875–1928) — китайский военный и политический деятель.

Гу Юэцзун (*загадочно*). Он дальше спрашивать станет, а я, может, и не расскажу больше. Есть некоторые события... Толком не объяснишь, а кто услышит — думать будет зря... А иногда вроде все и рассказал понятно, а кто слушал — не понял... Так и еще хуже, верно?

Юань Цзянмяо идет обратно по тому же пути, все пристально наблюдают, затаив дыхание. Тянь Цуйлань не выдерживает, стряхивает мокрые руки, встает и подходит к нему.

Тянь Цуйлань. Мяо-цзы... Тетушка тебя кое о чем спросить хочет.

Юань Цзянмяо (*останавливается на лестничном пролете*). Говорите.

Тянь Цуйлань. Твой отец каждый день по всей округе промышляет мелкой торговлей, видно, хочет к нашей компании торгашей присоединиться. Ты если что захочешь покушать — скажи тетушке, я тебе приготовлю!

Юань Цзянмяо. Благодарю вас... Моя болезнь заразна, с едой сам справлюсь.

Тянь Цуйлань. Это не помеха! Тарелки да палочки кипятком обдадим... Мяо-цзы...

Юань Цзянмяо (*делает несколько шагов, снова останавливается*). Да?

Тянь Цуйлань (*хватается за перила, смотрит вверх*). Я же тебя с детства знаю, тебя отец в одиночку воспитал, нелегко ему было! Матушка твоя умерла сразу, как ты родился...

Юань Цзянмяо (*тепло*). Я знаю.

Тянь Цуйлань. Ты с малых лет чахотку подхватил. Сколько твоему отцу говорили: оставь его, не лечи, отведи к городской стене да оставь там... Не вылечишь... А отец твой — настоящий герой, в самый сильный снегопад тебя под мышку — и по всем улицам докторов искать. Возвращался домой замерзший как ледышка, даже отдышаться не успевал — сразу крошил корки мандариновые, с медом мешал и тебя кормил...

Юань Цзянмяо. Я все это прекрасно знаю... Вы мне зачем это рассказываете?

Тянь Цуйлань. С тех пор как ты из-за болезни учебу оставил, ты на отца не взглянул ни разу! Уже, наверное, год прошел! Ты ему даже в комнату твою зайти не даешь! Нельзя так с отцом... Он всей душой за тебя переживает, это даже соседи замечают, а ты, его родной сын, и не видишь...

Юань Цзянмяо (*спокойно*). У вас еще что-то ко мне?

Тянь Цуйлань. План тебя женить, чтобы беду отвести, он не должен был от тебя скрывать, это верно. Но он ведь только добра тебе желает! Ты и так сквозь зубы с ним разговариваешь, а он голову потирет, слезы текут по щекам... Больно смотреть!

Юань Цзяняо. Я понял... Я не хочу больше об этом разговаривать. Тетушка, вы занимайтесь своими делами, а мне пора вернуться к чтению книг.

Тянь Цуйлань (*проводит его взглядом*). Эти книги только вредят здоровью! Только и знает, что целыми днями в книгах торчит. На гармошке тоже вредно играть! Хоть бы отвлекся от книг, чем другим занялся.

Все молчат. Юань Цзяняо закрывает решетчатую дверь, заходит в комнату. Ван Сююнь помогает мужу поднять крышку гроба, Тянь Цуйлань подбегает, тоже начинает помогать.

Тянь Цуйлань. Фудоу, ты слепой что ли? Она на седьмом месяце, а ты ее заставляешь тяжести поднимать?

Гуань Фудоу (*обиженно, но уважительно*). Не наговаривайте на меня, знаете ведь, это потому что мы деньги экономим. Думали ведь нанять работников, а вы не захотели.

Тянь Цуйлань. Я и сама работой занята! Так наймешь двух остолопов, за день работы потребуют три цзиня⁵⁸ муки, а потом и работать будут кое-как... Тебе деньги карман жмут? Мука стоит уже по юаню шестьдесят за цзинь, видели? Ая-яй! Ой-ей-ей...

Гуань Фудоу. Не придавите ноги!

Ван Сююнь. Матушка, что с вами?

Тянь Цуйлань. Плечо! Мое плечо!

Чжоу Юйпу (*подбегает, расстроенно*). Дайте я посмотрю... Дайте взглянуть! Вы всегда недооцениваете мои знания, постоянно говорите, что я в больнице пациентам голову морочу. В этот раз ваша болезнь попала ко мне в руки!

Гу Юэцзун (*вмешивается, докучает всем*). Давайте! Кричите, ежели хочется кричать! Громче-громче, чтобы я услышал! Как вы весело кричите! Полегчало? Встаньте-ка, я посмотрю.

Гуань Фудоу. Подвиньтесь! Что вы тут за бардак устраиваете!

Тянь Цуйлань под руки отводят в сторону, сажают около глиняного чана. Чжоу Юйпу нажимает пальцами на разные точки плеча, не обращая внимания, корчит-ся женщина от боли или никак не реагирует. В итоге он со всей силы тянет Тянь

Цуйлань за плечо, она вскрикивает, а потом сразу же успокаивается.

⁵⁸ Цзинь — китайская мера веса, 500 г.

Чжоу Юйпу. Не двигайтесь! Замрите... Немного помассирую, и все пройдет.

Тянь Цуйлань. Братец... Легко же вы деньги зарабатываете!

Чжоу Юйпу. Где уж! Сначала я думал хорошенько заучить «Трактат Желтого императора о внутреннем»⁵⁹, разобраться с лекарственными рецептами, потом решил бросить... В этом году все больше и больше людей, погрязших в долгах, много драк и побоев. В городе сплошь и рядом синие носы и опухшие лица, мне нечего беспокоиться о плошке риса на обед. В последние несколько лет студенты все больно беспокойные, не сидится им дома. Все по улицам ходят, демонстрации устраивают, учителя, служащие — все выходят на улицы, а там как без побоев? Как думаете?..

Тянь Цуйлань (*видит, что Цзинь Мужун спускается с лестницы*). Братец...

Чжоу Юйпу (*сидит спиной к лестнице*). Они бьют кулаками, палками, дерутся ногами, толкаются, бросаются, пинаются... Разве потом не ко мне придут просить помощи? Под этим небом столько людей, кто сам нарываемся и ищет смерти... Да мне работу и в следующей жизни менять не придется!

Чжоу Юйпу чувствует: что-то не в порядке, — оборачивается и застывает в оцепенении. Цзинь Мужун стоит в воротах, держит в руках распятие Христа. Она вне себя от злости, но делает вид, что спокойна. Идет в сторону восточного флигеля.

Чжоу Юйпу бежит за ней, начинает любезничать, хочет забрать у нее распятие.

Чжоу Юйпу (*шепотом*). Она вывернула плечо, что ж ей не помочь... (*Ищет деньги, не находит, спешно ищет в другом кармане*). Не зря помогал, она денег дала... Глянь! Как за целый осмотр!

Цзинь Мужун (*неожиданно останавливается*). Что же перестал массировать?

Чжоу Юйпу (*в ступоре*). Мужун...

Цзинь Мужун. Ты сказал, кто там нарываемся?

Чжоу Юйпу. Давай в комнате поговорим...

Цзинь Мужун. Смотрю, это ты нарываешься. Не смей даже подходить ко мне, и денег от этой бабы мне не надо. Оставь меня.

Тянь Цуйлань. Ой-ой-ой... Сестрица! Вы что такое говорите?

Цзинь Мужун (*стоит на своем, резко*). Сестрица Тянь... Вы перед детьми хоть нас не срамите, да и о своей репутации подумайте. Не стоило бы вам по поводу и без повода тереться около каждого мужика. Кому здесь не известно, какая вы «незапятнанная»...

Тянь Цуйлань. Незапятнанная? Конечно, не такая невинная, как вы! Сидели бы в своем поместье спокойно, что забыли в наших

⁵⁹ Самый древний труд по вопросам китайской медицины и анатомии.

грязных хутунах? Думаете, в отхожую яму по уши провалитесь и тоже не замараетесь? Смотрит на всех свысока, сама невинность! А вы хоть знаете, как приятнее — лежа на спине или выгнув спину?

Цзинь Мужун (*с трудом выдерживает напор, но не отступает*). Да ты... Да ты личинка! Я хотя бы знаю, где моя дверь находится... Как спину выгнуть, я знаю прекрасно. В отличие от некоторых, я хотя бы по ночам по чужим домам не шляюсь.

Тянь Цуйлань (*оторопев*). Ах ты... Ну-ка, повтори!

Цзинь Мужун (*подчеркивает каждое слово*) Мне вас не пере-
кричать. Я вам скажу только одно... Раз у вас талант, возвращайтесь к лotosовому пруду у ворот Гуанъаньмэнь торговать своей гнилой циновкой⁶⁰, не надо здесь позориться.

Тянь Цуйлань. Хотите ругаться, так ругайте своего... Да как вы вообще смеее так разговаривать?!

Чжоу Юйпу (*отчаявшись*). Хватит вам уже... Остановитесь... Ладно вам уже...

Ван Сююнь (*просит*). Мама! Возвращайтесь в комнату, отдохните!

Тянь Цуйлань (*вспыхивает, кричит*). Катись отсюда! Вежливых слов у меня не осталось! Кто не хочет слушать — пускай проваливается! Чжоу Юйпу, отвечай громко и четко: чьи деньги у тебя в кармане? Это я их тебе приплатила или женушка твоя? Она с тобой как сошлась впервые? Ты пилюли продавал, пришел однажды в богатый маньчжурский дом лечить иглоукалыванием старшую дочь, так? Вставлял ей иголки прям промеж ног, промахнулся случайно и вытащить не смог, да? (*Гневно смотрит на Цзинь Мужун.*) Я в чужие двери по ночам хотя бы с открытыми глазами иду, а ты с закрытыми глазами просишь, чтобы с тебе пришли! Ну, есть что сказать? Говори, мать твою!

Чжоу Юйпу (*застыл*). Ничего... Замолчите все...

Гу Юэцзун (*обращается к Гуань Фудоу*). Видел? Императрица Восточного дворца может ошибаться? Даже если исправится, все равно ей не побороть императрицу Цыси⁶¹... Домашние дела прямо как государственные: восток слабый, запад сильный. Это все легко объясняется.

Гуань Фудоу (*расстроено*). Ладно вам!

Гуань Фудоу раздражен, продолжает заниматься своими делами. Цзинь Мужун убегает в свою комнату. Тянь Цуйлань напряженно наблюдает за ней, готова к продолжению спора. Появляется Юань Гоцжун, еле волочит ноги, на пле-

⁶⁰ В значении «заниматься проституцией».

⁶¹ Вдовствующая императрица Цыси (1835–1908). Контролировала верховную власть в империи Цин в 1861–1908 гг.

чах висят две бамбуковые корзины с жасмином, он в абсолютно подавленном состоянии. Цзинь Мужун бережно достает распятие, роняя слезы, начинает приколачивать его над входной дверью в свою комнату. У нее ничего не выходит. Чжоу Юйпу оттаскивает ее, берет молоток и начинает прибивать крест сам. Тянь Цуйлань резко убегает в собственную комнату, выносит оттуда статую будды Майтреи на деревянной подставке, приспособливает ее над своей дверью. Юань Гочжун стоит около входа, смотрит по сторонам, словно сильно напуган чем-то.

Тянь Цуйлань. Фудоу! Я сняла будду со стены, хочу повесить над нашей дверью! Принеси мне какой-нибудь гвоздь, я его посажу высоко-высоко, чтобы на всех сверху вниз глядел. Будет следить, чтобы никто не смел нас обижать.

Ван Сююнь. Матушка... Вы...

Тянь Цуйлань. Ты со своим пuzом иди в комнату, будда усядет-ся крепко наверху, тогда и выйдешь обратно.

Гуань Фудоу (*злой и раздраженный*). Вы мне запрещаете спрашивать о чужих делах, зато другие только и говорят, что про нашу семью. Вся эта грязь, что она вылила...

Тянь Цуйлань. Не будем об этом. Тем более тебя не касается.

Гуань Фудоу. Вы...

Юань Гочжун (*говорит устало, но улыбается*). Мне соседи сказали, что две курицы с нашего двора снова сцепились, орали полдня, так и не замолкли... Ого, да вы тут храм построили! Еще и наполовину заморский... Доуцзы, помоги мне корзины разгрузить. (*Смотрит на распятие*.) Это кто там голый на кресте висит?

Гуань Фудоу (*снимает цветочные горшки, раздраженно*). Я откуда знаю!

Юань Гочжун. Кто тебя так разозлил?

Гуань Фудоу. Не ваше дело!

Юань Гочжун. В одном храме повесили двух святых, а тебя нет... Не захотел, что ли?

Гуань Фудоу. Может, вас подвесим?

Гу Юэцзун крутится вокруг гроба, осматривает его, тихонько хихикает. Юань Гочжун в недоумении наблюдает за ним. Гуань Фудоу и Чжоу Юйпу стоят один на табурете, другой на стремянке, оба колотят молотками. В итоге вешают Иисуса и будду Майтрею так, что они смотрят прямо друг на друга. Юань Гочжун тащит корзины в кухню. В них бутылки с самогоном, лекарственные травы, завернутое в листья лотоса мясо, корни сельдерея и мешочки с разным зерном. Он подходит к будде Майтрее, а потом резко отскакивает в сторону, словно боится, что его побьют.

Юань Гочжун. Что это с твоим зятком сегодня?

Тянь Цуйлань (*отговаривается*). Обиделся, что я не разрешила рабочих нанять... Много продали сегодня?

Юань Гочжун (*расстроенный*). Кое-что продал, но толком не заработал ничего. Да и наплевать.

Тянь Цуйлань (*привстает, смотрит в корзины*). Смотрю, соленья все разобрали. Самогона тоже взяли хорошо?

Юань Гочжун (*решительно встает*). У нас никто не может себе позволить купить масло, чтобы овощи пожарить, вот и берут мои соленья к рису! Едят, злятся, снова ко мне приходят — уже за самогоном.

Тянь Цуйлань. Жасмин тоже разобрали?

Юань Гочжун. Вы подумайте, они самогоном напьются... Палочки свои для еды засунут в цветочный горшок! Да так и несут домой, чтоб жены не злились.

Тянь Цуйлань. Сам с синим лицом, а еще над бедняками смеется! Небось целый день не ел, только выпивал?

Юань Гочжун (*рыгает как после попойки*). Что не продал — нести тяжело было, я и выпил. (*Шепотом.*) Чего это ты снова с маньчжуркой поругалась?

Тянь Цуйлань. Думаешь, этот скелет над ее дверью меня оставит? Да ни за что! Взгляни поближе на будду, вон сидит с голым животом. А тот висит — одни голые ребра! У нашего будды на одном животе столько мяса, как на всем этом скелете!

Юань Гочжун. Если дело только в упитанности... То будда у тебя тоже толстоват...

Тянь Цуйлань. Мы и рады! Этот ее висит, весь страдает, уродливый такой. Не то что наш! Улыбается сидит, счастливый! Впредь так и будет тут сидеть, днем и ночью вместо меня посмеиваться над ними!

Юань Гочжун (*бормочет под нос*). Кажется, вы совсем устали...

Тянь Цуйлань. Что вы сказали?

Юань Гочжун. А! Я говорю... А если он не над ними будет смеяться, а над вами?

Тянь Цуйлань. Не может быть такого!

Юань Гочжун. Смотрите на него! Теперь надо мной хохочет.

Тянь Цуйлань. Да вы перепили просто.

Юань Гочжун. Страшно мне от его улыбки. (*Заходит в кухню.*) Где горшок для варки?

Тянь Цуйлань. За чаном с водой.

Юань Гочжун (*трясется, подходит к ней*). Цуйлань, а знаете, над чем он смеется?

Тянь Цуйлань. Будда удобно сидит, а тот стоит, мучается, все ясно, над чем смеется.

Гу Юэцзун. Нет-нет... Тот не стоит, его прибили гвоздями к кресту, он весь в крови. У вашего Майтреи есть один недостаток. Он, как и я, когда видит, что у кого-то несчастье, даже не хочет подумать об этом. Он хочет избавиться от печалей, пытается живот как барабан выпятить вперед, а все равно ничего не получается.

Тянь Цуйлань. Не выходит — так спусти штаны, дай место животу! *(В изумлении смотрит в сторону кухни.)* Вы что творите? Братец Юань! *(Вбегает в кухню, вытаскивает Юань Гочжун.)* Бестолочь! Вы как умудрились себе палец так порезать! Жажмите! Держите!

Юань Гочжун *(зажимает палец)*. Все в порядке, не сильно порезал, не страшно. *(В сторону собравшейся толпы.)* Занимайтесь своими делами!

Ван Сююнь. Дядюшка Юань! Вы впредь не режьте сами овощи...

Тянь Цуйлань. Овощи? Да он специально палец порезал и крови накапал в котел с травами! С головой все в порядке?

Чжоу Юйпу. Братец Юань, дайте я взгляну. *(Замечает, что за ним следит Цзинь Мужун, тут же отдергивает руку.)* Если вас что-то тревожит, расскажите! Все рассказывайте, ладно?

Юань Гочжун *(горько улыбается)*. Ничего не тревожит, я в порядке. Я хотел один рецепт непроверенный испробовать, сказано, когда варишь, надо несколько капель крови добавить... капель крови... *(Неожиданно начинает плакать.)* Я никогда не вылечу сына... Я бессилен, ничего нельзя сделать! Но я сам из плоти, костей и крови, если можно было бы, я все обменял бы за его жизнь! Я не верю, что нет способа спасти его!

Ван Сююнь *(плачет)*. Дядя Юань!

Тянь Цуйлань *(грустно)*. Не суетитесь, все еще не так плохо.

Юань Гочжун *(с тоской смотрит в сторону второго этажа)*. Потихе, чтобы мой сынок не услышал. Пускай ворчит, главное, чтобы не разозлился и не вылил готовый отвар на пол.

Гу Юэцзун. Вместо своей крови, может, лучше курицу забить да ее крови налить?

Чжоу Юйпу. Никакая другая не подойдет! Надо чтобы одной крови были, тогда будет эффект. А лучше всего, чтобы прямые родственники были. *(Осторожно смотрит на Цзинь Мужун.)* Я слышал об этом народном средстве.

Юань Гочжун. Занимайтесь своими делами, я вас попозже позову.

Все молча расходятся. Юань Гочжун собирается вернуться в свою комнату, на полпути останавливается. О чем-то размышляет, поднимается по лестнице на второй этаж. На мгновение колеблется перед плетеной дверью, в итоге начинает кричать.

Юань Гочжун. Цзянямя! Я взял немного свиного филе и корень сельдерея, на ужин тебе поджарю мясо! Мяо-цзы... Слышишь меня? *(В комнате тишина.)* Я только что был в бане, просил начальника пустить нас разок, он, кажется, согласился! Он все равно боится постоянных посетителей распугать, из-за чухотки не разрешит нам мыться в общей бане... Зато разрешил в отдельной комнате в эмалированной ванне искупаться. Дороже, но ничего. Говорят, в этой ванне раньше мылись те, у кого лишай. Я уже собрал луковой шелухи, когда пойдем мыться, я сперва отваром из лука ополосну таз и стул... Мяо-цзы, ты слышишь? *(Из комнаты ни звука, отчаивается.)* Сынок, ты если не хочешь, чтобы папа с тобой шел, я попрошу в бане кого-нибудь тебе спину потереть... Папа погуляет снаружи, подождет...

Юань Гочжун с несчастным видом спускается обратно, соседи с сожалением провожают его взглядом. Гу Юэцзун, напротив, вне себя от радости, сидит на корточках около забора и водит по земле металлическим прутком. Юань Гочжун идет в свою комнату, возится там, через некоторое время выносит большую керамическую фигуру Гуань Юя⁶². Ставит на большую каменную плиту.

Юань Гочжун *(подавленно)*. О, мудрейший Гуань Юй! Смотрите, эти двое вылезли проветриться, и вы побудьте здесь. *(Кланяется Гуань Юю.)* Какой сегодня хороший день! Сегодня начинается сезон выпадения инея⁶³, сегодня день, когда...

Гу Юэцзун. ...когда хозяин пампушечного двора будет попрошайничать! Быстрее-быстрее, вставайте в кружок вокруг него, подайте милостыню!

Юань Гочжун. Дед Гу! Прошу вас! Встаньте вот здесь, рядом со мной.

Гу Юэцзун. А если я не хочу подходить?

Юань Гочжун. Вы все-таки подойдите... А то я вас придушу!

Гу Юэцзун *(указывает на Майтрею)*. Взгляни на этого, над чем он смеется? Пойду бездельничать, пускай на меня смотрит.

Чжоу Юйпун. Дед Гу, вы бы помолчали...

Юань Гочжун *(присаживается на перевернутый кувшин)*. Я больше ничего не хочу говорить... Сил больше нет... *(Облизывает рану на пальце.)* А кому сейчас легко? На эти копейки от аренды в прошлом месяце мог купить полмешка пшеничной муки. Теперь могу позволить только горстку, на два пельменя хватит. Еще и на пару

⁶² Гуань Юй — в китайской народной мифологии бог войны, а также воспетый бог богатства. В основе образа реальный военачальник Гуань Юй (160–219), прославившийся бесстрашием и верностью своему побратиму — правителю Лю Бэю.

⁶³ Один из 24 сельскохозяйственных сезонов года, с 23–24 октября по 6–7 ноября, соотнесен со второй половиной 9-го лунного месяца.

не приготовить, варить придется... Не успел я вовремя поднять плату за жилье! Поступайте, как считаете нужным. Лучше, конечно, заплатить мне зерном, мукой из кукурузы и бобов тоже можно... Если и правда платить нечем, можете мне в лицо плюнуть, тоже сойдет... Я проглочу вместо еды! Все равно мне вас не выгнать...

Тянь Цуйлань *(кладет подготовленные деньги за жилье к ногам Гуань Юя)*. Великий Гуань Юй... Денег немного, собственный сын этого беднягу не жалеет, так хоть вы пожалейте!

Гуань Фудоу *(неожиданно)*. Мама! Ты еще переживаешь, что денег мало дала? Дерево на дом упало, он заставил нас за это платить двадцать юаней! Ты ему еще сверху денег даешь!

Тянь Цуйлань. При чем здесь те деньги? Дядя Юань всему нашему глухому хутуну в ссуду денег дает. Кому угодно, а ему мы не можем задолжать. *(Юань Гочжуну.)* Сколько есть. Хотите берите, хотите нет, но остальное вам отдадим углем и рабочими руками.

Юань Гочжун *(смирненно)*. Конечно! Годится... Мне подходит.

Чжоу Юйпу. Дядя Юань... Подойдите, у меня к вам кое-что срочное. Тут такое дело... *(Отводит Юань Гочжуна к гранатовому дереву.)* Мы с супругой подсчитали, в этом месяце... Мы вообще ничего не сможем оплатить. Можете мне не верить, но мы уже лишились большей части нашего семейного состояния!

Юань Гочжун *(расстраивается)*. Говори погромче, я ничего не слышу.

Чжоу Юйпу *(говорит все тише и тише)*. Честно вам говорю, я в больнице веду прием, Мужун тоже не бездельничает...

Юань Гочжун *(остолбенело, отгоняет рукой Тянь Цуйлань, которая подслушивает их разговор)*. Она... Она этим занимается..?

Чжоу Юйпу. Этим? Каким таким этим?

Юань Гочжун *(не знает, как бы изъясниться повежливее)*. Ну... Ну, тем самым?

Чжоу Юйпу. Этим. *(Вдруг понимает, что имеет в виду Юань Гочжун.)* Проституцией? Конечно, нет! Куда вас понесло... Помните, она когда-то ходила в школу медицинских сестер при консульстве... У нас ребенок тогда еще совсем маленький был. Мужун так любила наряжаться! Конечно, на это уходило много денег, нам было не потянуть, вот она и согласилась несколько раз подработать, роды на дому принять. А последние полгода с деньгами совсем беда, ни на что не хватает. Так она зубы сжала и еще нескольких приняла. А в последний раз... *(Всхлипывает.)* Все пошло не по плану!

Юань Гочжун *(неволью начинает говорить тише)*. Так это та женщина у вас дома всю посуду перебила в прошлую субботу... Из-за этого?

Чжоу Юйпу. Да что уж там... Собиралась осколками тарелки себе вены перерезать, злилась еще похлеще вашего!

Юань Гочжун. Вы правда мне платить не собираетесь?

Чжоу Юйпу. Да.

Юань Гочжун. Хотя что-нибудь дали бы, чтобы мне полегче стало. Можешь две оплеухи мне дать!

Чжоу Юйпу (*остолбенело*). Давайте я вам дам два пластыря, пойдет?

Юань Гочжун. Пойдет! Все пойдет! (*Смотрит в сторону выхода*.) Ай-яй, Ли Бэнь, кровь-то хлещет! Что с тобой?!

Ван Сююнь. Мама! Смотри скорее, что с отцом! Папа!

Ван Либэнь тащит на плечах коромысло с подвешенными корзинами, полголовы у него в крови. Он шатается, еле идет, словно засыпает на ходу. Все бегут к нему, подхватывают под руки, усаживают на перевернутый кувшин. Тянь Цуйлань с трудом удерживает его за плечи, вот-вот расплачется.

Тянь Цуйлань. Либэнь! Что с тобой? Кто это сделал? Я этому ублюдку башку сверну! Скажи хоть что-нибудь... Сююнь, принеси ваты из комнаты!

Гуань Фудоу. Отец, у меня есть топор. Вы только скажите, кто это? Кто?!

Ван Либэнь (*сплевывает, говорит абсолютно спокойно*). Шайка поганных ублюдков...

Гу Юэцзун. Ну и ну... Избили дурака...

Ван Либэнь (*говорит медленно, но уверенно*). Это, мать твою, ты дурак! Подошел ко мне один раненый солдат, взял тарелку жареной печени, а денег не дал. Сказал: «Как будто свиного дерьма поел!»

Юань Гочжун. Ты и не брал бы с него денег!

Ван Либэнь. Так я и не требовал. Извинился, объяснил, что, видишь, кишки свиные не промылись до конца. Попросил меня не бить, а разойтись мирно... Он через некоторое время снова пришел, привел с собой целую толпу солдат. Они с кукурузными пампушками вприкуску весь мой котел с печенью и смели без остатка.

Тянь Цуйлань. Ты их сначала пожалел, а потом ругаться стал?

Чжоу Юйпу. Не может быть! Он всегда молчит!

Ван Либэнь. Я им сказал, чтобы ели что захотят, денег не возьми. Один из них в соседней лавке суп из костей купил, кость собаке своей дал, а она есть не стала. Он меня и спрашивает, чем это животное накормить, раз оно кости не ест? Я сдуру ему и сказал... Свиного навоза отвари ей...

Тянь Цуйлань. Ты же сам нарвался! Обычно тебя хоть в три ноги пинай, ни черта не скажешь...

Ван Либэнь (*поднимается, опираясь на других, идет в сторону комнаты, тихо оправдывается*). Тот услышал, сразу разозлился... Я же ничего такого не сказал... Так, наобум ляпнул...

Юань Гочжун. Наобум! Да тебя за такие слова еще сильнее надо было бить. Вот идиот! (*Снова смотрит в сторону выхода*.) Большая Куча! Стоять! Стой, говорю тебе!

Ню Большая Куча убегает за дерево. Юань Гочжун преследует его, собирается обругать, он в ярости. Ню Большая Куча, задорно улыбаясь, выходит из-за дерева, завязывает веревку на штанах.

Большая Куча. Больше не будете меня ругать, да? Наконец-то пожалели мой мочевой пузырь!

Юань Гочжун. Я переживаю не за твой пузырь, а за Китайскую республику.

Большая Куча. С чего это?

Юань Гочжун. Сколько уже лет республиканскому режиму? А народ весь в грязи, непонятно, как на ногах держится.

Большая Куча (*смеется*). Государству уже давно все равно, в грязи я или нет! Я голоден до смерти, скорее скажи государству меня накормить... (*Таинственно говорит все тише и тише*.) Вы слышали... Чанчунь взяли с боем! Сюйчжоу тоже подмяли... Как семечки, если их на землю просыпать, собрать не успеешь все — уже арбузы вырастут. А еще раз взглянешь — арбузы уже трещины дали и на куски развалились!

Юань Гочжун. Не знаю, треснули ли арбузы, но вот стена нашего соседа управляющего Хуана точно треснула, на нее дерево упало. Я денег занял, чтобы им заново все выстроить. Так только дождь, мать его, прошел — опять все развалилось. Я уже ничего не хочу, кроме как выйти на улицу и орать матом. Прыгать и во всю глотку орать!

Большая Куча (*горько смеется*). Тогда можете побраниться на нас, мусорщиков. А на кого ж еще?

Юань Гочжун. Прочитай-ка мне, что написано на дереве? Вон, парные надписи.

Большая Куча. Вы забыли, что я неграмотный? Что там написано?

Юань Гочжун. ...что я ругаюсь на твоего деда.

Большая Куча. Так у меня деда нет, я единственный наследник шести поколений моей семьи.

Юань Гочжун. В этом мире есть два человека, которых я хочу придушить. Первый — это ты. Второй — это Гу...

Большая Куча (*замечает, что медленно приближается Гу Юэцзун*). Дед Гу! Вам всегда так везет? Ваш Цао Кунь на этот раз побил нескольких наших парней!

Гу Юэцзун. Конечно, если бы он не откусил голову Дуань Ци-жюу, так и был бы никем! А он ведь не хуже!

Большая Куча. А того сверчка, которого вы Императором кличете, нашли все-таки?

Гу Юэцзун. Поймал... *(Вытаскивает коробочку из-за пазухи.)* Иди сюда, я тебе покажу.

Большая Куча *(смеется)*. Вы такого здорового детину императором выбрали!

Юань Гочжун. Это разве не обычный полевой сверчок?

Большая Куча. Как бы не так! Это сверчиха... Вон, с хвостиком.

Гу Юэцзун *(торжествует)*. Тогда что тут непонятного? Большешеголовый Юань, загадаю-ка я вам двоим загадку: «Помыла мужика баба, повернула все, как надо».

Юань Гочжун. А что тут угадывать? Это наша маньчжурка из восточного флигеля.

Гу Юэцзун. Это третья тетка по матери бабушки старшей сестры отца мужа нашей маньчжурки!

Большая Куча. Кто же это?

Гу Юэцзун. Императрица Цыси!

Большая Куча. С чего вдруг?

Гу Юэцзун. Если «цы» другим иероглифом записать — это как раз «баба», а «си» еще может означать «мыть». Так вот Цыси и перехитрила всех ученых мужей императорского двора. *(Отворачивается, отходит.)* Императрица Цыси... Развалила великую Цинскую империю на кусочки. Ничего, как найду подходящего мужика, замену ее.

Юань Гочжун. Китайская республика тоже развалится. Правда, ее уже не бабы, а мужики развалят.

Гу Юэцзун. С женщинами одно и то же, хватит уже. А мужчины... Эх, ведь могли бы сообща действовать!

Большая Куча *(замечает, что приближается Сяо Цишань, но не паникует, уверенно говорит Юань Гочжуну)*. Посмотри-ка на этого ублюдка, снова собрался нас к стенке припереть. Пора линять.

Сяо Цишань спокоен, как и всегда. Однако не может скрыть некоторой растерянности. Юань Гочжун трусит, молчит, делает вид, что абсолютно безразличен ко всему происходящему. Сяо Цишань уступает дорогу Большой Куче с повозкой нечистот. Он говорит спокойно и равнодушно, как будто его кто-то подменил.

Сяо Цишань. Куча... Поторопись, городские ворота Андинмэнь скоро закроются, будет не выйти.

Большая Куча. Понял.

Сяо Цишань. Если не успеешь добраться до навозохранилища, возвращайся сюда. Переночуешь в сарае на заднем дворе.

Большая Куча. Нет уж... *(Уходит.)* Боюсь, что ваша злая собака меня покусает.

Сяо Цишань *(усмехается, качает головой, обращается к Юань Гочжуну)*. Заметил? Небеса еще не разверзлись, а на земле все уже боятся.

Юань Гочжун. Что-то я не замечал, что вы к своим подчиненным так любезны... *(Делает вид, что рассматривает собеседника со всех сторон.)* У вас волосы на голове тоже дыбом встали, да?

Сяо Цишань. Ты там какие глупости надумал?

Юань Гочжун. Вы не привели с собой полицейский конвой? Не собираетесь на меня наручники надеть?

Сяо Цишань. А мне оно надо? Всего-то ссуду тебе дал. В этот раз не вернешь — так в следующий. Мы же с тобой не чужие друг другу, договоримся. А ты правда решил... Что я буду как тот начальник бао Сюй, который через дорогу живет? Что я буду по поводу и без повода патруль с маузерами с собой таскать, чтобы долги собирать? Такими делами я не занимаюсь...

Юань Гочжун *(встает поперек дороги)*. Тогда... О том, чтобы моего сына на умалишенной женить, больше не будем и говорить! Сын если узнает — сожрет меня. Если вы сегодня снова за этим пришли, то я сам с ума сойду. Доуцзы прикидывается, что у него эпилепсия, а у меня точно приступ случится. Я уже на грани...

Сяо Цишань *(хватает собеседника)*. Я за этим и пришел! Не просто от твоего сына страшную судьбу отведем... Всем, кто здесь живет, счастье будет!

Юань Гочжун. И кто же вам для этого нужен?

Сяо Цишань. Ты!

Юань Гочжун. ...

Сяо Цишань *(смеется)*. Пойдем внутрь, обсудим!

Услышав разговоры, все начинают выходить во двор. Постепенно собирается толпа. Все начинают улыбаться, льстить и подлизываться. Сяо Цишань кивает, обменивается любезностями, замечает, что над входными дверями появились персонажи. Крестится, смотря на Иисуса, складывает руки в молитвенном жесте, обращаясь к будде Майтрее, кланяется Гуань Юю. Садится на перевернутый кувшин.

Сяо Цишань. Что вы все на меня уставились? Даже страшно становится. Я не за деньгами сегодня пришел, давайте хоть улыбнемся друг другу искренне сегодня. Сами посмотрите, от арки в Сидане до арки в Сисы и дальше вплоть до песчаной дороги — везде толпы людей, как бобов по улицам рассыпали. Шум, гам, вытянули шеи и кричат со всей мочи четыре слова *(хрустит суставами пальцев)*: «Мы! Против! Жестоких! Поборов!»

Чжоу Юйпу (*тихо*). Пускай кричат... Мы не пойдем... Мы покорный народ.

Сяо Цишань (*усмехается*). Пойдешь или не пойдешь, все равно никто тебя не остановит. Никто не будет денег с тебя требовать... Теперь день, когда вас попросят оплатить все налоги, наступит нескоро.

Тянь Цуйлань (*ликует*). Правда? Нескоро — это когда?

Сяо Цишань. Когда вся шумиха пройдет.

Цзинь Мужун. Начальник Сяо... А если они так и не закончат протестовать?

Сяо Цишань (*застывает в одной позе*). Солнце... Если солнце захочет во что бы то ни стало с Запада вставать... Тогда через какое-то время никто его удержать не сможет. (*Ищет что-то в карманах.*) Тогда уж как солнцу удобно будет. Откуда хочет вставать — оттуда пусть и встает. (*Вытаскивает несколько листов белой бумаги.*) А что делать? Слушайте внимательно! Женщинам — всем вернуться внутрь дома, заниматься своими делами. Остальные, кого назову, делают шаг вперед и встают рядом со мной. Юань Гочжун!

Юань Гочжун. Я?!

Сяо Цишань. Что застыл? Подходи ко мне. Ван Либэнь... Чжоу Юйпу... Гуань Фудоу... Отлично! Вас вполне хватит. Выберу больше — будет выглядеть неестественно.

Гу Юэцзун (*неизвестно, когда успел залезть в гроб, внезапно поднимает из него голову*). Погодите! А я?

Сяо Цишань (*пугается*). А вы здесь при чем? Ложитесь вздремните, потом снова вылезете.

Юань Гочжун. Что делать надо? На расстрел нас поведете?

Сяо Цишань (*подшучивает*). Да жалко расстреливать! Пули-то дорогие... Даю каждому по бумажке, садитесь, будете заполнять. Чжоу Юйпу, ты тут самый образованный. Вместо них заполнишь бланки.

Чжоу Юйпу. Какие бланки?

Сяо Цишань. Заявления на освобождения от взносов.

Чжоу Юйпу (*радостно*). Ах! Я сбегаю за своей ручкой! (*вскакивает, на полпути обнаруживает ручку в кармане*). Давайте, я готов заполнять! И вам всем помогу заполнить! У меня тут ручка «Паркер», так удобно ей писать... (*Садится рядом с глиняным чаном, взволнованно разглядывает таблицы, вдруг замолкает.*) Сяо... Начальник Сяо... Что это такое? Здесь ничего не говорится про освобождение от пошлин...

Гуань Фудоу. Дядя Чжоу, так что написано-то на бланках?

Чжоу Юйпу. Бланки вступления в партию...

Юань Гочжун. В какую... Какую партию?

Чжоу Юйпу. В Гомиьдан⁶⁴!

Все застывают в недоумении. Женщины выглядывают из комнат. Ван Либэнь лепит пампушки, отвлекается, подходит к бланкам, рассматривает. Выражение лица Сяо Цишаня абсолютно спокойно, он крутит в руках свою табакерку.

Юань Гочжун. Начальник Сяо, в чем дело?

Сяо Цишань. Я разве вам не говорил? Будет счастье каждому здесь живущему.

Юань Гочжун. Вы так долго ходили вокруг да около, только чтобы нескольких мужиков затащить в эту канаву?

Сяо Цишань. Никого из нас не обойдет, никто не спрячется. Только тот, у кого глаза на заднице, не видит, что в этой демократической республике все плохо, скоро ее ждет крах. Это все как мертвому припарки. Кормят такого лекарствами и ждут, что беда отступит. Переворачивают его, а вдруг он возьмет и сядет! (*Холодно смеется.*) Это не моя прихоть, а идея этих щенков из районного партийного комитета. Я только исполнитель.

Юань Гочжун. На самом деле... То есть мы должны пойти прислужой к банде, чей главарь вот-вот отдаст концы?

Сяо Цишань (*продолжает смеяться*). Думаете, что я с вами несправедливо обошелся? А вы представьте, что вы вторые жены в императорском гареме... Император вот-вот скончается. Схватил вас за ваши вонючие ножки и просит его перед смертью вывести проветриться. В этом ведь нет ничего обидного?

Юань Гочжун. Если даже это не называть обидным, то что же еще? Мой отец, например, не разрешил ему похороны устроить как подобает. А с этими партийными я должен хоть под землю провалиться? Смерть меня в любом случае найдет, но ее день еще не настал! Вы эти бланки... Эту кучу бумаги... Сожгите лучше как ритуальные деньги⁶⁵!

Сяо Цишань (*сдерживается из-за всех сил*). Юань Гочжун, ты из-за всех сил пытаешься прикинуться передо мной дурачком. Ты изображаешь из себя дурня так, что уже сам в это поверил. Ты ведь и вправду полный кретин!

Юань Гочжун. Я кретин, вы нет. Если вы сами не притворяетесь, не все ли равно?

Сяо Цишань (*тяжело вздыхает*). Хоть как-нибудь по-другому обругай меня! Не заполнишь бланк — мне наплевать. Я найду, кто заполнит его за тебя. Все равно идти докладывать начальству, не буду

⁶⁴ Гомиьдан — «Национальная партия»; китайская политическая партия, основана в 1894 г.

⁶⁵ Ритуальные бумажные деньги, сжигаемые на похоронах.

же я себе неудобства доставлять. *(Внезапно содрогается всем телом.)* Доуцзы! Ты что удумал? Не вздумай мне здесь биться в конвульсиях! Не смей падать на землю и пугать меня! Когда смотрю на тебя, мне и так не по себе...

Гуань Фудоу *(хихикает)*. Я не бьюсь в конвульсиях... Это у моего наставника припадки были! Заставляли его вступить в партию серпа и молота — вот тогда и случился приступ. Заставляли вступить в партию Белого солнца на синем небе⁶⁶ — снова припадок. Другие мелкие партии приглашали — он все в конвульсиях бился. Пошел я работать, как хотите, так и заполняйте эти бланки. Все равно я никуда вступать не буду.

Сяо Цишань *(бормочет под нос)*. Тогда твою женушку запишем... Юйпу, заполняй!

Чжоу Юйпу *(трусливо оглядывается по сторонам)*. Брат Юань, если нас и правда освободят от взносов... Может... Заполним тогда? Всего лишь бумажка какая-то... *(Громко, в сторону восточного флигеля.)* Мужун! Я заполняю! *(Нет никакого ответа.)* Убеждения? Вот эта графа про убеждения... Начальник Сяо, я вот так напишу: «Занимаюсь медициной, помогаю людям», подойдет?

Сяо Цишань. А иероглифы «Три народных принципа»⁶⁷ ты разучился писать?

Юань Гочжун. Все-таки лучше напиши «возвращаю к жизни»! *(Ходит вокруг горшков с жасмином, разговаривает сам с собой.)* Ты ведь не хвастаешься! Твои пластыри если наклеить на солнечное сплетение, разве они мертвого не поднимут? Ты их укусом пропи-таешь, сверху намажешь пастой из соевых желтых бобов, еще перца красного добавишь... И как шлеп! Прилепишь!

Чжоу Юйпу. Цзыпин? Мужун! Дочь вернулась!

Чжоу Цзыпин с набитым до отказа рюкзаком, из которого выглядывает несколько книг, спешно заходит во двор. Она молода, полна энергии, идет уверенной походкой. Без какого-либо стеснения обменивается приветствиями со всеми присутствующими во дворе. Цзинь Мужун вылетает из флигеля, но тут же замедляет шаг, не показывает своих чувств.

Чжоу Юйпу *(достает носовой платок, вытирает пот со лба дочери)*. Почему же ты нынче решила вернуться?

Чжоу Цзыпин. Ездил на Люличан⁶⁸ купить кое-что для учебы, вот решила по пути заглянуть домой.

⁶⁶ Белое солнце на синем небе — флаг партии Гоминьдан.

⁶⁷ «Три народных принципа» — политическая доктрина Сунь Ятсена (1866–1925).

⁶⁸ Люличан — район в Пекине, где торгуют книгами и канцелярскими товарами.

Чжоу Юйпу. Только не ходи вслед за остальными на демонстрации! Два брата из девятого дома отправились поглазеть ради интереса. Так когда демонстрантов разгоняли, им водой из пожарного гидранта по глазам попали! До сих пор оба плохо видят...

Чжоу Цзыпин. Отец, я все понимаю. Никуда не пойду. Мама, вы мне остудите чашку кипятка, я попозже выпью. *(С интересом начинает подниматься по деревянным ступенькам.)* Братец Цзянмяо! Цзянмяо! Ты просил книги, я тебе взяла!

Цзинь Мужун. Цзыпин, погоди!

Чжоу Цзыпин *(останавливается на пролете лестницы)*. Мама?

Цзинь Мужун *(спокойно, выдержанно)*. Цзыпин, мама сколько раз тебе говорила? Ты не девчонка-прислуга. Надо в разговорах и в работе быть серьезной, ответственной. Есть дело — так нельзя о нем с половины лестницы кричать. Зачем тебе наверх?

Чжоу Цзыпин. Я Цзянмяо книги принесла.

Цзинь Мужун. Каждый раз все книги таскаешь, как девчонку на побегушках наняли!

Чжоу Цзыпин. Мама...

Цзинь Мужун. Он сам не может спуститься и забрать? Ну-ка положи все! Ты चाहоткой можешь заразиться, даже если на тебя капля слюны упадет! Зачем ты так близко к нему подходишь? Дело не в том, что мы на кого-то свысока смотрим, и не в том, что умышленно игнорируем. Дядя Юань и Мяо-цзы это прекрасно знают.

Юань Цзянмяо открывает дверь, подходит к решетчатой двери, тихонько кашляет. Выносит такой же до отказа набитый рюкзак, улыбается, дружелюбно смотрит на Чжоу Цзыпин. Чжоу Юйпу очень взволнован, заполняет бланк. Юань Гочжун расставляет горшки с цветами, одновременно с этим внимательно следит за каждым движением сына.

Юань Цзянмяо. Цзыпин! Положи книги внизу лестницы и отойди назад.

Чжоу Цзыпин *(поднимается наверх)*. Братец Цзянмяо...

Цзинь Мужун *(громко)*. Цзыпин!

Юань Цзянмяо. Послушай меня... Спустись вниз.

Чжоу Цзыпин *(опускает рюкзак и книги на ступени, печально)*. Цзянмяо, у тебя такой нездоровый вид... Ты такой уставший! Не стоит читать так много книг, ты...

Юань Цзянмяо. Со мной все в порядке, ничего страшного... Чтение книг меня несколько не утомляет. Я правда не устал! Не переживай... Спускайся, подожди, пока я сложу книги, которые ты мне приносила, потом поднимешься заберешь. Не заставляй родителей сердиться.

Чжоу Цзыпин *(спускается)*. Хорошо.

Юань Цзянмяо. Все видели мои конспекты прочитанных книг?

Чжоу Цзыпин. Передавали друг другу, все хотели посмотреть! Написано замечательно... Ты мастер слова! Все восхищаются твоим талантом!

Юань Цзянмяо. Передавай ребятам от меня привет... *(Меняет местами рюкзаки с книгами, отходит от двери назад.)* Я стараюсь не тратить время зря. Обещаю, я обязательно сделаю все, что мне по силам. *(Многозначительно.)* Надо успеть провести с пользой данное мне время... Изучить все возможное.

Чжоу Цзыпин *(снова поднимается, берет рюкзак с книгами, который вынес из комнаты Цзянмяо)*. Братец Цзянмяо! Береги себя! Не забывай хорошенько отдыхать, когда устаешь от чтения книг... *(Вдруг вспоминает что-то, вытаскивает пачку денег, собирается отнести наверх.)* Погоди! Эти деньги для тебя собрал Независимый союз студентов Пекина, на лечение...

Цзинь Мужун *(громко)*. Цзыпин! Стой!

Юань Цзянмяо *(кричит одновременно с Цзинь Мужун)*. Не поднимайся! Спустись... Я давно уже говорил, я не нуждаюсь ни в каких пожертвованиях! Забери! Спускайся...

Чжоу Цзыпин *(ошеломлена внезапным раздражением собеседника)*. Мы ведь от чистого сердца... И от союза учащихся вашего Института железнодорожного транспорта, и с каждого курса нашего педагогического училища... Мы собрали эти деньги, чтобы тебе помочь!

Юань Цзянмяо *(мягко)*. Со мной все хорошо... Правда, все в порядке. Забери деньги... Стольким ребятам не хватает на еду. Жидкой кашей утром не наешься, как я могу взять их деньги? *(Кашель усиливается.)* Отнеси деньги, раздай всем обратно или еще лучше отдай тем, кому они действительно нужны. Цзыпин... *(Смотрит на девушку не отрываясь.)* Поблагодари всех от меня!

Чжоу Цзыпин *(со слезами на глазах)*. Хорошо...

Юань Цзянмяо разворачивается, скрывается за плетеным забором. Чжоу Цзыпин нехотя спускается. Юань Гочжун не отрывает взгляд от пачки денег в руках девушки. Обуреваемый жадностью машинально начинает движение в ее сторону.

Юань Гочжун. Цзыпин... Доченька...

Чжоу Цзыпин. Дядя Юань... *(Видит, что собеседник устал, встал на ее руку, неожиданно осознает, что происходит.)* Дядя Юань, Цзянмяо деньги не взял... Может, вы за него возьмете?

Юань Гочжун. Мне совесть не позволит взять! *(Уставился на деньги, не спускает с них глаз.)* Опасное это дело.

Чжоу Цзыпин. Возьмите же! Ваша семья в больших долгах...

Юань Гочжун. Мне и вправду неловко... *(Практически выхватывает деньги у девушки, сжимает их двумя руками, начинает нервно кланяться.)* Спасибо! Благодарю! Поблагодари от меня добрых людей! Всем передай благодарности!

Юань Цзянмяо *(громко)*. Положите! *(Громко кашляет, схватившись рукой за решетчатую дверь, как только кашель затихает, продолжает раздосадованно.)* Отец! Верните деньги! *(Кричит еще громче.)* Вы слышали? Быстро отдайте обратно!

Обстановка накаляется. Юань Гочжун крепко сжимает деньги в руках, словно ухватился за спасительную соломинку. Долгое время не может сдвинуться с места, потом, шатаясь, начинает двигаться в сторону лестницы. Жалобно смотрит на сына снизу вверх.

Юань Гочжун. Сынок...

Юань Цзянмяо *(с трудом сохраняет спокойствие)*. Верните деньги Цзыпин.

Юань Гочжун *(охрипшим голосом)*. Сын...

Юань Цзянмяо. Если не вернете деньги... *(Взволнованно.)* Тогда я вам больше не сын!

Тянь Цуйлань. Мяо-цзы!

Юань Цзянмяо. Не вмешивайтесь... Это наше с отцом дело.

Юань Гочжун. Денежки-то еще горячие... *(Трусливо.)* Добрые люди для нас с тобой собрали...

Юань Цзянмяо *(сдерживает гнев)*. Собрали для меня, не для вас. Если я сказал вернуть, значит, так и надо сделать. Вы не можете вот так взять и забрать себе.

Юань Гочжун. Разве твое... не мое?

Юань Цзянмяо. Ваше — это ваше, мое — это мое... *(Постепенно начинает выходить из себя.)* Папа! Вы вообще о чем-либо думаете еще, кроме денег? Я умоляю вас! Отпустите эти деньги... Вы так крепко вцепились в чужое... А все ради чего? Они не ваши!

Юань Гочжун. Ради чего? Эти деньги... Чистые, честные деньги!

Юань Цзянмяо. Боюсь, в ваших руках они станут грязными!

Юань Гочжун *(трясет деньги в руках)*. Мои... В моих...

Тянь Цуйлань. Мяо-цзы, нельзя так разговаривать с отцом!

Юань Цзянмяо *(горько смеется)*. Как я еще могу с ним говорить? Отец, скажите... *(Показывает на комнату за своей спиной.)* В 1928 году эту комнату снимал один учитель. Кто он?

Юань Гочжун. Красный коммунист по фамилии Хань.

Юань Цзянмяо. И как его арестовали?

Юань Гочжун. Его здесь нашли... И сразу арестовали. С ним вместе и меня в участок забрали, а я ведь только пару раз за него на почте письма отправлял, и все! Ничего больше плохого не делал. *(Спешит скорее завершить рассказ.)* Деду Гу это известно, Либэнь и начальник Сяо тоже знают!

Юань Цзянмяо. И после этого вы спокойненько вернулись домой? *(Кашляет.)* А человека ведь расстреляли!

Юань Гочжун *(обеспокоенно)*. Он же красный! Его поэтому и убили! Я не коммунист, разве меня не должны были отпустить? С какой стати меня убивать?

Юань Цзянмяо. Откуда тогда те деньги? Почему вы всегда это скрываете, уходите от темы?

Юань Гочжун *(напрягается изо всех сил)*. Я... Я... Не слушай, что вокруг языком чешут! Кто-то богатеет, кто-то разоряется — всё поводы для сплетен и всякой пустой болтовни. Обнищал — так будут смеяться, говорить, что так и надо, и поделом. Разбогател — будут проклинать, говорить, что поплатишься за это. Твой папа чист со всех сторон, ни в чем не виновен!

Юань Цзянмяо. Но именно тогда вы купили этот дом!

Юань Гочжун *(на секунду застывает)*. Я...

Юань Цзянмяо *(презрительно)*. Вам есть что еще сказать?

Гу Юэцзун *(внезапно вылезает из гроба, радостно)*. Большоголовый Юань! Ты нам всем Расскажи-ка... Откуда взялись те несколько сотен юаней серебром? Тебя кто-то отблагодарил... Или ты их выкопал где?

Юань Гочжун. Закрой свой грязный рот! Я все заработал сам!

Гу Юэцзун. Чушь! Ты на своей винокурне полгода гнал самогон, в лавке Любицзюй два года редьку чистил. Ступил на порог моего дома нищим голодранцем! Если тебе те деньги в качестве благодарности перепали, считай, повезло... А если ты их у кого отнял, так ты, значит, силач... *(Хихикает.)* А если где-то на этом дворе раскопал, то послушай, что я скажу... Все без остатка выплевывай обратно мне!

Сяо Цишань *(запихивает Гу Юэцзуна обратно в гроб)*. Вы ложитесь обратно, глаза закройте, лежите пока молча.

Юань Цзянмяо *(устало)*. В моих глазах вы вечно будете человеком, который думает лишь о деньгах... Деньги... Деньги! Требуете денег со всех вокруг, прячетесь у себя в комнате, пересчитываете... С соседями только и препираетесь, что о деньгах... Все мелочи помните...

Тянь Цуйлань. Мяо-цзы! В нашем хутуне все такие, твой папа ни в чем не виноват!

Юань Цзянмяо *(тихо)*. Прогнивший до мозга костей... Насквозь гнилой.

Юань Гочжун. Без денег... На что я тогда кормил и учил бы тебя?

Юань Цзянмяо. Если деньги достаются таким образом... То лучше бы вы еще тогда оставили меня у городской стены!

Юань Гочжун (*еле стоит на ногах*). Сынок... Ты такими словами, верно, хочешь меня в могилу свести!

Юань Цзянмяо. Я хорошо помню, как вы любили и лелеяли меня в детстве, я хотел бы называть вас отцом... (*Повышает голос.*) Отец! Верните деньги Чжоу Цзыпин! Она отдаст их обратно ребятам. Во всем мире не вы один нуждаетесь в них... Прошу вас... Скорее же!

Юань Цзянмяо видит, что Юань Гочжун не реагирует на его слова. Быстро спускается по лестнице, не говоря ни слова, отбирает деньги у отца. Юань Гочжун, словно в трансе, мертвой хваткой вцепился в деньги, не отпускает их. Каждый тянет деньги на себя. Тянь Цуйлань, Чжоу Цзыпин и остальные подходят ближе, пытаются их примирить.

Юань Гочжун (*умоляет*). Отпусти... Папе нужны эти деньги!

Тянь Цуйлань. Хватит! Оба — отпустите!

Юань Гочжун. Сынок... На эти деньги я выпишу лекарства, спасу тебе жизнь!

Чжоу Цзыпин. Братец Цзянмяо! Не нужно так... Пускай отец возьмет...

Юань Цзянмяо в порыве отчаяния дает отцу пощечину. Деньги рассыпаются вокруг них как опавшая листва. Все стоят в изумлении. Юань Цзянмяо приходит в себя, страдает от угрызений совести, собственной беспомощности.

Юань Цзянмяо (*тихо, извиняясь*). ...Я больше не хочу лечиться, я жду собственной смерти! Я умру... И не понадобится больше тратить на меня деньги. На ваших деньгах кровь... (*Поднимается наверх.*) Извините... Отец, простите меня...

Юань Гочжун (*отчаянно*). Сынок!

Юань Цзянмяо словно тень исчезает за дверью своей комнаты. Юань Гочжун стоит, опустив плечи, не двигается. Тянь Цуйлань подходит к нему, хочет утешить, но в итоге отворачивается, вытирает слезы с глаз. Сяо Цишань проверяет бланки, отмечает ошибки. В полной тишине Сяо Пэнда беззвучно проскальзывает во двор, с презрением окидывает взглядом всех присутствующих. Останавливает свой взгляд на Чжоу Цзыпин, сверлит ее глазами, словно охотник уставился на дичь. Цзинь Мужун закрывает дочь телом, дает ей знак уходить в комнату.

Сяо Пэнда. Тетушка Чжоу, не прикидывайтесь! Я видел Чжоу Цзыпин!

Сяо Цишань. Дацзы... Зачем пришел?

Сяо Пэнда (*смотрит на отца*). Ничего срочного, не обращай-те на меня внимание.

Сяо Цишань. Ничего срочного — так иди домой.

Сяо Пэнда. Я пошатаюсь тут немножко и уйду. Чжоу Цзыпин? Ты меня позабыла?

Чжоу Цзыпин. ...

Сяо Пэнда. Почему с тех пор, как я вышел из тюрьмы, ты все время от меня прячешься? Я ходил в училище, спрашивал про тебя, мне каждый раз говорили, что тебя нет. Сидел тут в хутонах, ждал, а ты все не возвращалась. *(Смеется.)* Я же не разведчик и тем более не спецгент. Я так, амбарная крыса, которая присматривает за складами. Мелкий взяточник. Скажи, чего ты меня боишься?

Цзинь Мужун *(напряженно)*. Цзыпин... Она... Она слишком занята учебой!

Сяо Пэнда *(смеется)*. Занята? Может, она не учебой, а демонстрациями занята?

Сяо Цишань. Дацзы! Когда ведешь беседу с соседями, имей совесть!

Сяо Пэнда. Я знаю, как разговаривать! У вас, отец, свои важные дела, вот ими и займитесь. *(Подходит к Цзинь Мужун.)* Тетушка Чжоу... Вы ведь так стремились к выгоде? Пока я не сел, вы чуть ли не каждый день ошивались у наших ворот, все навязывались. Что же теперь случилось?

Цзинь Мужун *(смущается)*. Я...

Сяо Пэнда. Вы нахваливали меня всеми возможными словами, я очень хорошо помню. Как вспомню, так тошно!

Цзинь Мужун. Мы ведь с твоей матерью обе католички, хвалить детей — это проявление вежливости и уважения! Я... Я ничего другого в виду не имела.

Сяо Пэнда. Не имели? А я имею! Честно вам скажу, пока я был в тюрьме, я ни по кому не скучал, но в моей голове был лишь один человек... *(Смотрит на Чжоу Цзыпин, показывает пальцем на свой висок.)* Если бы не ее милые щечки, которые были в моей голове все это время, я бы давно уже сдох там! *(Идет в сторону отца.)* Отец! Моя дорогая сестрица снова тронулась, схватила твою вазу из голубого фарфора, а потом замахнулась, чтобы ее об стену швырнуть!

Сяо Цишань *(в ужасе)*. Что?!

Сяо Пэнда. Не переживайте, я успел вазу отобрать и спрятать. Папа, ну и удрученный вид же здесь у всех! Кого хоронить-то собрались?

Гу Юэцзун *(снова вылезает из гроба)*. Дацзы! Посмотри-ка сюда!

Сяо Пэнда. Дед Гу! С вас уже песок сыпется, а вы все еще живы?

Гу Юэцзун. Ждал, пока тебя, негодяя, выпустят! Иди сюда, я тебе покажу Императора.

Сяо Пэн да. Вы меня не пугайте. Это чьи деньги по всему двору валяются? Дядя Юань, что с вами? Отчего глаза такие красные?

Гу Юэцзун (*радуется чужому горю*). Он чувствует себя обиженным зазря!

Сяо Пэн да. Да? Знаете ли вы, что такое быть напрасно обиженным? Когда вокруг скупали остатки американского оружия, начальник склада взял да и продал все наши джипы и артиллерийские снаряды. Я вслед за ним продал двадцать с чем-то шин, а в итоге это все записали на меня. Да вместе со всем этим и меня чуть не продали! Дядя Юань, скажите, виноват я? Вы... Вы что это... (*Отскакивает назад*.) Вы что задумали?

Юань Гочжун (*таращит глаза на Тянь Цуйлань*). Что несколько минут назад сделал мой сын?

Тянь Цуйлань. Братец Юань...

Юань Гочжун. Он... Он только что прописал мне оплеуху?

Тянь Цуйлань (*печально*). Вы простите это сыну... Это все из-за его болезни.

Юань Гочжун (*крепко сжимает в руке бумажную купюру*). Эти деньги... Я обожаю их, не могу отпустить! Скажите, я правда такой отвратительный? Собственный сын дал мне пощечину... А я не хочу расставаться с этими деньгами! У меня нет ни стыда, ни совести, бить — бейте, но я все равно останусь таким...

Чжоу Цзыпин. Дядя Юань...

Ван Сююнь. Дядя...

Две девушки молчат, лишившись голоса от волнения. Вдруг откуда-то доносятся звуки артиллерийской канонады. Все пугаются, от страха присаживаются на корточки. Неужели слава о Юань Гочжуне дошла до Неба и теперь оно разверзнется над ним?

Сяо Пэн да. Это пугают Фу Цзои⁶⁹, что ли? Кажется, это коммунисты холостыми стреляют.

Сяо Цишань. Наверное, это все-таки наша армия⁷⁰, подбадривают народ!

Тянь Цуйлань (*в ужасе*). Стрельба есть стрельба! На кого этот снаряд упадет, тому будет уже все равно, кто стрелял...

Юань Гочжун (*поднимает голову к небу, громко кричит*). На меня падай! Я тебя жду! Со всей силы на меня упади! Еще один пускай упадет на стену управляющего Хуана, чтоб она снова развалилась! Пускай ему, мать его, возмещает убытки кто угодно, только не я!

⁶⁹ Фу Цзои (1895–1974) — гоминьдановский генерал, перешедший на сторону коммунистов.

⁷⁰ Имеется в виду Национально-революционная армия, НРА (1925–1947).

Цз инь Мужун (*в ужасе крестится*). Имейте совесть, что вы несете? Снаряды действительно летят и падают вокруг нас!

Юань Гочжун (*истерично*). А я как раз боюсь, что они не упадут! Эй! Падайте прямо мне на голову! Пускай за пампушечным двором кто другой следит, кому нравится пампушки грызть — тот пускай и забирает! Мне не надо! Я по горло сыт! Летите ко мне, придавите меня! Давайте!

Чжоу Юйпу (*держит в руках бланк, вжав голову в плечи подходит к Юань Гочжуну*). Брат Юань... В этой строчке про убеждения... За вас тут что написать?

Юань Гочжун (*не задумываясь*). Деньги!

Чжоу Юйпу. Вы... Что вы сказали?

Юань Гочжун. Сына моего спроси!

Свист снарядов постепенно замолкает. Юань Гочжун обессилен, еле стоит на ногах. Из гроба слышен тихий глухой треск сверчков. С верхнего этажа доносится мелодия губной гармоники, сперва на короткое время веселая, потом печальная и скорбная. Все застыли, неподвижны. Занавес резко опускается.

Акт третий

1948 год, зима, начало декабря. Поздняя ночь. Слышен звук губной гармошки, с открытием занавеса он постепенно стихает. Слышен стук: бум-бум, бум-бум. Парные надписи на дереве порваны, плохо читаются, можно разобрать только строчку «трахну твоего деда». Во дворе пустынно, тишина, огни потушены. Слабый свет свечей пробивается только через окна восточного флигеля и комнаты Юань Цзяняо. Гроб уже покрыт лаком, это из него доносится звук «бум-бум-бум», который сопровождается глухими криками Гу Юэцзун.

Гу Юэцзун. Выпустите меня! Хватит! Не хочу больше внутри лежать, тут слишком холодно! Не могу больше! Выпустите! Вытащите! Большеголовый Юань, не могу терпеть больше, сейчас обмочусь! Посмеялся надо мной и ладно... Кто-нибудь! На помощь... Большеголовый Юань убийца!

Гуань Фудоу (*выбегает из комнаты*). Иду! Дед Гу, вы чего снова в гроб залезли?

Ван Сююнь (*выпятив огромный живот, тоже выбегает на улицу, держит бумажный фонарь*). Наверное, крышка обледенела! Мама! Матушка! Вы спите уже? Выходите помочь... Доуцзы один не справится!

Тянь Цуйлань (*заспанная, выходит из дома, кутается в ватник, дрожит от холода*). Этот старик никак не сдохнет! Что опять с ним? Он вроде бы умирать не хочет, а сам напрашивается! (*Сдвигает крышку гроба*.) Приделайте завтра на этот гроб замок, ключ это-

му старому хрычу не давайте. Вот когда помрет, тогда замок откроем и его туда положим.

Гу Юэцзун (*с несчастным видом вылезает из гроба через образовавшуюся щель*). Большоголовый Юань убийца! Я лежал внутри, никого не трогал, слушал, как Император поет. Он из отхожего места возвращался, а потом как крышку гроба закрыл!

Тянь Цуйлань. Он так пошутил с вами.

Гу Юэцзун. Это теперь шутки такие? Да я из-за него чуть не задохнулся здесь!

Тянь Цуйлань. Думаете, он сам умереть не хочет? Он до сих пор не может отдать проценты за ссуду, которую взял. Этот злодей Сяо завтра, как рассветет, уже будет здесь стоять, требовать документ на владение домом... Большоголовый Юань в ужасном настроении, не трогайте его сейчас...

Гу Юэцзун. Он в плохом настроении — так пускай не портит его другим! Знаете... (*Смеется.*) Внутри-то потеплее было, чем на улице. Помогите-ка мне, Цуйлань... Ты только что о чем говорила?

Тянь Цуйлань. Говорю, надо повесить замок на ваш гроб, чтобы вы ненароком там не заоченели случайно раньше времени. Мы все заняты делами, не можем с вами развлекаться постоянно.

Гу Юэцзун (*абсолютно серьезно*). Не закрывайте... Повесьте просто две петли.

Тянь Цуйлань (*таращит глаза*). Что вы говорите?

Гуань Фудоу. Куда повесить?

Гу Юэцзун (*стучит по верхней части гроба*). Так вот сюда! Доуцзы, ты вот здесь крышкуними да на две петли повесь! Хватит двух?

Гуань Фудоу. Вы что, бредите? Вы, наверное, пока внутри лежали, от страха немного умом тронулись.

Гу Юэцзун. Еще бы! Конечно, я не на шутку испугался... Лежал и размышлял: что, если я под землей очнусь? А двери нет — как я выйду? Буду владыку Янь-вана⁷¹ просить мне помочь... Но он ведь сильно занят, если руки до меня не дойдут, что делать? Забудет про меня? Я тогда вылезти не смогу!

Гуань Фудоу. Если хотите, чтобы удобно было влезать и вылезать, то зачем вообще крышка на гробе нужна?

Тянь Цуйлань. Возьмите какую-нибудь дверь да приложите вместо крышки, никому мучиться не придется. Когда захотите — тогда и будете наружу вылезать.

Гу Юэцзун. Если вам денег не хочется за работу получить, то можете не делать мне дверь...

⁷¹ Янь-ван — владыка ада в китайской мифологии.

Гуань Фудоу *(беспомощно)*. Ладно, давайте...

Ван Сююнь *(бормочет под нос)*. Цена петель на цену за работу... Выйдем в ноль.

Гу Юэцзун. Если петли не так установите, я вам ни одной монеты не дам! Дверь должна внутрь открываться. Если наружу — так ее землей придавит, я вылезти не смогу. *(Вдруг слышит треск сверчков из гроба, вытаскивает коробочку из-за пазухи, проверяет.)* Ой! Вот какой! Не предупредил даже, сам отправился на прогулку. Доуцзы! *(Садится в гроб.)* Император у собственного отца гроб отнять хочет! Срочно помоги мне его поймать!

Тянь Цуйлань. Сююнь, иди скорее в дом, живот заморозишь!

Ван Сююнь. Ага, вы тоже идите спать.

Тянь Цуйлань *(поднимает сито, входит в кухню, сгребает уголь, вдруг вскрикивает, выскакивает из кухни)*. Кто? Кто здесь?

Гуань Фудоу. Мама! Что с вами?

Из кухни выходит Юань Гочжун, он чрезвычайно подавлен, однако пытается сохранять радостный вид. То и дело прикладывает к бутылке с самогоном, вместо закуски обсасывает ржавый гвоздь. Тянь Цуйлань смотрит на Гуань Фудоу, разводит руками. Разворачивается к гробу, начинает вместе с Гу Юэцзуном искать сверчка, то и дело посматривая в сторону кухни.

Тянь Цуйлань. Вы что делаете?

Юань Гочжун. Я тут грел спину около вашей печки.

Тянь Цуйлань. У вас в комнате печь не затоплена?

Юань Гочжун. Не могу себе этого позволить.

Тянь Цуйлань. Ой! Я же разрешила вам пользоваться нашим углем!

Юань Гочжун. Пользуюсь... *(Поднимает голову вверх, смотрит на комнату сына, в окне которой мерцает огонь свечи.)* Моему сыночку тепло... Благодаря вашему углю.

Тянь Цуйлань. Братец Юань, хватит уже горевать, небо не обвалится на вас!

Юань Гочжун. Небо не обвалится, так дом под землю рухнет... *(Смеется.)* И я с ним вместе... Больше никогда не вылезу.

Тянь Цуйлань. Зажгите в своей комнате огонь и ложитесь скорее спать.

Юань Гочжун. Цуйлань... Хочу вам дело одно поручить.

Тянь Цуйлань. Какое?

Юань Гочжун. Когда я помру, помогите Мяо-цзы с едой и жильем, не бросайте его...

Тянь Цуйлань *(печально)*. Что за вздор несете? Вас этот Сяо правда в могилу свести хочет! Давайте-ка я всех созову, соберем вам деньги на оплату дома.

Юань Гочжун. Обо мне не беспокойтесь, я как-нибудь справлюсь. Такие холода нынче, моему сыну обязательно надо быть в тепле... Не заморозьте его! Мне не хватает денег ему на лекарства, да и ваших недостаточно... Не нужно его лечить, главное — чтобы он не мерз! Вы слышите, как он кашляет... Немного ему осталось... *(Начинает плакать.)* Добрые соседи... Будьте милостивы к нему! Не дайте ему замерзнуть и помереть... Пускай он еще несколько денечков почитает свои книги в тепле...

Тянь Цуйлань. Успокойтесь... Выкиньте уже это все из головы!

Юань Гочжун. У него нет другого счастья, кроме как любовь к чтению. Они частенько сидели на лестнице вместе с Цзыпин, обсуждали прочитанное... Преступнику отрубили голову, закапала кровь... Родители, обнимая больного ребенка, макали пампушку в кровь, кормили ей дитя... Вылечили так его болезнь!

Тянь Цуйлань. Братец Юань, не будьте же таким упертым!

Юань Гочжун. Я все размышляю, если бы можно было любым способом вылечить болезнь моего сына, я бы даже своей головой за это отплатил! Отрубили бы мне голову, он бы лепешку в кровь обмакнул... И съел...

Тянь Цуйлань. Хватит вам уже самогона! Быстро идите в свою комнату! Ложитесь и отсыпайтесь!

Юань Гочжун. Цуйлань...

Тянь Цуйлань. Ну, что еще?

Юань Гочжун *(пытается что-то сказать)*. Я... Вы... Ну, это...

Тянь Цуйлань *(тревожно, тихим голосом)*. Давайте обо всем остальном уже завтра поговорим, тут еще зять мой за нами наблюдает... Идите в комнату, отдыхайте.

Тянь Цуйлань возвращается в западный флигель, Гуань Фудоу тоже уходит в комнату. Гу Юэцзун как привидение кружит вокруг гроба, а Юань Гочжун ходит туда-сюда около входа во двор. Не знает, куда себя деть, смотрит то на табличку над входом, то на небо, то на дерево. Чжоу Юйпу, кутаясь в ватное одеяло и дрожа от холода, выбегает из комнаты, вытягивает шею, смотрит в сторону хутона.

Юань Гочжун. За вечер уже сколько раз выбежал! Любовницу ждешь?

Чжоу Юйпу. Договаривались, что пойдем сегодня в гости к дяде, а Цзыпин до сих пор нет! Я, мать ее, скоро с ума сойду!

Юань Гочжун. А что, когда дочь ждешь, огонь обязательно зажигать? Мне за жилье отдать — денег нет, свечи жечь — деньги есть?

Чжоу Юйпу. Мужун при свете свечей библию читает! *(Подходит ближе.)* Читает — и слезы падают! Кап-кап-кап... Я спраши-

ваю: «Ты что плачешь?» А она в ответ: «Моисей выведет свой народ из Египта!»

Юань Гочжун. Моисей — это кто? И куда он поведет? Спрятаться где-то за городскими стенами?

Чжоу Юйпу. Да вы что! Дядя наш живет около Дунчжимэня, не дальше... Дайте мне тоже глоточек согреться?

Юань Гочжун (*протягивает бутылку с самогонем*). Думала, сможет где-то спрятаться? Да все равно, что дома сидеть... Вон Дацзы попытался... Его мгновенно вычислили и пришли.

Чжоу Юйпу. У Цзыпин есть два двоюродных брата, может, ей с ними поспокойнее будет! Скажите, вот есть же в мире несправедливость! Этот Сяо Пэнда в сущности-то никогда и не нравился нашей Цзыпин. Он же постоянно около нашей двери трется, спрашивает, как да когда свадьбу играть будем. Скажите, разве не раздражает?

Юань Гочжун. Нет... Сыт уже этим по горло... Вы мне денег за жилье не даете, да еще за нос меня водите постоянно — я на все закрываю глаза. Теперь вы и будущего жениха надурить пытаетесь?

Чжоу Юйпу (*поперхнувшись*). Взяли мы у вас несколько кирпичей, что с того? Когда живому человеку руки выкручивают да по ногам бьют — это и вправду бесчеловечно. Пойду компанию жене составлю... А вы будьте осторожны! Не ходите никуда!

Юань Гочжун медленно подходит к статуе Гуань Юя, сдувает с него пыль.

Гу Юэцзун приближается, хихикая.

Гу Юэцзун. Большеголовый Юань, заслужил ты свои неудачи! Обидел Императора!

Юань Гочжун (*не церемонится*). Я почему знаю, кто такой император?

Гу Юэцзун (*похлопывает статую*). Ветер дует с северо-запада, не выносил бы ты Гуань Юя на улицу, застудишь его.

Юань Гочжун. Эти двое полутолые, не боятся холода, а на Гуань Юе доспехи, разве может он мерзнуть? Да и какая здесь связь с императором?

Гу Юэцзун. Знаешь, чей нож у него в этой руке? А мешок с деньгами чей?

Юань Гочжун. Чей?

Гу Юэцзун. Императорский! Императоры в Поднебесной всегда пользовались этими вещами, кому хотели — деньги давали, кого убить хотели — убивали. Император не дает денег — ни в коем случае нельзя самому брать. Император дает, но мало — никак нельзя самому еще просить. Как только руку протянешь — тут же ее отрубят! Нужно терпеливо ждать, пока император сам тебя одарит...

Ю а н ь Г о ч ж у н . Если я те деньги не возьму... То руку протяну — император ее отрубит?

Г у Ю э ц з у н . Не возьмешь деньги — получишь по рукам, возьмешь — император по рукам получит от Гуань Юя.

Ю а н ь Г о ч ж у н (*внимательно рассматривает скульптуру*). Обе хорошие вещицы — и в руках Гуань Юя. Как это все у него оказалось? Не видел я, чтобы он другому императору руки рубил...

Г у Ю э ц з у н . Он же так много храмов построил, какого ни возьми императора, все они Гуань Юя почитали! Даже если бы у него в руках ничего не было, он сам по себе важен. Кто заберет деньги императора — Гуань Юй тому руку отрубит, кого император прикажет убить — того и убьет.

Ю а н ь Г о ч ж у н . Император сказал ему меня убить... Вы это имеете в виду?

Г у Ю э ц з у н . Оно самое! А иначе почему у тебя ни денег не осталось, ни дома? Скорее неси его обратно в комнату, хватит на морозе держать!

Ю а н ь Г о ч ж у н . Он уже меня потрепал... Если не его на мороз выносить, то кого? Пускай он мерзнет... Поддержу его здесь, может, он проветрится и решит вас тоже заодно побить.

Г у Ю э ц з у н (*смеется*). Ха! Малец, погоди! Самые ужасные времена для тебя еще не наступили... (*Двигается в сторону лестницы*.) Во всяком случае, ты еще хозяин пампушечного двора, тоже своего рода император. Нынче ты остался с пустыми руками... Большоголовый Юань, послушай, что я скажу. Если ты не можешь ухватиться за рукоять ножа, то стоит признать свое поражение.

Ю а н ь Г о ч ж у н . А если не признаю?

Г у Ю э ц з у н . Связывая руки другим, ты все равно не победишь...

Ю а н ь Г о ч ж у н (*смотрит, как Гу Юэцзун поднимается по лестнице*). А вы больше любите императоров, которые говорят или которые молчат?

Г у Ю э ц з у н . Императоров море, как же мне одного выбрать?

Ю а н ь Г о ч ж у н . Небось, вам нравится Шуньчжи⁷², который в самом начале Цин был?

Г у Ю э ц з у н . Он постоянно следовал за другими, в итоге им и отдал бразды правления. Не пойдет.

Ю а н ь Г о ч ж у н . Тогда, может, император Даогуан⁷³?

⁷² Шуньчжи («Благоприятное правление») — девиз царствования императора династии Цин (собственное имя — Фулинь, 1638–1661).

⁷³ Даогуан («Целенаправленное и блестящее») — девиз царствования императора династии Цин (собственное имя — Мяннин, 1782–1850).

Гу Юэцзун. Когда у него самого богатства не хватало, крал у других! Этот разбойник еще хуже!

Юань Гочдун. А Гуаньсуй⁷⁴?

Гу Юэцзун. Про него даже не говори мне... Ни стыда ни совести! Остатки былой славы размером с коробочку.

Юань Гочжун. Вам нравится каллиграфия Цяньлуна⁷⁵. Может, он?

Гу Юэцзун. А у него передние колеса отлично едут, как голова дракона, а задние покосились непонятно в какую сторону...

Юань Гочжун. Лучше бы вам я нравился и всё!

Гу Юэцзун. Шутишь всё... Большоголовый Юань с доллара⁷⁶ — такой дохляк!

Юань Гочжун. Вам, кажется, никто не приглянулся?

Гу Юэцзун. Не поймаю хорошего сверчка — придется с пустой коробочкой играть.

Юань Гочжун. Может, тогда и не стоит никого ловить...

Двое спорят вплолоса, постепенно им становится скучно, возвращаются в свои комнаты. Уныло шумит ветер, не слышно прочих звуков. Тянь Цуйлань тихоноcko открывает дверь, выносит из кухни корзину дров и угля. Бесшумно проникает в комнату Юань Гочжуна. Гуань Фудоу подсматривает за ней из темноты, не сдержавшись, выскакивает во двор, словно собирается застукать любовников. Однако вместо этого падает духом, тихо стучит в окно комнаты тестя. Заспанный Ван Либэнь высовывает голову из двери, еле связывает слова, но все быстро понимает.

Гуань Фудоу. Отец! А мама где?

Ван Либэнь. Под одеялом.

Гуань Фудоу. Ты пощупай, она точно там?

Ван Либэнь. Там.

Гуань Фудоу. Где?

Ван Либэнь. Под одеялом.

Гуань Фудоу (*напряженно*). Под чьим одеялом?!

Ван Либэнь. А ты знаешь?

Гуань Фудоу. Под одеялом нашего дяди Юаня!

Ван Либэнь. Раз знаешь, зачем спрашиваешь?

Гуань Фудоу. Не первый раз уже! Вы не знали?

Ван Либэнь. Не знал.

⁷⁴ Гуаньсуй («Славная преемственность») — девиз царствования императора династии Цин (собственное имя — Цзайтянь, 1871–1908).

⁷⁵ Цяньлун («Непоколебимое и славное») — девиз царствования императора династии Цин (собственное имя — Хунли, 1711–1799).

⁷⁶ Имеется в виду Юань Шикай, изображенный на серебряном китайском долларе.

Гуань Фудоу. Если вы даже не в курсе, под каким одеялом моя мать, что вы вообще знаете?!

Ван Либэнь. Что у твоего тестя фамилия Ван.

Гуань Фудоу. А кроме этого?!

Ван Либэнь. Что он в семье последний, перед ним еще семь старших братьев.

Гуань Фудоу (*подавленно*). Вы...

Ван Либэнь. Возвращайся в комнату спать.

Гуань Фудоу ходит туда-сюда в своей комнате, со стуком и грохотом собирает плотницкие инструменты и домашнюю утварь. Выбегает из комнаты, жена спешит за ним. Тянь Цуйлань спешно застегивает пуговицы, она и Юань Гочжун друг за другом выходят из его комнаты. Все жители дома выходят во двор.

Ван Сююнь. Положи вещи! Успокойся!

Гуань Фудоу. Отпусти! Иди в комнату собирай манатки, мы уходим!

Тянь Цуйлань (*смущенно*). Доуцзы... Ты куда?

Гуань Фудоу. Хочу спрятаться в какой-нибудь мышиной норе, чтобы там в тишине жить!

Тянь Цуйлань. Что с тобой?

Гуань Фудоу. Ничего! Самому от себя противно!

Тянь Цуйлань. Не кричи здесь всякую чушь. Есть что сказать — идем с тобой и Сююнь в западном флигеле поговорим.

Гуань Фудоу. Зачем тебе в западный? Иди обратно в северную комнату!

Тянь Цуйлань (*у нее резко меняется выражение лица*). Ты с кем разговариваешь?!

Гуань Фудоу. Я словно сам себе пощечину дал! Женился, живу в доме жены как в отхожей яме! По заслугам мне эти мерзости! Я ослеп, ничего не замечаю... Пора мне уже признать свои неудачи. Я забираю жену и ухожу! У моего сына точно будет фамилия Гуань, никак не Ван!

Тянь Цуйлань (*задета за самое дорогое, тут же вспыхивает*). Ты, мать твою, попробуй только! Хочешь незапятнанным остаться — так проваливай отсюда восвояси! Это мой внук, кто попробует его забрать у меня, тому, видимо, жить надоело... Не будет у него фамилии Ван — задушу собственными руками! Сююнь, ты здесь ни при чем, пошла быстро в комнату.

Ван Сююнь. Мама! Вы...

Тянь Цуйлань. Пошла наверх!

Гу Юэцзун (*опирается на перила второго этажа, смотрит на всех сверху вниз*). Доуцзы, что-то ты слишком много видишь да по-

верхностно судишь. Твоя теща просила на гроб замок повесить. Так ты не трать силы зря, лучше повесь его себе на глаза.

Цзинь Мужун (*стоит в тени*). Немедленное воздаяние... Карма вернулась...

Тянь Цуйлань. Что у вас там зудит? Никак не сдержать желчь, которая наружу лезет? Не стесняйтесь, подходите сюда да выговоритесь!

Цзинь Мужун. Не так уж вы для меня важны... (*Подходит к Майтрее, смотрит на него снизу вверх, улыбается.*) Братец Юань, что-то вы в этот раз в парном выступлении сфальшивили... Каждый раз, как приходит время деньги за жилье собирать, вы с ней бранитесь громче всех. Она слюной брызжет, ругает вас безостановочно, срывается на вас по поводу и без повода... Однако, как стемнеет, она сразу к вам под одеяло — и денежки-то, верно, обратно забирает...

Юань Гочжун (*смеется над собой*). Забирает, да не все... В этот раз кое-что оставила.

Цзинь Мужун. Вы мало того что торопите с уплатой аренды — так еще наняли такую подсадную актрису! Наш с Цзыпин папа все не верил... (*Смотрит на Чжоу Юйпу.*) Теперь собственными глазами все увидел, убедился?

Юань Гочжун (*шутит*). Да Юйпу вас обдурил! Думали, он ничего не знает? За деньги Цуйлань кости вправляет? Вы что, не замечали ничего?

Чжоу Юйпу. Брат Юань...

Юань Гочжун. Просит баба его кости вправить, а он груди щупает... В грудях кости есть, что ли?

Чжоу Юйпу. Разговор о вас идет! Вы что меня приплетаєте? Ваши шутки уже из берегов вышли, хватит!

Тянь Цуйлань (*обращается к Цзинь Мужун*). Не думайте лишнего, этот шутник просто решил над вами посмеяться.

Цзинь Мужун. Пусть шутит сколько хочет. Только вот... (*Подавленно.*) Как здесь всем нравится в чужом белье копаться. Каждый из нас грешник, в рай никто не попадет... Остается только подождать, пока все встретимся в аду.

Тянь Цуйлань. Так отправляйтесь скорее в рай, у нас вон лестница есть. Не забудьте перед своей дверью помолиться напоследок.

Цзинь Мужун. Лестницу вы себе приберегите. Когда будете в ад спускаться, смотрите, спину не потяните.

Тянь Цуйлань (*запинается на мгновение*). Ты...

Чжоу Юйпу. Пошутили и хватит! Со святыми шутки плохи! Мужун, на улице холодно, пойдём в комнату греться.

Чжоу Юйпу отводит Цзинь Мужун под руку в комнату, сам подбегает к входу во двор, беспокойно выглядывает на улицу. Юань Гочжун безостановочно пьет самогон, говорит все еще разборчиво, но идет уже шатаясь. Он поднимает топор, отдает его Гуань Фудоу, на его лице ужасающая улыбка.

Юань Гочжун. Доуцзы... Вдарь мне разок. *(Показывает себе между бровей.)* Вот сюда, ударь мне разок.

Гуань Фудоу *(немного испуган)*. Вы перепили?

Юань Гочжун. Здесь внутри одна брань, невыносимо! Ты помоги мне здесь трещину сделать, выпусти всю эту мерзость наружу... Слушай! Твой тесть никуда не годится... Я говорю не про скалку, не про сковороду... Ты вообще понимаешь, о чем я сейчас говорю?

Тянь Цуйлань *(толкает Юань Гочжуна)*. Пить! Только и знает, что выпивать! Идите в комнату... В вашу комнату!

Юань Гочжун. Позорные дела уже все сделаны, а непристойные слова произносить все равно нельзя... *(Пьяный, улыбается.)* Вы, конечно, своеобразная женщина... Лежа — мягкая, а как заговоришь — жесткая. Никогда не забываете огрызнуться и поддеть кого-нибудь. Одно непристойное я уже сказал, еще и второе скажу.

Тянь Цуйлань. Нарываетесь... Жить вам надоело...

Тянь Цуйлань кипит от ярости под тяжестью позора, тащит дочь за руку в западный флигель. Мужчины, оставшиеся во дворе, дрожат от ледяного ветра. Гуань Фудоу приходит в себя, снова невозмутим, однако выглядит несчастным и беспомощным.

Юань Гочжун. Доуцзы... Твой дядя Юань тоже уже никуда не годится, но все-таки кое-как можно приноровиться. Я имею в виду не самогон и не маринованную редьку... Хочешь, еще кое-что расскажу?

Гуань Фудоу. Стыдно даже показаться кому-то за стенами этого двора...

Гу Юэцзун *(спускается по лестнице)*. Стыдно или не стыдно — все одно и то же. На улицах сплошь и рядом народ, которому не по силам и штаны-то купить! Кому есть дело до твоей ерунды?

Юань Гочжун. Доуцзы, впервые ты появился в этом доме, когда пришел мастерить эту лестницу... Скажи, а чем вы с Сююнь занимались тогда в куче деревянной стружки на заднем дворе?

Гуань Фудоу *(смущается)*. Вы чего болтаете!

Юань Гочжун. Неловкое ощущение, да? Видел я твою задницу, белая, как пампушка на пару, а ляжки еще блее... Очень жаль, лицо твое черномазое... Потерял его, так уж потерял⁷⁷.

⁷⁷ Потеря лица — это стыд, реакция на свое неадекватное поведение, потеря репутации. Лицо — базовый архетип поведения китайцев.

Гуань Фудоу. Мяо-цзы частенько говорит, что каждый в этом доме насквозь прогнил. Раньше я думал, что за бредни он несет...

Юань Гочжун. В этих словах ничего толкового нет.

Гуань Фудоу. Сегодня я, наконец, понял, что он имеет в виду.

Юань Гочжун. Что же ты понял?

Гуань Фудоу. Нам с ребенком рано или поздно надо переезжать в другое место!

Юань Гочжун. Ни черта ты не понял! Понял... (*Мечется от одного святого к другому, потом к третьему, останавливается у Майтреи.*) Ты до сих пор не понял, что за человек твоя теща! Неужто неясно? В деревню пришла чума, ее семья в девять человек — все погибли. Она просила милостыню с восьмимесячной дочерью на руках, никто ей не помог. Остановившись в каком-то грязном переулке, постелила там гнилую циновку и начала собой торговать... Это ты понимаешь? Твой тесть вытащил ее оттуда, они поженились, начали добросовестно мелкой торговлей заниматься. Когда мой Мяо-цзы плакал от голода, она кормила его грудью, хотя прекрасно знала, что он чахоточный. Понимаешь? Я шел по хутуну с ребенком на руках, все прятались от нас как можно дальше! И она хотела! Но видела, как дитя плачет от голода, сердце у нее за малыша болело! Пускай все и всё здесь прогнило, но она — нет! Она остра на язык, но у нее добрая душа!

Тянь Цуйлань рыдает в своей комнате, дочь старается ее успокоить. Гуань Фудоу врывается в комнату, рукава закатаны по локоть, плечи расправлены, он застывает в одной точке. Нью Большая Куча останавливает повозку с нечистотами у входа во двор, стряхивает снег со старого ватника. Хлюпая соплями, взбирается по лестнице во двор.

Юань Гочжун. Сегодня вдруг научился соблюдать правила приличия?

Большая Куча. Честно говоря, бежал сюда, терпел изо всех сил, но когда пробежал мимо лестницы к дому начальника Сяо... (*Приближается к собеседнику, шепчет на ухо.*) Налил на их входную дверь!

Юань Гочжун. Ах ты, бесстыдник!

Большая Куча. Он, значит, мне столько лет жизнь портил, а я ему нагадил всего разок, что такого?

Юань Гочжун. Ты чего прохаживаешься здесь темной ночью?

Большая Куча. Городские ворота закрылись... Город весь наглухо закрыт, даже птица не вылетит! Знаете, почему электричество отключили? Коммунисты уже заняли Мэньтоугоу⁷⁸, а на нашей электростанции уголь закончился, снабжение встало... Эта Восьмая ар-

⁷⁸ Мэньтоугоу — район в Пекине.

мия⁷⁹ задержала командующего Фу, чаем угощали, переговоры вели. Он в очередной раз отказался сдаться — и чайная чашка ему в лицо полетела!

Юань Гочжун. Ты с ними чай пил, что ли? Откуда все знаешь?

Большая Куча. Ладно уж! Виноват! Сам себя рассказами развлекаю, забыл, что вы и вправду переживаете за эти дела! (*Понижает голос.*) Ваш договор владения домом... Еще у вас?

Юань Гочжун. Отнять хочешь? Я тебе и так могу отдать.

Большая Куча. Не дразните меня... Послушайте лучше. Спрячьте его хорошенько! И ни в коем случае тому ублюдку Сяо не отдавайте. Раньше надо было вам сказать. Тучи ведь сгущаются, подождите, пока настанут ясные дни! Я вам говорю, продинамьте эту сволочь!

Юань Гочжун. Он — кот, я — крыса, все время вдвоем играемся. На что еще он способен?

Большая Куча. Вы знаете, что двор рядом уже давно не принадлежит начальнику Хуану?

Юань Гочжун. Но... Чей он тогда?

Большая Куча. Начальник Хуан этой осенью вместе с женой и детьми сел на самолет и смылся... Оставил здесь вторую жену дом охранять, она днями и ночами рыдала. Начальник Сяо запугал ее до смерти, за копейки дом себе забрал!

Юань Гочжун. Куча... (*Дрожащим голосом.*) Если ты меня дуришь... То ты последняя сволочь!

Большая Куча. Этот особняк давно уже на фамилию Сяо записан. Он вам еще ссуду дал, крутится вокруг, то там, то тут поможет заплатить. Ваш дом забрать — ему один раз плюнуть, и готово! Вот сами и подумайте, на что он еще способен...

Юань Гочжун (*еле стоит на ногах*). Бессовестный!

Большая Куча. Правильно я сделал, что ему дверь обмочил?!

Юань Гочжун (*надрывающимся голосом*). Какая же сволочь!

Большая Куча. Эй, вы только сознание не теряйте!

Юань Гочжун. Я... Да ему... (*Низким голосом.*) Ему конец!

Юань Гочжун скачет с места на место, рассыпается в проклятиях. Нью Большая Куча и Гуань Фудуо под руки отводят его в сторону. Появляется Чжоу Цзыпин, настороженно оглядывается, пока смотрит назад, чуть не сталкивается с отцом.

⁷⁹ Восьмая армия — одно из соединений НРА, контролировавшееся китайскими коммунистами. В 1937 г. для совместной борьбы с японцами было принято решение преобразовать вооруженные силы Коммунистической партии Китая в 8-ю армию НРА. Здесь речь о бандитах, которые под именем Восьмой армии разоряли и грабили дома.

Чжоу Цзыпин. Отец!

Чжоу Юйпу. Ох! Наконец-то вернулась! Быстро пойдем со мной в комнату, переоденешься. Цзыпин... *(Хватает дочь за руку, ведет в восточный флигель.)* Твоя мать уже с ума сошла! Смотрит в зеркало, волосы на себе выдергивает, готова уже свою заморскую Библию в клочья разорвать и проглотить... Вот недавно рот как раскрыла! Хотела меня за лоб укусить!

Чжоу Цзыпин. Отец! У меня еще дела... Отпустите!

Чжоу Юйпу. Что может быть важнее, чем наши домашние дела? *(Не отпускает руки.)* Над тобой уже повис нож, а ты ни капли не боишься и не переживаешь!

Чжоу Цзыпин *(мать не дает ей пройти)*. Мама!

Цзинь Мужун *(свирепо, но словно сквозь сон)*. Ты забыла, что у тебя есть мать?

Чжоу Цзыпин. Были дела в училище, не могла освободиться...

Цзинь Мужун. У тебя даже если нет дел, ты их найдешь на свою голову!

Чжоу Цзыпин. Мама...

Из-за решетчатой двери на втором этаже доносятся какие-то звуки, все присутствующие поднимают головы. Юань Цзянмяо выходит, кашляет через силу. Его абсолютно белое, бледное лицо всех шокирует. Юань Цзянмяо тащит огромный рюкзак с книгами, шаг за шагом спускается с лестницы.

Юань Гочжун *(сердечно)*. Сынок!

Тянь Цуйлань. Мяо-цзы! Не спеши...

Чжоу Цзыпин. Братец Цзянмяо...

Юань Цзянмяо поднимает руку, показывая, что разговоры излишни и подходить не нужно. Он оставляет рюкзак на повороте лестницы. На его лице появляется тусклая улыбка, словно он сбросил с себя тяжкое бремя.

Юань Цзянмяо. Подойди, заberi... Я все прочитал.

Чжоу Цзыпин. Извини! Я опоздала!

Юань Цзянмяо. Не опоздала, я как раз дочитал последнюю. Верни, пожалуйста, книги обратно.

Чжоу Цзыпин. Братец Цзянмяо! Ты такой уставший...

Юань Цзянмяо. Пойду отдохну... Вы с ребятами... Берегите себя.

Юань Гочжун. Сынок... У тебя в термосе еще остался кипяток?

Юань Цзянмяо. Остался.

Юань Гочжун. Когда огонь угасает, не забывай добавлять угля, не давай ему потухнуть. *(Видит, что сын уходит в комнату, торопливо.)* Сынок! Давай папа поднимется к тебе, приберется? А?

Юань Цзянмяо. Не нужно... Все в порядке...

Цзинь Мужун крепко хватает дочь за руку, но та рывком высвобождается. Чжоу Цзыпин поднимается до середины лестницы, берет рюкзак, сжимает его в объ-
ятых. Ее глаза полны слез. Взглянув последний раз в сторону Юань Цзянмяо, она
решительно разворачивается и уходит.

Цзинь Мужун. Остановись! Куда ты теперь собралась?

Чжоу Цзыпин. У меня дела, надо срочно вернуться в училище.

Цзинь Мужун. Смотри на меня! У тебя... У тебя в голове
и близко нет мыслей обо мне и отце!

Чжоу Цзыпин. Мама! Я все доделаю и вернусь к вам.

Цзинь Мужун. Ты... *(Срывается на Чжоу Юйпу.)* Что ты смо-
тришь?

Чжоу Юйпу. А? Ой... *(Преграждает путь дочери.)* Цзыпин!

Чжоу Цзыпин. Отец! Дайте пройти! Меня ждут одноклассники...

Чжоу Юйпу. А еще тебя твой дядя ждет!

Чжоу Цзыпин. Пустите! Папа...

Чжоу Юйпу. Договаривались ведь, что пойдем к нему, он всю
ночь нас ждал, перепугался не на шутку! *(Забирает у дочери рюкзак
с книгами.)* Оставь книги Мяо-цзы, завтра отнесешь обратно в учили-
ще! Пойдем со мной в комнату, отнесем туда твою сумку...

Чжоу Цзыпин. Ой!

Из рюкзака вываливается ворох агитлистоков, рассыпается по земле. Все потря-
сены. Во дворе появляется Сяо Пэнда, одетый по-щегоольски. В одной руке он
держит карманный электрический фонарик, в другой — чемодан. Чжоу Цзыпин
спешно садится на корточки, торопится скорее собрать листовки. Юань Гочжун
непонимающим взглядом смотрит то на листовки, то на сына, вдруг, будто что-то
осознав, падает ничком, словно сумасшедший начинает хватать все подряд. Сяо
Пэнда поднимает один листок, светит на него фонариком, хохочет. Цзинь Мужун
вот-вот потеряет сознание, опирается на плечо мужа.

Сяо Пэнда. Держим курс... На великий... Новый Китай... Это чье?

Чжоу Юйпу. Не наше!

Юань Гочжун *(одновременно)*. Мое! Это мое... *(Заискивает,
пьяно улыбаясь.)* Это все мое.

Сяо Пэнда. Вы хоть знаете, что это? Так сразу заявляете, что ваше?

Юань Гочжун. Макулатура! Я по улицам макулатуру собираю.
Как демонстрация пройдет — так везде горы бумаги, дворники не
справляются. Я хожу, им помогаю. Бумагой огонь удобно разжигать,
да и на топку пойдет. Кстати, и в туалете пригодится...

Сяо Пэнда. Со мной шутки плохи! Вы будете ими печь топить,
задницу подтирать, а вашему сыну зачем они? Он признается, а Цзы-
пин, значит, ни при чем?

Чжоу Юйпу. Дацзы, Цзыпин... Она... Она к этому никакого от-
ношения не имеет!

Сяо Пэнда. Тогда кто имеет? Тетушка Чжоу? Или, может, вы сами?

Чжоу Юйпу. Мы... Я...

Сяо Пэнда. Вы не переживайте... Мне скажите, да и все, а я никому чужому не расскажу. *(Подсвечивает листовку, показывает ее Юань Цзянмяо.)* Юань Цзянмяо! Вся эта куча бреда, что написана здесь — твоих рук дело! Отпечатал эти листовки тоже ты? *(Насмехается.)* Каждый раз сюда прихожу, вечно воняет свиной печенкой с примесью запаха лечебных трав. А в этот раз такой аромат печатных страниц!

Юань Цзянмяо. Если так нравится, заberi себе побольше, вдоволь понюхаешь дома.

Сяо Пэнда. Я еще вопрос задам. Этот ваш Новый Китай... Где же он?

Юань Цзянмяо *(мечтательно)*. Погоди, наступит новый день, встанет солнце... И тогда все увидят его!

Сяо Пэнда. Почему я до сих пор не вижу? *(Прикладывает руку к глазам козырьком.)* Эй, Новый Китай, ты где? Кроме ваших разваливающихся стен ничего не вижу!

Юань Цзянмяо. Вряд ли что-то вообще можешь увидеть, ты же слепой.

Сяо Пэнда *(с кривой усмешкой)*. Говорят, ты засел в своей комнате в ожидании смерти? Не дождался, так сам искать ее пошел? Да, я и правда слепой... Дядя Юань, отведите меня наверх. Хочу посмотреть, много ли кальки и валиков с краской у вашего сына в комнате. Как же у него такие красивые листовки получилось отпечатать? Я и впрямь восхищен!

Юань Гочжун *(преграждает путь наверх, весь горит огнем, однако улыбается во весь рот)*. Дацзы! Дацзы, послушай дядю Юаня! У моего сына в комнате матрас с одеялом, стол да печка — только и всего! Остальное все книги, больше ничего и нет. Я каждый день у него порядок навожу, подметаю под столом, за кроватью, но ни разу не видел того, о чем ты говоришь. Дацзы! Он ведь болен, ты можешь подхватить заразу, а я не могу этого допустить. Ты заболеешь, я буду виноват перед твоим отцом! Нам всем бы от Мяо-цзы подальше надо держаться, не надо рядом тереться. Дайте ему умереть спокойно! *(Изливает все горе, накопившееся в сердце.)* Ему так нравится читать книги! С утра до вечера только и знает, что листать страницы... Лекарства сколько угодно пей — все напрасно. Раз он решил сам смерти искать, пускай ищет, не будем ему мешать, дадим умереть! Дацзы... Не будем обращать внимание на Мяо-цзы, пускай делает что хочет... Все равно ему осталось жить считанные дни... *(Почти умоляет.)* Подними руку, дай ему пройти. Пускай в сторонке сидит, своими делами занимается... А?

Сяо Пэнда (*пристально смотрит на собеседника*). Мой отец верно говорил, ваш язык как помело. Кто ж знает, что из всего вами сказанного правда?

Юань Гочжун. Твой дядя Юань большую часть жизни за счет своей болтовни и провел. Все слова пополам делить надо. Можешь снять свои длинноносые туфли и подошвой меня выстегать!

Сяо Пэнда. Вот это на правду точно непохоже. (*Смеется, говорит очень уверенно.*) Вы думали, я действительно намеревался подниматься наверх? Хотелось бы, конечно, поубавить его пыл, но у меня нет на это времени.

Сяо Пэнда подходит вплотную к Чжоу Юйпу и его семье. Поднимает свой чемодан, открывает его на глазах у всех. Вытаскивает по паре белых, красных и черных туфель на высоком каблуке, аккуратно подставляет их рядом с ногами Чжоу Цзыпин.

Сяо Пэнда. Цзыпин, выбери, какие тебе нравятся. Надевай и пойдем со мной.

Цзинь Мужун. Дацзы... Куда ты собираешься отвести нашу Цзыпин?

Сяо Пэнда. Не переживайте, я не поведу ее туда, куда вам бы не хотелось. В полицейский участок не пойдем, в комендантское управление тоже, в темную комнату, где допрашивают секретных агентов, тоже не поведу. Пойдем с Цзыпин туда, куда должны пойти.

Чжоу Юйпу. Куда же?

Сяо Пэнда. В старое здание Объединения стойкости духа⁸⁰, в офицерский клуб.

Чжоу Юйпу. Зачем вам туда идти?

Сяо Пэнда. Там каждый день танцевальные вечера. Вот, приглашаю Цзыпин пойти со мной! Раз-два-три, раз-два-три...

Цзинь Мужун (*чрезвычайно напугана*). Что тебе, в конце концов, нужно?

Сяо Пэнда. Я же только что сказал! Хочу пойти на танцы!

Цзинь Мужун. Наша Цзыпин никогда не ходит в такие места.

Сяо Пэнда. А куда же она ходит? (*Показывает на Юань Цзянмяо.*) К нему? Печатать вместе агитлистовки, а потом повсюду их разбрасывать? Хочет с этим чахоточником на пару мечтать, ждать прихода какого-то Нового Китая? Хочет с ним вместе смерти искать?

⁸⁰ Объединение стойкости духа (*личжишэ*) — военная организация, нацеленная на укрепление революционного духа и подготовки образцовых солдат военной академии Хуанпу (1924–1927), а также подготовки лояльных членов партии, которые верят в «три народных принципа».

Юань Цзяньмяо. Сяо Пэнда... *(Презрительно смеется.)* Тебе не кажется, что ты выглядишь смешно?

Сяо Пэнда. Высмеять меня хочешь?

Юань Гочжун *(стонет и жестикулирует)*. Сынок, помолчал бы ты...

Юань Цзяньмяо *(говорит и спускается с лестницы)*. Говорят, ты с военного склада шины украл. Это точно не смешно. Слышал, что кроме шин ты еще и туфли на высоком каблуке стащил, но меня и это не забавляет. Ты пришел к нам во двор, вывалил эти туфли из своего чемодана, и я... Вот это уже действительно смешно!

Сяо Пэнда. Если тебе от этого смешно, то ты точно больной! Вот, например, вчера наш начальник склада сел на самолет, прихватив с собой английский бильярдный кий и сетку с бильярдными шарами. И что же? Он этот план придумал, осуществил, в итоге чувствует себя вполне комфортно!

Юань Цзяньмяо *(веселится)*. Конеч! Вас ожидает полный крах... Это финал вашей истории! Вы абсолютно безнадежны... *(Кашиляет.)* Дацзы, ты тоже собрался с туфлями в руках сесть в самолет? Билет для них прикупил?

Сяо Пэнда *(все вокруг посмеиваются, говорит, уставившись на Чжоу Юйпу)*. Вы тоже меня высмеиваете?

Чжоу Юйпу *(беспокоится)*. Нет... Конечно, нет! Как я могу над тобой смеяться!

Юань Гочжун. И то верно! Никто не смеет потешаться над тобой, это нас туфли насмешили.

Сяо Пэнда зыркает на всех, словно разъяренный зверь. Он на грани срыва. Юань Цзяньмяо присаживается на корточки, собирает листовки. Чжоу Цзыпин вырывается из рук родителей, подбегает, пытается его остановить. У нее ничего не выходит, она садится рядом, помогает. Сяо Цишань забегают во двор, но как только видит сына, сразу замедляет шаг. Делает вид, будто ничто происходящее его не касается. Крестится, повернувшись к Иисусу, складывает ладони в приветственном жесте Майтрее, кланяется Гуань Юю. Подбирает листовку, встряхивает, без особого интереса бросает обратно на землю.

Сяо Цишань. Никто не собирается спать?

Юань Гочжун. А вы? Наелись, теперь перевариваете?

Сяо Цишань *(чуть оторопев)*. Гочжун...

Юань Гочжун. Да?

Сяо Цишань. Обычно в сезон Больших снегов⁸¹ уже можно увидеть первые хлопья снега... *(Поднимает голову к небу.)* Почему же

⁸¹ Сельскохозяйственный сезон, начинающийся с 7–8 декабря, первая половина 11-го лунного месяца.

сегодня, в этот мокрый пасмурный и никчемный день, не видно ни одной снежинки?

Ю а н ь Г о ч ж у н . И правда... *(Смотрит в небо, говорит с подтекстом.)* Оно скрывает что-то недоброе?

С я о Ц и ш а н ь *(взволнованно)*. Что ты сказал?

Ю а н ь Г о ч ж у н . Говорю, у неба помыслы явно дурные, оно задумало что-то недоброе.

С я о Ц и ш а н ь *(переводит тему разговора)*. Гочжун, завтра с самого утра я буду ждать тебя. Как солнце взойдет — принесешь мне документы на твой дом.

Ю а н ь Г о ч ж у н . Нет, вы лучше сами ко мне приходите. А что, если я до рассвета помру?

С я о Ц и ш а н ь *(смеется)*. Я ничего другого не имел в виду, хотел составить тебе компанию на пару рюмочек.

Ю а н ь Г о ч ж у н . У меня и здесь есть чем напиться.

С я о Ц и ш а н ь . Этот недоваренный спирт ты называешь подходящей выпивкой? От него клеет воняет за версту.

Ю а н ь Г о ч ж у н . Вы тоже насквозь провоняли клеет! В носу першит сильнее, чем от горчицы.

С я о Ц и ш а н ь *(отшучивается)*. Напился... Он хорошенько выпил... Довольно! Я знаю, что ты всем сердцем любишь эти гнилые кирпичи с черепицей, сегодня я тебя не буду трогать. Поброжу пока вокруг... *(Идет прямо к сыну, одергивает его.)* Хватит здесь меня срамить! Бери чемодан и пошли домой.

С я о П э н д а . Не пойду.

С я о Ц и ш а н ь *(на секунду задумывается)*. Ладно. Не пойдешь, так не пойдешь. *(Строго, давит на сына.)* Отдай мне чеки.

С я о П э н д а *(пытается сопротивляться)*. Не могу, мне они очень нужны!

С я о Ц и ш а н ь . Что ты собрался на них покупать?

С я о П э н д а . Билеты на самолет.

С я о Ц и ш а н ь . Вздор! Билеты сейчас все раскуплены до мая следующего года, где ты их достанешь?

С я о П э н д а . На танцевальных вечерах в офицерском клубе их подпольно продают; если чек на хорошую сумму, то можно достать билет на ближайшие дни. Не пытайтесь меня удержать! В этот раз я твердо решил.

С я о Ц и ш а н ь . Сколько же чеков ты собрался спустить на билет?

С я о П э н д а . Мне надо два билета! Я... Я хочу увезти с собой Чжан Цзыпин.

Цзинь Мужун трясется всем телом, крепко обнимает дочь. Сяо Цишань смотрит на сына с кривой усмешкой, долго молчит. Преграждает ему путь.

Сяо Пэн да. Отец... Дайте мне пройти!

Сяо Ци шан ь. На два билета тоже столько чеков не нужно... *(Разозлившись.)* Ты, маленький паршивец! Собрался стащить все наши семейные сбережения? Сначала открути свою башку и в залог оставь мне, потом можешь идти!

Гу Юэ цзун *(хихикая вылезает из гроба)*. Вот чудеса! И правда, надо же! Вчера наблюдал, как сын обдирает отца как липку, сегодня снова грабеж средь бела дня! А завтра кто за деньгами придет к вам?

Большая Куча. Вы бы язык лучше попридержали, сейчас нарветесь.

Гу Юэ цзун. Это все как театральное представление во дворе императора, только перевернутое с ног на голову. Эй! Ну что, чья очередь выступать, черт побери?

Гуань Фудоу *(пытается увести Гу Юэцзуна)*. Давайте с вами в сторонке посидим...

Сяо Ци шан ь. Дед Гу!

Гу Юэ цзун. Приказывайте, начальник.

Сяо Ци шан ь. Когда я в следующий раз приду приводить этот гнилой двор в порядок, вы прикиньте, какие парные надписи можно будет повесить на входе.

Гу Юэ цзун. Разрешите мне бесплатно тут жить — я вам сколько угодно надписей придумаю. А не разрешите — буду жить в этом гробу. Решите выселить меня отсюда, я тут же сам себя похороню прямо у вас под ногами. А перед этим повешу на входе парные надписи, только ничего там не напишу.

Сяо Ци шан ь *(смеется)*. Договорились! Я на ваши похороны еще и фокусников с обезьянами найму. *(Оборачивается к Сяо Пэн де.)* Дацзы, убери уже эти отвратительные туфли обратно в чемодан, чего ждешь? Почувствовал себя мартышкой на арене? Или ты хочешь еще посрамиться на глазах у всех?

Сяо Пэн да *(злбно смотрит на окружающих)*. Все заткнитесь! Всем запрещено надо мной смеяться!

Сяо Цишань берет кожаный чемодан, Сяо Пэн да пытается его отобрать. Сначала тянет медленно, потом сильнее и сильнее, завязывается драка. С чемодана отлетают застёжки, из него вываливается галстук, духи, бумажные деньги, бруски золота, все рассыпается по земле. Вместе со всеми вещами из чемодана выскальзывает револьвер. Все стоят в недоумении, раскрыв рты. Отец и сын бросаются к пистолету, но сын оказывается более ловким и хватает его первым, приставляет дуло револьвера ко лбу Сяо Цишаня.

Юань Гочжун *(взволнованно)*. Нет-нет-нет! Не надо! Остановись! Это же твой отец!

Сяо Пэн да. Я прекрасно знаю, кто это!

Цзинь Мужун. Дацзы!

Тянь Цуйлань. Дацзы, не будь идиотом! Не делай глупостей!

Сяо Пэнда. Всем отойти! В сторону! Не трогать меня!

Сяо Цишань (*горько смеется*). Хорошо... Хорошо... Забирай золото! Если хочешь, полностью все заberi. Но пистолет я должен оставить, буду ходить на кладбище стрелять кроликов. Положи его...

Сяо Пэнда. Так не пойдет! Если я его положу... Ты уже не дашь мне забрать с собой остальное.

Гу Юэцзун. Дацзы, ты рассуждаешь слишком обыденно. В одной руке нож, в другой — деньги... Это уже старая песня! Надо что-то новенькое...

Юань Гочжун (*приближается навеселе*). Дацзы... У тебя пушка-то настоящая?

Сяо Пэнда. Не подходите...

Юань Гочжун. В стволе пули-то есть?

Сяо Пэнда. Говорю, не подходите!

Юань Гочжун. Если ствол ненастоящий, то перестань уже тут меня душить. А если настоящий... То давай, выстрели, докажи нам. Послушаем с тобой, громко он стреляет? Ты прям папочке в нос стреляй, попробуй! Ну!

Сяо Пэнда (*теряет самообладание*). ...

Тянь Цуйлань (*в панике*). Гочжун! Ты пьян! Отойди подальше от него...

Чжоу Юйпу (*вот-вот заплачет*). Посмотрите, что происходит... Дожили... У вас еще хватает смелости шутки травить?

Юань Гочжун. Дацзы, раз ты в лоб отцу пистолет направил, можешь заодно в лоб у него и спросить кое-что? Соседская овчарка людей без разбора кусает. За разрушенную стену я уже ущерб возместил, с какой стати я должен платить еще и тем, кто от ее укусов пострадал?

Сяо Цишань (*пытается отвлечь внимание сына*). На тазу для мытья появилась трещина... Это из-за того, что на него кирпич упал.

Юань Гочжун (*словно помешанный*). Стена на западе, а чан для мытья на восточной стороне! В середине двора еще столько всего находится. Ты мне скажи, кирпич прилетел, что ли, чтобы таз разбить? Откуда кирпичу знать, где таз прячется? Разве у кирпича, как у вас, глаза есть?

Сяо Цишань. А почему тогда говорят, что еще чуть-чуть и он на дом упал бы? Управляющий Хуан богат, положение в обществе у него высокое, что он говорит — то и правда. Если ты смириться с этим не можешь, остается только терпеть.

Юань Гочжун. Тьфу ты! Я швырну этот кирпич в вас вместо пули! Дом управляющего Хуана ведь давно ваш!

Сяо Цишань *(пугается, но тут же приходит в себя)*. Я как-нибудь в подробностях тебе расскажу эту историю... Дацзы! Ты весь уже вспотел, опусти руку, отдохни! Я ведь всем сердцем за тебя переживаю, за своего любимого сына.

Сяо Пэнда. Не двигаться! Отец, отпустите меня. Вы обещали мне не препятствовать!

Сяо Цишань. Я тебя и не держал, я просто не дал тебе забрать деньги... Ты должен поступить честно и оставить их мне, у нас большая семья, это все наше состояние. Отдашь — и мы все сможем счастливо жить дальше.

Сяо Пэнда. Вы еще мечтаете о счастливой жизни? В деревнях помещиков уже заставили разделить и раздать собственные земли... А вы все продолжаете переть напролом, присваивать соседское имущество... Никто не знает, кому в итоге все это достанется! Вы сами смерти ищете — так я не мешаю. Я не хочу вместе с вами здесь погибать, перестаньте меня удерживать!

Сяо Цишань. Это не я тебя держу, а кое-кто другой... Думаешь, тебя просто так из тюрьмы раньше выпустили?

Сяо Пэнда. И кто же это? Им жить надоело? Размечтались! Хотят, чтобы я тут сидел? Чтобы притворялся левым? Думают, я смогу? Уже один раз превратили меня в козла отпущения! Я наелся, второго раза не будет! Кто, мать вашу, кем будет притворяться? Я сваливаю отсюда!

Сяо Цишань. Ты слиняешь — никто и не заметит. А твоим отцу с матерью здесь еще дальше жить.

Юань Гочжун. Начальник Сяо, вы разве задумывались, как это — просто жить? Я вот знаю! Дацзы... Твой папа решил, что моей жизни должен наступить конец. Я во сне вижу, как бы его прикончить! Но каждый раз просыпаюсь и вижу, что снова его не поймал, остался с пустыми руками! Дацзы... Если ты хочешь, можешь вместо меня расстрелять этого вредителя, я попрошу Гуань Юя отвернуться. Можешь пойти присесть на тот глиняный чан.

Сяо Пэнда *(направляет пистолет на Юань Гочжуна)*. Ты, мать твою, что за бред несешь?

Юань Гочжун *(очень напуган, все еще пьян, однако старается держаться на ногах)*. Вот это верно! Стреляй же! *(Опускает голову к дулу пистолета.)* Давай, черт возьми, стреляй вот сюда!

Юань Цзяньмяо *(рвется к отцу)*. Дацзы, опусти пистолет!

Чжоу Цзыпин *(удерживает Цзяньмяо)*. Братец Цзяньмяо...

Тянь Цуйлань. Гочжун! Стойте, не шевелитесь... Ни в коем случае не двигайтесь!

Гу Юэцзун. Большеголовый Юань! У тебя в голове и так семь дырок, зачем тебе еще одна от пули?

Юань Гочжун. Никому не подходить! Я сегодня и правда хочу попробовать, дайте ему в меня выстрелить... Дацзы, давай, стреляй уже! Дай мне, наконец, лечь и впасть в забвение! Я в следующей жизни обязательно отблагодарю тебя. Стреляй, ну?

Сяо Цишань *(холодно)*. Тебе, идиоту, жить надоело?

Юань Гочжун. Еще как надоело! Нажился уже, хватит. *(Держит лоб у дула пистолета, давит на него так, что Сяо Пэнда начинает пятиться назад.)* Ты сегодня либо папу грохнешь, либо меня. Честно говоря, я любому выбору буду рад! Вот живет взрослый мужик в большом городе, всю жизнь его только две вещи заботят. Первая — это его сын, вторая — его дом. Я ничего не могу сделать с болезнью сына, значит, живу зря. Присматриваю за домом, который со дня на день развалится, снова мое существование бесполезно. Дацзы, пристрели ты меня уже... Если ты сегодня меня не убьешь, останешься виноватым...

Гу Юэцзун. Дацзы! Послушай, что дедушка скажет. Прострелишь эту большую башку — пользы никакой. Он помрет, а брать тебе с него все равно нечего, золота у него нет. Если хочешь не с пустыми руками уйти сегодня... То ты подумай, выгоднее ведь будет кое-кого другого пристрелить...

Сяо Пэнда *(в истерике)*. Я сейчас тебе башку прострелю!

Гу Юэцзун. Ой, матушка моя...

Пистолет направлен на Гу Юэцзуна, у него подкашиваются ноги, он падает на землю. Гуань Фуду и Большая Куча пытаются его поднять. Сяо Цишань наклоняется, подбирает золото, как картошку кидает его в чемодан. Все уговаривают Сяо Пэнду не стрелять, обстановка перестает быть такой напряженной. Сяо Пэнда, напротив, напуган больше остальных. Он трясется, поднимает пистолет вверх, не знает, в кого целиться. Однако еще больше растерян от того, что не знает, как теперь выйти из этой ситуации.

Сяо Пэнда. Вы... Только что вы насмехались надо мной?

Гу Юэцзун. Зачем мне над тобой смеяться? Эти туфли... Туфли такие пестрые... Выстроились тут напоказ... Стоят уже в очереди на посадку в самолет... *(Чрезвычайно напуган, однако не может сдерживать смех.)* Какие они смешные, эти туфли!

Сяо Пэнда *(стонет в отчаянии)*. Смеешься! Еще раз улыбнешься — и я тебя пристрелю!

Гу Юэцзун. Ай-яй, не надо! погоди, не убивай... Есть кое-что, что не дает мне покоя, я все не могу понять. Ты меня убьешь, а я так правду и не узнаю! Можно... Можно я скажу, ладно?

Сяо Пэнда....

Гу Юэцзун *(говорит с абсолютно серьезным видом, ранее его не видели таким деловитым)*. Большоголовый Юань, ответь мне! Зимой шестнадцатого года республиканской эры ты где взял деньги, чтобы

выкупить у меня этот дом? Скажи, наконец, правду! Тогда я с достоинством приму пулю в лоб, лягу в гроб и больше уже не буду оттуда вылезать... Давай, выкладывай соседям все начистоту! Бедный твой сын, глянть, с какой надеждой он на тебя смотрит... Говори же уже, не молчи!

Абсолютная тишина, все присутствующие переводят взгляды с револьвера на Юань Гочжуна. Он подносит ко рту пустую бутылку из-под самогона, но там нет ни капли. Рассказывает туда-сюда, несмотря на опьянение, все еще может держать под контролем походку и выражение лица. Говорит, растягивая слова.

Юань Гочжун. Прожил здесь у меня бесплатно двадцать с лишним лет, пулю в лоб получишь абсолютно заслуженно.

Гу Юэцзун. Если ты так ничего и не объяснишь, пуля напрасно будет потрачена. Если все расскажешь, то она не впустую прилетит!

Юань Гочжун. Я поклялся... Что даже под страхом собственной смерти не расскажу.

Гу Юэцзун. Тебя убивать будут — ты не скажешь. А если моя жизнь в опасности будет, ты тогда заговоришь?

Юань Гочжун. Заговорю! Скажу... *(Подходит к сыну.)* Сынок, не то чтобы я не хотел рассказывать, сколько ведь лет уже прошло... *(Вдруг начинает задыхаться.)* Твоему папе страшно! Я боюсь!

Юань Цзяньмяо. В конце концов, чего вы так боитесь?

Юань Гочжун. Всего боюсь... *(Подходит к Сяо Цишаню.)* Сегодня мне уже не страшно, я откровенно скажу вам всем, то были деньги коммунистов! Это они спрятали деньги во дворе, это они втайне обозначили мне место, и это они заставили меня пойти и отрыть эти деньги... Тех красных убили, но деньги остались! *(Шепотом.)* Остались мне...

Юань Цзяньмяо *(потрясен, не знает, верить или нет)*. Отец...

Сяо Цишань *(издевательским тоном)*. Ммм... Да тебе подфартило.

Юань Гочжун. Я рассказал, что дальше? Сын... Тогда здесь остался только один красный — тот учитель Хань. Я очень боялся. Нам сказали, что всех коммунистов перестреляют, я еще больше трусить начал. А теперь... Вон, за городскими стенами кругом стоят десять... Двадцать тысяч коммунистов? Теперь чего бояться? Твой папа больше не боится...

Сяо Цишань *(смеется над собой)*. Верно... Теперь наша очередь бояться.

Гу Юэцзун *(ударился, когда упал, говорит неясно)*. Большоголовый Юань... Когда поймали и забрали того коммуниста, я три раза перевернул все в его комнате... Одеяло продырявил, вату вытащил. Всю землю из горшков с цветками вывалил. Прощупал металлическим прутом всю штукатурку на стенах, всю отколол. Даже у куриц

в заднице проверил! Ни одной монеты не нашел! Где ж те деньги-то были спрятаны?

Юань Гочжун *(пинает ногой глиняный чан)*. Глянь, что внутри?

Гу Юэцзун. Бобовая паста. Переваренные и перемолотые желтые бобы.

Юань Гочжун. Пачка за пачкой были сложены и прикрыты этой пастой.

Гу Юэцзун *(у него кружится голова)*. Ох, боже мой! Я ведь лук макал в бобовую пасту, вот в этот горшок... Надо было взять печные щипцы да помешать хорошенько. Если бы ты не рассказал, я никогда бы с миром не упокоился. Но вот ты тайну раскрыл, так я теперь глаз не сомкну! Дацзы! Дай мне свой пистолет на минутку, ладно? Я его пристрелю! Если не прибью его, никогда не упокоюсь с миром...

Сяо Пэнда. Закройте свой рот! Не... Не думайте, что я не выстрелю!

Гу Юэцзун *(как во сне)*. Если тебе хватит смелости стрелять из пистолета, то я тогда из пушки буду палить! Ох, дай только ремень расслаблю...

Большая Куча *(умоляет шепотом)*. Дед Гу, помолчите хоть немножко!

Юань Цзянмяо и Чжоу Цзыпин собирают агитлистовки. Сяо Цишань складывает разбросанные вещи в чемодан. Сяо Пэнда неожиданно сломя голову бежит к туфлям, стреляет в одну из пар. Ван Сююнь визжит, чемодан и листовки снова падают на землю. Каждый из присутствующих и сам стреляющий испуганно подсакивают от громкого звука выстрела.

Сяо Пэнда. Отец... Прошу вас, не трогайте мои сокровища!

Сяо Цишань *(громко)*. Ах ты маленький улюдок!

Сяо Пэнда. Чжоу Цзыпин! Последний раз тебя спрашиваю. Ты хочешь улететь со мной?

Чжоу Цзыпин *(презрительно)*. Прошу тебя не задавать мне больше таких смешных вопросов.

Сяо Пэнда *(умоляет)*. Давай уедем вместе... Я только добуду нам билеты, и улетим вместе из Дундани⁸²! И моргнуть не успеем, как уже окажемся в Шанхае.

Юань Цзянмяо. Дацзы... *(Улыбаясь показывает на гроб)*. Твой самолет — это гроб с крыльями. Хочешь лететь — улетай. Смотри только не повисни на каком-нибудь тополе в Дундане... Будь осторожен!

Сяо Пэнда. У меня нет времени с тобой языком чесать. Чжоу Цзыпин! *(Видит, что она прижалась к Цзянмяо, визжит)*. Я предлагаю

⁸² Дундань — район в Пекине.

тебе такую возможность! А ты отказываешься! Твое последнее слово! Остаешься с ним или улетаешь со мной?

Цзинь Мужун. Дацзы! Давай спокойно все обсудим... Не надо так себя вести, хорошо?

Сяо Пэнда. Нет! Не хорошо!

Улыбка Юань Цзянмяо приводит Сяо Пэнду в бешенство, он стреляет в другую пару обуви. Ван Сююнь снова визжит и падает в обморок. Стоящие рядом уносят ее в западный флигель.

Тянь Цуйлань. Сююнь! Сююнь, очнись! Сююнь!

Гуань Фудоу. Живот! Аккуратно, живот... Не нажимайте ей на живот!

Цзинь Мужун (*встает на колени перед Иисусом, в отчаянии крестится*). Боже милостивый! Прошу тебя! Если ты видишь нас, страдальцев, спаси нас! Аллилуйя!

Юань Гочжун. О, мудрейший Гуань Юй! (*Поглаживает статую, внимательно следит за пистолетом.*) На кого падет твоя кара, тот ее заслужил... Кто провинился перед тобой сегодня?

Сяо Пэнда. Чжоу Цыпин! Ты еще пожалеешь, что презирала меня! Вы все! Пожалеете, что смеялись надо мной! Вы... Вы...

Юань Цзянмяо. Вот сам скажи, разве ты не похож на крысу? Вот и поджала крыса хвост...

Сяо Пэнда. Смелый такой, ну-ка повтори! Кто крыса?

Юань Гочжун (*пытается разрядить обстановку*). Никто, никто! Тебе послышалось.

Юань Цзянмяо. Просадили все семейное состояние, а теперь линяете? Так проваливайте! Вы впрямь словно стая крыс. Собирайте свою рухлядь и проваливайте отсюда!

Юань Гочжун (*в страхе*). Сынок... Ты зачем к ним цепляешься?

Сяо Пэнда (*еще немного и заплачет*). Чжоу Цыпин... Ты ведь мне обещала! Если ты со мной не уедешь, я его прибью! Я прямо здесь его прикончу!

Сяо Пэнда неожиданно взмахивает пистолетом и направляет дуло на Юань Цзянмяо. Юань Гочжун выбегает вперед, закрывает сына, кричит. Выстрела не слышно, но опасность уже слишком велика. Все боятся предпринимать какие-либо отчаянные шаги. Юань Гочжун, словно мама-курица над цыплятами, раскидывает руки в стороны и закрывает Юань Цзянмяо и Чжоу Цыпин. Расплывается в заискивающей улыбке. Сяо Пэнда дрожит всем телом, пистолет в его руке тоже трясется. Он уверен, что все окружающие продолжают издеваться над ним.

Юань Гочжун. Дацзы! Ты такой хороший парень... Если сегодня тебе во что бы то ни стало нужно кого-то убить, то настоятельно рекомендую выбрать именно меня. Я не могу позволить тебе пристрелить моего сына.

Сяо Пэн да. Посторонитесь!

Юань Гочжун. Моему сыну и так живется очень не просто... На шестнадцатый год республиканской эры господина Ханя, живущего у меня, схватили. Вместе с ним в участок забрали и меня. Моя жена тогда была беременна, ей пришлось бежать с огромным животом. Ее поезд доехал до Чансиндяня, а дальше не пошел, ей пришлось идти пешком по рельсам. Моей жене было нечего есть, нечего пить, но она продолжала путь и в итоге смогла вернуться в Динчжоу⁸³. До родительского дома еще оставалось три версты⁸⁴, но она совсем обессилела. Под сильным ливнем на каком-то перекрестке она родила нашего сына... Не дотянув до порога дома, она скончалась. Мой сын с самых первых минут жизни оказался под проливным дождем... Ему правда пришлось нелегко.

Ван Сююнь (*мучительно стонет в западном флигеле*). Мама! Мама!

Гуань Фудоу (*визжит*). Кровь! Мама, смотрите... Циновка в крови!

Тянь Цуйлань (*испуганно*). Точно рожать начала! Либэнь, скорее... Разжигай кухонную печь, носи воду!

В западном флигеле начинается толкотня, все напряжены. Кажется, что ситуация становится только сложнее. Признаков улучшения нет. Ван Либэнь выбегает из комнаты с чугунным тазом, несется прямо к Сяо Пэн де. Непонятно, рассеян Либэнь или действительно хочет врезать этим тазом по голове противника.

Сяо Пэн да. Стойте! Не приближайтесь!

Юань Гочжун (*напоминает*). Кухонная печь в той стороне!

Ван Либэнь. ...О! (*Остолбенело разворачивается и двигается в сторону кухни*.) В той?

Юань Гочжун. Дацзы, убери пистолет. Послушай, давай поговорим спокойно.

Сяо Пэн да. Я не хочу ничего слушать! Не буду... Отойдите от меня!

Юань Гочжун. Дацзы! Нужно быть добросовестным человеком... В детстве ты воровал у меня финики. Как-то раз я тебя поймал, хотел тебе прописать две оплеухи, но мой сын не позволил мне этого сделать. Он боялся, что тебе будет больно... Сейчас ты хочешь всадить пулю ему в голову, как думаешь, ему будет больно? Цзянямя с детства и до сих пор всегда был гуманным и справедливым. Никто из вас с ним не сравнится... Встретив нищего на улице, я никогда не подавал милостыню, но сын тянул меня за руку, не давал уйти. Просил, чтобы деньги на его сладости я отдал попрошайке... Либэнь с женой платят мне деньги за жилье, а за то, что они тут ведут свою торговлю, я с них

⁸³ Динчжоу — уезд городского округа Баодин провинции Хэбэй.

⁸⁴ Китайская верста — примерно 0,5 км.

денег не беру. С какой стати? А все потому, что сын мне не разрешает. *(Показывает пальцем на Чжоу Юйну.)* Когда вы сюда въехали, некуда было складывать ваши мешки с лекарственным порошком. Так мы построили сарай на заднем дворе, я ни медяка с вас не спросил... Сын запретил! А вы... *(Показывает на Гу Юэцзуна.)* Дед Гу! Я все хотел вас выгнать... Вы думаете, это я постеснялся чего? Да все потому, что сын мне запретил вас выгонять! Вы недовольны, что он болеет, что харкает кровью около вашей двери. А были бы на нашем месте другие хозяева, разве вы еще жили бы здесь? Цзяньмяо заставил меня сделать перегородку между вашими комнатами на втором этаже, отдельную лестницу соорудить, чтобы он сам мог спускаться, вам не мешать. Он справедлив! Он честен! А ты... Хочешь его застрелить...

Юань Цзяньмяо. Папа... Не нужно все это рассказывать ему!

Юань Гочжун *(громко)*. А ты помолчи! Пистолет все еще нацелен на тебя! Дацзы, хватит трястись, успокойся. Я надеюсь, что ты не пристрелишь моего сына. Но подозреваю, что ты можешь потерять самообладание и все-таки убить меня. Пока я жив, хочу воспользоваться возможностью и высказать все, что накопилось у меня на душе. Постараюсь побыстрее, чтобы тебя не томить... Сынок! Выслушай меня. Когда я приехал в Динчжоу забрать тебя, твои дядьки вышли мне навстречу с дубинами, собираясь поколотить. Говорили, что я красный, что я свел в могилу твою мать. Разве я был коммунистом? Сынок, если бы ты не подхватил чахотку, то они, верно, и не отдали бы тебя так легко! Сын! Когда ты начал делать первые шаги, я стал возить тебя гулять по железнодорожным путям. Ты подрост, часто гулял там в одиночестве. Садился на камень рядом с дорогой, играл на губной гармошке, смотрел куда-то на юг... Скучал по матери! Верно, сынок?

Юань Цзяньмяо *(печально)*. Отец... Хватит рассказов.

Юань Гочжун. Я виноват перед твоей матерью, я был слишком строг... Мне надо было держаться подальше от этих коммунистов! Нужно было и тебя к ним не подпускать... Я так жалею, каким глупым я был! По невнимательности я оставил здесь губную гармошку учителя Ханя. Думал, что это хорошая дорогая игрушка, рука не поднялась выбросить. Но ведь чего боишься — то и случается. Наверное, это мое возмездие? Сынок, я мечтаю о том, чтобы ты сидел дома, берег свое здоровье. Я днями и ночами переживаю за твою хрупкую жизнь. А ты? Ты словно сам ждешь, пока болезнь сломает тебя, как высохшую веточку. *(Трясет листовкой.)* Ты еще и в это ввязался! Учитель Хань ни капли не дорожил своей жизнью... Неужели ты тоже совсем ее не ценишь?

Чжоу Цзыпин. Дядя Юань! Не печальтесь...

Юань Цзяньмяо. Папа, не стоит переживать обо мне... Я заслужил.

Юань Гочжун. Заслужил... *(Всхлипывает.)* А я не заслужил! Я ничего не хочу, у меня ничего не осталось... Все, что мне нужно — это мой сын! Дацзы! *(Теряет контроль над чувствами, гневно смотрит на противника.)* Если хоть волос упадет с головы моего сына, я проглочу тебя заживо! Понял?! Мой сын коммунист, значит, и я, мать твою, коммунист! Если ты такой смелый, то давай, стреляй! Как думаешь, те, кто сейчас окружили город с ружьями и пушками, пощадят тебя после этого? А твоего отца?

Сяо Пэнда *(подозревает, что отец или Большая Куча выжидают удобный момент, чтобы выхватить пистолет, боится, визжит).* Не подходите! Никому не приближаться! Всем сделать несколько шагов назад! Кто не отойдет, в того стреляю!

Сяо Цишань *(в отчаянии, потеряв надежду).* Ты, черт возьми, сам нарываешься! Еще меня хочешь во все это втянуть?

Ван Сююнь *(схватки усиливаются, стонет).* Мама! Больно... Ужасно больно!

Гуань Фудоу *(всхлипывает).* Мама, спасите ее! Ей совсем плохо... Помогите ей, скорее же!

Тянь Цуйлань *(голос звучит очень собранно, спокойно).* Хватит ныть! Уйди куда подальше, не мешайся под ногами! *(Выбегает на улицу, зовет на помощь, паникует.)* Моей дочери плохо! Кажется, не разродится! Помогите... *(Как будто хочет сказать что-то Цзинь Мужун, но вспоминает, что пистолет все еще направлен на Цзянмяо.)* Прошу!

Роженица воем так, как будто ее убивают. Тянь Цуйлань забегает обратно в западный флигель. Чжоу Юйпу ходит кругами вокруг жены, молится с закрытыми глазами. Он волнуется, потирает руки, притопывает ногами. Большая Куча ведет себя так, словно все происходящее его не касается. Однако упорно старается подойти как можно ближе к Сяо Пэнде. Ван Либэнь выбегает из комнаты с тазом грязной воды. Вытаращив глаза несется на Сяо Пэнду, случайно роняет таз, вода выливается на землю. Сяо Пэнда столбенеет от неожиданности. В этот момент Большая Куча и Юань Гочжун бросаются на него, пытаются зажать руку с пистолетом.

Юань Гочжун. Отпусти! Ты, отродье, выпусти пистолет!

Сяо Пэнда. Отпустите меня! Пустите...

Большая куча. Ублюдок! Твой отец наглый, а ты еще хуже, чем он!

Гу Юэцзун. Кто нож схватит, того он и будет... Кто здесь самый смелый и готов все на кон поставить?

Сяо Цишань. Дацзы, выпусти пистолет! Отдай им!

Большая Куча. Говорят, Восьмая армия вот-вот войдет в город. Ты еще смеешь противиться? Сейчас ты у меня...

Сяо Цишань. Дацзы, отдай им пистолет! Они все равно тебя не отпустят.

Чжоу Юйпу. Только не я! Только не целься в меня! Нет!

Большая Куча, Сяо Цишань, Сяо Пэнда сцепились в схватке. Ван Либэнь и Чжоу Юйпу всеми силами стараются уклониться, чтобы пистолет не смотрел в их сторону. Все машут руками и ногами, кричат. Вдруг раздается выстрел. Гу Юэцзун беззвучно падает на колени, словно в него попала пуля. Однако тут же встает на ноги. Пистолет с громким стуком падает на землю, непонятно, в кого попал выстрел. Кажется, никто не ранен, все стоят словно статуи. Ван Либэнь поднимает пистолет, не знает, куда его выкинуть. Всем хочется держаться от оружия подальше, словно это ядовитая гадюка. Ван Либэнь выходит за ворота, поднимает крышку повозки с нечистотами, кидает пистолет внутрь. Юань Гочжун обнаруживает на своем ватнике огромную дыру, из нее торчит вата. Ко всеобщему удивлению начинает громко смеяться.

Юань Гочжун *(показывает всем ватник)*. Гляньте! Не прострелил! Пуля по ватнику прочертила!

Юань Цзяньмяо *(взволнованно)*. Отец, с вами все в порядке? Отец!

Юань Гочжун. Ничего страшного! Не попал... Вот так повезло, да? Ни в кого не попал! Он... *(Вдруг колени сгибаются, тело обмякает, но он тут же вскакивает обратно, продолжает шутить.)* Дацзы, ты от страха обезумел или умом тронулся? У вас в семье уже есть одна сумасшедшая, ты бы отца пожалел... *(У него снова подкашиваются ноги, он чуть не падает, но продолжает смеяться, пугает всех присутствующих.)* Дед Гу! Вы, небось, перепугались, что я ваш гроб займу вперед вас? Перепугались, что я вас обойду, да?

Гу Юэцзун *(меняется в лице)*. Большеголовый, ты что, штаны обмочил?

Чжоу Юйпу *(смотрит на землю)*. Кровь... Братец Юань, у вас кровь идет!

Юань Цзяньмяо *(не может поверить своим глазам)*. Папа!

Кровь капает со штанов Юань Гочжуна на землю. Вата, торчащая из дыры в ватнике, тоже пропиталась кровью. Юань Гочжун поднимает ладонь к лицу, недоумевает, откуда взялись кровавые пятна. В западном флигеле все стоят на ушах. Тянь Цуйлань выбегает, зовет на помощь. Только открывает рот, как тут же застывает.

Юань Гочжун. Все-таки попал... *(Мрачно усмехается, постепенно начинает опускаться на землю.)* Я зря радовался?

Юань Цзяньмяо. Папа! Отец... *(Пытается поддержать отца, но вместе с ним падает на землю.)* Папа! Папа! *(Крепко держит отца за плечи, переполнен горем.)* Отец, не обращайтесь внимания! Все в порядке! Папа...

Тянь Цуйлань. Мяо-цзы! Посторонись, дай я посмотрю!

Чжоу Цзыпин *(похлопывает Цзяньмяо по спине, чтобы тот откашлялся)*. Братец Цзяньмяо, не переживай! Цзяньмяо...

Юань Цзянмяо (*крепко держит отца, не выпускает из рук*). Отец! Земля холодная, обопритесь на меня! Наклонитесь ко мне... (*Плачет.*) Папа...

Гу Юэцзун (*поднимает коробочку со сверчком*). Большоголовый! Слышишь, Император запел? Если слышишь, значит, все в порядке с тобой! Давай-ка, наостри уши!

Юань Гочжун (*мрачно смеется*). Навострил... Слышу, как поет. Не очень-то мелодично!

Большая Куча (*оттягивает Гу Юэцзуна*). Не лезьте! Стойте здесь, не мешайте.

Гу Юэцзун (*вынимает деньги*). Держи!

Большая Куча. Вы чего это?

Гу Юэцзун. Срочно найди рикшу, надо быстрее везти его в больницу!

Большая Куча. Вот это вы по-человечески! Дед Гу... (*Выбегает из двора.*) Преклоняюсь перед вами!

Сяо Цишань. Куча, погоди!

Большая Куча. Чего вам?

Сяо Цишань. У меня с собой денег нет. Но вон сколько на земле валяется... Бери сколько нужно.

Большая Куча. У меня не такие загребушие руки...

Сяо Цишань. Сколько хочешь трать, родители за него рассчитаются.

Большая Куча. Под какой процент?

Сяо Цишань поперхнулся.

Большая Куча (*уходит с презрительным видом*). Можете все себе оставить.

Тянь Цуйлань. Цзянмяо, отпусти отца. Дай я расстегну верхнюю пуговицу у него на ватнике!

Юань Гочжун. Не суетись... Цуйлань...

Тянь Цуйлань. Помолчите!

Юань Гочжун. Идите позаботьтесь о роженице... О покойниках... Переживать не стоит... А?

Тянь Цуйлань. Не говорите ерунды.

Ван Сююнь (*вопит*). Мама! Умираю... Дайте мне помереть... Мамочка!

Юань Гочжун (*шутит*). Дурочка... Не пришло еще время умирать! Ты еще в самом конце очереди стоишь... (*Трясет Тянь Цуйлань за руку.*) Добрый человек! Никакой бессмертный не сможет причинить вам вред...

Тянь Цуйлань (*плачет*). И вам тоже! Братец Юань...

Юань Гочжун. Мой сын... Присмотрите за ним... Позаботьтесь...

Тянь Цуйлань. Конечно! Об этом можете не переживать. Я все знаю.

Юань Гочжун. Идите... Этот подлец вас ждет. Поторопитесь!

Чжоу Юйпу (*занимает место Тянь Цуйлань*). Давайте я! Позвольте... (*Кричит, обернувшись назад.*) Мужун! Скорее неси жгут, лекарство и стерилизованную вату! Побыстрее! (*Обращается к Чжоу Цзыпин.*) Цзыпин, помоги мне его приподнять.

Гу Юэцзун (*подходит к рыдающей Цзинь Мужун*). Старшая гэгэ, потревожу вас... Пошевеливайтесь-ка! (*Грубо.*) Вот бабы! Рожают ли кто, умирает ли, все вас за руку тянуть надо! А?

Цзинь Мужун (*встает, бежит в восточный флигель*). Все мы грешники! Смилуйся над нами, о Всевышний! Алиллуйя!

Сяо Цишань (*видит, что сын неподвижно застыл рядом, не может сдержать гнев*). Ты чего встал как вкопанный? Катись отсюда, да побыстрее! Убирайся восвояси! Чтобы я тебя больше не видел! В моих глазах ты умер! Ах ты сукин сын, даже не думай больше возвращаться!

Сяо Пэнда в замешательстве, собирает вещи в свой чемодан. Совершенно неожиданно решает запихать туда и туфли. Сяо Цишань хватает одну из пар, со всей мочи ударяет ими сына по спине. Сяо Пэнда стремглав убегает. У выхода из двора оборачивается, бросает взгляд на Чжоу Цзыпин, не в силах оставить ее. Цзинь Мужун выходит из комнаты, отдает часть медицинских принадлежностей мужу, разворачивается и бежит в западный флигель. Тянь Цуйлань окликает ее, женщины на мгновение застывают, смотрят друг на друга. Цзинь Мужун протягивает стеклянную бутылку Тянь Цуйлань.

Цзинь Мужун (*после паузы*). Найдите мне миску побольше.

Тянь Цуйлань...

Цзинь Мужун. Я вылью туда спирт. Так удобнее полоскать ножницы.

Тянь Цуйлань. Ага!

Цзинь Мужун. Налейте кипятка и насыпьте туда немного соды. Промойте в этом растворе руки, смойте грязь.

Тянь Цуйлань. Да! Как скажете... (*Заходит за Мужун в комнату.*) Буду делать все, как вы говорите!

Юань Гочжун. Сынок! Со мной все в порядке... Сын... (*Чувствует, что конец близок, сокрушается.*) Папа еще не все сказал... А пуля уже меня настигла...

Юань Цзянмяо (*крепко обнимает отца, беззвучно рыдает*). Не говорите... Обопритесь на меня, не разговаривайте.

Юань Гочжун (*вытирает слезы сыну*). Сынок... Папа виноват перед тобой...

Ю а нь Ц з я н м я о *(умоляет)*. Ничего не говорите!

Ю а нь Г о ч ж у н *(громко)*. Папа виноват перед учителем Ханем! Те деньги предназначались не для меня... Это были его сбережения... Моя ушлая душонка не стерпела! Сынок...

Ю а нь Ц з я н м я о. Ничего не говорите! Я не виню вас... Отец!

Ю а нь Г о ч ж у н *(уставился в пустоту, бормочет невнятно)*. Учитель Хань наказал мне... Отнести деньги на южный берег, в дом номер шестнадцать... Передать их кому-то по фамилии Чжу... Я ходил туда, но нашел лишь конфискованный дом!

Ю а нь Ц з я н м я о. Дядя Чжоу... *(Зажимает рану отца, но безрезультатно)*. Что делать? Я никак не могу остановить кровь... Спасите его, скорее!

Ч ж о у Ю й п у. Не переживай, сынок... *(Сам тоже плачет)*. Нам всем нужно успокоиться!

Ю а нь Г о ч ж у н. В свободное время я приходил к этому шестнадцатому дому, сидел на корточках под деревом напротив... Проливной ли дождь... Сильный ли снегопад... Я все сидел... Полгода я не смел потратить ни медяка из тех денег! А когда дед Гу собрался продавать свой дом, тут-то моя алчная душонка не выдержала. Я потратил все до последней монеты!

Ю а нь Ц з я н м я о *(в помешательстве закрывает рану отца двумя руками)*. Дядя Чжоу! Помогите мне... Кровь не останавливается! Никак не получается... Папа! Перестаньте истекать кровью! Хватит! Еще немного — и вам наступит конец!

Ю а нь Г о ч ж у н. Сынок... *(Ему словно становится лучше перед смертью)*. Когда взрослый мужчина без гроша за душой слоняется по городским улицам... Не дело это... Твой папа всегда мечтал иметь свой собственный дом! Но те деньги... Они принадлежали не мне, а другому человеку... Сынок! Если ты будешь меня ругать, что я прикарманил те деньги, ты будешь абсолютно прав... Твой папа получил свое возмездие...

Ю а нь Ц з я н м я о. Отец! Это я виноват перед вами... *(Хочет схватить руку отца и ударить ей себе по лицу, но не может удержать, горько плачет)*. Ударьте меня! Давайте! Папа! Как я виноват перед вами...

Ч ж о у Ц з ы п и н *(удерживает Цзянмяо, рыдает)*. Братец Цзянмяо... Не надо!

Ю а нь Ц з я н м я о *(сильно кашляет)*. Отец...

Ю а нь Г о ч ж у н. Либэнь! Либэнь...

В а н Л и б э н ь. Я здесь.

Ю а нь Г о ч ж у н. Принеси пампушку! Быстрее... Обмакни ее в мою кровь... Это лекарство... Скорее! Будете возиться долго, кровь так застынет... Сынок... У папы руки грязные, съешь... Это вылечит твою болезнь... Давай! Принеси пампушку для моего Цзянмяо...

В западном флигеле все постепенно успокаивается. Ван Либэнь несет плетеную корзину, склоняется на колени около Юань Гочжун. Разламывает пампушку на части, макает в кровь. Сяо Цишань трусливо жмет к стене, не знает, как себя вести. Охает и ахает, сложив руки в карманы. Чжоу Юйпу достает из кармана Юань Гочжуна окровавленный документ на право владения домом, отдает Гу Юэцзуну.

Тот хватается документ, трясет его перед лицом Сяо Цишаня.

Гу Юэцзун. У Большоголового Юаня такая липкая кровь. Вы бумажку-то эту заберете?

Сяо Цишань. Не спешите. Солнце еще не встало. Пока оставь ему.

Юань Гочжун (*слышит, приободряется*). Начальник Сяо... Вам еще хватит смелости забрать мой документ?

Сяо Цишань. Тут не в смелости дело.

Юань Гочжун. Да я и не собирался вам его отдавать. Дом куплен на деньги другого человека. Ему и надо передать.

Сяо Цишань (*падает духом, не находит подходящих слов, смотрит на снежинки в небе*). Снег пошел...

Юань Гочжун (*теряет сознание*). Брат Либэнь... Виноват перед тобой...

Ван Либэнь (*равнодушно*). Знаю... Все знаю.

Гу Юэцзун. Что это вы знаете?

Ван Либэнь. Я знаю, что это красное на земле... Это черное в животе тоже мне знакомо... (*Роняя слезы.*) Это блестящее в глазах... Соленые ли капли, кислые ли, неважно... Все вода! Если бы это было мне незнакомо... Я, черт возьми, прожил бы эту жизнь зря.

Гу Юэцзун (*установился на Майтрею*). Хорошо сказал... Все время как немой... А как сказать может.

Юань Гочжун. Дед Гу... Зря вы старались. Гроб-то мне достанется...

Гу Юэцзун. Я тебе коробочку со сверчком с собой положу. Выберу только, который лучше поет, он тебе компанию составит.

Юань Гочжун. Вы мне... Для меня... Выгодно для меня вышло!

Гу Юэцзун (*улыбается всем троим святым*). Точно! Выгодно тебе. Большоголовый Юань! Где ж ты большоголовый... Да ты просто мелкий транжира!

С неба падает снег, сверкающие и прозрачные хлопья. Гу Юэцзун улыбается Майтрее, но плечи его трясутся, на самом деле он плачет. Сяо Цишань поднимает туфлю, расстроено спускается по лестнице. Видит, как Большая Куча воодушевленно несется к воротам дома, уступает ему дорогу.

Большая Куча. Сдались! Они сдались! Всё, местные покорились!

Сяо Цишань. Сдались?

Большая Куча. Да!

Сяо Цишань. Все... *(Роняет туфлю, переминается с ноги на ногу, уходит.)* Сдались...

Большая Куча *(подбегает к Юань Гочжуну)*. Брат Юань! Гочжун! Я уже позвал рикшу...

Юань Гочжун *(при смерти, лежит в объятьях сына)*. Куча... Мой сын учится на ремонтника железной дороги...

Большая Куча *(остолбенело)*. Я знаю!

Юань Гочжун. Мой сын... Он любит читать...

Большая Куча *(понимает, что дело плохо)*. Рикша уже ждет у входа в хутун, давайте пойдем!

Юань Гочжун. Поезд гудит... Не поедем на рикше... Мой сын чинит железные дороги... Мой сынок... Он хочет отправиться в Новый Китай...

Большая Куча. Отлично! Вместе отправимся... Все вместе держим путь на Новый Китай!

Юань Гочжун. Куча... Ты... *(Слабо двигает рукой.)* Ты должен прилично себя вести...

Большая Куча. Понял! Как скажете... *(От волнения у него перехватывает дыхание.)* Я обязательно буду хорошо себя вести, можете быть спокойны.

Юань Гочжун *(ищет руку сына, крепко сжимает)*. Сынок...

Юань Цзянмяо *(крепко, изо всех сил обнимает отца)*. Папа!

Юань Гочжун. Сыграешь папе?

Юань Цзянмяо. Да.

Юань Гочжун. Сыграй что-то счастливое... Я знаю, твоя мама тоже слушает. Я так скучаю по ней...

Юань Цзянмяо вытаскивает губную гармошку, плачет, начинает играть. В итоге у него получается сыграть связную мелодию. Из западного флигеля доносится плач новорожденного. Мелодия прерывается на мгновение, но потом снова начинает плавно звучать. Под покровом ночи замолкают и живые, и мертвые. На деревьях, которые уже потеряли всю листву, внезапно раскрываются пестрые, яркие цветы. Вместе с падающими искрящимися хлопьями снега они образуют картину удивительной красоты. Под звонкие крики младенца занавес медленно опускается. Грустная мелодия губной гармошки постепенно становится быстрой, веселой, символизируя твердость духа и убеждений.

Конец пьесы

28 декабря 2008 г. — первое издание

19 января 2009 г. — второе издание

18 апреля 2009 г. — третье издание

СОДЕРЖАНИЕ

Шедевры современной китайской драмы	3
Тянь Хань. Красавицы	
Перевод Ю. Ю. Булавкиной	13
Го Цихун. Ли Бо	
Перевод Д. И. Маяцкого	108
Хэ Цзипин. Первый терем в Поднебесной	
Перевод Е. Н. Емельченковой	172
Го Шисин. Птичники	
Перевод Е. Г. Орловой	252
Цзоу Цзинчжи. Я люблю цветы персика	
Перевод М. Я. Пономаревой	310
Лю Хэн. Пампушечный двор	
Перевод В. А. Муравьевой	357

Литературно-художественное издание

КРАСАВИЦЫ

Антология современной китайской драмы

Редактор Н. А. Мирзоева

Корректоры Т. В. Хорошавина, Ю. А. Стрельбицкая

Компьютерная верстка А. М. Вейшторт

Обложка Е. Р. Куныгина

Подписано в печать 08.04.2022. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 28. Тираж 500 экз. Заказ № 3999

Издательство Санкт-Петербургского университета.

199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.

Тел./факс +7(812) 328-44-22 • publishing@spbu.ru

Санкт-Петербургский филиал ФГУП «Издательство “Наука”».

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12.